

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

2

Раннее новое Время

Под редакцией С.П.Карпова

Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
и специальности "История"

Издательство
Московского университета

Издательский Дом
ИНФРА-М

2000

УДК 93/99(075.8)

ББК 63.3(0)4я73

И90

*Федеральная целевая программа
книгоиздания России*

Редколлегия:

*Л.М. Брагина, В.М. Володарский, О.В. Дмитриева,
Э.Э. Литаврина, С.Л. Плешкова, А.А. Сванидзе, Н.А. Хачатурян*

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории Российского университета дружбы народов
(зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. *А.А. Маслов*);
д-р ист. наук, проф. *И.Я. Эльфонд*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

И90

История средних веков: В 2 т. Т. 2: Раннее новое время:
Учебник / Под ред. С.П. Карпова. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М,
2000. – 432 с.

ISBN 5-211-04120-8 (Т. 2)

ISBN 5-211-03752-9

ISBN 5-16-000258-8 (Т. 2)

ISBN 5-86225-513-3

Во втором томе учебника излагается история стран Европы в позднее средневековье (раннее новое время) – XVI – середина XVII в. Показаны коренные изменения в экономическом, социальном и культурном развитии Европы, возникновение раннекапиталистических отношений, Великие географические открытия, коренные перемены в государственной структуре Германии, Англии, Франции. Большое внимание уделено общеевропейским процессам, таким как Реформация, Контрреформация, Возрождение. Освещаются история первой общеевропейской войны – Тридцатилетней – и ее последствия для развития региона. Для студентов исторических факультетов.

УДК93/99(075.8)

ББК 63.3(0)4я73

ISBN 5-211-04120-8 (Т. 2)

ISBN 5-211-03752-9

ISBN 5-16-000258-8 (Т. 2)

ISBN 5-86225-513-3

© Издательство Московского университета, 2000

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Глубокие сдвиги, происходившие в период позднего средневековья в социально-экономической жизни общества, становление новых форм идеологии, изменение самой "картины мира" и восприятия ее средневековым человеком сказались на характере исторических источников, рожденных столь сложной действительностью и отражавших ее. В эту переходную эпоху возникали новые виды источников, которые сосуществовали с традиционными.

Количество дошедших до нас письменных памятников XVI—XVII вв. неизмеримо возросло по сравнению с предшествующим периодом. Это объясняется изменениями в экономической жизни общества, прогрессом производства, ростом торговли, что потребовало совершенствования деловой документации; усложнением функций и расширением сферы деятельности государства; общим повышением уровня культуры, распространением грамотности. Огромную роль сыграло развитие книгопечатания, которое значительно облегчило и ускорило публикацию книг и других изданий, увеличило их тиражи. Хорошая сохранность источников XVI—XVII вв. объясняется также изменившимся отношением к хранению документов: развитием архивного дела, совершенствованием государственных и частных собраний и библиотек.

Большинство письменных источников этого времени написано на национальных языках. Близость языковых норм XVI—XVII вв. к современным существенно облегчает работу с ними. Латынь сохранила свои позиции в международных договорах, дипломатической переписке, корреспонденции монархов, государственных деятелей, ученых, в некоторых научных трактатах и произведениях исторического жанра, а также как официальный язык католической церкви.

Обширную группу составляют *документальные источники*. Совершенствование делопроизводства привело к существенному упрощению формы и к унификации документов в западноевропейских странах. Преимущественно на основании этого материала складываются наши представления об экономике и социальных отношениях эпохи.

В XVI—первой половине XVII в. были по-прежнему широко распространены традиционные документы, фиксирующие феодальные поземельные отношения: государственные земельные кадастры, сеньориальные описи земель — рентали, записи крестьянских повинностей, общинные уставы. Однако наряду с этим увеличилось число договоров срочной аренды, что свидетельствовало о постепенной замене крестьян-держателей арендаторами. Арендные договоры сохранились в сравнительно небольшом количестве, так как срок их действия был обычно непродолжительным и их не стремились собирать. Такая же участь постигла частные деловые бумаги раннекапиталистических фермеров. Потребовалось время, чтобы в фермерском хозяйстве возникла столь же отлаженная система документации, как в феодальной вотчине. Эти пробелы восполняют многочисленные частные акты — купли-продажи земли, залога, дарений, завещаний, долговых обязательств, которые позволяют проследить процессы разложения крестьянской общины и выделения из нее раннекапиталистических элементов, проникновения в деревню городского капитала, разорения феодальной аристократии и перемещения земельного фонда в руки новых собственников.

На документальном материале базируются и наши представления о состоянии производства и торговли. К сожалению, делопроизводство ранних мануфактур почти не сохранилось. Сведения же об уровне развития и формах организации производства можно почерпнуть из цеховых уставов и регламентов, королевских грамот мастерам, договоров паевых товариществ, патентов на изобретения и новые производства. Торговые и счетные книги, коммерческая переписка частных лиц, купеческих и банковских компаний, их членские списки и хартии, лицензии, отчеты торговых палат и бирж отражают историю торгового капитала в XVI—XVII вв. Косвенные данные об уровне доходов и росте торгового и промышленного капитала можно извлечь также из брачных контрактов, завещаний, посмертных инвентарных описей имущества, налоговых списков.

Богатейшая информация относительно самых разных сторон социально-экономической жизни содержится в документах государственных учреждений и ведомств: центральных органов (королевских советов, канцелярий, казначейств, адмиралтейств, судебных и счетных палат) и местной администрации. Во второй половине XVI в. зародилась система записи актов гражданского состояния (рождений, браков, смертей) в регистрационных книгах церковных приходов, а позднее — и светских властей. Они являются важным источником сведений по демографии, генеалогии и социальной истории в целом.

Фонд документальных источников, имеющих первостепенное значение в исследованиях по политической истории, поистине не-

объятен и разнообразен по характеру. Это акты монархов и государственных учреждений, королевских советов и органов сословного представительства (протоколы заседаний ассамблей, парламентские списки и журналы), официальная переписка и личные архивы политических деятелей, обширная документация местной администрации и судебных органов. История международных отношений отражена в текстах договоров, дипломатической переписке, личной корреспонденции монархов, в правительственных инструкциях посольствам и донесениях послов при иностранных дворах, среди которых в XVI—XVII вв. выделялись своей осведомленностью в европейских делах послы Венеции.

Обширен фонд документов церковной администрации на всех ее уровнях — от прихода до римской курии, включающий переписку пап, их буллы, донесения в Рим легатов и нунциев, миссионеров, протоколы заседаний синодов и соборов, собраний кальвинистских общин, церковных судов, инквизиции, индексы запрещенных книг, послания и программные документы идеологов Реформации и других видных деятелей церкви.

В эпоху позднего средневековья значительно возросла роль королевской власти. Централизованное абсолютистское государство расширяло сферу своей деятельности, стремясь охватить и поставить под контроль все стороны жизни общества. Это выразилось в усилении его законодательной активности и сказалось на содержании *законодательных памятников*. Значительное место в законодательстве XVI—XVII вв. занимало экономическое регулирование — регламентация производства и торговли, объема и характера экспорта и импорта, таможенных пошлин и т.д. При этом государство зачастую стало брать на себя функции, свойственные ранее пекхам и гильдиям, устанавливая своими актами стандарты качества товаров, их виды и цены на них. Законодательные памятники этого времени отражают также практику абсолютизма в аграрной сфере, в решении финансовых вопросов (законы о сборе налогов, государственных займах, военных, строительных и корабельных сборах) и социальных проблем ("кровавое законодательство" против экспроприированных крестьян, законы о заработной плате, о помощи бедным и т.д.).

В эпоху Реформации объектом законодательства светского государства становятся и вопросы церковного устройства и вероисповедания. Появились акты, закреплявшие новые отношения между королевской властью и церковью (подобные "Акту о супрематии" в Англии — см. гл. 11), устанавливающие приоритет той или иной религии в стране (например, "Нантский эдикт" Генриха IV во Франции — см. гл. 12), указы, преследующие инакомыслящих (так называемые плакаты против еретиков в Испании, Нидерландах —

см. гл. 8, 9). В протестантских государствах даже утверждение официального Символа веры стало прерогативой светской власти и оформлялось соответствующим законодательным актом. К разряду законодательных памятников относятся также постановления римских пап, церковных соборов и синодов.

Значение *нарративных источников* для изучения проблем социально-экономической и отчасти политической истории в эту эпоху несколько снижается из-за обилия и полноты документального материала. В ряду нарративных источников выделяются прежде всего *исторические сочинения*. Переходный характер эпохи отразился и на произведениях этого жанра. В XVI — первой половине XVII в. еще продолжает создаваться большое количество хроник, в особенности локальных и городских. Но на смену хроникам, принадлежавшим к средневековой историографической традиции, с их слабым обобщением фактов, наивной верой в чудеса и провиденциализмом, приходят исторические сочинения, в которых уже присутствуют элементы научного исследования. Их авторы использовали в своих построениях документальный материал, прибегали к научной критике источников, трактовали исторический процесс с рационалистических позиций. В XVI — первой половине XVII в. гуманистическая историография явно преобладала в Италии, где она уходила корнями еще в XIV в., получила распространение во Франции, Англии, в меньшей степени ее влияние ощущалось в Испании и Германии.

Несмотря на то что исторические сочинения XVI—XVII вв. нередко были заявлены как “всеобщие”, “всемирные” истории, их авторы сосредоточивались на собственной национальной истории (примером может служить “Всеобщая история” А. д’Обинье, являвшаяся по существу историей Франции).

Золотой фонд гуманистической историографии Возрождения составляли труды Н. Макиавелли (“История Флоренции”), Ф. Гвиччардини (“История Италии”), Ф. Бэкона (“История царствования Генриха VII”), Ж.-О. де Ту (“История моего времени”) и других. Отличительной особенностью этих работ было стремление их авторов постичь скрытые пружины, управляющие обществом, отношение к истории как к своего рода кладовой политического опыта, применимого в современных им условиях. Однако обратной стороной политической заостренности этих произведений были тенденциозность и порой сознательное искажение фактов в угоду политическим симпатиям авторов или их высокопоставленных заказчиков, что безусловно снижает достоверность их как исторических источников, но делает их еще более привлекательными для исследователей истории общественной мысли.

В полной мере это относится и к мемуарам. Жанр *мемуарной*

литературы достигает подлинного расцвета именно в XVI — первой половине XVII в., что было следствием развития ренессансной культуры с присущими ей интересом к человеческой личности, ее внутреннему миру и высоким престижем активной гражданской деятельности. Личное участие авторов в событиях, увековеченных ими в мемуарах, обилие подробностей, которые не могли быть зафиксированы в документальных источниках, колоритные характеристики исторических персонажей придают воспоминаниям особую ценность. Однако мемуарам как историческому источнику присущи определенные недостатки: недостоверность приводимых фактов, нарушения в хронологии, предвзятость в оценках происходившего, преувеличение собственной роли автора в описываемых событиях. Тонкие фальсификации свойственны воспоминаниям крупных политических деятелей (например, герцога Сюлли, министра короля Генриха IV, или кардинала Ришелье), которые, преследуя вполне определенные цели, использовали мемуары для апологии своей политики и деятельности. Информация, почерпнутая из мемуаров, требует особо тщательного критического анализа с привлечением других видов источников. В то же время эти недостатки оборачиваются достоинствами, когда мемуары используют как источник по истории общественного сознания, ибо в них ярко отражались интересы, настроения и политические симпатии тех слоев общества, к которым принадлежали их авторы.

Близки к мемуарам по характеру содержащейся в них информации *дневники*, получившие широкое распространение у представителей самых разных социальных слоев. Они, в частности, позволяют исследовать особенности психологии формирующейся буржуазии, рост ее самосознания, чувства собственной значимости, уровень общественно-политических притязаний. Характерная примета эпохи — появление многочисленных дневников путешественников и мореплавателей, в которых зафиксирована история Великих географических открытий. Наиболее яркие из них вырастали по существу в настоящие исторические труды об исследовании и колонизации новых земель, содержащие наряду с достоверными сведениями о них и невероятный вымысел.

Широко представлен среди нарративных источников *эпистолярный жанр*. Переписка частных лиц содержит немало ценных сведений, касающихся всех сторон действительности, в том числе быта, нравов, семейных отношений. Она открывает хорошие возможности для исследования массового сознания, мировосприятия людей той эпохи.

Широкое распространение книгопечатания привело к расцвету принципиально новой разновидности повествовательных источников — *публицистики*. Печатный станок стал мощным орудием в

борьбе политических и социальных группировок. Европу буквально наводнили печатные брошюры, памфлеты, так называемые пасквили, листовки, распространявшиеся зачастую нелегально. В них велась острая полемика по насущным вопросам, волновавшим современников: политика государства, престолонаследие, программы общественного переустройства, экономические и политические проекты. Центральное место в идейной борьбе занимала проблема абсолютизма, вокруг которой шли дебаты сторонников неограниченной королевской власти и монархомахов (среди наиболее известных работ последних — памфлеты “Франко-Галлия” Ф. Отмана и “Иск к тиранам”, приписываемый Ф. Дюплесси-Морне). Не менее ожесточенную борьбу вели католические и протестантские теологи по конфессиональным вопросам. Таким образом, публицистика — ценнейший источник по истории идеологии XVI — первой половины XVII в.

Развитие публицистики подготовило общественное сознание, а книгопечатание создало технические предпосылки для зарождения периодической печати. Первыми периодическими изданиями в Западной Европе, освещавшими события общественно-политической жизни, стали нидерландский “Франко-бельгийский Меркурий”, издававшийся в Германии в 80-х годах XVI в., “Французский Меркурий” и “Газета”, появившиеся во Франции в первой половине XVII в.

В рамках класса нарративных источников особое место занимают трактаты, которые по праву уже можно отнести к разряду научной литературы. Переворот в естествознании XVI—XVII вв. породил множество трудов, систематизировавших накопленные к этому времени знания в самых разных областях: астрономии, физике, математике, химии, анатомии, медицине, ботанике, географии и т.д. Экономическая мысль того времени представлена трактатами по сельскому хозяйству, промышленности, торговле, финансам, мореплаванию, колониальной экспансии.

Большой интерес с точки зрения истории хозяйства представляют трактаты по агрикультуре, которые обобщали накопленный в этой области опыт и были практическим руководством по повышению доходности хозяйства. Это труды А. Фицгерберта, Т. Тэссера, О. де Серра, А. Галло, пропагандировавшие интенсивные методы ведения хозяйства, прогрессивные формы его организации с использованием срочной аренды и наемного труда.

Среди обилия трактатов, посвященных торговле, выделяются своим теоретическим уровнем труды французского историка и экономиста Ж. Бодена, испанца Т. Меркадо и других экономистов Саламанки, которые первыми пришли к постижению причин “революции цен” в Европе. Работы А. Серра, А. Монкретьена, Т. Мена, Г. Гроция, П. де Ла Курта и других идеологов меркантилизма, в

которых разрабатывалась теория денег, торгового баланса, положили начало политической экономии.

Попытки научного осмысления законов природы и общественного развития породили многочисленные политические трактаты. Предметом большинства из них стали актуальные проблемы — возникновение и сущность монархии, принципы ее взаимоотношений с народом, природа власти, сосуществование суверенитета государя и представительных органов, теории “естественного права” и “народовластия”. К этим вопросам обращались в своих трудах историки, политические деятели, теологи. Сильное влияние на последующее развитие политической мысли оказали “Государь” Макиавелли, “Шесть книг о государстве” Ж. Бодена, работы Г. Гроция в области международного права.

Иную разновидность обобщения знаний о природе человека и общества представляют собой историко-философские эссе М. Монтеня и Ф. Бэкона. Поиски идеального государственного и общественного устройства привели к распространению жанра социальной утопии, выдающимися представителями которого были Т. Мор (“Утопия”), Т. Кампанелла (“Город Солнца”), Ф. Бэкон (“Новая Атлантида”).

Ценными историческими источниками являются также памятники художественной литературы этой эпохи с их ярко проявившимися национальными особенностями, а также народная поэзия, песенное творчество, популярная сатира.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Проблемы периодизации. Период с конца XV до середины XVII в. по одной из традиций, сложившихся в отечественной науке, называют поздним средневековьем, по другой, свойственной также и зарубежной историографии, — ранним новым временем. Оба термина призваны подчеркнуть переходный и крайне противоречивый характер этого времени, которое принадлежало сразу двум эпохам. Для него характерны глубокие социально-экономические сдвиги, политические и культурные перемены, значительное ускорение общественного развития наряду с многочисленными попытками возврата к уже отжившим отношениям и традициям. В этот период феодализм, оставаясь доминирующей экономической и политической системой, существенно деформируется. В его недрах зарождается и формируется раннекапиталистический уклад, однако в разных странах Европы этот процесс идет неравномерно. Наряду с переменами в мировоззрении, связанными с распространением гуманизма, переосмыслением католической догматики в ходе Реформации, постепенной секуляризацией общественной мысли, шло нарастание народной религиозности. Всплески демономании в конце XVI — первой половине XVII в., кровопролитные религиозные войны обнаруживали тесную связь этого исторического этапа с прошлым.

Началом раннего нового времени принято считать рубеж XV—XVI веков — эпоху Великих географических открытий и расцвета культуры Возрождения, знаменовавшую разрыв со средневековьем как в экономической, так и в духовной сфере. Границы известной европейцам ойкумены резко раздвинулись, экономика получила мощный импульс в результате освоения открытых земель, совершился переворот в космологических представлениях, в общественном сознании, утвердился новый, ренессансный тип культуры.

Выбор же верхней хронологической грани позднего феодализма остается дискуссионным. Ряд историков, опираясь на хозяйственно-экономические критерии, склонны распространять “долгое средневековье” на весь XVIII век. Другие, ссылаясь на первые успехи

раннекапиталистического уклада в отдельных странах, предлагают принять за условную границу крупные социально-политические катаклизмы, связанные с его ростом, — освободительное движение в Нидерландах второй половины XVI в. или Английскую революцию середины XVII в. Распространено также мнение, что Великая Французская революция XVIII в. — более оправданная точка отсчета нового времени, поскольку к этому моменту буржуазные отношения восторжествовали уже во многих европейских странах. Тем не менее большинство историков склонно рассматривать середину XVII в. (эпоху Английской революции и окончания Тридцатилетней войны) как водораздел между ранним новым временем и началом собственно новой истории. В данном томе изложение исторических событий доводится до Вестфальского мира 1648 г., который подвел итоги первого крупного общеевропейского конфликта и надолго определил направление политического развития Европы.

Основные тенденции экономического развития. Сосуществование нового и традиционного ярко проявлялось в сфере хозяйственной жизни и экономических процессов раннего нового времени. Материальная культура (орудия труда, приемы и навыки людей в агрикультуре и ремеслах, технологии) в целом сохраняла средневековый характер. XVI—XVII века не знали по-настоящему революционных сдвигов в технике или новых источников энергии. На этот период пришлась последняя стадия развития доиндустриальной аграрной цивилизации в Европе, завершившаяся с наступлением промышленной революции в Англии в XVIII в.

С другой стороны, многие социально-экономические явления несли в себе черты нового: наметились отдельные сферы экономики, в которых техническое развитие шло ускоренными темпами, важные сдвиги происходили благодаря новым формам организации производства и его финансирования. Прогресс горного дела, металлургии, переворот в судостроении, в военном деле, бурный подъем книгопечатания, изготовления бумаги, стекла, новых видов тканей, достижения естественных наук подготавливали первый этап промышленной революции.

В XVI—XVII вв. Западная Европа покрылась довольно густой сетью коммуникаций. Прогресс торговли и средств сообщения способствовал развитию внутренних и общеевропейских рынков. Глобальные перемены последовали за Великими географическими открытиями. Возникновение поселений европейских колонистов и сети торговых факторий в Азии, Африке, Америке положило начало складыванию мирового рынка. Одновременно с этим шло становление колониальной системы, сыгравшей огромную роль в накоплении капиталов и развитии капитализма в Старом Свете. Освоение Ново-

го Света оказывало глубокое и всестороннее воздействие на социально-экономические процессы в Европе, оно положило начало длительной борьбе за сферы влияния в мире, рынки сбыта и сырья.

Важнейшим фактором экономического развития в эту эпоху явилось зарождение раннекапиталистического уклада. К концу XVI в. он стал ведущим в экономике Англии, а позже Нидерландов, играл заметную роль в отдельных отраслях производства во Франции, Германии, Швеции. В то же время в Италии, где элементы раннебуржуазных отношений зародились еще в XIV—XV вв., к началу XVII в. наметилась их стагнация вследствие неблагоприятной рыночной конъюнктуры. В Испании и Португалии причиной гибели ростков нового уклада стала в основном недальновидная экономическая политика государства. В германских землях к востоку от Эльбы, в Прибалтике, Центральной и Юго-Восточной Европе ранний капитализм не получил распространения. Напротив, втягивание этих зернопроизводящих регионов в международные рыночные отношения привело к обратному явлению — возврату к доменальному хозяйству и тяжелым формам личной зависимости крестьян (так называемому второму изданию крепостничества).

Несмотря на неравномерность развития раннекапиталистического уклада в разных странах, он начал оказывать постоянное воздействие на все сферы хозяйственной жизни Европы, которая уже в XVI—XVII вв. представляла собой взаимосвязанную экономическую систему с общим рынком денег и товаров, а также сложившимся международным разделением труда. И все же многоукладность оставалась важнейшей характеристикой экономики.

Усложнение социальной структуры. В раннее новое время происходила деформация традиционной структуры феодального общества. В рамках прежних сословий начали выделяться самостоятельные группы, отличавшиеся по способу получения и уровню доходов, по социальным и этическим ориентирам.

Европейское дворянство XVI — первой половины XVII в. уже не представляло собой консолидированного и относительно однородного военно-служилого сословия. В нем выделилась категория так называемого "старого дворянства", жившего на доходы от своих поместий и военной службы. К нему относились как крупная аристократия, так и средние и мелкие землевладельцы. Их общей проблемой было снижение реальных доходов от фиксированных крестьянских денежных рент. Материальное оскудение значительной части старого дворянства затронуло, однако, далеко не всех: крупные землевладельцы приспосабливались к ситуации за счет нажима на крестьян, смены форм их держаний на более выгодные для сеньора. Часть старого дворянства нашла выход в службе при королевском

дворе. Однако придворная жизнь, требовавшая огромных расходов, не способствовала экономической стабильности этого слоя.

В затруднительном положении оказались и мелкопоместные дворяне. При отсутствии свободных земель рыцарская служба за лен и вассальные отношения изживала себя. Рыцарские держания дробились и обесценивались, вассальные обязанности в результате сводились к формальностям. Младшие сыновья в семьях зачастую оставались без земельного наследства. Масса безземельного дворянства, приверженного воинственным рыцарским идеалам ("дворянство шпаги" во Франции, *идальго* в Испании), не искала успеха на поприще торговли и предпринимательства, а устремлялась в королевские армии, участвовала в военных авантюрах и колониальных завоеваниях. Впрочем, лишь немногим из них удавалось обогатиться таким путем.

Противоположность старому дворянству по своим жизненным ориентирам составляло так называемое "новое дворянство". Этот слой также формировался за счет отдельных представителей аристократии, среднего и мелкого дворянства, но две последние группы превалировали в нем. Новое дворянство отличалось стремлением повысить доходность поместий, сделав их экономику более интенсивной. Его представители прибегали к замене обычных крестьянских держаний краткосрочной арендой, сами выступали крупными арендаторами у дворян-соседей, меняли хозяйственную ориентацию своих владений, внедряли новые культуры. Для них были характерны тесная связь с рынком, вложение полученных доходов в предпринимательство, организация мануфактур в сельской местности, участие в паевых торговых компаниях. Общие экономические интересы и психологический склад сближали их с городскими предпринимателями и купечеством.

Особую группу дворянства составляли *аноблированные* — возведенные в дворянское достоинство — выходцы из неблагородных сословий: чиновники — за службу (во Франции их называли "дворянством мантии"), состоятельные горожане и даже богатые крестьяне — вследствие покупки "благородных" земель, по личному пожалованию короля или благодаря особым патентам, которыми торговала корона. "Дворянство мантии" и *аноблированные нувориши* вызывали презрение старого дворянства, чуравшегося связей с ними. По роду деятельности и источникам доходов эта прослойка была ближе к "новому дворянству".

Быстрыми темпами шло имущественное и социальное расслоение крестьянства. В XVI — первой половине XVII в. в европейских странах существовало множество категорий крестьян, различавшихся по статусу их держания, но несмотря на пестроту картины повсюду была заметна резкая поляризация деревни. С одной стороны,

выделилась зажиточная крестьянская верхушка: крепкие хозяева, сконцентрировавшие в своих руках множество наделов; крупные фермеры-арендаторы, использовавшие наемный труд разорившихся соседей, что позволяет говорить о раннекапиталистическом характере их хозяйства. Высокий уровень доходов сельской верхушки делал для нее возможным переход в дворянское сословие. С другой стороны, размывался слой среднего крестьянства — самостоятельных мелких хозяев — и стремительно росло число малообеспеченных и безземельных крестьян, лишенных средств производства и вынужденных добывать пропитание работой по найму.

Сложную в социальном отношении картину представляло собой городское население. Наиболее состоятельной его прослойкой были купцы, занимавшиеся международной торговлей, ростовщическими и банковскими операциями, их экономические позиции оставались очень прочными. Часть купечества, накопив большие капиталы, начинала вести образ жизни, свойственный дворянству, покупая земли, дворцы, титулы. Другие, напротив, стремились к производительному использованию своих богатств, вкладывая их в организацию мануфактур, горные разработки, акционерные торговые компании, банки и т.д.

Социальное и имущественное расслоение затронуло и ремесленников — основу средневекового бюргерства. В то время как цеховая элита удерживала свои позиции благодаря ведущему положению в городских корпорациях, которые становились все более замкнутыми, часть мелких ремесленников разорялась, теряя хозяйственную самостоятельность. В социальной иерархии они опускались на один уровень с подмастерьями и наемными работниками, чьи шансы стать цеховыми мастерами были невелики. Эта часть городского населения, существовавшая за счет заработной платы, которая постоянно обесценивалась, с трудом сводила концы с концами.

Особую категорию, выделившуюся из средневекового бюргерства, составляла прослойка городских интеллектуалов — юристов, врачей, преподавателей университетов и школ, студентов, людей свободных профессий. Среди них очень высокими доходами и влиянием выделялись юристы.

Вышеперечисленные сдвиги со временем привели к складыванию новой социальной структуры и появлению таких слоев, как ранняя буржуазия и пролетариат. Они возникли не в результате эволюции какого-то одного из средневековых сословий, а на основе слияния разнородных групп, которые объединяло участие в новых формах предпринимательства, преимущественно раннекапиталистического типа. Ранняя буржуазия включала сельских и городских предпринимателей, значительную часть нового дворянства,

владельцев мануфактур. Предпролетариат складывался за счет обезземеленных крестьян, разорившихся ремесленников и городского плебса.

Абсолютная монархия. На рубеже XV—XVI вв. страны Западной Европы вступают в новую фазу своего политического развития. Для нее характерно усиление централизаторских тенденций: к началу XVI в. завершается “собрание” королями французских, английских, испанских земель. В тех регионах, где не сложились крупные централизованные государства (Италия, Германия), также заметна консолидация земель вокруг местных политических центров.

Наряду с территориальным объединением происходит политическая централизация, формируется новый тип государственной власти, приобретающей черты и функции, не свойственные средневековой сословной монархии. Королевская власть, подавив последние попытки сопротивления со стороны феодальных магнатов, усиливается настолько, что в ряде случаев отказывается от созыва органов сословного представительства, которые теряют былое политическое значение. Устанавливается режим практически неограниченного личного правления государя, получивший название абсолютной монархии.

Абсолютизм находит теоретическое обоснование в политической мысли, провозглашающей божественное происхождение королевской власти, безраздельный суверенитет государя и недопустимость сопротивления ему.

Причины усиления королевской власти коренились в особой социально-политической ситуации, сложившейся в западноевропейских странах на рубеже XV—XVI вв. Деформация средневековых сословий и прежних форм их организации приводит к тому, что социальные группы, причастные в той или иной степени к политической власти, оказываются в большей зависимости от короны, чем прежде.

Дворянство в условиях падения его реальных доходов находит в королевской власти источник поддержки, пожалований и милостей. С конца XV в. к королевским дворам устремляется и забывшая о былой оппозиционности аристократия, и “дворянство шпаги” в надежде получить придворные sinecures, посты в армии или в органах государственного управления. За милости монархов разворачивается острое соперничество дворянских группировок — клиентел, складывающихся вокруг удачливых фаворитов и придворных. Старое

* Наряду с термином “абсолютизм”, утвердившимся в отечественной историографии, для характеристики этого типа государства используются также понятия “новая”, “ренессансная”, “персональная” монархия, широко распространенные в зарубежной литературе.

дворянство ожидает от короны такой социально-экономической политики, которая позволила бы ему сохранить доминирующее положение в обществе, обеспечить контроль над крестьянством, стабильное поступление рент и подавление социального протеста. Оно также заинтересовано в активной внешней политике, обеспечивающей этому сословию участие в военных кампаниях и колониальных предприятиях.

Положение духовенства было во многом сходным. Ослабление католической церкви, утрата ею автономии от светских властей, победа Реформации и оформление национальных церквей в ряде стран Европы ставили судьбы духовенства в зависимость от монархов как в экономическом, так и в политическом отношении. Таким образом, два ведущих феодальных сословия, нередко составлявшие в прошлом оппозицию королевской власти, в силу обстоятельств склонялись к сотрудничеству и подчинению ей.

Третье сословие — горожане, в особенности предпринимательские элементы, и раньше более склонные к союзу с королевской властью, видели в ней залог своего процветания, нуждаясь в протекционизме — экономическом регулировании, поощряющем национальные производство и торговлю. Поддержка короны была жизненно необходима организаторам крупного производства, купечеству, владельцам мануфактур, которым приходилось противостоять цехам, ограничивающим масштабы их деятельности. Королевские патенты на производство и торговые лицензии позволяли преодолевать эти препоны, ради чего ранняя буржуазия была готова делиться с короной частью своих прибылей. Она ожидала от государства и учета своих политических пожеланий, в частности, создания условий для выхода национальных производителей на новые рынки и их участия в освоении колоний.

Используя заинтересованность сословий и играя на их противоречиях, монархия получает возможность возвыситься до положения почти надсословной силы и обрести невиданную ранее самостоятельность. Лавирование между старым дворянством, сохранившим большое политическое влияние, и предпринимательскими слоями, которые не обладали политическим весом, но располагали финансовыми средствами, стало характерной чертой политики абсолютистских государств. При этом забота о дворянстве была продиктована самой сущностью феодальной монархии: оно оставалось доминирующим сословием, плотью от плоти которого был сам государь. Поощрение же ранней буржуазии диктовалось политической конъюнктурой, зависело от дальновидности монарха и его готовности заботиться о национальной экономике. Отсюда — огромное значение, которое в эпоху абсолютизма приобретает личность государя, по-

сколько именно его политический выбор зачастую определял судьбы народа и государства.

При всем разнообразии национальных вариантов абсолютизма его наиболее характерной чертой было сосредоточение в руках монарха новых рычагов управления. В первую очередь к ним относят появление мощного и разветвленного бюрократического аппарата. К концу XVI в. в большинстве стран Западной Европы окончательно складывается стройная система органов центрального и местного управления, позволяющая государям эффективно осуществлять свою политику. Ее проводником становится многочисленное чиновничество, состоящее на жаловании у короны и преданное ей. Важную роль в административной системе абсолютизма по-прежнему играет дворянство, занимавшее в ней ключевые посты. Независимо от их социального происхождения людей, занятых в управлении, отличали высокий уровень образованности и профессионализм.

Опираясь на бюрократические структуры, государство ставит перед собой новые масштабные задачи. Оно последовательно ограничивает сеньориальную и церковную юрисдикцию, ведет наступление на местные вольности и привилегии отдельных городов и провинций. Относительной унификации подвергаются судебная, административная и фискальная системы. Абсолютистское государство отличается высокой законодательной активностью, оно распространяет свой контроль на все сферы жизни общества. Королевская власть не только определяет внутреннюю и внешнюю политику, но и регламентирует социальные и экономические отношения, беря на себя функции, принадлежавшие некогда городским корпорациям, цехам, вторгается в сферу вероисповедания и частной жизни.

В XVI — первой половине XVII в. возрастает количество бюрократических ведомств, усиливается их специализация. В дополнение к казначействам, государственным канцеляриям и судебным палатам, составлявшим ядро средневековых королевских курий, возникают адмиралтейства, торговые палаты, управления по делам колоний, а также армии и флота. На их основе в XVII в. формируются первые министерства. Все более обособляются и профессионализируются дипломатическая служба и разведка.

Реальная власть повсеместно сосредоточивается в руках узкого круга высших государственных чиновников, входивших в так называемые “тайные”, или “узкие”, советы при королях. На них ложится груз огромной повседневной работы по управлению всеми сферами жизни, что постепенно приводит к специализации внутри советов и выделению направлений, курируемых отдельными их членами — внешняя политика, внутренняя политика, флот, армия, финансы и т.д. Государственные советы эпохи абсолютизма стали прообразом современных кабинетов министров.

Вновь создаваемые бюрократические структуры соседствовали с унаследованными от средневековья сословно-представительными органами. Значение последних в законотворчестве и реальном управлении упало, однако соотношение старых и новых институтов власти имело свои особенности в каждой стране: в некоторых (к примеру, во Франции) представительные учреждения игнорировались монархами и подолгу не созывались, в других (в Англии, Швеции) они успешно включались в систему абсолютизма и эффективно работали рука об руку с королевской администрацией.

Если средневековые теория и практика предполагали управление страной как королевской вотчиной, осуществлявшееся ключевыми фигурами двора, то административная система раннего нового времени и методы ее работы все в большей степени приобретали публично-правовой и общенациональный характер. Это нашло отражение в политических теориях XVI—XVII вв., которые оперировали такими понятиями, как “благо нации” и “государственный интерес”.

Одним из важнейших институтов государства является армия, характер которой существенно изменился в XV — первой половине XVII в. Широкое распространение к концу XV в. огнестрельного оружия повлекло за собой важные технические и социальные последствия, вызвав подлинный переворот в военном деле. Применение артиллерии сделало неэффективными прежние каменные укрепления средневековых крепостей, а стрелковое оружие — рыцарские доспехи. В фортификационном деле стали шире применяться вынесенные за линию крепостных стен мощные земляные укрепления, менее уязвимые для ядер и пуль, с редутами, на которых устанавливались артиллерийские батареи. Крупные сражения разворачивались на открытых пространствах, что влекло за собой изменения в военной стратегии и тактике. В армии XVI—XVII вв. широко применялось личное стрелковое оружие — аркебузы, мушкетеры, пистолы, но оно было еще ненадежно и сложно в обслуживании, поэтому аркебузирова и мушкетеров прикрывали отряды пикинеров или копейщиков, формировавшиеся из простонародья.

В этих условиях значение тяжеловооруженной рыцарской конницы падает. И хотя дворянство по-прежнему сохраняет за собой командные посты в армии и из него формируются элитные гвардейские полки и отряды легкой кавалерии, зависимость государей от него как сословия профессиональных воинов ослабевает. На смену отрядам прямых королевских вассалов приходят многотысячные армии профессиональных солдат-наемников, получающих казенное жалование. Наряду с наемничеством распространяется и принудительный рекрутский набор в королевские полки, куда отправляют

обедневших крестьян, "праздношатающихся" пауперов, а порой и преступников, чтобы освободить от них тюрьмы.

Укреплению абсолютизма способствовало и совершенствование государственных финансов. По традиции доходы европейских монархов складывались в основном за счет поступлений от домениальных земель, фонд которых увеличился благодаря конфискациям владений мятежных магнатов (в ряде случаев и благодаря секуляризации церковных земель в ходе Реформации), а также за счет налогов. Система налогообложения населения, унаследованная от средневековья, усложняется. Помимо прямых налогов, собираемых с согласия сословно-представительных органов, государи прибегают к принудительным займам у населения, вводят дополнительные косвенные налоги, военные и корабельные сборы, используют новые приемы, чтобы повысить собираемость налогов (откупы). Постоянный нажим на налогоплательщиков и отсутствие реального контроля со стороны представительных учреждений увеличивают доходы короны. Монархи активно прибегают к банковским операциям, международным займам, вкладывают деньги в торговые и колониальные предприятия. Государственные финансы пополняются также за счет таможенных сборов и поступлений из колоний. Новым источником обогащения казны становится продажа лицензий на монополистическую торговлю и патентов на производство, то есть изъятие части прибыли предпринимателей в пользу фиска, а также торговля дворянскими званиями и т.п. Эти статьи доходов обеспечивают европейским монархам большую свободу распоряжения государственными финансами.

В период абсолютизма разрешается многовековой конфликт между светской и духовной властями, соперничавшими за верховенство в рамках средневековых государственных образований. В большинстве случаев светские правители ограничивают вмешательство главы римско-католической церкви в дела их стран и добиваются широких привилегий для национальных церквей, а в странах победившей Реформации полностью подчиняют себе церковь, которая интегрируется в систему государственных институтов.

Складывание абсолютизма стало, таким образом, важным шагом в развитии более совершенного в институциональном отношении суверенного государства.

Именно в такой форме — в рамках крупного централизованного национального государства — сложился абсолютизм во Франции, Англии, Испании. По тому же пути развивались Дания и Швеция, где, однако, формирование абсолютизма шло медленно и неоднократно прерывалось рецидивами феодальной вольницы. Однако Европа XVI—XVII вв. знала и иную модель развития — так называемый "региональный", или "княжеский", абсолютизм. Она харак-

терна для Италии и германских земель с присущим им полицентризмом. Но и здесь в рамках небольших государственных образований шел процесс укрепления монархической власти, формирования бюрократического аппарата, реформирования армии и усиления контроля светской власти над церковными институтами. Однако объективно упрочение абсолютистских режимов в многочисленных мелких государствах не только не способствовало, но и препятствовало национальному объединению Италии и Германии.

Возникновение наций. Характерной чертой раннего нового времени был процесс формирования современных наций. В его основе лежало интенсивное экономическое развитие, складывание внутренних рынков и централизаторская политика абсолютизма. В европейских странах шло стирание различий между населявшими их народностями, унификация диалектов и складывание единых национальных языков, становление самобытных культур и формирование национального самосознания. Государствами по преимуществу одной доминирующей нации стали Франция, Англия, Италия, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Шотландия.

Процесс оформления наций в Европе осложняло существование универсалистской, объединявшей множество народов державы Габсбургов, а также ряда политических уний между странами, тяготевшими к обособлению (Данией и Швецией, Швецией и Польшей, Испанией и Португалией и др.). Тем не менее формирование наций шло и в полиэтнических государствах. В пределах Империи началось выделение немецкой и австрийской наций, а на основе отложившихся от Габсбургов Северных Нидерландов сформировалась голландская нация.

В Центральной и Юго-Восточной Европе становлению национальных государств препятствовали рутинное состояние экономики (ее преимущественно аграрный характер), а также ряд политических факторов, и в первую очередь — османское завоевание. Тем не менее подчиненное положение в составе многонациональных держав (для чехов, венгров, словаков, хорватов и других), господство иностранных завоевателей (для балканских народов и венгров), религиозные преследования стимулировали рост национального самосознания у народов, не получивших еще своей государственности или утративших ее.

Наряду с формированием наций одним из феноменов раннего нового времени было осознание европейцами своей культурно-политической общности. Понятие “Европа” стало актуальным на фоне открытия новых континентов и знакомства с иными цивилизациями, религиями и культурами. При всех этнических и конфессиональных различиях европейские народы объединяла общность исто-

рического происхождения, территории, христианской веры, культурных и политических традиций.

Новые формы политической культуры. XVI—XVII века стали важным этапом в становлении политической культуры нового времени. Огромную роль в пробуждении политической активности общества сыграло книгопечатание, возникновение которого было по существу революцией, создавшей новое средство распространения информации. Уже к концу XVI в. появляются периодические издания, в начале XVII в. зарождается пресса — первые газеты и журналы. Печатные книги и памфлеты систематически использовались в официальной государственной пропаганде, в политической и конфессиональной борьбе. В то же время стремление светских и церковных властей контролировать доступную обществу информацию породило такое явление, как цензура печати.

Большой шаг был сделан в разработке теории общества и государства. Центральными проблемами политико-правовой мысли, которая все больше секуляризировалась, были природа монархии и представительной власти, понятие “суверенитет”, место права и религии в обществе, проблема тирании и сопротивления ей.

Повседневная практика представительных учреждений XVI — первой половины XVII в. легла в основу современного парламентаризма. В это время окончательно сложились приемы законодательства: порядок оформления законопроектов, их внесения и обсуждения. В парламентах, как и в бюрократических органах, сформировались собственная дисциплина, корпоративная этика, ритуал и делопроизводство. В XVI в. в английском парламенте были впервые выдвинуты требования свободы слова, доступа депутатов к монарху и их неприкосновенности. Трактовавшиеся в то время весьма ограниченно, они тем не менее стали фундаментом современного понимания политических свобод. В начале XVII в. здесь же возник институт легальной парламентской оппозиции, критически настроенной к властям, но лояльной и работающей в союзе с ними.

Новые формы сложились и в культуре международных отношений. В раннее новое время активно разрабатывалась теория права народов, войны и мира, начала оформляться новая система европейского международного права. Развитию межгосударственных контактов способствовало становление дипломатической службы, системы постоянных посольств при иностранных дворах, разработка теории дипломатического искусства и протокола.

Проблема социальных революций XVI в. В современной историографии нет однозначного употребления термина “революция”. Применительно к раннему новому времени речь может идти о “революции цен” в экономике, “духовной революции”, которая была осуществлена Реформацией, “научной революции” XVII в., “соци-

альных революциях" в период перехода от феодализма к капитализму и т.д. В последнем случае термин "революция" связан с важной дискуссионной проблемой — трактовкой Реформации и Крестьянской войны в Германии как явления, представляющего первую в истории человечества (хотя и потерпевшую поражение) раннебуржуазную революцию.

Эта концепция сложилась в марксистской историографии, опиравшейся на идеи Ф. Энгельса. Она справедливо отвергла одну из распространенных тенденций изучения Реформации — попытку объяснить ее историю чисто религиозными или религиозно-политическими факторами, оставляя в стороне роль многообразных социальных интересов, значение массовых движений в историческом процессе.

В свою очередь в концепции раннебуржуазной революции в Германии религиозный аспект рассматривается лишь как "оболочка", "идеологическая маскировка" социальных чаяний различных общественных слоев, что модернизирует историю и не отвечает действительности XVI столетия. Недостатками такого подхода являются преувеличение степени зрелости раннекапиталистических отношений и зарождающихся буржуазных элементов, недооценка того, что буржуазия, в интересах которой должна была бы свершаться революция, едва начала формироваться как особый слой общества. Отдельные частные кризисы, наличие которых характеризуется как предпосылка Реформации и показатель назревшей "революционной ситуации", даже в совокупности не имели ни общенационального, ни универсального, системного характера. Реформация развивалась как во время, так и после Крестьянской войны в Германии, охватывая обширные регионы, вовсе не затронутые этим социальным конфликтом. Она разрезала общественные слои не по классовому, а по вероисповедному признаку. Осознание чрезмерной жесткости и других недостатков концепции раннебуржуазной революции привело к значительным расхождениям даже среди сторонников этого направления при определении хронологических рамок революции в Германии, ее этапов, места в "цикле раннебуржуазных революций".

С тех же самых методологических позиций события 1566—1609 гг. в Нидерландах обычно оцениваются как второй акт процесса раннебуржуазных революций в Европе. Утверждается, что они свершались в период мануфактурного развития капитализма, когда формирующийся класс буржуазии еще отличается недостаточной политической зрелостью и задачей революции является расчистка путей для его дальнейшего роста. Специфика буржуазной революции в Нидерландах усматривается в том, что она шла под идеологическим знаменем кальвинизма и была связана с освободительной войной против испанской власти. Значение этой революции в цикле

других определяется следующим образом: она впервые в мире закончилась победоносно, хотя и в небольшом регионе. Авторы этой концепции делают оговорку, что социальная сущность событий в Нидерландах четко не выявлена, и объясняют это тем, что буржуазная революция “внешне” приняла форму борьбы за независимость против Испании. Рождение в результате разрыва с испанской монархией Республики Соединенных провинций, а также временное бурное ускорение темпов развития раннекапиталистического уклада в нидерландской экономике (почти не затронувшее, однако, социальных отношений в деревне) относят на счет успехов революции.

Между тем все это стало следствием обретения северными провинциями свободы от испанского деспотизма, от бремени его поборов и жесточайшей политики преследования инакомыслия. По сути события в Нидерландах второй половины XVI — начала XVII в. были принявшей крупные масштабы длительной освободительной борьбой, в ходе которой, естественно, решался и ряд важных социально-экономических проблем. Именно эта концепция, широко распространенная и в зарубежной историографии, нашла отражение в соответствующей главе данного учебника.

Реформация. XVI век — время прокатившегося по Европе мощного движения за реформу римско-католической церкви, получившего название Реформация. Она не только вобрала многовековые традиции критики церкви и клира, но и выдвинула новые принципы понимания веры, Священного Писания и церковного устройства. Начавшись с выступления в 1517 г. Мартина Лютера, к середине столетия Реформация привела к возникновению, наряду с католической церковью, нескольких других христианских церквей: лютеранской, англиканской, кальвинистской, цвинглианской с их новыми протестантскими вероисповеданиями. Сложились и продолжали множиться независимые от официальных церквей различные религиозные общности — анабаптистов, антитринитариев и других. В Реформации в той или иной степени приняли участие все социальные слои и группы — от масс крестьянства и плебейских городских слоев до высшей титулованной знати, духовенства и государей. Масштабы движения, его идейная направленность и результаты в разных странах были различными.

По своим идейным основам и целям Реформация носила религиозный характер и опиралась на догматику, отвергавшую необходимость особой посреднической роли духовенства в “спасении души”. Основой христианского вероучения признавалось лишь Священное писание; в отличие от католической церкви, отрицалась роль Священного предания — постановлений церковных соборов и пап. Путь к спасению связывался с “истинной верой” и следованием нравственным принципам Евангелия, а не с “добрыми делами”.

Согласно официальной католической доктрине, “добрые дела” предполагали неукоснительное соблюдение всех церковных обрядов и акции милосердия. Внешним проявлениям благочестия реформаторы противопоставляли искренность религиозных убеждений, “внутреннюю веру”. Реформация отвергла традиционный римско-католический культ с его пышной обрядностью и сделала акцент на проповедях, разъясняющих истины Священного Писания.

Возросшая с появлением книгопечатания возможность для каждого верующего самостоятельно знакомиться с главными христианскими текстами резко стимулировала переводы Библии на национальные языки и издание религиозной литературы. Отсюда и внимание новых конфессий к начальному образованию и к преподаванию богословия в университетах. Реформация несла также и мощный социальный заряд. Бюргерству, особенно активно поддерживавшему Реформацию, были близки идеи “дешевой” церкви и выдвигавшиеся протестантизмом новые этические принципы. Дворянство видело в секуляризации церковных земель возможность расширить собственные владения. Чаяния низов в некоторых радикальных течениях Реформации — у анабаптистов, последователей учения Томаса Мюнцера и других — облекались в форму требований социального и имущественного равенства. Государственная власть, проводившая в ряде стран Реформацию “сверху”, усматривала в ее победе возможность пополнения казны и упрочения собственных политических позиций.

Реформация охватила большинство стран Западной и Центральной Европы. Ей удалось одержать победу во многих немецких княжествах и городах, в ряде кантонов Швейцарии, в Англии, а также в завоеванной англичанами Ирландии, где часть населения сохранила, однако, верность католицизму; в Дании с принадлежавшими ей Норвегией и Исландией; в Швеции с входившей в состав этого королевства Финляндией; в северной части Нидерландов — добившейся независимости Республике Соединенных провинций. Реформация смогла стать одной из влиятельных сил в Венгрии, а на определенный период — во Франции и в Польше. Она не оказала воздействия на Испанию и Португалию, имела лишь спорадические проявления в Италии, где католическая церковь дала ей решительный отпор и полностью восторжествовала.

Реформация вынудила папский Рим предпринять решительные шаги к укреплению католической церкви в союзе с оставшимися верными ей властями — это движение получило название Контрреформации. На основе решений Тридентского собора (1545—1563), главными из которых были осуждение протестантской “ереси” и признание верховенства папы над церковным собором и епископами, Рим провел также ряд важных реформ. Они обновили католиче-

скую церковь и со временем усилили ее позиции, не затронув традиционных основ ортодоксально-католической догматики.

Важным итогом Реформации стало возникновение ряда независимых от Рима государственных церквей, которые способствовали национальной консолидации своих стран. Еще значительнее был сам факт утверждения в Европе церковно-религиозного "многоголосия", несмотря на обстановку жестоких межконфессиональных споров и религиозных войн. Этот плюрализм позитивно сказался на культурных процессах, включая развитие науки, и стал одной из главных традиций европейского развития в последующие столетия.

Изменения в картине мира. Раннее новое время было эпохой, когда на море и на суше европейцами совершались Великие географические открытия. Впервые были установлены или резко расширены многообразные экономические и культурные связи Европы с другими материками. Это способствовало внесению существенных корректив, а порой и радикальных перемен в картину мира, которая сложилась в средние века. Открытие Американского континента, значительное обогащение представлений об Африке и Азии, первые кругосветные путешествия — все это изменило традиционный для европейцев образ Земли: подтвердилась ее шарообразная форма, а после открытий Коперника стала постепенно утверждаться идея обращения нашей планеты вокруг Солнца.

Менялись и представления о населявших Землю племенах и народах, стремительно умножались сведения о многообразии языков, обычаев, верований. Контакты с прежде неизвестными этносами, особенно с индейцами Америки, порождали немало вопросов, на которые трудно было найти ответы в традиционном богословии (к примеру, есть ли у индейцев, о которых ничего не сказано в Священном писании, душа, и такие ли они люди, как европейцы). Ответы имели тогда не только теоретическое, но и практическое значение: от признания единства человеческого рода или отказа от этого взгляда зависело, как оценивать насилие по отношению к покоренным жителям Америки — принимать или, наоборот, осуждать подобные методы. Расширение представлений о многообразии этносов в свою очередь стимулировало осознание определенной общности народов, населяющих Европу.

Новые черты мировосприятия. Одно из характерных явлений раннего нового времени — развернувшийся практически во всех странах Европы, хотя и с разной силой и не синхронно, процесс развития и укрепления национального самосознания. Утверждение этой новой черты социальной психологии сопровождалось, с одной стороны, попытками некоторых властителей установить гегемонию в Европе и даже создать наднациональное государственное объединение, а с другой стороны, — стремлением к сохранению местной

обособленности, традиционных сугубо локальных прав и привилегий.

Складывание национальных языков, постепенное превращение их не только в языки официального делопроизводства, но и литературного творчества, а в протестантских странах и церковной службы, укрепляло осознание национальной общности. Одной из важных тем новой филологии стало прославление достоинств и возможностей родного языка. Свой вклад в развитие патриотических чувств вносили и авторы исторических сочинений, уделявшие пристальное внимание великим деяниям предков, незаурядным личностям, событиям прошлого своего народа, его нравам, обычаям, культурным достижениям. На смену характерным для средневековья всемирным хроникам, вписывавшим исторические события в череду процесса, свершавшегося "от сотворения мира", приходит интерес к истории "своего племени", основанной на источниках, которые выверялись методами зарождающейся историко-филологической критики. Типичным становится стремление выявить преемственность в добродетелях и пороках своего народа — от древнейшей поры до современности. Так складываются основы представлений о национальных характерах, национальной психологии.

Менялись и другие аспекты мировосприятия. На смену замкнутости тесных мирков, локальных пространств приходит расширение горизонтов, напряженное переживание стремительных и не всегда понятных перемен. Они вызывают то восторг перед новизной, которая впервые оценивается как достоинство, а не как ломка добрых старых обычаев, то страх перед ней как неким симптомом разрушения устоев, близящегося конца света. По-новому ощущается ценность времени: не случайно именно тогда широко распространяются разные виды часовых механизмов, точное измерение времени начинает входить в привычку. Иным становится отношение к бедности и богатству: все реже вызывает осуждение стремление к богатству, тяга к накопительству, а бедность все менее отождествляется с состоянием святости. Уже не получают столь резкого, как ранее, неодобрения церкви ростовщический процент, практика установления на товары не только "справедливых цен", но и цен, приносящих значительные доходы торговцу. Появляется теоретическое оправдание богатства как условия полноценной жизни, подчеркивается его общественная значимость и даже "угодность Богу".

Характерно, что новое понимание времени и новая оценка богатства оказываются взаимосвязанными: начинает утверждаться формула "время — деньги". Она становится одним из правил рождающейся этики предпринимательства, в которой высоко ценится энергия, активность, внутренняя дисциплина, готовность проявлять инициативу и не бояться риска при быстро меняющихся жизненных

обстоятельствах. Эти новые черты социальной психологии находят отражение как в гуманистической этике, так и в моральных доктринах протестантских церквей.

Прочнее держались представления о незыблемости сословной иерархии, свойственной феодальному обществу, хотя оценка социальной роли отдельных сословий приобретала новые оттенки. В наибольшей мере критическому пересмотру подвергались традиционные представления о клире, особенно монашестве, что создавало благоприятную психологическую атмосферу для реформационного движения. Определенный кризис испытывала идеология рыцарства — его все более воспринимали как исторически отживающее сословие, чему способствовали кардинальные изменения в военном деле. В то же время крепло самосознание бюргерства и прежде всего его состоятельной верхушки. Богатство давало ей ощущение широких возможностей не только в хозяйственной деятельности: оно открывало пути аноблирования, реального приобщения к структурам власти. Антисословные настроения складывались в среде зарождавшейся буржуазии — нового слоя общества, не имевшего четко обозначенных, однородных социальных корней. Критическое восприятие сословной иерархии, привилегий знати и верхушки клира было характерно и для ренессансной интеллигенции, пестрой по социальному происхождению и статусу. В гуманистической этике утверждались идеи достоинства личности, связанного не со знатной родословной, а с нравственным совершенством и творческими, деловыми успехами самого человека.

Нетрадиционные представления о мире, человеке, обществе, складывавшиеся в эпоху раннего нового времени, не стали, однако, господствующими. Они сосуществовали с традиционным средневековым менталитетом, с сословными ценностями, предрассудками, с миром народной фантазии. И хотя более широкие мировоззренческие горизонты отличали человека раннего нового времени от средневекового европейца, изменения в общественном сознании еще не обрели массового характера.

Развитие науки. Конец XV — начало XVI в. — период быстрого развития книгопечатания во многих странах Европы. Связанное с ним стремительное нарастание обмена информацией дало мощный импульс подъему научной мысли. Широко издавались не только сочинения древних ученых, но и труды современных авторов по различным отраслям знания, включая естественные науки. Международным языком науки оставался латинский, но все чаще стали появляться переводы научной литературы на национальные языки. В первой половине XVII в. они серьезно потеснили латынь в естествознании, которое начало особенно быстро набирать силу на грани столетий.

Наиболее важными достижениями были отмечены география, картография, астрономия, механика, медицина. Первые достоверные карты Европы и мира, в которых учитывались результаты Великих географических открытий, были созданы в середине XVI в. выдающимся картографом Меркатором. Эпохальным для астрономии стало гелиоцентрическое учение Николая Коперника, изложенное в труде "О вращении небесных сфер". Эта книга, напечатанная в 1543 г., развенчала традиционные представления о Земле как центре солнечной системы. Расхождение учения Коперника с традицией, основанной на текстах Священного Писания, вызвало резкую критику как со стороны католических теологов, так и со стороны протестантов, в том числе Лютера. Астрономия, начавшая с труда Коперника новый отсчет своего развития, обогатилась позже наблюдениями Тихо Браге и открытиями Иоганна Кеплера, которые подтверждали идею Коперника. Надежным обоснованием гелиоцентризма стали сделанные с помощью нового телескопа открытия Галилео Галилея. Противники учения Коперника — церковные ортодоксы — в 1616 г. официально осудили идеи гелиоцентризма. Догматизм ставил серьезные преграды знанию, основанному на опыте и эксперименте, и все же оно продолжало делать новые шаги. Галилей совершил ряд открытий в области механики — обосновал законы падения тел, инерции, понятия скорости и ускорения.

Одной из быстро обновлявшихся областей науки была математика. В ней выделились самостоятельные разделы: алгебра, тригонометрия, аналитическая геометрия, развивалась теория бесконечно малых величин. Определенные успехи были достигнуты в геологии, тесно связанной с горным делом, в химии, еще не обособившейся от традиционной алхимии, в зоологии и ботанике. В медицине важные шаги сделала анатомия — основополагающим здесь стал иллюстрированный труд Андреаса Везалия "О строении человеческого тела". Усилиями Уильяма Гарвея и Мигеля Сервета была разработана теория кровообращения. Начало новому этапу врачевания с помощью химических медикаментов положил Парацельс.

С успехами естествознания было тесно связано развитие ренессансной натурфилософии, утверждавшей значение опыта как основы познания и отвергавшей догматизм. Достижения математических наук и механики оказали влияние на рационалистические философские теории. Взаимозависимость философии и науки нашла яркое проявление в творчестве Фрэнсиса Бэкона и Рене Декарта.

Развитие культуры. Основные этапы и направления. Раннее новое время — эпоха сложного взаимодействия традиционных и вновь возникающих идейных и художественных направлений в культуре. В ее развитии можно выделить три основных этапа: конец XV — первая половина XVI в.; вторая половина XVI в.; период от рубежа веков до середины XVII в. Первый этап отмечен распростра-

нением во многих странах культуры Возрождения, давно завоевавшей прочные позиции в Италии. Во второй четверти XVI в. начинается нарастающее воздействие на культуру раскола римско-католической церкви и идей Реформации.

Культурные процессы второго этапа отмечены двойственностью: продолжается обновление различных сфер культуры — общественно-политической мысли, философии, искусства — на ренессансных началах, но вместе с тем происходит и трансформация гуманистических идеалов, их оттесняют новые идейные веяния, ставящие под сомнение “божественность” и величие человека. Усиливается влияние на культуру в одних странах победивших в них реформационных представлений и институтов, в других — Контрреформации и норм обновленного католицизма. Заметный отпечаток на культурные процессы этого этапа накладывает почти повсеместное укрепление абсолютистских режимов. И все же преемственные связи с культурой первой половины XVI в. и более чем двухвековым опытом итальянского Возрождения продолжают сохраняться, хотя в самой ренессансной культуре начинают отчетливо проступать черты кризисных явлений.

Третий этап — первая половина XVII в. — ознаменовался наступлением и расцветом новой культурной эпохи, часто именуемой эпохой барокко, хотя это стилистическое направление не было единственным. Наряду с ним в ряде стран, особенно во Франции и Голландии, развивается классицизм, а в творчестве многих мастеров литературы и искусства утверждаются реалистические принципы. Получают распространение порой причудливые сплетения различных стилистических направлений.

Возрождение как исторический тип культуры. Культура Возрождения достигла своего ярчайшего расцвета в пору Высокого Возрождения (конец XV — первая треть XVI в.) в Италии; она активно утверждалась как особый культурный феномен и в ряде других стран Европы, обретая общеевропейское значение. Ренессансная культура, уже в предшествующий период обогатившая образование и гуманитарные дисциплины новой проблематикой и новыми методами познания, а архитектуру и изобразительное искусство новой стилистикой, в XVI в. оказывала влияние и на другие сферы творчества — натурфилософию, естествознание, театральное искусство, музыку. В этом процессе, как и в продолжавшемся усвоении античного наследия, велика была роль книгопечатания. Наиболее известные типографии — Мануций в Венеции, Кобергера в Германии, Плантена в Нидерландах, Этьенов во Франции — опирались в своей издательской деятельности на сотрудничество с гуманистами, которые выверяли сочинения древних авторов, переводили их на национальные языки, комментировали тексты. Известный современной науке корпус произведений греческих и латинских авторов древно-

сти в значительной своей части был открыт и освоен в эпоху Возрождения.

В ренессансной культуре, широко обращавшейся к античному философскому и художественному наследию, сложился своеобразный культ древности, которая противопоставлялась "варварскому" средневековью. Считалось, что вместе со средневековой "порчей" классической латыни пришла в упадок вся культура. Восстановление преемственной связи с античным наследием, языческим и христианским, во многом утраченной в средние века, и в XVI в. продолжало оставаться одной из главных задач и вместе с тем типологических черт культуры Возрождения. Античности подражали, но с ее достижениями и соревновались, решая новые проблемы, стоявшие в эту эпоху перед человеком и обществом. Усваивались и заново осмыслились Ренессансом и традиции средневековой культуры, особенно светской — городской и рыцарской, что находило выражение в обращении к их сюжетам, жанрам, стилистике, получавших, однако, в творчестве мастеров Возрождения нетрадиционное, оригинальное преломление. На всех этапах развития ренессансной культуры ее отличало стремление к новаторству и высокий уровень мастерства. При всем своеобразии Ренессанса нельзя недооценивать и его преемственных связей со средневековьем. Прежде всего — с христианской традицией, что проявлялось в различных областях культуры.

Главной отличительной чертой Возрождения как исторического типа культуры стало гуманистическое мировоззрение. Оставаясь в русле христианства, оно по многим позициям отходило не только от схоластики, но и от церковной ортодоксии. Новое мировоззрение строилось на принципах антропоцентризма, подчеркивало центральное положение человека в системе мироздания. Гуманизм героизировал личность вплоть до безмерного преувеличения ее возможностей, он основывался на идеях гармонии человека и природы, самоценности земного бытия, обосновывал способность людей быть разумными устроителями своей жизни. Светская, внетеологическая трактовка мирских проблем стала характерной для многих областей ренессансного знания, в частности моральной философии, включавшей по традиции экономику, политику и этику.

Новаторская художественная стилистика Возрождения развивалась в XV и в начале XVI в. на основе принципа "подражания природе" и идеала прекрасного, гармоничного человека. Не случайно в изобразительном искусстве особенно широкое развитие получил жанр портрета, воплотивший гуманистические представления о человеке, о неповторимом своеобразии личности. Особое место в ренессансной живописи занял пейзаж, подчеркивавший неразрывную связь человека с природой.

С другой стороны, уже со второй четверти XVI в., особенно в

искусстве, связанном с придворно-аристократическими кругами, заметна склонность к формализации художественных открытий великих мастеров Возрождения — Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Тициана. Начинает утверждаться принцип не “подражания природе”, а “преображения” ее силой фантазии и виртуозности художника; на смену культу естественной и ясной красоты приходит культ изощренности и грации, характерный для нового стилистического течения — маньеризма.

Преимущественно в светском русле протекает в раннее новое время и развитие ренессансной литературы и театра. Здесь был особенно велик индивидуальный вклад гениев эпохи — Франсуа Рабле, Эразма Роттердамского, Уильяма Шекспира, Мигеля Сервантеса, Лопе де Вега.

Одним из ценных завоеваний культуры Возрождения стали программа и методы гуманистического образования, находившие применение в частных и городских школах, на университетских кафедрах, при дворах правителей и вельмож. Гуманистическую педагогику, особенно методы изучения древних языков, охотно заимствовали многие церковные школы, как католические, так и протестантские, внося, однако, свои коррективы в идейную направленность образования.

На основе ренессансной культуры сформировался новый слой интеллигенции, мощно заявившей о себе в Европе уже в конце XV — первые десятилетия XVI в. Его составляли прежде всего гуманисты, чьи профессиональные занятия были связаны с обновленным комплексом гуманитарных дисциплин, но также писатели, художники, архитекторы, деятели науки. Ренессансная интеллигенция создавала новые формы самоорганизации — различного рода кружки, сообщества, академии, мастерские художников, в которых царила атмосфера творческих поисков и свободных дискуссий. Это во многом отличало ее от таких традиционных групп интеллигенции, как теологи, юристы, университетские преподаватели метафизики и диалектики с характерными для них устоявшимися формами общения.

В раннее новое время в общем культурном процессе наряду с динамично развивавшейся ренессансной культурой существовали и достаточно традиционные направления. Это прежде всего схоластика, которая оставалась официальной наукой, господствовавшей в католических университетах. Некоторому обновлению она подверглась во второй половине XVI в. после Тридентского собора. Видные деятели Реформации, поначалу резко критиковавшие средневековую схоластику, по мере догматизации новых протестантских вероучений также обратились в университетах к схоластическим формам образования. Устойчивость традиций была характерна и для народной культуры, как сельской, так и городской: различные разновидности фольклора, массовые праздничные действия и смеховые

формы карнавалов, бытовые ритуалы и обычаи мало изменялись с течением столетий.

Основные принципы мировоззрения западноевропейского общества в раннее новое время продолжали определяться, как и в средние века, христианским вероучением, но в условиях конфессионального многообразия послереформационной эпохи даже официальные доктрины различных церквей приобретали разные оттенки.

Эпоха раннего барокко. Новый своеобразный сплав многовековых средневековых традиций, наследия эпохи Возрождения и собственных творческих открытий дала эпоха барокко. Барокко господствовало во многих областях европейской культуры на протяжении всего XVII в., а в ряде стран и позже. Становление этого стиля началось в Италии в последние десятилетия XVI в. В начале следующего столетия барокко быстро распространилось и на другие страны Европы.

Стиль барокко ярче всего проявился в архитектуре, декоративной живописи и скульптуре, в литературе и музыке, в ряде других видов творчества. Барокко всегда тяготело к ансамблям, к взаимосвязи различных видов искусства. Главными его центрами были Италия и Фландрия. В других странах Европы барокко развивалось то по образцу Италии, то со своими особыми национальными и индивидуальными оттенками.

Стиль барокко многолик, но его основные черты обладают не меньшей характерностью, чем черты Ренессанса. Барокко присуще стремление к пышности, великолепию, торжественной праздничности ансамблей, к возвеличению светского, особенно придворного, уклада жизни. Вместе с тем этот стиль полон подчеркнутой духовной экзальтации, пафоса, сочетания рациональности и мистического порыва. Барокко отражает новое мировоззрение, новую, иную, чем в эпоху Возрождения, картину вселенной и места человека в природе и обществе. По сравнению с ренессансными представлениями человек утрачивает свое центральное положение в мире, испытывает воздействие могучих сил, несоизмерных с его собственными возможностями. Не гармоническая ясность, а диссонансы, контрасты мира, дисгармония человеческого существования стоят в центре внимания мастеров барокко. Реальному миру противопоставляется иллюзорный мир идеала. На смену гармонически ясным и статичным образам Ренессанса приходит всепроникающая динамика, обостренное чувство трагизма бытия, повышенная декоративность. Барочные представления и художественные формы оказывают сильное воздействие и на две другие мощные линии творчества первой половины XVII в. — утверждающийся классицизм и неотъемлемые от исканий крупнейших мастеров эпохи реалистические тенденции.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В раннее новое время в европейской экономике аграрная сфера производства по-прежнему резко преобладала над промышленностью; несмотря на ряд технических открытий, ручной труд господствовал повсеместно. В этих условиях особое значение приобретали такие факторы экономики, как рабочая сила, масштабы рынка труда, уровень профессионализма каждого работника. Заметное воздействие на развитие экономики в эту эпоху оказывали демографические процессы.

Народонаселение Европы за два столетия — с середины XV в. до середины XVII в. — увеличилось почти вдвое. Особенно устойчивым был прирост населения в XVI в.: по приблизительным подсчетам, с 1500 до 1600 г. число жителей европейских стран выросло с 80—100 миллионов человек до почти 180 миллионов. Наибольшей плотностью населения отличались Нидерланды, Италия и ряд западных областей Германии. Так, в Ломбардии на один квадратный километр приходилось от 80 до 200 человек, в Тоскане — от 50 до 80 жителей. Очень высокой была плотность населения в городах этих областей, чему способствовала иммиграция в них сельских жителей. Население Неаполя, Палермо, Рима, Флоренции, Лондона, Лиссабона, Парижа, Лиона, Брюсселя, Антверпена, Гамбурга, Праги, других крупных городов резко выросло, порой почти вдвое, в крупнейших городах оно достигало 100 и более тысяч, в то время как в маленьких составляло не более полутора тысяч человек. Миграционные процессы были первоначально локальными, но к концу XVI в. они нередко выходили за пределы отдельных стран и приобретали общеевропейские масштабы. Их стимулировали разные причины — демографические (всплеск рождаемости и др.), хозяйственные, политические и особенно религиозные, связанные с гонениями на инаковерующих и военными конфликтами (в эпоху Реформации и Контрреформации). Миграция населения, с одной стороны, ускорила обмен производственным опытом, технологическими усовершенствованиями и навыками как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. С другой стороны, миграция оборачивалась многими бедами для людей, выбивая их из привычной жизненной колеи.

Источники энергии. Двигатели. Главные условия экономического прогресса в раннее новое время — накопление производственного опыта, углубление общественного разделения труда, совершенствование орудий труда и улучшение технологии производства. Немалую роль в поступательном развитии экономики играли виды энергии и методы ее использования. Основными видами энергии как и в средние века, оставались труд человека, сила животных, воды и ветра. Источниками тепловой энергии были древесина, древесный и каменный уголь, торф. В эту эпоху инженерная мысль направляла усилия к тому, чтобы совершенствовать традиционные и изобретать новые приспособления для использования основных источников механической энергии — силы воды и ветра. Ветряные мельницы стали строить с приспособлениями для вращения корпуса башни или ее шлема, изменялся наклон их крыльев, что позволяло улавливать меняющийся направление ветра. Усовершенствовались и водяные мельницы: увеличился вдвое диаметр вертикального водоналивного колеса (он достигал порой 10 метров), а погруженное в водяной поток горизонтальное колесо обрело лопасти. Все это повышало энергетическую мощность мельниц. Их стали применять не только в мукомольном деле и суконном производстве, как прежде, но и на лесопилках, для измельчения и обогащения руды, приготовления бумажной массы, в кузнечном деле.

Важным фактором технического прогресса стало изобретение системы передачи энергии и использование для этого механизмов, известных в древности, но почти забытых в средние века (ворот, насос, подъемный кран и др.). Это коснулось прежде всего горного дела: здесь начали использовать механизмы для откачки воды из глубоких шахт и штолен (они достигали от 300 до 800 метров глубины). Воду откачивали насосами, помпами, которые приводил в движение конный привод или водяное колесо, а иногда ветряная мельница. Для подъема руды из шахт начали применять ворот, разительно повысивший производительность труда: ворот могли обслуживать всего два человека, тогда как прежде на подъеме руды обычно было занято несколько сотен рабочих. Появились вагонетки на деревянных рельсах для доставки руды к домнам.

Во всех передающих энергию механизмах широко использовались разного рода винты. В XVI в. их конструкция заметно улучшилась, кроме того, изготавливать их стали не из дерева, а из металла, что значительно повысило их прочность.

Металлургия и металлообработка. Весьма значительными были технические сдвиги в металлургии. Здесь активно использовали водяное колесо — им приводили в движение тяжелые молоты, которыми обрабатывали железо. Подлинным переворотом в металлургии стало усовершенствование изобретенной в XV в. доменной печи —

они заменила традиционный горн. В доменных печах, где температура была значительно выше, чем в горне, сначала выплавляли чугун из руды, а затем из чугуна железо. К тому же в домнах стали использовать в качестве топлива не древесный уголь, а каменный, поскольку он давал более высокую температуру горения. Это делало процесс плавки более эффективным, улучшалось и качество выплавленного металла. Усовершенствовалась и технология плавки металлов (железа, стали, серебра, меди, свинца), создавались новые виды сплавов. Еще одно важное техническое новшество в металлургии — использование валков для обработки железа. Валки применяли в прокате, при изготовлении проволоки, для тиснения на металле.

Углублялся процесс географической специализации промышленного производства. Выплавка меди, серебра, цинка, свинца еще предшествующие столетия сосредоточилась преимущественно в ряде районов Германии, Тироле, Венгрии. Получаемый в этих районах металл экспортировался во многие страны Европы и за ее пределы. Главными центрами разработки железорудных месторождений и выплавки железа стали Восточные Альпы, Франция, Англия, Швеция.

Кардинальные изменения произошли в оружейном производстве с усовершенствованием огнестрельного оружия. В XVI в. пушки отливали, а не клепали. В большом количестве производился порох, более совершенным стал и способ его изготовления. Оружейная промышленность, в частности отливка пушек и изготовление оружия, находилась в ведении правителей государств или городских властей и была территориально разбросанной. В Италии насчитывалось более десятка городов, производивших оружие: Венеция, Генуя, Бергамо, Милан, Феррара, Сьена, Лукка, Неаполь и другие. В Германии оружейным делом занимались многие имперские и вольные города. Свои центры производства оружия сложились в Англии (Лондон), Франции (Лион), Испании (Малага), Швеции. В XVI в. изготовление артиллерийского оружия шла преимущественно броня, а с конца века и особенно в первые десятилетия XVII в. пушки стали отливать из чугуна. В этот период центры изготовления вооружения из чугуна и железа возникли в Голландии, Испании, Италии, Швеции, Дании. В практике военного дела получило распространение индивидуальное огнестрельное оружие — аркебуз. Одновременно сокращалось и видоизменялось производство рыцарского снаряжения (лат, шлемов и т.д.).

Многообразные железные изделия — их производство неуклонно возрастало — предназначались не только для военного дела, но и для хозяйства (ножи, серпы, косы, колеса и др.). Гвозди, изготовле-

ние которых стимулировалось развитием кораблестроения, стали широко использовать и в хозяйственных нуждах.

Текстильное производство. Значительная динамика отмечена в раннее новое время в текстильной промышленности: появились новые отрасли (изготовление смешанных тканей), в сукноделии и шелкоткачестве создавались новые виды тканей, старые центры текстильной промышленности сменялись новыми. Так, в Нидерландах сукноделие бурно развивалось в ряде небольших городов, а традиционные средоточия производства высококачественных сукон — Ипр, Гент, Брюгге — утратили свое лидерство. В Англии, которая раньше только вывозила шерсть, сукноделие быстро росло, его центры переместились к концу XVI в. с Восточного побережья на Западное. В Германии основная масса сукноделов ушла из городов Среднего и Нижнего Рейна в южные области страны, Эльзас и Швейцарию. Изменениям в географии текстильной промышленности способствовали как стремление приблизить производство к источникам сырья (нередко новые виды сукон были ориентированы на местную породу овец) так и миграция населения, которую подтолкнули Реформация и религиозные войны. В то же время активизация морской торговли стимулировала в ряде стран использование привозного сукна.

В текстильном производстве важным новшеством стал горизонтальный ткацкий станок с челноками новой конструкции. В конце XV в. появилась колесная прялка ("самопрялка"): прядильщик вращал колесо, благодаря которому мог не только прядь нить, но и наматывать ее. В Англии с начала XVI в. распространилась колесная прялка с педалью, значительно облегчавшая и ускорявшая труд прядильщика. Улучшалась конструкция разного вида гребней, которые использовались для расчесывания шерсти. Совершенствовалась и технология текстильного производства — появились новые методы окраски тканей и закрепления краски.

Среди отраслей этой промышленности самым технологически передовым стало уже в XVI в. изготовление разнообразных шелковых тканей, не имевшее, как правило, цеховой организации. Из Италии, где его центрами были Лукка, Флоренция, Генуя, Венеция, шелкоделие еще в XV в. распространялось во Францию (Лион), Фландрию (Брюссель), Германию (Кёльн), Швейцарию (Цюрих). В Лионе и Париже возникло гобеленное производство и изготовление шелковых шнуров. В Базеле и Нюрнберге начали производить шелковую пряжу с золотой и серебряной нитью. Новой отраслью шелкоделия стало плетение кружев, центры которого сложились в Брюсселе, Париже, Венеции. Бархат, атлас и парча — их потребителями было по преимуществу дворянство — изготавливались во всех

крупных европейских странах — во Франции, Испании, Германии, Англии, Нидерландах и, традиционно, в Италии.

Новые отрасли промышленности. В XVI — первой половине XVII в. активно развивались как традиционные отрасли промышленности — добыча руды, металлургия, текстильное производство, судостроение, так и возникшие сравнительно недавно — типографское дело, мыловарение, изготовление веревок и канатов и др. Вышло за пределы Венеции сложившееся там еще в средние века стеклоделие. Это сложное ручное производство начали осваивать в XVI в. во Франции и Нидерландах. В стеклодувном деле коренной сдвиг произошел, как и в металлургии, в связи с применением в печах каменного угля с более высокой температурой горения. Это позволило получать прозрачное стекло — его использовали прежде всего для окон — и изготавливать высококачественные зеркала. Начались делать и шлифовать линзы, которые в конце XVI в. стали применять в телескопах, микроскопах и очках.

Размаху печатного дела способствовало использование винтового пресса и отдельных типографских литер в наборной кассе. Так, в Антверпене во второй половине XVI в. работали 22 печатных прессы, их обслуживали от 30 до 100 работников. Эти прессы принадлежали компании Плантена. Всего в Нидерландах в этот период действовало 2659 прессов с тысячами наемных рабочих. Эти типографии выпускали свыше 4000 наименований книг. Крупные центры книгоиздательского дела сложились в Венеции, Лионе, Париже, Базеле. О масштабах книгоиздания в Европе свидетельствовали регулярные международные книжные ярмарки в Лионе, Лейпциге, Франкфурте. Уже к началу XVI в. типографии существовали в 12 странах (Италии, Франции, Германии, Англии, Испании, Нидерландах, Швеции и др.). Огромную роль в прогрессе многих отраслей промышленности сыграло издание книг по горному и литейному делу, о производстве стекла, о разного рода механизмах и т.д.

Новой отраслью стало приборостроение, складывавшееся на основе часового дела (особенно быстро — с XVI в., после распространения пружинных часов).

Ремесло. Технические изобретения и технологические нововведения, хотя и не изменили абсолютного преобладания ручного труда, способствовали значительному ускорению экономического развития Европы в раннее новое время. Однако главной формой производства товаров массового потребления — одежды, обуви, утвари и т.п. оставалось ремесло. Определяющей линией его развития, наряду с совершенствованием орудий производства, было разделение труда, происходившее в течение многих веков, и вычленение все новых отраслей ремесла. В XVI в. их насчитывалось более ста, при этом число их не всегда совпадало с числом цехов. В первые десяти-

летия XVII в. количество самостоятельных видов ремесленного производства продолжало расти. Разделение труда углублялось и в рамках отдельных отраслей ремесла: множились технологические операции, которые, как правило, упрощались, облегчая работнику овладение той или иной специальностью. Разделение труда в целом значительно повышало производительность ремесленного производства и создавало условия для механизации технологических звеньев. Оно становилось наглядным и географически: в Европе возникали зоны, в которых жители специализировались на определенном виде ремесла. Так, в Чехии и Силезии широко возделывали лен и изготавливали льняную нить и ткани. В Северной Италии специализировались на производстве хлопчатобумажных тканей и бумажек. В Англии и Фландрии сложились районы с преобладанием сукноделия. Специализация ремесленных областей оказывала влияние на миграционные процессы в Европе. Миграции способствовали также ограничения, которые вводили городские цехи, в частности текстильные, на деятельность сельских ремесленников, а также религиозно-политические факторы (гонения на протестантов и др.).

Запретительная политика цехов-монополистов была характерна для многих европейских стран, но она все же не смогла остановить развитие вширь деревенского ремесла, ориентированного на рынок и приобретавшего в раннее новое время все более значительные масштабы. Этот процесс был связан с таким важным экономическим фактором, как рост активности торгового капитала, который происходил в новых условиях — усиливавшегося во многих странах обезземеливания крестьянства. Хотя обедневшие крестьяне в массе своей сохраняли связь с землей, пусть незначительную, они были вынуждены, чтобы выжить в новой, крайне неблагоприятной для них ситуации, заниматься для подработки сезонным ремеслом, организатором которого чаще всего выступало купечество.

Процесс развития сельского ремесла в Европе, набравший силу в раннее новое время и ставший его характерной приметой, не только стимулировал товарное производство и обращение в границах отдельных государств, но и подготавливал складывание мирового рынка. Свободное от корпоративных уз и более выгодное, чем городское (из-за дешевизны рабочей силы), деревенское ремесло было важным дополнением цехового ремесла в общем русле тех прогрессивных перемен, которые привели к формированию в экономике раннекапиталистического уклада. Именно в ремесле, как городском, так и сельском, связанном с экспортной торговлей, возникали новые формы организации производства — простая кооперация, мануфактура, когда купец обеспечивал ремесленников сырьем и осуществлял сбыт готовой продукции. Эти новые тенденции под-

час обозначают, несколько расширительно, термином "протоиндустриализация".

Раннее новое время породило особые формы социальной организации ремесленников, прежде всего подмастерьев, которые в условиях "замыкания" цехов утрачивали перспективу стать самостоятельными мастерами, превращаясь в "вечных подмастерьев", по сути — наемных рабочих. В XVI в. множились разного рода "братства" (товарищества) ремесленников — портных, красильщиков, шляпников, обувщиков, слесарей и т.д. Создавались межобщинные и даже общенациональные профессиональные объединения. Братства вели разностороннюю деятельность — религиозную, благотворительную, финансовую (имели общую кассу), занимались организацией досуга своих членов. Одна из главных целей, которую они преследовали особенно настойчиво, состояла в защите экономических и социальных интересов членов братств от допускающих произвол мастеров, от несправедливых действий цеховых старшин и незаконных акций городских властей.

Братства выражали интересы квалифицированных рабочих многих городских ремесел: профессиональная организация позволяла им оказывать нажим на предпринимателей, сопротивляться вынужденным нормам эксплуатации, требовать справедливой заработной платы, не допускать найма работников, не имеющих должной квалификации. По пути социальной организации пытались идти и сельские ремесленники, хотя это и не всегда им удавалось — городские ремесленники имели больше опыта в самоорганизации и нередко копировали в братствах деятельность цехов, отстаивавших интересы мастеров.

Торговый капитал в ремесле и промышленности. Отличительные черты промышленного развития Европы в раннее новое время — все более массовый характер производства, рост его товарности, расширение рынка сбыта, что создавало условия для активного проникновения в сферу ремесла и промышленности торгового капитала, а отчасти становилось и следствием этого процесса. Проникновение торгового (купеческого) капитала в сферу ремесла и промышленности — процесс длительный, в экономике ряда стран Европы он наметился еще в XIV—XV вв. Неуклонно развиваясь, он вылился в подчинение ремесла торговому капиталу, и это стало наиболее распространенной формой хозяйственных отношений и в городе, и в деревне. Происходило расширение функций торгового капитала — в раннее новое время объектом его применения были уже не только торговля и банковское дело, но и организация промышленного производства. Именно торговый капитал выступал в эту эпоху инициатором нововведений в организации производства, ориентированного

на рынок, причем с тенденцией расширения экспорта продукции в другие страны.

Роль купца заключалась в следующем: он закупал сырье и доставлял его в промышленные центры, продавал его ремесленникам, выступал посредником в движении полуфабриката от одного специалиста к другому (от ткача к красильщику, от горных рабочих к металлургам и т.д.), скупал готовую продукцию и реализовывал товар на рынке. Так возникала рассеянная мануфактура. Организаторская деятельность купца или купеческой компании экономила время на изготовление единицы продукции, что повышало производительность труда в отрасли. Новая организация производства способствовала экономическому прогрессу, особенно в тех случаях, когда купеческий капитал осуществлял все перечисленные функции, полностью освобождая ремесленника от необходимости тратить время на закупку сырья, продажу полуфабриката или готовой продукции. Но именно это обстоятельство ставило ремесленника в полную зависимость от купца, ибо последний нередко выступал в роли кредитора, снабжающего его в долг сырьем или полуфабрикатом и устанавливавшего на них свою цену. Финансовая зависимость ремесленников от купцов — а с ними рука об руку действовали и ростовщики — вела к постепенной утрате самостоятельными производителями прав собственности на мастерскую, орудия производства и превращению их по сути в наемных рабочих. Экспроприация городских и сельских ремесленников, пауперизация основной массы производителей — процесс, неизменно сопутствовавший проникновению торгового капитала в сферу ремесла и промышленности.

Наиболее глубоким и широкомасштабным было внедрение торгового капитала в горное дело, металлургию, текстильное и книжное производства. Подчинение ремесла торговому капиталу происходило как вне рамок цеха, особенно в сельской местности, так и внутри него — в роли предпринимателей здесь выступали не только купцы, но и разбогатевшие мастера. Новые методы организации производства порождали изменения в социальном статусе его контрагентов: купец и мастер превращались в предпринимателей раннекапиталистического типа, а ремесленники формировали среду лишенных собственности наемных рабочих, предпролетариата.

В разных странах Европы подчинение ремесла купеческому капиталу имело свои особенности. Формирование раннекапиталистического уклада в европейской экономике шло разными путями и достигало неодинакового уровня, но в его основе лежали функции организации в единое целое всех звеньев производственного процесса в той или иной отрасли и кредитование его капиталом (закупка сырья и оплата труда ремесленников). Наиболее четкий характер формирования раннего капитализма приобрело в Англии XVI —

первой половины XVII в. Торговцы-скупщики осуществляли здесь предпринимательскую деятельность во всех отраслях промышленности. Так, в сукноделии они объединяли в единый производственный цикл работу всех ремесленников, занятых частичными операциями. На примере Англии хорошо видна и эволюция процесса подчинения ремесла купеческому капиталу: если в XV в. в сукноделии скупщики занимались лишь сбытом готовой продукции, то в первой половине XVI в. они все чаще стали переходить к контролю над всем производственным процессом. Купец нередко выступал здесь кредитором ремесленников или предоставлял им орудия производства.

Наиболее благоприятные условия для возникновения раннекапиталистического уклада в форме рассеянной мануфактуры складывались в Англии в сельской местности, где под влиянием огораживаний и усиления мобилизации (купли-продажи, дарений, залогов и т.д.) земельной собственности далеко зашел процесс расслоения и маргинализации крестьянства, что создавало рынок дешевой рабочей силы для сукноделия и других отраслей производства. Помогала расширению предпринимательства и близость сырьевой базы — в английском сукноделии использовалась, как правило, местная шерсть. И не случайно овцеводство превратилось в XVI в. в одно из ведущих направлений аграрного производства в Англии.

Раннекапиталистическое предпринимательство интенсивно развивалось и в Нидерландах. Наряду с традиционными суконщиками, занимавшимися лишь поставкой шерсти и сбытом сукон преимущественно на внутреннем рынке, действовали купцы-предприниматели, которые контролировали все этапы изготовления шерстяных тканей, предназначенных на экспорт. Крупные экспортные компании вкладывали капиталы не только в сукноделие, но также в льноткачество и изготовление ковров. Торговый капитал широко внедрился в рыболовный промысел — весьма развитую область экономики Нидерландов.

Городские цехи системой всевозможных запретов создавали преграды для роста раннекапиталистического предпринимательства, но таких препятствий не было в деревнях, поэтому именно в сельской местности часто возникали рассеянные мануфактуры в текстильном производстве. Более широкие возможности для предпринимательства нового типа предоставляло шелкоделие, которое изначально было в Нидерландах внецеховым. Но даже там, где долго сохранялась цеховая система, например в судостроении, в конце XVI — начале XVII в. заметно возрастала роль торгового капитала.

Цех не мог оказаться непреодолимой преградой для проникновения купеческого капитала в ту или иную отрасль ремесла. Так, в Швейцарии купцы-раздатчики широко внедрились в производство

бумазей, ориентированное на экспорт, что привело к послаблениям в цеховой регламентации. А в Аугсбурге в середине XVI в. купцы заключили договор с цехом ткачей на поставку грубой бумазейной ткани, предоставив ему кредит на покупку сырья. В итоге ткачи-ремесленники оказались в жесткой зависимости от купцов-предпринимателей в рамках традиционного цеха.

Спаянность цеховой системы с торгово-промышленным предпринимательством была характерна и для Италии, особенно для сукноделия Флоренции. В значительной мере именно эта спаянность не позволила элементам раннего капитализма, появившимся здесь еще в XIV—XV вв., сложиться в прочный, поступательно развивающийся экономический уклад. В XVI — начале XVII в. в текстильной промышленности Италии более свободно развивалось производство шелковых тканей, не имевшее в отличие от сукноделия жестких цеховых традиций.

Особый путь предпринимательства наметился в горном деле и металлургии. Главные европейские центры этой сферы промышленности сложились в Германии и Чехии. Так, во Фрайберге (Саксония) в середине XVI в. было 46 плавильных по выплавке серебра, которое поставлялось немецкими купцами во многие страны Европы. Однако в связи с массовым ввозом в Европу дешевого американского серебра эта отрасль горно-металлургического дела Германии оказалась в кризисе. Чтобы выстоять в условиях ухудшающейся рыночной конъюнктуры, немецкие компании, занимавшиеся добычей и выплавкой серебра, начали объединяться, укрупняя производство и снижая тем самым себестоимость продукции. Главной силой в активизации этого процесса выступали купцы: они взаимодействовали и с княжеской (регальной) администрацией, и с паевыми товариществами, и с городскими магистратами. Эти меры не дали, однако, оптимального результата: к концу XVI в. производство серебра в Саксонских рудных горах резко сократилось, многие рудники оказались заброшенными. Одна из причин упадка этой отрасли заключалась в том, что значительная часть прибыли присваивалась курфюрстами, имевшими регальные права на рудники, поэтому существенно снизить издержки производства не представлялось возможным. Наличие регальных прав сказывалось и на развитии предпринимательства в других отраслях горного дела Германии. В XVI в. регальные права на горнодобычу и выплавку металла неуклонно расширялись. В то же время права паевых товариществ, участниками которых были и немецкие купцы, все больше ограничивались; все это тормозило предпринимательство раннекапиталистического типа. Феодалная система в виде регальных прав оказалась в конечном итоге самым серьезным тормозом для развития раннего капитализма в горнорудной промышленности Германии. Сказалось

ни его судьбах и то обстоятельство, что крупное немецкое купечество (компании Фуггеров, Вельзеров, Имхофов и др.), державшее в своих руках горнорудную промышленность страны, активно занималось торгово-ростовщической деятельностью в международном масштабе и не было заинтересовано в радикальном техническом перевооружении рудников и плавильных в целях повышения конкурентоспособности производимого в Германии металла — оно имело иные источники громадных прибылей, в том числе торговые монополии и государственные займы.

Мануфактура. Подчинение ремесла и промышленности торговому капиталу, ориентированному на получение прибыли, влекло за собой поиски новых, более рентабельных форм организации производства. Такой формой раннекапиталистического предпринимательства стала мануфактура, основанная в целом на ручном труде, но максимально специализированном. Экономическую базу мануфактуры составляла собственность предпринимателя на орудия производства, организация и контроль за процессом изготовления продукции и ее сбытом, использование наемного труда работников. Раннее новое время отмечено многообразием видов мануфактуры — в зависимости от характера самого производства и степени охвата его капиталом. Мануфактуры были трех типов — рассеянная, смешанная и централизованная. Теоретически производительность труда повышалась от первого типа мануфактур к третьему, как повышалась в таком же порядке и степень проникновения предпринимателя в процесс производства, но историческая практика вносила свои коррективы.

Рассеянная мануфактура фактически возникала в тех видах ремесла, где предприниматель, купец или цеховой мастер, только издачей сырья и полуфабрикатов и скупкой продукции ставил в полную зависимость от себя всех вовлеченных в производственный процесс специализированных ремесленников, лишавшихся часто права собственности на орудия производства, но продолжавших трудиться у себя дома. Чаще всего такие мануфактуры складывались в текстильном деле, прежде всего в сукноделии: промывка и первичная обработка шерсти, прядение, ткачество, окраска ткани, ее отделка — все эти производственные фазы во многих странах осуществлялись трудом ремесленников различных специальностей в их собственных помещениях (мастерские могли быть арендованы у богатых горожан-домовладельцев или у цеха) или принадлежащих цеху — бассейны для промывки шерсти, прессы для вытягивания гукон и др. Наемные агенты — их нередко по традиции называли подмастерьями — предпринимателя или компании, объединявшей капиталы нескольких участников, осуществляли посреднические функции в организации всего технологического процесса. Нормы

труда и его оплата устанавливались предпринимателем и свидетельствовали о высокой степени эксплуатации ремесленников, особенно в сельской местности (чаще всего это были прядильщики и ткачи).

Число вовлеченных в одну рассеянную мануфактуру работников доходило до нескольких сотен. Так, в Англии в сукнодельческих рассеянных мануфактурах было занято от 200 до 500 ремесленников, трудившихся в своих мастерских. Кроме текстильного, рассеянные мануфактуры возникали в кожевенном деле, производстве веревок и канатов, в изготовлении предметов роскоши, в стеклоделии и других сферах ремесла. Рассеянная мануфактура не меняла традиционного характера ремесленного производства — оно оставалось мелким, ручным, с мало изменившимся инструментарием. Предприниматель получал прибыль за счет небольшого удешевления продукта, так как на его изготовление затрачивалось в целом меньше времени, чем прежде, когда ремесленники были связаны с рынком полуфабрикатов и готовой продукции. Однако главным источником прибыли была высокая норма эксплуатации труда. В сельской местности этому способствовало наличие у работников земли, приусадебного хозяйства, поэтому средств на воспроизводство рабочей силы требовалось меньше.

Более глубокой эволюции производства в рассеянной мануфактуре мешали цеховые установления: регламентация как технологии, так и объема производимой каждым ремесленником продукции. Он не мог произвольно экспериментировать в своей специальности, не имел права увеличить, к примеру, число ткацких станков в своей мастерской или нанять больше подмастерьев.

Экономически более эффективной оказывалась смешанная мануфактура, когда часть производственных операций производилась в мастерской предпринимателя. В сукноделии Флоренции в XV—XVI вв. в мастерской шерстяника наемные рабочие очищали и расчесывали шерсть, а также разглаживали готовую ткань и занимались ее окончательной отделкой. Остальные операции производились в мастерских ремесленников, связь между которыми осуществляли агенты компании шерстяников. ■■

В часовом деле детали часового механизма изготавливали ремесленники у себя дома, а сборку деталей производили в мастерской предпринимателя. Последний был более свободен в проявлении технологической инициативы и порой нарушал цеховое законодательство, которое касалось объема продукции и числа подмастерьев. Еще свободнее предприниматель вел себя, когда создавал производство в деревне. Смешанные мануфактуры складывались не только в текстильном деле, особенно в шелковом производстве, но и в новых отраслях промышленности, не скованных узами цеха, — в изготовлении бумаги, книгопечатании и других.

Самой эффективной формой раннекапиталистического предпринимательства стала централизованная мануфактура, когда весь технологический цикл осуществлялся под одной крышей трудом земных рабочих, лишенных собственности на орудия производства — приобретал предприниматель, который единолично, без всякой оглядки на цех устанавливал норму труда и его оплату. В централизованных мануфактурах (их было несравненно меньше, чем смежных и тем более рассеянных, поскольку требовались значительные вложения капитала) чаще осуществлялись технические и технологические усовершенствования, хотя и в них преобладал ручной труд, а разделение и все более мелкое дробление операций было главной линией повышения рентабельности производства. В целом производительность труда в централизованных мануфактурах была выше, чем в других видах раннекапиталистического предпринимательства: она достигалась с помощью максимально дробного, до простейших операций, разделения труда, а также за счет улучшения технологии производства и орудий труда. Ярким примером жизнестойкости централизованной мануфактуры и совершенства ее организации стали типографии — в XVI в. во многих европейских странах их насчитывалось по несколько десятков.

Три рассмотренные вида мануфактуры в реальной жизни той эпохи встречались в виде множества разнообразных переходных форм и с характерными для отдельных стран особенностями (о чем подробнее сказано в других главах учебника). Здесь же отметим общую закономерность развития раннекапиталистического предпринимательства: оно сформировалось как один из экономических укладов, наиболее прогрессивный, но в раннее новое время еще не изменивший в целом традиционный облик хозяйственной жизни Европы.

Мануфактура быстрее возникала в тех отраслях промышленности, где было необходимо дорогостоящее оборудование и сложная техника, или там, где процесс производства четко и легко разбивался на отдельные операции, а также где был широкий, особенно экспортный, рынок. Это — горное дело, кораблестроение, металлургия, металлообработка, изготовление пороха, производство бумаги, книгопечатание. В этих отраслях производства она оказывалась и более подготовленной, и более эффективной. Мануфактуры, отличавшиеся высокой степенью эксплуатации рабочих, быстро обогащали предпринимателей, особенно купцов, имевших выход на мировые рынки. Мануфактуры стали наряду с крупномасштабной международной торговлей, банковским делом и другими факторами европейской жизни важным источником первоначального накопления капитала. В складывании раннекапиталистического уклада особенно заметной была роль крупного торгового капитала. Так, в

Нюрнберге в середине XVI в. 21 отрасль ремесленного производства была охвачена мануфактурой — все они работали на экспорт. Швеция во второй половине XVI в. стала одним из главных поставщиков на мировой рынок железа, стали, оружия, изготовление которых было основано на раннекапиталистических началах. Мануфактурное производство оставалось одной из главных форм экономического развития Европы не только на протяжении XVI в., но и позже, почти до конца следующего столетия, вплоть до начала промышленного переворота.

Торговля и банковское дело. В XIV—XV вв. в организации и теории торговли и банковского дела лидировали итальянцы; в последующие столетия их опыт активно перенимали купцы и финансисты других стран. Изобретенная в Италии система финансового учета торговых операций — двойная бухгалтерия — и родившаяся там практика выдачи векселей прочно вошли с юнца XV в., и особенно в XVI в., в торговое и банковское дело ведущих стран Европы. Итальянские торговые компании и их зарубежные филиалы нередко становились школой, куда, к примеру, немецкие купцы посылали учиться своих сыновей. Осмыслился и национальный опыт коммерции, которая в каждой стране обогащалась все новыми и более совершенными формами. Эволюция торгового дела была особенно заметной в международной, в том числе океанической, торговле. Масштабы ее возрастали в связи с географическими открытиями, а к началу XVII в. в общих чертах сложился и мировой рынок.

В Англии, уверенно набиравшей торговую мощь в XVI в., сформировались два типа заморских торговых компаний. Первый тип — так называемая “регулируемая компания”, все участники которой вели торговлю самостоятельно, не объединяя капитал, но строго придерживаясь общих правил. Такими были Восточная (Балтийская), Русская (Московская), Левантийская компании. Ко второму типу относились акционерные компании — Ост-Индская, Африканская и другие, — где все члены вели торговлю сообща, а прибыль распределяли в соответствии с долей паевого участия. Каждая английская компания получала королевскую хартию, определявшую в числе прочего географическую зону ее торговли.

Деятельность крупных компаний Нидерландов — Ост-Индской, Прибалтийской, Московской, Левантийской — достигла большого размаха в первой половине XVII в. Их отличала система мелкого паевого участия и монополия на торговлю тем или иным товаром. В Германии, как и в Италии, компании были формой частного, преимущественно семейного предпринимательства. В крупных немецких городах в XVI в. насчитывалось по несколько десятков таких компаний. Самые могущественные торговые дома занимались экс-

портно-импортными операциями международного масштаба и нередко подчиняли своим интересам политику магистратов (Аугсбурга, Нюрнберга и других городов). Члены немецких компаний, подобно итальянским, заключали договор сроком от 3 до 15 лет, иногда продлевая его. Деловые решения в них принимались большинством голосов. В некоторых компаниях складывалась система централизованного управления, не способствовавшая проявлению свободной инициативы их членов. Существовали и торговые товарищества равноправных участников, когда каждый мог делать то, что служило процветанию компании.

Немецкие компании обычно пользовались правом монопольной торговли и разного рода привилегиями (разрешение на провоз товара, освобождение от пошлин и др.). Главными предметами их торговли были ткани — льняное полотно и бумага, металлы и металлоизделия, пряности. В торговле тканями немецкие купцы испытывали острую конкуренцию с нидерландскими, английскими, итальянскими торговцами текстилем, поэтому с целью усиления позиций на международных рынках они создавали объединения из нескольких своих компаний. Во второй половине XVI в., когда начал складываться мировой рынок, стала постепенно разрушаться система монопольных цен, прибыли немецких и многих других компаний заметно уменьшились.

В раннее новое время сложилась практика сочетания разных сфер помещения капитала: торговля дополнялась банковскими операциями (кредитными, депозитными и прочими), промышленным предпринимательством, ростовщичеством, наконец приобретением рент, сеньорий, разнообразных земельных владений. В первой половине XVII в. распространенным явлением стали биржевые спекуляции. Складывались и мировые центры финансовой деятельности — в Антверпене, Амстердаме, Генуе, Лионе, Безансоне. В Антверпене в середине XVI в. находились конторы всех крупных европейских торгово-банковских компаний. Они все чаще использовали систему векселей (переводные и обменные операции в условиях существования множества монетных систем) и безналичных платежей. В Антверпене, Лионе, Севилье возникли специальные вексельные банки. Стали обычными и депозитные операции — краткосрочные займы купцов и банкиров друг другу, часто от ярмарки к ярмарке. Большой размах в банковском деле получили спекулятивные операции — использовалась разница в вексельных и денежных курсах. Процентные ставки повыпались до 25% и более.

Весьма прибыльными, но и сопряженными с большим риском были долгосрочные займы правителям — они обеспечивались высоким процентом, предоставлением на откуп налогов, регальных прав, залогом недвижимости. Так, займы императора Карла V у Фуггеров

и Вельзеров обеспечивались доходами испанских духовно-рыцарских орденов. В 1523 г. ордена Алькантара, Калатрава и Сантьяго де Компостела были подчинены короне, и Карл V в качестве великого магистра имел часть их доходов. За первую половину XVI в. долги испанской короны Фуггерам выросли до двух миллионов гульденов. Во второй половине XVI — первые десятилетия XVII в. нередко происходили государственные банкротства — в Испании, Франции, Португалии, они серьезно подорвали кредит немецких и других торгово-банковских компаний.

Сельское хозяйство. Сельским хозяйством в раннее новое время по-прежнему занималось подавляющее большинство населения Европы. Эта главная сфера экономики оставалась мало подверженной изменениям как в агрикультуре, так и в наборе инвентаря. В методах землепользования можно отметить переход в ряде районов зернового хозяйства к многополью и трівосеянию по пару, а также более частое, чем в предшествующие столетия, применение удобрений. Множились виды железного сельскохозяйственного инвентаря, вытеснявшего деревянные орудия. В организации производства кардинальных сдвигов не было — оно оставалось мелким, индивидуальным, основанным на ручном труде с традиционным использованием тяги животных — лошадей и быков.

И все же под влиянием расширявшихся рыночных отношений сельский ландшафт начал меняться: во многих районах сокращались посевы зерна, но возрастали размеры площадей, занятых под сады и огороды, увеличивались масштабы возделывания технических культур — льна, конопли, красителей (вайды, марены, шафрана). Интенсификация методов хозяйствования была заметнее в виноградарстве, садоводстве, чем в хлебопашестве, она происходила главным образом под влиянием требований городского или внешнего рынков (например, экспортная торговля вином). Продовольственные запросы горожан заметно воздействовали на расширение огородных культур. В рацион западноевропейского горожанина теперь входили, помимо традиционных овощных культур, картофель, помидоры, цветная капуста, артишоки, паржа.

Происходила эволюция поземельных отношений: разные формы феодального держания хотя и не исчезали (порой менялся лишь юридический статус землепользователя), но уступали место свободной срочной аренде с тенденцией к сокращению ее сроков, характерной для многих стран. В этом были непосредственно заинтересованы земельные собственники, поскольку малый срок — от 3 до 5 лет — позволял чаще менять условия аренды и повышать плату за землю, приводя ее в соответствие с изменяющейся рыночной конъюнктурой.

Средний слой крестьянства, состоявший преимущественно из

лично свободных арендаторов сравнительно небольших участков земли, все чаще ориентировал свое хозяйство на связь с рынком. Это выразилось, в частности, в отказе от земледелия и переходе к интенсивному садоводству, виноградарству, разведению технических культур. Для этого слоя характерно использование наряду с семейным наемного труда.

Крестьянская беднота, хотя и имела небольшое приусадебное хозяйство, не всегда обеспеченное рабочим скотом, главный источник существования видела в заработной плате, нанимаясь к богатым соседям, городским земельным собственникам, фермерам. Из массы бедняков формировался сельский предпролетариат, вовлекавшийся и в организуемое предпринимателями деревенское ремесло.

Складывалась и прослойка фермерства — крупных арендаторов (или собственников) земли, к обработке которой привлекались батраки. Фермерские хозяйства обычно носили товарный характер, в них чаще встречались новые методы интенсификации труда и продиктованная рыночными условиями специализация. Фермерами становились как выходцы из зажиточных крестьян, так и горожане, переключавшиеся на сельскохозяйственное предпринимательство. Раннекапиталистические отношения начали проникать и в деревенскую экономику, но их удельный вес в сельском хозяйстве был невелик.

Рыночные отношения вовлекли в свою сферу и животноводство. Рост сукноделия вызвал расширение овцеводства в Англии, Испании, Франции, Германии, Южной Италии, не только снабжавших шерстью местный рынок, но и в большом количестве экспортировавших ее. Более широкий международный характер, чем прежде, приобретала торговля скотом и продуктами животноводства. Одним из главных поставщиков такого товара в страны Центральной Европы были Венгрия и некоторые районы Германии. В Венгрии купцы скупали скот у мелких владельцев и перегоняли его на крупные ярмарки за пределами страны. Возникали товарищества купцов-скототорговцев. В Ломбардии на фермерской основе развивалось молочное хозяйство, ориентированное на широкий сбыт продукции. Большинство местных сельскохозяйственных рынков было привязано не только к традиционным, временным и постоянным ярмаркам, но и к возникавшим новым рыночным местечкам, еще более прочно связывавшим большие и малые города с деревенской округой. Разрастались масштабы городской торговли сельскохозяйственной продукцией — мясом, молоком, зерном, овощами, фруктами. Большое распространение в ряде стран получила торговля горожан-«коробейников», разносчиков ремесленных товаров, проникавших в самые отдаленные сельские районы. Ускорение процессов обмена между городом и деревней, а также между отдельными областями и регио-

нами — характерная примета раннего нового времени. Рост товарооборота стимулировал развитие транспортной системы, прокладывание новых торговых путей как местного, так и международного масштаба.

Транспорт. В межрегиональной торговле, а с началом Великих географических открытий и межконтинентальной, резко возрастала роль морского транспорта, появились новые типы кораблей. В Италии и Португалии начали строить каравеллы, отличавшиеся большей грузоподъемностью и маневренностью. В судостроении решались две проблемы — увеличение грузоподъемности кораблей и установка на них орудий. Усиление вооружения судов диктовалось разгулом пиратства в XVI в. на главных торговых маршрутах в Северном, Балтийском и Средиземном морях. Самыми мощными и большими на Балтике были корабли, строившиеся в Любеке, — трехпалубные, с орудиями на каждой палубе. Судостроители Италии (в Венеции и Генуе), Испании (в Кадисе и Малаге), Португалии (в Лиссабоне и Порту), Англии, Голландии, Скандинавии стремились не только увеличить скорость морских судов и их грузоподъемность, но и обеспечить надежную защиту от пиратов.

В раннее новое время на морских просторах курсировали два типа судов — парусные и гребные, причем первые постепенно вытесняли традиционные гален. В первые десятилетия XVII в. лидерами в европейском судостроении стали голландцы и англичане — их суда были более совершенными и дешевыми. Корабли, строившиеся в Республике Соединенных провинций (куда входили Голландия и Зеландия), охотно покупали Англия, Франция и некоторые другие страны. Оптимальным типом торгового судна стал “флойте” — его начали строить в конце XVI в. в Голландии. Разработанные голландцами принципы кораблестроения заимствовали ганзейцы, испанцы, португальцы. В Средиземном море курсировали суда, во многом сохранявшие конструктивные принципы прежних времен, а основу военного флота нередко составляли гален. Серьезными достижениями было отмечено искусство мореходства, чему способствовали новые шаги в морской картографии. Улучшились навигационные приборы, с помощью которых определялось положение небесных светил. Еще в XV в. немецким ученым Региомонтаном были созданы более точные астрономические таблицы.

Совершенствовалось и картографирование сухопутных дорог. Важным достижением стала публикация в 1554 г. карты Европы, созданной Меркатором. Возникли новые типы экипажей, колеса которых теперь имели металлические спицы. Появились новые многочисленные “итинерарии” (путеводители), облегчавшие путешествия.

Первоначальное накопление капитала. Генезис капитализма. В исторически длительном процессе утверждения капиталистического способа производства раннее новое время было эпохой складывания предпосылок капитализма и становления раннекапиталистического уклада в экономике феодального общества. Одна из главных сторон этого процесса — первоначальное накопление капитала в различных его формах — торгового, банковско-ростовщического и промышленного — в условиях более высокого, чем в средние века, уровня производства и обмена. В раннее новое время товарное обращение быстро перерастало локальные и национальные рамки, приобретая широкий международный размах. Первоначальному накоплению дали мощный импульс Великие географические открытия и связанное с ними освоение новых земель и торговых путей, что ускорило складывание мирового рынка. В XVI — первой половине XVII в. неуклонно возрастало производство на экспорт товаров массового потребления, торговля ими европейских стран приобретала куда более значительные, чем прежде, масштабы. Торговля с колониями, в которой норма прибыли была особенно велика, ускорила формирование крупного купеческого капитала.

Существенное воздействие на экономическое развитие Европы оказала так называемая "революция цен" (своеобразный механизм обесценивания денег) — повышение цен на продовольствие, вызванное увеличением массы денег, находившихся в обращении. С освоением американских колоний, богатых залежами драгоценных металлов, и грабежом сокровищ индейцев начался приток в Европу дешевого золота и серебра — низкая их себестоимость была связана с использованием на рудниках почти дарового труда местного населения. Длившаяся многие десятилетия "революция цен" приводила к обогащению самых разных слоев европейского общества в зависимости от экономической и политической ситуации в той или иной стране. Так, в Англии от нее выиграли преимущественно новое дворянство и фермеры, в Испании — гранды, в Германии — крупное купечество.

Накоплению капиталов в сфере торговли благоприятствовала система монополий, сложившаяся еще в предшествующие столетия. В ряде стран требования рядового купечества ввести свободную торговлю и решительно бороться с монополиями на торговлю отдельными видами товаров оказались в целом тщетными. Монополии нередко насаждались или активно поддерживались королевской властью. Так было в Испании, Англии, Франции. Процесс первоначального накопления ускорялся и благодаря значительной разнице в ценах на многие "колониальные" товары. Так, продажная цена на привозимые из Индонезии, Индии, Аравии пряности в сто и более раз превышала их стоимость на месте производства. В первоначаль-

ном накоплении немалую роль играл и такой важный экономический фактор эпохи, как наличие дешевой рабочей силы в условиях массовой пауперизации крестьянства и городских ремесленников. Особенно дешевым был женский и детский труд, широкое использование которого стало характерной и весьма печальной приметой времени.

В банковско-ростовщической сфере накопление капитала имело свои многочисленные источники — государственные и крупные частные займы, система откупов на сбор налогов, ростовщическое кредитование ремесленников (займы под залог мастерской, станков, инвентаря) и в особенно широком масштабе — финансирование под высокие проценты крестьянства. Денежная зависимость арендаторов и других категорий держателей земли от ростовщика углубляла дифференциацию в их среде, это способствовало пополнению рынка свободной рабочей силы и в то же время вело к значительному обогащению заимодавцев.

Промышленный капитал в раннее новое время еще только начинал складываться как самостоятельная финансовая сфера, чаще он был одной из функций торгово-банковского капитала. В новых формах организации промышленности, прежде всего в мануфактурах, создавались благоприятные условия для первоначального накопления. Росту прибыли здесь способствовали: повышение производительности труда, немалую роль в которой играли технические усовершенствования и улучшение технологии производства; отсутствие конкуренции на рынке рабочей силы; наконец, проводившаяся в ряде стран протекционистская политика власти.

Когда в деятельности отдельных купеческих домов, компаний, кланов сочетались все функции капитала, то создавались условия для образования огромных для той эпохи, подчас миллионных, состояний. Наличие крупных капиталов было важным, но не единственным условием активизации процесса генезиса капитализма. К тому же далеко не всегда накопленные в торгово-банковской сфере крупные денежные массы устремлялись в промышленность, в предпринимательство раннекапиталистического типа. Более надежным, как и прежде, оставалось вложение капитала в земельную собственность и прочую недвижимость. Нередко богатое купечество тратило огромные суммы на приобретение дворянских титулов и званий, на покупку выгодных должностей в государственном аппарате, а также на поддержание пышного, престижного образа жизни. Все это в немалой мере определило замедленность процесса генезиса капитализма и даже обратимость раннего капитализма в ряде стран (в Испании, Италии, Германии).

Помимо накопления капитала, другим важным экономическим условием генезиса капитализма было наличие рынка свободной на-

смой рабочей силы. В раннее новое время такой рынок активно формировался за счет пауперизации крестьянства и городских ремесленников. Лишенные средств производства, выбитые из привычной жизненной колеи, бедняки были вынуждены продавать свой труд предпринимателю на выгодных для него условиях. Законы против бродяжничества (в Англии, Франции) принуждали к труду нищих и бродяг, насильственно вовлекая их в сферу раннекапиталистического производства и делая их объектом особенно жестокой эксплуатации. Социально разнородная масса бедного люда была, как правило, лишена всякой правовой защищенности и обречена на жалкое, полунищенское существование даже в тех случаях, когда добровольно или по принуждению получала работу на мануфактурах. Генезис капитализма сопровождался небывалой интенсификацией труда и высокой нормой эксплуатации наемных работников (низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, использование труда женщин и детей, которым платили меньше за равный с мужчинами труд).

Одной из главных исторических предпосылок генезиса капитализма был высокий уровень разделения общественного труда, а также технические сдвиги в ведущих отраслях промышленности, что сделало возможным организацию мануфактурного производства. Поступательный характер генезиса капитализма, его необратимость во многом зависели и от широты экспорта производимых товаров массового спроса. Так, немалую их часть начали поглощать колонии, что подтолкнуло производство одежды, утвари и других товаров в странах Европы.

В раннее новое время раннекапиталистический уклад сложился или начал складываться в большинстве стран Европы. Динамика его развития активно влияла и на традиционные формы феодального производства, побуждая к изменениям в цеховом ремесле, арендных отношениях, свободном мелкотоварном хозяйстве. Ранний капитализм обозначил главную линию экономического прогресса в Европе в последующие столетия.

АНГЛИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Экономическое развитие. В течение всего XVI в. в Англии наблюдался устойчивый рост населения. Если в начале века его численность составляла приблизительно 2,5—3 млн человек, то к концу — уже около 4,1 млн. Особенно быстро росло население городов. Уровень урбанизации в Англии был высок и в период классического средневековья, но на протяжении XVI в. возникло множество небольших новых центров (преимущественно сукнодельческих). Лондон превратился в один из мегаполисов Европы того времени, его население увеличилось с 50 тыс. в 1500 г. до почти полумиллиона к середине XVII в. За столицей следовали крупные ремесленные и торговые центры — Бирмингем, Манчестер, Ливерпуль, Йорк, Глостер, и порты — Бристоль, Ньюкасл. Их обслуживали мелкие рыночные городки и сельская округа, специализировавшиеся на поставках продовольствия и всего необходимого для жизни большого города. Лондон, например, кормили восемь окрестных графств.

В силу компактности территории страны, между крупными городами, рыночными местечками и сельскими поселениями пролегла разветвленная сеть коммуникаций, способствовавшая установлению прочных торговых связей. Наличие сложившегося внутреннего рынка — один из факторов, способствовавших подъему английской экономики в первой половине XVI в.

Главной отраслью английского производства было сукноделие. Шерстяное сукно, составлявшее около 82% национального экспорта, называли “источником жизни и краеугольным камнем всей торговли и промышленности королевства”. В технике и технологии ткачества не произошло существенных сдвигов, однако качество английских сукон повысилось за счет разведения новых пород овец с длинной и тонкой шерстью, использования специальных сортов валяльной глины, особой воды и красителей — квасцов и вайды. Расширился ассортимент производимых тканей, призванный максимально удовлетворить потребности различных рынков (как внутреннего, так и внешних): здесь ткали грубые и тонкие сукна, гладкие и камвольные (с ворсом), шерсть, имитирующую хлопчатобумажную ткань, и т.д. В парламентских статутах XVI в. упоминается

14 основных разновидностей сукна. В конце XVI — начале XVII в. в Англии в районе Манчестера возникло собственное хлопчатобумажное производство, сырьем для которого служил хлопок-сырец, привозимый из стран Леванта. Мастера-эмигранты из Франции и Нидерландов основали в Лондоне и Колчестере производство шелковых тканей.

Бурный подъем текстильного производства объяснялся не только накоплением навыков и специализацией различных регионов Англии, но и важными сдвигами в самой его организации — возникновением мануфактур. Уже в конце XV в. появились крупные централизованные мануфактуры, подобные мастерской знаменитого суконщика “Джека из Ньюбери”, в которой работало 940 человек, специализировавшихся на различных операциях. Рабочую силу для подобных предприятий вербовали из крестьян, пришедших в город на заработки, детей бедняков, женщин и разорившихся городских ремесленников. Число последних росло несмотря на усилия цехов поддержать их. Одной из причин разорения массы ремесленников стал неуклонный рост цен на сырье и продовольствие вследствие “революции цен”, лишивший многих мастеров хозяйственной самостоятельности, а подмастерьев и учеников — надежды на получение статуса мастера.

Однако уставы городских цехов стесняли развитие крупного централизованного производства, что вызвало “бегство” сукноделия из его традиционных центров в небольшие рыночные местечки и сельскую округу, где доминировала рассеянная мануфактура. Ее организаторами выступали как разбогатевшие мастера-ремесленники, купцы, так и дворяне, занимавшиеся овцеводством. Раздавая сырье ткачам-надомникам и собирая у них готовую продукцию, суконщики-предприниматели экономили средства на строительстве мастерских, закупке станков и заработной плате неквалифицированным работникам, что увеличивало прибыли. Рассеянная мануфактура превратила в наемную рабочую силу массу городских и сельских жителей, для многих из них заработная плата стала основным источником дохода.

Суконщики наряду с купечеством составляли самую богатую прослойку зарождавшейся английской буржуазии. Их прибыли позволяли покупать земли и дворянские титулы, отдавать детей в университеты. В памфлете начала XVII в. говорилось о таком предпринимателе: “Его слава и богатства возросли, его дом подобен королевскому дворцу, у него за столом постоянные пиры... Его семья уже не занимается производством сукна”. Однако для многих переход в ряды дворянства не означал прекращения деловой активности: вкладывая капиталы в землю, суконщики начинали зани-

маться овцеводством, обеспечивая дешевым сырьем собственные мануфактуры.

С середины XVI в. наметился подъем в английском горном деле и металлообработке благодаря вложению в эти отрасли средств новых паевых товариществ, привлекавших капиталы купечества, богатых горожан, дворянства и короны. В технической реорганизации горнорудной промышленности пригодился опыт мастеров-эмигрантов из Германии и Нидерландов. К концу века значительно вырос объем добычи серебра, олова, свинца, меди, ртути в рудниках Девона, Корнуолла и Уэльса. Англия превратилась в крупнейшего экспортера олова и свинца в страны Европы. Улучшилось качество и увеличился объем выплавляемых железа и стали; если раньше Англия импортировала их, то к концу XVI в. она стала экспортером этих металлов и изделий из них — холодного оружия йоркширского и глостерского производства, огнестрельного оружия и артиллерийских орудий, пользовавшихся большим спросом в Европе. Во всех этих отраслях получила распространение мануфактура.

Растущие потребности металлургии привели к тому, что в мощных доменных печах в Англии стали шире применять каменный уголь вместо древесного. Однако окончательный переход на каменный уголь и кокс совершился не ранее XVII в.

Больших успехов достигло английское кораблестроение. Качество военных и купеческих судов, обладавших высокой маневренностью, грузоподъемностью и хорошо оснащенных артиллерией, позволило Англии войти в число лидирующих морских держав.

Сферой, в которой раннекапиталистический уклад развивался быстрыми темпами, стали и так называемые “новые производства”. Появляясь на английской почве впервые и основываясь на новых технологиях, они не были стеснены цеховым регулированием. К ним относились изготовление пороха, стекла, зеркал, бумаги, мыла, сахара, селитры. Сложное и дорогое оборудование, необходимое в этих отраслях, закупалось на средства партнеров-пайщиков, которые делили свои прибыли пропорционально вложенным капиталам.

Структура и организация торговли. В результате Великих географических открытий и перемещения торговых путей в Европе островная Англия, обладавшая прекрасными портами, оказалась в чрезвычайно выгодном положении. К концу XVI в. ее торговля приобрела поистине мировой характер, распространившись на новые рынки во всех известных частях света, вооружившись собственным флотом и избавившись от посредничества венецианских и ганзейских купцов.

Структурные сдвиги в английском производстве отразились и на характере торговли. Если в конце XV в. англичане вывозили овечью шерсть и невыделанное сукно, которое окрашивали во

Фландрии или во Франции, то в XVI в. в числе экспортируемых товаров преобладало высококачественное выделанное сукно. Объем его поставок только одной компанией "купцов-авантюристов" — старейшим объединением экспортеров сукна, вырос в течение XVI в. в три раза и достиг 100 тыс. кусков в год. Его покупали в Германии и Нидерландах, в Испании, Португалии, Италии, в Балтийском регионе и России, во Франции. Самые тонкие и высококачественные ткани сбывались в Османской империи. В Бразилию и испанскую Вест-Индию наряду с сукном поставляли и льняные ткани. Основными покупателями английских металлов — меди, олова и свинца — были Франция, страны Средиземноморья, а холодного и огнестрельного оружия — Испания и ее колонии в Новом Свете, Северная Африка и Левант. В то же время Англия оставалась экспортером продовольствия, поставляя пиво в Германию и Нидерланды, соль — на Балтику, пшеницу — во Францию, Португалию, на Азорские и Канарские острова, сельдь — в страны Средиземноморья; масло, сыры, вина и сахар — во многие страны Европы и американские колонии. Среди ввозимых английскими купцами товаров наибольшим спросом пользовались испанские, французские и немецкие вина, пряности, шелка и изюм.

Английские компании делились на регулируемые — в которых каждый член объединения торговал на основе собственного капитала, лишь подчиняясь общим правилам, и акционерные. Это был новый тип товарищества, в котором пайщики объединяли свои средства, закупали на них товары, снаряжали суда, а затем делили прибыль или убытки пропорционально авансированному капиталу. Успехи английской торговли сделали купечество богатейшей прослойкой общества.

Купеческие капиталы направлялись в сферу ростовщичества и банковского дела; в XVI в. английские предприниматели практически полностью отказались от услуг ломбардских, немецких и антверпенских банкиров. Центр крупных финансовых операций переместился в Лондон, где открывались биржи и крупные банковские конторы.

Другой областью приложения купеческих капиталов стала покупка земель ради занятия прибыльным овцеводством или земледелием на основе фермерской аренды, носившей раннекапиталистический характер.

В результате бурного развития производства и торговли в Англии XVI в. сложилась многочисленная прослойка раннебуржуазных предпринимателей, у которых, по выражению современника, "каждый шаг — шиллинг, каждое слово — сделка". В их среде утверждалось чувство собственного достоинства и уважения к своему занятию.

Аграрное развитие и социальные сдвиги в деревне. Отличительной особенностью английской экономики было то, что раннекапиталистические отношения возникали не только в городе, но и в деревне. В конце XV — первой половине XVI в. здесь сложилась благоприятная конъюнктура для развития сельского хозяйства, определявшаяся высоким спросом городов на продукты питания, большими потребностями промышленности в сырье, а также постоянным ростом цен на них. В этих условиях особенно прибыльными были занятия интенсивным зерновым хозяйством, мясо-молочным скотоводством и овцеводством.

Английское “новое дворянство” — прослойка среднего и мелкопоместного джентри, тесно связанного с рынком, стремилось использовать экономическую конъюнктуру, но этому препятствовало то, что значительная часть их земель была роздана крестьянам-держателям (фригольдерам и копигольдерам), владевшим землей по старинному праву и платившим лендлордам невысокие фиксированные денежные ренты, реальная стоимость которых падала из-за последствий “революции цен”. Лендлорды старались постепенно вытеснить их с земель, требуя непомерно высокой платы за допуск к наделу после истечения сроков прежних договоров и увеличивая новые ренты в десятки раз. Не имея возможности заплатить такие деньги, крестьяне покидали свои наделы, пополняя слой малоземельных “коттеджеров” и сельских наемных работников. Лендлорды сдавали освободившиеся площади в краткосрочную аренду, устанавливая за нее очень высокую плату. Эту тенденцию подметили современники: “Джентльмены, которые обычно воевали, теперь стали добрыми хозяевами и, подобно фермерам или селянам, хорошо знают, как получить наивысшую отдачу от своей земли, берут фермы в собственные руки, либо сдают тем, кто заплатит им больше всех”.

Среди других форм деловой активности нового дворянства были переход к прибыльному овцеводству, организация сельских мануфактур по производству сукна, разработка полезных ископаемых. Нередко предприимчивые джентльмены становились пайщиками торговых компаний и тогда под их контроль попадал весь процесс — от выращивания овец и производства сукна в их поместьях до его сбыта за границей, что приносило новому дворянству большие прибыли.

В то же время значительная часть дворянства продолжала жить по старинке за счет традиционных крестьянских рент. Поскольку поступления от них неуклонно сокращались, этот слой “старого дворянства” сталкивался с серьезными материальными трудностями и был вынужден искать новые источники доходов — на королевской службе при дворе, в аппарате управления или на военном поприще.

Под воздействием товарно-денежных отношений деформировалась социальная структура английской деревни: разложение крестьянской общины стало реальностью. С одной стороны, выросло число обезземеленных и малоземельных крестьян, нанимавшихся поденщиками за заработную плату или порой просто за похлебку, с другой — сформировался немногочисленный, но мощный слой крепких крестьян, сколотивших состояния благодаря удачной торговле и спекуляции на рынках. Их, как и лендлордов, стесняли общинные обычаи: чересполосица, система открытых полей, общие для всех нормы выпаса скота. В этих условиях зажиточное крестьянство стремилось собрать свои наделы в единый массив путем обменов с соседями, покупок, аренды, и выделить его из общинных полей, огородив как личную собственность. Этот процесс получил название “собрание ферм”. Таким образом, именно крепкие крестьяне первыми открыли выгоды огораживаний. Доходность такой земли, если на ней по-прежнему занимались выращиванием зерновых, вырастала в 1,5—2 раза, а при переходе к овцеводству — многократно.

Поскольку “собрание ферм” и выход из общины были затруднительны, крепкие крестьяне нередко становились фермерами на землях дворян-лендлордов, предпочитая арендовать большие земельные массивы, для обработки которых нанимали за заработную плату сельских поденщиков. Фермер выступал организатором хозяйственной деятельности, а собственник земли превращался в “рантье”. Получаемая им арендная плата была уже не крестьянской рентой, а частью прибыли раннекапиталистического предпринимателя-фермера. Под внешне традиционными отношениями лендлорда и съемщика земли скрывалась совершенно новая система хозяйства, основанная на наемном труде.

Начало аграрного переворота. Генезис раннекапиталистического уклада, естественно порождаемого мелким товарным производством в условиях рынка, получил в конце XV — первой половине XVI в. мощный импульс благодаря начавшимся в Англии массовым огораживаниям, сопровождавшимся насильственным сгоном крестьян с их земель. Экономические выгоды овцеводства и торговли шерстью были очевидны современникам, однако свободных площадей для пастбищ не хватало. В этих условиях английское дворянство пошло на открытое попрание крестьянских прав и стало захватывать сначала общинные угодья, а затем и пахотные земли, которые огораживали изгородями или рвами и проводили так называемую “конверсию”: пашню засеивали травой, превращая ее в пастбище для овец. Там, где прежде жили и возделывали урожай тысячи крестьян, теперь паслись огромные отары овец под присмотром одного-двух пастухов, что позволило канцлеру Генриха VIII писате-

лю-гуманисту Томасу Мору сказать, что в Англии "овцы съели людей".

Монархи из династии Тюдоров пытались бороться с огораживаниями, регулярно запрещая их и принимая законы "о поддержании земледелия" и восстановлении пашни, однако английское дворянство игнорировало их. Масштабы "конверсии" пахотных земель в пастбища были столь велики, что Англия, ранее экспортировавшая зерно, стала испытывать его нехватку и закупать за границей. Земельный рынок чутко отреагировал на это, и часть лендлордов вернулась к интенсивному земледелию и мясо-молочному скотоводству на огороженных землях, приносивших теперь высокий доход.

Законодательство против экспроприированных и сопротивлении огораживаниям. Изгнанные со своих наделов крестьяне, лишенные жилищ, которые безжалостно сносили или жгли, не находили применения своему труду, поскольку масштабы развития городских и сельских мануфактур были недостаточны, чтобы поглотить такую массу экспроприированных. Они превращались в пауперов, скитающихся по дорогам, выпрашивающих милостыню или живущих разбоем. Толпы бродяг и нищих создавали угрозу миру и социальному порядку в королевстве. Будучи не в силах остановить огораживания, Тюдоры перешли к репрессиям против их жертв. Работоспособных нищих, женщин и детей в принудительном порядке стали загонять в специально создаваемые работные дома. Любой желающий мог нанять паупера на работу за ничтожно малую плату и использовать как раба; в случае отказа тому грозили телесные наказания и тюрьма. Уличенных в бродяжничестве секли плетью, клеймили, отрезали уши и вырывали ноздри, а в случае повторных арестов — казнили.

Огораживания вызывали протесты и организованное сопротивление крестьян. Объектом их ненависти становились сами изгороди — символ разрушения патриархального деревенского мира и торжества частной собственности: их сносили и поджигали, крестьяне вторгались на огороженные пастбища и демонстративно вскапывали их, требуя вернуть прежние порядки.

В 1530-е годы волна крестьянских волнений прокатилась по Линкольнширу и Йоркширу, в 1549 г. возникло сразу два очага восстания — на западе страны в Девоне и Корнуолле, и на востоке — в Норфолке и Саффолке, где во главе восставших встал Роберт Кет. Это движение — самый крупный крестьянский мятеж XVI в., однако требования повстанцев были весьма умеренными: они просили лишь о строгом соблюдении антиогораживательных законов и были готовы допустить огораживания, проводившиеся ради разведения шафрана, которыми занимались многие зажиточные крестьяне в Саффолке и Эссексе. В случае же невыполнения их условий ленд-

лордами они угрожали "снести изгороди, засыпать канавы и дать каждому возможность пользоваться общим пастбищем". Несмотря на успехи восставших на первом этапе и захват ими крупного города Норича, в решающем сражении армия Р. Кета была разгромлена, а сам предводитель казнен.

Становление абсолютизма в Англии. Складывание английской абсолютной монархии и ее расцвет связывают с династией Тюдоров (1485—1603), утвердившейся на престоле после завершения кровопролитной войны Алой и Белой роз. Одержав в битве при Босуорте победу над Ричардом III, граф Ричмонд, родоначальник новой династии, короновался как Генрих VII (1485—1509). В его жилах текла кровь Ланкастеров, женившись же на Елизавете Йоркской, король положил конец многолетней распре аристократических кланов. Новый государь принадлежал к числу наиболее образованных людей своего времени, был ценителем литературы и искусства, покровителем итальянских художников и скульпторов, приглашенных к его двору. В то же время он оказался расчетливым политиком, властным и жестоким по отношению к противникам, чрезвычайно изобретательным в выманивании денег у своих подданных и экономным в управлении финансами.

В период междоусобиц и анархии позиции королевской власти ослабли: крупные магнаты, опираясь на феодальные дружины, пользовались широкими политическими вольностями и юрисдикцией. Генрих VII распустил ливрейные отряды, служившие знати, сравнял с землей замки непокорных и истребил кланы тех, кто мог бросить вызов его власти. Конфискованные земли и имущество мятежников пополнили государственную казну, Генрих VII стал одним из самых богатых монархов Европы: его состояние достигало 2 млн фунтов стерлингов. Он также ликвидировал судебные права лордов, расширив юрисдикцию королевских судов.

Эти меры стали возможны благодаря поддержке, оказанной централизаторской политике государя самыми широкими слоями английского общества, уставшего от войны, а также парламентом. В конце XV — начале XVI в. сложилась новая система отношений между короной и английским дворянством. Уцелевшие представители аристократии были вынуждены проявлять лояльность, но чтобы создать прочную опору престолу, Генрих VII стал насаждать так называемую новую "тюдоровскую аристократию", даруя титулы и земли своим сторонникам, которых вербовал из рядов джентри. Двор Генриха VII и его сына — Генриха VIII стал центром притяжения для среднего и мелкопоместного дворянства, открывая возможности для придворной, военной или чиновничьей карьеры, что было особенно важно в условиях материального оскудения "старого дворянства". Тюдоры отбирали на службу дворянскую молодежь,

получившую образование в университетах, при них светские лица впервые потеснили клириков в аппарате государственного управления.

Централизаторскую политику отца продолжил Генрих VIII (1509—1547), подчинивший сохранявшие прежде независимость северные графства и Уэльс, для управления которыми были созданы Совет Севера и Совет Уэльса. Генрих VIII был незаурядной натурой, восшествие на престол этого высокообразованного человека, книгочея и мецената, породило у английских гуманистов надежды на наступление эпохи просвещенного правления. Его по праву называют первым “ренессансным” государем Англии, придавшим блеск и величие ее монархии и двору. Однако его властный нрав и нетерпимость к любым проявлениям непокорности привели к усилению неограниченной власти короля и установлению деспотического режима.

Авторитарные тенденции в управлении и уверенность в божественном характере собственной власти были свойственны всем представителям династии Тюдоров. Однако в английской политической теории XIV—XV вв. сложилась традиция рассматривать эту страну как “смешанную монархию”, где король правит с согласия сословий, в союзе с парламентом и подчиняясь законам государства. И несмотря на то, что в общественной мысли начало формироваться проабсолютистское течение, утверждавшее в угоду королю, что его власть имеет неограниченный характер, в сознании большинства англичан XVI в. их государство было не абсолютной, а “смешанной” монархией. Тюдоры, проводя на практике авторитарную политику, тем не менее проявляли политическую гибкость и всемерно подчеркивали свою готовность считаться с правовыми традициями и сотрудничать с парламентом.

В правление Генриха VIII при активном участии его канцлера Т. Кромвеля были проведены важные реформы государственного управления, в результате которых возник более совершенный, разветвленный и профессиональный бюрократический аппарат. Главным административным органом стал Тайный Совет, выделившийся из аморфного Королевского совета, в который входили все пэры королевства. Сфера деятельности Тайного Совета была практически неограниченной: он определял внешне- и внутривластическую линию, ведал финансами и обороной. Доминирующие позиции в нем занимали не министры двора, а лорд-канцлер, лорд-казначей, государственный секретарь, лорд-адмирал и маршал королевства, — чиновники высшего ранга, чьи функции были связаны с решением общегосударственных задач. На протяжении XVI в. все больший вес приобретала должность государственного секретаря: из слуги монарха, ведавшего личной королевской печатью, он превратился в коор-

динатора работы Тайного Совета, министра, курировавшего также разведку и дипломатическое ведомство.

Важную роль в укреплении монархии Тюдоров сыграло развитие судебной системы. Частная юрисдикция местных магнатов была окончательно уничтожена, большинство дел рассматривалось в центральных королевских судах. Особое место в системе судопроизводства занимала Звездная Палата, учрежденная Генрихом VII для борьбы с оппозицией феодальной знати и рассматривавшая дела о государственной измене.

Весь аппарат тюдоровского центрального управления не превышал 1500 человек и лишь небольшая его часть получала жалование из казны. Источником доходов большинства чиновников были официально установленные вознаграждения от просителей, таким образом корона перекладывала содержание своей бюрократии на население.

Система местного управления отличалась своеобразием: она была представлена двумя "эшелонами власти", зачастую дублировавшими функции друг друга. С одной стороны, это были шерифы, назначавшиеся в графства королем и ведавшие коронными землями, с другой — мировые судьи, ежегодно избиравшиеся на собраниях местного дворянства из "наиболее уважаемых джентльменов". Работа последних не оплачивалась, считаясь почетной обязанностью.

Система мировых судей была разветвленной и эффективной (поэтому утверждение о "слабости" тюдоровской администрации неточно), но специфика английской бюрократии заключалась в том, что она не превратилась в замкнутую касту, живущую за счет жалования, а сохраняла тесную связь и общие экономические интересы с местным дворянством, из которого рекрутировалась.

Еще одной особенностью английского абсолютизма было отсутствие постоянной армии. В мирное время личная королевская гвардия насчитывала около 200 человек. В военные кампании за морем монархи призывали своих вассалов-дворян и использовали наемников-профессионалов.

Система обороны страны от иностранного вторжения основывалась на отрядах местной милиции, в которую входили все самостоятельные мужчины (йомены-крестьяне и горожане-фримены), прошедшие обучение военному делу и имевшие соответствующее вооружение.

Островное положение Англии определяло большее внимание Тюдоров к флоту, чем к армии, так как опасность могла грозить только из-за моря. Королевский флот, который величали "деревянными стенами Англии", был создан указами Генриха VII и Генриха VIII. Их навигационные акты всемерно поощряли судостроение.

Ядро королевских морских сил составляли 40—50 кораблей, но prerогативой монарха было потребовать мобилизации всех частных купеческих и рыбацких судов в случае войны.

Парламент в тюдоровскую эпоху. Одной из особенностей английского абсолютизма было то, что наряду с новыми бюрократическими органами управления сохранил свои позиции и парламент, который не только послушно вотирует налоги, но и активно участвовал в законотворчестве. Более того, сфера парламентского законодательства постоянно расширялась: в XVI в. в нее входили экономическое и социальное регулирование, вопросы религии и церковного устройства и даже утверждение порядка престолонаследия. Жизнестойкость парламента была обусловлена глубокими политическими традициями, а также особенностями его социального состава в начале XVI в., поскольку отсутствие резкого антагонизма между рыцарями и горожанами, заседавшими в палате общин, затрудняло манипулирование сословиями со стороны короны. С другой стороны, сами Тюдоры были заинтересованы в сохранении органа, который поддерживал приход их династии к власти и санкционировал многие важные политические шаги монархии.

Парламент состоял из двух палат — палаты лордов, которых персонально приглашали на сессии личными письмами короля, и палаты общин, состав которой формировался на основе выборов в городах и графствах, что позволяло депутатам заявлять, что они представляют интересы всего королевства. Тюдоровский парламент не был независимым политическим институтом: государь и высшие чиновники имели возможность влиять на процедуру выборов и диктовать местным дворянам, кого бы они хотели видеть в нижней палате. В нем сохранялись и своеобразные отношения феодально-бюрократического патроната: многие депутаты группировались вокруг ведущих государственных деятелей и отстаивали внесенные патронами законопроекты. Сговорчивость парламента также была одной из причин его успешной интеграции в новую систему власти. Тем не менее к концу столетия нижняя палата парламента стала проявлять все большую независимость, что отражало упрочение экономического и политического положения джентри и торгово-предпринимательских элементов, претендовавших на реальное участие в определении экономического курса и внутренней политики.

В XVI в. в английском парламенте окончательно сложились нормы и процедура законотворчества: правила подачи биллей спикеру, регламент их трехкратного слушания, принципы работы согласительных комиссий при редактировании законов. Здесь сформировалась собственная дисциплина и корпоративная идеология, основывавшаяся на идеях ответственности за дела государства и высокого престижа депутатов. В XVI в. за ними закрепились некоторые

привилегии, признанные Тюдорами и получившие название "парламентских свобод". В начале каждой сессии спикер просил монарха даровать им свободу высказываться, не опасаясь преследования, свободу доступа парламентских делегаций к королю и свободу от ареста за деятельность в стенах парламента. Первым в истории спикером, испросившим "свободы слова" у Генриха VIII, был Томас Мор. На деле парламентские привилегии соблюдались далеко не всегда, но они легли в основу представления о политических правах личности в Англии.

Королевская реформация. Важным шагом в укреплении абсолютизма в Англии стала церковная реформация, начатая по инициативе Генриха VIII.

Евангелические идеи стали распространяться здесь в 20-е годы XVI в. благодаря влиянию французских и немецких реформаторов. Они находили отклик в самых разных слоях общества, что было обусловлено глубокой местной традицией полемики со Святым престолом — раннереформационным учением Д. Уиклифа и проповедями лоллардов в XIV—XV вв. Лютеранство было популярно преимущественно в бюргерской среде, благодаря оживленной торговле с германскими и нидерландскими городами, откуда в английские порты тайно ввозилась протестантская литература. Однако в это время требование реформы церкви еще не вылилось в Англии в широкое общественное движение.

Реакция английских гуманистов на выступления Лютера была неоднозначной: в Оксфордском университете к ним отнеслись критически, в то время как в Кембридже у него появились последователи — У. Тиндал, М. Ковердейл, Т. Кранмер, Х. Латимер — будущие деятели реформации. Уильям Тиндал в 1524 г. перевел Новый Завет на английский язык, но первые издания его труда, запрещенного в Англии, увидели свет в Германии.

Официальные власти заняли антилютеровские позиции: Генрих VIII лично выступил против "немецкой ереси" с трактатом в защиту семи таинств, за что получил от папы почетный титул "защитника веры". Однако отношение короля к Реформации резко изменилось в ходе конфликта с Римом, начавшегося из-за бракоразводного процесса Генриха VIII с его первой женой Екатериной Арагонской.

Многолетний брак с испанской принцессой не дал королю наследника мужского пола, поставив под сомнение судьбу престола и самой династии Тюдоров. Генрих VIII обратился к папе с просьбой объявить его брак недействительным и разрешить жениться на англичанке Анне Болейн, однако получил отказ от Климента VII, который не осмелился бросить вызов испанскому королевскому дому. Политические, династические и личные соображения заставили

Генриха VIII пойти на беспрецедентный шаг: аннулировать брак с Екатериной, он женился на Анне Болейн, уже ожидавшей ребенка, который должен был стать законным наследником престола. Это привело к открытому конфликту с Римом и так называемой “королевской реформации”. По настоянию государя заседавший с 1529 по 1536 г. “парламент реформации” принял ряд статуты, направленных на создание в Англии независимой от Рима национальной церкви, подчиненной королю. Это были законы об ограничении уплаты папе аннатов и “пенни Св. Петра” — церковной десятины, о запрете апеллировать в Рим и об отмене папской юрисдикции над английским духовенством. Итогом этой деятельности стал Акт о супрематии (1534), провозглашавший Генриха VIII верховным главой церкви Англии, именовавшейся отныне “англиканской”. Его власть объявлялась имперской — исключавшей подчинение другому суверену, в том числе и главе римско-католической церкви.

Реформация, насаждаемая “сверху”, не вызвала энтузиазма в обществе, но нашла активную поддержку “придворной партии”, возглавляемой канцлером Т. Кромвелем, и ближайшего окружения королевы Анны Болейн, покровительствовавшей кембриджским теологам Х. Латимеру и Т. Кранмеру. Кранмера назначили архиепископом кентерберийским, первым лицом в англиканской церкви после короля. Ловкий и беспринципный политик Т. Кромвель обеспечил успех “парламента реформации”, тщательно формируя состав депутатов, не брезгуя щедрыми посулами и откровенным подкупом. Под его давлением парламентарии одобрили секуляризацию церковной собственности. В 1536—1540 гг. в пользу короны были конфискованы земли монастырей, приоратов, церквей и часовен. Секуляризация сопровождалась разграблением церквей, бесценных монастырских библиотек, уничтожением образов и скульптуры, разрушением гробниц католических святых. Монашеские ордена были разогнаны, монастырские школы и госпитали закрыты. Колоссальные земельные владения церкви обогатили казну; часть их король передал в награду своим ближайшим сподвижникам, часть — получили придворные аристократы и дворянство, некоторое количество земель было сдано в аренду. Секуляризация стала одним из источников накопления капиталов в аграрной сфере. Она вызвала очередную волну огораживаний, которые проводили новые собственники. Масса крестьян — бывших держателей монастырских земель, пополнила армию пауперов. Среди руин древних монастырей паслись овцы, а уцелевшие здания арендовали суконщики, устраивая в них мануфактуры.

Методы, которыми проводилась реформация, а также ее теоретическое обоснование вызвали протесты многих убежденных католиков, некоторые из них эмигрировали на континент. Генрих VIII

решительно подавлял всякие проявления инакомыслия: за отказ присягнуть ему как главе церкви были казнены бывший канцлер, философ и писатель-гуманист Томас Мор и епископ Рочестерский Дж. Фишер.

Политическим итогом королевской реформации стало подчинение церкви государю и включение ее в систему государственных институтов. Реформация обогатила и идейный арсенал абсолютизма: власть монарха объявлялась божественной по происхождению, а он сам — наместником Христа на земле, попытки сопротивления ему безоговорочно осуждались.

Догматические вопросы и организационные реформы в церкви занимали короля значительно меньше. Первый англиканский символ веры "Десять статей" содержал множество внутренних противоречий. В нем декларировался лютеранский принцип оправдания верой, однако с оговорками о пользе добрых дел; с другой стороны — допускалось почитание святых, но "без чрезмерного поклонения и ложного суеверия". Из католических таинств в англиканстве, в отличие от лютеранства, были сохранены три — крещение, причащение и покаяние (исповедь). Были сохранены также иерархия духовенства, пышные облачения священников, богатое внутреннее убранство церквей, процессии и музыка во время богослужения. Таким образом, англиканская церковь заняла промежуточное положение между католической и лютеранской. Консерватизм королевской реформации выразился и в отношении к распространению Библии на английском языке. Хотя Генрих VIII и санкционировал ее выход, он запретил читать ее и комментировать простонародью — ремесленникам, подмастерьям и земледельцам.

Утверждение новой веры и более радикальные преобразования в англиканской церкви совершились в правление сына Генриха VIII Эдуарда VI (1547—1553). Юный король и два протектора, правившие Англией в годы его малолетства, герцоги Сомерсет и Нортумберленд, были убежденными протестантами. При них были приняты положения, приблизившие англиканскую церковь к лютеранской модели: о таинстве причащения как чисто символическом действе, о необходимости причастия под обоими видами для мирян и о разрешении браков духовенства. Осуждалось почитание икон, отменялись ограничения на чтение и толкование английской Библии, новое издание которой вышло в переводе М. Ковердейла. Несмотря на успехи реформации при Эдуарде, далеко не вся Англия приняла новую веру, в северных и западных графствах население сохраняло верность прежней религии. Дальнейшие события показали, что итоги королевской реформации были обратимы.

Контрреформация Марии Тюдор. По завещанию Генриха VIII, после смерти Эдуарда VI ему наследовала старшая дочь Генриха от

брака с Екатериной Арагонской — Мария Тюдор (1553—1558), убежденная католичка, не отрекшаяся от своей веры несмотря на угрозы отца. Тем не менее англичане признали легитимность принцессы. Мария немедленно восстановила католическую церковь, монашеские ордена и прежние отношения с Римом. Из эмиграции вернулись ее сторонники, а протестанты стали покидать страну. Королева воздержалась от полной реституции конфискованных у церкви земель, поскольку это могло затронуть интересы большого числа новых собственников, однако возвратила те земли, которые оказались в распоряжении короны.

Целью ее внешней политики стало сближение с Испанией и домом Габсбургов. Ее родственник Карл V, превратившийся в главного советника английской королевы, предложил скрепить англо-испанский союз браком Марии и его сына Филиппа (будущий Филипп II Испанский). Это вовлекло Англию в орбиту габсбургских интересов на международной арене и в неудачную войну с Францией на стороне империи, в которой англичане потеряли свое последнее владение на континенте — порт Кале. Угроза утраты Англией самостоятельности и опасение, что испанцы получают ключевые посты в управлении и при дворе, привели в 1554 г. к восстанию патриотически настроенных протестантов во главе с кентским рыцарем Т. Уайаттом, которое, однако, было подавлено, а его лидер — казнен.

Восстановление католичества, с радостью принятое в северных и западных землях, тем не менее уже не отвечало интересам большинства населения. Мария Тюдор начала преследования протестантов, сопровождавшиеся пытками "еретиков" и кострами. За эти жертвы она получила прозвище "Кровавая". Смерть бездетной королевы, пользовавшейся стойкой нелюбовью в народе, была встречена ликованием.

Елизаветинское религиозное урегулирование. Характер церковного устройства стал предметом ожесточенных споров после восшествия на престол Елизаветы I (1558—1603), дочери Генриха VIII от брака с Анной Болейн, не признанного папой. В глазах католиков она была незаконнорожденной и не имела прав на престол. Католические епископы, составлявшие большинство в палате лордов, выступали за сохранение церкви, восстановленной Марией Тюдор, а вернувшиеся в Англию из Женевы эмигранты требовали не только возвращения англиканства, но и более радикальных реформ в духе кальвинизма. Во избежание дальнейшего раскола общества Елизавета избрала срединный путь, восстановив умеренную англиканскую церковь в том виде, в котором она существовала при Эдуарде VI. Ее иерархическая структура и обрядность остались близкими к католическим, однако в новом Символе веры, принятом в 1571 г. —

“39 статей”, содержалось положение об оправдании верой и признавались только два таинства — крещение и причащение.

В первые десятилетия ее правления умеренная политика королевы, заявлявшей, что она не желает “подглядывать за тем, что делается в душах ее подданных”, обеспечила религиозный мир, однако с конца 70-х годов обострились противоречия официальных властей как с католиками, так и со сторонниками радикальной реформации. Елизавета I ужесточила меры против всех, кто не признавал англиканскую церковь. С католиков требовали официальной подписки о признании королевы главой церкви, без которой они не допускались к государственным должностям, не могли получить университетской степени. С другой стороны, ужесточился надзор за радикальными священниками, склонными к кальвинизму, которых лишали церковных должностей за попытки отойти от норм англиканского богослужения.

Абсолютизм и радикальная реформация. Сторонников углубления реформации, очищения англиканской церкви от “пережитков папизма” называли пуританами (от лат. “*purus*” — чистый). Теологическая и политическая доктрина пуритан была близка к кальвинизму, воспринятому англичанами в эмиграции. Пуританское движение, исподволь распространявшееся с 40-х годов XVI в., приобрело множество сторонников во второй половине века в самых разных слоях общества, но преимущественно — среди зажиточного бюргерства, которому импонировала кальвинистская этика набожности, трудолюбия и аскетизма.

В 60—70-е годы пуритане надеялись, что сама королева Елизавета возглавит дальнейшую реформу церкви, упразднит епископат и иерархию духовенства. Однако она справедливо усмотрела в их требованиях вызов светской власти и угрозу своему авторитету главы англиканской церкви, заявив: “Сначала они захотят убрать епископов, а потом — меня”.

Лишившись надежд на поддержку властей, пуритане развернули в 70—90-е годы кампанию критики существующей церкви в парламенте, созвали национальный Синод пуританских священников и разработали тактику скрытого насаждения “истинной церкви в англиканстве”, согласно которой священники сохраняли видимость подчинения официальным церковным властям, а на деле вели богослужение по кальвинистскому образцу. Чтобы разоблачить их деятельность, архиепископ кентерберийский учредил в 1583 г. особую комиссию, перед которой каждый священник приносил присягу на верность англиканству. Деятельность комиссии вызвала волну возмущения пуритан и острые дебаты в парламенте о правах подданных в вопросах веры.

В политическом отношении в среде английских пуритан к кон-

цу XVI в. выделилось умеренное пресвитерианское направление, которое требовало подчинить церковь общенациональному Синоду духовенства, и более радикальное течение — индепенденты, отвергавшие единство церкви и выступавшие за полную независимость общин верующих как от светских, так и церковных властей.

Экономическая политика Елизаветы I. Правление Елизаветы I нередко называют "золотым веком" и пиком расцвета английского абсолютизма. Это связано с успехами ее экономической политики в 70—80-е годы XVI в., основывавшейся на принципах протекционизма — покровительства национальному производству и торговле. Королева активно поощряла развитие горнодобывающей промышленности и металлургии, под ее эгидой и при непосредственном участии были созданы первые паевые товарищества в этих отраслях. Она поддерживала и "новые производства", выдавая лицензии и патенты тем, кто открывал и внедрял новые технологии.

В то же время в традиционных производствах Елизавета I покровительствовала цеховым организациям, стремясь предотвратить разложение прежних корпоративных структур, и поощряла самые сильные из цехов — так называемые "ливрейные компании" лондонского Сити.

Протекционизм во внешней торговле выражался в таможенной политике, благоприятствовавшей вывозу английских товаров, и в активном поощрении купеческих компаний, получавших королевские хартии и монопольные права на ведение торговли. В правление Елизаветы I к существовавшим ранее компаниям купцов-авантюристов, Испанской и Московской, добавились Балтийская (Эстляндская), Берберийская (Гвинейская), Левантийская и Ост-Индская. Увеличение числа компаний в свою очередь стимулировало развитие английского кораблестроения и текстильной промышленности. Королева активно вкладывала собственные средства в операции купеческих компаний. В ряду протекционистских мер было и вытеснение из страны ганзейских купцов, много лет экспортировавших английское сукно на своих кораблях. Корона поддерживала свое купечество и дипломатическими средствами, помогая закрепиться на внешних рынках. Нередко официальные дипломатические миссии в Московском государстве, Турции, странах Леванта и Индии возглавляли торговые агенты компаний.

Тем не менее протекционизм и государственное регулирование в сфере производства и торговли имели и обратную сторону. Корона извлекала из них немалую выгоду для себя, хартии и лицензии предоставлялись за значительную плату в казну. В правления купеческих компаний королева нередко вводила своих чиновников или придворных аристократов, давая им возможность обогатиться. Недовольство предпринимателей и купечества вызывала практика раз-

дачи торговых монополий частным лицам, когда исключительное право на экспорт или импорт какого-то товара предоставлялось кому-либо из придворных, а купечеству приходилось выкупать у него свое право на торговлю. В 70—80-е годы торгово-предпринимательские слои мирились с тем, что корона присваивает себе часть их прибыли, однако уже в 90-е годы они окрепли настолько, что стали выступать против монопольных привилегий с лозунгом “свободы торговли”.

Торговая и колониальная экспансия Англии. Несмотря на свое удобное островное положение, Англия не была в числе лидеров в начале эпохи Великих географических открытий. Правда, еще в 1496 г. итальянцы Джованни и Себастьяно Каботто (Кабот) предложили Генриху VII исследовать в интересах английской короны неизвестные земли в “западных, восточных и северных морях”. Целью их поисков был северо-западный или северо-восточный путь в Индию. В 1496/97 гг. они обследовали побережье Северной Америки и район Ньюфаундленда, открыв для Англии богатейшие рыбные промыслы.

Экспедиция в северо-восточном направлении была предпринята только в 1553 г. под предводительством Ф. Уиллогби и Р. Ченслера. Они и снарядившие корабли пайщики надеялись добраться по морям и Ледовитому океану в Индию и Китай, а потому запаслись письмами к “великому китайскому хану” и другим неведомым восточным владыкам. Однако обогнув Скандинавию, английские корабли замерзли во льдах недалеко от устья Северной Двины в районе Холмогор. Оттуда Р. Ченслер добрался до Москвы и был представлен Ивану IV, после чего между Англией и Московией установились активные дипломатические и торговые отношения. Получив от Ивана Грозного привилегии на русском рынке, Московская компания основала свои фактории в Холмогорах, Ярославле, Вологде, Устюге, Пскове и Новгороде.

Тем не менее англичане не отказались от поиска пути в Индию: в своем стремлении на восток они достигли устья Оби и побывали в Сибири, но сочли дальнейшее продвижение бесперспективным. В Московии они обнаружили более выгодный торговый путь по Волге и Каспийскому морю в Персию. Московская компания экспортировала в Россию сукна и оружие, а вывозила пеньку, корабельный лес, мед и воск. Торговля с Россией велась не только в обход Скандинавского полуострова, но и через Балтийское море: проходя через Зундский пролив, корабли прибывали в Нарву. В 1579 г. была основана Эстляндская (Восточная) компания для торговли со странами Балтийского региона и Скандинавии.

Проникновение английского купечества в страны Ближнего Востока, как со стороны Московии, так и через Средиземное море,

привело к установлению регулярных дипломатических и торговых отношений с Турцией. Получив привилегии от султана, англичане основали в 1581 г. Левантийскую компанию, импортировавшую восточные товары, шелк, пряности и хлопок-сырец.

Следующим шагом в продвижении на восток стало создание в 1599 г. Ост-Индской компании, пайщицей которой была сама королева. Компания утверждалась в Индии в остром соперничестве с голландскими купцами, потеснившими к тому времени португальцев. Благодаря сильному флоту и превосходству в артиллерии англичанам удалось закрепиться в Индии. В начале XVII в. они основали фактории в Сурате и Мадрасе. Индия стала плацдармом для проникновения в Китай и Японию, где в 1613—1623 гг. существовала английская фактория.

Другим направлением английской торговой экспансии был Новый Свет. В 40—60-е годы XVI в. купечество Дорсета, Девоншира и Корнуолла вело взаимовыгодную торговлю с населением испанских колоний, поставляя им английские товары и африканских рабов. Однако с середины 60-х годов власти Вест-Индии, охраняя испанскую монополию на торговлю с Америкой, ужесточили меры против сношений колонистов с “контрабандистами” и “еретиками”, к которым относили англичан. Их корабли и товары конфисковывались, а членов команд безжалостно вешали на реях. В ответ в 1572 г. английский капитан Ф. Дрейк совершил рейд в Карибское море и захватил несколько испанских кораблей с богатой добычей, навсегда получив от испанцев прозвище “Дракон”. На океанских просторах развернулась необъявленная война между англичанами и испанцами. Целью англичан стала охота за “золотыми” и “серебряными” флотами, перевозившими драгоценные металлы в Европу, и грабеж прибрежных городов в Вест-Индии. Их рейды носили полупиратский-полукоммерческий характер и были прибыльным делом: в них охотно вкладывали средства дворяне приморских графств, купечество, даже члены Тайного Совета и сама государыня, хотя официальный Лондон никогда не признавал своего участия в этих предприятиях.

В декабре 1577 г. Ф. Дрейк приступил к выполнению дерзкого плана, одобренного королевой и Тайным Советом: он собирался обогнуть Южную Америку, выйти через Магелланов пролив в Тихий океан и атаковать сокровищницу испанцев — серебряные рудники Чили и Перу, а затем завершить кругосветное плавание. Он стал вторым в истории человеком, с блеском осуществившим этот замысел и преодолевшим сложный проход у Огненной земли, карты которого англичане не имели. Корабли Дрейка пересекли Атлантику, ограбили побережье Южной Америки, обогнули ее и вышли к Перу. Там они захватили несколько испанских галеонов с таким

количеством золота, что часть его пришлось отдать испанским матросам. Затем Дрейк поднялся на север до побережья современной Калифорнии, впервые обследовал его и окрестил "Новым Альбионом", пересек Тихий океан, остановившись на Молуккских островах, чтобы заключить там договор о торговле пряностями с местным султаном. Пройдя Индийский океан и обогнув Африку, он вернулся в Плимут в сентябре 1580 г. Захваченная им добыча была огромна и принесла большой доход короне. Елизавета I поднялась на борт "Золотой лани" — флагмана Дрейка, и лично произвела своего адмирала в рыцари.

Елизаветинские "морские волки" были не только пиратами, но и первооткрывателями. В 1576—1578 гг. М. Фробишер и Х. Гилберт исследовали Гренландию. У. Рэли в 1595 г. исследовал бассейн реки Ориноко в Южной Америке, назвав эти земли Гвианой.

В 70—80-е годы англичане предприняли несколько попыток основать собственные колонии в Северной Америке. Усилиями Х. Гилберта и У. Рэли возникли первые поселения на о. Роанок и в Виргинии (1585), названной так в честь королевы-девственницы Елизаветы I, однако они просуществовали недолго. Первой постоянной колонией англичан стал Джорджтаун в Новой Англии (1607). В начале XVII в. сюда стали прибывать эмигранты-пуритане, основывавшие здесь крупные сельскохозяйственные фермы. Продолжилось и освоение Виргинии. Позже англичане, используя труд африканских невольников, стали возделывать там хлопок на плантациях.

Колонизация Ирландии. Если торговая экспансия была связана с успехами английской экономики и становлением в ней раннекапиталистического уклада, то колонизация соседней Ирландии носила принципиально иной характер. Англия предпринимала попытки захватить Ирландию с XII в. К началу XVI в. оплотом англичан были хорошо укрепленные юго-восточные земли — Пейл, за пределами которого им противостояли соперничавшие между собой ирландские кланы, не знавшие верховной власти. В 1541 г. Генрих VIII объявил себя королем Ирландии, опираясь на право, признанное римскими папами за английскими монархами еще в XII в.

Насаждение протестантизма в Ирландии не имело успеха; большинство населения осталось католиками и на протяжении XVI в. поддерживало все антианглийские кампании Испании, Рима и иезуитов. В покоренных областях Ирландии вождей местных кланов принуждали отказываться от древних прав на их земли в пользу английского короля, который затем снова жаловал их своим союзникам, но уже как сюзерен — вассалам. Во второй половине XVI в. по мере продвижения англичан на север Ирландии они перешли к массовым конфискациям земель с последующей передачей их колонистам. Их поместья и замки превращались в крепости, пребываю-

щие на осадном положении среди враждебного местного населения. Крупные земельные владения передавались чиновникам созданной в Ирландии английской администрации и военным. Обязательным условием их освоения было заселение выходцами из Англии, которым не разрешалось вступать в браки с местным населением.

Лишенные земель ирландцы превращались в бесправных мелких арендаторов или поденщиков. Многие в поисках пропитания эмигрировали в Англию или в Новый Свет. В 1594 г. в североирландской провинции Ольстер началось восстание против англичан, которое возглавили графы Тирон и Тирконел. Главным требованием "мятежников" было свободное исповедование католической веры и право выбирать собственную администрацию. Елизавета I направила на подавление восстания огромную армию, оказавшуюся бессильной перед тактикой партизанской войны, к которой прибегали ирландцы, и труднопроходимыми болотами. Тем не менее Ольстер был покорен в 1603 г. в ходе очередной карательной экспедиции лорда Маунтджоя, наместника Ирландии, который применил против повстанцев эффективную тактику, сжигая их деревни и посевы. Яков I, сменивший на престоле Елизавету, конфисковал земли Ольстера, раздав их английским и шотландским колонистам. В начале XVII в. в освоении покоренных земель приняли участие и английские города: городским корпорациям разрешили приобретать здесь недвижимость и основывать новые поселения. Грабеж соседней страны способствовал накоплению капиталов в самой Англии, в то время как в Ирландии насаждалась отжившая система феодальных поземельных отношений.

Англо-шотландские отношения. В своем стремлении упрочить позиции Англии на Британских островах Тюдоры столкнулись с извечной проблемой непокорного северного соседа — Шотландии, которая на протяжении всего средневековья отстаивала свою независимость от посягательств английских королей. Между двумя странами издавна существовали торговые связи, но не менее стойкой традицией были пограничные конфликты, частные феодальные войны английских и шотландских магнатов, грабительские рейды и угон скота. Во внешней политике Шотландия, опасаясь южного соседа, ориентировалась на Францию. Первые Тюдоры попытались разрушить традиционный франко-шотландский альянс, предложив новый династический союз: Генрих VII выдал свою дочь за короля Шотландии Якова IV Стюарта, однако это не обеспечило желанного "вечного мира" и англо-шотландские войны продолжились при Генрихе VIII.

В 1542 г. после смерти Якова V Стюарта корону унаследовала правнучка Генриха VII малолетняя Мария Стюарт, которую в детстве отправили во Францию, где позднее выдали замуж за короля

Франциска II, в то время как Шотландией правила ее мать — регентша Мария Лотарингская, представительница французского аристократического рода Гизов. Она опиралась на французские войска, расквартированные в Шотландии, французы занимали ключевые посты при дворе, что вызвало недовольство местных лордов и дворянства. В стране начала усиливаться проанглийская партия. Ее влияние возросло в связи с начавшейся в Шотландии реформацией.

В 40—50-е годы в Шотландии получили распространение кальвинистские идеи популярные как в среде горожан, так и у дворянства. Вдохновителем реформации был Джон Нокс, бывший англиканский священник, эмигрировавший в период правления Марии Тюдор в Женеву. По его инициативе был создан союз кальвинистов — Ковенант, выступивший за свержение королевы-католички, изгнание французов и союз с Англией. Разгорелась война между кальвинистами и католическим дворянством, поддерживаемым французами. Поскольку превосходство было на стороне последних, Елизавета I стала оказывать помощь шотландским протестантам, посылая оружие и деньги, а затем открыто вступила в войну, что осложнило ее отношения с Марией Стюарт, которая претендовала на английский престол. Ее кандидатуру поддерживали папа римский и католические государи, считавшие Елизавету незаконнорожденной узурпаторшей. В 1559 г. Мария и ее муж Франциск II официально приняли титул английских королей, но это лишь подстегнуло англичан, чей флот помог шотландским протестантам одержать решительную победу. Триумф протестантов увенчался в 1560 г. подписанием Эдинбургского договора, по которому французские войска покидали Шотландию, а управление страной передавалось Совету из 12 высших лордов королевства. Кальвинисты, получив свободу вероисповедания, немедленно приступили к секуляризации церковных имуществ, санкционированной парламентом.

Однако Мария Стюарт не признала Эдинбургского договора и не отказалась от своих прав на английский престол. Когда после смерти мужа она вернулась в Шотландию, ей пришлось заискивать и перед кальвинистами, и перед Елизаветой I. Уверая “кузину” в своей преданности, Мария надеялась, что бездетная Елизавета объявит ее своей официальной преемницей на троне. Этому должен был способствовать и ее новый брак с англичанином лордом Дарнли, родственником Тюдоров, что повышало шансы этой королевской четы получить английскую корону. Внутриполитическая борьба шотландских католиков и протестантов обострилась до крайности, когда Дарнли был убит новым фаворитом Марии Стюарт, а ее обвинили в связях с убийцами. В 1567 г. началось восстание кальвинистов, вынудившее шотландскую королеву отречься от престола в пользу малолетнего сына — Якова VI и бежать. Она прибыла в

Англию, где вскоре была заключена под стражу. Даже как пленница она была опасна для английской королевы. Католическое дворянство северных графств было готово поднять оружие и возвести Марию на престол. Франция, Испания и Рим обещали свою поддержку. Католические державы втайне обсуждали планы высадки десанта в Ирландию и интервенции в Англию.

В 1569 г. в северной Англии началось восстание под лозунгом восстановления "истинной веры". Однако его политические лидеры — графы Нортумберленд и Вестморленд — намеревались освободить Марию Стюарт и возвести ее на престол вместо "еретички". Протестантское население поддержало королеву и правительственная армия разгромила повстанцев, многие из которых были казнены. Религиозный мир, который удавалось поддерживать Елизавете в течение двух десятилетий, был нарушен.

Папа Пий V издал буллу о низложении королевы Англии и призвал ее подданных к сопротивлению, несколько покушений на ее жизнь организовали иезуиты. Дипломаты Франции и Испании усиленно интриговали с находившейся в заключении Марией Стюарт. После того, как была перехвачена переписка шотландской королевы, в которой она соглашалась с планами интервенции в Англию и свержения Елизаветы, Мария Стюарт была предана суду и казнена в 1587 г. Это решение было восторженно принято массой протестантского населения, в глазах которого Елизавета I была защитницей истинной веры и символом национальной независимости Англии.

Обострение англо-испанских противоречий. С конца 70-х годов англо-испанские отношения неуклонно ухудшались: пиратские рейды, захваты испанского золота, негласная помощь, которую Англия оказывала кальвинистам в восставших Нидерландах, привели к противостоянию двух держав как на море, так и на суше. Окружение Филиппа II призывало его "раздавить гнездо еретиков". Казнь Марии Стюарт стала удобным поводом для интервенции. Испанские силы вторжения были готовы к 1587 г., но неожиданная контратака английского флота сорвала планы Филиппа II. Эскадра под командованием Ф. Дрейка подошла к порту Кадис и атаковала стоящий на якоре испанский флот, потопив корабли и захватив сам город.

Испанцам потребовался год, чтобы снарядить новый флот — Армаду из 130 кораблей с 18 тыс. солдат на борту. В Дюнkerке к ним должны были присоединиться свежие силы из состава испанской армии в Нидерландах. Противостоявший Армаде английский флот состоял из небольшого ядра королевских кораблей, а также частных пиратских и купеческих судов. Они, однако, отличались маневренностью и были лучше вооружены дальнобойной артиллерией, что и сыграло главную роль в разгроме испанцев. Последние

рассчитывали не на морское сражение, а на высадку многочисленного десанта, тактика же англичан заключалась в непрерывных налетах на Армаду, пока она продвигалась по проливам, отделяющим Англию от континента. Целый месяц Дрейк с небольшими силами атаковал испанцев, в то время как основная часть английского флота под командованием адмирала Ховарда прикрывала подход к Дувру — месту предполагаемой высадки врага. В результате не сумевшая взять пополнение в Дюнкерке и изрядно потрепанная Армада пристала к французскому берегу в Кале, где ее атаковал Дрейк с лодками-брандерами, начиненными взрывчаткой, вынудив уцелевшие корабли сняться с якоря. Ветер увлек их на мели в районе Зеландии, где многие погибли; оставшиеся, без сил и провизии, обогнули Британские острова и с трудом возвратились домой, потеряв две трети солдат и кораблей. Победа над Великой Армадой (1588) знаменовала собой утверждение Англии в роли новой морской державы.

В 80-х годах она превратилась в европейского лидера протестантских государств. Поддерживая активные дипломатические контакты с немецкими князьями-протестантами, посылая экспедиционные корпуса на помощь восставшим Нидерландам и французским гугенотам, Елизавета I снискала репутацию "протестантского папы".

Методы политической пропаганды и управления. Королева Англии довела до совершенства ренессансное искусство управления. Ее политическая риторика основывалась на таких понятиях, как "общественное благо", "интересы нации". В арсенале елизаветинских пропагандистских средств были поездки двора по стране, в ходе которых государыня являла себя подданным, встречаясь с представителями городов и провинциальным дворянством; торжественные театрализованные процессии в лондонском Сити, публичные праздники в день инаугурации, а также программные речи в дни открытия сессии парламента. Лейтмотивом ее выступлений была мысль — "у вас может быть лучший государь, но никогда не будет более любящего". В 80-е годы на волне патриотического подъема и сплочения перед лицом внешней угрозы в Англии складывается культ королевы, которую стали называть второй Девой Марией, символом богоизбранности страны и истинности ее религии. В литературе и искусстве Елизавету прославляли как античную богиню красоты и вечной молодости, Прекрасную Даму, за расположение которой соперничал цвет английского рыцарства.

При елизаветинском дворе, как и повсюду в Европе, процветал фаворитизм, который королева умело использовала в интересах управления: сталкивая между собой честолюбивых министров и ари-

стократов, она добивалась от них преданной службы себе и государству, не позволяя при этом усилиться ни одной из партий.

Социально-экономический и политический кризис конца XVI в. В конце 80—90-е годы стало очевидным, что пик подъема в английской экономике пройден и начался спад под влиянием ряда внешних факторов: дороговизну на продовольственных рынках, вызванную обесцениванием монеты, усугубили несколько неурожайных лет и нехватка зерна вследствие конверсии пахотных земель. Частым явлением стали голодные бунты и погромы на рынках, учиняемые городской беднотой и подмастерьями.

Продолжительный англо-испанский конфликт и морская война также оказали отрицательное воздействие на экономику: во много раз возросло налоговое бремя, все поступления от парламентских субсидий короне шли на военные нужды, казна была пуста, а пиратские экспедиции этого времени не принесли ожидаемых прибылей. Война перестала окупать себя. Нестабильная ситуация на торговых путях, утрата традиционных рынков сбыта для английского сукна в Испании, Португалии, Италии, католических землях Германии (а с другой стороны — острое торговое соперничество с политическим союзником — Нидерландами) привели к кризису перепроизводства. Английское сукно оставалось на складах, а новые рынки на востоке и в Московии не были достаточно емкими, чтобы реализовать его. Это порождало недовольство суконщиков-предпринимателей, терявших прибыли, и ткачей, лишенных работы и пропитания. Представители торгово-промышленных кругов видели выход из кризиса в отказе от государственного регулирования и введении свободы торговли, однако робкие эксперименты правительства в этом направлении не дали ощутимых результатов.

В сфере внутренней торговли государство в фискальных целях увеличило количество частных монополий, распространившихся на большинство товаров повседневного спроса, что также вело к росту цен. Интересы национальной экономики явно приносились в жертву казне и аппетитам придворных.

Последние в свою очередь выражали недовольство политикой правительства. В условиях финансового дефицита королева сократила свои пожалования придворным аристократам и профессиональным военным, что обострило борьбу политических группировок — так называемой “партии мира”, в которую входили государственные деятели, выступавшие за прекращение разорительного конфликта с Испанией, и “партии войны”, возглавляемой фаворитом королевы маршалом Эссексом, которого поддерживало офицерство. В 1601 г. он поднял вооруженный мятеж, чтобы отстранить своих противников от власти и заставить королеву продолжать борьбу с Испанией. Мятеж был подавлен, а зачинщики — казнены, но вы-

ступление группы придворных, близких к трону, было симптомом серьезного политического кризиса.

Кризис политики английского абсолютизма выражался также в росте оппозиционных настроений в парламенте. На рубеже XVI—XVII вв. острой критике в нижней палате подверглась религиозная политика Елизаветы I, а финансовая и экономическая стратегия правительства (увеличение налогов и рост числа частных монополий в торговле) встретила единодушный отпор парламентариев. Поскольку власти пытались пресекать дискуссии по этим вопросам, в парламенте стало громче звучать требование свободы слова. В то же время депутаты подчеркивали свою лояльность короне и желание сотрудничать с ней на благо государства, то есть видели себя “оппозицией Ее Величества”.

Под давлением парламента Елизавете I пришлось отменить ряд частных монополий и пообещать в будущем упразднить остальные. Это был первый политический успех оппозиции, хотя королева и не выполнила обещания. Борьба против монополий и государственного регулирования торговли продолжилась в парламентах Якова I Стюарта, унаследовавшего английский престол после смерти королевы Елизаветы в 1603 г.

Англия в правление первых Стюартов. Родоначальник новой династии Яков I Стюарт (1603—1625) объединил под своей властью Англию, Шотландию и Ирландию, положив начало триединому королевству — Великобритании. Однако уже вскоре наметились разногласия между королем-шотландцем и его английскими подданными. Яков не питал должного уважения к английским политическим традициям и не обладал способностью маневрировать, присущей Тюдорам. Он был убежденным сторонником абсолютизма и отстаивал эту доктрину в самой крайней форме, утверждая в своих политических трактатах и публичных выступлениях, что королевская власть имеет не договорное, а божественное происхождение, государь является суверенным правителем, стоящим неизмеримо выше не только парламента, но и закона. По его мнению, король мог распоряжаться всем земельным фондом страны, имуществом и даже жизнью подданных, вершить правосудие по собственному усмотрению, не будучи подсуден мирскому суду. Абсолютистские притязания Якова I вызвали негативную реакцию английских юристов во главе с видным правоведом Э. Коком и парламентариев, чувствительно относившихся к “древним английским свободам”, породив ряд острых выступлений в парламенте против расширения королевской прерогативы и узурпации прав этого представительного органа. Начавшись в первом парламенте Якова (1604), эта полемика не затихала вплоть до разгона парламента Карлом I Стюартом в 1629 г. и начала гражданской войны в 1642 г.

При Якове I расходы короны возросли почти в два раза по сравнению с елизаветинским периодом. Огромные средства шли на содержание двора (в отличие от Елизаветы Яков был вынужден содержать большой штат придворных для королевы и своих детей). Роскошь и расточительство двора стали притчей во языцех.

Стюартовский период стал временем беспрецедентного расцвета коррупции государственного чиновничества — взяточничества и казнокрадства, торговли высокими постами в государственном управлении.

Ради пополнения казны Стюарты прибегали к широким продажам дворянских званий и титулов, что вызывало раздражение родовитого дворянства и аристократии, но не встречало отклика и у мелкого джентри: всякого джентльмена, чей доход составлял 40 фунтов стерлингов в год, принуждали покупать звание рыцаря, а в случае отказа облагали высоким штрафом.

В течение всей первой половины XVII в. Стюарты усиливали финансовый нажим на налогоплательщиков, требуя экстраординарных платежей и принудительных займов короне. Однако недовольство населения и парламентариев вызывали не столько размеры сборов, сколько заявления Якова и Карла I об их праве произвольно облагать население без согласия парламента — еще один шаг к укреплению абсолютистского режима. Парламентская оппозиция решительно отвергала королевские притязания, утверждая: "Мы — последняя христианская монархия, хранящая свои первоначальные права и конституции".

Внешняя политика первых Стюартов. С восшествием на престол Якова I во внешней политике Англии произошла резкая смена курса. В 1604 г. был заключен мир с Испанией, обеспечивший на последующее десятилетие экономический подъем и рост английского экспорта. Тем не менее договор был неодобрительно встречен протестантски настроенным населением. Яков I искренне стремился к установлению всеобщего мира между протестантскими и католическими государствами Европы. Он выдал свою дочь за кальвиниста Фридриха Пфальцского, одного из ведущих протестантских князей Германии, но одновременно вел переговоры о браке сына Карла с испанской инфантой. Англичане не разделяли идеалистических устремлений своего монарха, и вести о неудаче "испанского сватовства" и возвращении принца домой были встречены ликованием. Якова обвиняли в потворстве католикам и внутри страны. Призрак католической опасности виделся протестантам повсюду, в особенности после так называемого "Порохового заговора" 1605 г., когда группа дворян-католиков попыталась взорвать здание парламента вместе с королем.

Негодование общественного мнения по поводу "трусливой и

предательской" политики короны возросло с началом Тридцатилетней войны в 1618 г., когда Яков, все еще веря в союз с Испанией, не решился открыто вступить в конфликт и поддержать своего зятя Фридриха Пфальцского, изгнанного католиками из его собственных владений, ограничившись лишь финансовой помощью немецким протестантам.

В последние годы жизни Якова принц Карл и герцог Бэкингем — всесильный фаворит короля — заняли антииспанскую позицию и Англия вступила в войну с Испанией (1625—1630), однако это не снискало им популярности: Карл женился на французской принцессе-католичке Генриетте-Марии, но этот подозрительный в глазах англичан альянс не предотвратил начала англо-французской войны (1627—1629), в которой Бэкингем действовал крайне неудачно, пытаясь поддержать французских гугенотов.

Военные неудачи отрицательно сказались на внутривнутриполитической ситуации: Карл I (1625—1649) требовал двенадцатикратного увеличения налогов, помимо дополнительных сборов и займов. Несмотря на протестантские чувства, парламентарии отказались санкционировать такие расходы. Все сессии с 1624 по 1629 г. проходили в острейших спорах по этому вопросу. Их кульминацией стала выработанная оппозицией "Петиция о праве" (1628), отрицавшая право монарха на произвольное обложение населения без согласия парламента и осуждавшая незаконные аресты за отказ платить эти сборы.

Результатом столкновений короля и оппозиции стал разгон Карлом I парламента (1629) и наступление долгого периода единоличного правления (1629—1637), в течение которого король не соби (ого органа, продолжая взывать пошрины, корабельные деньги, вводить новые монополии, штрафовать джентри и даже представителей аристократии по любому поводу и без повода. Следствием этой недальновидной политики стало почти полное отчуждение между королем и его ближайшим окружением, с одной стороны, и дворянским сообществом, купечеством лондонского Сити, основной массой налогоплательщиков, чьи интересы отстаивала парламентская оппозиция, — с другой.

Религиозная политика Стюартов. Наметившийся в обществе раскол был усугублен религиозной политикой новой династии. Толерантность Якова I по отношению к католикам настораживала протестантов, но искренность его кальвинистских убеждений никто не подвергал сомнению. При его восшествии на престол умеренно настроенное пуританское духовенство подало королю "Тысячную петицию" (написанную от имени тысячи священников) с просьбой о реформах в англиканской церкви. Яков пообещал им ряд нововведений, но дальше обещаний не пошел. Тем не менее пуританское

движение заметно оживилось, оправившись после репрессий Елизаветы I. Оно развернуло широкую пропаганду против "англокатоликов" — прелатов, сохранявших и насаждавших "католические" обряды и ненужное, по мнению пуритан, "благоепие" богослужения. Англиканское духовенство перешло в ответное наступление: были введены запреты на пуританские проповеди и диспуты, усилен контроль за единообразием службы и церковной дисциплины, активизировался суд Высокой комиссии, наблюдавшей за священниками и осуществлявший цензуру печати.

За этими репрессиями пуритане усматривали влияние нового врага — арминиа́н. (Арминиа́нство — течение в европейском протестантизме, отрицающее кальвинистский тезис о всеобщем предопределении, а также об изначальной избранности членов кальвинистских общин. Как следствие — арминиа́не допускали вмешательство светских властей во внутренние дела церковных сообществ.) Арминиа́нство стало весьма популярным в среде англиканского духовенства, эту доктрину разделяли большинство епископов Карла I, архиепископ Кентерберийский У. Лод и сам король. Идея сотрудничества церкви и государства воплощалась в том, что Лод стал в 30-е годы главным советником короля, епископы активно работали в светской администрации и в мировых комиссиях, в том числе преследуя религиозных диссидентов.

В результате панических страхов перед англокатоликами и арминиа́нами, захватившими двор и церковь, усилился отток английских кальвинистов, как пресвитериан, так и индепендентов, в Новый Свет, где они получали долгожданную свободу исповедовать веру по собственному усмотрению.

Таким образом, в конце 30—40-х годов XVII в. недовольство внутренней и внешней политикой Стюартов разделяли все слои общества — от аристократии и джентри до рядовых городских и сельских налогоплательщиков. Свидетельством глубокого кризиса стюартовского режима стали полемика парламентской оппозиции с абсолютистскими претензиями короны, а также эτικο-религиозное противостояние ее подданных и официальной государственной церкви. Дальнейшее нарастание политического кризиса привело Англию к социальному взрыву — революции и гражданским войнам, начавшимся в 1642 г.

Культура Англии в XVI — начале XVII в. Параллельно с процессом государственной консолидации шло складывание единого литературного английского языка и формирование национальной культуры, которая, тем не менее, была открыта общеевропейским веяниям, получавшим на английской почве своеобразное преломление.

Важную роль в становлении новой ренессансной культуры сыг-

рали университеты, и в первую очередь — Оксфордский, ставший колыбелью английского гуманизма. Здесь сложился круг высокообразованных интеллектуалов, испытавших влияние итальянского гуманизма и исповедовавших идеи неоплатонизма. В него входили Т. Линэкр, У. Гросин, У. Лиля — знатоки латыни и греческого и горячие сторонники введения классического образования в школах и университетах, а также Джон Колет — видный теолог и теоретик педагогики. В Колете видят как предтечу английской реформации, так и одного из первых английских гуманистов. Критикуя современную ему церковь с моральных позиций, он ратовал за ее обновление через нравственное совершенствование клира и верующих, делая акцент на постижении духа Священного писания, а не на формальном следовании церковной дисциплине. В то же время Колет чрезвычайно высоко оценивал способности человека, свободная воля которого должна направлять его к высоким духовным идеалам, помогая приобщиться к божественной истине. Во имя воспитания такого человека он призывал к реформе образования, которое, по его мнению, должно основываться не на изучении авторитетов средневековой схоластики, а на философии Платона и Аристотеля, античных авторов, классических языках, а также на фундаменте естественнонаучных и прикладных знаний.

Полноправным членом оксфордского кружка, этой, по его определению, “республики ученых”, был Эразм Роттердамский, посещавший лекции Колета и признававший, что именно в Англии начала формироваться его “философия Христа”. Учеником Колета был и выдающийся английский гуманист Томас Мор. Специфика английского гуманизма на этом этапе заключалась в том, что наряду с антропоцентризмом, верой в достоинство и одаренность человека, ему были присущи большое внимание к теологическим вопросам и сильное влияние традиционной христианской этики, что роднило его с так называемым “северным”, или “христианским”, гуманизмом.

Крупнейшим английским мыслителем первой половины XVI в. был Томас Мор (1478—1535). Как и у старшего поколения оксфордцев, его этическая доктрина основывалась на понятии “христианской добродетели”, наполненном, однако, новым, гуманистическим содержанием. Мор полагал, что добродетель и любовь требуют активной гражданской позиции и служения обществу, а не ухода в созерцательное бездействие. Его карьера была воплощением этого этического идеала: юрист по образованию, Мор был активным политиком, избирался в парламент и стал канцлером при Генрихе VIII, пытаясь на всех этих постах облегчить жизнь малоимущих и незащищенных. В то же время его мировоззрению были свойственны эпикурейские мотивы и прославление земных радостей.

Главным произведением Томаса Мора стала "Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия" (1516), положившая начало целому направлению в ренессансной общественной мысли и литературному жанру, именуемому "утопией". В этой книге устами путешественника Рафаила Гитлодея автор подвергает резкой критике социальные порядки и беззаконие, существующие в современной ему Англии, а затем рисует картину идеального общественного устройства. По его мнению, государство, основываясь на частной собственности, представляет собой "заговор богатых" и служит лишь их интересам. Собственность порождает неравенство и отвращает людей от христианской любви. Поэтому в его Утопии она упразднена, все владеют "всеми вещами сообща", каждый обязан трудиться, но труд не обременителен, и у утопийцев остается достаточно времени на занятие науками, искусствами и на развлечения. Утопийцы умеренны в потреблении, однако на острове нет уравнительности — распределение ведется в соответствии с заслугами перед обществом. Политическое устройство Утопии базируется на принципе выборности, высшие должности занимают лишь люди безупречных моральных качеств и обладающие способностями к управлению. Конфессиональные вопросы решаются на основе веротерпимости.

"Утопия" Томаса Мора отражала высокий уровень ренессансной общественной мысли, пытавшейся, синтезировав античные политические теории и современный опыт, осмыслить природу государства, его институтов, функции религии и создать модель идеального общественного устройства.

Распространению в Англии культуры Возрождения способствовал двор первых Тюдоров, выступавших покровителями литературы и искусства. При Генрихе VII и Генрихе VIII в Англию были приглашены итальянские художники, скульпторы и архитекторы, ведущим среди которых был Пьетро Торриджано, выполнивший надгробие Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. Широкомасштабное строительство развернулось при Генрихе VIII, которому принадлежал самый крупный дворцовый комплекс Европы — Уайтхолл, а также резиденции Ричмонд, Хэмптон-Корт, Виндзор и другие, всего — 55. Тем не менее, несмотря на проникновение ренессансных черт в английскую архитектуру первой половины XVI в., она сохраняла прочную связь с традициями местной "перпендикулярной готики". Среди лучших образцов этого стиля — законченная при Генрихе VIII капелла Королевского колледжа в Кембридже и капелла Св. Георгия в Виндзоре.

Английская живопись также сохраняла множество средневековых черт, но в ней усилился интерес к светским сюжетам и портрету, в особенности после Реформации, когда церковь утратила роль

основного заказчика произведений изобразительного искусства. Огромное влияние на становление английской школы портретной живописи оказал Ганс Гольбейн Младший, получивший в 1536 г. должность придворного художника Генриха VIII и оставивший замечательную галерею портретов короля, английских придворных и государственных деятелей.

При дворе Генриха VIII, который Эразм Роттердамский окрестил "храмом муз", процветали литература и искусства. В поэзии под влиянием Петрарки стал популярен сонет, адаптированный к строю английского языка Т. Уайаттом и Г. Ховардом, графом Сарри.

Ведущими композиторами того времени были музыканты Дж. Тэвернер и Т. Таллис. К ним причисляют и Генриха VIII, большого ценителя музыки и, возможно, автора нескольких популярных баллад и мадригалов. Любимым развлечением при дворе были театральные представления: любительские пьесы-"маски", аллегорические или морально-дидактические, а также представления, восходящие к традициям народного театра — игры о Робин Гуде, майские забавы с переодеваниями и т.д. Неотъемлемой частью придворной культуры были театрализованные рыцарские турниры, осады бутафорских замков, потешные сражения кавалеров и дам, в которых обыгрывалась идея рыцарской преданности дворянства своему монарху и процветания Англии под его властью.

Подлинного расцвета литература и искусства в Англии достигли во второй половине XVI в., которую нередко называют "золотым елизаветинским веком". Этому способствовали как экономические успехи, так и рост патриотических настроений в Англии, связанных с ее утверждением в качестве великой морской державы и лидера протестантского мира.

Видным поэтом и теоретиком литературы этого времени был Ф. Сидни, прославившийся своими сонетами. Он творил и в жанре пасторали, поэма Сидни "Майская королева" сделала это направление популярным в Англии. В трактате "Защита поэзии", полемизируя с пуританами, выступавшими с нападками на "легкомысленную" литературу и "развращающее" искусство, Сидни обосновывал высокое предназначение поэзии и ее роль в воспитании гармоничного и нравственно совершенного человека, утверждая, что она для этого более пригодна, чем назидательная философия или история.

Подчинение поэзии и искусства этическим задачам, прославление гражданских ценностей характерно для творчества другого выдающегося поэта-елизаветинца Эдмунда Спенсера, автора сонетов и поэм "Пастушеский календарь" и "Королева фей". В последней Спенсер создал яркий образ идеальной державы (аллегория Англии), где благородные рыцари совершают подвиги во имя справед-

ливости и добродетели. Поэма была посвящена Елизавете I, угадывавшейся в облике "королевы фей". В жанрах сонета и пасторали работали многие выдающиеся поэты того времени — У. Рэли, К. Марло, У. Шекспир и другие, чьи эксперименты с рифмами, ритмическим строем и словотворчеством чрезвычайно обогатили литературный английский язык.

Проза второй половины XVI в. представлена обширной литературой, посвященной путешествиям и географическим открытиям. Важнейшую роль в становлении национального самосознания сыграл труд Р. Хаклюйта "Основные плавания, путешествия и открытия английской нации", в котором он собрал многочисленные отчеты мореплавателей и путешественников. В жанре новеллы были популярны реалистические произведения Т. Делони, адресованные бюргерской среде и прославлявшие честный труд и благонравие английских йоменов, ремесленников и суконщиков, достигших успеха и материального благополучия. С другой стороны, сатирические новеллы и плутовский роман (в частности, "Злополучный скиталец" Т. Нэша) высмеивали ханжество и идеалы унылой пуританской добропорядочности.

Большой популярностью у читателей пользовались также исторические произведения: "Хроники Англии, Шотландии и Ирландии" Р. Холиншеда, труды У. Кемдена — самого выдающегося историкографа елизаветинской поры, основателя научного кружка "антиквариетов" — собирателей старинных документов и древностей; "Хроника Лондона и Вестминстера" Дж. Стау, посвященная истории английской столицы.

Однако ведущей среди литературных жанров, безусловно, была драма. В елизаветинскую эпоху завершается становление публичного профессионального театра, актерские труппы обзаводятся собственными помещениями, такими, как "Театр", "Куртина", "Глобус", "Лебедь" в Лондоне и др. Для них писала целая плеяда талантливых драматургов — Р. Грин, Т. Кид, К. Марло, У. Шекспир, Б. Джонсон.

Одним из крупнейших драматургов XVI в. был Кристофер Марло, обратившийся в своих трагедиях "Тамерлан Великий", "Трагическая история доктора Фауста", "Мальтийский еврей" к актуальным морально-этическим проблемам. Он создал галерею образов титанических личностей, в своем безудержном стремлении к власти, славе и богатству стряхнувших с себя оковы христианской морали, что в конце концов приводит к гибели самих героев. Эти образы вызывали у зрителя одновременно восхищение и ужас.

Проблема личности и пределов ее свободы волновала и гениального английского драматурга Уильяма Шекспира (1564—1616), творческое наследие которого чрезвычайно разнообразно. Его перу

принадлежат лирические комедии ("Комедия ошибок", "Сон в летнюю ночь", "Много шума из ничего", "Виндзорские проказницы"), исторические хроники ("Генрих IV", "Генрих V", "Ричард II", "Ричард III"), в которых он выступает адвокатом сильной, но законной и справедливой королевской власти — выразительницы национальных интересов в противовес корыстным и честолюбивым устремлениям магнатов; философские драмы ("Гамлет", "Отелло", "Король Лир" и др.). Его пьесы — это глубокое размышление о сущности человеческой природы, о природе добра и зла в мире. Взгляды Шекспира на человека лишены радостного оптимизма, свойственного раннему гуманизму, его мироощущение окрашено в более трагические тона: вместе с Гамлетом он мучительно размышляет над тем, является ли человек "венцом природы", "красой вселенной" или "квинтэссенцией праха", и эти сомнения отражают кризис ренессансного сознания. Истоки трагедий своих персонажей Шекспир видел не во внешних обстоятельствах, а во внутренних противоречиях и слабостях человеческой души, которые позволяют страстям одержать верх над разумом. Обуздание страстей — гарантия внутренней гармонии и счастья. В своих последних пьесах — "Зимняя сказка" и "Буря" Шекспир снова возвращается к идее прекрасного человека, царящего над природой и наделенного огромными знаниями и безграничными возможностями, однако с грустью признает утопичность подобного образа, придавая этим произведениям форму волшебной сказки.

Не меньшей популярностью, чем Шекспир, пользовался у современников Бен Джонсон, автор бытовых реалистических комедий ("Алхимик", "Варфоломеевская ярмарка", "Каждый в своем нраве"), в которых он воссоздал яркую картину современных нравов. Джонсона считают основоположником английской морализирующей литературы.

Вторая половина XVI — начало XVII в. отмечены в Англии успехами естественных наук. Врач У. Гарвей открыл большой круг кровообращения, У. Гилберт исследовал явления магнетизма и электричества, астроном и математик Т. Хэриот обнаружил пятна на Солнце, Д. Нэпер разработал систему логарифмов.

Прогресс опытного знания и представление о единых законах, по которым развиваются и природа, и человеческое общество, отразились в новых философских теориях, в которых отдельная человеческая личность перестает быть главным объектом интереса и занимает место лишь одного из компонентов во "всеобщей цепи мироздания". Эта тенденция ярко отразилась в творчестве крупнейшего ученого-естествоиспытателя, философа, политика и писателя Фрэнсиса Бэкона (1561—1626). Профессиональный юрист, он сделал удачную карьеру в правление Якова I, став лордом-канцлером ко-

ролевства. Свои размышления об обществе, морали, политике и религии он облек в форму литературно-философских эссе — “Опыты и наставления нравственные и политические” (1597). Его этические воззрения основывались на традиционных идеалах гуманистического индивидуализма, вере в человека и его способность быть “хозяином своей судьбы”. Однако наряду с этикой Бэкона все больше интересовала социально-политическая проблематика: функции государства и роль различных сословий в нем, религия, экономика. Социологические взгляды английского мыслителя были тесно связаны с его представлением о месте науки в жизни общества, которая должна была способствовать преобразованию мира и подчинению его власти человека. В утопическом романе Бэкона “Новая Атлантида” всеобщая гармония и благополучие основываются не на социальных преобразованиях, а на достижениях научно-технического прогресса. Его идеальным обществом руководит “Дом Соломона” — лаборатория новых открытий и храм знаний. Описывая чудесные изобретения, Бэкон предсказал многие открытия далекого будущего: использование солнечной энергии, селекцию, консервацию органов для лечения людей, летательные аппараты и т.д.

Ф. Бэкон разработал новую теорию научного познания: в отличие от дедукции, на которой основывалась философия античности и средних веков, он выдвинул идею индуктивного эмпирического метода, предполагавшего движения от частного к общему, от наблюдений к эксперименту, затем рациональному анализу и научным обобщениям. Учение Бэкона об эмпирическом методе оказало огромное влияние на европейскую философию эпохи Просвещения.

“Век Елизаветы” был отмечен расцветом декоративно-прикладных искусств. В английской живописи по-прежнему доминировал портрет. Самым выдающимся из портретистов был художник-миниатюрист Н. Хиллиард. Его миниатюры, полные аллегорий и символизма, создали идеализированный образ королевы Елизаветы I, многократно тиражировавшийся другими художниками.

На рубеже XVI—XVII вв. у Хиллиарда принял эстафету его ученик Исаак Оливер, умело использовавший светотень и предпочитавший пейзажный фон. Его портреты отличались большим реализмом, чем у Хиллиарда. В начале XVII в. наряду с искусством миниатюры усилиями приглашенных ко двору Стюартов Рубенса и Ван Дейка совершенствуются парадный портрет и аллегорическая живопись на мифологические сюжеты.

В архитектуре первой половины XVII в. утверждается классицизм. Наиболее выдающимся английским архитектором, работавшим в этом стиле, был Иниго Джонс.

ФРАНЦИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Франция вступила в XVI в., завершив свое территориальное объединение. С присоединением к королевскому домену герцогств Бургундия и Бретань и графства Прованс французское государство в основном приобрело географические контуры, существовавшие в течение всего XVI и первой половины XVII в. По территории и численности населения (20 млн человек) Франция не знала себе равных в Западной Европе. Объединение страны создало благоприятные условия для ее дальнейшего экономического развития и политической консолидации.

Аграрный строй. Три региона Франции, очень несхожие между собой, определяли ее аграрный строй. На Севере (Парижский бассейн) в крестьянском хозяйстве издавна сочетались возделывание злаков, огородничество и разведение домашней птицы и животных. Юг (Ахвитанский бассейн и средиземноморские провинции) был царством унаследованной от античности поликультуры — возделывание зерновых, виноградных лоз, оливы и фруктовых деревьев. Третью часть составляли горные области, там преобладало скотоводство, а земледелие играло меньшую роль.

Земля находилась в собственности феодалов. На территории своих сеньорий они взимали с крестьян, сидевших на их земле, ценз (денежную ренту) и другие феодальные платежи (баналитеты, шампар). В то же время крестьяне, рассчитавшись с феодалом, могли свободно распоряжаться своей землей и даже ее продать, уплатив сеньору продажную пошлину. При таких условиях землевладение крестьян — цензива — приобрело к XVI в. черты фактической собственности. При продаже цензивы ее новый владелец должен был уплачивать впредь все положенные с этой земли феодальные платежи. На Севере Франции все формы феодальной ренты были невыкупаемы; на Юге обычаи некоторых провинций допускали такой выкуп. Размеры феодальных платежей в зависимости от состояния феодальных отношений в целом варьировались от одной местности к другой. В северных областях с богатыми городами, развитыми товарно-денежными отношениями и господством денежной ренты тяжелым побором была церковная десятина с зерна, скота и вина. Другие феодальные платежи в зерне были невелики,

денежный ценз был ничтожен, бакалитеты редки. В областях с замедленными темпами разложения феодального строя (Центр, Восток, Северо-Запад) феодальные платежи были выше и многочисленнее.

В начале XVI в. сложилась гораздо более однородная, чем в предшествующие века, масса крестьянства. Главной фигурой французской деревни стал цензитарий — лично свободный наследственный держатель своей цензивы. Лично зависимые крестьяне (сервы и меимортабли) остались в незначительном числе лишь в некоторых восточных и центральных провинциях. Для французской деревни XVI — первой половины XVII в. характерно сохранение крестьянской общины. Верность традиции объяснялась главной хозяйственной функцией, которую играла община в условиях местных ландшафтов и климатических различий. Общины Северной Франции обладали наиболее развитой системой коллективной организации сельскохозяйственного производства: открытые поля, чересполосица, принудительные севооборот и выпас, строгая регламентация использования общинных угодий, общие для всех хозяев сроки сева, сенокоса, жатвы, сбора винограда. Община Южной Франции была другого типа: регион поликультуры требовал иного хозяйствования. Там не было чересполосицы и принудительного севооборота, но существовала регламентация использования общинных угодий, сроков жатвы и сбора винограда. В общинах горной части Франции регламентация выражалась прежде всего в установлении порядка использования горных пастбищ.

В XVI — первой половине XVII в. крестьянская община значительно расширила свои административные функции и укрепила самостоятельность в сношениях с окружающим миром. До конца XVII в. она фактически осуществляла местное самоуправление: защищала через прокурора в королевском суде свои права пользования лесами и пустошами, рассматривала и утверждала расходы и раскладку государственных налогов, следила за соблюдением общественного порядка.

Арендные отношения. В начале XVI в. на землях вблизи городов стала распространяться краткосрочная аренда. Она приобрела две основные формы, определявшиеся характером арендной платы: с фиксированными платежами — чисто денежными или в соединении с натуральными (денежная, или фермерская аренда) и с натуральными платежами, которые составляли ту или иную долю реального урожая (испольщина, испольная аренда). Фермерская аренда развивалась в местностях с повышенным плодородием почв и вблизи больших городов. Испольщина господствовала в районах с разными природными условиями близ средних и малых городов, как правило, она была распространена в южных областях Франции.

На крупных владениях аренда приобретала характер переходный к раннекапиталистической. Мелкокрестьянская аренда чаще всего вызывалась малоземельем или безземельем и не перерастала в раннекапиталистическое хозяйство.

Мануфактуры и цехи. Промышленное развитие Франции характеризовалось как появлением новых, так и сохранением традиционных форм организации производства. Новым явлением стала мануфактура, одновременно с возникновением которой продолжалось начатое при Людовике XI принудительное насаждение цехов. Наемных работников для мануфактур поставляла деревня. Совмещение сельскохозяйственных работ на своем клочке земли с ремесленной деятельностью на заказ породило самую распространенную во Франции форму раннекапиталистического производства — рассеянную мануфактуру. Организатором ее был купец.

Французские города славились своими сукнами, которые успешно конкурировали на внешнем рынке с английскими, фландрскими и итальянскими. Производство сукон было налажено в Пуату, Оверни, Руэрге, Лангедоке и Дофинэ. Франция занимала первое место в Европе по производству холстов и полотен. Эти ткани выделывались в деревнях Шампани, Иль-де-Франса, Пикардии, Нормандии, Бретани, Божоле, Дофинэ и Оверни.

Широкое распространение рассеянных мануфактур компенсировало слабое развитие централизованного мануфактурного производства. Централизованные мануфактуры возникали преимущественно при поддержке королевской власти и главным образом в Париже, а также в крупных городах и в начале XVII в. еще не имели широкого распространения. В основном они изготавливали предметы роскоши, конкурируя с иностранными, в первую очередь с итальянскими, производителями. С XVII в. начинается централизованное производство предметов широкого потребления. Появившиеся в конце XV — начале XVI в. новые отрасли — книгопечатание и шелкопрядение — чаще всего были организованы по типу мануфактур, работавших на широкий рынок. Печатные дворы Парижа и Лиона и шелкопрядильные мануфактуры, которые находились под покровительством монархии, снабжали своей продукцией не только Францию, но успешно конкурировали на внешнем рынке.

XVI — первая половина XVII в. стали временем возрождения цехового строя. Этот процесс совершался под давлением центральной власти. Корона действовала, исходя из своих финансовых и политических интересов, стремясь пополнить казну за счет продажи метризы (звания цехового мастера), а также создать в городах такую организацию, которая была бы в силах держать в узде городские низы: недовольство массы мелких ремесленников прорывалось в восстаниях и беспорядках. Вновь созданные цехи ставились в

зависимость от королевской власти. Однако такое возрождение цехового ремесла не воспроизводило его в классическом средневековом виде. Цеховые статуты XVI в. закрепляли порядки, сложившиеся в результате разложения цехового строя, они утверждали господство мастеров — фактически полных хозяев ремесленников. Рабочее время, наем подмастерьев, их заработная плата — все это регулировалось в интересах мастеров. Королевская власть создавала себе в городах прочную социальную опору. Она не разрушала до конца феодальную форму организации производства, но приспособляла ее к новым условиям. Цеховые корпорации были свидетельством не столько консервации мелкого самостоятельного производителя — ремесленника, сколько показателем, хотя и медленного, благодаря существованию цехов, лишения ремесленника своей производственной самостоятельности. Феодальная природа цеха не препятствовала возможности формирования новых отношений в рамках ремесленной корпорации.

Торговля. Сукноделы Франции экспортировали свою продукцию в Левант и Испанию, удовлетворяли внутренний рынок. Из Испании французские сукна доставлялись в Америку. Полотна и холсты шли в Англию, Италию, Левант и Испанию, откуда также попадали в Америку. К середине XVI в. французский экспорт в Америку резко возрос и стал главной составной частью французской внешней торговли вообще. Это вызвало приток во Францию испанских денег, в результате чего с 40-х годов XVI в. страна испытала резкий подъем цен.

Со второй половины XV в. Франция благодаря итальянским банкирам и купцам была втянута в систему итальянской торговли. В XVI в. Лион, куда итальянцы перенесли свои конторы, превратился в крупный заальпийский центр итальянской торговли. Лионские ярмарки снабжали местный рынок главным образом предметами роскоши.

XVI — первая половина XVII в. отмечены успехами в формировании внутреннего рынка: стиралась экономическая разобщенность отдельных частей страны и укреплялись их связи между собой и с центром. Этому содействовали те сдвиги, которые произошли в промышленности. Рассеянная мануфактура, сосредоточиваясь рядом с сырьевыми ресурсами, стимулировала развитие промышленной специализации отдельных французских провинций. Усилилась специализация и в земледелии: выделились районы виноградарства, производства льна, конопли и красителей, а также скотоводческие провинции.

Особенности первоначального накопления. Вступление Франции в эпоху формирования раннекапиталистических отношений происходило в условиях слабости ее колониальной системы. Это

означало, что складывание крупного денежного капитала, необходимого для мануфактурного производства, требовало иных, нежели колонизация, усилий со стороны монархии.

Главное место в экономической политике монархии занимают государственные займы (государственный долг), фискальная система и протекционизм. Государственные займы имели три разных источника: продажа государственных рент (ценных бумаг казны с обязательством выплатить сумму с процентами), продажа государственных должностей и займы у финансистов. Продажа государственных рент была ранней формой государственного долга. В акте продажи рент реализовалось право монарха на регулярное получение дохода с домена и от сбора косвенных налогов. К рентам монархия обратилась в 1522 г.: Франциск I обложил особым побором каждый акт продажи или передачи государственной должности, таким образом придав имевшей место практике законную силу. Займы у владельцев крупных капиталов оплачивались предоставлением заимодавцам прав на откупа косвенных налогов и разных поборов. Важным рычагом первоначального накопления стала налоговая политика. XVI век — время формирования централизованной фискальной системы. Этому сопутствовал постоянный рост прямого налога-тали и косвенных налогов.

Наконец, протекционистская политика французских монархов проявлялась в активном снабжении чужих, прежде всего испанских, колоний изделиями своих мануфактур и сельскохозяйственными продуктами.

Социальный строй. Феодалная аристократия. В иерархии сословий французского общества верхнюю ступень занимала знать. Она являлась самой богатой частью дворянства. Первое место в ее рядах принадлежало принцам крови, т.е. отпрыскам боковых ветвей правящей династии. К вельможам относилась и новая знать, обязанная своим положением милостям короля. Для ослабления слишком могущественных старых аристократов короли прибегали к возвышению своих незнатных фаворитов, предоставляя им земли и важнейшие должности.

Сила феодалной аристократии зиждилась на ее богатствах и политической власти в провинциях. Состоятельность обеспечивали не столько сеньориальные платежи, сколько дарения, пенсии и владения доходными должностями — губернаторскими, придворными, военными и церковными. Политическое влияние обеспечивало знати ее главенство над дворянством. В XV в., когда еще не было изжито территориальное деление страны на королевский домен и феодалные владения, дворянство распадалось на отдельные группы — клиентелы во главе с королями или крупными феодалами. Каждый дворянин имел своего патрона — короля или вельможу. Кроме того,

отношения между феодалами всех рангов укреплялись сходством экономического положения: различия между землевладением крупных и мелких феодальных собственников не было, сеньории знати и остального дворянства отличались только размерами. Между тем сохранение клиентел замедляло разрушение феодальных связей и затрудняло превращение феодалов всех рангов в подданных короля.

Дворянство. Юридически единое привилегированное дворянское сословие составили два самостоятельных социальных слоя — старое и новое дворянство. Начиная с середины XV в., в потомственное, родовитое дворянство, происходившее из старинных рыцарских домов, владевших фьефами и обязанных военной службой, стали вливаться горожане (купцы, цеховые мастера), получившие дворянское звание путем покупки, благодаря королевской милости, через владение должностью высокого ранга в государственном аппарате или приобретению фьефа. К середине XVII в. во Франции почти не осталось старых дворянских семей, которые бы не породнились с новыми дворянами. Но это сближение не устранило разницу между двумя слоями дворянства. Во второй половине XV в. появился термин "родовитое дворянство". В юридическую практику вошли понятия "дворянина, происходящего из дворянского рода" ("дворянство шпаги") и просто дворянина. Различие между старым и новым дворянством — в отсутствии равных привилегий. Новый дворянин не был обязан военной службой, она оставалась привилегией родовитого дворянства. Дворянская кавалерия составляла главную военную силу Франции. Профессиональное воинство средневековья — французское рыцарство — превратилось в дворянство, не утратив этой характерной черты: по-прежнему военная служба была его правом, обязанностью, привилегией, делом чести и дворянской гордости. Воинская повинность освобождала потомственного дворянина от уплаты налогов, т.е. была условием важнейшей дворянской привилегии — налогового иммунитета. Новому дворянину дворянский статус обеспечивал освобождение от налогов в том случае, если он оставлял свою прежнюю торговую или финансовую деятельность.

Процесс пополнения дворянства представителями бюргерства стал особенно заметным с середины XVI в. Это было связано с революцией цен, пагубные последствия которой отчетливо проявились именно тогда. Экономической базой родовитого дворянства оставалась сеньория — крестьянские цenzивы, с которых оно получало цenz и другие фиксированные платежи. Его домен — собственная земля — был незначительным. Основной доход родовитых дворян оставался неизменным в своем денежном выражении, но реально все время падал. Дворяне оказывались в петле неоплатных долгов;

это вело к продаже земель. Сеньорию нового дворянина составляли скупленные крестьянские земли.

Путь в дворянство через должности в государственном аппарате или городских муниципалитетах был самым распространенным. Самые важные должности в центральном и провинциальном управлении давали их владельцам дворянское звание еще в XV в. К началу XVII в. уже сформировался многочисленный слой чиновного дворянства, или "дворянства мантии". Чиновное дворянство скупало земли, сочетая свою деятельность на государственном или городском поприще с дворянским землевладением. Высшее чиновничество — члены парламентов и государственные секретари — все более приобщались к аристократическому землевладению, превращаясь в прослойку знати, титулованной аристократии.

В целом новое дворянство, чиновное и нечиновное, обновило господствующий класс. Оно внесло изменения в методы хозяйствования в дворянском поместье (собственное управление с помощью наемных работников и срочная аренда), приспособив хозяйство к новым отношениям, складывавшимся во французской деревне, хотя радикально не изменило природы феодальной земельной собственности.

Бюргерство. В многоликом портрете французского общества видное место занимало бюргерство. Его значение было прямо пропорционально возросшей роли денежного капитала в раннее новое время. С момента своего оформления это непривилегированное сословие несло тяжесть косвенных налогов и разных поборов. В XVI в. в состав бюргерства входили полноправные горожане, выполнявшие свою главную обязанность перед короной — оплату налогов, купцы и цеховые мастера, домовладельцы, ростовщики и мануфактуристы, а также интеллигенция (преподаватели университетов и школ, правоведы и врачи). Город раннего нового времени стал симбиозом традиций и новаций: сосуществования цехов, активно насаждавшихся короной, и королевских мануфактур.

В Северной Франции бюргерство было тесно связано с развивающимися внутренним рынком и мануфактурами. На Юге, напротив, оно оказалось слабо связанным с внутренним рынком, его привлекали заморские страны — Левант, Италия, Испания и торговля традиционными продуктами. Общей для бюргерства Северной и Южной Франции стала утрата им средневековых привилегий, а вместе с ними средств защиты от посягательств короны. Королевский фиск поглощал значительную часть его накоплений. Налоговый пресс заставлял сопротивляться и искать защиты, выдвигая требование возврата к муниципальным свободам. Бюргерство представляло собой значительную силу, с которой власти приходилось так или иначе считаться.

В социальном плане торговцы, финансисты, мануфактуристы находились под обаянием блеска дворянского имени и ранга. Сознавая свое приниженное положение, они стремились затушевать его при помощи некой социальной мимикрии: фамилии подделывали под дворянские, подражали "благородному сословию" в костюме и в быту.

Плебейство. Городской плебс формировался из бывших самостоятельных ремесленников, разорившихся мелких цеховых мастеров, подмастерьев и учеников, низведенных до положения наемных рабочих, а также слуг, нищих и бродяг. В поисках работы они постоянно бродили по стране. Цеховая политика короны в условиях тех изменений, которые претерпели ремесленные корпорации к XVI в., приводила к ухудшению положения ремесленников: падению заработной платы, удлинению рабочего дня и т.п. Подмастерья не имели права оставлять работу хотя бы на один день, по истечении контракта они обязывались сразу же наниматься на работу, иначе их считали бродягами и подвергали наказаниям. О все возрастающей численности горожан, оказавшихся выбитыми из колеи обычной занятости, свидетельствовали королевские ордонансы о бродягах. Согласно указам, нищенство строго запрещалось, нарушителям угрожали галерами и другими наказаниями.

Крестьянство. Крестьянство, как и бюргерство, принадлежало к податному сословию. Вследствие своего численного преобладания эта часть населения Франции приносила в казну наибольшую долю доходов. В XVI в. на крестьянстве лежали не только феодальная рента и прямой подушный налог, но также арендная плата. И если революция цен сократила сеньориальную ренту, то платежи по срочной аренде не отставали от роста цен, поэтому крестьянин не имел возможность использовать выгоды от повышенного спроса на сельскохозяйственные продукты. В результате изменений, происходящих во французской деревне, ускорился процесс обезземеливания крестьян. Наибольшие масштабы он приобрел в экономически развитых северных областях. Недовольство крестьянства своим положением провоцировало его на восстания, однако последние не выходили за рамки отдельных провинций.

Духовенство. Социальную структуру всего французского общества в своеобразном преломлении отражала иерархия духовенства. Духовное сословие, из-за celibата себя не воспроизводящее, вербовалось из разных сословий. Прелаты — архиепископы, епископы, аббаты богатейших монастырей были выходцами из среды феодальной знати и высшего чиновничества. Столичное и провинциальное чиновное дворянство владело богатыми городскими приходами и пополняло ряды каноников, советников при епископских советах. Масса сельских и городских священников происходила из небогатых

горожан и крестьян. Своеобразие происхождения духовного сословия объясняет разницу в имущественном положении и в правах князей церкви (прелатов) и мелких сельских и городских священников.

Итак, портрет французского общества нес на себе следы перемен, которые переживала Франция в XVI — первой половине XVII в. Трансформация дворянского сословия, появление нового дворянства, изменения в положении бюргерства, крестьянства, внутри- и межсословные противоречия, а также опасность народных выступлений — все это создавало условия для изменения политического строя — формирования абсолютной монархии.

Абсолютная монархия. Франциск I. XVI — первая половина XVII в. — время утверждения абсолютной монархии во Франции. Показателями этого процесса стали сосредоточение в руках монарха законодательной и исполнительной власти и ее правовое оформление. На территории Франции создавалось единое правовое пространство, из которого вытеснялось местное сеньориальное право. Это нарушало сложившуюся систему вассальных отношений (“вассал моего вассала — не мой вассал”) и вело к созданию нового централизованного порядка подчинения монарху (“вассал моего вассала — мой вассал”).

В это время снижается и сходит на нет роль старых органов власти. Вторая половина XVI — начало XVII в. — последний период в деятельности Генеральных штатов: ассамблеи этих сословно-представительных органов созывались всего 4 раза — в 1560, 1576, 1588, 1614 гг. Монарх отказался от созыва собраний представителей сословий. Кроме того, был не только взят под строгий контроль, но и лишен права вето на регистрацию королевских актов Парижский парламент (Высшая судебная палата).

Вместе с тем создавались новые правительственные органы — Большой, деловой и частный королевские советы и узкие советы нотаблей, назначенные монархом. Параллельно с этим возросла роль и политический вес королевского двора. Расширялся и укреплялся бюрократический аппарат и создавалась постоянная провинциальная администрация в лице государственных чиновников (интендантов), выполнявших волю монарха на местах. Принимались меры по организации централизованной финансовой системы — сбору налогов. Укреплялась армия. Господствующим типом военной организации становилась наемная армия.

Реформа государственного управления и политика монархии встречали сопротивление со стороны привилегированного сословия. Это обстоятельство осложняло и затягивало становление абсолютизма.

Складывание абсолютизма связано с правлением Франциска I

(1515—1547). Военачальник и просвещенный монарх, Франциск I отвечал представлениям французов о государе. Его мужество, жажду ратных подвигов и жизнелюбие соотечественники воспринимали как воплощение французского национального характера. При Франциске I возникли новые правительственные советы: Большой совет, деловой и частный, которые делили между собой отдельные сферы государственного управления. За годы своей власти король ни разу не созвал Генеральные штаты и держал под строгим контролем деятельность Парижского парламента. С его санкции стали практиковаться переносы дел из парламента в Большой совет короля. При Франциске I впервые в королевских указах появляется формула изъятия самодержавной власти — “ибо таково наше соизволение”.

Король вел систематическое наступление на сепаратистски настроенные города Лангедока и Оверни. Указом 1536 г. он наделил органы королевской власти на местах — сенешальства и баляжи — разнообразными административными полномочиями. Стремясь расширить государственный аппарат, он увеличил численность чиновников более чем на 100 человек. При нем была учреждена так называемая сокращенная казна, куда поступали суммы от продажи государственных должностей. Практика продажи государственных должностей приобрела законную силу. Пополнение государственной казны было предметом особой заботы короля: с 1517 по 1543 г. только прямой налог — талья — вырос вдвое, не считая повышения косвенных налогов и других платежей. Огромные суммы расходовались на военные операции в Италии: наследник Карла VIII и Людовика XII не отказался ни от боевых подвигов, ни от богатых военных трофеев. Увлекая военными походами за пределы Франции значительную часть дворянства, он создал благоприятную обстановку для осуществления своих внутривластных реформ.

С Франциска I Франция начинает заморские экспедиции. Королевская инструкция, врученная в 1534 г. моряку из Сен-Мало Жаку Картье, положила начало участию французов в исследовании Нового Света. В ней предписывалось отправиться в новые земли, открыть те острова и страны, “где, как говорят, должно находиться большое количество золота”. 24 июля 1534 г. два небольших судна Жака Картье появились на берегу залива, названного потом заливом св. Лаврентия. Этот день считается днем открытия Канады. Во время последующих экспедиций были намечены места будущих поселений — Монреаль, Квебек, Шарлсбург. Канада, в 18 раз превосходящая Францию по своей территории и немногим меньше всей Западной Европы, принадлежала французам в течение 200 лет, пока в 1763 г. не перешла к Англии. Но за эти 200 лет французы мало

успели узнать и освоить эту землю. Канада заселялась медленно, только начиная с XVII в. этот процесс принял заметные масштабы.

Одно из важных мест во внутренней политике монарха занял церковный вопрос. Согласно Прагматической санкции 1438 г., гарантом автономии галликанской церкви от Рима выступал монарх. Королевская власть, ограждая французское духовенство от чрезмерных притязаний папства, пользовалась правом на вмешательство в дела клира. В 1516 г. в ходе Итальянских войн в интересах военного сотрудничества с папой Львом X было принято решение об отмене Прагматической санкции и заключен Болонский конкордат о разделе права инвеституры. Согласно конкордату, Франциск I получал право назначать прелатов на вакантные высшие церковные должности с последующим утверждением назначенных в Риме; папа восстанавливался в правах на получение аннат без согласования с французским духовенством. Таким образом назначение на высшие церковные должности превратилось в королевское пожалование. Болонский конкордат окончательно оформил право вмешательства короны в церковные дела.

Французский король строил новое государственное здание — абсолютную монархию — и делал явные успехи, которые давались нелегко. Но несмотря на это абсолютизму еще рано было торжествовать победу. 13 лет спустя после смерти Франциска I на ассамблее Генеральных штатов в Орлеане (1560) представители дворянства заявили о том, что король и дворяне, в сущности, равноправны; если король подобен солнцу, то дворянство может претендовать на роль луны. Дворянство безоговорочно признавало полноту власти государя лишь во время войны, отказывая суверену в праве посягать на свои привилегии.

Дворянские клиентелы оставались источником постоянной нестабильности. Новая политическая организация дворянства не могла уберечь монархию ни от мятежей и смут, ни от гражданской войны. Высшее сословие противилось ущемлению своих политических привилегий, в частности утрате права на участие в работе ассамблей Генеральных штатов, и не упускало случая воспользоваться временным ослаблением монаршей власти, чтобы заявить о своих правах. Ослабление власти при внуках Франциска I Франциске II (1559—1560) и Карле IX (1560—1574), связанное с малолетством наследников престола, способствовало активизации сопротивления проабсолютистской политике короны со стороны части дворянства и городов.

Реформация. Французская Реформация началась в середине XVI в., позже чем в других странах, что объяснялось политической стабильностью при Франциске I и особым статусом галликанской церкви, католической по своей ориентации и в то же время имею-

щей статус национальной государственной церкви. Прелюдией Реформации стало движение за реформу церкви в рамках католицизма. Сторонники реформы связывали преобразование церкви с религиозным просвещением. Это движение стимулировалось гуманистическим просветительством, важную роль в котором сыграло расширение сети учебных заведений и книгопечатание. К сторонникам реформы принадлежали ремесленники и торговцы, типографы, правоведы, преподаватели университетов, а также представители знати.

На рубеже XVI в. движение за реформу было связано с именем Жака Лефевра д'Этапля (ок. 1455—1536). Математик, космограф, магистр свободных искусств, он стал известен своими "Комментариями к псалмам" (1508), "Комментариями на послание святого апостола Павла" (1512), а также публикациями различных латинских версий Псалтири со ссылками на оригинал, где он доказывал неидентичность оригиналу некоторых латинских версий. В "Комментариях на послание святого апостола Павла" он дал новое толкование основных догматов католического вероучения о спасении и грехе. Лефевр противопоставил учению о спасении добрыми делами представление о спасении, которое связывал с внутренним состоянием человека — с верой в искупительную жертву Христа. Просветительская деятельность Лефевра была воплощением его представления о судьбе церкви и улучшении нравов общества.

В первые десятилетия XVI в. во Франции получили распространение идеи Лютера. Движение за реформу церкви в рамках католицизма столкнулось с новым мировоззрением, с нетрадиционным, протестантским представлением о церковной организации. Однако лютеровский протестантизм не пустил во Франции глубоких корней.

Новой вехой в религиозной жизни Франции стало распространение кальвинизма. Жан Кальвин (1509—1564) заявил о себе как о преемнике Лефевра и Лютера в 1536 г. книгой "Наставление в христианской вере". Первое латинское издание с предисловием автора было подарено Франциску I в надежде на то, что монарх, обладающий правом на вмешательство в дела галликанской церкви, проведет Реформацию сверху, своей властью. Однако призыв Кальвина не был услышан Франциском I. Объявленное еретическим, "Наставление" было сожжено на паперти собора Нотр-Дам, что означало изгнание его автора из страны. Отныне кальвинизм распространялся во Франции вопреки воле монарха. Более всего он нашел приверженцев в южной и юго-западной части Франции — в провинциях Оне, Перигё, Керси и в Лангедоке. Во французской деревне реформационные идеи имели незначительное распространение (главным образом в Юго-Западной Франции).

Первые реформатские церкви, так назывались церковные организации сторонников Кальвина, появились в начале 40-х годов в Эльзасе, затем в Турени, Пикардии и в 1557 г. в Париже. Гонения на протестантов ускорили оформление церкви. В 1559 г. в Париже собрался синод реформатских церквей, на котором был принят единый символ веры и выработаны общие организационно-дисциплинарные установки. Реформатская церковь не получила официального статуса. Негативную роль в ее судьбе сыграли следование принципу выборности служителей культа и наделение мирян правом входить в состав церковной организации. Это облегчило проникновение в ряды церкви людей, далеких от новых религиозных убеждений и преследующих свои, главным образом политические, интересы. Поэтому, зависимость в материальном отношении от добровольных пожертвований, эта церковь оказалась легко втянутой в политическую борьбу.

Религиозные войны. Во второй половине XVI в. Франция вступила в период политического кризиса, проявлением которого стали религиозные (гражданские) войны, длившиеся с короткими передышками 32 года (1562—1594). Конфессиональные знамена этих войн — католицизм и кальвинизм — скрывали их социально-политическую сущность. Причина религиозных войн крылась в изменении политического строя и традиционных форм отношений в обществе в связи с формированием абсолютизма. Поводом послужила обстановка, сложившаяся во Франции вскоре после окончания Итальянских войн. Напряженность, оппозиционные настроения, связанные с укреплением абсолютизма, не проявлялись особенно резко, пока шли войны: дворянство в значительной степени кормилось ими, “беспокойные” социальные элементы поглощались военным наемничеством, горожане и крестьяне надеялись на облегчение положения после победы. Мир в Като-Камбрези (1559), который подвел итоги оказавшимся бесплодными для Франции Итальянским войнам, обнажил всю сложность экономической и внутривнутриполитической обстановки в стране.

К середине XVI в. стали ощутимее последствия “революции цен” и тяжесть налогового бремени. В то же время стала сказываться реакция на политику абсолютизма в среде господствующего класса. Прекращение Итальянских войн поставило французское дворянство перед необходимостью искать новую сферу активности, новые пожалования, пенсии, должности. Острое недовольство обнаруживалось в кругах провинциальной знати и дворянства, которые еще не расстались с мечтой о возврате своей привилегии вести себя независимо по отношению к королю. Эти настроения находили отклик и в среде придворной аристократии, недовольной ростом власти бюрократии и “выскачок” из “людей мантии”.

Кроме того, в 1559 г. произошла смена власти: на рыцарском турнире был смертельно ранен Генрих II. Ему наследовал старший сын, 15-летний Франциск II. На время власть ослабла, что благоприятствовало формированию и активности оппозиции. В короткий период правления Франциска II (1559—1560) при дворе возросло влияние Лотарингских герцогов Гизов, родственников Марии Стюарт, супруги молодого короля. Франциск Гиз, главнокомандующий королевской армией, и его брат Карл Гиз, кардинал, возглавили феодально-аристократическое крыло недовольных проабсолютистской политикой. Эта знать имела опору в старинном домене короля — северо-восточных и центральных провинциях. Входя в Королевский Совет и пользуясь преимуществом при назначении на церковные должности, она считала себя защитницей престола и католической веры, но тяготилась опекой монарха, ревниво относилась к успехам нового дворянства при дворе и стремилась воспрепятствовать централизаторской политике короны.

Принц крови Антуан Бурбон и принц Конде возглавляли гугенотскую аристократию (они называли себя гугенотами от западно-швейцарского "eidgenots" — сообщник, сотоварищ). Гугенотская аристократия локализовалась преимущественно в юго-западных и южных областях Франции. Она меньше пользовалась вниманием власти и видела средство к улучшению своего экономического положения в секуляризации церковных земель, и потому охотно принимала кальвинизм. К тому же новая вера содействовала укреплению нарушенных абсолютизмом вассальных связей титулованной знати с провинциальным дворянством, которое составляло ее опору. Обе группировки в ущерб друг другу стремились сначала подчинить своему влиянию короля, а в ходе войн перешли к антидинастической борьбе, выдвигая каждая своего кандидата на престол.

К феодально-аристократическим группировкам примыкали и города. В северных, западных и центральных провинциях причиной выступления городов была налоговая политика короны. В южных и юго-западных землях города сопротивлялись утрате прежних свобод самоуправления.

Показателем остроты политической ситуации стал Амбуазский заговор — попытка дворцового переворота, спровоцированная в 1560 г. гугенотской аристократией во главе с принцем Конде. Целью заговора было отстранение Гизов, созыв Генеральных штатов и обеспечение интересов принца крови Антуана Бурбона и гугенотов. Для этого южное дворянство предприняло поход на королевский замок Амбуаз. Заговор был раскрыт, мятежные дворяне казнены, Конде арестован. Только неожиданная смерть Франциска II спасла принца от казни.

Франциску II наследовал его брат Карл IX, малолетство которо-

го потребовало назначения регента. Регентшей стала королева-мать Екатерина Медичи. Она пыталась примирить противоборствующие группировки, однако ее политика компромисса враждебно воспринималась как католиками, так и гугенотами.

После Амбуазского заговора следующим шагом, приблизившим начало религиозных войн, стала расправа над гугенотами, учиненная католиками в Шампани. В 1562 г. отряд герцога Лотарингского Франциска Гиза расправился с небольшой группой гугенотов, собравшихся в местечке Васси для отправления культа. Убийство в Васси положило начало религиозным войнам.

Развитие политических событий и характер военных действий позволяют выделить три периода в религиозных войнах.

Первый период религиозных войн: 1562—1570. В это время борьба не отличалась ожесточением. Обе феодальные группировки стремились захватить короля и править от его имени. Католическая сторона находила поддержку в северной части Франции, она опиралась на Париж, ее программа — “Один король, один закон, одна вера”. Юг Франции объединился вокруг Бурбонов и крупных феодальных фамилий, выступавших под знаменем протестантизма. Вождями гугенотов были принц Конде и адмирал Колиньи. Первый период войн закончился эдиктом примирения в Сен-Жермене (1570). Гугеноты получили право на богослужение в пределах предместьев двух городов каждого губернаторства Франции, а также право занимать общественные должности. Кроме того, им были предоставлены крепости Монтобан, Коньяк, Ларошель, Лашарите. Вождь гугенотов адмирал Гаспар Колиньи был призван ко двору.

Второй период: 1572—1576. Он отличался широкомасштабными военными действиями, кроме того, гугеноты и католики стали выступать против правящей династии. Главным событием второго периода была расправа над гугенотами в Париже. В ночь на 24 августа 1572 г. — праздник св. Варфоломея — дворяне-католики и парижская толпа перебили несколько сотен гугенотов из числа парижан и дворян, прибывших в Париж из провинций по случаю бракосочетания сестры Карла IX Маргариты Валуа и вождя гугенотов Генриха Наваррского. В числе погибших был предводитель гугенотов адмирал Гаспар Колиньи. Военные действия перекинулись из Парижа в провинции и продолжались до октября 1572 г., несмотря на указ о прекращении репрессий, последовавший на 5-й день кровопролития.

Трагедия в Париже знаменовала не только начало второго периода войн, но была свидетельством изменения позиции власти. До 1572 г., будучи не в силах предотвратить начавшиеся войны, корона пыталась держать под контролем военные действия и стремилась к примирению противоборствующих сил. В Варфоломеевскую ночь

власть не препятствовала столкновению. Разрешив католикам учинить расправу над гугенотами в Париже, она подтолкнула начало братоубийственной войны в масштабе всей Франции.

Военные действия после Варфоломеевской ночи сопровождались острой идеологической борьбой, нашедшей отражение в публицистике — в памфлетах гугенотов, в том числе Дюплесси-Морне и Ф. Отмана. В памфлетах "Иск к тиранам" и "Франко-Галлия" излагались взгляды гугенотской оппозиции на государство и политический порядок. Авторы видели причины недовольства в утрате дворянством самоуправления и местных вольностей, в централизации и бюрократизации управления. Путь к миру они связывали с возвращением к старым порядкам, характерным для сословной монархии, в частности, в деятельности Генеральных штатов.

Воплощением идей гугенотов стало создание сепаратистского гугенотского государства на юге Франции. Гугенотская конфедерация, включавшая в себя земли от Дофинэ и Лангедока до Сентонжа, была самым негативным результатом религиозных войн. Конфессионально-политический раскол привел к нарушению территориальной целостности Франции. Самоуправляющаяся Гугенотская конфедерация имела свою армию и систему налогов. Высшим органом этого союза были Генеральные штаты, на ассамблеи которых собирались представители городов конфедерации, а также дворянства. Большую роль в создании и укреплении Гугенотской конфедерации сыграли провинциальные штаты, традиция созыва которых не прерывалась с формированием абсолютизма. Эти местные представительные учреждения были консолидирующим органом Южной Франции, в котором влиянием пользовалось дворянство. Превратившиеся в годы религиозных войн в политические собрания, провинциальные штаты держали под контролем реформатские церкви, диктуя им свои требования и таким образом втягивая их в политическую борьбу. Кроме церковной организации дворяне-гугеноты использовали в своих интересах кальвинистское вероучение о праве на сопротивление государю-тирану как презревшему волю Бога, нарушившему древние привилегии народа участвовать в собраниях Генеральных штатов. Окончательное оформление Гугенотской конфедерации произошло на съезде гугенотов в Ниме в 1575 г.

Второй период религиозных войн закончился удовлетворением требований гугенотов: предоставлением свободы отправления культа повсюду, кроме Парижа и территории королевского двора, а также права организовать свои отделения при судебных палатах (парламентах) провинций. Кроме того, гугенотам разрешалось воспользоваться еще 8 крепостями помимо ранее полученных. Король также согласился признать преступлением убийства, совершенные в Варфоломеевскую ночь, возвратить конфискованное у гугенотов

Франция в XVI — первой половине XVII в.

имущество и разрешить политическую организацию гугенотов, сложившуюся после Варфоломеевской ночи.

На исходе второго периода религиозных войн, в 1576 г., образовалась Католическая лига. Оформлению этой лиги предшествовало появление в 60-е годы многочисленных лиг „для охраны католической церкви“. В их состав входили представители бюргерства и дворянства, причем если первые занимали проабсолютистскую позицию, то требования вторых мало отличались от притязаний гуге-

нотов, мечтавших о возврате к феодальной вольнице. Во главе католиков стоял Генрих Гиз, в создании лиги принимал участие король Генрих III, вступивший на престол в 1575 г. В своей декларации Католическая лига предлагала полностью восстановить и впредь сохранять католическое Богослужение и обеспечить Генриху III авторитет его власти, службу и повиновение его подданных. При этом королю было предложено воздерживаться от всего, что могло бы нанести ущерб постановлениям Генеральных штатов. Помимо этого выдвигались требования вернуть провинциям их права и старинные вольности. Принадлежность к лиге объявлялась обязательной для всех католиков. Декларация получила силу закона на Генеральных штатах в Блуа в 1576 г.

Третий период: 1580—1594. Последний период религиозных войн характеризовался поисками Генрихом III выхода из кризиса путем принятия непопулярных мер, обостривших и без того сложную обстановку, а также появлением на политической арене Генриха Наваррского в качестве вождя гугенотов, активизацией Католической лиги и образованием Парижской лиги и, наконец, гибелью короля. Очередное перемирие, последовавшее осенью 1577 г., было использовано Генрихом III для роспуска всех организаций — как протестантской, так и католической ориентации. Однако эти действия опять не принесли королю желаемых успехов. Внутривнутриполитическая обстановка осложнялась инфляцией и ростом налогов. Подданные во всех бедах обвиняли короля. К недовольству экономической политикой Генриха III добавился страх за будущее французского престола. Безвременная кончина последнего мужского представителя династии Валуа — герцога Алансонского, младшего брата бездетного Генриха III, привела к тому, что дофином Франции стал первый принц крови из династии Бурбон гугенот Генрих Наваррский. Перспектива появления на троне гугенота заставила вождей распущенной Католической лиги, в первую очередь Гизов, выдвинуть своего кандидата на престол — кардинала Карла Бурбона. Позиция бывших лигеров подтолкнула Генриха III к сближению с Генрихом Наваррским. В это время вождю гугенотов было сделано первое предложение перейти в лоно католицизма с тем, чтобы иметь право на престол.

Складывавшаяся обстановка побуждала к восстановлению Католической лиги. Ее возглавили сыновья Франциска Гиза — Генрих Гиз, Карл, герцог Майенский, и Людовик — кардинал и архиепископ Реймский. Эта лига в 1584 г. заключила тайный договор с испанским королем Филиппом II в целях защиты католической религии и истребления ереси во Франции и Нидерландах. Согласно договору, Генрих Наваррский лишался права на престол, наследником объявлялся кардинал Бурбон — дядя Генриха Наваррского.

Почти одновременно с восстановлением Католической лиги в Париже сформировалась Парижская лига (1585). В нее вошли торговцы, ремесленники, городские низы и часть зажиточного бюргерства, а также судебское чиновничество, студенты Сорбонны и низшее католическое духовенство. Власть в Парижской лиге сосредоточилась в руках Совета 16 (по числу городских кварталов). Лига вступила в сношения с другими городами, предлагая им создавать подобные организации.

Осложнение обстановки заставило Генриха III в 1585 г. отменить все указы в пользу гугенотов. В этом же году папа Сикст V своей буллой лишил Генриха Наваррского как еретика права наследовать французский престол. Однако действия короля не изменили положения. Лигёры-католики вели наступление на гугенотов и на правительство Генриха III. Во внутривластные дела Франции вмешивались Англия и Испания. Дерзость лигёров и их вождя Генриха Гиза, претендовавших на право руководить действиями короля, сближение католиков с испанским королем Филиппом II побудили Генриха III в апреле 1588 г. к союзу с Генрихом Наваррским. Позиция короля вновь вызвала волнение в Париже. 12 мая 1588 г. на улицах города стали возводить баррикады.

Генриху Гизу удалось привлечь ремесленников, лавочников, матросов и поденщиков на свою сторону. В распоряжении Генриха III оставались одни наемники. Сложившаяся обстановка заставила короля покинуть Париж и скрыться в Шартре. На время власть в Париже оказалась у Гиза, но его согласие с парижанами было непрочным. Парижские бюргеры желали восстановить в городе коммуну и опасались решительных действий городских низов. Более того, они желали примирения и возвращения короля в Париж. Генрих III пошел на перемирие и вернулся. Созванные им в октябре 1588 г. в Руане Генеральные штаты были свидетельством новой попытки стабилизировать обстановку в стране. Генрих III шел на уступки, но Гизы и лигёры были настроены воинственно. Ассамблея Генеральных штатов решила продолжать войну. Доведенный до отчаяния король приказал убить Генриха Гиза. В декабре 1588 г. приглашенный в Лувр герцог Гиз был зверски заколот. Генеральные штаты, антиабсолютистскую позицию которых поддерживал Гиз, были распущены. Однако расправа над Гизом не принесла ожидаемой Генрихом III победы. Убийство первого лигёра взорвало готовый к выступлению Париж. Похороны Гиза превратились в демонстрацию. Примеру Парижа последовали и другие города. Войска короля были разбиты лигёрами. Лига вновь стала центром антироялистского движения, ведущего к образованию городских республик и укреплению сепаратистских тенденций.

Франция, к укреплению единства которой на протяжении вто-

рой половины XV — первой половины XVI в. стремились короли, подверглась расколу. В этой экстремальной ситуации в соответствии с договором с Генрихом Наваррским, заключенным в апреле 1588 г., Генрих III присоединяется со своими отрядами к гугеноту. Целью предполагаемой операции становится Париж. Однако последнему королю династии Валуа не суждено было осуществить свой план. В августе 1589 г. он был заколот доминиканским монахом Жаком Клеманом, пробравшимся в его военный лагерь.

Победа Генриха Наваррского. Начавшийся период безвластия стал не менее тяжелым, чем предыдущие годы. Францию опустошали дворянские отряды и иноземные наемники. Испанский король Филипп II в 1592 г. ввел в Париж из Нидерландов свой гарнизон. Во многих городах вспыхнули восстания, пришло в движение и крестьянство. Страна оказалась на грани национальной катастрофы. В этих условиях развернула свои решительные действия армия Генриха Наваррского. Недюжинные способности позволили законному наследнику на престол в середине 1598 г. приблизиться к Парижу и начать осаду. Не желая подвергать город разрушению, Генрих отрезал его от источников снабжения: сжег в окрестностях все мельницы и разобрал мосты. Париж сопротивлялся около трех месяцев: военные силы города превосходили армию Генриха Наваррского. В осажденном городе продолжала свою работу ассамблея сторонников Католической лиги, обсуждался вопрос о престолонаследии. В нарушение традиции лига брала ответственность на себя. Это обстоятельство подтолкнуло Генриха Наваррского к решению о принятии католицизма: Париж стоил мессы. Законный наследник престола, хотя и был французом, но в глазах своих соотечественников оставался прежде всего гугенотом — еретиком. Торжественное отречение от кальвинизма состоялось в июле 1593 г. в соборе Сен-Дени, за этим в феврале 1594 г. последовала коронация в Шартре.

Генрих Бурбон, король Наварры, стал королем Франции под именем Генриха IV (1594—1610). С этого времени на французском престоле утвердилась династия Бурбонов. Спустя месяц, в марте 1594 г., Генрих IV вошел в Париж. В страхе и сомнении парижане ожидали первых распоряжений нового короля. После долгих лет распрей инерция войны не могла быть сразу остановлена. Генрих IV принял разумное решение не преследовать своих противников и не конфисковывать их имущество.

После шестилетнего безвластия престол оказался в крепких руках умного и опытного правителя. Долгие годы борьбы не прошли бесследно: Генрих IV должен был извлечь уроки. Религиозные войны выявили непоследовательность политики короны, антиабсолютистский характер выступлений дворянства как под католическим, так и под протестантским знаменами и слабость бюргерства, которо-

му еще не чужды были средневековые муниципальные интересы. Отлично понимая политическую подоплеку религиозных войн, Генрих IV попытался прежде всего вырвать из рук антиабсолютистских сил религиозные знамена — разрешить конфессиональный конфликт.

Нантский эдикт. Гарантией мира в послевоенной Франции стал Нантский эдикт, обнародованный Генрихом IV в 1598 г. Указ объявил в качестве официальной галликанскую церковь. Вместе с тем, став отражением внутренней политики монархии, он преследовал цель разрешить религиозно-политические проблемы. Это была первая попытка создания своего рода декларации прав подданных французской короны независимо от их конфессиональной принадлежности. В эдикте декларировались права на положение, имущество, образование, суд, медицинскую помощь. Однако реализация этих прав для католиков и протестантов была не одинаковой. Эдикт территориально ограничивал права протестантов на отправление культа: молебны могли совершаться в строго указанных местах, из которых исключались Париж, все крупные города и епископские резиденции. Протестанты могли обучать своих детей только в своих школах, коллегиях и университетах, которые разрешалось строить в местах отправления ими культа. Они не могли воспользоваться госпиталями, ибо последние находились под покровительством католической церкви. Право на суд протестантам разрешалось осуществлять только в специальных палатах, созданных при провинциальных парламентах. Протестанты, как подданные короны, помимо всего обязывались платить церковную десятину в пользу галликанской церкви.

С политической точки зрения Нантский эдикт был призван содействовать укреплению власти на местах. Корона стремилась использовать судебные палаты, пополняемые доверенными лицами из числа католиков и протестантов. Кроме того, повсеместное действие Нантского эдикта, начиная с 1598 г., лишало знать права по собственному усмотрению решать конфессиональную проблему в своих сеньориях. Генрих IV сделал важный шаг к превращению феодалов, прежде обладавших столь значительной привилегией, в королевских подданных. Вместе с тем Генрих IV вынужден был сделать протестантам весомые уступки. Гибкость его политического курса в интересах мира заключалась в предоставлении протестантам права на сохранение занимаемых ими со времени образования Гугенотской конфедерации городов-крепостей и укреплений. Это право жаловалось как "королевская милость" на 8 лет, по истечении которых надлежало его продлить либо отменить.

Реформы Генриха IV. Стремясь к укреплению своей власти и упрочению экономической базы дворянства, Генрих IV стал иници-

атором ряда реформ. Проводником монаршей политики был его первый министр Максимилиан Сюлли. Рассматривая укрепление крестьянского хозяйства как залог благополучия дворянства, жившего преимущественно на натуральную и денежную ренты, Сюлли принял ряд мер в поддержку крестьян: ввел запрет на произвольное обложение крестьянского хозяйства, отменил продажу за долги сельскохозяйственного инвентаря, разрешил крестьянским общинам выкупать проданные общинные земли и добился более справедливого распределения прямого налога — тальи посредством привлечения к его уплате злостных неплательщиков. В интересах дворянства он списал значительную часть его долгов, образовавшихся за годы религиозных войн. Кроме того, он попытался приобщить дворянство к ведению хозяйства на манер английских джентри. С этой целью с санкции монарха началась пропаганда агрономических знаний: появились первые агрономические трактаты ("Театр земледелия" О. де Серра — 1600 и др.). В интересах крестьян и дворянства были приняты меры по расширению хлебной торговли: правительство пошло на сокращение пошлин и уничтожение внутренних таможен.

Торговая политика Сюлли характеризовалась меркантилизмом — покровительством вывозу промышленной продукции и запретом на вывоз сырья. В соответствии с этим были заключены торговые договоры с Англией и Испанией.

Достаточно успешной была колониальная политика Сюлли в Северной Америке и Вест-Индии. Результатом экономических мер монархии стал количественный рост мануфактур. Особое место среди них занимали королевские мануфактуры по производству шелка, полотна, золотой пряжи и фаянсовых изделий. Новые предприятия обладали привилегиями в торговле и распоряжались большим денежным капиталом.

Усилиями Генриха IV Франция вступала в новую фазу политической эволюции, которая характеризовалась созданием единообразного во всех частях государства. Отстранением от участия в Королевском совете и руководстве внешней политикой был нанесен ощутимый удар по аристократии. Монарх отказался от созыва Генеральных штатов, предпочитая им узкие советы назначаемых лиц — нотаблей. Стремясь ограничить власть губернаторов — последнего оплота аристократии в провинциях, Генрих IV направлял в провинции генеральных наместников из числа преданных людей для отправления финансовых и судебных дел, оставляя знати полномочия командования местными военными силами. Более того, была изменена практика продажи государственных должностей. Узаконенная еще Франциском I широкая продажа государственных должностей не только поощрялась, но приобретенные должности становились наследственными. Для этого достаточно было вносить в казну еже-

годный налог — полетту. Таким образом корона изыскала новую доходную статью. Все очевиднее проявлялась исключительная роль бюрократического аппарата как специфическая черта абсолютной монархии Франции. Представители "дворянства мантии" занимали важные должности в центральном и провинциальном аппаратах, входили в состав дипломатического корпуса, им же принадлежали доходные церковные и придворные должности. Высшее чиновничество сближалось с аристократией.

Французская монархия в первой половине XVII в. Начавшиеся преобразования обеспечили стране уже в первой четверти XVII в. некоторый подъем экономики. Монарх готовился к большому военному походу, задуманному им еще в годы религиозных войн. Он предполагал возглавить евангелическую унию немецких протестантских князей, заключить союз с Англией и повести решительную борьбу против дома Габсбургов. Основными объектами этой борьбы были торговые города по Рейну и испанские Нидерланды. В 1610 г. Генрих IV собрал большую армию, которая должна была двинуться в Испанию, Северную Италию и на Рейн, когда посреди этих приготовлений его застигла смерть: он был убит монахом Франсуа Равальяком.

Смерть короля, умевшего своей политикой сдерживать страсти оппозиционно настроенной знати, обнаружила незавершенность начатых реформ; оппозиция подняла голову. Генрих IV не смог до конца обуздать центробежные силы: в своих крепостях и замках существовала хорошо вооруженная Гугенотская конфедерация, не было сломлено противостояние части католической аристократии. Обстановка осложнилась с вступлением на престол малолетнего сына Генриха IV Людовика XIII и появлением на политической арене регентши королевы-матери Марии Медичи. Это заставило власть в 1614 г. созвать Генеральные штаты. В истории сословно-представительных учреждений Франции это были последние ассамблеи (вплоть до революции 1789 г.). Собрание Генеральных штатов 1614 г. продемонстрировало полное расхождение во взглядах представителей трех сословий. Размежевание социальных сил позволило правительству распустить Генеральные штаты, используя при этом антиаристократическую оппозицию провинциального дворянства и бюргерства. За роспуском Генеральных штатов последовала вспышка религиозных войн в Беарне. Поводом к этому послужило восстановление там католической церкви и насильственное отобрание земли у гугенотов. Правительство должно было еще раз подтвердить Нантский эдикт.

Кардинал Ришелье — первый министр Людовика XIII. В 1624 г. в условиях ослабления монаршей власти, межсословных противоречий и перемирия с Гугенотской конфедерацией первым минист-

ром Людовика XIII стал Арман Жан де Плесси герцог Ришелье, имевший сан кардинала. Бывший епископ Люсона 18 лет оставался фактически неограниченным правителем Франции. Будучи министром, Ришелье сформулировал свою программу, определив в ней три основных направления: борьбу с гугенотами, с оппозиционно настроенной знатью и укрепление власти монарха таким образом, чтобы Франция вернула себе подобающее место первой европейской державы. Это была программа абсолютистского режима внутри страны и европейской гегемонии в международных отношениях. В 1628/29 гг. войска кардинала Ришелье осадили Ларошель. Зажатая кольцом блокады, крепость гугенотов пала. Условия мира в Але (Лангедок), более известные как "эдикт милости", лишив гугенотов военных крепостей, сохранили за ними право на отправление культа и иные пункты Нантского эдикта.

Первая половина XVII в. была последним периодом в деятельности синодов реформатских церквей. В 1659 г. Людовик XIV запретит эти собрания. Вслед за этим запретом последует узурпация других прав протестантов. Что касается борьбы с оппозиционно настроенной знатью, то Ришелье издал указ об уничтожении феодальных замков — цитаделей неповиновения и рассадников смут, запретил дуэли как выражение политической самостоятельности дворянства и успешно раскрывал дворцовые заговоры, имевшие целью устранение всесильного министра. Ришелье был одним из создателей государственного аппарата абсолютной монархии. Большую роль он отводил исполнительной власти на местах — институту интендантов, введенному еще Генрихом IV. Интендант являлся основным проводником распоряжений королевской власти. В его руках сосредоточивались все нити провинциальной администрации: экономика, сбор налогов и социальная политика. За пределами его компетенции оставалась только армия. Рядом с интендантами сохраняли свои, главным образом почетные, функции губернаторы. В отличие от губернаторов — представителей знати, интенданты вербовались из незнатных людей. Нетитулованные и безземельные, они верно служили королю. Помимо этого Ришелье стремился сократить число государственных советников и укрепить звание и должность статс-секретарей, которые стояли во главе ведомств.

Первый королевский министр вел решительную борьбу с Парижским парламентом. С упадком Генеральных штатов эта высшая судебная палата Франции увеличила свои политические притязания. На парламенте лежала обязанность регистрации королевских указов. С XVI в. парламент начал присваивать себе право обсуждения и отвода вносимых для регистрации документов. Для того чтобы заставить этот суд подчиниться, король должен был лично являться на заседание парламента. Наступая на права парламента, Ришелье

отнял у него право отказа от регистрации королевских актов, прибегнув даже к насильственному выкупу наследственных должностей у неугодных членов парламента.

Продолжая начинания своих предшественников, Ришелье вмешивался в дела галликанской церкви и требовал от прелатов участия в пополнении королевской казны. В 1641 г. в ответ на отказ в предоставлении определенной суммы Ришелье арестовал нескольких епископов, заставив духовенство согласиться с его требованиями.

В экономической политике первый министр Людовика XIII являлся сторонником меркантилизма. Он был инициатором создания более 20 торговых компаний, которые, однако, просуществовали недолго. Представители торгового капитала неохотно пополняли эти объединения, уступая свое место преимущественно чиновничеству.

При Ришелье возобновились прерванные религиозными войнами заморские экспедиции. В 1629 г. начинается колониальная деятельность французов на островах Мартиника и Гваделупа. Франция приобретает колонии в Южной Америке и Гвиане. В это же время первый министр Людовика XIII заключает торговые договоры с Ганзейским союзом и Англией. Во внешней политике Ришелье последовательно отстаивал национальные интересы Франции. Начиная с 1635 г. Франция под его руководством активно участвовала в Тридцатилетней войне, ставя своей задачей ослабить могущество Габсбургов и захватить рейнские города. Вестфальский мир 1648 г. способствовал обретению Францией, наряду со Швецией, ведущей роли в международных отношениях.

Ришелье выполнил свою программу: он добился величия короля и могущества государства. В своем "Политическом завещании", рассуждая о государственном благе и долге, подчеркивая преимущество государственных интересов перед интересами отдельных лиц, он обосновал целесообразность своей политики тем, что государство имеет только земное существование — в отличие от частных лиц, имеющих перспективу неземной жизни.

Однако, последовательный защитник абсолютизма, он отстаивал прежде всего интересы среднего и мелкого дворянства, видя в нем главный нерв государства. Он был решительным в своих действиях против оппозиционно настроенной знати, расшатывающей государственные устои. Идеолог дворянства считал, что строящейся Франции более всего нужны трудовые руки ремесленников и крестьян и призывал последних трудиться не жалея сил. Он запретил отбирать общинные земли у крестьян, чтобы сохранить крепкого земледельца-кормильца. Финансовых дельцов и откупщиков он представлял особым слоем, вредным, но необходимым для государства. Тем не менее, эта словесная оценка несколько не препятство-

вала практике первого министра: покровительству предприимчивому бюргерству. Ришелье должен был идти на уступки финансистам и откупщикам, ибо без откупов нельзя было собрать налоги.

Борьба за укрепление абсолютизма требовала от Ришелье огромных усилий, положительные результаты достигались дорогой ценой для непривилегированной части французского общества. Правлению Ришелье сопутствовали восстания. Период с 1624 по 1642 г. отмечен тремя волнами больших крестьянских движений, не считая постоянных местных вспышек и выступлений городских низов. В 1624 г. — крестьянское восстание в Керси, в 1636—1637 гг. — в ряде юго-западных провинций, в 1639 г. — восстание “босоногих” в Нормандии. Причина восстаний — рост налогов, отягощенный повинностью городского и сельского населения по содержанию расквартированных войск и участию в военных поставках в период вступления Франции в Тридцатилетнюю войну.

Инициатор государственных реформ и активной внешней политики кардинал Ришелье умер в 1642 г. Вслед за ним в 1643 г. ушел из жизни Людовик XIII. В годы регентства Анны Австрийской при малолетнем наследнике престола Людовике XIV Франция вновь будет переживать очередную смуту: абсолютная монархия, над укреплением которой трудился Ришелье, подвергнется новому испытанию.

Культура Франции в XVI в. В культуре Франции XVI век был веком Возрождения: преобразованием идейной и художественной жизни, обновлением французского языка, созданием нового стиля в искусстве, формированием нового типа мышления и новых граней национального характера. Вместе с тем культурные процессы второй половины столетия находились под влиянием Реформации и Контрреформации. Это воздействие проявилось в попытке религиозного осмысления ренессансного открытия мира и человека и носило антиренессансную направленность.

Французский Ренессанс имел свои национальные корни, которые проявились прежде всего во внимании к французскому языку. Большое влияние на французскую культуру Возрождения оказала Италия. Французские гуманисты видели в итальянцах не только своих собратьев по перу, но и учителей. Итальянское воздействие стимулировало поиски в культуре своего, национального.

Ранний период французского Ренессанса характеризовался большей приверженностью традиции и продолжением тех культурных процессов, которые начались в XV в. Это время сосуществования традиций и новаций. В первые десятилетия XVI в. продолжали открываться новые учебные заведения. Наряду с традиционными университетами и школами появились коллегии с новой учебной программой. В 1530 г. в Париже была основана гуманистическая

школа — Коллеж де Франс. Созданное в противовес Сорбонне, это новое учебное заведение располагало кафедрами древних языков, философии, математики и медицины и стало ассоциацией ученых, распространявших гуманистическое знание. В числе преподавателей Коллежа, наряду с итальянцами, были французы: латинист Бартеlemi Ле Массон, эллинист Жак Туссен, гебраист Франсуа Ватабль и математик Оранс Фине. В 30-е годы Жофруа Тори (1480—1533) совершил переворот в книгопечатании: он отказался от готического шрифта и ввел новые элементы в оформление, создав тип французской ренессансной книги, доведенной до совершенства Симоном де Колином и Этьеном Доле. Этот период ознаменовался интересом к древним языкам и тенденцией к совершенствованию французского языка. В 20—30-е годы в противовес средневековой варварской латыни возрождалась классическая латынь. Она стала языком творчества первых французских гуманистов — Гийома Бюде и Этьена Доле. Возглавивший Коллеж де Франс Г. Бюде (1468—1540) переводил на классическую латынь греческих авторов. Рассматривая филологию в ренессансном духе, гуманист видел в ней путь не только к познанию античной культуры, но и к совершенствованию личности. Он полагал, что с помощью филологии можно преобразовать общество. Мастером стихосложения на классической латыни и французском языке и автором “Комментариев к латинскому языку” являлся Э. Доле (1509—1546), более известный как типограф, организатор печатного дела в Лионе. Г. Бюде и Э. Доле представляли два очага культуры Возрождения — Коллеж де Франс и Лионский печатный двор.

Близким к Э. Доле и его единомышленникам по Лионской типографии был радикальный мыслитель Бонавентюр Десперье (1510—1544), автор “Кимвала мира” и “Новых забав”. Написанный в подражание Лукиану в эпоху Реформации, “Кимвал мира” — едкая сатира на происходящие события и доверчивость людей, ищущих новый путь к Богу. Перо гуманиста не знало пощады в осмеянии пороков католической церкви, служителей которой он избрал мишенью в своих “Новых забавах”. “Французский Лукиан” поднял одну из злободневных проблем — реформу церкви, защищая идею религиозного просвещения.

Очаги культуры Возрождения, возникавшие в разных концах Франции в провинциальных университетах, коллегиях, печатных дворах и даже в монастырских кельях имели покровителя в лице Франциска I и его окружения. Король — рыцарь и знаток искусств имел славу мецената. В формировании его художественного вкуса большую роль сыграла Италия: он был побежден в ней дважды — как полководец и как человек, плененный неведанным миром искусств и галантности. В качестве военных трофеев Франциск I при-

вез в Париж, пополнив свой дворец, полотна итальянских мастеров и пригласив ко двору итальянских зодчих и художников, в том числе Приматиччо, Росси, Челлини. С помощью итальянцев он перестроил старый дворец Фонтенбло. Дворцовое строительство стало одним из направлений монаршей политики: оно преследовало цель создать культ короля. Фонтенбло символизировал не только новую художественную моду, но новую культуру в целом: новые нормы этикета и рождение новых традиций дворцовых праздников с рыцарскими турнирами, маскарадами и театральными представлениями. Политика монарха способствовала созданию единого французского языка, которым стал язык Северной Франции. Он был введен как обязательный в законодательство и судопроизводство по всей Франции. В 1539 г. королевский указ утвердил парижский диалект в качестве единого государственного языка.

Покровительницей муз была сестра Франциска I Маргарита Наваррская, неременная участница придворных празднеств. Маргарита обладала незаурядным талантом стихосложения и художественной прозы. Ее перу принадлежат "Зерцало грешной души" и ряд стихотворных произведений. Современники отдавали предпочтение ее "Гептамерону" — 72 новеллам, в которых она проявила себя тонким психологом, создав галерею любопытных портретов. Творческая манера Маргариты Наваррской отличалась приверженностью средневековым традициям.

Двор Франциска I и салоны Маргариты Наваррской в Париже и Нераке объединяли самых знаменитых гуманистов Франции — Б. Деперье, Жана и Клемана Маро, Жана Лемера де Бельжа и Франсуа Рабле. Придворные поэты отец и сын Маро и Жан Лемер де Бельж слагали стихи "на случай", воспевая примечательные события из жизни венценосных особ. В их творчестве, продолжавшем традиции риториков XV в., четко определились ренессансные художественные тенденции, с них начиналась французская поэзия Возрождения. Особой популярностью пользовался Клеман Маро (1496—1544), сделавший поэзию выразительницей ренессансного мироощущения. Он обрел в поэзии свой стиль и свою тематику. Поэт писал стихотворные миниатюры и сонеты на латыни и французском. В последние годы жизни он обратился к переводу псалмов Давида. Переложенные на музыку французскими музыкантами, они были очень популярны у гугенотов и заняли видное место в развитии французской музыки.

Одна из самых ярких личностей в окружении монарха — Франсуа Рабле (1483—1553). Монах-расстрига, талантливый медик и незаурядный правовед был назначен Франциском I докладчиком прошений при короле. Путь Ф. Рабле к гуманизму начался с монастырской кельи, где будущий романист изучал древние языки, тру-

ды отцов церкви и схоластов и, критически анализируя последние, приобщался к гуманистической учености. Свой известный роман "Гаргантюа и Пантагрюэль" он написал и издал в Лионе в 1534 г. Ф. Рабле представил в нем грандиозную и синтетическую картину жизни Франции, снискав восторг у единомышленников и вызвав гнев у Сорбонны и Парижского парламента. В творчестве гуманиста ощутимы национальные корни. Он не порвал со средневековьем как с системой художественного мышления. Свою историю "Гаргантюа и Пантагрюэль" он начинает в духе французских сказаний о веселых гигантах, приближенных легендарного короля Артура. По существу же сочинение гуманиста — пародия на средневековые жанры: на рыцарские романы, хроники, жизнеописания королей и жизни святых. Утверждение нового у него осуществлялось осмеянием и отрицанием черт старого мира. Он провозгласил свободу разума и призывал к постоянному самосовершенствованию, восхвалял науки. Под пером Ф. Рабле рождалась новая проза, литературный жанр романа нового времени.

40-е — середина 60-х гг. XVI в. ознаменовались деятельностью поэтов-гуманистов "Плеяды". Главная заслуга "Плеяды" заключалась в поддержке французского литературного языка в противовес классической латыни. С этого времени классическая латынь, завоевавшая ученый мир в 20—30-е гг., вытеснялась со страниц произведений французских авторов. Объединившая поэтов во главе с Жоакином Дюбелле (1522—1560) и Пьером Ронсаром (1524—1585), "Плеяда" самоопределилась как единая национальная поэтическая школа. В 1549 г. "Плеяда" опубликовала "Манифест" "Защита и возвеличивание французского языка", который отразил национальные устремления французского Возрождения. Дюбелле призывал создать свою национальную поэзию, которая не уступала бы по своим литературным достоинствам поэзии античности.

В поэзии Ронсара, придворного поэта Франциска I и его преемников, отразилось характерное для эпохи восторженное отношение ко всем проявлениям человеческого бытия, а также к природе. Для Ронсара природа имела эстетическую и философскую значимость, она не только источник вдохновения, но и наставница жизни, мерило прекрасного. В одах поэта природа неотделима от человека. Творчество поэтов "Плеяды" во французской литературе породило пейзажную лирику. Однако в тяжелые для Франции годы религиозных войн перо поэта-лирика обратилось к политическим и философским сюжетам. Ронсар выступил как продолжатель традиции политической поэзии, проникнутой духом патриотизма. Основная черта его "Рассуждений" — осознание себя частью нации.

Конец 60-х — 80-е гг. XVI в. — особый период в культуре Франции. Своеобразие этого времени определялось сложной обста-

новкой религиозных войн. Для этого времени характерно стремление к обобщению, к подведению итогов и потому закономерно появление исторических работ и мемуаров. В 1560 г. Этьен Пакье (1529—1615) опубликовал свои “Изыскания о Франции” — исторические очерки и рассуждения о значительных событиях. В 1568 г. появляется “История девяти королей Карлов” Франсуа Бельфоре (1530—1585); в 1576 г. — “Всеобщая история французских королей от Фарамонда до Карла VII” Бернара де Жирара дю Гайяна. Эти работы интересны не только оценкой исторических событий, но и политической программой защитников абсолютизма. Вершина исторических трудов — “История моего времени” Жака Огюста де Ту (1553—1617). В ней гуманист представил широкое полотно исторических событий, охватив почти всю Европу. Он попытался обосновать бесплодность религиозной борьбы и насильственных мер навязывания каких-либо убеждений, выступая апологетом политического компромисса.

Позднее Возрождение венчало творчество Мишеля Монтеня (1533—1592). Его знаменитые “Опыты” — плод исканий многих лет — стали своеобразным синтезом основных тенденций философской и этической мысли Позднего Возрождения. В “Опытах” Монтень проявил себя мастером психологического анализа, раскрывая сокровенные тайны духовной жизни. Он изучал человеческую личность в живом развитии, в колебаниях и противоречиях. Идеалом гуманиста было представление о добродетели как о свойстве характера, позволяющем человеку преодолевать невзгоды, превозмогать страдания и подавлять чувство страха перед смертью. Стоицизм Монтеня отличался жизнеутверждающим характером, он укреплял в человеке веру в себя, в свое будущее. В “Опытах” формируется философский скептицизм Монтеня, увенчанный знаменитой формулировкой: “Что я знаю?”. Его скептицизм был направлен против схоластики и подчинения авторитетам, против любого проявления невежества, в защиту свободной мысли. Высший критерий для человека, считал Монтень, — его разум. Гуманист проникся доверием к “естественной” природе человека. Он видел в ней мудрую и добрую наставницу людей и считал, что человек должен не чинить над ней насилие, а считаться с ее побуждениями, подвергая их, однако, контролю разума. Этический идеал Монтеня — благо отдельной личности с ее духовными устремлениями, представлениями о добре и справедливости. Тесно связаны с традициями гуманистической мысли педагогические воззрения Монтеня. Он ратует за воспитание всесторонне развитой личности, за формирование людей здоровых духом и телом, обладающих высокими интеллектуальными запросами и вместе с тем скромных и нравственно порядочных. Касаясь социальных проблем, Монтень отстаивал мысль о врожденном ра-

венстве. Он доказывал, что людей следует ценить только в зависимости от их личных достоинств и заслуг перед обществом.

Современниками Монтеня были Жан Боден (1530—1585) и Пьер Шарон (1541—1603). Знаменитый правовед, философ и историк Жан Боден в своих сочинениях — “Шесть книг о государстве” и “Метод изучения истории” — дал философское обобщение ренессансной мысли в области политики. Ему принадлежит введение понятия “государственный суверенитет”: он разумел под государством политическое объединение, имеющее независимую власть и не подчиняющееся никакой внешней власти. Гуманист выступил защитником наследственной монархии, опирающейся на закон, вскрыв национальные традиции монархического устройства во Франции. Особого внимания заслуживают попытки Бодена дать обоснование проблеме происхождения народов. Учение гуманиста о спонтанности происхождения народов явилось завоеванием французской гуманистической мысли. Боден проводит идею об исключительном влиянии географической среды, климата на формирование характера человека и его способностей.

Каноник Пьер Шарон оставил заметный след в философской мысли. Плодом его дружбы с Монтенем стал трактат “О мудрости” — изложение основных идей Монтеня. Вместе с тем “Мудрость” Шарона, обретенная собственным опытом, отражала уже новые веяния: рационализм и склонность к систематизации. Главный тезис его трактата — во всем следовать природе. Но природа толковалась им как некий абстрактный мировой разум.

Влияние Реформации на культуру Франции нашло отражение в поэтическом творчестве гугенотов. Поэты-гугеноты не были объединены в литературную школу, как “Плеяда”, но им было присуще единство тем, стиля и образов. В поэзии гугенотов проявилось своеобразное представление о человеке: человек — грешник перед Богом и в то же время праведник как исповедующий истинную веру, одинок в общении с Богом — и сопричастен к борьбе с инакомыслием; пассивен, так как судьба его предопределена, а страдания и мученичество — знак избранности так же, как успех в мирской деятельности. Эта дисгармония внутреннего мира гугенота противоположная общему духу Возрождения. В кальвинизме нет компромиссного разделения сфер разума и веры. Отсюда характерный для творчества гугенотов мотив разлада между человеческими устремлениями и Божьей волей. Поэзию гугенотов, ее сюжеты, стиль и дух питала Библия. Излюбленная тема — переводы псалмов. При этом гугеноты переводили псалмы свободнее, чем католики, не боясь отступить от буквы. Особое место в гугенотской поэзии занимал Теодор де Без (1519—1605), преемник Кальвина в Женеве. Извест-

ность Т. де Безу принес сборник эпиграмм и эпитафий "Ювенилия". Поэт находился под большим влиянием поэтов "Плеяды".

Одна из самых заметных фигур в гугенотской литературе — Теодор Агриппа д'Обинье (1552—1630). Его перу принадлежат "Трагические поэмы", "Приключения барона Фенеста", "Жизнеописание Агриппы д'Обинье, написанное им самим для его детей" и "Всемирная история". Сюжет большинства его сочинений — религиозные войны. Творчество Агриппы д'Обинье вобрало в себя особенности гугенотской литературы — дух безысходности, трагизм. Но в своем трагическом пафосе он достигает вершин обличения, подвергая суровой критике либо насмешке королевский двор, нравы дворянства и борясь за нравственную чистоту французского дворянина.

Гугеноты достигли высокого мастерства в жанре политической литературы: их политические и судебные речи, проповеди и диспуты стали важным элементом в формировании политической и религиозной идеологии. Примером этого служит трактат "Франко-Галлия" Франсуа Отмана (1524—1590), в котором автор пытается исторически обосновать политические притязания гугенотской аристократии.

Вторая половина XVI в. — время утверждения ордена иезуитов на французской земле. Иезуиты открыли свои коллегии на всей территории Франции, сыграв не последнюю роль в утверждении антиренессансной идеологии и в оттеснении культуры Возрождения. В то же время, заимствуя методику преподавания и учебную программу у гуманистов, иезуиты сумели достичь высокого педагогического искусства.

В архитектуре и изобразительном искусстве Франции первые проявления Возрождения связаны с постройками Франциска I. Это перестройка Фонтенбло, дворцы Блуа на Луаре и замок Шамбор. В этой сфере художественного творчества, как и в литературе, традиции готики сочетались с новациями Ренессанса. Франциск I и его внуки — последние Валуа, заботясь о культе власти, оставили много памятников дворцовой архитектуры. Стараниями Екатерины Медичи шли восстановительные работы в покинутом Франциском I Лувре, были сделаны пристройки к Фонтенбло; новые строительные миниатюры украсили территорию замка Венсенн, благоустраивался замок Шенонсо. На правом берегу Сены за городской стеной в местечке Виллеруа (Тюильри) был разбит парк с изящной скульптурой — пейзажная архитектура делала первые шаги. Все работы велись под руководством итальянских и французских мастеров Д. Россо, Ф. Приматиччо, Ф. Делорма, П. Леско и Ж. Гужона. В изобразительном искусстве заметный след оставили живописные и карандашные портреты, принадлежащие кисти отца и сына Клуэ —

авторов живописных портретов коронованных особ и придворных (в том числе Франциска I и Маргариты Валуа), а также братьям Дюмустье и Корнелию де Лиону, мастерам карандашных зарисовок. Мастера малой пластики Ж. Гужон и Ж. Пилон воспели в камне женскую красоту и изящество ("Фонтан невинных" в Париже, скульптурные образы, сделанные с Дианы Пуатье; Диана-охотница и надгробие жены королевского канцлера Валентина Бальбиани).

Культура Франции первой половины XVII в. Первая половина XVII в. в культуре Франции — время больших научных открытий, расцвета рационалистической философии и формирования классицизма — нового направления в литературе. Открытия двух знаменитых французов Рене Декарта (1596—1650) и Пьера Гассенди (1592—1655) в математике, физике, астрономии и физиологии означали революцию в точных и естественных науках. Дворянин по происхождению, выпускник иезуитской коллегии Ла-Флеш в Туре-ни и вольнонаемный офицер, принимавший участие в Тридцатилетней войне, Декарт (латинизированное имя Картезиус) дал серьезное научное обоснование вызову, брошенному французскими гуманистами схоластической науке. Автор "Правил для руководства ума", "Трактата о свете", "Рассуждения о методе" и "Метафизических размышлений о первой философии" первый в математической науке ввел понятие переменной величины и функции. Благодаря этому стало возможным дифференциальное и интегральное исчисления, открытые позже Ньютоном и Лейбницем. Декарт — основатель аналитической геометрии. Его основное достижение — метод прямолинейных координат. В физике ученый отстаивал идею механического материализма, приписывая материи самостоятельную творческую силу и механическое движение. В неразрывной связи со своей механико-материалистической теорией он изложил учение о строении Вселенной. Подобно Дж. Бруно он признавал множественность миров и утверждал физическую однородность Вселенной в противоположность средневековому представлению о "небесной" и "подлунной" материях. Образование планет, в том числе и Земли, ученый объяснял свойствами вихрей и движением частиц. Механико-математические принципы были применены Декартом и к объяснению явлений живой природы. Физиология входила в его материалистическую физику. Он самостоятельно проводил эксперименты, исследуя строение различных органов. Его работы по физиологии были основаны на учении Гарвея о кровообращении, которое Декарт высоко оценил. Первый в истории науки, он сделал попытку проникнуть в сущность "непроизвольных" и "произвольных" движений человека и описал схему рефлекторных реакций.

Научные исследования Декарта тесно связаны с его философскими открытиями. Введением в философию служило учение о сомнении и его преодолении. Сомнение для Декарта было методологи-

ческим приемом, призванным помочь установлению не вызывающих сомнений основ человеческого познания. Единственным несомненным фактом, с точки зрения ученого, является сам факт сомнения, свойственного человеческому мышлению. Отсюда знаменитое декартовское основоположение: "Я мыслю, следовательно, я существую". В противоположность теологии и схоластике, выдвигавшим в качестве основы человеческого познания сверхразумную веру, Декарт рассматривал разум как исходный, определяющий принцип человеческого познания. Им был разработан рационалистический метод, согласно которому главная роль в научном исследовании отводится разуму, выступающему в качестве решающего критерия оценки его результатов. Опыту же Декарт не придавал решающего значения, подчеркивая его подчиненную роль по отношению к рационалистическим выводам. Ученый выдвигал математику как идеал и образец для всех других наук. Он разработал план общего дедуктивно-математического изучения всех вопросов естествознания. В то же время в решении основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию — он оставался дуалистом, признавая два независимых друг от друга начала — материальное и духовное. Существование тела и души, по Декарту, определяется Богом.

Современник Декарта Пьер Гассенди, автор "Парадоксальных упражнений против аристотеликов...", "Возражений на "Метафизические размышления" Декарта" и "Свода философии Эпикура", споривший с ним о структуре мирового пространства, также рисовал материалистическую картину мира, утверждая, что существуют лишь материальные атомы, обладающие внутренним стремлением к движению, и пустота. Гассенди реабилитировал атомистическое учение Эпикура. Большой вклад в науку внесли астрономические наблюдения ученого за прохождением планеты Меркурий по диску Солнца, предвычисленным Н. Кеплером, а также труды по истории науки: биографии Н. Коперника и Тихо Браге. В борьбе с догматизмом схоластов Гассенди, подобно Монтеню, прибегал к идеям античного скептицизма, утверждая достижимость относительных истин, зафиксированных во многих науках. Ученый считал опытно-индуктивный путь в постижении истины самым плодотворным, ибо таким образом, он полагал, можно подчинить свой разум природе, а не приспособлять природу к разуму. Подобно Эпикуру Гассенди доказывал, что чувства — критерий истинности или ложности наших мыслей, ибо чувства ближе к природе, чем ум. С позиций чувственного эмпиризма Гассенди возражал против рационалистического априоризма Декарта.

Этика Гассенди впитала в себя немного языческих элементов. Крестьянский сын, выпускник Эксского университета в Провансе и каноник кафедрального собора, обратился к этике Эпикура, руководствуясь стремлением реабилитировать ее перед лицом христиан-

ства. Он считал, что отрицательное отношение к ней христианских идеологов — результат недостаточного знания этой доктрины и превратного толкования ее главного понятия — наслаждения или удовольствия. Гассенди толковал это понятие как стремление к счастью. “Философия счастья, — писал он в “Своде философии Эпикура”, — это не что иное, как философия здоровья”. При этом он считал, что в своем стремлении к счастью человек должен руководствоваться благоразумием, “которое подсказывает ему довольствоваться неким минимумом, ибо человеку, не удовлетворяющемуся малым, всегда всего мало”.

Секуляризованная мораль и научные материалистические открытия Гассенди сосуществовали с религиозными взглядами ученого-каноника, считавшего, что “богохульник не тот, кто отвергает признанных толпой богов, а тот, кто использует мнение о них толпы”. Ученый придерживался концепции двух истин: взаимного невмешательства философии (науки) и религии.

В философских воззрениях Декарта и Гассенди отразилась особенность философской мысли Франции первой половины XVII в.: в ней сочетались светские устремления — восхваление силы разума и воли, которые позволяют человеку восторжествовать над своими слабостями и противостоять ударам судьбы, — с религиозными мотивами и верой в провидение.

Центральным явлением в литературной жизни на рубеже веков стал классицизм. Самая яркая фигура этого направления в литературе — Франсуа Малерб (1555—1628), поэт-царедворец. Наследник поэтов “Плеяды”, он, однако, считал, что особенности поэтического творчества не во вдохновении, а в овладении секретами мастерства и поэтической техники. Главная тема Малерба — прославление абсолютизма (“Молитва за здоровье короля Генриха Великого”, ода “На поход Людовика XIII”). Малерб проявил себя как защитник французского языка, он боролся за кодификацию французского литературного языка, против влияния диалектов и архаизмов.

Классицизм достиг своей вершины в творчестве П. Корнеля (1606—1684). Корнелевский “Сид” (1634) открыл историю французского классицистического театра. Корнель выступал и как теоретик классицистической драматургии (трактат “Рассуждение о трех единствах — действия, времени и места”).

Аристократические салоны (салон маркизы де Рамбуйе) были центрами претенциозной литературы: в них господствовал культ изощренной светскости и галантности, они сыграли положительную роль в развитии французского литературного языка, изысканной речевой культуры.

Важным событием в культурной жизни Франции стало открытие Французской академии по инициативе кардинала Ришелье. Большинство членов Академии — сторонники Малерба и представи-

тели аристократических салонов. Академия работала над созданием словаря и грамматики французского языка. На ее собраниях обсуждались произведения академиков и вырабатывались образцы торжественной прозы. Она сыграла позитивную роль в разработке теоретических основ поэтики классицизма. Вместе с тем создание Академии преследовало цель взять под контроль деятельность творческой интеллигенции. Ришелье считал необходимым держать науку и культуру под надзором государства. Кардинал беспощадно преследовал тех, кто хотел остаться независимым. По обвинению в атеизме был приговорен к сожжению на костре вольнодумец Теофиль де Вио, разделивший взгляды Бруно и Ванини. Академики осудили пьесу Корнеля "Сид". Покинул Францию, переселившись в Голландию, Декарт. Пропагандистом внутренней и внешней политики Ришелье стала первая газета Франции "Gazette de France". Кардинал сам писал статьи и отбирал материалы для публикаций.

Первые десятилетия XVII в. — время усиления контрреформации во Франции. Иезуиты пытались задуть свободомыслие. Сборник возрождения католицизма священник Венсен де Поль (1581—1600) создал "общество святых даров" в целях надзора за соблюдением церковной обрядности. Идеи Контрреформации находили отражение и в литературе. Примером тому служит сборник сонетов Ла Сепеда "Теоремы" (1613), в котором автор излагает вереницу видений, возникающих в сознании поэта под впечатлением Христовых страстей.

Архитектура и изобразительное искусство первой половины XVII в. характеризовались становлением канонов классицизма. Развитие классицизма достигло расцвета в творчестве Никола Пуссена (1594—1615). Организационным оформлением торжества классицизма стало создание в 1648 г. Академии живописи и скульптуры. Образцы классицизма в архитектуре — замки и другие сооружения Ф. Мансара, новые архитектурные комплексы — Лувр и Люксембургский дворец.

В изобразительном искусстве помпезный стиль художников, работавших на заказ знати, сосуществовал с реализмом мастера гравюры Жака Колло (1593—1635), пейзажиста Клода Лоррена (1600—1682) и художников жанровой живописи Ж. де Латура и братьев Ленен.

Глава 13

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Скандинавские страны в XVI и XVII столетиях не принадлежали к числу наиболее развитых, но и там ускорилося развитие товарного хозяйства, возник раннекапиталистический уклад; складывались молодая буржуазия и предпролетариат, усилилось размыивание феодального крестьянства. Важнейшие сдвиги произошли и в политической жизни Северной Европы: разрыв Кальмарской унии (см. т. 1, гл. 14), борьба в Швеции и Дании за утверждение абсолютистских тенденций, королевская Реформация, острое соперничество из-за преобладания в регионе, переход лидерства в нем от Дании к Швеции.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Разрыв Кальмарской унии и возобновление государственной независимости Швеции. В начале XVI в. борьба вокруг Кальмарской унии вступила в завершающую стадию. Королями объединенных уний стран оставались монархи Дании. Ей принадлежали тогда помимо Ютландии и Датских островов области Сконе, Блекинге, Халланд вместе с проливами, герцогства Шлезвиг и Гольштейн (Голштиния). Она располагала значительными, важными в аграрном, стратегическом и торговом отношении территориями, богатыми пошлинными поступлениями. С Данией считались не только Ганза, но и империя. Норвегия, особенно тяжело пережившая аграрный кризис XIV—XV вв., не имела сил освободиться от власти Дании. Швеция же, более консолидированная, чем "лоскутная" Дания, все активнее боролась против унии. Правители Швеции, регенты из дома Стуре (1471—1520), опираясь на сильное свободное крестьянство и поддержку ганзейских городов, добились фактической независимости страны.

В 1518 г. датский король Кристиан II во главе разноязычной наемной армии вторгся в Швецию, чтобы восстановить реальную унию. Заняв Стокгольм и надев шведскую корону, Кристиан II, подстрекаемый главой шведской церкви архиепископом Густавом Тролле, казнил до 150 именитых граждан (дворян, священнослужи-

телей, верхушку бюргеров). Народ назвал это событие "Стокгольмской кровавой баней". Затем казни прокатились по провинции. Датские наемники бесчинствовали в замках, были введены новые налоги. Ответом шведов стало общенародное восстание против унии (1520—1523). Руководитель его, аристократ Густав Ваза, опираясь на помощь ганзейского флота, получил в 1523 г. шведскую корону и расторг унию.

В результате разрыва Кальмарской унии в Северной Европе образовались и начали соперничать две державы: Дания с подвластными Норвегией и Исландией и Швеция с подвластной Финляндией.

Экономическое развитие Северной Европы в XVI — первой половине XVII в. Революция цен, рост мануфактур и мореплавания, развитие европейского рынка, возрастание армий и флотов повысили спрос на товары Северной Европы: металлы и изделия из них, живой скот, масло и сало, строевой лес, рыбу. Расширился и традиционный спрос северного региона на соль, полотно и тонкое сукно, хмель и солод (для изготовления пива), пряности, вина и предметы роскоши. Скандинавы торговали как между собой, так и с немецкими землями, с Польшей, через Прибалтику — с Россией, с конца XVI в. — с Нидерландами, Францией, затем Англией. Портами-посредниками для них в течение XVI в. оставались Любек, Данциг (Гданьск), Гамбург, Ревель (Таллинн), Нарва. Перемещение торговых путей к Атлантике стимулировало скандинавское судоходство и судостроение. Все это способствовало экономическому подъему ведущих Скандинавских стран. Там усиливаются местные купцы и предприниматели, шкиперы и судовладельцы, растут национальные капиталы. Организуются заморские торговые компании, расширяется флот. Однако скандинавский экспорт развивался преимущественно за счет сырья и полуфабрикатов. Число мануфактур — горных, металлургических, оружейных, монетных, парусиновых и других (особенно в Швеции) — все время возрастало. Но это были прежде всего казенные предприятия, которые обеспечивали нужды государства в армейском обмундировании, оружии, кораблях и т.д. Эти мануфактуры были невелики (самые крупные из них обслуживались всего несколькими десятками работников), чаще имели рассеянную форму и нередко базировались на труде зависимых крестьян. Развитие текстильных мануфактур тормозилось конкуренцией ввозных товаров. Да и внутренний рынок оставался еще очень ограниченным. Крестьяне, ведя преимущественно натуральное хозяйство, покупали главным образом соль, изделия из железа, обувь и немного тканей, продавали же преимущественно продуктовые излишки.

Новая конъюнктура, усиление связей западноевропейских госу-

дарств со Скандинавией, Россией, Польшей и Прибалтикой повысили значение балтийского торгового региона и борьбу за преобладание в нем. К этому времени соотношение сил на Балтике изменилось. Ливонское орденовое государство развалилось, за его земли наряду со скандинавами боролись Россия и Польша, но обе к концу XVI в. значительно ослабли. С конца XV в. стала ослабевать и Вендская Ганза во главе с Любеком и Данцигом. Место ведущих торговых посредников и торговых партнеров на Балтике постепенно переходит к голландцам, все острее становится также роль валлонских, французских, английских капиталов. Усиливается интерес к этому региону со стороны империи, особенно к Шлезвигу и Гольштейну. Наличие важных сырьевых ресурсов и обладание ключевыми позициями на торговых путях между западом и востоком континента, при ослаблении ближайших соседей-соперников, позволили Дании и Швеции выдвинуться на заметное место в Европе, активизировать борьбу за гегемонию на Балтике и развить военно-политическую инициативу за пределами региона, вмешиваясь в крупные общеевропейские конфликты. Одновременно усиливалась борьба между Швецией и Данией.

Почти непрерывные войны на Балтике были в значительной мере "торговыми". Борьба шла из-за рынков и путей к ним, пограничных земель, каждого острова или порта, важных в стратегическом или торговом отношении. Особое значение при этом приобрели территории в Прибалтике и Заполярье, выходы русских торговых путей (Швеция вела торговлю преимущественно через Ревель, Дания — через Нарву). Дания и особенно Швеция сыграли серьезную роль в Тридцатилетней войне, вступить в которую их побудили успехи Габсбургов, угроза их проникновения в Северную Европу, опасность католической контрреформации и все те же расчеты на новые территориальные приобретения. Крупные успехи в этой войне, в войнах с Речью Посполитой и против России (вмешательство в Ливонскую войну), а также военные победы над Данией позволили Швеции к середине XVII в. значительно расширить свои владения, в том числе в самой Скандинавии и в Прибалтике. Территория, ресурсы, финансовые и политические возможности Швеции значительно возросли, принесла ей лидерство в скандинавском мире и место в числе великих европейских держав.

* Социальные сдвиги в североευропейских обществах. Новые времена обострили проблемы внутренней жизни Скандинавских стран. От предшествующего периода они унаследовали преобладание наделной системы над домениальной и оброка над барщиной, а также в силу местных природных условий — слабость (кроме Дании) аграрного хозяйства при значительном развитии скотоводства и промыслов. В деревне, где проживало более 90% населения, со-

хранилась значительная прослойка свободных крестьян — скаттовых бондов, лично свободных, владевших наследственной землей и обязанных государству налогом (скаттом) и некоторыми повинностями (извоза, постоя). Сохранялись общинные права на уголья, местные судебные собрания. Города оставались небольшими, в Стокгольме и Копенгагене едва набиралось по 10 тыс. жителей. Они управлялись купеческо-патрицианской олигархией под надзором королевских чиновников. Бюргеры испытывали сильную конкуренцию со стороны сельских ремесленников и торговцев. В городах ведущие позиции принадлежали богатым иностранцам: ганзейцам, с XVII в. — выходцам из Нидерландов.

Воздействие на небогатые и патриархальные Скандинавские страны благоприятной внешнеторговой конъюнктуры позднего средневековья оказалось противоречивым. В промышленности и сельском хозяйстве наряду с появлением элементов раннего капитализма и новых социальных групп наблюдалось как бы закрепление, а в ряде случаев и усиление некоторых феодальных форм. Число мануфактур увеличилось, вместе с тем еще в XVII в. продолжали оформляться ремесленные цехи. Сельское хозяйство постепенно товаризовалось (особенно промыслы), но связь с рынком осуществлялась в значительной мере через земельных собственников. Наблюдалось некоторое расширение доменов и натуральной ренты, барщины, хотя даже в Дании домены не превышали 8% господской земли и преобладал смешанный оброк. Натуральные платежи занимали заметное место и в государственных поборах. Рынок и предпринимательство все больше привлекали господ, они заводили свои мануфактуры и торговые корабли. Это сближало дворян с бюргерством, а в Швеции — и с верхушкой крестьянства и обеспечивало известную опору правительствам как при их централизаторских мероприятиях, так и при организации торговых войн. Но молодая буржуазия укреплялась и богатела медленно (прежде всего за счет торговли), что тормозило развитие капиталистического уклада и абсолютистских режимов. Дворяне Северной Европы были слабее, беднее, малочисленнее английских или французских, хотя в своих странах владели до $\frac{1}{4}$ культурных земель.

В течение позднего средневековья в Скандинавии впервые появились графы, бароны. Титулованная знать составляла замкнутую группу, она получала преимущественный доступ к верховному управлению, земельным пожалованиям. Низшее дворянство мало отличалось образом жизни от верхушки тягловых слоев — скаттовых бондов и бюргеров. Разбогатевший бонд или тем более крупный купец, который был в состоянии исполнять рыцарские обязанности, мог стать дворянином.

Но общие условия жизни лично свободного крестьянства Скан-

динавии ухудшались, их независимость все более ущемлялась. Привилегированная категория — скаттовые бонды — составляла до 50% крестьян в Швеции, 30% — в Норвегии и 20% — в Дании. Они отличались социальной активностью, их верхушка заправляла на общинных сходах, могла участвовать в работе четырехсословных парламентов. Свободолюбивые, грамотные, вооруженные скаттовые бонды выступали главной движущей силой в народных движениях. В течение XVI и особенно XVII в. из-за непрерывных войн, рекрутчины и земельных раздач дворянству число скаттовых бондов сократилось, уменьшились их земельные владения. Оформление верховного королевского права на земли и воды превратило их фактически в государственных крестьян, земли же общин — в объект присвоения и раздач короны.

Категория поместных крестьян — земельных держателей короны и отдельных феодалов — в это время расширилась. В северном регионе издавна преобладали земельные держания на средний срок (6—8 лет). Держатели — ландбу (Швеция, Дания) и лейлейдинги (Норвегия) сохраняли личную свободу, но их права на обрабатываемую землю не были обеспечены. Лишь в некоторых областях Дании держатели были прикреплены к земле. Некоторых крестьян вообще сгоняли с земли, освобождая ее для барских хозяйств, особенно скотоводческих. Самой низшей группой безземельных крестьян были хибарочники, которые держали хижину с огородом и несли за нее отработочные повинности (уход за скотом, строительные и ремонтные работы). Постоянную категорию наемных работников составляли рабочие мануфактур (часто надомники), грузчики и моряки, прислуга, подмастерья, разорившиеся ремесленники и крестьяне; в Швеции, а позднее в Норвегии — также горняки. Наемный труд сохранял полуфеодалный характер, в нем были сильны элементы внеэкономического принуждения.

Реформация в Скандинавских странах. К началу XVI в. церковь принадлежало в Северной Европе до 1/3 освоенных земель. Епископы заседали в Государственных советах, замещали должности канцлеров. Высшее католическое духовенство противодействовало усилению королевской власти. Короли в свою очередь стремились не только сломить политическую оппозицию церкви, но и пополнить за ее счет оскудевшую казну и угодить дворянству. Многие крестьяне и горожане, а также передовая часть духовенства понимали необходимость «очистить» и «удешевить» церковь. С 20-х годов XVI в. проповедь протестантизма успешно вели последователи Лютера, обучавшиеся в Виттенбергском университете, а затем ставшие просветителями своих стран: в Дании — Ханс Таусен, в Швеции — «мастер Улоф» (Олаус) Петри, в Финляндии — Петер Сяркилахти и сын рыбака, самоотверженный Михаил Агрикола. При

такой широкой социальной поддержке, руководствуясь образцом германской Реформации, скандинавские государи провели реформу церковей “сверху” — сначала в Швеции и Финляндии (с 1527 г.), а затем в Дании, Норвегии и Исландии (с 1536 г.). Реформация в странах Северной Европы, произведенная королевской властью, была в Швеции, Финляндии и Дании относительно быстрой и успешной, хотя и небезболезненной. Католическое духовенство не раз организовывало в защиту “древней веры” восстания крестьян, недовольных самоуправством государства. Но особенно сильной, принципиальной оказалась оппозиция в Норвегии и Исландии. Народы этих стран не без основания воспринимали королевскую Реформацию как орудие политики иноземных государей, тем более что и лютеранское богослужение там вводилось на языке страны-сюзерена.

К середине XVI в. церковное феодальное землевладение и политическое влияние католической церкви в Северной Европе были уничтожены. Главным результатом Реформации в регионе стало укрепление монархий. Впоследствии, особенно в XVII в., многие бывшие церковные и монастырские земли в порядке пожалований, продажи перешли из казны в собственность дворянства, отчасти к верхушке бюргерства.

Переход от сословных монархий к абсолютным. К XVI в. Скандинавские страны пришли сословными монархиями, с сильными элементами областного сепаратизма. Престолонаследие окончательно не сформировалось: новые короли проходили процедуру избрания, не закрепилось наследование престола по прямой линии. Огромным влиянием пользовались аристократические Государственные советы — риксроды. Лены не имели наследственного характера, но знатные ленники использовали их для обогащения и укрепления собственного влияния. Регулярные доходы казны долгое время складывались лишь за счет королевских доменов, податей с тяглогового населения и пошлин с торговли и промыслов.

Короли всегда стремились всячески расширить коронные владения, число податных крестьян и доходы. Первоначально именно Реформация позволила разрешить финансовый кризис правительств Швеции и Дании. Затем на протяжении XVI—XVII вв. короли покровительствовали торговле, особенно внешней, экспортным и военным отраслям производства, вводили общие уставы цехов и регламенты в области мануфактур, цен, оплаты труда. Важную часть протекционистской, меркантилистской политики составляли указы о торговых преимуществах местных бюргеров и ограничениях для иностранцев. Реформа церкви позволила укрепить опору королей на служилое дворянство и чиновничество, поставила им на службу духовенство. Так были созданы условия для перехода от сословной к ранней форме абсолютной монархии.

Абсолютистские тенденции государственной власти в Дании и Швеции проявились уже в первой половине XVI в., в политике и самодержавных методах управления королей Густава I Вазы Шведского и Кристиана II Датского. В это время там упорядочивается престолонаследие, ленная система превращается в подотчетную государству административную организацию, в качестве чиновников зачастую выступают недворяне.

К середине XVII в. переход к абсолютной монархии в основном совершился. Усиление монархий и активизация их внешней политики, чреватые рекрутчиной и поборами, тяготили широкие народные массы. На протяжении всего позднего средневековья не прекращались народные волнения, вооруженные мятежи. Они вспыхивали в связи с событиями конца Кальмарской унии, Реформации, со сменами правителей, внешними войнами, с введением новых налогов и некоторых реформ. В выступлениях против государства участвовали прежде всего податные группы населения, особенно скаттовые бонды. К ним присоединялись поместные крестьяне, нередко низшие дворяне и священники. Короли, используя податные сословия для подрыва влияния аристократии, в то же время безжалостно подавляли волнения народных масс — с помощью той же аристократии и реформированной церкви.

§ 2. ДАНИЯ

Особенности социального развития в XVI в. В Дании, наиболее богатой и населенной из Скандинавских стран, в начале позднего средневековья капиталистические отношения делали свои первые шаги. В промышленности все еще господствовал цеховой строй. И хотя с середины XVI в. стало расширяться устройство мануфактур, своих главных успехов ранний капитализм в Дании достиг благодаря торговле. В городах и местечках возникали новые верфи, склады, конторы, паевые компании, ярмарки. Промышленные предприниматели выглядели гораздо скромнее сильного купечества. Но в целом датское бюргерство было влиятельным, оно не раз выступало против дворян и было готово служить опорой монархии.

Внешнеторговая конъюнктура создала небывало благоприятные условия, особенно в середине XVI в., для вывоза из Дании ржи и ячменя, мяса, масла, живого скота (в том числе свиней), сала, шкур, рыбы. Расширилось судоходство. Владение проливами из Северного в Балтийское море было все более выгодным Дании: только при проходе через Зунд купцы уплачивали (деньгами или натурой) датскому королю 1/30 от стоимости корабельного груза и предоставляли ему право первой покупки их товара. Товаризацию сельского

хозяйства в первую очередь использовали дворяне и корона. Усиливалось крупное государственное и частное землевладение. Если в начале XVI в. дворянам принадлежало менее трети обрабатываемых земель, то через столетие с небольшим — почти половина. Барщина с держаний, расположенных вблизи поместья, которая в начале XVI в. составляла день в неделю, через несколько десятилетий увеличилась до 2—3 дней, особенно на островах Зеландия, Фюн, Лагеланн и в провинции Сконе, где сложились сравнительно большие домениальные хозяйства. К середине XVII в. еженедельную барщину несла пятая часть поместных крестьян.

Близость к Германской империи способствовала сохранению и развитию в Дании более сильных, чем в других Скандинавских странах, форм крестьянской зависимости и эксплуатации. Скаттовые бонды вносили подавляющую часть государственных налогов, а между тем они к началу XVI в. держали лишь 15—20% обрабатываемой земли, к концу столетия — всего 5—7%. К тому же с начала XVII в. на них возложили еще и рекрутскую повинность. Положение срочных держателей было еще более тягостным. Они не обладали правом на свои держания и в то же время в ряде районов состояли в личной зависимости от владельца земли, который мог их не только согнать с земли, но судить и даже продать.

Дворянство Дании, самое сильное и богатое в Скандинавии, резко противостояло податным сословиям, увеличивало нажим на крестьян и стремилось овладеть новыми землями и богатствами. Одиосословные дворянские съезды служили опорой аристократическому Государственному совету. Четырехсословное собрание было слабым, созывалось нерегулярно, по усмотрению властей. На него почти перестали приглашать скаттовых бондов.

Внутренняя история страны была заполнена борьбой между королями и сепаратистским дворянством. Ситуация осложнялась из-за противодействия подчиненных Дании государств и территорий, особенно герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Эти герцогства, находившиеся между собой в унии, были связаны сложными ленными и династическими отношениями как с датской короной, так и с императором. Сами же герцоги то претендовали на престол Дании, то вступали в союз с ее врагами. Судьба герцогств и южноютландских владений зависела от отношений с империей и осложняла их. Внутри самой Северной Европы Дания стремилась укрепить свое верховенство и включилась в борьбу за гегемонию на Балтике, видя союзника против Ганзы и Швеции в усилившемся Русском государстве. Активная, наступательная внешняя политика Дании воодушевляла дворян и купцов. Но растущее бремя налогов, политическая нестабильность постепенно ослабляли страну и в конечном счете повлекли военные неудачи.

Реформы Кристиана II. Эти сложные противоречия проявились уже в правление короля Кристиана II (1513—1522), который стремился поднять страну до уровня ведущих европейских держав. Воспитанный в богатом бюргерском семействе Копенгагена, любитель охоты, фехтования и верховой езды, Кристиан II был трудолюбив, умен и честолюбив. Он взял курс на утверждение абсолютизма при опоре на бюргерство, ограничении дворян и вытеснении немцев. Кристиан II заменил немецкий язык в официальном делопроизводстве на датский, приблизил к себе советников из незнатных дворян и купцов, контролировал назначение священнослужителей. Новые городской и торговый законы (1521) должны были укрепить местные города и купечество. Земский закон упрочил и держательские права зависимых крестьян, запретив продавать их, "подобно скотине". Король заботился об отмене телесных наказаний в школах, упорядочил почтовые связи между городами и приглашал переселенцев из Нидерландов для обучения датчан культурному огородничеству.

Законы Кристиана II рассорили его с дворянами, которые прозвали короля "тираном". А порча монеты и новые налоги лишили его популярности в народе. Внешнеполитические неудачи, разрыв шведами Кальмарской унии подстегнули мятеж против Кристиана II. Государственный совет низложил его и избрал королем Дании его дядю, Фредерика (Фридриха) Гольштейн-Готторпского (по названию его резиденции в Готторпе, близ Шлезвига).

Король Фредерик I Датский (1523—1533) признал самостоятельность Швеции и отменил многие важные реформы Кристиана II, в частности вернул дворянам судебную власть над крестьянами и монопольное право держать лены.

"Графская распря" 1534—1536 гг. Смерть Фредерика I укрепила намерение свергнутого Кристиана II вернуться на датский престол. Его поддерживали бюргеры Копенгагена. Любек, рассчитывая на новые привилегии, послал в Данию войско, которое овладело Зеландией, Фюном и Сконе. Одновременно восстали ютландские крестьяне. Данию охватила гражданская война, названная "графской распрей" (из-за того, что любекских наемников возглавлял граф Кристофер Ольденбургский). Ютландская аристократия срочно избрала королем сына Фредерика Кристиана III (1536—1559). С помощью немецко-голландских наемников и Швеции он жестоко подавил крестьянское восстание, у многих крестьян отняли землю, после долгой осады и жестокой голодовки сдался Копенгаген.

"Графская война" имела сложный характер. Династическое соперничество сочеталось в ней с широкой социальной борьбой, где устремлениям дворянства противостояли сторонники прогрессивных реформ, горожане и крестьяне. Победа "дворянского короля" при-

несла новые привилегии дворянам. Их дела теперь подлежали лишь королевскому суду. Представителям податных сословий запретили покупать дворянскую землю. Крестьян-собственников в стране почти не осталось. Был принят закон о смертной казни для крестьян, скрывающих свои доходы от сборщиков налогов. Земельные собственники закрепили судебную власть над держателями.

Реформация в Дании. Распространение протестантизма началось прежде всего в датских городах. Король и Государственный совет поддержали отделение датской церкви от римского престола; папская десятина и прочие поборы теперь должны были поступать в казну. В 1530 г. бюргеры Копенгагена разрушили в городских церквях все изображения католических святых. Это стало началом реформы церкви — объединенными силами "сверху" и "снизу". Протестантские идеи звучали затем во время "графской распри", и лютеранин Кристиан III, одержав победу, арестовал католических епископов. В 1536 г. под открытым небом на Старой площади Копенгагена собрался большой риксдаг: 19 аристократов, 1200 дворян, бюргеров и свободных крестьян. Он постановил конфисковать имущества епископов, церквей и монастырей, последние закрыть. Было введено умеренное лютеранство. Король, ставший владельцем почти половины земель в государстве, сам назначил семь новых епископов, положил им жалованье из казны, но лишил права заседать в Государственном совете.

Датский язык стал языком богослужения (К. Педерсенom был осуществлен перевод Библии на датский язык), школьного образования и окончательно утвердился как государственный язык страны. Во второй половине XVI в. на датском языке были созданы "История Дании" А. Витфельда, перевод латинской "Истории Дании" Саксона Грамматика (А.С. Ведель).

Кристиан III провел Реформацию также в Шлезвиге и Норвегии.

Во внешней политике Кристиан III был удачлив. Он добился торговых привилегий в Москве, с которой заключил союз против шведов, а включившись в раздел наследства Ливонского ордена, присоединил в 1559 г. к Дании остров Эзель (Сааремаа) и ряд прибалтийских территорий.

Пополнение казны позволило Фредерику II (1559—1588) заключить договор с Россией (1562), возобновить претензии на престол Швеции. Но в результате Северной войны (1563—1570) Дания лишь сохранила свое выгодное положение на Балтике.

Дания в первой половине XVII в. Новый король Кристиан IV (1588—1648) был способным государственным деятелем, честолюбивым реформатором и рачительным хозяином, но незадачливым полководцем.

Опора на дворян и их бюрократизация стали основными рычагами его власти. Кристиан IV управлял с помощью знатных канцлеров и гофмейстеров, допускал к высшим должностям почти исключительно дворян и всячески поддерживал обособление высшего сословия. Дворяне оставались единственным сословием страны, освобожденным от налогов. Им запретили вступать в брак с недворянами.

На рубеже XVI и XVII вв. Дания достигла наивысшего могущества и блеска. Интересы казны и престижа побуждали короля проводить меркантилистскую политику. Он поощрял казенные мануфактуры, прежде всего обслуживавшие армию, а позднее частные, устройство ярмарок, содействовал созданию торгового флота. Расширились внешняя торговля, особенно скотом, и судоходство. Была организована монопольная компания по торговле с Исландией (1619), возникали многочисленные компании по торговле внутри страны. В результате экспедиции в Индию датчане основали торговую факторию в Транкебаре. Были созданы также торговые Датские Ост-Индская (1616), Вест-Индская (1625), Африканская (1636) компании. Несколько экспедиций посетили Гренландию. Была выдвинута идея проложить морской путь вокруг Северной Америки в Китай и Индию. Выросли новые города и крепости: Христианстад в Сконе, великолепный Фридрихсбург на западе Зеландии (1600—1620). В Копенгагене возводятся много жилых и общественных зданий, ряд кварталов получил регулярную планировку. Появились интересные здания голландской архитектуры — Биржа в гавани (1619—1625) и крепость-дворец Розенбург (1606—1634), построена церковь Св. Троицы с башней для астрономических наблюдений.

Войны Кристиана IV и ослабление страны. Вторая половина правления Кристиана IV прошла в войнах. Победив в очередной войне со Швецией (1611—1613), войска которой увязли в России, датчане взяли город-крепость Кальмар и единственный порт Швеции на Северном море Эльвсбург, получили крупную контрибуцию, отстояли Финмарк и северные пути. Вскоре Дания, опираясь на финансовую помощь Англии и Франции, ввязалась в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантских немецких князей против австрийских Габсбургов. Поражения датско-немецкого войска позволили Валленштейну захватить Шлезвиг-Гольштейн и весь Ютландский полуостров. Победа Габсбургов облегчалась тем, что к началу XVII в. в результате ряда династических переделов образовалось сильное герцогство Гольштейн-Готторпское, враждебное Дании. Только благодаря поддержке Дании со стороны Швеции и Франции, опасавшихся продвижения Габсбургов в Северную Европу, Валленштейну пришлось ограничиться сравнительно мягкими

требованиями (Любекский мир, 1626): датчан обязывали впредь не вмешиваться в дела Германии. "Датский период" Тридцатилетней войны (1625—1629), а затем Вестфальский мир принесли Дании серьезные неудачи.

Перемирие было недолгим. В новой датско-шведской войне (1643—1645) Швеция вместе с союзным Гольштейн-Готторпским герцогством овладела Ютландией, вторглась в Зеландию, осадила Копенгаген. Дания была вынуждена уступить острова Эзель и Готланд, что ослабило ее позиции на Балтике, а также норвежские области Емтланд и Херьедален. Следующая неудачная война со Швецией, так называемая Трехлетняя (1657—1660) вынудила Данию заключить самый тяжелый в ее истории Роскильский мир (1660).

К Швеции отошел весь юг Скандинавского полуострова, что лишило Данию монопольных позиций на путях между Восточной Европой и Атлантикой, зундских пошлин. Герцогство Гольштейн-Готторпское получило верховные права на Шлезвиг.

Рекрутчина и налоги разоряли уже немногочисленные дворы скаттовых бондов; ведь только за 50 лет (1610—1660) Дания участвовала в пяти войнах. Крестьяне волновались. Военные поражения, территориальные потери, нарушения торговых сношений во время военных действий и финансовые трудности вызывали также недовольство крестьян и бюргерства. Растущая молодая буржуазия направила правительству начиная с 1629 г. ряд петиций, требуя ограничения дворянско-феодалных привилегий.

Задачи политической консолидации, военных реформ, отражения внешней опасности стали факторами перехода в Дании от сословной монархии, опирающейся на аристократический Совет, к абсолютной монархии.

§ 3. ШВЕЦИЯ

Разрыв Кальмарской унии и восстановление независимости Швеции положили начало формированию шведского централизованного, а затем и абсолютистского национального государства. Король Густав I Ваза (1523—1560) был видным реформатором, политическим руководителем и военным организатором.

Реформация в Швеции. Свою энергичную внутреннюю политику Густав I начал с реформы церкви. Первым шагом было введение в стокахгольмских церквях богослужения на шведском языке, затем "мастер Улоф" перевел на родной язык Евангелие. Католическое духовенство отвечало организацией антиправительственных мятежей. И в 1527 г. король Густав I собрал в Вестеросе делегатов

от дворян, горожан и свободных крестьян. Риксдаг постановил реформировать церковь и конфисковать ее имущество. Земли церквей и монастырей, замки епископов и “излишки” их доходов, включая 2/3 церковной десятины, поступали в распоряжение короля. Дворянам вернули земли, перешедшие от них к церкви начиная с середины XV в. Управление церковью перешло к королевским чиновникам — суперинтендантам (первого из них рекомендовал сам Лютер). Король стал назначать служителей культа, включая высших. Ортодоксальное лютеранство объявили официальным вероисповеданием шведов (риксдаг 1544 г.). К концу правления Густава I Вазы церковное землевладение было ликвидировано. Землевладение же короны выросло с 5,6 до 28,5% освоенной земли.

Государственные реформы Густава I Вазы. Реформация укрепила базу центральной власти. Это позволило королю перестроить управление. Старая правительственная администрация была слабой. Все дела вел сам государь с помощью канцлера и его небольшой канцелярии, вместе с которыми он разъезжал по городам страны. Лишь в конце XV в. был создан правительственный архив. Густав I пригласил на службу ряд крупных императорских чиновников, убежденных приверженцев абсолютизма. В Швеции они получили самые ответственные посты в государственных органах, созданных тогда (поэтому годы правительственных реформ — 1538—1543 — позднее стали называть “немецкими временами”). Под их руководством были реорганизованы королевская канцелярия и казенная палата, риксрод превращен в исполнительный орган при короне. Наместниками областей-ленов вместо крупных феодалов также должны были стать чиновники короля.

Власть короля и династии Ваза была объявлена наследственной. Произошло закрепление земельной регалии — верховного права собственности королей на все земли, недра и воды государства. Это поставило скаттовых бондов в положение наследственных “пользователей” земли.

В результате военной реформы рыцарское и крестьянское ополчения были дополнены несколькими полками наемного войска. Внушительные размеры приобрел и военный флот — предмет особой заботы Густава I.

Реформы 30—40-х годов XVI в. имели очень важное значение для развития страны. Они помогли Швеции выйти из политической изоляции, завязать или развить отношения со многими европейскими государствами. Однако реформы Густава I не имели достаточной социальной базы в стране и вызывали серьезное недовольство разных слоев общества. Правление короля-реформатора, сопровождавшееся ростом поборов, войнами, было заполнено кровавыми конфликтами и с аристократией, и с мятежными крестьянами. Неодно-

кратко происходили восстания в ряде областей (особенно в начале 40-х годов, под руководством Нильса Дакке). Все они были подавлены. Но оппозиция дворянства, главным образом засилью в правительстве иноземцев, в условиях непрекращающихся народных движений испугала короля. В конце своего правления Густав I подверг суровым гонениям преданных ему помощников-немцев и отменил ряд реформ в области центральной администрации.

Внешняя политика Швеции в XVI — начале XVII в. С середины XVI в. шведское государство, укрепив финансы, армию и флот, возобновило агрессию в Прибалтике и на севере, в сторону России. Еще в 1555 г. была предпринята неудачная попытка захватить Орешек. При сыне Густава I Эрике XIV (1560—1568), когда под ударами русских войск распалось орденовое Ливонское государство (1561), к Швеции, по решению местных немецких помещиков, отошла Северная Эстония. При втором сыне Густава Вазы Юхане III (1568—1592) была разработана программа завоеваний на востоке: овладение всем Ливонским побережьем с городами, а также русским побережьем Финского залива, Кольского полуострова и другими территориями, дающими выход из России на запад. Опираясь на остзейское немецкое дворянство и на связи с Речью Посполитой, Швеция начала свою борьбу за наследие Ливонского ордена (1570—1595). Дело в том, что Сигизмунд Ваза, сын Юхана III и его жены, польской принцессы (и единственной наследницы своего бездетного брата, короля Сигизмунда Августа), наследовал корону Ягеллонов, принял католичество и в 1587 г. стал королем обширного польско-литовского государства Речи Посполитой под именем Сигизмунда III, где правил 45 лет. Затем Сигизмунд Ваза унаследовал корону Швеции, став шведским королем Сигизмундом I. Личная уния Швеции и Польши (1592—1599) не могла быть долговечной, ей мешали территориальная разобщенность, различия в культуре, языке и исторических судьбах, не замедлившие проявиться резкие противоречия из-за Ливонии. В самой Швеции реальная угроза контрреформации при короле-католике подняла против него среднее дворянство, бюргерство, крестьян. Вскоре за разрывом унии последовала длительная война между обеими странами. В 1595 г. Швеция заключила Тавзинский мирный договор с Россией, который закрепил за шведским государством Северную Финляндию, восточную часть Карельского перешейка и важный порт Нарву. В результате интервенции Швеция в 1610—1611 гг. захватила Корелу и Новгород с областью.

Экономическое и социальное развитие Швеции в позднем средневековье. Завоевание государственной независимости, укрепление казны и администрации, Реформация, создание сильной армии и флота послужили предпосылками внешнеполитических успе-

хов Швеции. Они в известной мере отражали развитие в стране капиталистического уклада, которое, впрочем, происходило медленно. Население Швеции в XVI в., едва достигая 1 млн человек, по-прежнему было редким, особенно на севере. Страна оставалась аграрной, 90% ее жителей составляли крестьяне. Мелкое крестьянское производство было господствующим. Еще в 70-х годах XVI в. до половины культивированной земли оставалось у скаттовых бондов, пятая часть — у дворянства, остальная принадлежала короне. В стране преобладала государственная эксплуатация податных групп населения, а также части поместных крестьян.

К тому же короли из дома Ваза стали править податными крестьянами, как своими коронными: устанавливали для них дополнительные повинности, регламентировали их хозяйственную деятельность. К концу XVII в. скаттовые бонды занимали уже менее трети культурных площадей. Состояние поместных крестьян также ухудшалось. Подчас держателей в крупных поместьях принуждали нести барщину, некоторых сгоняли с удобной земли, чтобы использовать ее для барского хозяйства. Права держателей на обрабатываемую землю оставались непрочными.

Напротив, положения дворян укрепились. При Эрике XIV в Швеции появилась титулованная знать. Она получила ряд привилегий: взимать в пределах своих владений государственные подати, назначать чиновников, вершить суд и наказание крестьян.

Возрождение ряда феодальных норм, усиление прав аристократии явились реакцией шведского общества на развитие товарно-денежных отношений. Благоприятная внешнеторговая конъюнктура увеличила спрос на ряд традиционных товаров шведского широкого производства, в основном сырье и полуфабрикаты: железо, медь и изделия из металла, животное масло и сало, кожи, шкуры и пушнину, бревна и доски, рыбу, смолу, деготь. Основной поток внешней торговли проходил через Стокгольм, что в известной мере тормозило развитие остальных городов и провинциальной буржуазии.

Рост торговли, потребности беспрерывно воюющего государства побуждали расширять промышленность. Значительная часть ее сохраняла ремесленно-цеховой характер. Мануфактуры также оставались мелкими. Некоторые ремесла, большая часть горно-металлургических промыслов и немало ярмарок располагались вне городов. В страну привлекались квалифицированные специалисты-иностранцы. Выходцы из Нидерландов, Германии и Франции содействовали развитию в промышленности капиталистического уклада. В металлическое производство иммигранты-валлоны внедрили укрупненную кирпичную, так называемую французскую домну, позволившую увеличить и улучшить выплавку железа и стали, "немецкие" методыковки железа, а также крупную мануфактуру — брук. Шве-

ция стала полностью обеспечивать свою армию оружием и часть его вывозить, прежде всего пушки. Монопольным торговцем шведским оружием был иммигрант из Южных Нидерландов, богатый аристократ и предприниматель Луи де Геер. Бруки все чаще переходили в частные руки, их хозяева стремились стать крупными землевладельцами. К середине XVII в. Швеция превратилась в главного экспортера высокосортного железа для западных держав. Многократно увеличился вывоз меди, были созданы монопольные компании по ее добыче и экспорту (1619—1638). Появились латунные и текстильные (с 20-х годов XVII в.) мануфактуры, расширились предприятия по деревообработке, нацеленные на кораблестроение.

Важным форпостом западного направления внешней торговли стал новый порт на Северном море Гётеборг (основан в 1621 г.), где охотно селились богатые иммигранты.

Расширение шведского экспорта обогащало не только горожан и верхушку крестьян, но также многих дворян. Получая доходы от торговли и пошлин, разные слои шведского общества поддерживали экспансионистскую внешнюю политику правительства. Страдающей стороной, однако, оставалось большинство крестьян — подавляющая масса жителей страны, что вызывало, особенно к концу Тридцатилетней войны, их повсеместное сопротивление. Крестьяне возбуждали судебные иски против господ, подавали петиции в риксдаг, бежали в окраинные районы, расправлялись с особенно ненавистными помещиками.

Утверждение абсолютизма. Король Густав II Адольф (1611—1632), широко образованный и способный государственный деятель, известный военный реформатор, полководец, получил престол в 17 лет и в течение своего правления последовательно проводил твердую политику реформ внутри страны и завоеваний вовне ее.

Следуя принципам меркантилизма, Густав II Адольф содействовал развитию национальной торговли, денежного обращения и городской промышленности, причем как в ее мануфактурной, так и в традиционной цеховой форме.

В правление этого короля и его преемников-регентов (1632—1644), при активном содействии канцлера, талантливого Акселя Оксеншерны, была завершена централизация управления шведского монархического государства. В 20-е годы были созданы пять ведомств-коллегий: казенная (камер-коллегия), военная и военноморская, по иностранным и важнейшим внутренним делам (собственно канцелярия) и судебная. Видя в дворянстве источник командных кадров армии, правительство всячески привлекало дворян к военной и государственной службе. В то же время широко использовались чиновники из среды бюргерства, часть из них аноблировалась. В немалой мере именно потребность в грамотных служилых

людях побуждала Густава II Адольфа организовать в стране гимназии и расширить Упсальский университет.

Военные реформы Густава II Адольфа были новаторскими не только для Швеции, они стали важной частью общеевропейского переворота в военном деле. Была введена общекрестьянская воинская повинность: рекрутировался каждый десятый взрослый крестьянин. Содержание армии возложили в виде натуральных поставок и обязанности постоя на жителей тех мест, где размещались воинские части. Страну поделили на военные округа, в каждом из которых формировался территориальный полк. Армия проходила серьезное обучение. Был создан образцовый для своего времени военно-дисциплинарный устав. Успехи в оружейном деле позволили облегчить личное оружие. Большое значение имели тактические новшества Густава II Адольфа: линейная тактика, залповый мушкетный огонь, подвижная полевая артиллерия, которая стала самостоятельным родом войск; было упорядочено взаимодействие разных родов войск — пехоты, кавалерии и артиллерии.

Войны и возвышение Швеции. Развитие мануфактур и торговли, укрепление государственных финансов, военные новшества, совершенствование администрации и централизация в XVI в. и при Густаве II Адольфе явились внутренними факторами возвышения Швеции, ее превращения в великую державу Европы. Но это стало возможным для такой малонаселенной и медленно развивающейся страны во многом благодаря все же внешним обстоятельствам — как экономическим (расширение экспорта), так и политическим: ослаблению соседей-соперников на рубеже XVI и XVII вв. В глубоком кризисе находились Россия и Речь Посполитая. Дании постоянно отвлекала борьба между австро-испанскими Габсбургами и немецкими протестантскими князьями. Нидерланды, Англия, Франция видели в Швеции потенциальную союзницу в борьбе против Габсбургов и поддерживали ее. В этих условиях Густав II Адольф поставил три внешнеполитические задачи, впрочем, уже традиционные: утвердить шведские права на свободную торговлю с Западом через Зунд и устье реки Еты, а также на приморскую Лапландию на севере; закрепить власть Швеции в Эстляндии и снять притязания польских Вазов на шведский престол; добиться признания шведского владычества в Новгороде, Пскове и Ижорской земле, а по возможности и увенчать одного из шведских принцев русской короной. Это были планы агрессии в отношении Дании, России и Речи Посполитой.

В результате так называемой Кальмарской войны с Данией (1611—1615), которая перекинулась на территорию Швеции, последняя вынуждена была выплатить большую контрибуцию, но все же добилась для своих судов беспошлинного прохода через Зунд. В

России подъем народно-освободительного движения позволил прогнать польских и шведских интервентов. По Столбовскому миру (1617) к Швеции отошло русское побережье Финского залива и часть Карелии с Приладожьем, однако овладеть русским престолом шведским королям не удалось. Одновременно Швеция активизировала свои действия в Лифляндии против Польши, увязнувшей в войне с Россией. Реформированная шведская армия одержала ряд побед. По Альтмаркскому перемирию (1629) польские Вазы окончательно отказались от притязаний на шведский престол. Швеция закрепилась в Лифляндии и ряде портов Восточной Пруссии, в Курляндии и Данциге. Она стала доминирующей державой Балтики.

К этому времени Дания, вступившая в Тридцатилетнюю войну, потерпела поражение. Имперские войска вышли к берегам Южной Балтики и Северного моря. Стремясь овладеть этими территориями, а также снять угрозу Реформации и балтийскому господству Скандинавских стран, Густав II Адольф, поддержанный риксдагом, высадил 13-тысячную армию в устье Одера. Начался "шведский период" Тридцатилетней войны (1630—1635), закончившийся многими территориальными приобретениями Швеции в Северной Германии (см. гл. XV, § 3). По Вестфальскому миру (1648) она получила важные территории, устья судоходных рек и крупнейшие порты Северной Германии. Немецкие владения Швеции подошли к границам Гольштейна. Став ленником германского императора, шведский король получил право участвовать в германских делах. К этому времени Швеция в так называемой Первой Северной войне (1643—1645) и в войне конца 50-х годов нанесла поражение Дании. По миру в Бромсебру (1645) и Роскилле (1658) Швеция получила юг Скандинавского полуострова вместе со свободой плавания по Зунду, ряд восточнонорвежских областей (Емтланд, Херьедален, Бохусланд), острова Готланд, Эзель и Борнхольм.

Швеция стала самой сильной страной Балтийского региона и Скандинавии и одной из великих держав Европы.

§ 4. НОРВЕГИЯ

Норвегия отставала от сильных соседей. К началу XVI в. это была бедная страна, с малочисленным и редким населением, со слабым дворянством и несложившимся национальным бюргерством. После разрыва Кальмарской унии Норвегия осталась под властью датских королей, хотя формально считалась королевством, имела свое правительство в виде Государственного совета — риксрода из местных дворян и высшего духовенства.

Незначительность пахотных площадей, горный рельеф не бла-

гоприятствовали развитию зернового хозяйства. Хлеба всегда не хватало, его ввозили, в частности, из Дании. Главным занятием населения, жившего преимущественно хуторами, были отгонно-пастбищное скотоводство и промыслы: рыбная ловля, охота на морского зверя. Сохранялась значительная прослойка свободного крестьянства, владельцев наследственной земли — одаля. Одальбонды были связаны обычаями большой семьи (в частности, сохранялось преимущественное право родичей на покупку одаля) и общинными правами на уголья; они несли государственное тягло. Верхушка одальбондов пополняла низшее дворянство, духовенство и чиновничество, а в торговле и промышленности соперничала с горожанами. Поземельно зависимые крестьяне также были лично свободными. Большинство их составляли срочные держатели дворянской, церковной, коронной земли, которые платили преимущественно продуктовую ренту. В отличие от них хусмены, получив в держание хижину с клочком земли, несли барщину. Хусмены и наемные работники использовались также богатыми хуторянами. Немногочисленное и небогатое дворянство, включавшее немало датчан и немцев, сохранило свои односословные собрания.

Достоянием Норвегии были лес и рыба, вывоз которых издавна монополизировала Ганза. В немногочисленных городах немцы составляли основную массу купечества, ремесленников, судовладельцев и домохозяев, они держали в руках магистраты. Складской город Ганзы — крупный порт Берген целиком находился в их руках. К XVII в. ганзейцы были вытеснены из коммерческой жизни Норвегии датчанами и голландцами.

Реформация. Закрепление господства датских королей. Государственные повинности в пользу датского короля и произвол его чиновников вызывали непрерывные крестьянские волнения, в которые вовлекались другие сословия страны. Восстания 1502 и 1508 гг. приняли национально-освободительный характер, в их подавлении участвовали датские феодалы. В 30-е годы XVI в., во время “графской распри”, норвежская знать во главе с архиепископом Олофом приняла сторону Кристиана II. И одной из первых акций пришедшего к власти Кристиана III было лишение Норвегии остатков политической независимости, причем большая роль здесь отводилась королевской Реформации по датскому образцу.

Норвежцы упорно сопротивлялись реформе церкви, справедливо связывая ее с усилением власти датских королей. Лютеранство закрепилось в стране лишь с конца XVI в., когда оно получило опору в лице окрепшего местного бюргерства. Церковно-монастырские земли вместе с множеством крестьянских дворов достались датским монархам; часть этих земель получили датские дворяне. В богослужении в качестве государственного и литературного языка

утвердился датский. Во главе реформированной церкви встал датчанин, из датчан и немцев составлялось местное лютеранское духовенство. Книги ввозились из Дании; своего книгопечатания в Норвегии не было до XVII в. Но основная масса населения — крестьяне и низы привилегированных сословий — хранили национальный язык и богатую народную культуру.

Норвегия в составе Датско-Норвежской монархии. Реформация в Норвегии усилила ее политическую зависимость. В 1536 г. Норвегия была объявлена "на вечные времена" датской провинцией. Риксрод упразднили, сохранились лишь односословные съезды дворян. Управление страной перешло к датскому чиновнику, с 1572 г. — к наместнику (статсхолдеру), высшая администрация составлялась из датчан. Власть Дании была тяжелым бременем для норвежцев. Страдала не только национальная культура, но и экономика небогатой Норвегии, податные сословия которой оплачивали военные расходы Дании. Обложение крестьянского двора повысилось вдвое. Между тем из-за военных неудач Дании Норвегия понесла территориальные потери. Кроме того, борясь с ганзейскими купцами, датские короли раздавали торговые привилегии в Норвегии голландцам и англичанам, что наносило новый ущерб местному купечеству.

С конца XVI в., в условиях войн, соперничества со Швецией и Ганзой, сложностей со Шлезвигом и Гольштейном, датское правительство было вынуждено больше считаться с Норвегией. Методы управления страной стали более гибкими, особенно при Кристиане IV. Он ввел пожизненный срок земельных держаний, но распространил на держателей полицейскую власть землевладельцев. Это повысило стабильность держательского контингента, его заинтересованность в труде, вложения в хозяйство, но одновременно усилило власть землевладельцев. Чаше собираются сословно-представительные собрания, иногда с участием крестьян-собственников. На высшие должности в Норвегии стали допускать местных дворян. Была ликвидирована власть в городах ганзейцев. Столицей страны стал Осло, после опустошительного пожара 1624 г. заново отстроенный и переименованный в Кристианию. Были основаны новые города Кристианстад и Конгсборг. Создается регулярная армия из местных рекрутов-крестьян и под руководством норвежских офицеров. Во время датско-шведских войн 40—50-х годов XVII в. норвежцы яростно сопротивлялись шведам, все же захватившим ее восточные области Херьедален и Емтланд.

Экономический подъем Норвегии. Население страны в течение XVI — первой половины XVII в. выросло почти в три раза, вдвое увеличилось население городов. Возобновились и расширились внутренние колонизация, она поощрялась правительством; восстановились многие заброшенные при кризисе усадьбы. С 20-х годов XVI в.

начались разработки местных залежей железа и меди, устраивались рудники, плавильни и кузницы. Расширился и ввоз товаров.

Новая торговая конъюнктура создала емкий рынок для норвежской рыбы, особенно сельди, мачтового, строевого леса, пиломатериалов. Лесной промысел развивался столь интенсивно, что к концу XVI в. стало заметно сведение норвежских лесов. Рост населения повысил спрос на зерно, что стимулировало торговлю с Россией. Ее вели купцы из Бергена и Тронхейма. С 70-х годов центром этой торговли стала русская Кола, где возникла фактория норвежских купцов. В 60-х годах в городах появляются первые ремесленные корпорации.

С начала XVII в. в Норвегии формируется молодая буржуазия, прежде всего торговая. Складывается торговый флот. В вывозе товаров на собственных кораблях участвуют зажиточные крестьяне. Возникают мануфактуры. Городские купцы скупают рыбные ловища и участки леса, организуют на предпринимательских началах лесопильные и водяные мельницы, ловлю сельди и т.д. Возникают китобойные и торговые компании. Начинают разрабатываться местные залежи серебра. Мануфактуры и промысловые предприятия, ранее сосредоточенные в руках датских королей, теперь переходят во владение местных паевых обществ и частных лиц. Расширилась практика земельной аренды, которая в Скандинавии связывала между собой "перекрестно" все социальные группы.

В середине XVII в. одальбондам принадлежало все еще до 1/3 обрабатываемых земель. Но усилилось их имущественное расслоение. Государственные поборы, тяготы войн, рекрутчина разоряли крестьян. Участие дворян и зажиточных хуторян в торговле вызвало рост натуральных оброков и даже некоторое распространение барщины.

§ 5. ФИНЛЯНДИЯ

В XVI век Финляндия вступила провинцией Швеции, позднее она была объявлена герцогством (1556), затем генерал-губернаторством (1623). Страна делилась на лены. Во главе ее стоял назначенный из Швеции знатный наместник, позднее он получил титул Великого князя финляндского (1581—1721). Господствующим языком был шведский. Сословия Финляндии посылали делегатов в шведский риксдаг и делили с соответствующими шведскими сословиями их обязанности, повинности и вольности. Кроме того, собирались и местные односословные собрания из дворян.

Экономическое и социальное развитие Финляндии было сходным со шведским, но более замедленным и слабым. В начале XVI в.

страна была заселена преимущественно по морскому побережью, но с этого времени ускорилось освоение внутренних районов. Население занималось земледелием, рыболовством, местными промыслами: охотой, смолокурением, добычей древесины, обработкой болотного железа. Очень развиты были домашние ремесла, ими занимались жители целых деревень, уплачивая своей продукцией налоги шведской короне. Дворяне владели основными пригодными для земледелия площадями, торговали рентными поступлениями от своих крестьян и участвовали в войнах. Крестьянам здесь жилось тяжелее, чем в Швеции. Сравнительно шире был слой торпарей, большую часть недели занятых на барщине. Среди редких и мелких городов главный город Або (современный Турку), где проживало около 5 тыс. человек, казался очень большим. Возникший в 1550 г. Гельсингфорс (современный Хельсинки) стал важным перевалочным центром в торговле с Россией. Среди дворян и бюргеров преобладали шведы и было много немцев.

Финляндии приходилось нелегко в составе постоянно воюющей за балтийское господство Швеции. Занимающая узловое положение на торговых путях и очень значимая для шведской казны, Финляндия была объектом борьбы, не раз использовалась как козырь во внешних сношениях Швеции, при династических распрях внутри Скандинавии. Хотя шведские короли стремились упорядочить в Финляндии администрацию и суд, считаться с местными традициями, но присылаемые ими чиновники и ленники злоупотребляли своей властью. Финская территория страдала от русско-шведских войн. Тяжелой для коммерческой жизни Финляндии была внутришведская политика так называемого торгового принуждения, согласно которой, в частности, за Стокгольмом были закреплены монопольные права на ведение внешней торговли. От этого страдал Або, издавна связанный торговлей с Ревелем, Ригой и Данцигом. Умаление привилегий ганзейцев также не было выгодно Финляндии.

Антикатолическая проповедь в Финляндии, как бы наложившаяся на стойкие языческие верования, имела успех, Реформация прошла относительно быстро. Конфискация церковных и монастырских земель усилила шведскую корону. Хотя шведский язык и влияние в культурной жизни Финляндии сохранились, но страна получила свою письменность, появились Евангелие и букварь на финском языке, было положено начало финской литературе. У истоков национальной культуры стоял Михаил Агрикола (1510—1557), ставший главой финской лютеранской церкви.

Шведские принцы и аристократы, получив Финляндию в управление, нередко вели свою политическую игру, что тяжело отражалось на местном населении. В конце XVI в. подобный эпизод стал

толчком к крупнейшему в истории страны народному движению — так называемой “войне дубин” (1596—1597). Все началось с попытки наместника К. Флемминга провести католическую контрреформацию и отколоть Финляндию. Бесчинства его солдат вызвали мятеж крестьян Западной Финляндии, поддержанный лютеранским духовенством. Движение приняло широкий антифеодальный характер, повстанцы сжигали господские усадьбы. Их отряды были с трудом разрознены и разгромлены, многие крестьяне казнены. Финляндия возвращена шведской короне.

§ 6. ИСЛАНДИЯ

Островная, гористая и холодная Исландия целиком зависела от подвоза хлеба и других важнейших продуктов, тяжело страдала в период Кальмарской унии от чумы, пиратов и ганзейской кабалы. Феодализм здесь почти не развился. Города не сложились, не было своего дворянства. Большинство населения составляли свободные хуторяне, едва кормившиеся за счет скотоводства и морских промыслов. Управлял островом алтинг — общее судебное-законодательное собрание граждан. Исландия, с XII в. подвластная Норвегии, вместе с ней вошла в состав Дании и реальные права на остров оказались у датских королей. Масса формально свободных разделилась на бесправных держателей (срочных арендаторов у датских королей) и немногих богатых хуторян. Насильственное введение датской королевской Реформации вызвало восстание исландцев, которые перебили всех датчан на острове. Отряженный Кристианом III отряд жестоко подавил восстание. В 1567 г. исландцев лишили права носить оружие. Торговля страны постепенно перешла от ганзейцев к датским купцам, которые добились здесь монопольных привилегий (1660) и диктовали цены местным рыбакам и скотоводам. Неурожаи, эпидемии, извержения вулканов обрушивались на остров в течение XVI—XVII вв. Значительная часть населения существовала на нищенском уровне. В XVII в. Исландия была самой отсталой и бедной страной Северной Европы.

§ 7. ОБНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

XVI век внес много нового в духовную жизнь Северной Европы. Непосредственно после Реформации, когда были закрыты многие школы при соборах и монастырях, уничтожались связанные с католичеством средневековые рукописи, произведения живописи и скульптуры, наступил известный упадок образования и искусства.

Однако вскоре положение изменилось. Богослужение на национальных языках ускорило их развитие, прежде всего в Швеции, Дании, Финляндии. Расширилось книгопечатание, появились скандинавские переводы Библии и первые буквари. Распространяются светские жанры в литературе и живописи. В архитектуре традиции Возрождения сменяются северной готикой, которая в XVII в. уступает место раннему барокко. Появляются первые собрания фольклора, издания произведений средневековой литературы и хроник и первые оригинальные описания национальных историй. Расширилось школьное обучение. Центрами образованности являются университеты в Упсале (1477) и Копенгагене (1479), но все чаще скандинавы выезжают обучаться в прославленные университеты других стран: немецкие, Парижский, Болонский. Европейскую известность получили астрономические труды датчанина Тихо Браге, его обсерватория и школа в замке Ураниенбург. В XVII в. принимаются первые законы об охране древностей, в том числе археологических (Швеция).

Огромную роль в развитии культуры региона по-прежнему играет творческое усвоение передовых зарубежных образцов. Благодаря этому народы Северной Европы познакомились с пороком, печатным станком, компасом, векселем, более совершенным горным оборудованием и металлургическим процессом, методами строительства. Несколько столетий тесного общения с Ганзой и натурализация тысяч немцев в Скандинавских странах оставили особенно ощутимые следы в местных языках, в материальной и духовной культуре Северной Европы. С середины XVI в. и особенно в XVII в. пришло время влияния молодых буржуазных наций — французов, англичан, но в первую очередь голландцев, валлонов и фламандцев. Переселенцы из Нидерландов (главным образом южных провинций) были знающими и состоятельными людьми. Предприниматели, финансисты и купцы, строители, металлурги, инженеры и мореходы — все они принесли с собой в Данию, затем в Швецию значительные капиталы, биржу, новшества в военном деле, в практике зарубежных торговых компаний.

Короли и знатные господа строят прекрасные дворцы-замки. В убранстве жилищ знати и бюргеров, в одежде, образе жизни населения все ощутимее сказывается дух новых времен. Однако скандинавские культуры продолжали сохранять очень значительную бытовую и художественную самобытность.

Глава 14

АВСТРИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В XVI—XVII вв. Австрия входила в состав Священной Римской империи, но занимала в ней особое положение. Правители Австрии — Габсбурги — с 1438 г. бессменно занимали императорский трон, что повышало статус их владений. В 1526 г. власть австрийских Габсбургов распространилась на королевства Чехию и Венгрию с входящими в их состав землями. В Дунайско-Карпатском бассейне фактически образовалось новое государство, оказавшееся частично вне пределов империи, которое под разными названиями просуществовало до 1918 г.

Австрия до XVI в. Уже задолго до рассматриваемого периода Австрия заметно выделялась среди других княжеств империи и была одной из наиболее мощных ее частей. Австрия была наследственным герцогством и ее правители могли сами назначать себе наследников как по мужской, так и — в случае отсутствия наследников-мужчин — по женской линии. Империи не могли принадлежать лены в Австрии. Австрийский герцог был фактически освобожден от участия в военных предприятиях империи, если только они не затрагивали Австрию. Ему принадлежали исключительные судебные права в австрийских владениях и никто из его подданных не мог обратиться в имперский суд, которому и сам герцог был неподвластен. В XV в. Австрия не вносила никаких сборов в имперские учреждения, в ней не взимались имперские налоги. С XV в. все члены австрийского дома Габсбургов стали носить титул эрцгерцогов, что должно было подчеркнуть их самый высокий статус среди князей империи.

Собственно Австрия первоначально представляла собой лишь земли на северо-востоке современного государства: Нижнюю и Верхнюю Австрию (бывшую Восточную марку). К концу XV в. владения Габсбургов включали, помимо этих герцогств, Штирию, Каринтию, Крайну, Тироль, Переднюю Австрию, в северо-восточной Италии Фриуль и порт Триест.

Каждая из австрийских земель обладала значительной автономией в управлении, имела свои сословные учреждения, финансы, войска, денежную систему.

Особенности социально-экономического строя Австрии в XVI—XVII вв. Горная страна Австрия богата полезными ископае-

мыми. В XV в. она занимала первое место в Европе по добыче соли и являлась крупным экспортером серебра. В конце XVI в. в результате большого притока в Европу дешевого американского серебра его производство в Австрии сократилось, зато стала набирать силу разработка залежей железной руды, меди, свинца и обработка металлов. Эрцгерцоги стремились подчинить себе эти доходные отрасли экономики. Так, на все должности, связанные с добычей и реализацией соли, они ставили своих людей. Добытые серебро и золото должны были продаваться только короне.

С конца XV в. началось активное проникновение в австрийскую промышленность и торговлю южногерманского торгово-ростовщического капитала в лице его крупнейших представителей Фугтеров, Вельзеров, Бехаймов, Хохштеттеров и др. Эрцгерцоги поддерживали иностранцев, раздавая отдельным лицам и целым компаниям торговые монополии, права на разработку недр, а в счет долгов по займам — в залог — и целые рудники. Все это нарушало привилегии городов и вызывало недовольство местных купцов и предпринимателей.

Одна из особенностей развития австрийской экономики XVI—XVII вв. заключалась в том, что ведущей отраслью стала металлургия, прежде всего те ее отрасли, которые были связаны с войной (производство листового железа, пушек и другого огнестрельного оружия). Государственный военный заказ обусловил зависимость мануфактурного производства от короны, что в свою очередь повлияло на складывание австрийской буржуазии.

В XVI—XVII вв. австрийские крестьяне в целом находились в более благоприятных условиях, чем их собратья в Германии. Они располагали личной свободой, широкими владельческими правами на свои земли, правом на личную защиту и жалобы на своего господина, правом выхода; платили фиксированные подати, имели свой общинный суд и самоуправление и т.д. В Австрии сохранялось немало крестьян-аллодистов. В отдельных областях крестьяне могли носить оружие, а в Тироле были представлены в ландтаге.

В XVI—XVII вв. было немало выступлений австрийских крестьян. Крупнейшими из них стали Крестьянская война 1524—1525 гг., охватившая всю Австрию, восстания 1594—1597 гг. в Верхней и Нижней Австрии и в Тироле в 1626 г. Эти движения под лозунгами возвращения к старым обычаям были напрямую связаны с Реформацией, особенно с ее народными течениями. В отличие от немецких австрийские крестьяне действовали более удачно: они вынуждали власти идти на компромисс и принимать некоторые из своих требований.

Особенности политического развития. Основное содержание внутривнутриполитического развития Австрии в XVI—XVII вв. составляли

централизаторская политика эрцгерцогов и становление австрийского абсолютизма. Эти процессы происходили в специфических условиях формирования многонационального государства австрийских Габсбургов, условно называемого в историографии Дунайской монархией Габсбургов, и непрекращавшихся турецких войн. Если войны способствовали централизации, поскольку только сильное централизованное государство могло противостоять такому могущественному противнику, как Порта, то необходимость подчинить одной власти разные по уровню развития и традициям страны усложняла интеграционные процессы. И без того противоречивая картина дополнялась тем, что правящая в Австрии династия одновременно возглавляла и Германскую империю, а это серьезно отвлекало Габсбургов от их наследственных владений. Одна из особенностей становления австрийского абсолютизма состояла в том, что эрцгерцогам противостояли не князья, а дворянство, чрезвычайно сильное как в самой Австрии, так и в присоединенных королевствах.

Первые шаги к превращению пестрого конгломерата принадлежавших Габсбургам австрийских земель в единое государство предпринял Максимилиан I (1508—1519)* на рубеже XV—XVI вв. Он создал центральные органы управления для групп австрийских провинций, а их в свою очередь подчинил Вене. Показателем начавшейся политической интеграции служил и съезд первого объединенного ландтага Верхней, Нижней Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны, состоявшийся в 1502 г. Однако сословия собрались вместе для выражения протеста объединительным усилиям Максимилиана, который был вынужден ослабить реформы и восстановить сословные права.

Реформы Фердинанда I. Новый виток централизации относится к правлению Фердинанда Габсбурга (будущего императора Фердинанда I, 1556—1564), который по семейному разделу 1521 г. получил от старшего брата императора Карла V Австрию с некоторыми другими землями.

Фердинанд продолжил начатую Максимилианом I реформу центрального управления. В 1527 г. была восстановлена деятельность Придворного совета как высшего судебного и административного органа. Наиболее важные дела, касавшиеся династических и внешнеполитических вопросов, решались в Тайном совете, состоявшем из ближайших советников эрцгерцога — императора. Был создан Военный совет, который ведал военными делами не только Австрии, но и присоединенных королевств. Возобновила работу Придворная палата (казна) и были сформированы казначейства,

* Здесь и далее приводится нумерация имен и даты правления эрцгерцогов как императоров.

ведавшие финансами Нижней и Верхней Австрии. Главной фигурой центральной администрации стал придворный канцлер, не только руководивший Придворной канцелярией, но и координировавший деятельность ведомств. Налаженная Фердинандом машина центрального управления продолжала действовать и при его преемниках.

Фердинанд первым из Габсбургов оценил перспективы расширения территорий владений династии в восточном направлении и формирования государственного объединения с центром на Среднем Дунае, в то время как Карл V все еще был одержим идеей создания всемирной универсальной монархии Габсбургов. После того, как в 1526 г. венгерские и чешские сословия избрали Фердинанда королем Чехии и Венгрии, он приступил к формированию там центральных органов управления, аналогичных австрийским, но подчиненных последним.

Несмотря на плодотворность централизаторских усилий Фердинанда, ему не удалось окончательно сломить сопротивление сословий. В начале XVII в. они вмешались в борьбу внутри правящей династии и поддержали эрцгерцога Матиаса в его претензиях на власть против душевнобольного Рудольфа II. В 1606 г. сословия Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Моравии, Венгрии, а позже Силезии и Лужиц объединились в конфедерацию. Опираясь на силу ее оружия, Матиас добился передачи ему венгерского престола и управления над Австрией и Моравией.

Реформация и контрреформация в Австрии. Серьезным оружием в руках австрийских сословий стала реформация. К 70—80-м гг. XVI в. в протестантизм (в основном лютеранство) перешло абсолютное большинство австрийских дворян и бюргеров. Особенно значительные уступки протестантам были сделаны Максимилианом II (1564—1576), известным своими симпатиями к лютеранству. В своих австрийских владениях он решил вопрос о свободе веры для дворян в духе Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Его брат Карл Штирийский в своих южноавстрийских владениях предоставил свободу вероисповедания жителям всех населенных пунктов; в университете в Граце, ставшем в то время центром австрийского протестантизма, готовились кадры чиновников для эрцгерцогской администрации. Лишь в западных областях (в Тироле, Зальцбурге) католицизм сохранял свои позиции не без поддержки южногерманских католических князей.

Однако с конца XVI в., и особенно в правление Фердинанда II, контрреформация в Австрии перешла в наступление. Протестанты изгонялись из всех органов власти, Венский и Грацкий университеты ставились под строгий контроль католической церкви, усилились позиции иезуитов, повсеместно открывавших свои школы и колле-

гии, всеми способами ограничивалась свобода веры. Массовые казни обрушились на анабаптистов.

В ходе Тридцатилетней войны австрийские дворяне, напуганные размахом крестьянских выступлений, стали проявлять больше лояльности по отношению к католической церкви и представлявшему ее монарху, помогая властям в подавлении крестьянских движений. В 1627—1628 гг. Фердинанд II нанес решительный удар по протестантизму, предписав протестантам-дворянам Нижней и Верхней Австрии в течение трехмесячного срока перейти в католичество или покинуть страну. Не имея такой поддержки, какую имели немецкие протестанты в лице немецких князей, австрийские дворяне были вынуждены признать свое поражение и подчиниться. С Фердинандом II принято связывать складывание раннего абсолютизма в Австрии.

ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНИЯ, МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

§ 1. ВЕНГРИЯ И ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

К началу XVI в. Венгерское королевство было одним из самых крупных государств в Европе. В его состав входили Среднее Подунавье, Словакия, Закарпатская Украина, Трансильвания, Хорватия, области в Славонии, Сербии и Боснии. Эти земли населяли венгры, секеи*, словаки, словенцы, сербы, хорваты, валахи, русины, немцы. С середины XV в. под напором турок усилилась иммиграция с Балкан славян и других народов. К началу XVI в. из 3,5—4 млн населения Венгерского королевства около четверти составляли не венгры. В последующие два века численность невенгерского населения страны еще более возросла.

Власть и сословия. В XVI в. феодальная аристократия заметно усиливает свои позиции в государстве. После смерти Матяша Корвина венгерский престол достался чешскому королю Владиславу (Уласло II) из династии Ягеллонов (1490—1516), который был вынужден отказаться в пользу магнатов от всех нововведений Матяша, направленных на укрепление королевской власти. Опустела казна, так как феодалы добились освобождения от ряда платежей. В залоге у них оказались многие королевские рудники, рыночные местечки. Перестало существовать постоянное наемное войско. Под давлением магнатов Уласло отказался от одного из основных принципов внутренней политики своего предшественника: поддержки дворянства, которое служило опорой Матяшу в его борьбе со своеволием баронов. Один за другим выходят законы, предоставляющие новые привилегии аристократам и подчиняющие им дворянство. Магнаты приобрели исключительные права в королевском совете, получали личное приглашение от короля на государственные собрания, имели право держать свои войска. В руках знати сосредоточились важнейшие государственные должности, а также власть над комитатами (административными округами). Назначение того или иного магната ишпаном** сопровождалось укреплением его матери-

* Секеи — одна из этнических венгерских групп в Трансильвании, несшая пограничную службу и пользовавшаяся за это привилегиями.

** Ишпан — высшее должностное лицо в комитате, представлявшее короля или князя.

ального положения, ибо ишпану в качестве жалованья передавались доходы от самых крупных поместий в комитате.

Дворянство пыталось противостоять аристократии. В конце XV в. оно добилось для себя права поголовного участия в государственных собраниях и некоторых контрольных постов в государственном аппарате, расширило свое присутствие и влияние в управлении комитатами. Укреплялись экономические позиции дворянства. Дворяне требовали уравнивания в правах с магнатами. В начале XVI в. увидел свет "Трипартитум" — свод феодального обычного права Венгрии, составленный государственным судьей, лидером дворянства Иштваном Вербёци. В этом труде особо подчеркивался в целом не новый, но по-прежнему актуальный принцип одинаковой свободы для всех "благородных" — как магнатов, так и рядовых дворян. На практике различия между этими привилегированными сословиями только углублялись. Дворянство было связано тесными узами с магнатами: служило в сеньориальной администрации, в частноманатских военных отрядах. Дворянам, состоявшим на частной службе у магнатов, запрещалось покидать своих господ, в случае нарушения этого закона они подлежали наказанию (аресту, лишению дворянских прав). Зависевшее от магнатов, оставленное королем дворянство не могло выступать в качестве самостоятельной политической силы, а примыкало к тем или иным магнатским группировкам, как на стороне короля, так и против него.

Не имея прочной поддержки внутри страны, Ягеллоны — Уласло II и его сын Лайош II (1516—1526) — связывали себя все большими обязательствами с Габсбургами. Договор о престолонаследии, заключенный в 1463 г. между Матяшем Корвином и Фридрихом III Габсбургом (см. т. I), был подтвержден в соглашениях начала XVI в. и подкреплен брачными союзами между детьми Уласло II и внуками Максимилиана I Габсбурга. В начале XVI в. в политической жизни страны явно обозначились две враждующие феодальные группировки: "партия двора" и "национальная партия". Сторонники первой поддерживали венгерско-австрийское сближение, вторая же выступала за выборы короля из венгров в случае пресечения династии.

Негативные процессы в политической жизни Венгерского королевства тесно переплетались с противоречивыми тенденциями в социально-экономической сфере.

Социально-экономическое развитие. В XVI в. на рынках Западной Европы сложились чрезвычайно благоприятные условия для венгерского сельского хозяйства, в первую очередь — для продукции скотоводства, а также вина. Скот разводили в королевстве на двух третях пригодных для сельского хозяйства земель. Их площади продолжали расти во второй половине века в условиях турецких

завоеваний, поскольку земли вокруг многих поселений забрасывались и превращались в пастбища. Крупный рогатый скот из Венгрии пользовался огромным спросом на городских рынках Италии, Австрии и Германии. Вывоз живого скота и продуктов животноводства составлял основную статью внешней торговли Венгрии. К числу процветавших и доходных отраслей венгерской экономики относилось также виноградарство. После завоевания османами южных областей королевства, славившихся своими винами, поднимаются токайские, шопронские, балатонские винодельческие районы. Наиболее известными районами хлебопашества были области зерновой монокультуры к западу от Дуная. Играя заметную роль во внутреннем товарообороте, хлеб, необходимый населению незерновых районов, городам, армии, в XVI—XVII вв., в отличие от заальбской Германии и других районов Центральной Европы, почти не вывозился из Венгрии за границу.

В условиях выгодной рыночной конъюнктуры феодалы активно включались в торговлю продуктами сельского хозяйства, вытесняя из нее крестьян и даже горожан. Для этого они требовали с крестьян натуральные платежи, которые по новым законам (1498 г.) стали распространяться и на жителей городов и рыночных местечек (так называемых "аграрных городов"), арендующих землю у феодалов. Многочисленные таможи и высокие пошлины затрудняли крестьянскую торговлю. В то же время часть феодалов получила право беспошлинной торговли. Ухудшался правовой статус крестьян, стал затруднительным их переход из одного поместья в другое. Рыночные местечки передавались короной в частные руки, лишались самоуправления и налоговых привилегий.

Города Венгерского королевства по-прежнему отставали от западноевропейских. Это отставание усугубилось в результате войн с османами на протяжении XVI—XVII вв. В целом ни города, ни многочисленные рыночные местечки не были в состоянии обеспечить потребности страны в ремесленной продукции. Она ввозилась из-за границы. В первой четверти XVI в. европейское значение приобрела продукция словацких рудников, попавших в руки южно-немецких предпринимателей, в первую очередь Фугтеров, деятельность которых на первых порах носила раннекапиталистический характер. Однако со второй половины XVI в. Фугтеры и другие иностранцы прекратили свое участие в горных разработках Венгерского королевства и новые тенденции в производстве при отсутствии крупных капиталов заглохли.

Королевская власть в Венгрии была лишена такой мощной поддержки, какую ей оказывали в большинстве стран Западной Европы города и городское сословие. В свою очередь и Ягеллоны не могли в должной мере защищать города и крестьянство от напора феодалов

в экономической и социальной сфере. Феодалная же анархия, охватившая Венгерское королевство при Ягеллонах, делала крестьян более беззащитными перед произволом господ. В этих условиях в Венгрии вспыхнуло крупнейшее в средневековой Европе крестьянское восстание.

Крестьянская война 1514 г. Поводом к выступлению послужило обнародование примасом венгерской церкви кардиналом Тамашем Бакоцем весной 1514 г. папской буллы о начале крестового похода против турок. Правящие круги страны с самого начала не желали привлекать к предприятию широкие народные массы. Между тем десятки тысяч вооруженных крестьян откликнулись на призыв церкви и пришли в назначенные в разных частях страны места сбора крестоносцев в надежде на лучшую долю в этом и спасении в загробном мире. К крестьянам присоединялись хайдуки (см. о них ниже), городская беднота, мелкое дворянство, низшее духовенство. Руководство войском крестоносцев было поручено Дьёрдю Доже, профессиональному воину, мелкому дворянину, снискавшему известность во время своей службы на турецкой границе. Многолюдные лагеря крестоносцев послужили форумом для обмена мнениями между страдающими от общих бед людьми. Недовольство нагнеталось тем, что начало похода умышленно задерживалось властями, а господа жестокими мерами препятствовали вступлению своих крестьян в ряды "благословенного воинства Христова". Все это способствовало перерастанию задуманного церковью мероприятия в антифеодалное выступление. В конце мая король и примас наконец запретили дальнейшие сборы, однако было уже поздно. Отряды крестьян-крестоносцев двинулись по стране в сторону границы, вступая в стычки с отрядами старавшихся задержать их феодалов.

Война охватила большую часть страны. Особенно активную роль в движении играли деревни и рыночные местечки в скотоводческих и винодельческих районах центральной части королевства, население которых, связанное с товарным производством, особо остро ощущало наступление феодалов. Волнения охватили горняков на рудниках Словакии и Трансильвании. В то же время бюргерство, в своем большинстве немецкое, враждебно отнеслось к восстанию. Общая численность восставших предположительно достигала 100 тысяч человек, но действовали они разрозненно. Известно восемь наиболее крупных отрядов. Главный из них — под руководством Дьёрдя Дожи — двинулся от Пешта к Трансильвании и в одном из сражений уничтожил объединенное войско феодалов.

Идеологами движения стали монахи-францисканцы, которым власти опрометчиво поручили пропаганду похода. Венгерские францисканцы-обсерванты были известны своими весьма радикальными общественными взглядами, и в конце XV — начале XVI в. во фран-

цисканских монастырях королевства не раз проводились расследования против инакомыслящих. Агитацию в пользу крестового похода монахи сочетали с критикой социальной несправедливости и нападениями на власть имущих. Из рядов францисканцев вышли наиболее видные руководители Крестьянской войны. Предводители восставших призывали к свержению власти господ и установлению всеобщего равенства, отвергали церковную десятину, требовали раздела земель церкви между "крестоносцами", предполагали оставить в стране лишь одного епископа. Они не признавали ничьей власти, кроме власти короля. В идеологии венгерских мятежников прослеживается сильное влияние гусизма.

Дворяне довольно быстро разбили один за другим разрозненные отряды восставших. В середине июля трансильванский воевода Янош Запольяи разгромил войско Дьёрдя Дожи под Темешваром. Дожа был схвачен и подвергнут мучительной казни: победители посадили его на раскаленный железный трон, увенчали голову раскаленной железной короной. Последние очаги сопротивления были подавлены в конце октября 1514 г.

Под влиянием венгерских событий начались народные выступления в австрийских землях, Чехии, Моравии и Германии. Император Максимилиан I, а также чешские феодалы, обеспокоенные распространением "венгерской заразы" в своих землях, послали венгерскому королю военную помощь против восставших.

Победив крестьян, венгерские феодалы приняли в ноябре 1514 г. закон, лишавший крестьян свободы и прикреплявший их к земле.

Битва при Мохаче и распад Венгерского королевства. В 1521 г. турецкий султан Сулейман I захватил Белград — ключ к Венгерскому королевству. Страна оказалась перед непосредственной угрозой турецкого завоевания. В этой сложной ситуации элита, занятая борьбой за власть, не уделяла должного внимания турецкой опасности.

Катастрофа разразилась 29 августа 1526 г. в битве у Мохача, в двухстах километрах от южной границы. Хорошо вооруженному, дисциплинированному 80-тысячному турецкому войску противостояло 25-тысячное, наспех собранное, не имевшее единого руководства венгерское феодальное ополчение. Венгры потерпели сокрушительное поражение. Погиб весь цвет венгерской аристократии, высшие светские и духовные чины. Те, кто не погиб в сражении, были зарублены при бегстве или утонули в болотах, находившихся в тылу венгерских позиций. Такая участь постигла и 20-летнего короля Лайоша II. Страну охватила паника. Не встречая сопротивления, Сулейман I прошел до Буды, подвергнув страну страшному разорению. Надвигавшаяся зима вынудила его покинуть Венгрию.

Хотя в 1526 г. османы не подчинили Венгрию, поражение при Мохаче стало поворотным пунктом в ее истории. После гибели Лайоша II враждующими феодальными группировками на венгерский престол были выдвинуты сразу два короля: крупнейший магнат Янош Запольяи (1526—1540) и младший брат императора Карла V Фердинанд I Габсбург (1526—1564), незадолго до этого избранный чешским королем. Сторонники первого видели спасение страны в "национальном" короле, вторые — в союзе с Габсбургами.

Надежды на Габсбургов имели под собой почву. Они располагали связями и влиянием во многих царствующих домах Европы, а их владениям, соседствующим с Венгрией, также грозила реальная опасность со стороны османов. Получив венгерскую корону, Габсбурги взяли на себя обязанность защищать не только свои наследственные земли, но и Венгрию. Без помощи Габсбургов, за которыми стояли огромные силы и ресурсы, Венгрия была бы раздавлена так же, как и балканские страны. Однако в последующие за мохачской катастрофой полтора десятилетия непрекращавшиеся соперничество и войны между Фердинандом Габсбургом и Яношем Запольяи лишь ослабили государство перед растущим натиском Порты, которую соперники к тому же использовали в своей борьбе за власть. В 1529 г. по просьбе Яноша Запольяи, изгнанного в 1527 г. Фердинандом из Венгрии, в страну вторглись войска султана и восстановили Запольяи на престоле.

В 1538 г. между обоими королями был заключен мир, по которому каждый из них признавал власть другого на занятой им территории. В то же время предусматривалось объединение королевства под властью Фердинанда после смерти Запольяи. Однако в 1540 г. после рождения у Яноша Запольяи (который вскоре умер) сына Яноша Жигмонда конфликт вспыхнул с новой силой. Сторонники Яноша Жигмонда обратились за помощью к султану, и тот воспользовался этим предлогом для нового вторжения в Венгрию.

В 1541 г. пала столица королевства Буда, Венгрия перестала существовать как единое государство. В борьбе за Венгрию столкнулись две крупнейшие военно-политические силы: Германская и Османская империи. При сложившемся внутри- и внешнеполитическом положении Венгерское королевство не смогло отстоять свою целостность и самостоятельность. Последовал 150-летний период его раздела. Венгрия распалась на три части. Все Среднее Подунавье вошло в состав Османской империи как одна из ее провинций. Узкой полосой с запада на северо-восток тянулись земли, попавшие под власть Габсбургов и сохранившие название и статус Венгерского королевства. На востоке в 60-е годы XVI в. сложилось Трансильванское княжество — вассал Порты, — переданное султаном Яношу Жигмонду (1540—1571).

Несмотря на распад Венгерского королевства, в течение последующих столетий между всеми его тремя частями продолжали существовать тесные хозяйственные и культурные связи; неразрывной была их политическая история; в большей или меньшей мере продолжали действовать некоторые государственные, социальные и административные институты домохаческой эпохи.

Габсбургская Венгрия. Западная часть Венгрии, попав под власть Габсбургов, формально оставалась самостоятельным королевством. Короли по-прежнему (до 1686 г.) избирались сословиями на государственных собраниях и, коронуясь, должны были клятвенно обещать, что будут уважать и соблюдать венгерские законы и обычаи. Высшим законодательным органом являлось государственное собрание, состоявшее из представителей сословий. Сословия принимали законы, одобряли налоги, избирали первое должностное лицо государства — надора (посредника между королем и сословиями), принимали решения об общей мобилизации и т.д. Королям из династии Габсбургов, несмотря на все усилия, не удалось полностью подчинить себе сословия, лишить их привилегий, осуществить такие государственные преобразования, которые соответствовали бы централизаторским и позже абсолютистским устремлениям династии.

Одной из важных причин сохранения такого положения были войны с Османской империей, проходившие на территории Венгрии. Короли постоянно нуждались в деньгах, войсках. Защита границы в немалой степени лежала на плечах венгерских магнатов, вкладывавших в оборону значительные личные средства и силы. Габсбурги небезосновательно опасались того, что Венгрия, в случае чрезмерного давления на нее, может перейти на сторону османов.

Тем не менее власть сословий и самостоятельность Венгерского королевства не были прочными. Венгерские сословия дорого платили за то, чтобы в лице Габсбургов иметь защиту от турок, ведь 70% необходимых для организации обороны средств поступали извне. Управление Венгрией осуществлялось под эгидой венских властей как через общегосударственные органы (придворные тайный и военный советы, казначейство, канцелярию), так и через те, которые непосредственно управляли Венгрией (венгерские наместнический совет, канцелярию и казначейство). Венгрия была лишена права самостоятельно вести внешнюю политику и решать военные вопросы. Придворные ведомства мало считались с мнением специально назначенных в Вену венгерских советников. Так называемая свобода выборов короля сословиями ограничивалась одобрением кандидатуры престолонаследника из семьи Габсбургов.

После падения Буды столица Венгерского королевства почти на полтора века переместилась в более безопасное место, ближе к австрийской границе — в Пожонь (современная Братислава). Одна-

ко Габсбурги не жили в своих венгерских владениях и редко появлялись в них.

Серьезные изменения произошли в социальной сфере. В ходе турецких войн немало старинных дворянских семей прекратили существование. Многие семьи бежали от турок и теряли не только свои земли и имущество, но даже документы, подтверждающие их дворянство. В то же время общая численность дворян выросла. Выходцы из низших социальных слоев в эти трудные времена получали возможность возвыситься на военной или административной службе как у короля, так и во владениях частных магнатов. Некоторые состоятельные горожане анноблировались за деньги. Однако в отличие от "домохацкого" дворянства, которое, как правило, имело земельные пожалования, новые дворяне в своем большинстве были титулярными: их дворянский статус не подкреплялся земельными владениями. Такие изменения в составе венгерского дворянства во второй половине XVI в. еще больше, чем раньше, упрочили его зависимость от высшей аристократии.

В ходе войн с османами во второй половине XVI в. в Венгрии возник новый социальный слой: пограничных воинов — хайдуков*. Их большая часть происходила из беглых крестьян. Хайдуки, служившие королю, частным магнатам, а также воевавшие на свой страх и риск, пытались получить за службу не только признание их личной свободы, но и дворянские привилегии вместе со свободной землей. Власти сопротивлялись этому. Законами государственных собраний второй половины XVI в. предписывалось их преследовать как беглых крестьян и бандитов, а за укрывательство полагалось наказание. Однако эти законы не соблюдались, и властям так или иначе приходилось терпеть хайдуков в качестве военной силы.

В города Венгерского королевства устремился поток беженцев-дворян из захваченных турками земель. Несмотря на протесты городов, дворяне поселялись в качестве привилегированного сословия, они не подчинялись городской юрисдикции, не платили налогов, освобождались от торговых пошлин.

Миграции, вызванные войнами, приводили и к изменению этнического состава городского населения. Оно "омадьяривалось" вследствие пополнения за счет венгров-переселенцев и вымывания немецкого элемента, составлявшего ранее большинство в городах.

Что же касается экономического развития городов Венгерского королевства, то перманентное состояние войны, угроза завоевания,

* Первоначально хайдуками назывались погонщики скота, профессия которых широко распространилась в Венгрии со второй половины XV в. в связи с быстрым развитием экспортного скотоводства.

нарушенные коммуникации, сокращение производства в целом отрицательно сказались на них. Однако те города и некоторые крупные рыночные местечки, благополучие которых строилось на транзитной торговле, переживали даже некоторый подъем. Так торговая верхушка городов на австрийской и польской границе наживала немалые состояния, участвуя в качестве посредников в торговле между Западной Европой и османскими владениями.

Турецкие войны в корне не изменили положения крестьян, хотя от бедствий войны, они, безусловно, страдали. В то же время сильнее обозначились тенденции, которые наметились в предшествующий период. С середины XVI в. в Венгрии, особенно в плодородных зерновых западных районах, стало распространяться домениально-барщинное хозяйство, что было вызвано прежде всего потребностями внутреннего рынка при необходимости снабжать провиантом войска, гарнизоны, дворы крупных феодалов. На первых порах становление домена в поместьях крупных феодалов сопровождалось распространением наемного труда. К нему привлекались как поденщики так и за дополнительную оплату свои зависимые крестьяне. Однако эта тенденция не закрепилась, и в XVII в. в поместьях возобладал даровой труд зависимых крестьян. Барщина в среднем составляла 52 дня в году (закон 1548 г.). Крестьяне подчинялись поместному суду своего сеньора, не имели прав на свой надел, располагали ограниченными возможностями перехода. Тем не менее в отличие от других центрально- и восточноевропейских стран положение венгерского крестьянства было в эту эпоху более благоприятным. Дворянству не удалось добиться полной ликвидации крестьянского перехода. Это объясняется прежде всего тем, что в разных природно-географических районах страны, определявших преобладание той или иной отрасли сельского хозяйства, не сложилось единой, законченной барщинно-домениальной системы (а местами она совсем не распространилась). Кроме того, в условиях постоянной военной опасности и войны феодалы были вынуждены идти на уступки крестьянам из-за боязни их бегства. Наконец, в прикреплении крестьян к земле было в большей степени заинтересовано мелкопоместное дворянство, остро страдавшее от потери даже одного-двух работников, в то время как магнаты, напротив, стремились привлечь на свои земли рабочие руки. Вследствие этого отношение к крестьянскому переходу в немалой степени определялось расстановкой сил в отдельных областях между магнатами и мелкопоместным дворянством.

В среде крестьянства шло расслоение. Верхушка стремилась выйти за пределы надельной системы, связанной с крепостными повинностями: приобретала участки целины, виноградники, брала в аренду пустующую пашню, разводила скот на продажу, занималась

торговлей. Такие хозяева могли откупиться от барщины. В XVII в. они составили категорию крестьян, наделенную правом свободного перехода. В то же время в деревне выросло число малоземельных и безземельных крестьян, особенно в районах, удаленных от границы, куда стекалось множество беженцев. Чтобы прокормиться, крестьяне брались за поденную работу. Однако в рыночных местечках, население которых по юридическому статусу приравнивалось к крестьянству, даже среди безземельных крестьян имелись крепкие хозяева — ремесленники и торговцы.

В XVI в., несмотря на сложности взаимоотношений Габсбургов с венгерскими сословиями, между ними существовало некое равновесие, основанное на надеждах, которые в Венгрии возлагались на правящую иноземную династию в освобождении страны от османов. На политической арене Венгерского королевства в эту эпоху поднялись магнатские семьи, обладавшие огромными поместьями и крепостями. Их дворы в Венгрии становятся значительными политическими, хозяйственными, военными и культурными центрами, вокруг которых группировалось местное дворянство.

Однако баланс сил между правящей династией и венгерской феодальной элитой оказался довольно хрупким. В начале XVII в. венгерские сословия перешли в резкую оппозицию к Габсбургам. Весь этот век оказался насыщенным широкими антигабсбургскими движениями, возглавленными венгерским дворянством.

Венгерские земли под властью Порты. Занятая турками территория бывшего Венгерского королевства вошла в состав Османской империи и в соответствии с ее военно-административным устройством была поделена на провинции и округа. Наместником султана считался будайский паша. Ранг визиря давал ему право надзора над всеми венгерскими провинциями и ведения переговоров с иностранными державами. Турецкие власти придавали большое значение налоговой службе и работе ее чиновников, стремясь получить с покоренных земель средства, необходимые для ведения войн. Во второй половине XVI в. в целях налогообложения регулярно проводились переписи населения. На христиан налагались более тяжелые и многочисленные повинности и налоги, чем на мусульман. Особенно обременительными были извозная повинность и отработки в пользу государства (обычно строительные и восстановительные работы). Тем не менее, в отличие от балканских народов, венгры не переходили в ислам. Переход в веру врага расценивался как тяжкое преступление, измена родине.

Вся земля считалась собственностью султана. Часть ее служила фондом для обеспечения государственных чиновников и воинов. Стремясь не допустить формирования крупного наследственного землевладения, которое могло бы усилить сепаратистские тенден-

ции в провинциях, султаны часто перемещали высших должностных лиц. Например, в будайском вилайете (провинции) за 145 лет османского владычества сменились 99 пашей. Эта политика вела к жестокой эксплуатации местного населения, поскольку обладатели земель и должностей стремились в кратчайшие сроки получить максимум доходов.

Завоеванные области Венгрии занимали особое положение в составе владений Османской империи. Их экономика не интегрировалась в экономику Порты, а напротив, сохраняла традиционные контакты с Европой. Купцы из подвластных туркам венгерских земель вели активную торговлю с западными странами, экспортируя туда живой скот, а также продукты животноводства, и ввозя готовые ремесленные товары. В то же время турки не использовали животноводство — эту наиболее доходную область венгерской экономики — ни для продовольственного снабжения империи, ни в налогообложении.

Вместе с завоевателями на территорию бывшего Венгерского королевства пришли исламизированные выходцы с Балкан: сербы, боснийцы, болгары и другие, пополнявшие ряды пограничного воинства; было много купцов и торговцев, особенно из греков, евреев, а также армян. Сами же турки были довольно малочисленны в Венгрии, будучи представлены чиновничеством и военными командирами разного ранга. Они селились лишь в крупных военных и административных центрах, между которыми осмеливались передвигаться только в сопровождении сильного конвоя.

Османе не обладали полнотой власти в завоеванных областях Венгрии. Из-за отсутствия постоянных, твердо установленных границ между турецкой и Габсбургской Венгрией сложилась широкая пограничная полоса, население которой платило налоги и туркам, и Габсбургам. Более того, нередко подвластные османам венгерские крестьяне платили повинности венгерским землевладельцам, переселившимся по другую сторону границы. Эти символические платежи должны были свидетельствовать о том, что венгерские землевладельцы не отказываются от верховных прав на свои земли, а крестьяне признают их в качестве хозяев; само же турецкое завоевание рассматривалось, таким образом, как временное.

Своеобразное османо-венгерское двоевластие проявлялось и в других сферах жизни. В указах султана, предназначенных для венгерских земель, определялись только суммы налогов, таможенных пошлин, давались предписания, касающиеся телесных наказаний. Мусульманское частное право распространялось только на мусульманское население, венгерское же продолжало жить по венгерским государственным и местным законам и обычному праву. На османской территории действовали некоторые социальные институты и

административные структуры венгерского феодального государства. Порта рассматривала свои владения в Венгрии скорее как плацдарм для дальнейшего наступления на Западную Европу и как буферную зону между владениями императора и султана. Она не могла и не стремилась установить там такие формы владычества, какие сложились в покоренных Балканских странах.

Трансильванское княжество. Формально Трансильванское княжество ведет свое начало с 1571 года. В тот год Янош Жигмонд, отказавшись, наконец, от мыслей о венгерской королевской короне, принял титул князя Трансильвании. Одновременно он признал главенство над собой венгерского короля. В результате Трансильвания оказалась в двойной зависимости: от Габсбургов и от Порты.

Трансильванское княжество включало в себя территории собственно Трансильвании и венгерских затисских областей. Как вассал Порты оно платило дань султану и не могло без его одобрения вести внешнюю политику. По форме правления Трансильвания была сословно-представительной монархией. Князь выбирался государственным собранием, в котором наряду с венгерской аристократией участвовали представители трех привилегированных "наций" — венгерского дворянства, патрициата саксонских (немецких) городов и феодализировавшейся верхушки секеев. Влахи, составлявшие в эту эпоху значительную часть населения Трансильвании, не конституировались в привилегированную "нацию". За редким исключением они не участвовали в государственных собраниях и не обладали политической властью в стране. Влашское дворянство было представлено в местных органах управления. В силу отсутствия в Трансильвании и восточных областях бывшего королевства могущественной феодальной аристократии, сословно-представительные учреждения в княжестве были обычно послушны воле князей, власть которых в XVII в. представляла собой разновидность раннего абсолютизма. Центральные органы управления, повторявшие в общих чертах венгерскую модель (княжеские совет, канцелярия, казначейство и т.д.), выполняли распоряжения князя.

За почти полуторастолетний период самостоятельного существования Трансильванского княжества (1571—1699) князья на его престол избирались, как правило, из венгерских магнатских семей. Сохраняя обширные владения в Венгерском королевстве, трансильванские князья могли состоять ишпанами венгерских комитатов (особенно в пограничных с княжеством) и значиться среди носителей высших придворных должностей. Как венгерские аристократы они имели представительство на государственных собраниях королевства и в XVII в. активно вмешивались в их работу. В своей борьбе с Габсбургами трансильванские князья обращались за

помощью к дворянству Венгерского королевства и в большинстве случаев находили там отклик.

Трансильванское княжество возникло в условиях ожесточенной борьбы между Габсбургами и Портой. В XVI веке отдельное от Венгрии существование Трансильвании мыслилось в обществе еще как временное явление. Надежды на освобождение Венгрии и Трансильвании из-под власти Порты с помощью Габсбургов разделялись даже правящей верхушкой нового политического образования. При Яноше Жигмонде дважды предпринимались попытки восстановить единство Венгерского государства под эгидой Габсбургов, оканчивавшиеся неудачей.

В 1571 г. после смерти Яноша Жигмонда трансильванское государственное собрание отказалось признать права на Трансильванское княжество Максимилиана и избрало главой государства Иштвана Батори (1571—1586). Иштван Батори вел политику, направленную на усиление центральной власти, закрепление его независимости от королевства Венгрии. Он признал военное значение хайдуков, создав из них воинские формирования и освободив от налогов. Были отвергнуты попытки Максимилиана II Габсбурга вмешиваться во внутренние дела княжества. В 1576 г. Батори был избран королем Польши под именем Стефана Батория и навсегда покинул родину, хотя формально оставался князем Трансильвании до конца жизни.

В 1602 г. в Трансильвании установилась власть Габсбургов, показавших свои истинные намерения в отношении княжества. Действия военного правительства не отличались от действий вражеской армии в оккупированной стране. Стала очевидной необходимость сохранения независимости Трансильвании от Габсбургов, что и определило внутреннюю и внешнюю политику трансильванских князей в XVII в. С начала века настроения в отношении Трансильвании изменились и в среде политической элиты Венгерского королевства. Сохранение самостоятельной Трансильвании стало мыслиться многими ее представителями как залог выживания и самой королевской Венгрии перед лицом как австрийцев, так и османов. Восстанием Иштвана Бочкаи в 1604 г. начались антигабсбургские освободительные войны. Они исходили из Трансильвании, но захватывали и королевскую Венгрию.

Наивысшего подъема Трансильванское княжество достигло в правление Габора Бетлена (1613—1629) и Дьёрдя I Ракоци (1630—1648). Они смогли не только отстоять независимость Трансильвании, но и расширили ее территорию за счет ряда венгерских комитатов. Базой для военных и дипломатических успехов служили мероприятия по укреплению центральной власти. Были проведены военная, административная, финансовая реформы. Бетлен вернул

казне многие розданные раньше в частные руки земли. Государственной монополией стали доходы от чеканки монет, горных промыслов, таможен. Бетлен поощрял развитие отечественных ремесел и торговли, приглашал из-за границы ремесленников. В 1627 г. договор о свободной торговле был заключен даже с враждебной Веной. Бетлен отказался от дворянского ополчения. Исходя из интересов армии, он выступал против чрезмерного обложения повинностями крестьян, закрепощения свободных секеев, роспуска хайдуцких воинских формирований (которые составили ядро его армии).

В правление Габора Бетлена и Дьёрдя I Ракоци Трансильванское княжество стало заметной политической силой, с которой считались другие государства. Оно имело стратегическое значение для османов, Габсбургов, стран Центральной и даже Западной Европы. В Тридцатилетней войне Трансильвания выступила в составе антигабсбургской коалиции. Своими военными кампаниями в Венгрии и Моравии она отвлекала с западноевропейского театра военных действий силы Габсбургов. Благодаря этому Бетлен и Ракоци смогли заключить с Веной ряд мирных, выгодных для княжества и королевской Венгрии соглашений.

Борьба народов Венгрии и Трансильвании против османского ига. После взятия Буды в 1541 г. Порты в течение почти полутора веков не оставляла попыток полного завоевания Венгрии.

В 1552 г. Сулейман Великолепный направил свои армии в Трансильванию, которая в ответ на это вступила в соглашение с Веной. Турками был взят важнейший укрепленный центр княжества — Темешвар. Одна из армий султана осадила Эгер, называвшийся "воротами Верхней Венгрии". Защитники крепости, в рядах которых оказалось немало ремесленников и крестьян из окрестных сел, поклялись не вступать в переговоры с врагом. Особую славу снискали женщины Эгера, которые героически сражались на крепостных стенах рядом с мужчинами. Осада длилась около двух месяцев. Защитники Эгера ожидали подхода австрийских войск, но так и не дождались их. Тем не менее османы, во много раз превосходившие по численности силы противника, не смогли взять крепость и были вынуждены отступить.

В 1566 г. после восьмилетнего перемирия, заключенного в 1559 г., Порты возобновила войну с Габсбургами за Венгрию. Венгерским вспомогательным войскам, входившим в состав императорской армии, удалось одержать ряд побед. Но Максимилиан II не закрепил успеха, так как берег армию на случай похода войск султана на Вену. Между тем 100-тысячная армия Сулеймана, усиленная 300 пушками, действительно направилась к Вене. Но ей не удалось миновать крепость Сигетвар, от которой открывалась дорога к австрийской столице. Всей стране стали известны слова Миклоша

Зрини, возглавившего оборону крепости: "Нет ничего более святого, чем служить любимой родине в ее смертный час". Через месяц осады, когда стало ясно, что крепость удержать нельзя, Зрини с последней горсткой храбрецов вышел из нее, чтобы принять смерть в бою.

Жертва сигетварцев не была напрасной. Во время осады умер султан Сулейман, и турки, потерявшие у Сигетвара четверть армии, отказались от похода на Вену. В 1568 г. между Максимилианом II и Селимом II в Адрианополе был подписан мир, по которому признавался раздел Венгрии, а Габсбурги обязывались платить Порте ежегодную дань 30 тыс. зол. флоринов.

Таким образом, система крепостей, несмотря на большие потери, выдержала самый сильный удар врага. Однако им предстояло защитить остатки Венгрии в повседневной борьбе на границе с превосходящими силами турок-османов, ибо даже в периоды действия мирных договоров на границе не прекращались стычки, малые походы османов на венгерские, а венгров — на турецкие территории, грабеж военными отрядами приграничных городов и деревень. Жизнь границы была очень трудной. Воинам приходилось бороться с турками в условиях плохого снабжения оружием, продовольствием и задержки жалованья. Поэтому они сами заботились о себе, не останавливаясь перед грабежом своего же гражданского населения. Среди профессиональных воинов, набиравшихся из числа иностранных наемников и мелкого местного дворянства, на границе сражались хайдуки. Из хайдуков сформировалась легкая конница, которая успешно использовала тактику внезапных быстрых бросков, атак и засад. Об этих храбрецах, которых побаивались власти, в народе слагали песни и легенды, составившие целый пласт венгерской культуры.

В 15-летней войне между Портой и Габсбургами (1593—1606) сложилась антиосманская коалиция, в которую вошли также Трансильванское, Молдавское и Валахское княжества. Первый период войны ознаменовался успехами коалиции. Был освобожден ряд крепостей в Венгрии и в Трансильвании. Удачным был валахский поход 1595 г. трансильванского князя Жигмонда Батори, нанесшего тяжелое поражение войскам турок у Джурджи. Готовилась осада Буды и Темешвара. Тем временем в 1596 г. после поражения объединенных войск Трансильвании и Габсбургов при Мезекерестшеге в северо-восточной Венгрии в войне наметился перелом. Пали Эгер и Канижа. Не получавшие жалованья императорские войска грабили Венгрию и Трансильванию, внушая населению не меньший ужас, чем турки и их союзники — крымские татары. Императорские военно-оккупационные власти преследовали протестантов-дворян, отбирая у них имущество в императорскую казну. Война привела не к

изгнанию турок, а к антигабсбургскому восстанию в Венгрии и Трансильвании под предводительством Иштвана Бочкаи. Освобождение Венгрии из-под ига Османской империи было отодвинуто почти на век.

В первой половине XVII в. планы большой освободительной войны с турками отодвигались Габсбургами в связи с Тридцатилетней войной, окончания которой венгры по понятным причинам ждали с нетерпением. Однако надеждам венгерского общества было не суждено сбыться. В 60-е гг. XVII в. турки осуществили последнее крупномасштабное военное предприятие, захватив новые территории в Венгрии и Трансильвании. Это вызвало резкое усиление недовольства Габсбургами в стране (даже среди ранее провенски настроенной части аристократии) и привело к новым антигабсбургским выступлениям.

Реформация в Венгрии и Трансильвании. К общим причинам, вызвавшим распространение Реформации в странах Западной Европы, в Венгрии и Трансильвании добавились свои: распад государства, нестабильность в обществе, ухудшение условий жизни, ужасы османских завоевательных походов, военное бессилие Габсбургов, их безразличие к бедствиям Венгрии и т.д. Охваченные пессимистическими настроениями люди разочаровывались в привычных ценностях, искали объяснений происходящим бедствиям и находили их в протестантских проповедях.

Реформационное движение в Венгрии и Трансильвании не было монолитным. В 20—30-е годы XVI в. в Венгерское королевство проникли идеи лютеранства. В 1525 г. государственное собрание приняло декрет против лютеран, предусматривавший их изгнание из страны и даже смертную казнь. Однако, несмотря на это, лютеранство быстро распространялось. Оно нашло поддержку сначала среди немецкого бюргерства саксонских городов Трансильвании, а затем в городах по всему королевству. К лютеранству примкнули дворяне и магнаты, а также много представителей низшего католического духовенства и монашества, особенно францисканского. Используя право патроната, феодалы насаждали лютеранство среди крестьян, проживавших в их владениях.

С 30—40 гг. XVI в. в Венгрии и Трансильвании особой популярностью стали пользоваться цвинглианство, кальвинизм (объединенные общим именем "гельветская вера") и антитринитаризм (унитаризм), последователи которых находились как среди католиков, так и среди лютеран. Вскоре "гельветская вера" возобладала над лютеранской ("евангелической", или "августинской"). Наиболее питательной средой для нее явилось венгерское население рыночных местечек. Среди радикально настроенных беднейших крестьян, городского плебса и горнорабочих Северо-Восточной Венгрии и

Трансильвании распространился анабаптизм. К концу XVI в. абсолютное большинство населения бывшего Венгерского королевства отошло от католицизма.

В XVI в. католики оказались полностью деморализованными полемическим напором протестантов, использовавших в диспутах и публицистике общественные настроения, порожденные турецкими завоеваниями. Самым внушительным аргументом протестантов против католиков было объяснение причин бедствий, выпавших на долю Венгрии. Турки представлялись как наказание, посланное Богом на венгров за их грехи и идолопоклонство (католицизм). Спасение же виделось в обращении к истинной вере — лютеранской, кальвинистской и др.

Отношения между церковью и государством в габсбургской, османской Венгрии и Трансильванском княжестве складывались по-разному. Османы не проявляли большого интереса к вероисповеданию местного населения. Более того, они весьма благосклонно относились к Реформации, поскольку видели в ней один из инструментов борьбы с Габсбургами. Поэтому Реформация беспрепятственно распространялась в деревнях и рыночных местечках в подвластных туркам областях. Религиозная политика трансильванских князей в целом отличалась веротерпимостью. Официальное признание получили кальвинистская, или реформатская (1564), евангелическая, или лютеранская (1568), а затем унитаристская (1576) церкви. Таким образом, в Трансильвании сложилась система четырех (вместе с католицизмом) признанных вероисповеданий, что в то время было необычным для Европы. К этим конфессиям следует добавить православие, традиционно исповедовавшееся в Трансильвании большими массами населения, в первую очередь влахами и славянами. В габсбургской Венгрии протестантские церкви на протяжении XVI в. не были признаны официально, хотя власти были вынуждены мириться с ними.

Контрреформация в Венгрии и Трансильвании. Несмотря на большие потери, католическая церковь сохраняла свою организационную структуру не только в королевстве, но и Трансильванском княжестве, а также на турецких территориях. Ее иерархи занимали высшие должности в королевстве (канцлер, персоналий и т.д.). Десятину в пользу католической церкви продолжали собирать повсюду, а в королевстве — даже с протестантов. Только в Трансильванском княжестве церковной десятиной завладела княжеская казна, а в саксонских городах княжества — немецкий патрициат.

С конца XVI в., в правление Рудольфа II, в Венгрии началась Контрреформация, в проведении которой католическая церковь получила решительную поддержку в лице Габсбургов. Началось преследование протестантов, что вызвало резкий отпор с их сторо-

ны. Наибольших успехов Контрреформация в королевской Венгрии достигла в первой половине XVII в., когда венгерскую католическую церковь возглавил кардинал Петер Пазмань. Это был человек огромной эрудиции, прекрасно знавший и протестантское богословие, предпочитавший убеждение силовым методам. Он придавал большое значение возвращению в католическую веру магнатов, которые, по его мнению, послужили бы примером для дворян-протестантов, а также, в соответствии с установлениями Аугсбургского религиозного мира, повлияли бы на вероисповедание своих крестьян. Благодаря его деятельности уже в первые десятилетия XVII в. аристократия в основном вернулась в лоно католической церкви. Первым из католиков Петер Пазмань обратился в своих проповедях, публицистических произведениях к венгерскому языку. Прекрасное владение народным языком принесло успех не только его миссионерской деятельности, но и поставило в ряд основоположников венгерского литературного языка. В целях воспитания молодежи в духе католицизма Пазмань — в прошлом иезуит — способствовал укреплению в Венгрии позиций иезуитов, появлению их школ, коллегий и конгрегаций. В 1635 г. в Надьсомбате (соврем. Транава) по его инициативе был открыт иезуитский университет — первая высшая школа в Венгерском королевстве. Несмотря на значительные успехи Контрреформации в Венгрии, Габсбургам не удалось повторить здесь опыт Австрии и Чехии, насильственно и полностью возвращенных в католицизм.

Антигабсбургские освободительные движения в Венгрии и Трансильвании. В конце XVI — начале XVII в. Габсбурги, в частности Рудольф II, стали активно проводить в своих владениях, в том числе в Венгрии, жесткую политику подчинения сословий центральной власти в условиях зарождающегося абсолютизма. В целях пополнения казны венский двор провел ряд громких судебных процессов против крупнейших венгерских магнатов (Иллешхази, Бочкаи) с последующей конфискацией их имущества, выдвигая обвинения в государственной измене. Ущемление интересов венгерской феодальной элиты сопровождалось решительным развертыванием Контрреформации в протестантской Венгрии. Чужеземная династия не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. В начале XVII в. венгерские сословия перешли в резкую оппозицию к ней, вылившуюся в ряд антигабсбургских освободительных войн, продолжавшихся с перерывами более ста лет (1604—1711). Войны распадаются на три периода, первый из которых приходится на первую половину XVII в.

Антигабсбургские войны были широким общественно-политическим движением, сложным по своим задачам и социальному составу. Их возглавило дворянство, получившее поддержку широких на-

родных масс: хайдуков, городского плебса, крестьян. Важная особенность этих освободительных движений состояла в том, что они инспирировались из Трансильвании и возглавлялись трансильванскими князьями.

Первый этап войн начался в октябре 1604 г. с восстания Иштвана Бочкаи, крупнейшего венгерского магната, против которого власти начали преследования в связи с обвинением в измене. В течение короткого времени его войска, состоявшие в основном из хайдуков, освободили от императорской армии почти всю северо-восточную часть габсбургской Венгрии и стали вторгаться на территорию Австрии. В 1605 г. сословия избрали Иштвана Бочкаи князем Венгрии и Трансильвании. Порта поддержала мятежного князя и обещала венгерскую корону. Император Рудольф II был вынужден пойти на переговоры с Бочкаи. По Венскому миру 1606 г. Трансильвании обеспечивалась независимость, а ее территория увеличивалась за счет нескольких венгерских комитатов. Венгрия оставалась под властью Габсбургов, но сословиям гарантировалось соблюдение их прав и привилегий, привлечение венгров к управлению государством, восстанавливался пост надора, утверждалась свобода вероисповедания, которая, однако, не распространялась на крестьян. Габсбурги обещали прекратить войну с Портой. Признавая заслуги хайдуков в освободительной войне, Бочкаи даровал 11 тыс. из них землю и дворянские привилегии. Когда после смерти Бочкаи (1606) Рудольф II попытался лишить хайдуков этих завоеваний, те с оружием в руках защитили их.

Условия Венского мира почти на полвека составили основу отношений между Венгрией и Трансильванией с одной стороны, и Габсбургами — с другой. На десятилетие венгерские сословия возобладали над центральной властью и стали действовать вполне самостоятельно от нее. В 1608 г. к ним примкнули сословия других владений австрийских Габсбургов (Нижней и Верхней Австрии, Моравии, Силезии и Лужиц) и образовали конфедерацию с целью совместной защиты Венского и Житваторокского мирных договоров 1606 г. Эрцгерцог Матиас использовал конфедерацию в борьбе за власть, разгоревшуюся внутри дома Габсбургов, пообещав сословиям соблюдать их права и привилегии. Имея за спиной войска конфедерации, в июне 1608 г. Матиас заставил Рудольфа II отречься от венгерского престола, наследственных австрийских владений и Моравии и занял там место брата.

Габсбурги нарушали данные обещания, поэтому борьба с ними возобновилась при князе Габоре Бетлене. Он ставил целью создание независимой национальной монархии на основе объединения Венгерского королевства с Трансильванией и его вхождения в государственный союз с Австрией и Чехией. В своей борьбе с Габсбургами

Габор Бетлен добился немалых успехов, предприняв против императорских войск 3 похода (в 1619—1626 гг.). Бетлен подчеркивал национальный характер войны и призывал к участию в ней все сословия “без различия лиц и религии”. В 1620 г. государственное собрание избрало его сначала князем, а затем королем Венгрии.

Испугавшись тягот войны и радикализации освободительного движения, феодалы стали отходить от Габора Бетлена и возвращаться на прогабсбургские позиции. В такой обстановке Бетлен был вынужден, сохранив за собой Трансильванское княжество, к которому временно были присоединены семь венгерских комитатов, отказаться от притязаний на королевскую Венгрию.

Преемник Габора Бетлена Дьёрдь I Ракоци включился в борьбу с Габсбургами на завершающем этапе Тридцатилетней войны, заключив союз с Францией и Швецией. Однако Порта, не без оснований опасавшаяся усиления Трансильванского княжества и его объединения с Венгрией в случае поражения Габсбургов, под влиянием тайной дипломатии Вены опротестовала этот самостоятельный шаг внешней политики своего вассала и вынудила его к переговорам с Фердинандом III. Линцкий мир 1645 г. распространял свободу вероисповедания на крестьянство, укреплял позиции князя в присоединенных землях.

Ни Ракоци, ни Бетлен не сумели восстановить национальное королевство. Но в ходе всеевропейской войны, умело сочетая методы дипломатии с военными акциями, Трансильванское княжество добилось того, что Вестфальским миром его суверенность была юридически признана европейскими государствами. На это не могли рассчитывать находившиеся под властью Габсбургов Венгерское и Чешское королевства.

Культура Венгрии и Трансильванского княжества. После мохачской битвы 1526 г. культура Венгрии развивалась в новых условиях. Несмотря на переживаемые страной трудности, именно в XVI—XVII вв. венгерская культура находилась на подъеме. Культурное развитие XVI в. проходило под знаком Реформации, а в XVII в. добавилось влияние Контрреформации. Но и та и другая охотно черпали из открытых гуманизмом источников.

Традиция гуманизма сохранилась в политической мысли этого времени. Историков и публицистов независимо от их политической и религиозной принадлежности занимало осмысление случившейся у Мохача трагедии. Одни видели причины краха королевства во внутренних раздорах и соперничестве знати (Иштван Бродарич “О гибельном поражении от турок”), другие — в частой смене династий (Ференц Форгач “Венгерская история”). В сложившейся тяжелой ситуации, не видя перспектив в будущем, историки обращались к прошлому королевства и идеализировали его (Миклош Олах “At-

тила" и "Венгрия"). Историков особенно привлекал король Матяш I. В идеализации Матяша проглядывало недовольство современными правителями.

В новых исторических условиях королевский двор утратил роль интегрирующего центра культуры. Эти функции частично выполняли дворы трансильванских князей и крупнейших венгерских феодальных магнатов. Они выступали покровителями культуры, содействуя строительству, образованию. Двор трансильванских князей был организован по западному образцу, но в то же время в нем культивировались венгерские традиции. Именно за это современники ценили Габора Бетлена, при котором трансильванская культура достигла расцвета. При дворе Бетлена и его преемников нашли убежище известные зарубежные протестантские ученые, писатели, педагоги.

Большую роль в развитии национальной культуры играли города, являвшиеся базой Реформации. Школьная образованность с распространением Реформации стала всеобщим явлением, в первую очередь в городах и рыночных местечках. Школьное дело стало восприниматься как целостная проблема, которую обязаны официально решать светские и духовные власти. Школы поддерживались городскими магистратами, а также монархами, духовными и светскими магнатами. Лучшие школы создавались сначала протестантами, которые помимо овладения грамотой ставили перед школой цели нравственно-религиозного воспитания молодежи. В XVII в. католики в ходе Контрреформации также сделали ставку на школы и успешно конкурировали в этом деле с протестантами.

Книгопечатание не просто увеличило число книг, но дало жизнь дешевой книге. Оно распространяло достижения науки и культуры среди масс, формировало их вкусы, чрезвычайно увеличивало возможности политической и религиозной агитации.

Реформация повысила роль народного языка и способствовала подъему литературы на родном языке. Протестанты проповедовали на венгерском языке, основывали школы с преподаванием на родном языке, типографии, печатной продукцией которых были венгерские переводы Библии и богослужебные книги. В 1589 г. протестантский пастор Гашпар Карои полностью перевел на венгерский язык и опубликовал Библию, приблизив ее к широким массам верующих. Прекрасный язык этого перевода стал литературной нормой на столетия, а сам текст переиздавался более 300 раз. Создавались первые грамматики венгерского языка. Трансильванский проповедник и книгоиздатель Гашпар Хелтаи (1490—1574), прославившийся своими остросоциальными переработками басен Эзопа, дал первое систематическое изложение истории Венгрии на венгерском языке.

Основателем венгерского поэтического языка был воин-поэт Ба-

лингт Балашши (1554—1594). Его любовная лирика и патристические стихи, в которых он проникновенно писал о “трудной, но прекрасной” жизни солдат пограничья, являющих собой “пример высокой человечности и мужества”, составляют одну из ярких страниц венгерской поэзии. Свою любовь к родине Балашши доказал всей своей жизнью и героической смертью при обороне Эстергома.

Крупнейшей фигурой венгерской литературы XVII в. был выдающийся поэт, публицист, государственный деятель и полководец, отпрыск аристократического хорватского рода Миклош Зрини (1620—1664). В своих произведениях “О короле Матяше”, “Целебное средство против турецкого дурмана” и других он изложил передовую для того времени концепцию создания национального государства и проводил мысль о том, что изгнание турок должно стать делом самих венгров. Для этого Зрини предлагал создать сильную армию, состоящую в первую очередь из крестьян. Большую известность принесла Зрини эпическая поэма “Сигетварское бедствие”, в которой он воспел подвиг своего прадеда при защите Сигетвара в 1566 г.

К середине XVI в. восходят истоки венгерской драматургии. Она возникла как одна из форм протестантской религиозной пропаганды и борьбы с католическим духовенством, носила назидательный характер и на первых порах не отличалась самостоятельностью. Так, в пьесе “Электра” Петера Борнемиссы античный сюжет трактуется в духе современной автору венгерской действительности: ставится вопрос о возможности сопротивления королю-тирану. В первой национальной драме “Меньхард Балашши”, написанной Каради, осуждаются предательство и подлость. Вместе с тем в Венгрии того времени еще не существовало профессионального театра. Ставились только любительские спектакли силами учащихся школ.

В годы борьбы за независимость бурно расцвела народная поэзия. Ее составной частью были песни куруцев — участников освободительных войн.

§ 2. МОЛДАВСКОЕ И ВАЛАШСКОЕ КНЯЖЕСТВА

Установление зависимости от Османской империи. Валашское княжество признало вассальную зависимость от Порты в конце XV в., а Молдавское — к середине XVI в., и оба сохранили ее в течение 300 лет. Помимо ежегодной дани (харадж) в султанскую казну и даров высшим сановникам Порты зависимость обоих княжеств выражалась в участии их войск в османских походах, в содержании османской армии во время ее постоев на территории княжеств, в поставках рабочей силы для строительства укреплений, а

также продовольствия, в установлении османской торговой монополии (с XVII в.). В знак покорности господари посылали своих сыновей и близких родственников заложниками в Стамбул. Порта отторгла от княжеств ряд территорий: Килию и Белгород (1484), Буджак, Бендеры с крепостью Тигин (1538), Добруджу, Измаил (1590), Ренины (1622), Турну, Джурджу с их округой и др. Эти земли были присоединены к Османской империи, а крупнейшие крепости разрушены.

Княжества сохранили свою государственность, религиозную и административную автономию. Их церковь подчинялась Константинопольской патриархии. Однако междоусобицы и борьба за власть между боярами позволили Порте усилить вмешательство в их внутренние дела. С начала XVI в. султаны утверждали господарей, а позже (к концу XVI в.) стали назначать их. Господари платили также за сохранение престола. В результате на практике эта должность становилась объектом купли-продажи и господари часто менялись на престоле. Господари были крайне ограничены в ведении самостоятельной внешней политики. Порта в целях сохранения своей власти над княжествами использовала испытанный прием "Разделяй и властвуй", играла на противоречиях Дунайских княжеств, натравливая их друг на друга. Характерной чертой внешней политики Молдавии и Валахии в XVI—XVII вв. было лавирование между крупными державами и использование их соперничества в своих политических интересах.

Экономическое развитие. Ведущей отраслью хозяйства в дунайских княжествах в XVI в. было животноводство: в Валахии — овцеводство, в Молдавии — разведение крупного рогатого скота. Наиболее известными животноводческими областями были Добруджа и Буджак. В плодородных долинах Серета, Прута, Дуная, Днестра, Олта возрастала роль земледелия. Завершался переход от залежной и переложной систем к двуполью. Лесные земли превращались в постоянные угодья для скота. Развивались виноградарство, огородничество, бортничество, рыболовство.

Несмотря на тяжелый фискальный гнет, городское ремесло и торговля не остановились в своем развитии. В XVI в. их важными центрами стали Яссы, Сучава, Бухарест, Хотин, Васлуй, Фокшаны, Галац, Плоешти, Крайова и др. Во второй половине XVI в. в городах оформлялся цеховой строй. Однако города Молдавии и Валахии сохраняли полуаграрный характер. Сельские занятия их жителей продолжали играть значительную роль. Постоянные рынки становятся заметными лишь с конца XVI — середины XVII в. Из-за высоких поборов медленно формировалось купечество и росли его капиталы. Города Дунайских княжеств пользовались правом гражданского и судебного самоуправления, значение которого, однако,

падало с усилением вмешательства Порты во внутренние дела княжеств.

В XVI — начале XVII в. на первое место выдвигается внешний рынок. Дунайские княжества выполняли в нем роль экспортера сельскохозяйственной продукции, в первую очередь скота и продуктов животноводства. Крепли торговые связи с Трансильванией, Речью Посполитой, Россией, Венецией, Далмацией, германскими землями. Но к началу XVII в. из-за ухудшения рыночной конъюнктуры спрос на сельскохозяйственную продукцию из Молдавии и Валахии на внешнем рынке упал и произошел поворот этой торговли в сторону рынка Османской империи с его монопольными заниженными ценами. В итоге, несмотря на рост общего объема экспорта, его значение в хозяйственном развитии Дунайских княжеств уменьшилось, а вывоз на подобных условиях не стимулировал роста товарности хозяйства.

Особенности положения крестьян. К началу XVI в. основная масса зависимых крестьян в Молдавском и Валахском княжествах жила по “волошскому праву” на частновладельческих и господарских землях. Крестьяне платили феодалу десятину преимущественно продуктами земледелия и бортничества. Несмотря на то что продукты животноводства занимали главное место в барском хозяйстве, в десятине они обычно отсутствовали. Денежная рента на частновладельческих землях почти не распространилась. Барщина носила нерегулярный, нефиксированный характер. В XVI в. она увеличилась по сравнению с XV в. с 2—5 до 12 дней в году и включала работы по извозу, сенокошению, на мельницах. Помимо этой категории зависимых крестьян известны “холопы”, находившиеся в состоянии полной несвободы. Они несли более тяжелые, чем первая категория, повинности, дворовую службу, считались собственностью феодала.

Особенностью системы внеэкономического принуждения феодально зависимых крестьян в Молдавии и Валахии было вмешательство государства во внутренние отношения вотчины с крестьянином, определявшее норму его эксплуатации и степень зависимости от феодала. В XV — первой половине XVI в. это в немалой степени обуславливалось тем, что крестьяне участвовали в походах господарей и последние ограничивали притязания феодалов в отношении крестьян. Как частновладельческие, так и господарские крестьяне несли государственные повинности: платили подворную подать (“дань царская”, “бир”) и другие налоги, пошлины, штрафы, выполняли отработки. Со второй половины XVI в. государственные повинности крестьян стали быстро и неуклонно расти. Рост государственно-феодальной эксплуатации, особенно в XVII в., значительно превысившей частновладельческую, происходил за счет усиления

нажима Порты, которая получала все большие доходы от Дунайских княжеств.

Возрастающие потребности барского хозяйства, массовое бегство крестьян из-за ужесточения эксплуатации и нестабильности военной обстановки, стремление государства повысить налоги привело к ухудшению юридического статуса крестьянства. Попытки ограничить крестьянский переход предпринимались еще в XV в., но отстранение крестьян от военной службы со второй половины XVI в. ускорило этот процесс. В 90-е годы XVI в. появились первые декреты, запрещающие переход крестьян и прикреплявшие их к господам-землевладельцам по государственным тягловым переписям. В начале XVII в. неоднократно издавались постановления о сыске, возврате беглых крестьян, устанавливались сроки исковой давности на них. Появились юридические термины, обозначающие крепостных: "румыны" в Валахии, "вечины" в Молдавии. В 1646 г. в Молдавском княжестве было составлено "Уложение" ("Правила"), по которому окончательно запрещался крестьянский переход. Подобный закон в Валахии появился в 1652 г. Тем не менее государственно-феодалная эксплуатация крестьян, ограничение государством податного и судебного иммунитета вотчинника способствовали тому, что крепостничество не получило в Дунайских княжествах такого развития, как в некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

Крестьянство боролось против наступления феодалов на его права, используя различные методы сопротивления: от отказа выполнять повинности до антифеодалных восстаний. В 1566 г. в Молдавии вспыхнуло одно из таких восстаний. Его возглавил самозванец — претендент на господарский престол, выдававший себя за Стефана-воеводу. Во главе крестьянского войска он отправился завоевывать господарский престол и намеревался захватить столицу Молдавии Яссы. Однако в сражении у крепости Нямец неорганизованное и плохо обученное крестьянское войско было разбито военными силами господаря Александра Лапушняну. В 1591 г. в Молдавии началось такое сильное крестьянское движение, что многие бояре в страхе бежали. Интенсивно проходивший в первой половине XVII в. процесс разорения мелкого дворянства вызывал обострение внутриклассовой борьбы феодалов, которые вовлекали в эту борьбу и крестьянство, преследовавшее одновременно свои классовые интересы.

Изменения в господствующем классе. В XVI в. одновременно с отстранением крестьян от военной службы в Молдавии и Валахии на базе дробления крупной вотчины формировалось военно-служилое сословие мелких землевладельцев феодального типа. Так, в Молдавии численность этих людей, называвшихся немешами, кур-

тешами, служителями, выросла с 2 тыс. в XV в. до 9 тыс. в первой половине XVI в. К этой группе примыкали так называемые резешы — совладельцы земли в селах и связанных с ней наследственных сеньориальных прав. Оформление военно-служилого сословия расширяло и укрепляло социальную основу феодальных Дунайских княжеств. Однако с XVII в. этот процесс был перекрыт другим, более мощным — ростом частновладельческого землевладения крупного служилого боярства, происходившим как раз за счет захвата земель резешей, куртешей, немешей, а также господарского домена (временно усилившегося в XVI в.). Это повлекло за собой сокращение земельных владений мелких вотчинников, их окрестьянивание и привело к ликвидации военных сил княжеств. В то же время ослабевала власть господарей. У власти фактически находилась боярская олигархия. Среди нового служилого боярства в XVII в. большое значение приобретают выходцы с Балкан, особенно греки-фанариоты — богатые выходцы из Стамбульского квартала Фанар. Они вызывали особую ненависть местного населения. Хотя частновладельческое землевладение укрепляло политические и материальные позиции служилых бояр, основными были их доходы от государственно-феодальной эксплуатации, получаемые на государственной службе, а также нередко за счет системы откупа налогов. И до тех пор, пока боярство оставалось причастным к этим доходам, султаны могли рассчитывать на его покорность и поддержку.

Борьба против османского ига. Молдавский и валахский народы вели упорную борьбу против османских поработителей. Успехи антиосманской коалиции в 70-е годы XVI в. (битва при Лепанто), укрепившиеся дипломатические связи с Россией поддерживали надежды княжеств на освобождение от османского ига. Движущими силами в борьбе за независимость были народные массы. Господари, временами отваживавшиеся на открытую конфронтацию с Портой, находили поддержку в среде мелкого служилого дворянства, выступавшего за укрепление центральной власти в противовес боярам. Борьбу против Порты осложняли отношения Дунайских княжеств с Польшей, Трансильванией, Габсбургами, предпринимавшими попытки подчинить их.

Молдавский господарь Петр Рареш (1527—1538, 1541—1546), заручившись материальной и дипломатической поддержкой России против Польши, пытался избавиться от зависимости султану. Сначала успех сопутствовал ему. Когда в 1538 г. в Молдавское княжество с разных сторон вторглись турецкие, польские и татарские войска, Петр победил войско крымского хана в сражении при Стефанешти. Однако напуганные этим успехом бояре изменили своему господарю, покинув его и отдав османам Сучаву.

В 70-е годы освободительное движение против турок возглавил

молдавский господарь Иоан Вода (1571—1574), прозванный Лютым за расправу с крамольными боярами. С помощью мелких служилых людей, горожан, крестьян, собравшихся по призыву Иоана Воды в народное ополчение (последнее в истории средневековой Молдавии), а также при содействии отряда запорожских казаков Иоан разбил в 1574 г. турецко-валашско-трансильванскую армию. Его войско заняло Бухарест, осадило турецкие крепости Браилу и Бендеры, разгромило вражеские отряды под Белгородом. Однако и в этом случае измена бояр предопределила в итоге поражение движения. Господарь был казнен, а Молдавия подверглась опустошительным грабежам турецких войск.

В первые годы Пятнадцатилетней войны (1592—1606) Дунайские княжества присоединились к антиосманской коалиции. Валашский господарь Михай Храбрый (1593—1601) одержал в 1595 г. блестящую победу над многочисленной османской армией в сражении у Кэлугэрени. С помощью молдавских и трансильванских войск ему удалось освободить всю Валахию от оккупировавших ее турок, которые были вынуждены пойти на мир и признать Михая господарем Валахии.

Однако вступивший вскоре на молдавский престол пропольски настроенный Иеремия Могила не только вышел из антиосманской коалиции, но и стал добиваться валашского трона для своего брата. В ответ на это Михай в двух походах захватил Трансильванское и Молдавское княжества (в 1599 и 1600 гг.) и подчинил их. Таким образом, в руках Михая Храброго оказалась власть над тремя княжествами. Между ними не существовало внутреннего единства. Вскоре Михай потерял их, а сам был убит боярами. Зависимость Валахии от Порты возобновилась.

В первые десятилетия XVII в. Молдавия превратилась в арену польско-турецких войн, которые принесли разорение хозяйству и населению страны. Боясь объединения усилий Дунайских княжеств, Порта разжигала противоречия как внутри господствующего класса княжеств, так и между самими княжествами. В борьбе за власть между валашским и молдавским господарями Матеем Басарабом (1633—1654) и Василе Лупу (1634—1653) она поддерживала последнего, так как первый укреплял свою власть, опираясь на мелкое служилое дворянство, вытесняя из управления связанных с Портой бояр-фанариотов. В 1644 г. оба господаря временно примирились друг с другом и стали искать союза с Россией, у которой к этому времени обострились отношения с султаном и крымским ханом. Эта линия дипломатических связей Дунайских княжеств осложнялась их отношениями с Речью Посполитой — противником России. Так, Молдавское княжество интересовало Москву и как возможный союзник в борьбе с Польшей. Подобные надежды питал сторонник

России Богдан Хмельницкий, возглавивший освободительную борьбу украинского народа против Польши. Многочисленные простые выходцы из Молдавии сражались в украинских отрядах. Большая же часть пропольски настроенных молдавских бояр не хотела порывать с Польшей. Боялся этого и Василе Лупу. Когда он при энергичном давлении Богдана Хмельницкого предпринял нерешительные шаги к сближению с ним, то вызвал выступление оппозиционно настроенного боярства внутри страны, валашского господаря и трансильванского князя. Василе Лупу потерял престол и попал в заточение в Стамбул.

Попытки сближения с Россией не прекращались и при преемнике Василе Лупу господаре Георге Штефане. Ставился вопрос о присоединении к России. Но решить его в международных условиях 50—60-х годов XVII в. не удалось. Молдавское княжество, как и Валашское, оставалось под властью Османской империи.

Культура Дунайских княжеств. Важную роль в развитии культуры Молдавского и Валашского княжеств в XVI—XVII вв. сыграло расширение сферы применения народного (романского) языка вместо славянских — сначала в переписке и делопроизводстве, а затем в литературе и богослужении. Распространению литературы (в первую очередь церковной) на народном языке способствовало появление в Валахии в XVI в., а в Молдавии в середине XVII в. книгопечатания. Знаменательным событием стало издание в 1544 г. в типографии города Сибиу "Румынского катехизиса".

Стремление господарей укрепить свою власть стимулировало развитие летописания. Официальные хроники создаются при дворе Михая Храброго, Петра Рареша. В XVII в. в Молдавии в противовес официальному распространяется боярское летописание.

Во второй половине XVI в. в Валахии появились Славянская школа при церкви Св. Георгия в Бухаресте, господарская школа в Тырговиште. В 1640 г. в Молдавском княжестве при ясском монастыре Трех Святителей открылась Славяно-греко-латинская академия. С появлением специальных учебных заведений выходцы из привилегированных сословий получили возможность учиться на родине, а не за рубежом, что практиковалось прежде. Развитие молдавской культуры шло в тесной связи с русской и украинской. Так, оборудование для первых типографий поступало в Молдавию из Москвы, Киева, Львова. В академии работали киевские преподаватели.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

§ 1. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ В XVI в.

С конца XV в. Европа вступила в новую эру международных отношений, главной особенностью которой было формирование национальных государств. Начала складываться мировая система международных экономических отношений. Столкновение интересов европейских государств в Азии, Африке и Америке оказывало воздействие и на европейскую политику. Великие географические открытия расширили международные связи и, наполнив рынок новыми продуктами, стимулировали европейское производство.

Изменяется политическая карта Европы. К началу XVI в. Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания и Швеция уже достигли значительных успехов в складывании государственного единства. Во второй половине XVI в. в ходе национально-освободительного движения в Нидерландах родилась Республика Соединенных провинций. В то же время XVI век был свидетелем возникновения и распада многонациональной державы Карла V Габсбурга.

Пожалуй, ничто так ярко не демонстрировало закат политической культуры средневековья, как распад этой универсальной империи. В своем стремлении к европейской гегемонии Карл V опирался на средневековые представления о высшей власти императора как светского главы католического мира, подобно тому как папа был его духовным главой. В XVI в. Карл V был единственным наследником римских императоров, принявшим корону из рук римского папы и тем самым наделенным как бы особой полнотой сакральности, тогда как других монархов венчали на царство архиепископы. Этой специфической особенности политической культуры средневековья противостояло стремление к утверждению полного суверенитета национальных государств.

Время, когда государи-сеньоры еще не делали различия между государством и поместьем, между публично-правовыми и частно-правовыми функциями, уходило в прошлое. Высшим мерилом в политике становился “государственный интерес”, который возводился на уровень “общего блага”. Ведущие европейские государства

перестают ограничиваться рамками отношений с отдельными, по преимуществу соседними, государствами, распространяя свою внешнеполитическую активность на всю Европу.

С XVI в. конфессиональный фактор во внешнеполитических отношениях все дальше отступает на второй план. Образование коалиций на политической основе подготавливало секуляризацию европейской политики. Начиная с Вестфальского мира 1648 г. европейская дипломатия окончательно секуляризуется, став дипломатией Нового времени.

Оформление дипломатической службы. Интенсивность международных связей уже в первой половине XVI в. вызвала переход к новой (современной) системе организации посольской службы — постоянного дипломатического представительства. Эта система зародилась в Италии в 60—70-е годы XV в. В 90-е годы XV в. ее переняли Франция и Испания, в 1510 г. — Папское государство, в 1530 г. — Англия. К середине XVI в. к этой практике перешло большинство европейских государств.

Большую роль в установлении межгосударственных связей сыграла появившаяся в XVI в. почтовая служба. В свою очередь, дипломатическая переписка требовала определенной культуры. Итальянские государи, например, нередко пользовались услугами гуманистов в качестве секретарей по внешним делам: это способствовало введению в дипломатию изящного стиля речи и письма. Под влиянием гуманистов вырабатывался стиль дипломатических депеш и донесений, который становился обязательным для каждого дипломата. Не меньшее значение для формирования “дипломатического языка” имели донесения венецианских послов: пространные и детальные, они были известны за границей уже в XVI в.

С формированием института постоянного дипломатического представительства устанавливалась дипломатическая иерархия, в основе которой — значение государства, пославшего своего посла. Право назначать послов признавалось не за всеми государями. Находившийся в зависимости от другого крупного монарха государь мог иметь при нем только простого агента. Помимо постоянных дипломатических представительств продолжали сохранять свое значение чрезвычайные посольства, снаряженные, например, по случаю восшествия на престол нового государя. Одновременно с оформлением дипломатической службы складывался новый дипломатический протокол. Почести, оказываемые послам при въезде и приеме, получают установленный порядок.

В правление папы Григория XIII (1572—1585) в интересах укрепления власти главы Святого Престола окончательно сформировался институт постоянных представителей папы на местах — нунциатура. Начало этому институту было положено еще папой

Львом X (1513—1521). В 1513 г. на собрании кардиналов папа назначил своих постоянных представителей — нунциев — в Германию, Францию и Англию.

Во второй половине XVI в. начинает формироваться международное право. В 1582 г. Бальтазар Айала в сочинении "О праве войны и военных учреждениях" развил учение о посольской неприкосновенности. Большое распространение получила работа Альберико Джентили "О посольствах" (1585), где он систематизировал сложившиеся представления о дипломатической практике и ее нормах.

Причины политических и военных конфликтов. Борьба национальных государств за свои четко осознаваемые интересы порождала торговые войны, борьбу за овладение морскими путями, рынками сырья и сбыта, за монопольную эксплуатацию колоний. Серьезной помехой развитию национальных государств оставался средневековый династический принцип, в силу которого путем браков или наследования под властью одного государя могли оказаться страны и области, различные в этническом отношении и разобщенные территориально (пример — империя Карла V). Пограничный вопрос — неопределенность границ между отдельными странами, сохранение политической самостоятельности некоторыми пограничными областями разных государств с родственным по языку и культуре населением превращали пограничные области в объекты ожесточенной борьбы.

На первый план выступают противоречия между большими государствами, к которым примыкали средние и мелкие страны. Столкновения между государствами перерастали в общеевропейские конфликты, в которых, однако, не допускалось преобладания какой-либо одной страны. Усиление одной монархии за счет другой вызывало ответное движение со стороны соседних государств, которые старались сохранить прежнее соотношение сил. Создавалась система политического равновесия, которая становилась главным принципом международных отношений.

XVI век — время перманентных и затяжных войн. Значительность и масштабность военных операций ставили вопрос о постоянных армиях и об их увеличении за счет наемников. Среди последних — швейцарцев, шотландцев и немецких ландскнехтов — приоритет держали швейцарцы, доказавшие свой высокий военный профессионализм. Со второй половины XVI в. европейские монархи стали активнее переходить к рекрутским наборам. Этому способствовали укрепление национальных государств, а также истощение рынка наемников.

Очаги международных конфликтов. В XVI в. в Европе сложилось три основных узла международных противоречий, грозивших

войнами: 1) столкновение торговых и колониальных интересов Испании, с одной стороны, и Франции и Англии — с другой, вылившееся в конце XV — первой половине XVI в. в Итальянские войны, а во второй половине XVI в. — в войну между Испанией и Англией; 2) взаимоотношения между европейскими государствами и Османской империей; 3) борьба между странами Северной Европы за господство на Балтике.

В основе франко-габсбургских и англо-испанских противоречий лежали, с одной стороны, притязания императора Карла V на гегемонию в Европе, а с другой — интересы национальных государств Франции и Англии. Император Карл V, объединив в своих руках значительную часть Западной Европы, стремился расширить свое влияние посредством династических браков и военного вмешательства. Внешнюю политику Франции в XVI в. в значительной степени определяло соседство французского государства с владениями Карла V. Франция стремилась прорвать окружение в самом слабом его звене — в Италии, там, где можно было воспользоваться раздробленностью, внутренними раздорами, наконец, династическими притязаниями. Кроме того, Италия сулила французскому дворянству и купечеству богатую добычу. Противоречия между интересами Габсбургов и Франции, их борьба за гегемонию в Европе привели к Итальянским войнам (1494—1559) (см. гл. 10).

Со стороны Франции военные походы в Италию носили захватнический характер. Под прикрытием династических притязаний на "Анжуйское наследство" французские монархи добивались укрепления своего влияния на Апеннинах, захвата итальянских земель, вытеснения итальянских соперников с торговых путей в Средиземном море, кроме того, разрешения пограничных вопросов: воссоединения находившихся под властью Габсбургов Артуа, Франш-Конте и других восточных областей с Францией. В стремлении осуществить свои планы французские монархи пытались ослабить Карла V как в тылу его державы, так и за ее пределами. В 1525 г. Франциск I вступил в союз с турецким султаном. В 50-е годы Генрих II, инициатор жестокой расправы над французскими еретиками, заключил тем не менее союз с немецкими протестантскими князьями, подданными Карла V, оговорив положительное отношение Франции к "исконной немецкой свободе".

Итальянские войны втянули в борьбу почти все европейские государства, помимо Габсбургов и Франции в них участвовали итальянские государства, папство, Англия, Дания, а также Османская империя. В ходе войн заключались многочисленные союзы, которые регулировали сохранение политического равновесия. Исход Итальянских войн, если не считать военной добычи, полученной в ходе временной оккупации, не принес Франции ни военной славы,

ни других ожидаемых результатов. Ее притязания на итальянские земли успехом не увенчались. По миру в Като-Камбрези (1559) Франция присоединила к себе три лотарингских епископства (Мец, Туль и Верден).

В то время, как большинство европейских государств было вовлечено в Итальянские войны, на Пиренеях зрел конфликт между Испанией и Португалией. Деление сфер интересов между этими странами, лидирующими в Великих географических открытиях, привело к их столкновению в 20-е годы XVI в. Испано-португальский Тордесильяский договор (1494), установивший демаркацию между испанской и португальской сферами интересов, был нарушен: корабли испанской экспедиции Магеллана подошли в 1521 г. к Молуккским островам и возник вопрос, кому они должны принадлежать. Испания сделала попытку обосноваться на спорных островах: в 1527 г. там появился испанский форт. Однако этот конфликт был улажен мирными средствами, поскольку новый путь для сношений с Молукками при полном отсутствии промежуточных баз в Тихом океане оказался крайне неудобным. В 1529 г. по Леридскому договору Испания отказалась в пользу Португалии от притязаний на Молуккские острова, которые были включены в состав приданого за сестрой Карла V, ставшей королевой Португалии. Демаркационная линия в Тихом океане была проведена на 17° к востоку от Молуккских островов, что однако не помешало испанцам в 1565 г. завоевать открытые Магелланом и находившиеся к западу от этой линии Филиппинские острова. Испанская колониальная империя стала основой политической гегемонии Испании в Европе в XVI в. Ее образование оказало влияние на характер противоречий между европейскими государствами.

В основе англо-испанских противоречий, вылившихся в 1588 г. в военный конфликт, была борьба за торговую монополию на Атлантике. Обострению отношений между странами во второй половине XVI в. способствовала политика Карла V. Заключив брачный договор между наследником испанской короны Филиппом II (сыном Карла V) и английской принцессой, Карл V стремился втянуть Англию в орбиту своего влияния. Но прозорливость английской стороны при подписании этого договора не дала осуществиться планам императора, влияние которого в Англии оказалось кратковременным. Филипп II стал сторонником решительных действий против Англии. Он поддерживал тайный антиправительственный заговор против Елизаветы Тюдор и был организатором прямого вооруженного нападения на Англию (см. гл. VIII, XI).

Со стороны Англии борьба с Испанией приняла форму контрабандной торговли с ее колониями и пиратского грабежа испанских судов. В 1588 г. испанская эскадра "Непобедимая армада" должна

была осуществить то, что не удавалось дипломатии. Но планы Филиппа II были разрушены вместе с гибелью "Непобедимой армады". В схватке с Испанией Англия победила. С конца XVI в. перед ней открылись перспективы колониальных захватов.

В политике Англии на континенте проявлялась тенденция к поддержанию равновесия сил между Францией и Габсбургами путем помощи слабейшему. Этим объяснялись ее сепаратные мирные соглашения с Францией в годы Итальянских войн. В то же время на Британских островах Англия проводила более целенаправленную политику, прежде всего в отношении Шотландии, пытаясь силой или путем династических союзов, а также используя разрыв в среде шотландской знати, навязать Шотландии свое влияние, что делало Шотландию союзницей Франции, обостряя англо-французские отношения.

В торговом соперничестве между странами успех начинает определяться уровнем социально-экономического развития. Победа Англии была началом торжества набиравшего силу раннего капитализма. К концу XVI в. в западноевропейских международных отношениях обозначилась новая расстановка сил, которая отодвинула на вторые роли Испанию и итальянские государства. Противоречия между национальными государствами и расколовшейся державой Габсбургов создавали угрозу новых столкновений в следующем столетии.

Одним из серьезных очагов опасности в Европе, побуждавшим к военным столкновениям, а также к дипломатическим маневрам, была политика Османской империи.

Третий узел международных противоречий складывался в Северо-Западной Европе. XVI век был началом ожесточенной борьбы за торговую монополию на Балтике. Скандинавские страны стремились завладеть балтийскими портами, обеспечить себе монополию на использование торгового посредничества в товарообмене между разными регионами Европы. На первом этапе эта борьба скандинавских государств была обращена против ганзейского купечества. Некогда могущественный торговый союз немецких и западнославянских городов (Ганза) терял свою торговую монополию на Балтике в связи с ростом национальных государств. Дания и Швеция освобождались от конкуренции ганзейцев. Затем обострились отношения между Данией и Швецией. Торговое соперничество привело к войне (1563—1570), не принесшей преимущества ни одной из сторон. Борьба за торговую монополию на Балтике осложнялась некоторыми особенностями: колонизационными устремлениями Дании в отношении Швеции и Норвегии и движением за независимость в этих странах. В ходе борьбы складывались политические союзы и вступали на политическую арену новые силы — Польско-Литовское и

Московское государство, расширялся круг субъектов европейской политики.

С Ивана IV Грозного Московское государство делало попытки сближения с Европой, прежде всего с Англией и Скандинавскими государствами. Иван IV и его советники, рассчитывая на поддержку Дании, пытались создать на Балтике собственный флот для защиты от каперов плывущих в Нарву торговых судов. Однако Дания на это не пошла. К концу 70-х годов она, напротив, использовала затруднения Московского государства, установив контроль за его торговлей со странами Европы на Белом море. В годы обострения польско-русских отношений и притязаний Речи Посполитой русская дипломатия предприняла новые шаги для установления контактов с Западом. В 1617—1618 гг. при Михаиле Федоровиче русское правительство направило посольства в Англию, Данию и Голландию, желая убедить эти страны оказать финансовую и военную помощь Москве против Речи Посполитой. Наметившаяся тенденция к сближению с европейскими государствами получила дальнейшее развитие в годы Тридцатилетней войны.

§ 2. ЕВРОПА И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

К началу XVI в. Османская империя превратилась в сильнейшую мировую державу. Утвердившись в Восточном Средиземноморье и на Балканах, она стала непосредственно угрожать Центральной и Западной Европе. Вплоть до 70-х годов XVII в. Порта предпринимала завоевательные походы против Европы. Она лишила Венецию большинства ее морских владений, захватила значительную часть Венгерского королевства, нападала на итальянские берега, австрийские и польские земли, подчинила дунайские княжества. Только к концу века Европа смогла перейти в контрнаступление. Османская империя стала важным фактором в жизни европейских государств. Они должны были выработать свою внешнеполитическую позицию перед лицом Порты.

Особенности дипломатических отношений между Портой и Европой. В европейской политической фразеологии османы фигурировали как “естественный враг” (*hostis naturale*), который должен быть изгнан из Европы. Однако на протяжении столетий отношения с ним не ограничивались войной. Все большая роль отводилась дипломатии. Процесс возникновения дипломатической службы затронул и Порту. С середины XV до конца XVI в. в Стамбуле появились постоянные дипломатические миссии наиболее значительных европейских государств: Венеции, Франции, австрийских Габсбургов, Польши, Англии, Голландии и т.д. Наряду с Венецией и Римом,

Стамбул превратился в важнейший дипломатический центр, куда сходились нити международной политики и информация о том, что происходило в мире.

Однако дипломатические связи между европейскими государствами и Портой носили односторонний характер, ибо вплоть до конца XVIII в. Османская империя не имела своих постоянных дипломатических представительств за рубежом. Многие исследователи объясняют этот факт господствовавшими в мусульманском мире, и в частности в Османской империи, религиозно-правовыми концепциями, согласно которым на Земле может быть лишь один государь — султан (подобно Аллаху) и только его, основанное на Коране, право. Положение дел, не соответствовавшее этому идеалу, рассматривалось как временное. Военные успехи османов в XIV—XVI вв. вполне подкрепляли эти представления, позволяли султану чувствовать себя хозяином положения в дипломатических отношениях с другими государствами.

Война, особенно с немусульманами, считалась нормой не только с точки зрения права. Она составляла основу существования и необходимое условие для выживания военизированного Османского государства. При этом мир и — в случае необходимости — даже союз с немусульманами допускались, но воспринимались как временные и заключались на ограниченный срок (на 5—6 лет в XVI в. — во время наивысшего могущества османов, до 20 лет в XVII в. — в период их ослабления). В эпоху турецких завоеваний правительство султана особенно строго следило за тем, чтобы инициатива заключения мира исходила от противоположной стороны, и чтобы для этого послы заинтересованных стран прибывали в Стамбул. Посольства от султана отправлялись к европейским дворам лишь в редких случаях. Порта считала правомерным в удобных для нее случаях нарушать в одностороннем порядке договоры о мире и перемирии. Впрочем, позицию христианских государей в этой сфере нельзя считать более принципиальной или последовательной: они соблюдали договорные обязательства перед Портой лишь постольку, поскольку в военном отношении уступали султану и были связаны европейской политикой.

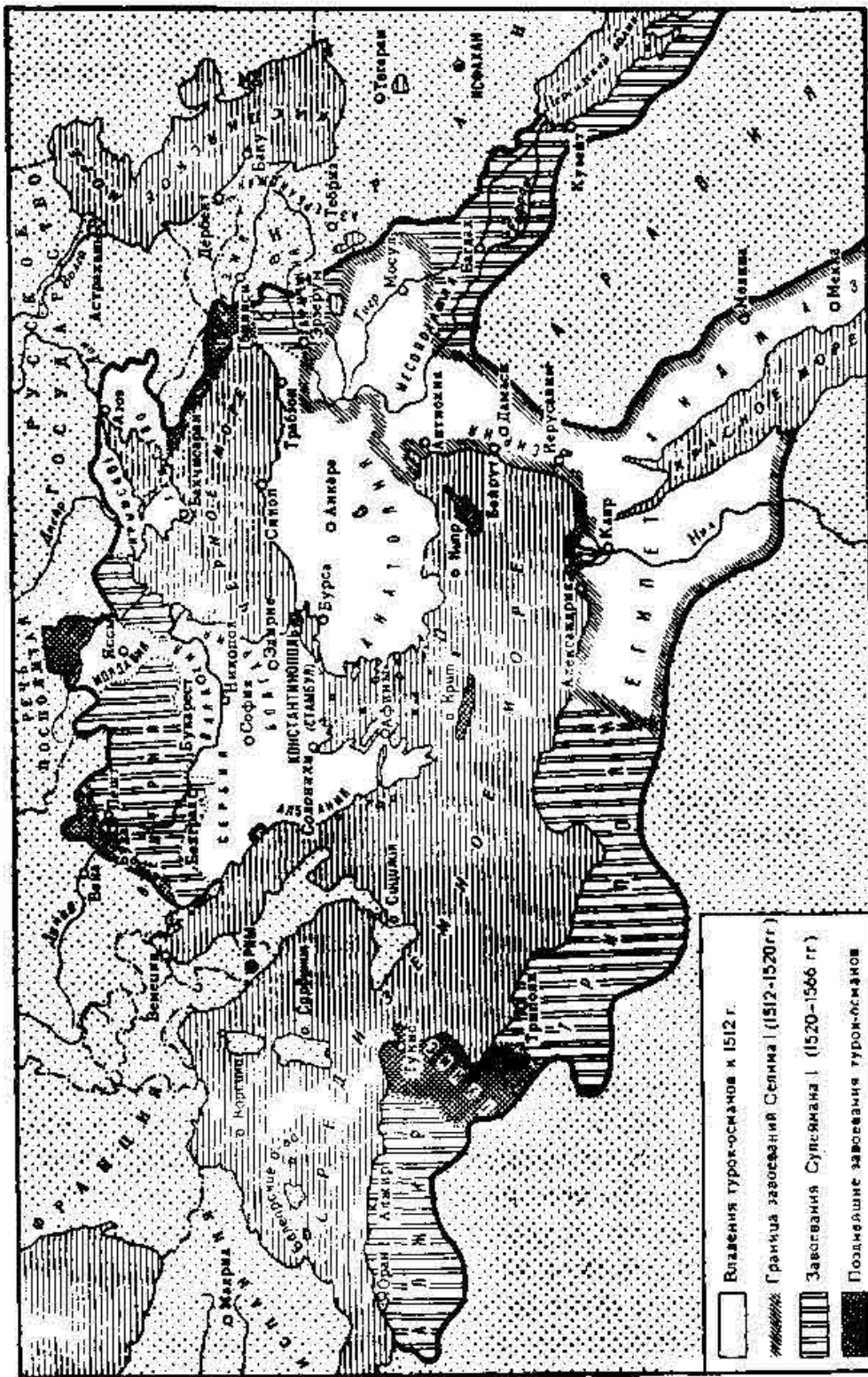
Нормальному функционированию европейско-османской дипломатии, помимо прочего, препятствовал тот факт, что Порта считала все государства, идущие на заключение с ней мира, как бы подчинившимися ей, и в знак признания этого требовала от них уплаты регулярной (обычно ежегодной) дани, или налога. Это требование нередко становилось камнем преткновения на переговорах, а в случае их заключения — основой для споров о статусе вступившего в мирные отношения со Стамбулом государства или о характере передаваемого Порте налога. Не случайно в переводах текстов

османско-габсбургских договоров о мире для одного и того же понятия габсбургская сторона использовала слово "подарок", а османская — "дань". Османская дипломатия предпочитала заключать сепаратные договоры, не допуская включения в них в качестве гарантов мира других государств Европы. Более слабые европейские государства, например Венгрия, стремились как раз к обратному.

В правление Сулеймана I Кануни (1520—1566) сложился обычай приема иностранных посольств при дворе султана. Сам султан почти не появлялся на приемах, а если и присутствовал, то восседал на троне в полутьме, вдалеке от всех и редко вступал в переговоры, препоручая это визирям. Увеличивая дистанцию между султаном и послами, представлявшими персону пославших их суверенных государств, османская сторона подчеркивала таким образом превосходство Порты над другими государствами с тем, чтобы диктовать им свои условия. Османской дипломатией был разработан целый арсенал средств давления на иностранных дипломатов (подкуп, лесть, обман, шантаж, запугивание и т.д.) с целью достижения желаемых результатов на переговорах. Иностранным дипломатам могла грозить тюрьма и даже смерть в случае, когда султан начинал войну против страны, приславшей посла, или был недоволен действиями его государя, расцененными Портой как враждебные. Между тем в Европе иностранные дипломаты, как правило, уже обладали статусом неприкосновенности: случаи его нарушения между европейскими государствами рассматривались как вопиющие.

По вполне понятным причинам христианская сторона не доверяла турецкому султану и его дипломатии, обвиняя их в коварстве и злоумышлении. В землях, подвластных христианским государям, неохотно встречали подданных турецкого султана, подозревая в каждом из них шпиона. Мусульманам доступ в европейские христианские страны был практически закрыт.

Османская империя в европейской системе международных отношений. К началу XVI в. в Европе начинает складываться такая система международных отношений, в которую в большей или меньшей степени включаются почти все европейские страны. Главный узел конфликтов, как уже говорилось выше, завязался между Францией и Габсбургами в борьбе за европейскую гегемонию. В соответствии с этой осью противоречий в Европе формировался обладавший уже некоторой устойчивостью расклад политических сил, реализовавшийся в случае необходимости в военно-политических союзах, которые в конечном счете были направлены против Габсбургов или против Франции. Геополитическое положение Османской империи делало ее неотъемлемой частью действующей европейской политической структуры, в которую она постепенно интегрировалась. Любое ее движение в направлении Европы — диплома-

Османская империя в XVI—XVII вв.

тического или военного характера — не оставалось незамеченным и влияло на европейские дела (военные действия, союзы, мирные договоры и т.п.). Порта в своих интересах использовала франко-габсбургские противоречия в своей борьбе с Габсбургами.

Уже в начале XVI в. для европейских государств очевидным становится тот факт, что ни одно из них не обладает достаточным потенциалом для того, чтобы в одиночку справиться с османской агрессией. Венецианская республика и Польша в этой ситуации сочли за благо поддерживать мир с опасным соседом и неоднократно подтверждали свою позицию мирными договорами с Портой и обязательством не вступать ни в какие антиосманские союзы. Тем не менее Венеция нередко финансово поддерживала антитурецкие военные предприятия, а иногда включалась в них с оружием.

В начале XVI в. Венгерское королевство перешло на своих южных рубежах к оборонительной политике. Мирные договоры с турками периодически продлевались, но становились все короче и не гарантировали незыблемости южных границ. Своими силами королевство также не могло решить турецкий вопрос. В этих условиях короли из династии Ягеллонов обращались к европейскому сообществу за помощью против турок. Но “европейского сообщества” в его средневековом понимании — как христианского универсума — к XVI в. уже не существовало, а в современном понимании — как системы государств с устойчивыми военно-политическими и экономическими союзами — еще не возникло. Процесс образования национальных государств именно в это время вступил в противоречие с доставшимися в наследство от средневековья универсальными христианскими монархиями типа империи Габсбургов. Этот процесс временно максимально разобщил старую Европу, в то время как османам удалось создать огромное, опирающееся на мощные человеческие и материальные ресурсы, жестко подчиненное единой власти султана государство.

Турецкий вопрос во время Итальянских войн. Инициаторами большинства антитурецких акций и планов в XVI—XVII вв. выступали Габсбурги и римские папы. Но даже Габсбурги, которых турецкий вопрос затрагивал сильнее других европейских государей, не поступались интересами западноевропейской политики ради изгнания турок. Европейские государства, участвовавшие в Итальянских войнах, заключали между собой союзы, в которых время от времени звучали антитурецкие лозунги. Однако на деле они не заходили так далеко. Например, декларированный как антитурецкий союз 1508 г. между Максимилианом I, Людовиком XII и Фердинандом Арагонским был по сути направлен против Венеции. Подобные союзы образовывались почти ежегодно, их состав и направленность постоянно менялись, но турецкий вопрос в них не ставился серьезно. Без

ответа остались папские буллы об организации крестового похода против турок в 1511 и 1514 гг. Более того, европейские государства стали обращаться к турецкому султану за помощью против своих противников в Итальянских войнах. Так, в 1510 г. император Максимилиан I предложил султану Селиму I выступить против Венеции и захватить ее заморские владения, пока Венеция связана делами на Западе. В 1513—1514 гг. уже Венеция просила султана о помощи против своих европейских противников.

В 1528 г. Янош Запольяи, выбранный в Венгрии королем одновременно с Фердинандом I Габсбургом и боровшийся с ним за Венгрию, заключил с Портой договор о дружбе и помощи, который по сути открыл туркам дорогу для завоевания Венгрии.

Таким образом, с начала XVI в. Порта выступила перед европейскими государствами не только как враг, но и как их потенциальный союзник в европейских конфликтах. Поэтому и подписанный в 1536 г. между Сулейманом I и французским королем Франциском I договор (т.н. "капитуляции"), вызвавший бурю негодования и осуждение в европейских политических кругах и в обществе под влиянием папской и габсбургской пропаганды, продолжал уже начатую другими христианскими государствами линию и был вполне закономерен в политических реалиях того времени.

Фердинанд I Габсбург, владения которого в Центральной Европе оказались под непосредственной угрозой турецкого завоевания, постоянно обращался к Западу, особенно к империи и своему брату Карлу V как императору. Но имперские князья и сословия ставили вопрос о помощи Фердинанду против турок в зависимости от уступок в религиозных делах. Что касается Карла V, то из-за ухудшения дел в Италии в 1528 г., зная о готовящемся походе турок, он не только отказал младшему брату в обещанной ранее помощи, но и потребовал от него войск для своей новой экспедиции в Италию. В критический для судьбы Габсбургов момент — во время осады Сулейманом I Вены осенью 1529 г. — Фердинанду удалось выставить против 100-тысячной турецкой армии только 20-тысячное войско, собранное им преимущественно в своих наследственных владениях.

Падение столицы Венгерского королевства в 1541 г. произвело сильное впечатление на Европу. Помощь Фердинанду против турок обещали, кроме католических князей и папы, также протестантские князья и даже Франциск I. Однако из этих намерений ничего не вышло. Фердинанд I был вынужден в 1547 г. пойти на подписание мира с султаном. Первый мирный договор между Габсбургами (Фердинандом I) и Османской империей закреплял за турками завоеванные ими в Венгрии территории и предусматривал выплату Фердинандом турецкой стороне ежегодно налога в 30 тысяч золотых флоринов.

ринов. Мир 1547 г. прекращал войну также между Сулейманом и Карлом V, поэтому имел европейское значение. Он развязал императору руки против Шмалькальденского союза, вторая война с которым, однако, закончилась поражением Карла. Адрианопольский мир 1568 г., завершивший эпоху экспансии Сулеймана I, устанавливал отношения между Габсбургами и Портой на более стабильной основе, но одновременно означал, что в ближайшее время нельзя рассчитывать на изгнание турок из Европы.

“Священная Лига” и битва при Лепанто 1571 г. Вторая половина XVI — начало XVII в. были отмечены двумя крупномасштабными столкновениями между Европой и Портой: военной кампанией на Средиземном море в 1570—1572 гг. и Пятнадцатилетней войной (1593—1606 гг.).

События 1570—1572 гг. были спровоцированы нападением турок на Кипр, принадлежавший “дружественной” туркам Венеции, и захватом его главных крепостей. Новая акция Порты создала угрозу для многих европейских государств Средиземноморского региона, в первую очередь для испанских владений в Италии. Было ясно, что турки не ограничатся Кипром, поскольку уже в 1565 г. их армия и флот осаждали, правда, безуспешно, Мальту. Временное затишье в Европе сделало возможным создание по инициативе папы Пия V сильного международного союза (“Священной Лиги”) против турок. Его ядро составили Венеция, Испания, папа, поддерживали союз большинство итальянских государств и Мальтийский орден. Объединенные морские силы христиан под командованием Дона Хуана Австрийского встретились с турецким флотом в Коринфском заливе близ местечка Лепанто (1571). Флот султана был наголову разбит, а вместе с ним и легенда о непобедимости турок. Победой при Лепанто была отведена угроза полного захвата турками Средиземноморья и положено начало закату морского могущества Османской империи. Однако союзники не смогли воспользоваться результатами своей победы: военная кампания следующего года сложилась для них неудачно. Лига распалась, Кипр остался в руках турок. Венеция заключила мир с Портой.

Османская проблема в последней четверти XVI — начале XVII в. В 70—90-е годы XVI в. в отношениях между Османской империей и Европой наблюдалось некоторое затишье. Одной из важных причин этого было появление нового узла противоречий: между австрийскими Габсбургами и Польшей. В 1576 г. польский престол занял, победив претендентов из дома Габсбургов, князь Трансильвании Стефан Баторий. Это означало изменение расстановки сил в Центральной Европе. Новый польский король занял антигабсбургскую позицию и потянул за собой Трансильванию, которую планировал объединить унией с Польшей. В Вене боялись,

что Баторий, будучи кроме прочего крупным венгерским магнатом, заявит претензии и на Венгрию. Поэтому в 1577 г. Габсбурги склонились к миру с Портой. Позже Стефан Баторий сблизился с Рудольфом II Габсбургом, строя планы создания широкой международной коалиции для войны с Портой. Это была новая концепция, предполагавшая объединение сил Польши, Трансильвании, привлечения австрийских Габсбургов, империи, народов Балканского полуострова, Московии, Грузии и Персии. Смерть Батория в 1586 г. помешала переговорам.

В 1593 г. турки развязали новую войну против Габсбургов. Во время Пятнадцатилетней войны (1593—1606) опять встал вопрос о создании европейской коалиции против Порты. Попытки папы Климента VIII возродить “Священную Лигу” 1571 г. результатов не дали. Сам папа выделил большие средства для ведения войны, обложив специальным налогом церковные доходы в Италии. Папская дипломатия трудилась над тем, чтобы сдерживать противоречия между европейскими государствами.

Не рассчитывая на помощь западных государств, Габсбурги вернулись к идеям Стефана Батория. Но в конечном счете им удалось вовлечь в союз только Трансильванию, Молдавию и Валахию. В войне участвовали многочисленные добровольцы из всех стран Западной Европы. Венеция помогала финансами. Однако для победоносной войны с турками оказалось недостаточно сил коалиции, внутри которой к тому же возникли серьезные разногласия.

В 1604 г. в Венгрии началось открытое антигабсбургское выступление под предводительством Иштвана Бочкаи, грозившее отложением Венгрии. Рудольф II был вынужден принять условия сословий (Венский мир 1606 г.), одним из которых было заключение мира с Портой. Житворокский мир 1606 г. подытожил Пятнадцатилетнюю войну, обозначив новый межвоенный период в отношениях между Османской империей и Европой, продолжавшийся более полувека. Европа переживала новую внутреннюю войну — Тридцатилетнюю — и турецкая проблема надолго отодвинулась на задний план. Она возникала лишь в связи с Трансильванским княжеством, которое, будучи вассалом Порты, с разрешения последней участвовало в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции.

§ 3. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Обострение борьбы двух лагерей в Германии начала XVII в. В начале XVII в. усилилось наступление контрреформационных сил в Германии. Наибольших успехов они добились в северо-западной и

южной частях страны. Католической церкви удалось заново утвердиться в нескольких герцогствах, графствах, бывших епископских владениях, в ряде городов. Происходившая шаг за шагом утрата протестантами завоеванных позиций вызывала не только общегерманский, но и международный резонанс. Особенно широкий отклик, имевший политические последствия, получили события 1607 г. в имперском городе Донаувёрте. Здесь произошло открытое столкновение между протестантским большинством населения, возбужденным опасностью рекатолизации, и католическим меньшинством во главе с фанатичным клиром, который демонстративно устраивал церковные процессии, проходившие через весь город, с тем чтобы накалить страсти, вызвать эксцессы и получить затем помощь извне. И она действительно была оказана: император-католик подверг город опале и наложил на него штраф, а один из лидеров контрреформации Максимилиан Баварский под предлогом обеспечения этих решений оккупировал Донаувёрт своими войсками и фактически присоединил его к баварским владениям.

Возмущенные протестанты на рейхстаге 1608 г. потребовали положить конец нарушениям Аугсбургского религиозного мира и соблюдать в полном объеме его договоренности. Католические князья в свою очередь заявили о необходимости возврата церковных имуществ, секуляризованных с 1555 г. Компромисс оказался невозможным. Часть протестантов покинула рейхстаг. Он был распущен и не собирался более тридцати лет. Минувя оказавшиеся бессильными имперские политические органы, оба лагеря решили обратиться к "самопомощи" и создали в 1608—1609 гг. военно-политические союзы — Евангелическую унию и Католическую лигу. Каждая из этих коалиций получила прямую или косвенную поддержку от своих сторонников вне страны. В результате возникла угроза не только военного конфликта двух лагерей в Германии, но и непосредственного вмешательства в германские дела других европейских государств.

Уже предыстория назревавшей войны ясно показала, какую большую роль в борьбе, проходившей под религиозными знаменами, играли материальные интересы, политические расчеты, сословные амбиции. В 1609 г. после смерти бездетного герцога прирейнских областей разгорелся ожесточенный спор за обладание этими землями, не очень крупными, но богатыми, важными также для стратегических целей обоих лагерей. На них предъявили претензии сразу несколько немецких и иностранных князей, каждый из которых спешил заручиться солидной политической, финансовой, военной помощью. Один из них ради этого перешел в католичество, другой, напротив, стал кальвинистом. Спор оказался важной картой в политической игре императора, имевшего верховное право вво-

доть во владение имперским леном. Стремилась не упустить выгоды и Франция, готовившая для поддержки своих интересов большое войско наемников. В 1614 г. "наследство" поделили, причем при посредничестве Франции и Англии немалая доля досталась курфюрсту Бранденбурга. Усилив свои позиции, он вскоре вдвое расширил владения, присоединив к ним еще и польский лен — герцогство Пруссию. Став одним из наиболее крупных князей, курфюрст заложил прочную основу для дальнейшего возвышения Бранденбургско-Прусского государства.

Международные противоречия в Европе начала XVII в. Напряженность религиозно-политической обстановки в Германии была обусловлена не только внутренними причинами: важную роль в ее обострении в начале XVII в. сыграли сложные взаимосвязи и противоречия в сформировавшейся к этому времени системе европейских государств, воздействие международных отношений.

Главным конфликтом в политической жизни Западной Европы были возобновившееся противоборство между коалицией испанских и австрийских Габсбургов, с одной стороны, и Францией — с другой. Обе силы претендовали на гегемонию в этой части континента.

Стратегической задачей внешней политики Франции, превращавшейся в могущественное абсолютистское государство, было стремление не допустить укрепления империи. С этой целью Франция старалась поддержать примерный баланс сил между враждующими группировками немецких князей и охотно использовала в своей пропаганде против центральной имперской власти лозунг защиты "исконной немецкой свободы". Оказывая предпочтение "государственному интересу" перед интересами религии, католические правители Франции помогали в соседней стране не своим единоверцам, а протестантам, в то же время не желая их полного торжества. Франция имела к империи и территориальные притязания — на Эльзас и в Лотарингии. С испанскими Габсбургами она вела борьбу на нескольких направлениях, стремилась подорвать их позиции в Южных Нидерландах и Северной Италии, не дать развернуться совместным испанским и австрийским действиям на Рейне, добиться от Испании территориальных уступок на границе с Францией.

События в Германии имели важное значение для внешней политики и трех других противников Габсбургов — Республики Соединенных провинций и протестантских королевств Дании и Швеции. Для Республики, продолжавшей войну за независимость с Испанией (с перемирием в 1609—1621 гг.), Евангелическая уния оказалась естественным союзником. Между ними был заключен договор о взаимопомощи. Дания и Швеция, соперники в борьбе за господство на северных морских путях, опасались усиления роли Габсбургов в Северной Германии и их прорыва к Балтике, т.е.

появления нового конкурента. К тому же датский король как герцог Шлезвига и Гольштейна, входивших в империю, в качестве ленника императора не был заинтересован в излишнем укреплении его власти.

Противоречивую позицию накануне и в ходе Тридцатилетней войны занимала Англия. Она и сотрудничала, и соперничала в торговле и политике со странами антигабсбургской коалиции. Россия, Польша и Османская империя не принимали прямого участия в Тридцатилетней войне, но оказали на нее важное косвенное воздействие. Надолго прекратив борьбу со Швецией за Прибалтику, но продолжая сковывать силы Польши — противника Швеции и союзника Габсбургов, Россия способствовала успеху протестантов. Османское государство, оставаясь врагом Габсбургов и сотрудничая с Францией, было вовлечено в длительные войны с Ираном и не стало сражаться на два фронта. Зато одним из активнейших борцов против Габсбургов выступило находившееся в вассальной зависимости от Турции Трансильванское княжество. В целом между участниками антигабсбургской коалиции существовали и крупные противоречия, и соперничество, но они отступили на задний план перед угрозой, которую представлял общий враг.

В подготовке к войне большую роль сыграла способность лагеря Контрреформации консолидировать свои усилия, обеспечив согласованность действий между двумя ветвями дома Габсбургов — испанской и австрийской. В 1617 г. они заключили тайный договор, по которому испанские Габсбурги получили обещание на земли, образующие как бы "мост" между их владениями в Северной Италии и Нидерландах, а взамен согласились поддержать кандидатуру воспитанника иезуитов Фердинанда Штирийского на троны Чехии, Венгрии, империи. Дальнейшие, более конкретные планы действий, как и соглашения между императором Фердинандом II (1619—1637) и главой Католической лиги Максимилианом Баварским, относятся уже к начальной фазе войны.

Непосредственным поводом к ней послужили майские события 1618 г. в Праге. Открыто попирая религиозные и политические права чехов, гарантированные в XVI в. и подтвержденные в начале XVII в. специальной императорской "Грамотой величества", габсбургские власти подвергли гонениям протестантов и сторонников национальной независимости страны. Ответом были массовые волнения, в ходе которых особенно активную роль сыграла дворянская оппозиция. Вооруженная толпа ворвалась в старый королевский дворец Пражского Града и выбросила из окна двух членов назначенного Габсбургами правительства и их секретаря. Все трое чудом остались живы после падения с 18-метровой высоты в крепостной ров. Этот акт "дефенестрации" был воспринят в Чехии как знак ее

политического разрыва с Австрией. Восстание "подданных" против власти Фердинанда стало толчком к войне.

Первый (чешский) период войны (1618—1623). Новое правительство, избранное чешским сеймом, укрепило военные силы страны, изгнало из нее иезуитов, повело переговоры с Моравией и другими близлежащими землями о создании общей федерации по типу нидерландских Соединенных провинций. Чешские войска, с одной стороны, и их союзники из Трансильванского княжества — с другой, двинулись на Вену и нанесли ряд поражений армии Габсбургов. Объявив об отказе признать права Фердинанда на чешскую корону, сейм избрал королем главу Евангелической унии, курфюрста-кальвиниста Фридриха Пфальцского. Дворянские руководители чешского восстания рассчитывали при этом, что им окажут военную помощь немецкие протестанты. Опереться на вооружение народа они побоялись. Расчеты на могущество Фридриха Пфальцского оказались ложными: он не имел ни больших средств, ни войска, которое еще предстояло набрать из наемников. Между тем в казну императора для аналогичных целей хлынул поток денег от папы и Католической лиги, вербовались на помощь Австрии испанские войска, обещал содействие Фердинанду польский король. В этой ситуации Католической лиге удалось навязать Фридриху Пфальцскому согласие на то, что военные действия не затронут собственно германскую территорию и ограничатся Чехией. В результате наемники, набранные протестантами в Германии, и чешские силы оказались разьединенными. Католики, напротив, добились единства действий.

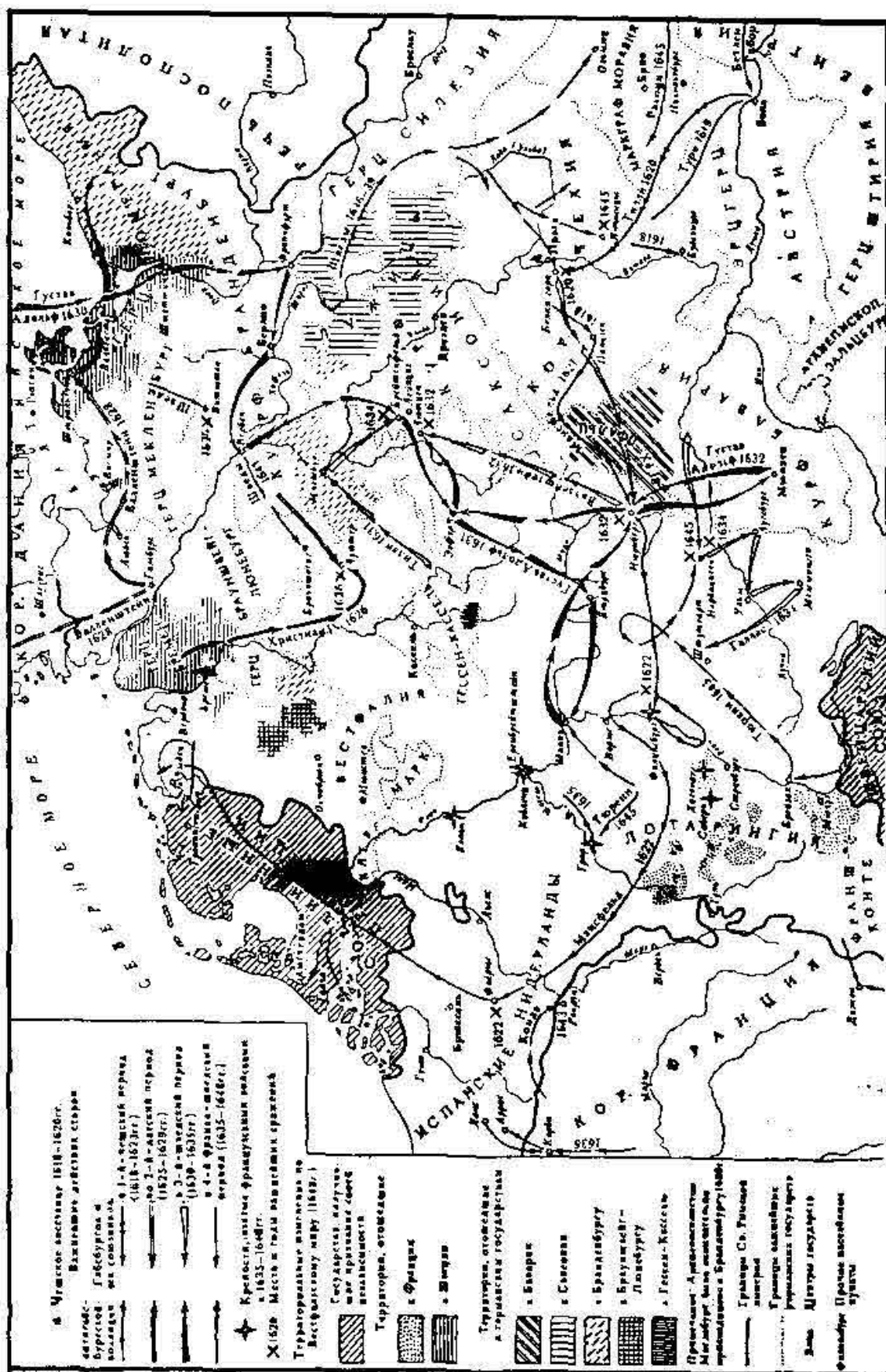
8 ноября 1620 г., подойдя к Праге, объединенные силы императорской армии и Католической лиги в битве у Белой Горы разгромили значительно уступавшее им чешское войско. Оно сражалось стойко, но безуспешно. Чехия, Моравия, другие области королевства были заняты победителями. Начался террор небывалых масштабов. пытки и казни участников восстания отличались особой изощренностью. Страну наводнили иезуиты. Всякое богослужение, кроме католического, было запрещено, национальные святыни чехов, связанные с гуситским движением, подверглись поруганию. Инквизиция изгнала из страны десятки тысяч протестантов всех направлений. Ремеслу, торговле, чешской культуре был нанесен тяжелый удар. Разгул Контрреформации сопровождался массовыми конфискациями земель казненных и беженцев, имущество которых переходило к местным и немецким католикам. Складывались новые состояния, появились новые магнаты. Всего за годы Тридцатилетней войны в Чехии сменились владельцы трех четвертей земель. В 1627 г. так называемый Похоронный сейм в Праге закрепил утрату

Чехией национальной независимости: "Грамоту величества" отменили, Чехия была лишена всех прежних привилегий.

Последствия Белогорской битвы сказались на изменении политической и военной ситуации не только в Чехии, но и во всей Центральной Европе в пользу Габсбургов и их союзников. Владения Фридриха Пфальцского с двух сторон оккупировали армии испанцев и Католической лиги. Он сам бежал из Германии. Император объявил, что лишает его достоинства курфюрста — отныне оно переходит от графа Пфальца к Максимилиану Баварскому, главе лиги. Между тем войска лиги под руководством крупного военачальника Тилли, грабя по пути целые области, продвинулись на север, поддерживая и утверждая католические порядки. Это вызвало особую тревогу Дании, Англии и Республики Соединенных провинций, увидевших в успехах Тилли непосредственную угрозу своим интересам. Первый этап войны завершился, назревало ее расширение.

Второй (датский) период войны (1625—1629). Новым участником войны стал датский король Кристиан IV. Опасаясь за судьбу своих владений, в которые входили секуляризованные церковные земли, но и надеясь приумножить их в случае побед, он заручился крупными денежными субсидиями от Англии и Голландии, набрал армию и направил ее против Тилли в междуречье Эльбы и Везера. Войска северогерманских князей, разделявших настроения Кристиана IV, присоединились к датчанам. Для борьбы с новыми противниками императору Фердинанду II требовались крупные военные силы и большие финансовые средства, но он не располагал ни тем, ни другим. Рассчитывать лишь на войска Католической лиги император не мог: Максимилиан Баварский, которому они подчинялись, хорошо понимал, какую реальную власть они обеспечивают, и все больше склонялся к проведению самостоятельной политики. К этому его тайно подталкивала и энергичная, гибкая дипломатия кардинала Ришелье, возглавившего французскую внешнюю политику и поставившего своей целью прежде всего внести разлад в габсбургскую коалицию.

Положение спас Альбрехт Валленштейн, опытный военачальник, командовавший крупными отрядами наемников на императорской службе. Богатейший магнат, онемечившийся чешский дворянин-католик, он скупил в пору конфискаций земель после Белогорской битвы столько поместий, рудников и лесов, что ему принадлежала почти вся северо-восточная часть Чехии. Валленштейн предложил Фердинанду II простую и циничную систему создания и содержания огромной армии: она должна жить за счет высоких, но строго установленных контрибуций с населения. Чем больше будет

Тридцатилетняя война (1618—1648)

армия, тем меньше окажется возможность противостоять ее требованиям. Валленштейн намеревался превратить грабеж населения в закон. Император принял его предложение. Для начальных расходов по формированию войска Фердинанд предоставил Валленштейну несколько собственных округов, в дальнейшем армия должна была кормиться за счет завоеванных территорий. Валленштейн, позже проявивший себя как выдающийся полководец, обладал незаурядными организаторскими способностями. За короткий срок он создал 30-тысячную армию наемников, которая к 1630 г. выросла до 100 тыс. человек. В армию набирали солдат и офицеров любой национальности, среди них были и протестанты. Платили им много и, главное, регулярно, что было редкостью, но держали в суровой дисциплине и уделяли большое внимание профессиональному воинскому обучению. В своих владениях Валленштейн наладил мануфактурное производство оружия, в том числе артиллерийского, и различного снаряжения для армии. В необходимых случаях он мобилизовывал на срочную работу тысячи мастеров; в разных местах страны были подготовлены склады и арсеналы с большими запасами. Свои затраты Валленштейн быстро и многократно перекрыл за счет огромной военной добычи и беспощадно взимавшихся с городов и деревень гигантских контрибуций. Опустошив одну территорию, он переходил со своей армией на другую.

Продвинувшаяся на север армия Валленштейна вместе с армией Тилли нанесла ряд сокрушительных поражений датчанам и войскам протестантских князей. Валленштейн занял Померанию и Мекленбург, стал хозяином в Северной Германии и потерпел неудачу только при осаде ганзейского города Штральзунда, которому помогли шведы. Вторгшись вместе с Тилли в Ютландию и угрожая Копенгагену, он вынудил бежавшего на острова датского короля просить мира. Мир был заключен в 1629 г. в Любеке на условиях, достаточно благоприятных для Кристиана IV из-за вмешательства Валленштейна, уже строившего новые, далеко идущие планы. Ничего не утратив территориально, Дания обязалась не вмешиваться в германские дела. Все словно вернулось к ситуации 1625 г., но на деле разница была велика: император нанес еще один мощный удар протестантам, располагал теперь сильной армией, на севере укрепился Валленштейн, получивший в награду целое княжество — герцогство Мекленбургское. Появился у Валленштейна и новый титул — «генерал Балтийского и Океанического морей». За ним стояла целая программа; Валленштейн начал лихорадочное строительство собственного флота, видимо, решив вмешаться в борьбу за господство над Балтикой и северными морскими путями. Это вызвало острую реакцию во всех северных странах.

Успехи Валленштейна сопровождались также взрывами ревности в габсбургском лагере. Во время прохождения его армии через княжеские земли он не считался с тем, чьи они — католиков или протестантов. Ему приписывали желание стать чем-то вроде немецкого Ришелье, намеревающегося лишить князей их свобод в пользу центральной власти императора. С другой стороны, император сам начал опасаться чрезмерного усиления своего полководца, располагавшего преданными ему войсками и все более независимо державшего себя в политических вопросах. Под давлением Максимилиана Баварского и других вождей Католической лиги, недовольных возвышением Валленштейна и не доверявших ему, император согласился уволить его в отставку, а подчиненное ему войско распустить. Валленштейн был вынужден вернуться к частной жизни в своих имениях.

Одним из крупнейших последствий поражения протестантов на втором этапе войны стало принятие императором в 1629 г., незадолго до Любекского мира, Реституционного эдикта. Он предусматривал восстановление (реституцию) прав католической церкви на все секуляризованные имущества, захваченные протестантами с 1552 г., когда император Карл V потерпел поражение в войне с князьями. В соответствии с эдиктом предстояло отнять у владельцев и возвратить церкви земли двух архиепископств, двенадцати епископств, ряда аббатств и монастырей. Воспользовавшись военными победами, император и католическая церковь хотели повернуть время назад. Эдикт вызвал всеобщее возмущение протестантов, но обеспокоил и некоторых князей-католиков, боявшихся, что император начинает чересчур энергично перекраивать устоявшиеся порядки Империи. Нарастание глубокого недовольства результатами войны и имперской политики среди протестантов, раздоры в габсбургском лагере, наконец, серьезные опасения ряда европейских держав в связи с резким нарушением политического равновесия в Германии в пользу Габсбургов — все это были симптомы ненадежности положения императора и поддерживавших его сил, которые, казалось, находились на вершине успехов. События 1630—1631 гг. снова решительно изменили ситуацию в Германии.

Третий (шведский) период войны (1630—1635). Летом 1630 г., навязав перемирие Польше, заручившись от Франции крупными субсидиями на войну в Германии и обещанием дипломатической поддержки, в Померании высадился со своей армией честолюбивый и смелый полководец, шведский король Густав-Адольф. Его армия была необычна для Германии, где обе воюющие стороны использовали наемные войска и обе уже хорошо освоили валленштейновские методы их содержания.

Армия Густава-Адольфа была невелика, зато однородно-национальна в своем основном ядре и отличалась высокими боевыми и моральными качествами. Ее ядро состояло из лично свободных крестьян-земляков, держателей государственных земель, обязанных военной службой. Закаленная в сражениях с Польшей, эта армия использовала нововведения Густава-Адольфа, еще не известные в Германии: более широкое применение огнестрельного оружия, легкую полевую артиллерию из скорострельных пушек, негромоздкие, гибкие боевые порядки пехоты. Ее маневренности Густав-Адольф придавал важное значение, не забывая и о коннице, организацию которой он также улучшил.

Шведы пришли в Германию под лозунгами избавления от тирании, защиты свобод немецких протестантов, борьбы с попытками провести в жизнь Реституционный эдикт; их армия, тогда еще не разросшаяся за счет наемников, поначалу не грабила, что вызвало радостное изумление населения, оказавшего ей повсеместно самый теплый прием. Все это обеспечило на первых порах крупные успехи Густава-Адольфа, вступление которого в войну означало ее дальнейшее расширение, окончательное перерастание конфликтов регионального характера в европейскую войну на территории Германии.

Действия шведов в первый год были скованы лавированием Бранденбургского и Саксонского курфюрстов, которые помнили разгром Дании и опасались открыто поддержать Густава-Адольфа, что затрудняло его продвижение через их владения. Воспользовавшись этим, Тилли во главе войск лиги осадил перешедший на сторону шведов город Магдебург, взял его штурмом и подверг диким грабежам и разрушению. Озверевшая солдатня перебила почти 30 тыс. горожан, не щадя женщин и детей. Вынудив обоих курфюрстов присоединиться к нему, Густав-Адольф, невзирая на малую результативность помощи саксонских войск, двинул свою армию против Тилли и в сентябре 1631 г. нанес ему сокрушительное поражение при деревне Брейтенфельд близ Лейпцига. Это стало переломным моментом в войне — шведам был открыт путь в Центральную и Южную Германию. Совершая стремительные переходы, Густав-Адольф двинулся к Рейну, провел зимний период, когда прекращались военные действия, в Майнце, а весной 1632 г. был уже под Аугсбургом, где на реке Лехе разбил войска императора. В этом сражении был смертельно ранен Тилли. В мае 1632 г. Густав-Адольф вступил в Мюнхен — столицу Баварии, главного союзника императора. Победы укрепили шведского короля в его делавшихся все масштабнее планах создания великой державы.

Напуганный Фердинанд II обратился к Валленштейну. Оговорив себе неограниченные полномочия, в том числе право взимать любую контрибуцию на завоеванной территории и самостоятельно заключать перемирия и мир с противниками, тот согласился стать главнокомандующим всеми вооруженными силами империи и быстро набрал крупную армию. К этому времени Германия уже была настолько разорена войной, что и Валленштейн, постаравшийся использовать в своей армии военные новинки шведов, и Густав-Адольф стали все чаще прибегать к тактике маневрирования и выжидания, что приводило к потере боеспособности и даже гибели части войск противника от нехватки припасов. Характер шведской армии изменился: потеряв часть своего первоначального состава в сражениях, она сильно разрослась за счет наемников-профессионалов, которых в ту пору в стране было множество и которые нередко переходили из одной армии в другую, уже не обращая внимания на их религиозные знамена. Шведы теперь грабили и мародерствовали так же, как и все остальные войска.

Стремясь заставить Саксонию — крупнейшего союзника шведов в Германии — порвать союз с Густавом-Адольфом, Валленштейн вторгся в ее земли и начал методично их опустошать. Откликнувшись на отчаянные призывы саксонского курфюрста о помощи, Густав-Адольф повел свои войска в Саксонию. В ноябре 1632 г. у города Лютцена, снова близ Лейпцига, произошла вторая крупнейшая битва: шведы одержали победу и заставили Валленштейна отойти в Чехию, но в сражении погиб Густав-Адольф. Его армия отныне подчинялась политике шведского канцлера Оксеншерна, на которого сильное влияние оказывал Ришелье. Смерть Густава-Адольфа ускорила падение фактически установившейся в Германии шведской гегемонии. Как уже не раз бывало, князья, опасаясь любых великодержавных планов, начали склоняться к идее примирения с Габсбургами, если те откажутся от проведения Контрреформации в чужих владениях.

Эти настроения использовал Валленштейн. В 1633 г. он повел переговоры со Швецией, Францией, Саксонией, далеко не всегда сообщая императору об их ходе и о своих дипломатических замыслах. Заподозрив его в измене, Фердинанд II, настраиваемый против Валленштейна фанатичной придворной камарильей, в начале 1634 г. отстранил его от командования, а в феврале в крепости Эгер Валленштейн был убит преданными императорской власти офицерами-заговорщиками, считавшими его государственным изменником.

Осенью 1634 г. шведская армия, утратившая былую дисципли-

ну, потерпела жестокое поражение от имперских войск при Нердлингене. Отряды имперских солдат и испанские войска, вытеснив шведов из Южной Германии, начали опустошать земли протестантских князей в западной части страны, что усилило их намерение добиться перемирия с Фердинандом. Одновременно шли переговоры о мире императора с саксонским курфюрстом. Он был заключен в Праге весной 1635 г. Император, пойдя на уступки, отказался от проведения Реституционного эдикта в Саксонии на 40 лет, до дальнейших переговоров, причем этот принцип должен был распространиться и на другие княжества, если они присоединятся к Пражскому миру. Новая тактика Габсбургов, рассчитанная на раскол противников, дала свои плоды — к миру присоединились северогерманские протестанты. Общеполитическая ситуация снова оказалась благоприятной для Габсбургов, и, поскольку все другие резервы в борьбе с ними были исчерпаны, Франция решила сама вступить в войну.

Четвертый (франко-шведский) период войны (1635—1648). Возобновив союз со Швецией, Франция предприняла дипломатические усилия для активизации борьбы на всех фронтах, где можно было противоборствовать и австрийским, и испанским Габсбургам. Республика Соединенных провинций продолжала свою освободительную войну с Испанией и добилась ряда успехов в крупных морских сражениях. Мантуя, Савойя, Венеция, Трансильванское княжество поддерживали франко-шведский союз. Нейтральную, но дружественную Франции позицию заняла Польша. Россия на льготных условиях снабжала Швецию рожью и селитрой (для изготовления пороха), пенькой и корабельным лесом.

Последний, самый длительный период войны велся в условиях, когда все больше ощущалось истощение противоборствующих сторон в результате огромного многолетнего напряжения людских и финансовых ресурсов. В результате преобладали маневренные военные действия, небольшие сражения, лишь несколько раз произошли более крупные битвы. Бои шли с переменным успехом, но в начале 40-х годов определился нарастающий перевес французов и шведов. Шведы разбили императорскую армию осенью 1642 г. снова при Брейтенфельде, после чего заняли всю Саксонию и проникли в Моравию. Французы овладели Эльзасом, действуя согласованно с силами Республики Соединенных провинций, одержали ряд побед над испанцами в Южных Нидерландах, нанесли им тяжелый удар в битве при Рокруа в 1643 г. События осложнились обострившимся соперничеством Швеции и Дании, которое привело их к войне в 1643—1645 гг. Мазарини, сменивший умершего Ришелье, приложил

немало усилий, добиваясь прекращения этого конфликта. Значительно укрепив по условиям мира свои позиции на Балтике, Швеция снова активизировала действия своей армии в Германии и весной 1646 г. разгромила императорские и баварские войска при Янкове в Южной Чехии, а затем повела наступление в чешских и австрийских землях, угрожая и Праге, и Вене. Императору Фердинанду III (1637—1657) становилось все яснее, что война проиграна. К мирным переговорам обе стороны подталкивали не только результаты военных действий и нарастающие трудности финансирования войны, но и широкий размах партизанского движения в Германии против насилий и мародерства “своих” и вражеских армий. Солдаты, офицеры, генералы обеих сторон утратили вкус к фанатичной защите религиозных лозунгов; многие из них не раз меняли цвет флага; массовым явлением стало дезертирство.

Еще в 1638 г. папа и датский король призвали к прекращению войны. Два года спустя идею мирных переговоров поддержал германский рейхстаг в Регенсбурге, собравшийся впервые после долгого перерыва. К конкретной дипломатической подготовке мира приступили, однако, позже. Только в 1644 г. начался мирный конгресс в Мюнстере, где велись переговоры между императором и Францией; в 1645 г. в другом, также вестфальском городе — Оснабрюке — открылись переговоры, на которых выяснялись шведско-германские отношения. Одновременно продолжалась и война, все более бессмысленная.

Вестфальский мир. Война, начавшаяся с локального конфликта в Чехии, перебросившаяся в Северную Германию, а затем охватившая огромные пространства Центральной Европы, прямо или косвенно втянула в свою орбиту множество государств, стала первой войной общеевропейского масштаба. Она продлилась тридцать лет. Условия мира, заключенного в вышеназванных городах Вестфалии в 1648 г., подвели политический итог не только этому тридцатилетию, но и целой эпохе противоборства реформационных сил и их противников. Мир стал результатом навязанного или вынужденного компромисса, который внес существенные коррективы в систему европейских государств и в ситуацию в Германии.

По Вестфальскому миру Швеция получила всю Западную Померанию с портом Штеттин и небольшую часть Восточной Померании, острова Рюген и Волин, а также право на Померанский залив со всеми прибрежными городами. В качестве герцогов Померанских шведские короли стали имперскими князьями и получили возможность прямого вмешательства в имперские дела. К Швеции отошли также в качестве имперских ленов секуляризованные архиепископ-

ства Бремен и Ферден (на р. Везер), мекленбургский город Висмар. Она получила огромную денежную выплату. Под контролем Швеции оказались устья крупнейших рек Северной Германии — Везера, Эльбы и Одера. Швеция стала великой европейской державой и реализовала свою цель господства над Балтикой.

Франция, которая спешила завершить переговоры в связи с начавшейся парламентской фрондой и готова была, добившись необходимого общеполитического результата войны, довольствоваться сравнительно малым, все приобретения сделала за счет имперских владений. Она получила Эльзас (кроме лишь юридически не вошедшего в ее состав Страсбурга), Зундгау и Хагенау, подтвердила свои уже столетние права на три лотарингских епископства — Мец, Туль и Верден. Под опекой Франции оказались 10 имперских городов.

Республика Соединенных провинций получила международное признание своей независимости. По Мюнстерскому договору — части договоров Вестфальского мира — были решены вопросы ее суверенитета, территории, статуса Антверпена и устья Шельды, намечены проблемы, еще оставшиеся спорными.

Прямое признание своего суверенитета получил Швейцарский союз. Значительно увеличили свои территории за счет более мелких владетелей некоторые крупные германские княжества. Курфюрст Бранденбургский, которого Франция поддерживала, чтобы создать на севере некий противовес императору, но также — на будущие времена — и Швеции, получил по договору Восточную Померанию, архиепископство Магдебург, епископства Гальберштадт и Минден. Влияние этого княжества в Германии резко возросло. Саксония закрепила за собой Лужицкие земли. Бавария получила Верхний Пфальц, а ее герцог стал восьмым курфюрстом, поскольку были восстановлены прежние курфюршеские права у пфальцграфа рейнского.

Вестфальский мир закрепил политическую раздробленность Германии. Немецкие князья добились права заключать союзы между собой и договоры с иностранными государствами, что фактически обеспечивало их суверенитет, хотя и с оговоркой, что все эти политические связи не должны быть направлены против империи и императора. Сама империя, формально оставаясь союзом государств во главе с избираемым монархом и постоянными рейхстагами, после Вестфальского мира на деле превращалась не в конфедерацию, а в едва связанный конгломерат "имперских чинов". Статус официально признанной религии получил в империи наряду с лютеранством и католицизмом также и кальвинизм.

Для Испании Вестфальский мир означал завершение лишь час-

ти ее войн: она продолжала военные действия с Францией. Мир между ними был заключен только в 1659 г. Он дал Франции новые территориальные приобретения: на юге — за счет Руссильона; на северо-востоке — за счет провинции Артуа в испанских Нидерландах; на востоке к Франции перешла часть Лотарингии.

Тридцатилетняя война принесла невиданное разорение Германии и странам, входившим в империю Габсбургов. Население многих районов Северо-Восточной и Юго-Западной Германии сократилось вдвое, в ряде мест — в 10 раз. В Чехии из 2,5 млн населения в 1618 г. к середине столетия осталось лишь 700 тыс. Пострадало множество городов, сотни деревень исчезли, огромные площади пахотной земли заросли лесом. Надолго были выведены из строя многие саксонские и чешские рудники. Торговле, промышленности, культуре был нанесен тяжелый урон. Война, прокатившаяся по Германии, затормозила ее развитие на долгий срок. Это наложило отпечаток на всю систему взаимоотношений европейских государств в период после Вестфальского мира. Закрепив новый баланс сил в Европе, он стал рубежом двух крупных периодов ее истории.

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Великие географические открытия середины XV — середины XVII в. были связаны с процессом первоначального накопления капитала в Европе. Освоение новых торговых путей и стран, ограбление вновь открытых земель способствовали развитию этого процесса, положили начало созданию колониальной системы капитализма, складыванию мирового рынка.

Пионерами Великих географических открытий стали в XV в. страны Пиренейского полуострова — Испания и Португалия. Отвоевав в XIII в. свою территорию у арабов, португальцы в XIV—XV вв. продолжали войны с арабами в Северной Африке, в ходе которых был создан значительный флот.

Первый этап португальских географических открытий (1418—1460) связан с деятельностью принца Энрике Мореплавателя, талантливого организатора морских экспедиций, в которых участвовали не только дворяне, но и купечество. Еще в 20—30-е годы XV в. португальцы открыли остров Мадейру, Канарские и Азорские острова, продвинулись далеко на юг вдоль западного побережья Африки. Обогнув мыс Бокадор, они достигли побережья Гвинеи (1434) и островов Зеленого мыса, а в 1462 г. — Сьерра-Леоне. В 1471 г. они обследовали побережье Ганы, где нашли богатые золотые россыпи. Открытие в 1486 г. Бартоломео Диашем мыса Доброй Надежды на южной оконечности Африки создало реальную возможность для подготовки экспедиции в Индию.

Далекое морские путешествия стали возможными во второй половине XV в. в результате значительных успехов в науке и технике. До конца XVI в. португальцы шли впереди других стран не только по количеству открытий. Полученные ими во время путешествий знания дали мореплавателям многих стран новую ценную информацию о морских течениях, приливах и отливах, направлении ветров. Нанесение на карту новых земель подтолкнуло развитие картографии. Португальские карты отличались большой точностью и содержали данные о неизвестных ранее европейцам районах мира. Во многих странах издавались и переиздавались отчеты о

португальских морских экспедициях, португальские руководства по навигации. Португальские картографы работали во многих странах Европы. В начале XVI в. появились первые карты, на которых были нанесены линии тропиков и экватора и шкала широт.

Исходя из учения о шарообразности Земли, итальянский ученый, астроном и космограф Паоло Тосканелли составил карту мира, на которой берега Азии были обозначены на западном побережье Атлантического океана: он считал, что можно достичь Индии, плывя на запад от берегов Европы. Итальянский ученый неправильно представлял себе протяженность Земли по экватору, делая ошибку на 12 тыс. км. Впоследствии говорили, что это была великая ошибка, которая привела к великому открытию.

К концу XV в. были значительно усовершенствованы навигационные приборы (компас и астролыбия), позволявшие более точно, чем раньше, определять положение корабля в открытом море. Появился новый тип судна — каравелла, которая благодаря системе парусов могла идти и по ветру, и против ветра, достигая скорости 22 км в час. Корабль имел небольшой экипаж ($\frac{1}{10}$ экипажа гребной галеры) и мог взять на борт достаточно продовольствия и пресной воды для дальнего плавания.

В конце XV в. новых торговых путей искали и испанцы. В 1492 г. ко двору испанских королей Фердинанда и Изабеллы прибыл генуэзский мореплаватель Христофор Колумб (1451—1506). О предшествующем периоде жизни Колумба известно мало. Он родился в Генуе в семье ткача, в молодости принимал участие в морских путешествиях, был опытным лоцманом и капитаном, много читал, хорошо знал астрономию и географию. Колумб предложил испанским монархам свой, одобренный Тосканелли, проект — достичь берегов Индии, плывя на запад через Атлантику. До этого Колумб тщетно предлагал свой план португальскому королю, а затем английскому и французскому монархам, но получил отказ. Португальцы к этому времени уже были близки к открытию пути в Индию через Африку, что и предопределило отказ португальского короля Альфонса V. Франция и Англия же не располагали в это время достаточным флотом для снаряжения экспедиции.

В Испании обстановка была более благоприятной для осуществления замыслов Колумба. После отвоевания в 1492 г. Гранады и завершения последней войны с арабами экономическое положение испанской монархии было очень тяжелым. Казна была пуста, королева больше не имела в своем распоряжении свободных земель для продажи, доходы от налогов на торговлю и промышленность были незначительны. Огромное число дворян (идальго) осталось без средств к существованию. Воспитанные веками Реконкисты, они презирали всякую экономическую деятельность — единственным

источником доходов для большинства из них была война. Не утратив стремления к быстрому обогащению, испанские идалго были готовы ринуться в новые завоевательные походы. Корона же была заинтересована в том, чтобы направить эту беспокойную дворянскую вольницу подальше от Испании, за океан, в неведомые земли. Кроме того, испанская промышленность нуждалась в рынках. В силу своего географического положения и длительной борьбы с арабами Испания в XV в. оказалась отрезанной от торговли по Средиземному морю, которую контролировали итальянские города. Расширение в конце XV в. турецких завоеваний еще больше затруднило для Европы торговлю с Востоком. Путь в Индию вокруг Африки был закрыт для Испании, так как продвижение в этом направлении означало столкновение с Португалией.

Все эти обстоятельства оказались решающими для принятия испанским двором проекта Колумба. Идея заокеанской экспансии была поддержана верхами католической церкви. Ее одобрили и ученые Саламанкского университета, одного из наиболее известных в Европе. Между испанскими королями и Колумбом был заключен договор (капитуляция), по которому великий мореплаватель назначался вице-королем вновь открытых земель, получал наследственный чин адмирала, право на $\frac{1}{10}$ часть дохода от вновь открытых владений и $\frac{1}{8}$ часть прибылей от торговли.

3 августа 1492 г. из гавани Палос (недалеко от Севильи) отплыла флотилия из трех каравелл, взяв курс на юго-запад. Пройдя Канарские острова, Колумб повел эскадру в северо-западном направлении и через несколько дней плавания достиг Саргассова моря, значительная часть которого покрыта водорослями, что создавало иллюзию близости земли. Флотилия попала в зону пассатов и быстро двигалась вперед. Несколько дней корабли блуждали среди водорослей, но берега не было видно. Это порождало суеверный страх среди моряков, на кораблях назревал мятеж. В начале октября после двух месяцев плавания под давлением экипажа Колумб изменил курс и двинулся на юго-запад. Ночью 12 октября 1492 г. один из моряков увидел землю, и с рассветом флотилия подошла к одному из Багамских островов (остров Гуанахани, названный испанцами Сан-Сальвадор). Во время этого первого путешествия (1492—1493) Колумб открыл остров Кубу и исследовал его северный берег.

Приняв Кубу за один из островов у берегов Японии, он пытался продолжить плавание на запад и открыл остров Гаити (Эспаньола), на котором встретил больше золота, чем в других местах. У берегов Гаити Колумб потерял свой самый большой корабль и был вынужден оставить часть экипажа на Эспаньоле. На острове был сооружен форт. Укрепив его пушками с погибшего корабля и оставив гарнизо-

му запасы продовольствия и пороха, Колумб стал готовиться к обратному плаванию. Крепость на Эспаньоле — Навидад (Рождество) — стала первым испанским поселением в Новом Свете.

Открытые земли, их природа, облик и занятия их обитателей ничем не напоминали описанные путешественниками многих стран богатые земли Юго-Восточной Азии. Туземцы имели медно-красный цвет кожи, прямые черные волосы, они ходили обнаженными или носили на бедрах куски хлопчатобумажной ткани. На островах не было никаких признаков добычи золота, лишь некоторые из жителей имели золотые украшения. Захватив в плен несколько туземцев, Колумб в поисках золотых рудников обследовал Багамские острова. Испанцы видели сотни незнакомых растений, плодовых деревьев и цветов. В 1493 г. Колумб вернулся в Испанию, где был принят с большим почетом.

Открытие Колумба обеспокоили португальцев. В 1494 г. при посредничестве римского папы был заключен договор в городе Тордесильясе, по которому Испании передавалось право владеть землями к западу от Азорских островов, а Португалии — к востоку.

Колумб совершил еще три путешествия в Америку: в 1493—1496, 1498—1500 и в 1502—1504 гг., во время которых были открыты Малые Антильские острова, остров Пуэрто-Рико, Ямайка, Тринидад и другие, а также было обследовано побережье Центральной Америки. Колумб до конца своих дней полагал, что нашел западный путь в Индию, отсюда и происходило название земель “Западные Индии”, сохранявшееся в официальных документах до конца XVI в. Однако и в следующих путешествиях не нашли там богатых месторождений золота и драгоценных металлов, доходы от новых земель лишь незначительно превышали расходы на их освоение. Многие высказывали сомнение в том, что эти земли — Индия, росло число врагов Колумба. Особенно велико было недовольство дворян-конкистадоров в Новом Свете, которых адмирал сурово карал за неповиновение. В 1500 г. Колумб был обвинен в превышении власти и в кандалах отправлен в Испанию. Однако появление в Испании знаменитого мореплавателя в оковах и под арестом вызвало возмущение многих людей, принадлежавших к различным слоям общества, в том числе и приближенных королевы. Вскоре Колумб был реабилитирован, ему были возвращены все его титулы.

Во время последнего путешествия Колумб сделал великие открытия: он обнаружил побережье материка к югу от Кубы, обследовал юго-западные берега Карибского моря на протяжении 1500 км. Было доказано, что Атлантический океан отделен сушей от “Южного моря” и побережья Азии. Таким образом, адмирал не нашел прохода из Атлантического океана в Индийский.

Во время плавания вдоль берегов Юкатана Колумб столкнулся с

более развитыми племенами: они изготавливали цветные ткани, пользовались бронзовой посудой, бронзовыми топорами, знали плавку металлов. В тот момент адмирал не придавал значения этим землям, которые, как выяснилось впоследствии, были частью государства майя — страны с высокой культурой, одной из великих американских цивилизаций. На обратном пути корабль Колумба был застигнут сильным штормом, Колумб с большим трудом достиг берегов Испании. Обстановка там была неблагоприятной. Через две недели после его возвращения умерла королева Изабелла, покровительствовавшая Колумбу, и он потерял всякую поддержку при дворе. На свои письма королю Фердинанду он не получал ответа. Тщетно пытался великий мореплаватель восстановить свои права на получение доходов с вновь открытых земель. Его имущество в Испании и на Эспаньоле было описано и продано за долги. Колумб умер в 1506 г. всеми забытый, в полной нищете. Даже известие о его смерти было опубликовано только 27 лет спустя.

Открытие морского пути в Индию, колониальные захваты португальцев. Трагическая судьба Колумба во многом объясняется успехами португальцев. В 1497 г. для разведки морского пути в Индию вокруг Африки была послана экспедиция Васко да Гамы. Обогнув мыс Доброй Надежды, португальские моряки вышли в Индийский океан и открыли устье реки Замбези. Продвигаясь к северу вдоль побережья Африки, Васко да Гама достиг арабских торговых городов Мозамбика — Момбасы и Малинди. В мае 1498 г. с помощью арабского лоцмана эскадра достигла индийского порта Каликут. Все плавание в Индию продолжалось 10 месяцев. Закупив большой груз пряностей для продажи в Европе, экспедиция отправилась в обратный путь; он занял целый год, за время путешествия погибло $\frac{2}{3}$ экипажа.

Успех экспедиции Васко да Гамы произвел огромное впечатление в Европе. Несмотря на большие потери, цель была достигнута, перед португальцами открывались огромные возможности для торговой эксплуатации Индии. Вскоре благодаря превосходству в вооружениях и морской технике им удалось вытеснить из Индийского океана арабских купцов и захватить в свои руки всю морскую торговлю. Португальцы стали несравненно более жестокими, чем арабы, эксплуататорами населения прибрежных областей Индии, а затем Малакки и Индонезии. От индийских князьков португальцы требовали прекращения всяких торговых отношений с арабами и изгнания арабского населения с их территории. Они нападали на все суда, как арабские, так и местные, грабили их, зверски истребляли экипажи. Особой свирепостью отличался Альбукерке, бывший сначала командиром эскадры, а затем ставший вице-королем Индии. Он считал, что португальцы должны укрепиться по всему побе-

режью Индийского океана и закрыть арабским купцам все выходы в океан. Эскадра Альбукерке громила беззащитные города на южном берегу Аравии, наводя ужас своими зверствами. Попытки арабов вытеснить португальцев из Индийского океана не удались. В 1509 г. их флот при Диу (северное побережье Индии) потерпел поражение.

В самой Индии португальцы не захватывали обширных территорий, а стремились овладеть лишь опорными пунктами на побережье. Они широко использовали соперничество местных раджей. С некоторыми из них колонизаторы заключали союзы, строили на их территории крепости и размещали там свои гарнизоны. Постепенно португальцы захватили в свои руки все торговые отношения между отдельными областями побережья Индийского океана. Эта торговля давала огромные прибыли. Продвигаясь дальше на восток от побережья, они овладели транзитными путями торговли пряностями, которые привозились сюда с островов Зондского и Молуккского архипелагов. В 1511 г. португальцами была захвачена Малакка, а в 1521 г. их фактории возникли на Молуккских островах. Торговля с Индией была объявлена монополией португальского короля. Купцы, привозившие пряности в Лиссабон, получали до 800% прибыли. Правительство искусственно поддерживало высокие цены. Ежегодно из огромных колониальных владений разрешалось вывозить лишь 5—6 кораблей пряностей. Если привезенных товаров оказывалось больше, чем нужно было, чтобы сохранить высокие цены, их уничтожали.

Захватив в свои руки контроль над торговлей с Индией, португальцы упорно искали и западный путь в эту богатейшую страну. В конце XV — начале XVI в. в составе испанских и португальских экспедиций путешествия к берегам Америки совершил флорентийский мореплаватель и астроном Америго Веспуччи. Во время второго путешествия португальская эскадра прошла вдоль берегов Бразилии, посчитав ее островом. В 1501 г. Веспуччи принял участие в экспедиции, обследовавшей побережье Бразилии, и пришел к выводу, что Колумб открыл не побережье Индии, а новый материк, который в честь Америго был назван Америкой. В 1513 г. в Германии появился первый глобус с этим названием, а затем атласы и карты.

Открытие западного пути в Индию. Первое кругосветное путешествие. Гипотеза Веспуччи была окончательно подтверждена в результате кругосветного путешествия Магеллана (1519—1522).

Фернандо Магеллан (Магайльянш) был выходцем из португальского дворянства. В ранней молодости он участвовал в морских экспедициях, находясь на службе у португальского короля. Он совершил несколько путешествий к Молуккским островам и думал, что они лежат гораздо ближе к берегам Южной Америки. Не имея

точных сведений о протяженности вновь открытого континента, он считал возможным достичь их, двигаясь на запад и огибая вновь открытый континент с юга. В это время уже было известно, что западнее Панамского перешейка лежит "Южное море", как называли Тихий океан. Испанское правительство, не получавшее в то время больших доходов от вновь открытых земель, с интересом отнеслось к проекту Магеллана. Согласно заключенному испанским королем договору с Магелланом тот должен был проплыть до южной оконечности Американского материка и открыть западный путь в Индию. Ему жаловались титулы правителя и губернатора новых земель и двадцатая часть от всех доходов, которые будут поступать в казну.

20 сентября 1519 г. эскадра из пяти кораблей вышла из испанской гавани Сан-Лукар, взяв курс на запад. Через месяц флотилия достигла южной оконечности Американского материка и три недели двигалась по проливу, который теперь носит имя Магеллана. В конце ноября 1520 г. флотилия вышла в Тихий океан, плавание по которому продолжалось свыше трех месяцев. Стояла превосходная погода, дул попутный ветер, и Магеллан дал океану такое название, не зная, что в другое время он бывает бурным и грозным. За все время пути, как писал в своем дневнике спутник Магеллана Пигафетта, эскадра встретила только два пустынных острова. Команды кораблей страдали от голода и жажды. Матросы питались кожей, размачивая ее в морской воде, пили гнилую воду, поголовно страдали от цинги. Во время плавания погибла большая часть экипажа. Лишь 6 марта 1521 г. мореплаватели достигли трех маленьких островов из группы Марианских, где смогли запастись продовольствием и пресной водой. Продолжая путь на запад, Магеллан достиг Филиппинских островов и там вскоре погиб в стычке с туземцами. Оставшиеся два корабля под командованием д'Элькано дошли до Молуккских островов и, захватив груз пряностей, двинулись на запад. Эскадра пришла в испанский порт Сан-Лукар 6 сентября 1522 г. Из экипажа в 253 человека вернулось только 18.

Новые открытия привели к обострению прежних противоречий между Испанией и Португалией. Долгое время эксперты обеих сторон не могли точно определить границы испанских и португальских владений из-за отсутствия точных данных о долготе вновь открытых островов. В 1529 г. соглашение было достигнуто: Испания отказалась от своих притязаний на Молуккские острова, но сохранила права на Филиппинские острова, которые получили свое название в честь наследника испанского престола, будущего короля Филиппа II. Однако в течение долгого времени никто не решался повторить путешествие Магеллана, и путь через Тихий океан к берегам Азии не имел практического значения.

Испанская колонизация Карибского бассейна. Завоевание Мексики и Перу. В 1500—1510 гг. экспедиции, возглавляемые участниками путешествий Колумба, обследовали северное побережье Южной Америки, Флориды и достигли Мексиканского залива. К этому времени испанцы захватили Большие Антильские острова: Кубу, Ямайку, Гаити, Пуэрто-Рико, Малые Антиллы (Тринидад, Табаго, Барбадос, Гваделупу и др.), а также ряд мелких островов в Карибском море. Большие Антильские острова стали форпостом испанской колонизации Западного полушария. Особое внимание испанские власти уделяли Кубе, которую называли “ключом к Новому Свету”. На островах строились крепости, поселки для переселенцев из Испании, прокладывались дороги, возникали плантации хлопка, сахарного тростника, пряностей. Найденные здесь месторождения золота были незначительны. Чтобы покрыть расходы на морские экспедиции, испанцы начали хозяйственное освоение этого района. Порабощение и нещадная эксплуатация коренного населения Больших Антильских островов, а также завезенные из Старого Света эпидемии привели к катастрофическому сокращению населения. Чтобы пополнить ресурсы рабочей силы, завоеватели стали ввозить на Антиллы индейцев с малых островов и с побережья материка, что приводило к опустошению целых областей. Одновременно испанское правительство стало привлекать сюда переселенцев из северных районов Испании. Особенно поощрялось переселение крестьян, которым давались участки земли, они освобождались от налогов на 20 лет, им выплачивались премии за производство пряностей. Однако рабочей силы не хватало, и с середины XVI в. на Антиллы стали ввозить африканских невольников.

С 1510 г. начался новый этап завоевания Америки — колонизация и освоение внутренних областей континента, становление системы колониальной эксплуатации. В историографии этот этап, продолжавшийся до середины XVII в., носит название конкисты (завоевание). Начало этому этапу было положено вторжением конкистадоров на Панамский перешеек и строительством первых укреплений на материке (1510). В 1513 г. Васко Нуньес Бальбоа пересек перешеек в поисках фантастической “страны золота” — Эльдорадо. Выйдя к побережью Тихого океана, он водрузил на берегу знамя кастильского короля. В 1519 г. был основан город Панама — первый на Американском континенте. Здесь стали формироваться отряды конкистадоров, направлявшихся в глубь материка.

В 1517—1518 гг. отряды Эрнандо де Кордоба и Хуана Грихальвы, высадившиеся на побережье Юкатана в поисках рабов, столкнулись с древнейшей из доколумбовых цивилизаций — государством майя. Перед потрясенными конкистадорами предстали великолепные города, окруженные крепостными стенами, ряды пирамид, ка-

менные храмы, богато украшенные резьбой с изображениями богов и культовых животных. В храмах и дворцах знати испанцы обнаружили множество украшений, статуэток, сосудов, изготовленных из золота и меди, чеканные золотые диски с видами сражений и сцен жертвоприношений. Стены храмов были украшены богатым орнаментом и фресками, отличавшимися тонкостью работы и богатством красок.

Индейцев, никогда не видевших лошадей, устрасил сам вид испанцев. Всадник на лошади казался им огромным чудовищем. Особый страх внушало огнестрельное оружие, которому они могли противопоставить лишь лук, стрелы и хлопчатобумажные панцири.

К моменту появления испанцев территория Юкатана была поделена между несколькими городами-государствами. Города являлись политическими центрами, вокруг которых объединялись земледельческие общины. Правители городов собирали платежи и налоги, ведали военным делом, внешней политикой, они же исполняли функции верховных жрецов. Община майя была экономической, административной и фискальной ячейкой общества. Обрабатываемая земля делилась на участки между семьями, остальные угодья использовались совместно. Основной рабочей силой были свободные крестьяне-общинники. Внутри общины уже далеко зашел процесс имущественного расслоения и классовой дифференциации. Выделялись жрецы, чиновники, наследственные военачальники. В их хозяйстве широко использовался труд рабов, в рабство обращали должников, преступников и военнопленных. Помимо сбора налогов, правители и жрецы использовали трудовую повинность общинников на строительстве дворцов, храмов, дорог, систем орошения.

Майя — единственный из народов доколумбовой Америки, имевший письменность. Их иероглифическое письмо напоминает письменность Древнего Египта, Шумера и Аккада. Книги майя (кодексы) писались красками на длинных полосах "бумаги", изготовленной из растительного волокна, а затем помещались в футляры. При храмах существовали значительные библиотеки. Майя имели свой календарь, умели предсказывать солнечные и лунные затмения.

Не только превосходство в вооружении, но и внутренняя борьба между городами-государствами облегчили испанцам завоевание государства майя. От местных жителей испанцы узнали, что драгоценные металлы привозятся из страны ацтеков, лежащей к северу от Юкатана. В 1519 г. на завоевание этих земель отправился испанский отряд во главе с Эрнаном Кортесом — бедным молодым идалго, прибывшим в Америку в поисках богатства и славы. Он надеялся завоевать новые земли небольшими силами. Его отряд насчитывал

всего 400 солдат-пехотинцев, 16 всадников и 200 индейцев, имел 10 тяжелых пушек и 3 легких орудия.

Государство ацтеков, на завоевание которого отправился Кортес, простиралось от побережья Мексиканского залива до берегов Тихого океана. На его территории жили многочисленные племена, покоренные ацтеками. Центром страны была долина Мехико. Здесь было многочисленное земледельческое население, трудом многих поколений была создана совершенная система искусственного орошения, выращивались высокие урожаи хлопка, кукурузы, овощей. Ацтеки, как и другие народы Америки, не приручали домашних животных, не знали колесной тяги, металлических орудий труда. Общественный строй ацтеков во многом напоминал государство майя. Главной хозяйственной единицей была соседская община. Существовала система трудовой повинности населения в пользу государства на строительстве дворцов, храмов и т.д. Ремесло у ацтеков еще не отделилось от земледелия, в общине жили как земледельцы, так и ремесленники, выделялась прослойка представителей знати и вождей — касиков, которые имели большие участки земли и использовали труд рабов. В отличие от майя государство ацтеков достигло значительной централизации, постепенно осуществлялся переход к наследственной власти верховного правителя. Однако отсутствие внутреннего единства, междоусобная борьба за власть среди представителей высшей военной знати и борьба покоренных ацтеками племен против завоевателей облегчили победу испанцев в этой неравной борьбе. Многие покоренные племена переходили на их сторону и участвовали в борьбе против ацтекских правителей. Так, при последней осаде столицы ацтеков Теночтитлана в битве участвовали 1 тыс. испанцев и 100 тыс. индейцев. Несмотря на это, осада длилась 225 дней. Окончательное завоевание Мексики растянулось более чем на два десятилетия. Последний оплот майя был захвачен испанцами только в 1697 г., т.е. через 173 года после их вторжения на Юкатан. Мексика оправдала надежды завоевателей. Здесь были найдены богатые залежи золота и серебра. Уже в 20-е годы XVI в. началась разработка серебряных рудников. Нешадная эксплуатация индейцев на шахтах, на строительстве, массовые эпидемии приводили к быстрому сокращению населения. За 50 лет оно уменьшилось с 4,5 млн до 1 млн человек.

Одновременно с завоеванием Мексики испанские конкистадоры искали сказочную страну Эльдорадо и на побережье Южной Америки. В 1524 г. началось завоевание территории нынешней Колумбии, где был основан порт Санта-Марта. Отсюда испанский конкистадор Хименес Кесада, двигаясь вверх по реке Магдалене, достиг владений племен чибча-мунска, живших на плато Боготы. Здесь было развито мотыжное земледелие, гончарное и ткацкое производство,

обработка меди, золота и серебра. Особенно славились чибча как искусные ювелиры, изготавливавшие украшения и посуду из золота, серебра, меди и изумрудов. Золотые диски служили у них эквивалентом в торговле с другими областями. Завоевав самое крупное княжество чибча-муиска, Хименес Кесада основал в 1536 г. город Санта-Фе де Богота.

Второй поток колонизации шел с Панамского перешейка на юг вдоль Тихоокеанского побережья Америки. Завоевателей влекла сказочно богатая страна Перу, или Биру, как называли ее индейцы. В подготовке экспедиций в Перу принимали участие богатые испанские купцы с Панамского перешейка. Один из отрядов возглавил полуграмотный идалго из Эстремадуры Франсиско Писарро. В 1524 г. вместе со своим земляком Диего Альмагро он отправился в плавание на юг вдоль западного побережья Америки и достиг Гуаякильского залива (современный Эквадор). Здесь простирались плодородные густонаселенные земли. Население занималось земледелием, разводило стада лам, которые использовались как вьючные животные. Мясо и молоко лам шло в пищу, а из их шерсти изготавливались прочные и теплые ткани. Вернувшись в Испанию в 1531 г., Писарро подписал с королем капитуляцию и получил титул и права аделантадо — предводителя отряда конкистадоров. К экспедиции присоединились два его брата и 250 идалго из Эстремадуры. В 1532 г. Писарро высадился на побережье, довольно быстро завоевывал жившие там отсталые разрозненные племена и захватил важный опорный пункт — город Тумбес. Перед ним открывался путь к завоеванию государства инков — Тауантисуйю, наиболее могущественного из государств Нового Света, переживавшего в момент испанского вторжения период наивысшего подъема. С древнейших времен территорию Перу населяли индейцы — кечуа. В XIV в. одно из кечуанских племен — инки — завоевали многочисленные индейские племена, жившие на территории современных Эквадора, Перу и Боливии. К началу XVI в. в состав государства инков входила часть территории Чили и Аргентины. Из племени завоевателей сформировалась военная знать, а слово "инка" приобрело значение титула. Центром инкской державы был город Куско, расположенный высоко в горах. Осуществляя свои завоевания, инки стремились ассимилировать покоренные племена, переселяли их в глубь страны, насаждали язык кечуа, вводили единую религию — культ Бога Солнца. Храм Солнца в Куско был пантеоном региональных богов. Так же как у майя и ацтеков, основной ячейкой общества инков была соседская община. Наряду с семейными наделами существовали "поля Инки" и "поля Солнца", которые обрабатывались сообща, и урожай с них шел на содержание правителей и жрецов. Из общинных земель уже выделялись поля знати и старейшин, бывшие

их собственностью и передававшиеся по наследству. Верховным собственником всех земель считался правитель Тауантисуйю — Инка.

В 1532 г., когда несколько десятков испанцев предприняли поход в глубь Перу, в государстве Тауантисуйю шла ожесточенная гражданская война. Покоренные инками племена севера Тихоокеанского побережья поддержали завоевателей. Почти не встречая сопротивления, Ф. Писарро достиг важного центра государства инков — города Кахамарки, расположенного в высокогорном районе Анд. Здесь испанцы захватили правителя Тауантисуйю Атагуальпу и заключили его в темницу. Хотя индейцы собрали огромный выкуп и заполнили темницу плененного вождя золотыми и серебряными украшениями, слитками, сосудами, испанцы казнили Атагуальпу и назначили нового правителя. В 1535 г. Писарро совершил поход на Куско, который был завоеван в результате тяжелой борьбы. В том же году основан город Лима, ставший центром завоеванной территории. Был установлен прямой морской путь между Лимой и Панамой. Завоевание территории Перу растянулось более чем на 40 лет. Страну сотрясали мощные народные восстания против завоевателей. В труднодоступных горных районах возникло новое индейское государство, покоренное испанцами только в 1572 г.

Одновременно с походом Писарро в Перу в 1535—1537 гг. адельтадо Диего Альмагро начал поход в Чили, но вскоре должен был вернуться в Куско, который осаждали восставшие индейцы. В рядах конкистадоров началась междоусобная борьба, в ней погибли Ф. Писарро, его братья Эрнандо и Гонсало и Диего д'Альмагро. Завоевание Чили было продолжено Педро Вальдивией. Жившие на территории этой страны племена арауканов оказали упорное сопротивление, и завоевание Чили окончательно завершилось только в конце XVII в. С 1515 г. началась колонизация Ла-Платы, были завоеваны земли по течению рек Ла-Плата и Парагвай. Отряды конкистадоров, двигаясь с юго-востока, вступили на территорию Перу. В 1542 г. здесь соединились два потока колонизации.

Если на первом этапе конкисты завоеватели захватывали драгоценные металлы, накопленные в предшествующие времена, то с 1530 г. в Мексике и на территории Перу и современной Боливии (Верхнее Перу) началась систематическая эксплуатация богатейших рудников. В районе Потоси были обнаружены богатейшие залежи драгоценных металлов. В середине XVI в. рудники Потоси давали $\frac{1}{2}$ мировой добычи серебра.

С этого времени меняется характер колонизации. Завоеватели отказываются от хозяйственного освоения завоеванных земель. Все необходимое для испанских переселенцев стали привозить из Европы в обмен на золото и серебро Нового Света.

В американские колонии направлялись исключительно дворяне,

целью которых было обогащение. Дворянский, феодальный характер колонизации predetermined то роковое для Испании обстоятельство, что золото и серебро Америки попадало главным образом в руки дворянства, накапливалось в форме сокровищ или расходовалось на поддержку католических заговоров в Европе, на военные авантюры испанских королей. Это новое направление колониальной эксплуатации оказало решающее влияние на формирование испанской колониальной системы.

В силу особенностей исторического развития страны (см. гл. 8) испанскому феодализму были свойственны некоторые специфические черты: верховная власть короля над отвоеванными землями, сохранение крестьянских свободных общин, трудовая повинность населения в пользу государства. Важную роль в экономике наряду с трудом феодально зависимых крестьян играл рабский труд пленных-мусульман. В момент завоевания Америки социально-экономическая и административная система Испании оказалась совместимой с теми формами организации общества, которые существовали в раннеклассовых государствах Нового Света.

Испанцы сохранили индейскую общину в Мексике, Перу и в ряде других районов, где имелось плотное земледельческое население. Они использовали различные формы трудовой повинности общинников в пользу государства для привлечения индейцев к работе на рудниках. Испанцы сохранили внутренний строй общин, севообороты, систему налогов. Урожай с "полей Инки" шли теперь на уплату налогов испанскому королю, а с "полей Солнца" — на церковную десятину.

Во главе общин сохранялись прежние старейшины (касики, кураки), их семьи освобождались от налогов и повинностей, но должны были обеспечить своевременную уплату налогов и рабочую силу для рудников. На службу испанскому королю привлекалась местная знать, которая слилась с испанскими завоевателями. Потомки многих из них были затем отправлены в Испанию.

Все вновь завоеванные земли становились собственностью короны. Начиная с 1512 г. издавались законы, запрещающие обращать в рабство индейцев. Формально они считались подданными испанского короля, должны были платить специальный налог "трибуто" и отбывать трудовую повинность. С первых лет колонизации развернулась борьба между королем и дворянами-конкистадорами за власть над индейцами, за право собственности на землю. В ходе этой борьбы в конце 20-х годов XVI в. возникла особая форма эксплуатации индейцев — энкомьенда. Впервые она была введена в Мексике Э. Кортесом. Энкомьенда не давала права на владение землей. Ее владелец — энкомендеро — получал право на эксплуатацию индейцев-общинников, живших на территории энкомьенды.

На энкомендеро возлагалась обязанность способствовать христианизации населения, следить за своевременной уплатой "трибута" и выполнением трудовой повинности на рудниках, на строительстве, на сельскохозяйственных работах. С созданием энкомьенды индейская община была включена в испанскую колониальную систему. Земли общины были объявлены ее неотчуждаемой собственностью. Угнетение форм колониальной эксплуатации сопровождалось созданием сильного бюрократического аппарата колониальной администрации. Для испанской монархии это было средством борьбы против сепаратистских тенденций конкистадоров.

В первой половине XVI в. в общих чертах сложилась система управления испанскими колониями в Америке. Были созданы два вице-королевства: Новая Испания (Мексика, Центральная Америка, Венесуэла и острова Карибского моря) и вице-королевство Перу, охватывавшее почти всю остальную территорию Южной Америки, за исключением Бразилии. Вице-короли назначались из высшей испанской знати, они отправлялись в колонии на три года, не имели права брать с собой семью, покупать там землю и недвижимость, заниматься предпринимательством. Деятельность вице-королей контролировал "Совет Индий", решения которого имели силу закона.

Колониальная торговля была поставлена под контроль "Севильской торговой палаты" (1503); она осуществляла таможенный дозор всех грузов, собирала пошлины, держала под наблюдением иммиграционные процессы. Все остальные города Испании были лишены права вести торговлю с Америкой минуя Севилью. Главной отраслью хозяйства в испанских колониях была горная промышленность. В связи с этим в обязанность вице-королям вменялось обеспечение королевских рудников рабочей силой, своевременного поступления доходов в казну, в том числе подушной подати с индейцев. Вице-короли обладали также полной военной и судебной властью.

Однобокое развитие экономики в испанских колониях имело пагубное последствие для судеб коренного населения и будущего развития континента. До середины XVII в. происходило катастрофическое сокращение численности коренного населения. Во многих районах к 1650 г. оно сократилось в 10—15 раз по сравнению с концом XVI в., в первую очередь из-за отвращения трудоспособного мужского населения на рудники на 9—10 месяцев в году. Это приводило к упадку традиционных форм земледелия, снижению рождаемости. Важной причиной были частые голод и эпидемии, которые косили целые районы. Начиная с середины XVI в. испанцы стали переселять индейцев в новые поселки ближе к рудникам, вводя в них общинное устройство. Жители этих поселков помимо государственных работ должны были обрабатывать земли, снабжать свои семьи

пропитанием и платить "трибуто". Жесточайшая эксплуатация была главной причиной вымирания коренного населения. Приток переселенцев из метрополии был незначительным. В середине и второй половине XVI в. в колонии переселялись преимущественно испанские дворяне, крестьянская эмиграция в Перу и Мексику фактически была запрещена. Так, в Потоси в 1572 г. насчитывалось 120 тыс. жителей, из них только 10 тыс. составляли испанцы. Постепенно в Америке сложилась особая группа испанских переселенцев, которые родились в колонии, постоянно там жили, почти не имея связей с метрополией. Они не смешивались с местным населением и составляли особую группу, получившую название креолов.

В условиях колонизации шло быстрое размыwanie индейских этнических групп и племенных общностей, вытеснение их языков испанским. Этому в немалой степени способствовало сселение индейцев из разных районов в поселки при рудниках. Представители различных племен говорили на разных языках, и постепенно их главным языком общения становился испанский. Одновременно шел интенсивный процесс смешения испанских поселенцев с индейским населением — метисация, быстро возрастала численность метисов. Уже к середине XVII в. во многих районах появляется многочисленное мулатское население от браков европейцев с негритянками. Это было характерно для Карибского побережья, Кубы, Гаити, где господствовало плантационное хозяйство и куда постоянно ввозили африканских невольников. Европейцы, индейцы, метисы, мулаты, негры существовали как замкнутые расово-этнические группы, сильно различающиеся по своему социальному и юридическому статусу. Формировавшийся кастовый строй закреплялся испанским законодательством. Положение человека в обществе прежде всего определялось этническими и расовыми признаками. Относительно полноправными были только креолы. Метисам запрещалось жить в общинах, владеть землей, носить оружие, заниматься некоторыми видами ремесла. В то же время они освобождались от трудовой повинности, от уплаты "трибуто" и находились в лучшем правовом положении, чем индейцы. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что в городах испанской Америки метисы и мулаты составляли большинство населения.

На побережье Карибского моря и на островах, где коренные жители были истреблены в самом начале завоевания Америки, преобладало негритянское и мулатское население.

Португальские колонии. Колониальная система, сложившаяся в португальских владениях, отличалась значительным своеобразием. В 1500 г. португальский мореплаватель Педру Алвариш Кабрал высадился на побережье Бразилии и объявил эту территорию владением португальского короля. В Бразилии, за исключением отдельных районов на

побережье, не было оседлого земледельческого населения, немногочисленные индейские племена, находившиеся на стадии родоплеменного строя, были оттеснены в глубь страны. Отсутствие месторождений драгоценных металлов и значительных людских ресурсов определило своеобразие колонизации Бразилии. Вторым важным фактором было значительное развитие торгового капитала. Начало организованной колонизации Бразилии было положено в 1530 г., а проходила она в форме хозяйственного освоения прибрежных районов. Была сделана попытка насадить феодальные формы землевладения. Побережье поделили на 13 капитаний, владельцы которых обладали всей полнотой власти. Однако в Португалии не было значительного избыточного населения, поэтому заселение колонии шло медленно. Отсутствие крестьян-переселенцев и малочисленность коренного населения сделали невозможным развитие феодальных форм хозяйства. Наиболее успешно развивались районы, где возникла плантационная система, основанная на эксплуатации негров-рабов из Африки. Начиная со второй половины XVI в. быстрыми темпами растет ввоз африканских невольников. В 1583 г. во всей колонии проживали 25 тыс. белых поселенцев и миллионы рабов. Белые поселенцы жили преимущественно в прибрежной полосе довольно замкнутыми группами. Здесь не получила большого размаха метисация; влияние португальской культуры на местное население было очень ограниченным. Португальский язык не стал господствующим, возник своеобразный язык общения индейцев и португальцев — «ленгуа жерал», в основе которого были одно из местных наречий и основные грамматические и лексические формы португальского языка. На «ленгуа жерал» говорило все население Бразилии на протяжении двух последующих столетий.

Колонизация и католическая церковь. Большую роль в колонизации Америки сыграла католическая церковь, которая как в испанских, так и в португальских владениях стала важнейшим звеном колониального аппарата, эксплуататором коренного населения. Открытие и завоевание Америки рассматривалось папством в качестве нового крестового похода, целью которого должна была стать христианизация коренного населения. В связи с этим испанские короли получили право распоряжаться делами церкви в колонии, руководить миссионерской деятельностью, основывать церкви и монастыри. Церковь быстро превращалась в самого крупного земельного собственника. Конкистадоры хорошо понимали, что в закреплении их господства над коренным населением христианизация призвана сыграть большую роль. В первой четверти XVI в. в Америку начали прибывать представители различных монашеских орденов: францисканцы, доминиканцы, августинцы, позже — иезуиты, которые приобрели большое влияние на Ла-Плате и в Бразилии.

Группы монахов следовали за отрядами конкистадоров, создавая свои поселки — миссии; центрами миссий были церкви и дома, служившие жилищами для монахов. Впоследствии в миссиях создавались школы для индейских детей, одновременно строилась небольшая укрепленная крепость, где размещался испанский гарнизон. Таким образом, миссии были и форпостами христианизации, и пограничными пунктами испанских владений.

В первые десятилетия конкисты католические священники, проводя христианизацию, стремились разрушить не только местные религиозные верования, но и искоренить культуру коренного населения. Примером может служить францисканский епископ Диего де Ланда, который приказал уничтожить все древние книги народа майя, памятники культуры, саму историческую память народа. Однако вскоре католические священники стали действовать иными способами. Проводя христианизацию, распространяя испанскую культуру и испанский язык, они стали использовать элементы местной древнейшей религии и культуры покоренных индейских народов. Несмотря на жестокости и разрушения конкисты, индейская культура не погибла, она выжила и менялась под воздействием испанской культуры. Постепенно складывалась новая культура на основе синтеза испанских и индейских элементов.

Католические миссионеры были вынуждены способствовать этому синтезу. Они нередко воздвигали христианские храмы на месте бывших индейских святынь, использовали некоторые образы и символы прежних верований коренного населения, включая их в католические обряды и религиозную символику. Так, неподалеку от города Мехико на месте разрушенного индейского храма была построена церковь девы Марии Гваделупской, которая стала местом паломничества индейцев. Церковь утверждала, что на этом месте произошло чудесное явление Богоматери. Этому событию было посвящено много икон, специальных ритуалов. На этих иконах Дева Мария изображалась с лицом индианки — “смуглая мадонна”, а в самом ее культе чувствовались отголоски прежних индейских верований.

Географические открытия в бассейне Тихого океана. Во второй половине XVI — начале XVII в. испанские мореплаватели совершили ряд тихоокеанских экспедиций с территории Перу, во время которых были открыты Соломоновы острова (1567), Южная Полинезия (1595) и Меланезия (1605). Еще во время путешествия Магеллана возникла идея о существовании “Южного материка”, частью которого были вновь открытые острова Юго-Восточной Азии. Эти предположения высказывались в географических сочинениях начала XVII в., мифический материк был нанесен на карты под названием “Терра инкогнита Аустралиа” (неизвестная южная

земля). В 1605 г. из Перу отправилась испанская экспедиция, в ее составе было три корабля. Во время плавания к побережью Юго-Восточной Азии были открыты острова, один из которых А. Кирос, стоявший во главе эскадры, принял за побережье южного материка. Бросив на произвол судьбы своих спутников, Кирос поспешил вернуться в Перу, а затем отправился в Испанию, чтобы сообщить о своем открытии и закрепить за собой права на управление новыми землями и получение доходов. Капитан одного из двух покинутых Киросом кораблей — португалец Торрес — продолжил плавание и вскоре выяснил, что Кирос ошибся и открыл не новый материк, а группу островов (Новые Гебриды). К югу от них простиралась неизвестная земля — подлинная Австралия. Плывя далее на запад, Торрес прошел через пролив между берегом Новой Гвинеи и Австралии, впоследствии названный его именем. Дойдя до Филиппинских островов, которые были владением Испании, Торрес сообщил испанскому наместнику о своем открытии, это известие было передано в Мадрид. Однако Испания не имела в это время сил и средств для освоения новых земель. Поэтому испанское правительство в течение целого столетия держало в тайне все сведения об открытии Торреса, опасаясь соперничества других держав.

В середине XVII в. исследование побережья Австралии начали голландцы. В 1642 г. А. Тасман, плывя от берегов Индонезии на восток, обогнул Австралию с юга и прошел вдоль побережья острова, названного Тасманией.

Только через 150 лет после путешествия Торреса, во время Семилетней войны (1756—1763), когда англичане, воевавшие против Испании, захватили Манилу, в архивах были обнаружены документы об открытии Торреса. В 1768 г. английский мореплаватель Д. Кук обследовал острова Океании, вторично открыл Торресов пролив и восточное побережье Австралии; впоследствии приоритет этого открытия был признан за Торресом.

Последствия Великих географических открытий. Великие географические открытия XV—XVII вв. оказали огромное влияние на мировое развитие. Известно, что много ранее европейцы посещали побережье Америки, совершали путешествия к берегам Африки, но только открытие Колумба положило начало постоянным и разнообразным связям Европы и Америки, открыло новый этап в мировой истории. Географическим открытием является не только посещение представителями какого-либо цивилизованного народа ранее неизвестной части земли. В понятие “географическое открытие” входит установление непосредственной связи между вновь открытыми землями и очагами культуры Старого Света.

Великие географические открытия значительно расширили зна-

ния европейцев о мире, разрушили многие предрассудки и ложные представления о других материках и населяющих их народах.

Расширение научных знаний дало толчок быстрому развитию промышленности и торговли в Европе, возникновению новых форм финансовой системы, банковского дела и кредита. Главные торговые пути передвинулись из Средиземного моря в Атлантический океан.

Важнейшим следствием открытия и колонизации новых земель явилась "революция цен", которая дала новый импульс первоначальному накоплению капитала в Европе, ускорила формирование капиталистического уклада в хозяйстве.

Однако последствия колонизации и завоевания новых земель были неоднозначными для народов метрополий и колоний. Результатом колонизации явилось не только освоение новых земель, оно сопровождалось чудовищной эксплуатацией покоренных народов, обреченных на рабство и вымирание. В ходе завоевания были разрушены многие очаги древних цивилизаций, нарушен естественный ход исторического развития целых континентов, народы колонизованных стран были насильственно втянуты в формирующийся капиталистический рынок и своим трудом ускорили процесс становления и развития капитализма в Европе.

Глава 5

ГЕРМАНИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Политический строй в Германии в начале XVI в. На рубеже XV и XVI вв. немецкие земли по-прежнему являлись составной частью и основным ядром крупнейшего политического образования в Европе — Священной Римской империи. Осознание роли Германии в этом аморфном наднациональном союзе вызвало к жизни с 1486 г. новое официальное наименование: “Священная Римская империя германской нации”. Кроме Германии империя включала также территории современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Австрии, Чехии, графство Бургундию и другие земли. Формально империи принадлежал еще ряд владений (Швейцария, области в Северной и Средней Италии), но на деле они жили своей самостоятельной жизнью.

Главой Германии был избираемый король, который мог короноваться как император. Обращение за этим к римскому папе стало необязательным: уже император Максимилиан I Габсбург (1493—1519) отказался от своего коронования папой. Страна оставалась политически раздробленной, состояла из множества больших и малых феодальных владений, светских и церковных. В первые десятилетия XVI в. в ней насчитывалось, помимо 7 князей-курфюрстов, имевших право избирать императора, около 70 князей — архиепископов, епископов и светских лиц, около 70 аббатов крупнейших монастырей, более 120 графов и близких к ним по статусу “господ”, около 65 имперских и вольных городов (“имперские” подчинялись непосредственно императору как своему сеньеру, “вольные” обладали автономией, отвоеванной у своих бывших сеньеров — епископов). К этому необходимо добавить многочисленных владельцев имперских рыцарских имений. За исключением рыцарей, принадлежавших к низшим чинам империи, все остальные названные здесь имперские чины имели представительство на рейхстагах, устройство и даже название которых закрепились лишь в конце XV в. Интересы рыцарей в этих сословно-представительных органах обычно выражала часть графов и “господ”. Высшую курию на рейхстаге составляли курфюрсты, вторую — вся светская и церковная знать (без выделения духовенства в особую курию), третью — города.

Спецификой Германии была двойственность политического по-

ложения князей: по отношению к императору они выступали как чины, сословная группа, по отношению к сословно-представительным органам в своих собственных владениях — как монархи. Эти земские органы — ландтаги — окончательно сформировались в конце XV — начале XVI в. При всех местных различиях в них обычно были представлены низшая знать, а также графы и “господа”, духовные лица, “земские” (то есть подчиненные князьям) города. В некоторые ландтаги входили представители отдельных крестьянских общин, а также “рынков” — поселений, имевших иные, меньшие права, чем города. Своя специфика была в ландтагах духовных княжеств, где тон задавал клир. Там светской курии могло не быть вовсе. И рейхстаги, и ландтаги зачастую обсуждали сходные вопросы — о сохранении мира, финансовых сборах, законодательстве, только объем компетенции был у них разный — у одних имперский, у других земский. Решения принимались и на рейхстагах, и на ландтагах каждой курией отдельно, затем сопоставлялись. Роль городов в ландтагах обычно была высока, на рейхстагах она зависела от решавшегося вопроса: когда речь шла о нужде в деньгах, города всем были желанны, в иных же случаях их право на голосование могли поставить под сомнение. Отстаивая права и интересы сословий, рейхстаг и ландтаги выполняли ряд важных функций: они становились местом выражения интересов больших общественных групп, способствовали согласованию различных позиций, выступали как определенный противовес суверенитету монарха — императора или князя.

Городское управление в Германии отличалось едва ли не большей пестротой, чем земское, хотя имело и некоторые общие черты. Обычно выборы магистрата были ежегодными — выбирали бургомистров, должностных лиц, судей. И здесь объемы компетенции при управлении могли сильно различаться. “Имперские” и “вольные” города, отличия которых в XVI в. почти исчезли, обладали широкой автономией, властвовали зачастую не только над близлежащей округой, но и над территорией, подобной небольшому княжеству. В то же время вся Германия была покрыта густой сетью мелких и мельчайших городов и городков с числом жителей от 500 до 2 тысяч человек. Они мало чем отличались от больших деревень, имели полуаграрный характер. Общее число городов в стране составляло в начале XVI в. примерно 3 тысячи. Даже самые многочисленные из них имели по сравнению с другими странами Европы средний размер. В южногерманских торгово-ремесленных центрах — Нюрнберге и Аугсбурге — проживало до 40—45 тысяч горожан. По числу жителей эти города уже обогнали Кёльн — резиденцию архиепископа, “церковную столицу” Германии. Население Кёльна составляло 35—40 тысяч человек. Портовый город Любек, самый влиятельный в

Ганзе, союзе торговых городов, насчитывал 25 тысяч жителей. Несколько менее населенными были Гамбург, Магдебург, Страсбург. От 10 до 20 тысяч жителей имели 15 других городов.

Новшеством для Германии XVI в. стал еще один вид управления — не из центра и не местный, а региональный, по округам, которые в раздробленной стране были “укрупняющими” административными единицами. Округа были созданы прежде всего для того, чтобы облегчить в их пределах борьбу с разбоем и нарушителями мира. В целом, несмотря на появление некоторых новых элементов, немецкая государственность начала XVI в. сохраняла сложившиеся еще в предшествующий период тенденции развития, формируясь как бы “по двум этажам” — общеимперскому и территориальному (княжескому или городскому). Те задачи, которые не могла выполнить империя из-за отсутствия в ней системы централизованного управления, “подхватывали”, как бы компенсируя ее недостатки, князья и большие города. Это был, однако, процесс не только взаимодополнения, но и конкуренции. Общеимперская централизация продвигалась слабо, а княжеская, напротив, делала все новые успехи, закрепляя тем самым политическую дробность страны.

Экономическое развитие Германии в первые десятилетия XVI в. С последней трети XV в. примерно до середины XVI в. в Германии происходил демографический и хозяйственный подъем. Ущерб, нанесенный населению страны эпидемией чумы — “черной смертью” 1348 г. и рядом голодных лет XV в., был возмещен: к началу XVI в. население Германии составляло более 12 млн человек, во второй половине века — около 14—15 млн. Страна оставалась преимущественно аграрной, 90% ее населения жило в деревне.

Хозяйственный подъем имел ряд особенностей. Он не стал всеохватывающим и был обусловлен не столько внутренними причинами, сколько конъюнктурными обстоятельствами, характерными для раннего нового времени в целом (Великие географические открытия, расцвет международной торговли заморскими товарами, увеличение спроса на серебро как главный металл денежного обмена того времени и др.). Зато он стимулировал не только количественный рост производства, прежде всего в городе, но и развитие новых хозяйственных структур, элементов раннего капитализма.

Одной из самых развитых отраслей экономики Германии была горная промышленность. В ней было занято более 100 тысяч человек. Немецкие мастера горного дела продолжали пользоваться славой лучших в Европе. Серебра они добывали больше, чем во всех других странах, вместе взятых, и прочно удерживали первое место до середины XVI в., когда из Америки хлынули потоки более дешевого по производству драгоценного металла. Германия занимала первое место также по получению железа и выплавке высококачествен-

венной стали. Немецких мастеров-сталеваров приглашали в другие страны, в том числе в Англию. Славились Германия и добычей меди, особенно в Тироле и Саксонии, где появились новые, быстро растущие города горняков. Медь применялась тогда прежде всего при изготовлении пушек, в судостроении, производстве посуды.

На шахтах и в рудниках широко использовался наемный труд. Если поначалу разработки совершались первопроходцами на свой страх и риск, то с углублением шахт, которое требовало сложного оборудования, в дело вступали компании, вкладывавшие деньги в производство на паях. Нередко средства давали князья, получавшие в результате немалые выгоды. Доходы к ним шли и от регалий — монопольного права князей на подземные богатства, за разработку которых участникам добычи приходилось отчислять хозяину земли долю прибыли. Этот феодальный порядок удорожал производство.

В текстильной промышленности Германии наряду с продукцией цехового ремесла появлялось все больше товаров, изготовленных рассеянными мануфактурами. Были развиты сукноделие, льноткачество, выработка дешевых сортов бумагеи. Часть бумагеи поступала из южногерманских городов на экспорт в Венецию и дальше. Существовала поговорка: "Весь свет не даст нам столько льна, сколько Германия одна". Мануфактуры, обычно при участии цехового ремесла в некоторых операциях, сложились в судостроении ганзейских городов Северной Германии. Распространились они и в пивоварении — в нем немцы знали толк повсеместно.

Больших успехов достигло книгопечатание — немецкое открытие середины XV в. Оно превратилось в отрасль производства, где наряду с маленькими печатнями возникли крупные типографии в виде централизованной мануфактуры с наемными рабочими, которых могло быть до полусотни.

Дух наживы и энергия предпринимательства становились znameniem времени. Самые большие прибыли давала международная торговля, и крупнейшие богачи появились в Германии там, где ею занимались особенно интенсивно — в южнонемецких городах Аугсбурге и Нюрнберге. Они были связаны деловыми отношениями с Венецией, Лиссабоном, Антверпеном и другими торговыми центрами. Имена богачей — Фугтеров, Вельзеров, Гохштеттеров, Имгофов сделали известны во многих странах. Фугтеры вкладывали капиталы в оптовую торговлю пряностями, приносящую баснословные прибыли, в финансово-ростовщические операции с высокими процентами, в откупа, в горнорудное производство, в скупку земли. В их деятельности цепкое средневековое использование привилегий, стремление к монополизму, недопущению конкуренции сочетались со смелыми предпринимательскими операциями. Они ссужали гигантскими суммами властителей, вплоть до императора. Якоб Фуг-

гер, ставший для современников олицетворением богатства, оставил состояние в 2,5 млн гульденов. В то же время в Аугсбурге более половины населения жило в крайней бедности. Футтеры совершали акты благотворительности, но ничто не могло устранить массы нищих и бродяг в немецких городах — явления, против которого магистраты безуспешно принимали один закон за другим. Развитие денежного хозяйства делало семимильные шаги и последствия оказывались сложными и непредсказуемыми.

Экономическое развитие страны протекало крайне неравномерно. Несмотря на существование густой сети торговых путей и традиции ярмарок, в том числе крупнейших во Франкфурте на Майне и в Лейпциге, ганзейский север и торгово-промышленный юг Германии не срослись в единый рынок; города на Рейне имели тесные экономические связи с соседними Нидерландами и слабые — с внутренними областями своей страны. Все больше сказывались на судьбах немецкого хозяйства внешние факторы. Ганзейские города лишь ненамного сократили свою традиционную торговлю с Прибалтикой, однако ее удельный вес резко упал из-за растущей конкуренции голландцев. Что касается мировой торговли через Атлантику, то ее выгоды активно использовались частью немецких купцов, но с середины XVI в., со смещением торговых путей, Германия оказывалась все дальше от основных товаропотоков, и в ее экономике наметился спад.

Сложные и противоречивые процессы, вызванные интенсификацией денежных отношений и товарного производства, происходили также в немецкой деревне. До середины века в северо-восточных землях за Эльбой крестьяне в большинстве оставались лично свободными, за свои держания выплачивали умеренный оброк. Между тем начала расти торговля ганзейских городов зерном в связи с увеличением спроса в западных странах. Местное дворянство, чтобы использовать ситуацию к своей выгоде, расширяло собственную запашку за счет сгона крестьян с земли и перевода их на барщину. Этот процесс особенно широко развернулся позже, во второй половине XVI в., когда нормой стала работа крестьян на барщине 2—3 дня в неделю.

На северо-западе, в долине Рейна, сложилась иная ситуация: господам оказалось выгодно сдавать земли крестьянам, которые здесь были лично свободны, в мейерскую аренду, то есть крупными участками, каждый на четыре полных крестьянских надела. В результате рядом с зажиточным крестьянином-мейером появилась малоземельная деревенская беднота. Она шла в батраки, бродяжничала, с трудом перебивалась на крохотных участках земли. Ростом спроса на хлеб в рейнских городах смогли воспользоваться лишь мейеры. Потребность текстильного производства в шерсти стимули-

ровала овцеводство, в том числе на основе аренды, и в нем стали использовать в крупных хозяйствах не только издольщиков, но и наемный труд.

Хуже всего положение немецких крестьян было на юге и юго-западе Германии. Хозяйства здесь отличались особенно малыми размерами, поскольку издавна по местной правовой традиции землю можно было делить, закладывать, продавать. В результате крестьянские наделы часто долями переходили из рук в руки. Феодалам много взять с земли тут не удавалось, поэтому в поисках доходов они использовали краткосрочную аренду (позволявшую время от времени пересматривать условия держания к своей выгоде) и издольщину, доходившую в этих местах до половины урожая. Особенное возмущение крестьян вызывали личные повинности. Прежде всего это был "посмертный побор" при передаче земли по наследству, который составлял около трети имущества. Обычно забирались "лучшая одежда" или "лучшая голова скота", так что это могло обернуться уводом с крестьянского двора единственной коровы. Развернулось на юге и наступление феодалов на права крестьян в пользовании общинными угодьями — лесами, лугами, водами. Здесь появлялись все новые ограничения в пользу феодалов. Недовольство крестьян вызывали и платежи обеих десятин: большой — с зерна, малой — с огородных культур, а также скота.

В хозяйственные мирки крестьян вторгались перемены, которые ухудшали их положение, усиливали имущественное расслоение внутри крестьянства и к тому же представлялись деревенскому населению полным произволом, нарушением законов уже не только человеческих, но и божественных. Борьба за это "божественное право" и стала ответом на притеснения, вызревшим в крестьянской среде.

Социальная борьба в деревне и городе. Ухудшение положения крестьян вызвало в конце XV — начале XVI в. различные формы их протеста. В 1476 г. во владениях епископа Вюрцбургского начались массовые волнения из-за проповеди пастуха Ганса Бехайма, объявившего о явлении ему Богородицы. Бехайм сулил особый Божий гнев духовным лицам и уверял, что они будут перебиты; он заявлял, что все должны трудиться, а папа, император, князья и рыцари, бюргеры и крестьяне должны быть равны, и никто не должен иметь больше других. Проповедника уравниательства схватили, но так как и после этого продолжалось паломничество простого народа к церкви, где прежде Бехайм пророчествовал из окна, церковь снесли.

В начале XVI в. возобновилась деятельность тайных крестьянских обществ "Башмака", зародившихся в конце XV в. в Эльзасе. В 1502 г. центр такого общества с сотнями участников, во главе кото-

рого стал крестьянин Йос Фриц, был раскрыт в одной из деревень шпейерского епископства. Заговорщики хотели упразднить власти, разделить между собой имущество части церквей и монастырей, не платить ни чинша, ни десятины, восстановить свободу пользования общинными угодьями. Они ссылались на "божественное право". Нескольких заговорщиков, выданных доносчиком, казнили, но Йос Фриц скрылся и в 1513 и 1517 гг. сумел организовать новые заговоры, которые, однако, были раскрыты и подавлены властями.

Еще один тайный крестьянский союз под названием "Бедный Конрад" возник в Вюртемберге. В 1514 г. здесь вспыхнуло восстание, к которому примкнули горожане, недовольные ростом налогов. Движение требовало созыва ландтага и участия в нем крестьян, но было подавлено.

В 1509—1514 гг. почти по 30 городам Германии прокатились восстания городских низов. Они были направлены против магистратов и вызваны недовольством городскими порядками, распределением налогов, бесконтрольностью должностных лиц в распоряжении финансами. В отличие от этих движений, связанных с местными условиями и интересами, обвинения в адрес клира и церкви звучали со стороны всех слоев общества и по всей Германии.

Католическая церковь в Германии начала XVI в. Для римско-католической церкви XVI век ознаменовался крупнейшим кризисом, который в начале столетия, казалось бы, никак не предвещали ни политические успехи Рима, ни блестящий расцвет в этом городе художественной ренессансной культуры, многим обязанной крупным заказам пап и их окружения. Папам удалось не только преодолеть последствия соборного движения XV в., пытавшегося ограничить их власть, но и укрепить ее, расширить территорию своего государства, повысить его политическую роль в Италии. Они модернизировали свой финансовый аппарат и канцелярскую систему и с их помощью до небывалого уровня церковные поборы со всех стран, наращивали свои доходы, активно взаимодействуя с крупными итальянскими банками и фирмой Фуггеров. Папы вели образ жизни великосветских правителей с обширным и роскошным двором, наделяли родню, в том числе внебрачных детей, почетными и доходными должностями, дарили племянникам места кардиналов, устраивали массовые продажи выгодных церковных бенефициев.

Впечатление устойчивости, великолепия могла создать в начале века внешняя сторона церковной жизни и в Германии. Современники засвидетельствовали грандиозный размах церковного строительства, широчайшее распространение культа святых, Девы Марии и ее матери Анны, почитания икон и мощей, увлечение паломничествами по германским святыням, в Рим, Палестину, в Испанию к гробнице апостола Иакова. Светские князья соперничали друг с

другом в собирании христианских реликвий, простой народ набивался в церкви, где проповедники, чтобы слушатели не скучали, перемежали серьезные наставления анекдотами и собственными притчами на темы жизни местной паствы.

Рядом с множеством храмов, часовен, монастырей разных орденов действовали многочисленные религиозные братства. В Кёльне находилось 20 церквей и свыше 30 монастырей, в городе среднего размера Брауншвейге — 15 церквей и 5 монастырей. Большинство епископских мест занимали выходцы из знати, треть из них принадлежала к княжеским родам. Почетные и выгодные должности членов соборных капитулов, выбиравших епископат, как правило, заполняли духовные лица из дворянских фамилий. Низшее духовенство, по уровню обеспеченности мало отличавшееся от своей паствы, составляли преимущественно выходцы из бюргерской и крестьянской среды. На всех ступенях церковной иерархии было распространено стремление сосредоточить в одних руках несколько бенефициев, а необходимое выполнение служб доверить заместителям — викариям. Фонд церковных бенефициев разного рода в Германии был огромен, поскольку церкви принадлежала треть всех земель. При этом духовенство как привилегированное сословие было свободно от налогов, не подлежало светской юрисдикции.

Позиции римско-католической церкви в Германии были иными, чем в ряде других стран Европы. Во Франции на основе Болонского конкордата 1516 г. назначение на высшие церковные должности контролировалось королем, и церковь фактически стала выразительницей воли главы государства. В Англии и Испании влияние и финансовые притязания церкви также были ограничены сильной королевской властью. В Германии же предпринятые в конце XV в. попытки усилить центральные органы власти, создать общенеперское управление, суд, единый налог в виде так называемого "общего пфеннига" потерпели провал. Страна оставалась раздробленной, и церковь не встречала здесь реального противодействия. Именно финансовая практика Рима вызывала наибольшие нарекания в немецком обществе.

Денежные сборы из Германии поступали в папскую курию через посредство Фуггеров. Это были громадные средства, которые включали регулярные отчисления от уплаты десятин и других церковных сборов, платы за назначение на различные духовные должности (особенно велики были суммы за знаки епископского достоинства), деньги за освобождение от церковных предписаний (например, за нарушение поста), штрафы, заменившие наказания прегрешившим, перечисления в пользу Рима полугодовых доходов от тех, кто получил новый бенефиций, выплаты всех поступлений с церковных мест, которые оказались вакантными (что не раз станови-

лось предметом злоупотреблений), и т.д. Крупные суммы давала торговля "отпущением грехов". Немецкий клир в свою очередь не только перенимал методы финансовой политики Рима, но и сам демонстрировал образцы алчности, цинизма, беззастенчивой жажды наживы и власти.

Примечательным образцом вседозволенности в церковной практике стало быстрое возвышение молодого маркграфа Альбрехта Бранденбургского. Получив финансовую поддержку Фугтеров, с которыми он рассчитывал расплатиться частью будущих доходов, Альбрехт затратил в Риме и в Германии колоссальные суммы на получение церковных должностей: сначала он стал архиепископом Магдебурга и управителем епископства Хальберштадт, а годом позже — архиепископом Майнца. Объединив в своих руках власть над тремя епископствами, в том числе крупнейшим немецким диоцезом, он по сути за деньги сделался первым по значению немецким князем, ранг которого шел следующим после императора. Вскоре он добился и сана кардинала.

Недовольство в Германии "римским грабежом" попытался использовать император Максимилиан I. По его поручению гуманист Якоб Вимпфелинг в 1510 г. собрал воедино главные претензии в меморандуме "Жалобы германской нации". "Жалобы" направили в Рим. Император надеялся добиться ограничения платежей и заключения договора с папством по типу соглашения Рима с Францией, что могло приблизить образование в Германии национальной католической церкви. Эту попытку, однако, ждал полный провал.

Гуманистическая критика церкви. В начале XVI в. немецкие гуманисты не только придали новое, более широкое звучание традиционным мотивам критики церкви и клира, но и осмыслили их с позиций своих гуманистических идеалов, дополнили новыми аргументами. В их творчестве отразилась и картина самого состояния религиозности этого времени, ее особенностей у разных слоев общества. Гуманисты запечатлели характерные суждения, настроения, нравы, модели поведения, но, как правило, не зеркально, а в заостренной, экспрессивной, часто сатирической форме. Наиболее глубокие и многообразные свидетельства подобного рода оставили Эразм Роттердамский, ставший самым видным (за пределами Италии) гуманистом в международной "республике ученых", и крупнейший из немецких гуманистов более молодого поколения Ульрих фон Гуттен.

Центральное место в творчестве Эразма Роттердамского (1469—1536) занимала проблема сочетания христианского благочестия и широкой образованности, опирающейся на наследие классической античности и патристики. Принципом Эразма было обращение к первоисточникам. Он переводил на латынь трагедии Еврипида

и диалоги Лукиана, публиковал и комментировал Демосфена, Аристотеля, Цицерона, Сенеку и других “языческих” авторов, издавал собрания сочинений Иеронима, которого особенно ценил, Августина, Амвросия, Василия Великого, других западных и восточных отцов церкви. Особое значение имело его издание Нового Завета, где параллельно шли очищенный от искажений греческий текст и его новый латинский перевод, сделанный Эразмом и исправлявший ошибки Вульгаты — текста, канонизированного церковью. Гуманистические методы подхода к источнику оказались плодотворными и здесь. Эразм был противником бесплодных, на его взгляд, схоластических споров. Он противопоставлял им простое и сердечное практическое благочестие, призывая подражать Христу и следовать “тому, чему он учил”. Он был убежден, что именно на этом пути восторгается “христианская человечность” и человек станет “чище и лучше”. В этой связи он обращался к критике пороков всех слоев общества сверху донизу, включая клир, монахов, схоластов, не называя конкретных имен и воюя, как он писал, не с самими людьми, а со злом в них. Он высмеивал примитивные формы представлений о христианстве, суеверия и “церемонии” — чисто внешнее соблюдение культа как якобы главное в религии, вместо сосредоточенной внутренней религиозности. Эразм показывал, насколько широко были распространены эти явления среди мирян, монашества и клира. Бичевал он и невежество, в том числе “новых варваров”, нападавших на античную литературу и видевших в ней носительницу “нечестия”. Великий педагог и религиозный моралист, Эразм противопоставлял засилию “госпожи Глупости” не только свой скепсис и иронию, но и веру в высокие возможности разума и просвещения. Он был убежден, что можно обучить людей добродетели и наукам, если найдутся наставники, умеющие сочетать разум, опыт и природные силы самого человека. Пробуждая радость познания, они помогают становиться лучше и самому человеку, и окружающему его миру. Просвещение, в том числе религиозное, было альфой и омегой позиции Эразма.

Критикуя клир, церковный культ, внешнюю религиозность как массовое явление, Эразм не затрагивал церковную догматику, хотя уже само его отношение к античности противостояло фанатичной ортодоксии. Ульрих фон Гуттен (1488—1523) шел дальше Эразма и резкостью тона, и дерзостью публичного обращения к “запретным темам” — политике Рима и его сторонников в Германии. Вся его публицистика имела яркую национально-патриотическую окраску. Потомок рыцарского рода, Гуттен воспитывался в монастырской школе, вопреки воле отца ушел оттуда, учился в ряде университетов Германии и Италии. Он дважды побывал на родине гуманизма,

стал пропагандистом античного наследия и поборником гуманистических дисциплин.

Прирожденный оратор и блестящий знаток латыни, Гуттен в своих диалогах, письменных речах, поэзии и переписке восхвалял способности человека и силу его разума, радовался, что живет в век расцвета наук. Гуттен выступал за свободу слова и автономию светской культуры от церковной цензуры, против засилия авторитетов схоластики. В занятиях науками он видел путь к нравственному совершенствованию человека, возможность обрести славу независимо от происхождения. Остроумно и энергично он сражался пером против невежественных клириков, монахов, инквизиторов, называя их “шершнями”, которые занимаются “благочестивым обманом”, “презирают свободу слова”, пытаются уничтожить ее в Германии.

К середине 1510-х годов Гуттен стал крупнейшим политическим публицистом страны и одним из главных выразителей формирующегося немецкого национального самосознания. Он развивал идеи свободы от римского засилия, централизации Германии, борьбы с теми князьями, которые сделались ставленниками Рима. Гуттен нападал на все ступени церковной иерархии во главе с папой.

Гуманисты, сыгравшие важную роль в подготовке Реформации, обращались к образованной аудитории в своих сочинениях на латыни. Более широкий круг читателей имел другой вид изданий — на немецком языке, авторы которых также постоянно затрагивали проблемы состояния церкви, религиозности, нравственных пороков общества. Большой популярностью пользовалась литература пророчеств — листовки и книжечки, обычно иллюстрированные, в которых давались предсказания будущего, астрологические и иные прогнозы. В них отразились ожидания конца света, грандиозных катастроф и чудес, мучительные колебания между страхом и надеждой. Частыми мотивами здесь были Божий гнев, козни Сатаны, таинственные действия ведьм, колдунов, демонов, влияние планет. Эти же мотивы и настроения отразились в искусстве конца XV — начала XVI в. Апокалиптика, образы ужасающих плясок Смерти, вовлекающих в свою орбиту все живое, стали свидетельством той психологической напряженности, в которой жили массы людей в начале XVI в. За блестящим фасадом церковной жизни этого времени скрывались кризисные явления и в самой церкви, и во всем обществе, которые постепенно накапливались под воздействием сложного комплекса перемен — хозяйственных, политических, социальных, культурных.

Мартин Лютер и начало Реформации. Широкое распространение представлений о “порче церкви во главе и в членах” подготовило почву для реальных попыток церковных преобразований. Начало Реформации неразрывно связано с именем профессора Виттенберг-

ского университета, теолога Мартина Лютера (1483—1546). Он не только развил давние традиции критики схоластики, клира и церковного устройства во главе с папой, но и нанес удар своими новыми идеями по главным устоям учения католической церкви.

Мартин Лютер был сыном зажиточного бюргера, выходца из крестьян. В юности он прошел суровую жизненную школу. Лютер окончил Эрфуртский университет, но затем вступил в монашеский орден августинцев. Человек страстной веры и мощного ума, он стал доктором богословия, глубоким знатоком Священного писания. Подобно многим современникам, Лютер стремился к устранению “порчи” церкви; способ очистить жизнь христианского общества он видел в обращении к идеалам Евангелия. Добродушный с друзьями, Лютер в полемике мог быть крайне резок, а то и попросту груб, но от убеждений, к которым он нередко приходил через мучительные духовные сомнения, никогда не отрекался. В своих религиозных исканиях он придавал особенно важную роль покаянию, а потому был глубоко возмущен торговлей “отпущением грехов”, которую поставил на широкую ногу монах Тецель, агент папы и майнцского архиепископа Альбрехта. В конце октября 1517 г. Лютер выступил с 95 тезисами против индульгенций. Это стало началом первого этапа Реформации (1517—1521). Слово и действия Лютера получили широкую поддержку во всех слоях немецкого общества, дали мощный стимул развитию антиримского оппозиционного движения.

В своих тезисах Лютер опровергал католическую догму о возможности спасения души лишь при посредничестве клира и на основе установленного церковью обряда. Он подчеркивал значение совести верующего, необходимость для его оправдания глубочайшего личного раскаяния в грехе. Только дойдя до полного смирения перед Божьей волей, человек может обрести спасающую помощь Божьего милосердия. Именно оно, даруя веру, несет оправдание. Разъясняя суть своих тезисов, Лютер писал, что вздор проповедуют те, кто утверждает, будто как только грош зазвенит в ящике для монет продавца индульгенций, тотчас душа умершего, для спасения которой их покупали, уходит из чистилища в рай. “Достоверно другое, что как только грош зазвенит в ящике, жадность и корыстолюбие возрастают: тщетной и ложной является надежда найти спасение при помощи индульгенций, если бы даже сам папа готов был заложить при этом свою душу”.

В тезисах Лютера было немало противоречий, но здесь уже наметились основы его учения, которые он углубил и обосновал позднее. Главное место в этом учении принадлежит концепции “трех только”: человек спасается только верой; он обретает ее только через милость Божию, а не вследствие каких-либо личных заслуг; авторитетом в делах веры является только и единственно Свя-

щенное писание. Учение Лютера о спасении верой вело к далеко идущим последствиям. Если оправдание человека свершается в полной зависимости лишь от Божьего милосердия, то исключаются роль посредничества католического клира и значение церковной иерархии в судьбах верующих — каждого в отдельности и общины в целом. Теряет смысл существование всей многоступенчатой церковной системы во главе с папой, а участь верующего определяет лишь его личное, интимно-непосредственное отношение к Богу. Возможные результаты этой логики не сразу осознал и сам Лютер. Он категорически отверг в своем учении каноническое право, которым обосновывались притязания папства и церкви, и перечеркнул авторитет "священного предания". Только Священное писание содержит истину веры, и оно не нуждается в толкованиях папы, так как открыто всем.

Ранняя теология Лютера, пока не систематизированная, полная противоречий, стремительно развивалась в его борьбе с оппонентами и не исключала различных толкований. Она освобождала совесть человека от подчинения внешним авторитетам, утверждала право общин верующих на независимость от церковной иерархии и папства. Именно в этой живой и творческой форме она быстро получила известность не только в Германии, но и в других странах Европы — до того, как церковь начала за это жесточайше карать. Она оказала мощное воздействие на всю последующую историю Реформации, ведь эти работы продолжали жить и тогда, когда Лютер начал вносить в свое учение уточнения и изменения.

Не признавая роли духовенства как высшего религиозного авторитета, Лютер, однако, никогда не подвергал сомнению функции церкви как наставницы людей: она лишь должна была стать другой, "евангелической", чтобы помогать человеку в религиозной жизни, в понимании Священного писания и способствовать его "смирению" в повседневном поведении.

Тезисы Лютера за короткий срок обрели феноменальную популярность. Друзья Лютера — и гуманисты, и члены ордена августинцев — переводили их с латыни и распространяли. В феврале 1518 г. Лютер написал объяснение к 95 тезисам, где подчеркивал обязанность верующих повиноваться властям, но только не в делах совести. Видный церковный полемист профессор теологии Экк попытался высмеять тезисы. В полемике Лютер впервые обратился к народному языку, заявив по-немецки, что церковь нуждается в реформе, которая не может быть делом одних лишь кардиналов и папы — недостатки и злоупотребления должны обсуждаться всеми и притом открыто. Опасность идей Лютера осознали инквизиторы. Они официально обвинили его в ереси, но процесс, как обычно, двигался по церковным инстанциям медленно. Лютер заявил, что в спорах о

христианском учении недопустимо прибегать к церковному отлучению: убеждения нельзя преодолевать насилием, слово может быть побеждено лишь словом. В ответ противники Лютера добились решения о доставке его в цепях в Рим. Его защитил, однако, саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, решивший поддержать Лютера как своего подданного и воспользоваться всем этим делом в своих политических целях.

Чем дальше разворачивалась борьба, тем большее место в ней начали занимать не вопросы отношения человека к Богу, а проблемы устройства церкви и власти папы. Возрастал и общественный резонанс выступлений Лютера. Важной вехой в истории Реформации стал диспут в Лейпциге между Экком и Лютером летом 1519 г. Экк утверждал, что Лютер идет в своих заблуждениях по стопам еретиков Виглефа и Гуса, осужденных соборами. Лютер ответил, что в учении Гуса было немало подлинно христианского, а соборы в делах веры могли и заблуждаться. Отрицание мудрости соборов было неслыханным поступком, оно означало фактический разрыв с ортодоксальной традицией и с Римом. Лютер, однако, лишь укрепился в своих убеждениях, впервые прочитав в ту пору трактат Гуса о церкви. Сильное впечатление произвела на Лютера и опубликованная Гуттеном работа Лоренцо Валлы, в которой "Константинов дар" разоблачался как фальшивка. Лютер стал все чаще сравнивать в своей переписке римскую курию с орудием Антихриста и даже писал о необходимости меча для исправления ее пороков.

В 1520 г. в одном из важнейших своих произведений — "К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния" — Лютер предложил программу церковно-политических преобразований. Обращаясь к императору, князьям и дворянству, он призвал светских лиц возглавить движение за реформу церкви, поскольку бедствия дошли до крайности, а никаких надежд на добрую волю самого Рима нет. Здесь же было выдвинуто учение о "всеобщем священстве", которое стало одной из основ новых евангелических представлений и оказало сильнейшее воздействие на общественную мысль XVI в. Лютер утверждал, что у католического духовенства нет монопольного права на священство, им обладают в силу своего крещения все миряне. Различие между светскими и духовными лицами, которое проводит римская церковь, — "хитрая выдумка, сплошная ложь... Все христиане поистине духовного звания, между ними нет никакой разницы, разве лишь по должности". Священнослужитель — не особое состояние, для обретения которого необходимо свершить специальное таинство, а должность в церкви, на которую община может избирать подходящих лиц. Лютер требовал четко разграничивать прерогативы двух властей — светской и духовной, как и сферы действия светского права,

которому он придавал первостепенное значение в обеспечении порядка, необходимого для христианской жизни, и права церковного. Он обосновывал необходимость секуляризации церковных имуществ и роспуска монашеских орденов, в монастырях предлагал разместить общественные школы, приюты, госпитали. Стремясь к независимости страны от притязаний папского Рима, Лютер, подобно гуманистам, взывал к национальным чувствам немецкого народа.

В произведении "О вавилонском пленении церкви" он подверг сокрушительной критике учение церкви о таинствах, признав на основе Священного Писания из семи таинств только три (позже — окончательно — лишь два: крещение и причащение). Отныне компромисс между Лютером и Римом стал невозможен. Новая теология превратилась в знамя общественной оппозиции, ее главные выводы воспринимались массами, не вдававшимися в схоластические тонкости аргументации, как основание не только для церковных, но и для социально-политических преобразований.

В июне 1520 г. папа Лев X подписал буллу, угрожавшую Лютеру отлучением от церкви, если он не отречется от своих заблуждений. В ответ Лютер издал сочинение "О свободе христианина", где подчеркивал, что в вопросах совести христианин не подчиняется никому, в области же внешней, "плотской" свободы гарантами порядка являются существующие светские власти. Здесь, таким образом, были обозначены границы понимания Лютером Реформации: отвергая существующий церковный строй, она не должна была затрагивать строй социально-политический. Такая политическая консервативность сближала позиции Лютера и основной массы немецкого бюргерства того времени.

В декабре 1520 г., после того как папская булла вошла в силу, началось сожжение книг Лютера. Он ответил публичным символическим актом сожжения одного из экземпляров буллы, а также книги по каноническому праву. Смелая позиция Лютера, не побоявшегося угроз Рима, принесла ему огромную популярность в Германии. Он стал национальным героем. Множество типографий печатали произведения Лютера и его единомышленников, сделав реформационные идеи достоянием широких масс.

Лютер на Вормском рейхстаге. Весной 1521 г. Лютер был вызван на рейхстаг в Вормсе. Предполагалось, что здесь он должен будет отречься от своих убеждений в присутствии нового императора Карла V Габсбурга и всей окружавшей его имперской знати. Это была последняя попытка Рима усмирить "еретика" под угрозой смертного приговора. Не желая идти против голоса совести, хотя и ожидая самых худших последствий, Лютер отверг отречение. Император, союзник папы, утвердил Вормский эдикт, по которому отныне на всей территории империи предписывалось преследовать по-

борников новой ереси. Это было одно из важнейших решений Карла V в его религиозной политике. Во многих местах, однако, эдикт под разными предлогами не исполняли, что было уже актом гражданского неповиновения. Поскольку император обещал Лютеру неприкосновенность при поездке в Вормс, ему разрешили вернуться домой, но он неожиданно исчез. Многие уже оплакивали Лютера, считая, что он убит. На самом деле по распоряжению Фридриха Мудрого его похитили на пути из Вормса и тайно поместили в безопасное место — замок Вартбург. Там он начал переводить на немецкий язык Священное Писание. Этот труд, полностью завершённый лишь через несколько лет, сыграл огромную роль в развитии Реформации, немецкого языка и немецкой национальной литературы.

Несмотря на отсутствие Лютера, Реформация, которая уже обрела сторонников по всей Германии, продолжала свое развитие. Важные события произошли в Виттенберге, маленьком городке с 2 тысячами населения. Он был охвачен религиозными спорами. Группа монахов-августинцев впервые демонстративно вышла из монастыря, чтобы начать обычную мирскую трудовую жизнь. Профессор местного университета Карлштадт стал причащать всех верующих в церкви “под обоими видами”, хлебом и вином, хотя по католической ортодоксии этот порядок распространялся только на духовенство. Была создана общественная касса, и распределение денег на бедных, больных и стариков перешло от церкви к светским лицам — представителям общины и магистрата. Все это положило начало практическому осуществлению церковно-реформаторских идей Лютера. То, что происходило в малом масштабе в Виттенберге, вскоре развернулось в мощное движение (со своей местной спецификой) в разных городах и районах Германии.

Образование различных течений в реформационном движении. Начало 1520-х годов стало временем не только обострившегося противостояния сторонников католической церкви и поборников евангелизма, но и наметившихся идейных расхождений внутри реформационного движения. В Швейцарии возник второй крупный центр европейской Реформации, где ведущую роль играл цюрихский священник Ульрих Цвингли. Его учение имело не только общие черты с лютеранством, но и важные отличия от него. В Германии переселившаяся в Виттенберг из Цвикау группа сектантов — им дали прозвище “цвикауские пророки” — утверждала, что они получают непосредственно от Святого Духа откровения, звучащие как некий “внутренний голос”. “Пророки” не признавали привилегий духовенства и, ссылаясь на Евангелие, отвергали крещение детей: креститься нужно сознательно, взрослыми, как это сделал Христос. Молитву перед иконами “пророки” объявили идолопоклонст-

ном, и под нажимом их сторонников совет Виттенберга повелел удалить образа из церквей. Иконоборчество сопровождалось нападениями толпы на монахов и священников.

Возмущенный “плотским” истолкованием духовной свободы христианина, Лютер вернулся в Виттенберг. В проповедях в марте 1522 г. он развил идеи обязательной покорности княжеским и городским властям, а затем опубликовал адресованное всем христианам предостережение, “как уберечься от мятежа и возмущения”. Его полемика с католическими противниками сохраняла свой накал, но теперь ему все чаще приходилось уточнять собственную позицию, вступая в острые дискуссии с теми поборниками Реформации, которые трактовали ее иначе, чем он. Временное единодушие начальной поры Реформации ушло в прошлое, стал образовываться ширящийся спектр ее течений. Это был процесс, характерный для второго этапа Реформации, продолжавшегося с конца 1521 г. до событий Крестьянской войны в 1525 г.

Томас Мюнцер и его учение. Одним из непримиримых оппонентов Лютера, на свой лад осмыслившим Реформацию, сделался его бывший последователь священник Томас Мюнцер (ок. 1489—1525). Он видел в Реформации возможность всеобщего обновления церкви и мира, воспринимал ее события как признак наступающего царства Божия, когда не будет над людьми никакой иной власти, кроме власти Бога. Мюнцер верил, что это обновление свершается по воле Всевышнего, но — действиями людей, которых он избрал своим орудием. В отличие от Лютера, Мюнцер не считал Священное Писание единственным источником откровения. Как и цвиккауские “пророки”, он был убежден в значении наития, “внутреннего голоса”, прямого откровения Божьего духа. По учению Мюнцера, Бог не умолк со времени Писания, он продолжает говорить с людьми, и Дух может проявить себя в простом человеке, который не прочтет и буквы из Библии, равно как в язычнике, в мусульманине. Лютер иронизировал по этому поводу: “Сам Бог говорит с ними, словно с ангелами”. Мюнцер отвечал: не только католические попы и монахи, но также ученые-“книжники” вроде Лютера видят в Писании одну лишь мертвую букву, ибо постичь живую истину Духа им не дано.

Обвиняя Лютера как “книжника”, Мюнцер не пренебрегал Писанием, но ему важно было, как оно толкуется. Чтобы просветить народ, донести до него “живое слово Божье”, он впервые в Германии разработал богослужение на немецком языке. Наряду со своим учением о Духе Мюнцер развивал также учение о кресте и учение “о мече” (власти). Избранными Богом носителями истины становятся лишь те, кто прошел крестный путь страданий и скорби и сумел отбросить все эгоистическое ради общего блага. Таких людей,

подобных золоту, прошедшему через огонь, Мюнцер называл "испытанными в вере". Он находил их прежде всего в простом народе и писал: "В народе я не сомневаюсь". В отличие от Лютера, который требовал покорности властям, сохранения существующего порядка, Мюнцер ссылаясь на библейское пророчество Даниила о грядущей перемене: вся власть будет дана простому народу. У негодных правителей, "безбожных тиранов" меч власти будет снят. Община, народ — господин меча, князья — лишь его слуги. Здесь закладывались основы концепции, которая обосновывала право народа на сопротивление тирании вплоть до использования насилия.

Разоблачая "ложную веру" Лютера, Мюнцер обвинял его в сокрытии истинной причины народных возмущений. Главный корень бед — в господах, в князьях, которых не заботят нужды бедного человека. Грабя и разоряя пахарей и ремесленников, они в то же время твердят: "Не укради!", а Лютер, "доктор Лжец", их благословляет. Мюнцер заявлял, что не хочет насилия, народного возмущения, а потому предупреждает: господа не должны действовать так, чтобы бедный человек стал их врагом. Но если предупреждению не внимают, ответственность падет на господ. Не менее острой критике Мюнцер подвергал и духовенство. Лютер объявил Мюнцера сторонником "кулака", "сатанинским духом", провоцирующим народное недовольство и подстрекающим к мятежу.

Оба деятеля Реформации стали характерными выразителями двух ее различных направлений. Каждое из них выдвигало сложные комплексы идей, сочетавших религиозно-философскую и связанную с ней мирскую проблематику. Лютеранство стало магистральным реформационным направлением умеренно-консервативного толка, в то время как другое направление обрело радикальную ориентацию. Оно выдвинуло в своем мюнцеровском варианте идеи решительного переустройства не только церковных, но и светских порядков. Полную завершенность, однако, это направление получило несколько позже под воздействием открытых социальных конфликтов в пору Крестьянской войны 1525 г.

Рыцарство и Реформация. Поход Зиккингена на Трир. В первые годы Реформации, которые стали решающими для ее судьбы, попытку использовать это движение в своих интересах предприняло немецкое рыцарство. Его положение по сравнению со средними веками сильно изменилось. Рыцарство по-прежнему видело свое основное предназначение в военной службе, но с развитием огнестрельного оружия, особенно артиллерии, значение тяжеловооруженной рыцарской конницы ослабло. Рыцарство начало получать деньги за службу, теряя былые отличия от простых наемников. Развитие денежного хозяйства ослабило экономические позиции части рыцарей, которые с трудом приспосабливались к новым услови-

им; они беднели, особенно в Юго-Западной Германии, и с завистью смотрели на богатства церкви. В поисках доходов они усиливали нажим на права крестьян, продавали доли унаследованного имущества горожанам, а некоторые даже грабили на дорогах купеческие обозы. Большинство рыцарства все прочнее связывало свою судьбу со службой князьям. Новшества в этой среде воспринимались с опаской, и основная масса дворян с презрением относилась к появлению в своих рядах гуманистически образованных людей. Современники свидетельствовали об иных пристрастиях дворян — охоте, пьянстве, азартных играх. Лишь небольшая их часть овладела ученостью той поры.

Усиление княжеской власти стимулировало неоднократные попытки рыцарей улучшить свое пошатнувшееся положение. Дворянство Баварии, Саксонии, Бранденбурга уже фактически смирилось со своей зависимостью от князей, но на рыцарских съездах франконских, швабских и верхнерейнских дворян, среди которых наряду с ленниками князей оставалась многочисленная группа свободного имперского рыцарства, продолжались поиски выхода. Дворяне усматривали его в проведении прямых переговоров с князьями. Трудность состояла в том, что те категорически отказывались что-либо обсуждать с рыцарством в целом как некой сословной группой и сознательно “дробили” его, соглашаясь лишь на переговоры каждого князя в отдельности с рыцарями его территории.

Рыцари, напротив, стремились выступить через своих уполномоченных “единым фронтом”, с общими позициями. Их целью было добиться на этой основе официального правового соглашения с князьями, чтобы укрепить свой политический статус в империи и повысить шансы самостоятельного представительства на рейхстагах. Реестр претензий рыцарства к князьям включал жалобы на княжеские суды, дорогостоящие, продажные, долгие по процедуре, незаконно распространяющие княжескую юрисдикцию на имперские лены рыцарства; жалобы на поборы с рыцарей, в то время как они обязаны лишь личной службой; сетования на безнаказанность князей, нарушающих мир, тогда как частные войны рыцарей ставятся под запрет и т.д. Неоднократный провал попыток правового соглашения привел к распространению идеи “самопомощи” и стремлению создать для этой цели союз общеимперского значения. В среде рыцарей, находившихся на службе князей, эти предложения были встречены скептически: дворяне опасались нарушить верность ленника, потерять службу. Лишь часть рыцарства на Верхнем Рейне возложила надежды на избранного главой их союза удачливого предводителя наемных войск Франца фон Зиккингена (1481—1523).

Активную роль в пропаганде идеи усиления рыцарства играл

Ульрих фон Гуттен. Он надеялся, что дворянство станет ядром широкой оппозиции, включающей и города, в борьбе против Рима и его главной опоры в Германии — клира и духовных князей. Осознав национально-патриотическое значение Реформации в освобождении от римского засилья, Гуттен стал энергичным защитником "дела Лютера" и дополнил свое творчество на латыни немецкоязычными произведениями, в которых взывал к вооруженным действиям оппозиции. Зиккинген, сблизившийся с Гуттеном, также заявил о поддержке Реформации. В августе 1522 г. он выступил в поход против одного из крупнейших духовных княжеств Германии — курфюршества Трирского.

В этом выступлении надежды на секуляризацию целого княжества и возвышение Зиккингена сочетались с расчетом на освобождение местных рыцарей от княжеской церковной юрисдикции, что должно было подать пример дворянам других земель. Осада Трира оказалась, однако, неудачной. Объединенные войска архиепископа и князей, пришедших ему на помощь, весной 1523 г. штурмом взяли замок самого Зиккингена, который тогда же скончался от ран. Гуттен, участвовавший в начальной фазе событий, преследуемый властями, тяжело больной, бежал в Швейцарию и вскоре умер. Войска Швабского союза, выполнявшие волю князей, провели карательную экспедицию по Франконии, разрушив более 30 замков сторонников Зиккингена. С политическими претензиями рыцарства было покончено на многие десятилетия.

Крестьянская война в Германии. Узкословное вооруженное выступление части рыцарской оппозиции не получило, вопреки призывам Гуттена, никакой поддержки ни городов, которым усиление дворянства не сулило ничего хорошего, ни большинства самого дворянства. Совершенно иной размах приняли крестьянские волнения, которые начались в июне 1524 г. на юго-западе Германии. Они постепенно разрослись в самое крупное восстание крестьян в Западной Европе за весь период средневековья и раннего нового времени. Три основных района восстания находились в Швабии, Франконии и в Средней Германии — Тюрингии и Саксонии. Это была полоса густонаселенных земель в 150—250 км шириной, протянувшаяся от Швейцарии на север и северо-восток примерно на 500 км. Повстанческое движение развивалось также на западе, в Эльзасе, и на востоке, главным образом в горных областях Тироля и владениях зальцбургского архиепископа.

Причины Крестьянской войны были многообразны. Прежде всего к ним относится наступление феодалов на позиции крестьян, ущемление их экономических, социальных, правовых интересов. Возросшая роль рынка и денег побуждала светских и церковных феодалов изменять уже устоявшиеся обычаи. Они стремились повы-

сить платежи и повинности зависимого деревенского населения, а также урезать права общины на альменду. Одновременно территориальные власти ограничивали автономию и самоуправление сельских общин. Между тем в деревенском мире как раз в ту пору стал терять свою устойчивость авторитет властей, особенно церковных, чему способствовала обстановка Реформации. В отличие от прежних проявлений социального протеста, крестьяне теперь выступали против "новшеств", ухудшавших их положение, обращаясь не только к "старому праву", к традиции, но и к нормам "божественного права", к Евангелию.

Как и в других крестьянских восстаниях, народное движение в Германии развивалось стихийно, в стремлениях основной массы восставших господствовали чисто местные интересы, действия крупных групп повстанцев были разрозненными. Новшеством стало умение немецких крестьян организовываться, с использованием опыта ландскнехтов, в многотысячные военные отряды с выборными командирами, но дисциплина в этом войске оставалась традиционно слабой. В целом движение при общем колоссальном размахе — что и дало ему название Крестьянской войны — представляло собой совокупность отдельных выступлений. По мере расширения восстания они вовлекли в свою орбиту также часть населения городов, главным образом небольших, некоторых дворян, группы горнорабочих. Перерастая, таким образом, рамки собственно крестьянской борьбы, повстанческое движение в период своей кульминации значительно шире, чем в начальной фазе, использовало методы открытого насилия. Особенностью Крестьянской войны стала важная роль, которую сыграли в ней народные проповедники — сторонники Реформации.

Первые выступления крестьян начались летом 1524 г. в деревнях на Верхнем Рейне, в районе, расположенном вблизи швейцарской границы. Крестьяне отказались выполнять новые нормы барщины у своих господ, но были готовы нести повинности по старым порядкам. Господа были упрямы, власти поначалу невнимательны, а когда спохватились и попытались прекратить смуту переговорами, она уже разрослась и вскоре охватила обширные земли между Верхним Рейном и Верхним Дунаем. На сходках крестьяне составляли перечни несправедливостей и выдвигали собственные требования. Появились призывы не выполнять барщины вообще, не платить никаких платежей, свободно пользоваться лесами и водами, разгромить монастыри, не подчиняться никакой власти, кроме Бога.

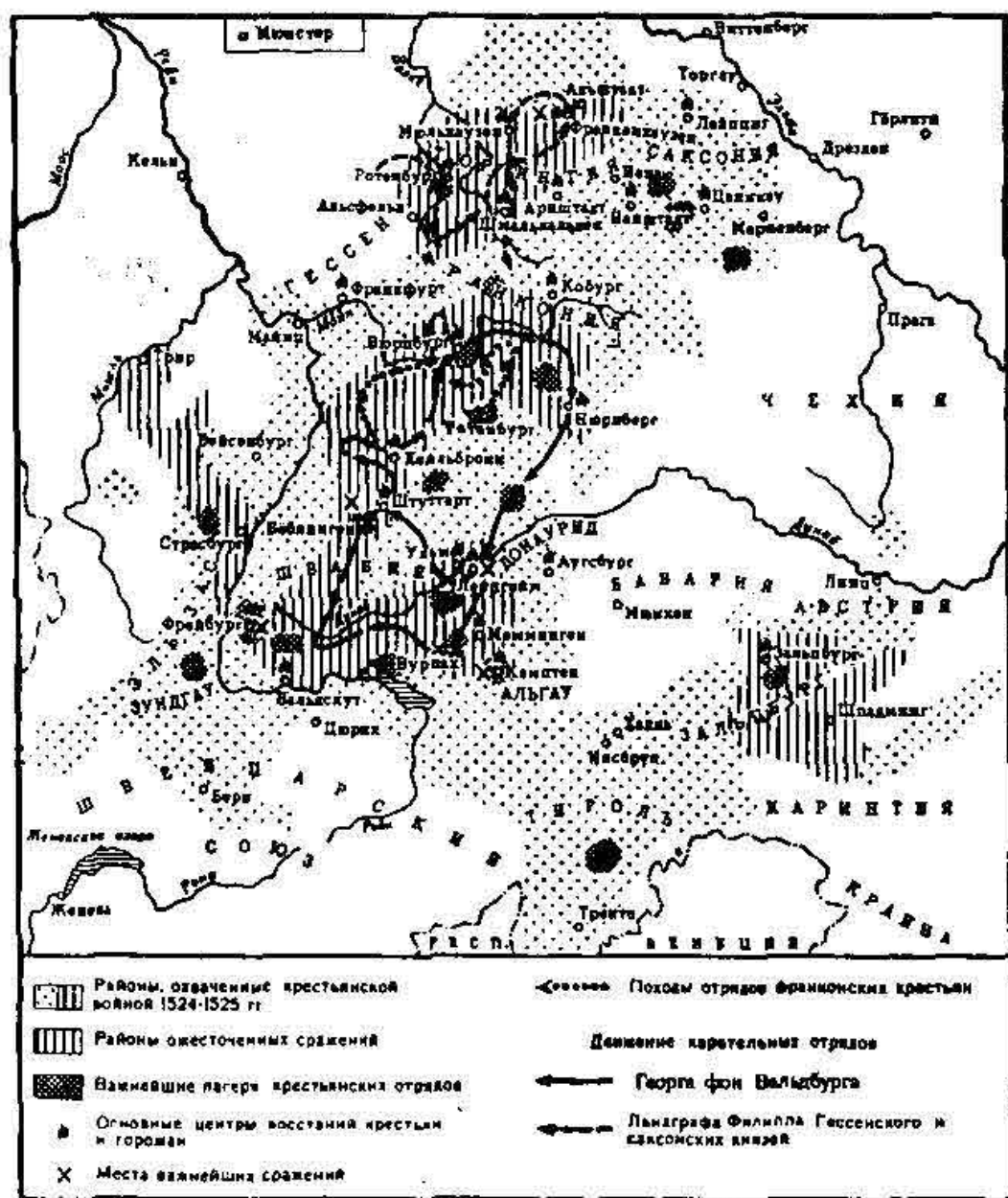
Начали образовываться первые крестьянские отряды. Командиром одного из них выбрали крестьянина Ганса Мюллера, который в свое время служил наемником и был опытен в военном деле. Осенью 1524 г. со своим отрядом в 800 человек он направился в

поход по деревням Шварцвальда, призывая крестьян самим помочь себе. К концу похода образовалось уже три вооруженных отряда, насчитывавших 4500 человек.

Первая попытка в декабре 1524 г. разбить восставших ни к чему не привела: один из отрядов потерпел поражение, но восстание только сильнее разрослось. Власти, выгадывая время и собирая силы, повели долгие переговоры о мирном, основанном на компромиссах решении всех конфликтов. В Швабии они возлагали надежды на войска Швабского союза, в который входили южногерманские князья, подчинившие его своим интересам, дворяне и 22 имперских города. Союз имел отряды наемников, но основная их часть как раз в это время участвовала в войне императора с Францией на итальянской территории и пока не могла помочь в подавлении восстания. Командовал войсками союза Георг фон Вальдбург.

Восстание в Швабии. Программа "12 статей". Начало 1525 г. было ознаменовано подъемом движения, весной вступившим в свою наивысшую фазу. К марту в Швабии существовали уже 6 крупных вооруженных отрядов, насчитывавших до 40 тысяч человек. Число коллективных крестьянских жалоб и наказов, которые принимались на деревенских сходках и в лагерях отрядов, к этой поре исчислялось сотнями. Назрела необходимость выделить из них самое главное, чтобы сделать дальнейший шаг — попытаться перейти к единым действиям. 6 и 7 марта в городе Меммингене с этой целью собрались руководители отрядов. Еще раньше один из них, кузнец Ульрих Шмидт, убежденный лютеранин, выступавший против насильственных действий повстанцев, за мирное решение крестьянских проблем путем переговоров с господами и властями, поручил подготовить свод основных жалоб и требований двум опытным людям. Это были Шаппелер, цвинглианский проповедник, и Лотцер, подмастерье скорняка, хорошо знавший Библию и ставший лицом одного из отрядов. Они-то и составили главный программный документ Крестьянской войны — "12 статей". 19 марта 1525 г. статьи были напечатаны и получили широчайший резонанс — за время Крестьянской войны этот документ переиздавался 24 раза.

В отличие от той части повстанцев, которая брала штурмом замки и монастыри, разрушала их, попутно грабя их запасы и винные погреба, составители "12 статей" стремились продемонстрировать свои мирные намерения. Статьи сопровождались многочисленными ссылками на Евангелие и введением, где утверждалось, что крестьяне не являются мятежниками. В первой статье программы выдвигалось требование, навеянное идеями Реформации, — право выбора общиной своего священника, который должен проповедовать истинное Евангелие. Далее указывалось, что крестьяне предлагают содержать его за счет "большой десятины", платить

Крестьянская война в Германии

которую они были согласны. Зато "малую десятину" со скота и огорода они требовали отменить. Самыми радикальными были статьи, в которых твердо говорилось о необходимости отмены личной несвободы и связанного с ней посмертного побора с наследства. Другие статьи требовали вернуть общинам захваченные земли, поля и луга, а господ лишить привилегий на рыбную ловлю, пользование лесом, на охоту — это должно было стать правом всех членов общины. В статьях содержались требования сократить, хотя и не отменить вовсе, барщину, оброк, другие повинности; отвергаться произвол судов, им предлагалось при вынесении наказаний опираться на прежний писанный закон. В целом требования были на-

правлены не только на защиту интересов крестьян от произвола, но и на повышение роли их общин. Возвращение им утраченных земель, право независимо выбирать священника должны были укрепить их автономию, возможность самоуправления, что имело важное политико-правовое значение. В последней статье еще раз подчеркивались мирные цели крестьян: если на основе Писания будет доказано, что требования восставших несправедливы, они готовы отказаться от своих предложений.

Различные группы повстанцев по-разному воспринимали программу "12 статей". Для одних она оказалась воплощением их чаяний, которые получили в ней ясное, да еще подкрепленное Евангелием выражение, другие, настроенные более радикально, видели в статьях минимальную основу своих требований, которая могла быть расширена, а главное — дополнена практическими действиями. В Меммингене в дни мартовского совещания руководства повстанцев "12 статей" были приняты тремя отрядами, которые решили составить общее "Христианское объединение". Правда, единое командование военной силой при этом не было создано, отряды лишь извещали друг друга о своих действиях и планах. Объединение повело переговоры со Швабским союзом, между сторонами было заключено перемирие.

Опора на чисто правовое решение крестьянских проблем, долгий поиск компромисса устраивали отнюдь не всех повстанцев. Каждый отряд, а нередко и отдельные его части, вели себя на свой лад. Конец марта — начало апреля 1525 г. ознаменовались штурмами монастырей и замков, в которых участвовало значительное число повстанцев. Один из проповедников, стоявший во главе крупного отряда, приказал казнить нескольких католических священников и дворян. Умеренные руководители, в том числе Ульрих Шмидт, оказались не в состоянии контролировать положение. Несоблюдением перемирия воспользовался командующий Швабского союза и в свою очередь нарушил его. К этому времени на деньги, предоставленные Фуггерами, было закончено перевооружение войска союза и его пополнение наемниками. Под командованием Георга фон Вальдбурга были теперь 1500 конников, 7 тысяч человек пехоты при 18 пушках. Нанеся неожиданный удар по крестьянам при Лейптейме, фон Вальдбург одержал первую значительную победу. Тысяча повстанцев погибла в бою, часть утонула, сброшенная конницей в Дунай, в плен было взято более 4 тысяч человек. Сказалась неопытность крестьян в военном деле, не раз проявлявшаяся и позже. Нередко после первых же залпов артиллерии они начинали разбегаться.

Тактикой Швабского союза стал методичный разгром восставших по частям. Дипломатия, переговоры также шли в ход. При

посредничестве ряда городов Швабский союз добился нового важного успеха: 17 апреля в Вейнгартене был заключен мирный договор с одним из самых крупных отрядов в 12 тысяч человек. Повстанцы обязались быть послушными господам, если их жалобы будут рассмотрены и никаких наказаний за участие в восстании не последует. Вейнгартенский договор позволил войскам Швабского союза двинуться во Франконию, где восстание вступило в свою высшую фазу. Лютер приветствовал договор как "милость Божию в это ужасное время".

Восстание во Франконии. Гейльброннская программа. Крестьянское движение во Франконии, начавшееся в марте 1525 г., быстро набирало силу. Здесь также возникло несколько больших повстанческих отрядов, начались многочисленные штурмы и сожжения замков и монастырей. Особый отклик по всей Германии вызвала казнь восставшими графа Людвиг фон Хельфенштейна, который с оружием в руках выступил против крестьян. Захватив его в плен, крестьяне прогнали графа и 13 его приближенных сквозь строй с выставленными пиками.

Методы действий повстанцев, нередко под угрозой силы вынуждавших население оказывать им помощь или присоединяться к ним, в принципе совпадали с тем, что советовал анонимный документ, распространявшийся с начала мая 1525 г. (но составленный, видимо, раньше). Автор этой программы, "Статейного письма", предлагал создавать для освобождения "простого бедного человека" от тягот "христианские объединения". Цель этого — избежать вооруженной борьбы и кровопролития. К тем, кто не примкнет к объединению, применяется светское отлучение — с ними следует обращаться как с отрезанной, мертвой частью тела. Замки и монастыри объявляются находящимися в светском отлучении немедленно. Иными словами, анонимный автор исходил из принципа перехода власти к народу, который противостоит господам и сам решает, не считаясь ни с какими существующими властями, что нужно делать со своими противниками. О компромиссах и соглашениях в "Статейном письме" речь не идет. Оно выразило одну из характерных тенденций Крестьянской войны, сформулировав радикальные принципы, которые крестьянская масса нередко воплощала на практике, даже ничего не зная о "Статейном письме".

Во Франконии, богатой городами, поддержку повстанцам оказали главным образом небольшие города полуаграрного типа, тесно связанные со своей округой. Рыцарство здесь было многочисленным, и из его среды вышли люди, возглавившие крестьянские отряды. Но если разорившийся дворянин Флориан Гейер искренне поддерживал крестьян, то авантюристически настроенный рыцарь Гец фон Берлихинген по прозвищу Железная Рука позже сам признавался, что

стал командиром отряда, чтобы не допустить "неразумных" действий повстанцев.

Как и в Швабии, во Франконии крестьяне действовали разрозненно, но решили обсудить возможность общих действий и программ. В городе Гейльбронне был намечен в мае 1525 г. съезд делегатов от крестьянских отрядов. Он, однако, не состоялся из-за вестей о разгроме Швабским союзом вюртембергских крестьян и приближении его войска. Не обсужденной, только в виде проекта, осталась "Гейльброннская программа", подготовленная Венделем Гиплером, начальником полевой канцелярии одного из отрядов, и Фридрихом Вейгандом, бывшим городским казначеем.

Содержание Гейльброннской программы ярко отразило разнородный состав франконского движения. В ней нашли выражение интересы и крестьянства, и бюргерства, и дворянства. Здесь предлагалась всеобщая реформа, затрагивающая мирян и духовных лиц, города и деревни. Видимо, программа должна была служить дополнением к "12 статьям", поэтому собственно крестьянских требований в ней немного, но на пользу деревне должны были пойти предлагавшиеся преобразования общего характера. Главная цель проекта — усиление центральной власти императора в противовес князьям. Они должны были стать лишь должностными лицами империи. Церковные имущества подлежали секуляризации, а из этого фонда следовало наделить землей рыцарство — идея, которую в свое время развивал еще Ульрих фон Гуттен. Духовенство следовало отстранить от власти в светских делах. Крестьянам программа обещала отмену личной зависимости и возможность выкупить феодальные повинности за взнос, равный их 20-летней стоимости. Это могли бы сделать только зажиточные крестьяне. Больше всего проект сулил горожанам: установление единых монеты, мер и веса, отмену внутренних таможенных сборов, выборный суд и влиятельное представительство при принятии законов (для этого предусматривался общеимперский орган). Предлагалось запретить деятельность крупных торгово-ростовщических компаний — горожане часто обвиняли их в стремлении к монополии.

Гейльброннская программа была главным документом из числа появившихся в атмосфере Крестьянской войны, в котором выдвигалось требование важного общегосударственного значения — централизации страны. Ряд мер, которые предусматривались в программе, мог бы при их реализации существенно продвинуть хозяйственное развитие Германии и ее правовые порядки. Программа, однако, осталась лишь утопией.

Войскам Швабского союза удалось наголову разбить франконские отряды. Их били поодиночке. Флориан Гейер погиб в бою. Тысячи схваченных повстанцев были подвергнуты суровым наказа-

ним, руководители — жесточайшим пыткам и казни, часть крестьян — ослеплению. Господа мстили за пережитый ими страх. Расправившись с повстанцами во Франконии, войска Швабского союза вернулись в Швабию и добились там оставшихся мятежников с помощью самих же крестьян, соблюдавших Вейнгартенский договор.

События Крестьянской войны в Средней Германии. Наиболее активно повстанческое движение в Средней Германии развернулось в Тюрингии и Саксонии. Здесь отряды также занимали замки и монастыри, вступали в союзы или конфликты с городами. Хотя в движении участвовали и плебейская часть городского населения, и некоторые горнорабочие, в целом властям удалось различными посулами удержать основную массу горнорабочих от враждебных действий.

Важную роль в воздействии на умы повстанцев сыграл Томас Мюнцер. С середины февраля 1525 г. имперский город Мюльгаузен с 7,5 тысячами населения, где находился Мюнцер, стал одним из важнейших центров Крестьянской войны. Магистрат оказался под влиянием Мюнцера и его сторонников, а также другого народного проповедника, Генриха Пфейффера, уроженца города. Полного согласия в тактике между Мюнцером и Пфейффером не было, но оба стремились вдохновить повстанцев на борьбу. Под влиянием общей атмосферы Крестьянской войны взгляды Мюнцера еще больше радикализировались. Он призывал к самому широкому объединению усилий города и деревни, к участию в восстании не только крестьян, но и горнорабочих, и уже этим отличался от массы повстанцев, которые обычно не поднимались над узко местными интересами. Мюнцер пророчил скорый конец "безбожным тиранам" и переход власти к простому народу, смело грозил местным графам, утверждая, что крестьянские отряды действуют по прямому повелению Господа. Он звал не к компромиссам, а к решительной борьбе за свои права.

Крупный военный лагерь повстанцев образовался у Франкенхаузена в Тюрингии. Туда прибыл на подмогу и Мюнцер с тремя сотнями человек. Перед сражением на небе появилась радуга, и Мюнцер, вдохновлявший крестьян своей речью, уверял их, что это знак поддержки со стороны небесных сил — ведь радуга, связующая небо и землю, была изображена и на знамени крестьян. Княжеские войска применили против мятежников артиллерию. Среди повстанцев поднялась паника, за бегущими устремилась княжеская конница, солдаты устроили резню, которая продолжалась и на улицах Франкенхаузена. Было убито 5 тысяч повстанцев, лишь 600 взято в плен. Мюнцер был схвачен, подвергнут страшной пытке и казнен. Казнили и Пфейффера. С восстанием в Тюрингии было покончено.

Завершение Крестьянской войны. Уже к лету 1525 г. главные

районы Крестьянской войны были усмирены войсками Швабского союза и князей, но возмущение все еще проявлялось в разных местах. Последнюю из вспышек подавили лишь в декабре этого года. Всюду расправа носила чрезвычайно жестокий характер. В Эльзасе озверевшие ландскнехты перебили за один раз 18 тысяч человек. Это было самым крупным кровопролитием за все время Крестьянской войны.

Уже после ее завершения на юго-западе Германии развернулось восстание крестьян и горнорабочих в Тироле, произошли выступления крестьянских отрядов в Зальцбургском архиепископстве. В Тироле, где восставшие захватили город Бриксен, они опустошали замки и монастыри. Во главе движения стоял бывший секретарь архиепископа Михаил Гайсмайер. В начале 1526 г. он составил для Тироля программу важнейших преобразований — “Земское устройство”. Реальные планы, которые хотел бы осуществить Гайсмайер в случае победы, сочетались здесь с утопией, одной из многих в ту эпоху. В “Земском устройстве” речь шла об установлении в Тироле республиканских порядков. Государству отводилась важная роль в хозяйственных делах. Горнорудное дело должно было стать его собственностью, а прибыль — идти на покрытие расходов республики. Намечалась мелиорация болот и освоение пустошей для выращивания зерновых культур, чтобы Тироль смог избавиться от необходимости ввозить хлеб. Предусматривалось ввести государственную монополию торговли, за счет десятины организовать помощь бедным, после роспуска монастырей устроить в их зданиях госпитали и приюты для детей. В стране должно было полностью восторжествовать равенство, поэтому городские стены намечалось снести, чтобы городов не стало, за исключением Бриксена и Триента. Всех ремесленников следовало собрать в одно место — в Бриксен, деятельность купцов прекратить. Для постижения Божьего слова в Тироле предполагалось создать высшую школу, а все ненужные книги сжечь. Как и другие программы участников Крестьянской войны, “Земское устройство” осталось лишь проектом. Несмотря на ряд военных успехов отрядов Гайсмайера, войска князей и Швабского союза постепенно окружили повстанцев. Гайсмайеру удалось через горы вывести часть восставших во владения Венеции. Он готовился к продолжению войны с Габсбургами, но был убит подосланным убийцей.

Итоги Крестьянской войны. Крестьянская война в Германии потерпела поражение. Войска Швабского союза и князей уже добивали в разных районах повстанцев, когда вышло в свет сочинение Лютера “Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян”. В этом памфлете Лютер с ненавистью осуждал мятеж и, захлестнутый яростью, призывал “рубить, душить, колоть” повстанцев “как бе-

шенных собак". Усмирители восстания действовали подобным образом и без его призыва, но с этого времени Лютер твердо связал свою судьбу с существующими властями. Бюргерство, за исключением малой радикальной части, разделяло его отвращение к мятежу, хотя тон Лютера даже ряду его сторонников показался чрезмерно резким. Лютеранская Реформация продолжалась, ей удалось добиться успеха во многих северогерманских городах.

Поражение Крестьянской войны укрепило взаимосвязи лютеранской Реформации с властью князей и магистратов. Сама эта власть окрепла. Политическое значение крестьянских общин, напротив, было повсеместно подорвано. Правда, в ряде районов власти и господа после Крестьянской войны не только наказывали крестьян, налагали на них громадные штрафы, заставляли восстанавливать разрушенное и сожженное. Они пошли и на некоторые уступки, частично реализуя программу "12 статей", чтобы разрядить социальную напряженность в стране. За настроениями крестьянства внимательно следили, стремясь постоянно контролировать их, в том числе с помощью пастырей земских лютеранских церквей. В католических землях то же самое делалось с помощью местного клира и монашества.

Радикальное течение Реформации после Крестьянской войны. "Царство праведных" в Мюнстере. Основные общественные противоречия, которые вызвали Крестьянскую войну, оставались питательной почвой для оппозиционных настроений и после ее поражения. Полицейский террор властей, ужесточение их контроля над церковной жизнью, школами, университетами, преследование инакомыслящих — все это оказалось не в силах искоренить стремления к преобразованию существующих порядков, надежд на социальное равенство. В обстановке непрекращающихся гонений радикальное течение Реформации дробится на множество сектантских групп, в которых нарастает нетерпимость к инакомыслию, в том числе по отношению друг к другу. Оппозиционную общественную мысль этого периода отмечает двойственность: еще сохраняются преемственные связи с идейным наследием поры Крестьянской войны, но вместе с тем идет его перетолкование. Характерными становятся отказ от насильственных методов борьбы либо признание их лишь самой крайней мерой самообороны.

Особенно четко эти тенденции выявились в анабаптистском движении (см. гл. 6), которое распространилось по всей Центральной Европе, заметно усилившись в Западной Германии, Нидерландах, Моравии. Наряду с возобладавшей тенденцией к проповеди ненасилия часть анабаптистов продолжала верить, что наступление царства Божия произойдет лишь с помощью самих праведных, силой которых, как орудием Господней воли, будут низложены "без-

божные злодеи". Для этой ветви анабаптизма случай открытого выступления представился в 1534 г. в Мюнстере.

В этом западногерманском городе несколько лет шла борьба за Реформацию с князем-епископом, который наконец был изгнан. В Мюнстер, объявивший себя "евангелическим", стали стекаться анабаптисты, многие прибыли из Нидерландов. В феврале 1534 г. анабаптисты завоевали большинство в магистрате, и главную роль в городе стали играть выходцы из нидерландских городов — булочник Ян Матис из Харлема и портной Ян из Лейдена. Город был объявлен "Новым Иерусалимом", откуда мечом праведных будет распространено по всей земле царство Божие. В Мюнстере это "царство" держалось 14 месяцев, до июня 1535 г. Город подвергся осаде наемных войск епископа. Оборону возглавлял Ян Матис, а после его смерти — Ян Лейденский. Он был провозглашен царем и появлялся в парадном одеянии в окружении 12 главных советников. Военная обстановка, трудности, вызванные осадой, дали дополнительный толчок проведению анабаптистами жестких мер уравнилельного характера. Деньги упразднили, в городе производился только натуральный обмен. Драгоценные металлы население было обязано сдать на общественные нужды. Продукты питания из запасов монастырей и епископа были конфискованы и частью розданы по семьям, частью использовались на общественных трапезах. То, что руководство города считало излишком в принадлежащих кому-либо предметах потребления, подлежало конфискации. Ростовщичество и спекуляцию запретили. Ссылаясь на тексты Ветхого Завета, руководители анабаптистов ввели многоженство, тем более что в осажденном Мюнстере женщин оказалось намного больше, чем мужчин. Этот опыт, однако, привел к такой разнузданности, что Яну Лейденскому пришлось смириться с его отменой.

"Царь" Мюнстера правил жестоко, установив по сути теократический режим. Истреблялись иконы и церковные украшения, из книг пытались оставить одну Библию. Отказавшиеся перекреститься изгонялись из города, их имущество было конфисковано. "Царство праведных" попало, однако, в изоляцию: несмотря на попытку единомышленников оказать Мюнстеру помощь, город был окружен, к осаждавшим присоединилось также имперское войско. Несмотря на недостаток съестных припасов, Мюнстер защищался долго и героически, но при содействии перебежчиков пал в июне 1535 г. в результате ночного штурма. После резни в городе схваченных руководителей обороны жестоко пытали и казнили. В Мюнстере был восстановлен католицизм.

Развитие Реформации. Протестантизм. Аугсбургское исповедание веры. В 1526 г. в развитии Реформации в Германии наметился новый поворот. По решению рейхстага имперские чины получили

разрешение до всеобщего собора вести себя в религиозных вопросах так, "как если бы они были ответственны только перед Богом и его императорским величеством". Таким образом, снималась обязательность выполнения Вормского эдикта 1521 г., предписавшего жесткие меры против "лютеранской ереси". Некатолические князья использовали эту ситуацию для укрепления позиций "евангелизма". Широкое развитие в их землях получили переустройство школ, в том числе высших, и церковные инспекции. По программе, разработанной Лютером и его ближайшим сотрудником, выдающимся педагогом Меланхтоном, а также другими поборниками умеренной Реформации, осуществлялась проверка убеждений и деятельности учителей, университетских преподавателей, церковных проповедников и низших церковных служащих. Все они были обязаны действовать в духе санкционированной княжеской властью лютеровской Реформации.

Первые церковные проверки были проведены в 1526 г. в Саксонии. Инспекцию проводили комиссии из теологов и юристов. Они осуществляли инвентаризацию церковных имуществ, изучали настроения и поведение членов церковной общины, особенно интересовались идейными позициями пасторов и учителей. Участники проверок жаловались на равнодушие масс к религиозным вопросам, невыполнение церковных служб, недостаточное образование духовенства. Проведение проверок шло рука об руку с процессом секуляризации церковных имуществ властями. Часть этих имуществ перешла в руки дворянства и горожан, часть по распоряжению властей и под их контролем была направлена на содержание проповедников, школ, университетов. Вслед за Саксонией аналогичные меры осуществили и другие территории, где князь рассматривался как "высший епископ". Секуляризация и там способствовала усилению княжеской власти. Контрольные комиссии работали также в имперских городах, принявших лютеранство, где за соблюдением предписанных норм наблюдали городские власти. Возможность распоряжаться бывшим церковным имуществом усилила здесь городские магистраты.

Действия евангелических властей вызвали возмущение католиков. В 1529 г. на Шпейерском рейхстаге император Карл V потребовал строгого соблюдения Вормского эдикта. Католическое большинство участников рейхстага настояло на решении, по которому католические церковные службы должны были стать обязательными на территориях евангелических князей и городов. В ответ от 5 княжеств и 14 городов был заявлен резкий протест, авторы которого утверждали, что в делах совести и веры невозможно подчиняться решению большинства. С этого времени сторонников Реформации стали называть протестантами.

В 1530 г. на Аугсбургском рейхстаге была сделана важная попытка на основе переговоров добиться согласия между католиками и протестантами путем сопоставления и, по возможности, сближения их конфессиональных доктрин. Лютер как официально осужденный еретик не мог присутствовать на этих переговорах. Главная роль в проведении их со стороны Виттенберга выпала Меланхтону. В "Аугсбургском вероисповедании" он дал систематическое изложение основ лютеранства и его принципиальных отличий от католицизма, а также от учения Цвингли и обвинявшегося в непризнании властей анабаптизма, который решительно осуждался. Свой вариант исповедания прислал на рейхстаг Цвингли; четыре верхнегерманских города представили изложение воззрений своей протестантской конфессии, написанное видным деятелем Реформации М. Буцером.

На стороне католиков особенно активно действовал старый противник Лютера И. Экк. Он составил гигантский реестр еретических заблуждений протестантов, и только невозможность практически обсудить все это вынудила Экка с сожалением сократить свой каталог до 404 пунктов. Имея эту опору, католики подготовили свой ответ — опровержение доктрин оппонентов. Одновременно они требовали отмены результатов секуляризации, угрожали объявить всех, кто препятствует восстановлению позиций их церкви, нарушителями мира. Переговоры закончились провалом.

Война между императором и протестантскими князьями. Аугсбургский религиозный мир. Аугсбургский рейхстаг 1530 г., отвергнув предложенные протестантами основы реформирования христианской церкви, потребовал привлечь их к императорскому суду. В ответ протестантские князья и города во главе с курфюрстом Саксонии и гессенским ландграфом заключили в 1531 г. в городе Шмалькальдене военно-политический союз с целью взаимозащиты и поддержки дела Реформации. Союз окреп после вступления в него новых членов. В нем, однако, не было полного единства: сказывались вероисповедные различия между лютеранами и теми, кто тяготел к цвинглианству.

Войны с Францией и Турцией долго отвлекали Карла V от активного вмешательства во внутренние дела империи. Лишь в 1546 г. после мира с Франциском I, развязав себе руки, император решил начать войну против Шмалькальденского союза, объявив, однако, что должен покарать его членов, но не за религиозные взгляды, а за нарушение законов империи. Из Италии в Германию были переброшены 40 тысяч отборных испанских солдат. Союзником императора выступил лютеранин саксонский герцог Мориц, получивший от протестантов за переход на сторону Карла V прозвище Иуды. Имперские войска одержали полную победу в битве при Мюльберге на Эльбе (24 апреля 1547 г.). Союз протестантов

был распущен, Виттенберг занят войсками Карла V. Император подготавливал полное восстановление католицизма. Многие протестантские проповедники были вынуждены бежать из страны. Попытки лютеранских князей вести новые переговоры о компромиссе исповеданий провалились. Однако католические князья, одобрявшие политику наступления на протестантов, уже начали опасаться явного увеличения мощи императора.

Ситуацией решил воспользоваться герцог Мориц. Резко изменив свою позицию, он возглавил антигабсбургские силы и заручился крупной субсидией от Франции. В 1552 г. князья неожиданно напали на императора, которому даже пришлось бежать из своей резиденции в Инсбруке, а французы по соглашению с герцогом Морицем оккупировали Лотарингию. После долгих переговоров, которые велись с участием Фердинанда, брата Карла V, на рейхстаге 1555 г. был заключен так называемый Аугсбургский религиозный мир.

Договор продемонстрировал реальную расстановку сил в Германии, где за годы Реформации разгром рыцарской оппозиции, подавление Крестьянской войны, подчинение городов политике усилившейся территориальной власти оставили только за князьями и императором роль вершителей политических судеб страны. Аугсбургский религиозный мир устанавливал на юридической основе имперского законодательства равноправие католиков и лютеран. По-прежнему не были признаны права ни сторонников Цвингли, ни кальвинистов, ни тем более анабаптистов, гонимых всеми властями и церквями. За князьями закреплялось право определять официальную религию подданных, населения своих территорий. Впоследствии этот принцип был кратко выражен в формуле: "Чья власть, того и вера". В Германии на время была заложена основа для мирного противостояния двух групп княжеств с разными исповеданиями — католических (австрийские наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франкония, Эльзас, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии) и протестантских (Саксония, Бранденбург, княжества Северной Германии, Брауншвейг, Вюртемберг, Гессен, Верхний и Нижний Пфальц).

Политика Карла V потерпела провал. Вместо дальнейшей централизации власти, необходимой для осуществления миродержавных планов, был сделан новый шаг к усилению раздробленности страны. Протестанты смогли закрепить свои успехи. Неудачи побудили Карла к отречению от престола. Его владения были поделены между сыном Филиппом II, королем Испании, и братом Фердинандом I, ставшим германским императором. Аугсбургский религиозный мир ознаменовал важный рубеж в истории Реформации. Ее развитие в Европе и в Германии не закончилось, но период ее наступления завершился. Началась эпоха Контрреформации. Она охватывает в

Германии время от 1555 г. до начала в 1618 г. Тридцатилетней войны.

Хозяйственная жизнь Германии во второй половине XVI — начале XVII в. Во второй половине XVI в. экономика Германии вступила в полосу нарастающего спада. Начало сказываться перемещение главных торговых путей и основных товаропотоков к побережью Нидерландов. Северогерманская Ганза постепенно оттеснялась крепнувшим голландским флотом на вторые роли в торговле с Прибалтикой. Ослабли позиции германских купцов и в торговле с Англией. В 1589 г. королева Елизавета I повелела закрыть в Лондоне Стальной двор — опору немецкого купечества в этой стране. Спад коснулся и германской горной промышленности. Ввоз драгоценных металлов из американских колоний остро ставил вопрос о рентабельности производства в Германии, между тем горнодобыча здесь все больше страдала от поборов, связанных с княжескими регалиями на недра, и от необходимости повышать затраты, так как прежние технические методы освоения рудников и шахт оказались исчерпанными. Более сложное оборудование удорожало производство, а это уже не устраивало главных вкладчиков капитала — крупные торгово-ростовщические фирмы, предпочитавшие хищническую эксплуатацию долговременным вложениям. Мануфактурное производство других отраслей экономики Германии, как и продолжавшее доминировать цеховое ремесло, все реже оказывались в состоянии конкурировать в экспортной торговле с Нидерландами, Англией и другими странами.

В сельском хозяйстве, не добившемся во второй половине XVI в. особых успехов, благоприятными оказались лишь возможности, которые открыла и феодалам, и значительной части крестьян "революция цен". Во второй половине XVI — начале XVII в. продолжалось постоянное повышение цен на продукцию сельского хозяйства, причем на зерно цены росли быстрее, чем на продукты животноводства, а на них, в свою очередь, быстрее, чем на ремесленные товары. От этого процесса больше всего страдали низшие слои города и наемные рабочие, безземельные и малоземельные крестьяне. Положение состоятельных крестьян улучшилось. Особенно выгодная ситуация для производства зерна на экспорт сложилась в заальбских областях. Спрос на зерно в быстро растущих городах Запада позволил повысить товарность местной экономики, но в то же время ухудшил, в отличие от других земель Германии, положение основной массы крестьян: их хозяйства в результате правового и полицейского нажима феодалов становились придатком барских и обслуживали барщинным трудом укрупнившиеся владения феодалов.

Политическая обстановка в Германии во второй половине XVI —

начале XVII в. В политической жизни страны наряду с продолжавшимся процессом укрепления территориального сепаратизма не прекращались конфликты между католиками и протестантами, не проходившие, однако, до широких военных столкновений. Продолжались и распри, соперничество между князьями различных протестантских исповеданий. В их владениях сказались результаты усиления догматизации церковного учения, расцвета протестантской схоластики. Одновременно с ними шло обновление католической схоластики в княжествах, возглавлявшихся сторонниками Контрреформации. После многих споров лютеран различных толков в Саксонии в 1577 г. было выработано ортодоксальное лютеранское вероисповедание в виде так называемой "Формулы согласия". По настоянию саксонского курфюрста ее должны были подписать все духовные лица, учителя, церковные служащие. В 1580 г. "Формулу согласия" включили вместе со старохристианскими символами веры, катехизисом Лютера, Аугсбургским исповеданием веры и другими важными текстами в "Книгу согласия". 86 имперских чинов и около 8500 представителей лютеранского духовенства подписали эту новую догматическую основу лютеранства, сделав ее тем самым нормативом для двух третей всех немецких протестантов. Одновременно это укрепило политические позиции саксонского правителя, который стремился к мирным отношениям с Габсбургами и соперничал с кальвинистским Пфальцем, проводившим враждебный Габсбургам курс.

В 1580-е годы саксонский тайный советник Н. Крелль, ставший всемогущим канцлером, решил изменить привычную политическую стратегию. Учитывая угрозу усиления Габсбургов, он пытался завязать прочные сношения с лагерем кальвинистов и французской короной. Крелль поощрял закрепление на государственной службе в Саксонии кальвинистов и терпимых к ним сторонников Меланхтона. Государственное исповедание — "Формула согласия" — было фактически предано забвению. Позиции Крелля, однако, не были прочны: после смерти курфюрста, который придерживался его советов, сословия потребовали ареста канцлера, обвинив его в измене. В 1601 г. его казнили. На мече палача перед казнью выгравировали надпись: "Берегись, кальвинист!" Попытка объединить силы лютеранства и кальвинизма в Германии провалилась.

Догматизация религиозных представлений была характерна и для кальвинистов. Ведущим центром в этом процессе стал университет Гейдельберга в Пфальцском курфюршестве. В 1563 г. здесь по заказу курфюрста составили Гейдельбергский катехизис, который был принят также многими внегерманскими общинами. В 1618—1619 гг. на Дордрехтском синоде в Нидерландах он был провозглашен главной символической книгой кальвинизма.

Обстановка постоянной межконфессиональной напряженности привела в Германии к повышению роли императора как возможного посредника между католиками и протестантами, гаранта Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Императоры Фердинанд I (1556—1564) и особенно его сын Максимилиан II (1564—1576), не утратившие надежды на воссоединение церквей, проводили политику относительной терпимости и компромисса с умеренными князьями-лютеранами. Они стремились не допустить в стране вооруженных столкновений на религиозной почве. Эта позиция подкреплялась постоянной необходимостью общеимперских денежных сборов в связи с турецкой угрозой. Императорский двор не был закрыт для протестантского дворянства. Максимилиан II шел на уступки, разрешая в Австрии и Чехии переход дворян в лютеранство. Боясь распространения военных действий из соседних стран на территорию империи, он запретил и католикам, и протестантам вербовать немецких солдат для участия в борьбе Нидерландов с Испанией и в религиозных войнах во Франции. После Тридентского собора, однако, влияние контрреформационной политики в Германии стало нарастать, прежде всего в Баварии, а после воцарения императора Рудольфа II (1576—1612) — и в империи в целом.

Резиденцией императора стала Прага. Воспитанник иезуитов, склонный к депрессии, а к концу жизни психически и физически больной, Рудольф II был высокообразованным, но неровным в своей политике человеком. Он был предан католицизму и проводил достаточно жесткую контрреформационную линию в управлении империей, но к своему двору привлекал людей разных исповеданий. Он увлекался "тайными науками" и естествознанием, проявлял глубокий интерес к астрологии, алхимии, магии, каббалистике, к математике и музыке. Его двор стал одним из крупнейших центров искусства в Европе. Рудольф II покровительствовал иезуитам, но не подчинил им Пражский университет, о котором предпочел заботиться сам. С 1593 г. он 13 лет вел войну с турками. В 1609 г. под угрозой восстания он был вынужден гарантировать чехам свободу вероисповедания. Еще при жизни Рудольфа II его начал постепенно оттеснять от власти его брат Маттиас, ставший императором в 1612 г. К этой поре наиболее воинствующие католики в Германии уже открыто требовали пересмотра итогов реформационной секуляризации церковных и монастырских земель.

Лишь крупные успехи Контрреформации и Габсбургов, опасность ликвидации протестантских режимов смогли способствовать сплочению раздробленных сил лютеран и кальвинистов. Военно-конфессиональное и одновременно политическое размежевание в Германии привело к образованию двух противостоявших друг другу

блоков, католического и протестантского, поддержанных иностранными союзниками и втянувших страну в Тридцатилетнюю войну.

Культура Германии в XVI в. Развитие гуманизма. Гуманизм в Германии начал складываться в 1430-е годы, на столетие позже, чем в Италии, под прямым воздействием итальянской ренессансной культуры. Местные условия и идейные традиции с самого начала наложили на него свой отпечаток. Его связь с культурой средних веков была сильнее и многообразнее, чем в Италии. Увлеченность античным наследием сплеталась с актуальной для Германии проблематикой — религиозно-этической и церковно-политической. В стране не было гуманиста, который прошел бы мимо этих вопросов. Гуманизм в Германии получил яркую национально-патриотическую окраску. Он часто обращался к немецкой истории и историко-географическим описаниям страны, особенно ее городов. Многие из гуманистов Германии проявляли интерес к математике, естествознанию, но, в отличие от Италии, гораздо реже обращались к проблемам искусства и эстетики. В литературном творчестве немецкие гуманисты предпочитали не гармонию, а экспрессию — гиперболу, гротеск, сатиру, любили сочетать художественный эффект с откровенным назиданием.

Становление немецкого гуманизма длилось около полувека. В 1490-е годы начался его расцвет. С этой поры гуманизм в Германии развивался стремительно и дал в короткий период до первых лет Реформации ряд крупных достижений. Одновременно наметился и в начале XVI в. стал набирать силу открытый конфликт гуманизма со схоластикой, более острый, чем в других странах Европы.

Особая роль в развитии новой культуры принадлежала книгопечатанию, изобретенному в середине XV в. И. Гутенбергом. К началу XVI в. в стране действовали около 50 центров книгопечатания. Вокруг крупнейших из них, публиковавших сочинения гуманистов, сложились гуманистические кружки. Большинство участников немецкого гуманистического движения — около половины — составляли выходцы из бюргерства. В числе гуманистов были также дворяне, патриции, представители духовенства, люди крестьянского происхождения.

Гуманистическое движение в Германии, тесно связанное с университетами и школой, с задачами воспитания и образования на новой культурной основе, уже своим характером обусловило большое значение в немецком гуманизме педагогической мысли. В становлении гуманистической педагогики решающую роль сыграли Рудольф Агрикола (1444—1485) и Якоб Вимпфелинг (1450—1528). Оба принадлежали к распространенному в Германии типу гуманистов, сочетавших интерес к новым культурным ценностям с верностью церковной ортодоксии. Агрикола, выходец из Нидерландов,

зложил основы развитого позже, в XVI в., учения об общих логических и этических понятиях, на которые должно опираться изучение многообразия мира. Он сделал, таким образом, важную попытку наметить научный метод познания с учетом гуманистического опыта. Вимпфелинг был поборником осторожных внутрицерковных преобразований, не затрагивающих католическую догму, и вместе с тем разоблачителем нравственных пороков и невежества клира, особенно монашества. Его педагогические рекомендации, направленные на сближение воспитания и образования с практической жизнью, пользовались широкой известностью.

Новые характерные тенденции в гуманизме рубежа веков выразили Конрад Целтис (1459—1508) и Себастьян Брант (1456—1521). С именем Целтиса, самого значительного неолатинского поэта в Германии эпохи Возрождения, связан расцвет любовной лирики. Поэзией, однако, круг его интересов не ограничивался. Он был основателем ряда гуманистических сообществ и выдвинул широкую программу коллективной научной работы немецких гуманистов. Он призвал собирать, изучать и издавать источники, освещающие историю родной страны, ее этнографические и географические особенности, культурные достижения разных веков. Сам он создал подробное стихотворное описание Нюрнберга, в котором особое внимание уделялось культурным достопримечательностям города. Оно стало образцом для других немецких гуманистов.

Брант, видный юрист, вошел в историю литературы как поэт-сатирик, саркастичный наблюдатель типов и нравов своего времени. Его книга "Корабль дураков" (1494), написанная по-немецки, была обращена к широкой аудитории и сразу завоевала популярность. Брант изобразил целую вереницу дураков разных сословий и профессий, собирающихся отплыть в царство глупости. Он обличал невежество, своекорыстие, мир торжества "господина Пфеннига", забвение заботы об общем благе князьями, попами, монахами, юристами. Нравоучительные сентенции, народные пословицы и поговорки пронизывают всю ткань его произведения. Пафос книги — в патриотической задаче пробуждения разума и исправления нравов в немецком отечестве. Книга Бранта стала истоком целой ветви немецкой литературы XVI в. — "литературы о дураках", ее влияние сказалось и в других странах Европы.

Патриотические настроения, характерные для немецких гуманистов, проявились и в их отношении к прошлому. Распространенной стала апология (а не критика) средневековой империи, долго противостоявшей притязаниям папства. Главное внимание гуманисты уделяли сведениям о древних германцах, истории Карла Великого и Оттонов, борьбе с папством, а также происхождению и развитию отдельных княжеств и городов. Крупный вклад в историогра-

фию внесли два гуманиста-патриция — Виллибальд Пиркгеймер (1470—1530) в Нюрнберге и Конрад Пейтингер (1465—1547) в Аугсбурге. Пиркгеймер, друживший с Дюрером, отличался разносторонними интересами. Он переводил с греческого на латынь классиков античной философии, литературы, географии, но также и образцы красноречия патристики, занимался математикой и астрономией. В “Кратком описании Германии” он сконцентрировал сведения античных авторов о древних германцах, в “Истории швейцарской войны” создал одну из первых гуманистических панорам недавних событий. Издав открытые Цельтисом сочинения монахини X в. Хросвиты Гандерсгеймской, он привлек внимание к творчеству “первой немецкой поэтессы”, которую волновали слава отечества и проблема достоинства женщины; она сделала попытку по-своему подражать античным авторам.

Пейтингер славился как собиратель богатейшей коллекции рукописей, монет, медалей, статуй и других памятников древности. Он опубликовал ценный для ее изучения эпиграфический материал и редкий топографический источник — римскую карту дорог, найденную Цельтисом, издал “Историю готы” Иордана и “Историю лангобардов” Павла Диакона. Пейтингер внес важный вклад в развитие немецкого гуманизма не только как историк. Видный юрист, возглавлявший канцелярию Аугсбурга, он был хорошо знаком с проблемами экономики своего времени и стал крупнейшим в Германии выразителем новых идей о свободе торговли, о связанных с ней новых принципах хозяйственной этики.

Дальнейшие шаги в исторической науке сделали Иоганн Авентин (1477—1534) и Беат Ренан (1485—1547). Авентин систематически обследовал различные архивы, особенно монастырские, и подготовил “Баварскую хронику”, написанную живым общедоступным языком. Ренан в комментариях к нескольким изданиям Тацита и своем главном труде — “Трех книгах германской истории” — последовательнее всех своих немецких современников применял историко-филологическую критику источников.

Эразм Роттердамский. Крупнейшим гуманистом всего Северного Возрождения стал Эразм Роттердамский (1469—1536), оказавший исключительно большое влияние на развитие гуманизма в Германии. В отличие от сторонников Цельтиса, он предпочитал национальному энтузиазму позицию “гражданина мира”, а естественным и математическим наукам — литературно-филологические и религиозно-эстетические вопросы. Эразм систематизировал и развил разработанный итальянскими гуманистами метод критики текстов и применил его в издании своего компендиума античной мудрости — сборника более чем трех тысяч пословиц и поговорок древних авторов, снабженного комментариями.

Уже в ранней работе "Наставление христианскому воину" (1501) Эразм использовал гуманистически трактованное понятие "подражания Христу", а свою позицию в целом называл "философией Христа". Он утверждал, что можно считать христианским все то, что является истинным. Такой широкий подход позволял искать образцы подлинной мудрости и добродетели вне рамок церковной ортодоксии, у представителей разных времен и народов, у людей различных исповеданий, в творчестве античных языческих авторов. Достижения языческой культуры уже не рассматривались как нечто враждебное христианству, напротив, они понимались как основа всего дальнейшего развития культуры человечества. Никто из немецких гуманистов не сумел превзойти Эразма в масштабах и глубине этого синтеза языческой и христианской культуры.

В своем творчестве Эразм выступал как беспощадно-ироничный обличитель суеверия, невежества, пороков всех сословий, прежде всего тех, кто считал себя главными наставниками общества — клира и монашества. Он был противником формализма в церковном благочестии, с холодной язвительностью отзывался о бесплодных хитросплетениях схоластики, равно как и о многих сословных предрассудках. Эразм обращался не только к религиозно-философским, но и к политическим вопросам своей эпохи. Он надеялся исправить недостатки общества путем распространения новой культуры и образования, перестройки духовной жизни людей. Это должна была быть, по его словам, "мирная победа". Он резко выступал против междоусобных войн и, признавая необходимость защиты отечества, решительно осуждал войны как метод решения спорных вопросов, как народное бедствие и препятствие развитию культуры. Просвещение общества Эразм считал панацеей от множества зол и бед, и не случайно именно педагогика в неразрывной связи с этикой стала стержнем всей деятельности гуманиста.

Многостороннее творчество Эразма оказало мощное воздействие на европейскую культуру XVI в., сильное влияние его ощущалось и в XVII в. Его произведения считались образцами красноречия и элегантной латыни. Особенно популярными в веках стали две его работы: шедевр социальной и нравственной критики — "Похвала глупости", в которой сочетаются сила сатиры, богатство оттенков иронии, изящество стиля, а также своеобразная энциклопедия его педагогических и этических идей — цикл диалогов "Домашние беседы" ("Разговоры запросто").

И. Рейхлин и "Письма темных людей". Иоганна Рейхлина (1455—1522), выдающегося филолога, вместе с Эразмом называли "двумя очами Германии". Он пропагандировал изучение наряду с латинским и греческим языками также и старейшего языка Священного Писания — древнееврейского. Рейхлин выработал собст-

енный, иной, чем у Эразма, вариант гуманистически-широкого понимания христианства. Он опирался при этом на неоплатонизм флорентийских гуманистов, античное пифагорейство и средневековое мистическое еврейское учение — Каббалу. Рейхлин утверждал, что человек, "микрокосм", во все века получал откровение Божьих истин, которые раскрывались ему через знаки и символы. Нельзя пренебрегать тем, что можно постичь с помощью этих источников, в частности в иудейской традиции, передаваемой из поколения в поколение со времен Моисея.

Своими переводами из Ветхого Завета Рейхлин выявил ошибки в библейской части "Вульгаты", церковного канона Писания. Это способствовало дальнейшему развитию гуманистической критики текстов и новым подходам к осмыслению Библии. Хотя Рейхлин считал себя верным сыном церкви, его принципы изучения сущности христианства и гуманистические религиозно-философские взгляды, как и в ситуации с Эразмом, не укладывались в жесткие рамки устоявшихся традиций. Широкий отклик в немецком и европейском гуманистическом движении получило выступление Рейхлина против наиболее фанатичных кругов католической церкви, потребовавших сожжения всех еврейских религиозных книг. Рейхлин, напротив, заявил о необходимости научного изучения также и этих источников. Разгорелась полемика "за" и "против" Рейхлина, вылившаяся в борьбу вокруг самого права гуманистов на свободу мысли и научного исследования. Образовались два лагеря: "рейхлинистов", включавший большинство гуманистов, и их противников во главе с кельнскими теологами и инквизиторами.

Важным событием в этой борьбе, как и в развитии немецкой ренессансной культуры в целом, стал выход в свет живой и острой сатиры, направленной против схоластики и клира, — "Писем темных людей". Эта книга, изданная анонимно в двух частях (в 1515 и 1517 гг.), была написана группой гуманистов, в которой главную роль играли Ульрих фон Гуттен и инициатор издания Крот Рубеан. В книге пародировалась переписка невежественных, морально убогих монахов и теологов. Противники Рейхлина и гуманизма обрисовывались как "темные люди", полные амбиций и откровенной злобы к свободной мысли. Обскуранты, поначалу с радостью принявшие "Письма" за работу своих единомышленников, стали всеобщим посмешищем.

Развитие культуры в условиях Реформации. Бурное развитие реформационных процессов раскололо гуманистическое движение. Упрочение власти князей, крушение надежд на политическую консолидацию страны, межконфессиональные противоречия и споры — все это сказалось на судьбе гуманизма. Утратив свою прежнюю автономию, он перестраивается. Старая и новая церкви стремятся

поставить его культурные достижения на службу собственным целям, использовать гуманистов как эрудитов, особенно для преподавания в школах и университетах, находящихся под контролем католических или протестантских властей. Оплодотворив последующее развитие культуры, гуманизм как особая, самостоятельная линия в ней постепенно затухает.

Одну из главных попыток "согласования" гуманизма и новых конфессиональных интересов сделал почитатель Эразма, профессор греческого языка в Виттенбергском университете Филипп Меланхтон (1497—1560), ставший видным деятелем Реформации. Он впервые систематизировал евангелическое учение Лютера и не раз выступал как его защитник в полемической борьбе. Богословские труды, особенно "Общие понятия теологии", как и важная роль Меланхтона в выработке Аугсбургского исповедания веры 1530 г., обеспечили ему признание в качестве одного из основоположников новой церкви. Он, однако, никогда не порывал и со своими гуманистическими увлечениями. Выдающийся знаток античных классиков, философ, филолог, историк, занимавшийся также географией, Меланхтон был прежде всего замечательным педагогом, теоретиком и организатором школьного и университетского образования. По его планам был основан ряд латинских школ и реформированы 8 университетов. Его идеи и учебные программы повлияли на развитие образования также и в католических землях. Все это принесло ему славу "наставника Германии". Гуманистическая настроенность Меланхтона сказалась и на его попытках смягчения межцерковных противоречий, в частности на компромиссах с кальвинизмом, что неоднократно приводило его к конфликтам с фанатиками строгой лютеранской догмы.

Обратившись к широким массам народа на родном языке, Реформация вынудила и своих противников действовать аналогичными методами, стимулировала бурное развитие творчества на немецком языке и расцвет немецкой публицистики. Только от первой трети XVI в. сохранилось свыше пяти тысяч "летучих листов" — изданий памфлетов, диалогов, сатирических стихотворений, социально-политических программ, других типов сочинений. Значительная часть полемической литературы этой эпохи была написана на немецком языке, хотя в целом во всех видах изданий латынь еще преобладала. Продукция немецких типографий в 1520—1525 гг. выросла почти вчетверо, причем 90% печатных станков в этот период было поставлено на службу Реформации. Масса изданий иллюстрировалась гравюрами, чтобы нагляднее доносить до читателей злободневные вопросы общественной жизни.

Особую роль в развитии национальной культуры сыграла деятельность самого Лютера. Важнейшие реформационные работы он

писал главным образом по-немецки, и другие деятели Реформации следовали его примеру. Крупным событием в культуре и общественной жизни стали его переводы на немецкий язык Нового Завета (издан в сентябре 1522 г. — так называемая “Сентябрьская Библия”), а затем и Ветхого Завета (1534). Попытки переводов Библии делались в Германии и до Лютера, но именно он сумел дать своим трудом образцы богатства речи и мастерского владения ясным, точным, выразительным немецким языком. Лютеровские переводы Библии, включая нередко публиковавшийся отдельно перевод Нового Завета, с 1522 г. до кончины Лютера в 1546 г. издавались более 430 раз. Общий тираж его основных сочинений исчислялся уже к середине века сотнями тысяч экземпляров.

Воздействие Реформации на развитие образования и воспитания оказалось, однако, достаточно противоречивым. На первых порах оно проявилось в резком сокращении интереса в немецком обществе к светской латинской образованности, а затем и к образованию вообще. По свидетельству Лютера, многие родители решили, что незачем посылать детей в школы да еще платить за это, раз у молодежи исчезла дальнейшая перспектива — стать монахом или священником. Для перемен понадобились годы и систематические выступления виднейших реформаторов в защиту образования. Лютер в 1524 г. увещал бургомистров и советников немецких городов учреждать и поддерживать христианские школы, основанные на возрожденном интересе к древним языкам и “свободным искусствам”. Он утверждал, что такое обучение будет способствовать пониманию и изучению Священного Писания, готовить христиан к выполнению своих обязанностей в рамках светского порядка.

Реформация, отвергнув старые типы церковных и монастырских школ, начала строительство новой системы доуниверситетского образования. По мнению современников-протестантов, наиболее удачным, получившим славу почти образца, оказался опыт гимназии, созданной в Страсбурге Я. Штурмом в 1538 г. Учащихся разделили на 10 классов, и они шаг за шагом по единой программе изучали латинский и греческий языки, элементы грамматики, риторики, диалектики. Идеалом школы было “мудрое и красноречивое благочестие”. Существовали и другие варианты протестантского обучения, сочетавшие, как правило, традиционный опыт и поиски нового, элементы гуманистической культуры и общую протестантскую направленность образования.

Культура в период Контрреформации. Не меньшее внимание, чем протестанты, уделяли проблемам воспитания и образования деятели Контрреформации. Преследуя ереси, уничтожая и запрещая книги, противоречившие установлениям Тридентского собора, вынуждая к массовой эмиграции приверженцев новой веры, рим-

ская церковь одновременно обновляла педагогические средства воздействия на различные слои своей паствы, особенно на молодежь. Главная роль в этих процессах принадлежала иезуитам. С середины XVI до начала XVII в. им удалось постепенно взять под контроль все университеты католических территорий Германии. Это произошло не столько из-за улучшений, проведенных в системе обучения, сколько вследствие возможности распределять оплачиваемые преподавательские места, полученной иезуитами от властей и церкви. Ни одна кафедра не могла пополняться новыми силами без их ведома. Они зорко следили, чтобы к преподаванию допускались лишь ревностные католики. Иезуиты не отвергали использование элементов гуманистических наук в своей системе образования и воспитания, но эти элементы были оттеснены преимущественно в сферу доуниверситетской подготовки. На периферию обучения, в отличие от протестантских методов, были отодвинуты изучение этики, математики, древнееврейского языка. В гимназиях уделяли внимание грамматике, риторике, овладению греческим языком и латынью, но рассматривалось все это лишь как подготовка к главным дисциплинам философских факультетов католических университетов — логике, физике (изучению природы главным образом по Аристотелю), метафизике. Философские дисциплины, в свою очередь, были целиком ориентированы на последующее освоение теологии в строго ортодоксальном духе. В учебной программе иезуитов практически не оставалось места истории, которой всегда интересовались и гуманисты, и протестанты. В середине XVI в. в Вене, Кельне, баварских землях стали открываться первые иезуитские гимназии. К концу столетия в Германии существовала уже целая сеть руководимых иезуитами гимназий, интернатов для бедных учеников, пансионов для молодых дворян, семинарий для будущих священников. Учили иезуиты бесплатно; средства, необходимые для содержания учебных заведений, поступали от властей и в виде различных пожертвований.

Сильная конфессиональная окрашенность становится во второй половине XVI в. характерной для всех отраслей гуманитарных наук. Проявилось это и в развитии исторических знаний. В отличие от гуманистов, внимание которых привлекала прежде всего гражданская история, протестантская историография, не пренебрегая ею, сосредоточила главные усилия на изучении истории церкви. Лютер подчеркивал воспитательное значение всемирной истории и писал предисловия к историческим трудам. Меланхтон включил историю в свои программы университетских наук и сам читал курс всемирной истории, положив в основу компилятивную всемирную хронику своего ученика И. Кариона. По указаниям Меланхтона она была переработана в учебник, изданный в 1564—1565 гг., который более

чем на столетие стал пособием по всемирной истории во всех протестантских землях и странах. При этом повсюду в них наряду с церковной историей преподавалась и гражданская, что было санкционировано рекомендациями Меланхтона.

Самым крупным историческим трудом протестантских авторов стало издание в 13 томах "Церковной истории, изложенной по столетиям", где каждому веку ("центурии") от рождения Христова до XIII в. был посвящен отдельный том. Издание (1559—1574) впервые в исторической науке готовилось как коллективная работа. Ее возглавлял из Магдебурга лютеранский теолог Матфей Флакк (Власич). Работа, которую часто называют "Магдебургскими центуриями", создавалась по строгому плану, с четким разделением задач участников. Одни собирали материалы, в том числе в католических землях тайно, другие делали отбор и анализ источников, третьи во главе с Флакком писали и редактировали книги. Главной целью труда был показ на широчайшем материале процесса "порчи" церкви после раннего христианства и превращения ее под главенством римских пап в "царство Антихриста".

Католическая сторона отвечала протестантам главным образом яростными полемическими сочинениями, но в 1588—1593 гг. появился в качестве научного противовеса "Магдебургским центуриям" труд объемом в 12 томов — "Церковные анналы". Его автором был кардинал Чезаре Баронио, который использовал недоступные протестантам богатейшие архивы Ватикана. Историография, таким образом, в условиях острой межконфессиональной борьбы использовалась в пропагандистских целях обеими сторонами. В то же время публикации крупных массивов новых источников, стремление в полемике выявить реальные, а не только риторические доказательства и в конечном счете способствовали продвижению вперед истории как науки.

Противостояние догматическим линиям ортодоксии, каравшееся властью, было в те времена делом разрозненных одиночек. Ранний пример свободомыслия дал гуманистически образованный историк и философ Себастьян Франк (1499—1542). Он отстаивал право искать ядро истины в самых разных верованиях, церковных и сектантских учениях. Основываясь на традициях мистики, Франк понимал Бога как действующее в человеке духовное начало. Никакие внешние формы не могут регламентировать это звучащее в человеке внутреннее слово. Отсюда отрицание Франком обрядовой стороны религии, предписанных догматов, религиозной обязательности каких-либо учреждений. В его творчестве пантеистические тенденции сочетались с пацифизмом и критикой всех разновидностей церквей и властей.

Мистико-пантеистическим характером отличалась и теософия Якоба Бёме (1575—1624). В книге “Аврора, или Утренняя заря в восхождении” (1612) он использует понятия-образы, символы и целые поэтические картины, развивая представления о том, как Бог соотносится с миром. Бёме утверждал, что Бог пребывает в каждом, кто живет свято, и этой этической трактовкой христианства подрывал основы вероисповедных различий. Духовенство его преследовало и пыталось запретить писать.

Политическая мысль Германии в обстановке засилия княжеской власти не дала существенных достижений. Единственная крупная фигура, развивающая новые политические идеи, — северогерманский кальвинист Алтузий (1557—1638). Он выступал в защиту суверенитета народа, перед которым ответственны правители и который волен их свергать и карать, если они покушаются на верховенство народа или нарушают его интересы.

В историю естествознания XVI век вошел как время, когда продвижение в ряде наук свершалось главным образом за счет накопления, описания и систематизации опыта. Гуманистически образованный врач Георгий Агрикола (1494—1555) посвятил многие годы изучению горного дела. Его главный труд “О горном деле и металлургии”, богато иллюстрированный, был опубликован посмертно в 1556 г. Агрикола подвел итог уровню знаний этого времени о горном деле, минералогии и геологии, что способствовало дальнейшим практическим достижениям. Его работа оставалась важным научным пособием на протяжении 200 лет.

В век, когда продолжались Великие географические открытия, большой популярностью пользовались универсальные описания земли — “Космографии”. Наибольшую известность получила “Космография” 1544 г. Себастьяна Мюнстера (1489—1552). Среди ее 26 карт были, в частности, довольно точные карты Кубы и других новооткрытых земель, а в число почти 500 гравюр были включены изображения жителей Нового Света.

На исходе эпохи Возрождения работал выдающийся немецкий астроном и математик Иоганн Кеплер (1571—1630). Он стал одним из приверженцев гелиоцентрической теории Коперника, книга которого впервые была издана в 1543 г. в Германии, в Нюрнберге. Используя отличавшиеся большой точностью астрономические наблюдения за движением планет датского ученого Т. Браге, Кеплер в 1609 г. в книге “Новая астрономия” и в 1619 г. в труде “Гармония мира” опубликовал открытые им законы обращения планет вокруг Солнца. На их основе он составил более точные таблицы движения планет с расчетами, правильность которых можно было проверить на опыте. Все это сыграло большую роль в развитии представлений о природе. Вместе с Коперником и Галилеем Кеплер стал одним из

главных создателей новой астрономической науки. Он внес также значительный вклад в оптику, кристаллографию и другие отрасли знания. В то же время, как и у ряда других выдающихся ученых эпохи Возрождения, в представлениях Кеплера рациональные знания причудливо сплетались с магическими, мистическими, астрологическими представлениями. Кеплер сам составлял гороскопы, но в то же время боролся с суевериями эпохи.

Обострение межконфессиональных противоречий, связанное с развитием процессов Контрреформации, стало одной из причин ужесточения массовых гонений на “ведьм” в Германии и других странах Европы. Кульминация этого явления, имевшего место и раньше, в немецких землях приходится на последнюю треть XVI в., а также на первые десятилетия XVII в. Постоянная напряженность, связанная с ростом нищеты, давлением крепнувшей абсолютистской власти, межцерковными конфликтами, приводила к поискам “козлов отпущения”, которыми в обстановке коллективных психозов становились турки, иудеи, женщины, которых рассматривали как слуг Сатаны христиане иного вероисповедания. В реальность черта, в ведьм и прочую “нечистую силу” в равной мере верили и сторонники папы, и почитатели Лютера. Фанатизм и изуверство в поисках ведьм и расправах над ними стимулировались общепризнанным поощрением доносчиков, предоставлением им части имущества осужденных. Расправы оправдывали тем, что страна “полна ведьм”. Преследования в Германии заметно пошли на спад лишь после Тридцатилетней войны, но решающий удар по ним был нанесен только в эпоху Просвещения.

Немецкая литература во второй половине XVI — первой половине XVII в. Во второй половине XVI в. продолжали широко издаваться народные книги, в которых доминировали традиции средневековья — интерес к рыцарским сюжетам, легендам и чудесам. В этом потоке выделяются “Шильдбюргеры” (1598), книга, высмеивающая тупоумие немецкого мешанства. Долгая жизнь в литературе была суждена двум легендам, обработки которых появились в виде народных книг. В 1587 г. вышла “История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике”, в 1602 г. — повествование о “вечном страннике” Агасфере. В соответствии с духом времени обе книги были пронизаны благочестивыми поучениями и предостережениями.

С традициями народной литературы было связано творчество немецкого поэта Ганса Сакса (1494—1576). Он не только черпал из фольклора многие мотивы своих стихотворений, пьес и коротких забавных рассказов, но и выражал массовые вкусы и представления. Сакс был певцом всего житейского. Его идеалы типичны для бюргерства — он прославляет уют, благополучие, устойчивый порядок.

Но он обладал также юмором, умением зорко подметить характерную деталь, живо передать комизм повседневных сцен. Творчество Сакса отразило мозаику бытовых ситуаций и нравов его времени, неизменно отдавая при этом дань поучению.

К началу XVII в. в Германии отчетливо проявились зародившиеся еще в предшествующий период процессы "порчи языка" — широкого распространения различных жаргонных "смесей". В придворной среде, почтительно равнявшейся на вкусы дворов Франции и Испании, в немецкую речь вторгнулся французский язык; в ученой среде учителей, пасторов, чиновников с немецким комбинировали латынь, в кругах бюргерства, стремившегося подражать дворянам и ученой публике, — жаргон включал элементы уже всех трех языков. "Порча языка", свидетельство нарастающей провинциализации немецкой культуры, вызвала противодействие со стороны ряда обществ по защите языка, которые стремились провести грамматическую нормализацию литературной немецкой речи, преодолеть ее засорение. Самым влиятельным стало действовавшее около полувека основанное в 1617 г. "Плодоносящее общество", почти целиком дворянское. В него входили крупнейшие литераторы, в том числе Опиц и Грифиус.

Поэт-лирик и теоретик стихосложения М. Опиц (1597—1639) возглавил группу литераторов, которая в опоре на античных авторов и в дружеской взаимосвязи с голландскими классицистами повела борьбу за развитие национальной культуры по раннеклассицистскому пути. Другую линию творчества представлял поэт и драматург А. Грифиус (1616—1664), крупнейший в Германии выразитель трагического мироощущения барокко. Напряженными контрастами образов, ступением красок, пафосом, динамикой действия он вламывал элементы классической формы, в которую облакал ряд своих произведений. В годы Тридцатилетней войны Опиц, Грифиус, Флеминг и другие мастера литературы, потрясенные бедствиями времени, сильно и ярко выразили обращенные к стране слова скорби и утешения.

Изобразительное искусство. Архитектура. Конец XV — начало XVI в. стали периодом недолгого, но блистательного расцвета немецкой ренессансной живописи и графики. В значительно большей мере, чем в Италии, они сохраняли связь с традициями готики, но также дали художественные достижения мирового значения. Центральное место в искусстве этой поры принадлежит творчеству Альбрехта Дюрера (1471—1528). Он обладал универсальным дарованием: разносторонний живописец, величайший мастер гравюры в Европе, он был также ученым, занимавшимся проблемами линейной перспективы и пропорционирования человеческого тела, теоретиком искусства, который настойчиво стремился постичь законы кра-

соты. Не порывая с богатством опыта готики, Дюрер, дважды побывавший в Италии, полнее других немецких мастеров своего поколения овладел достижениями итальянского Ренессанса. Он сочетал в своем творчестве рациональность и страсть, тягу к точности изображения натуры и полет фантазии, орнаментальность линейного строя произведений и их пространственную глубину. В сериях гравюр на дереве — “Апокалипсис”, “Большие страсти”, “Малые страсти”, в прославленных шедеврах гравюры на меди “Рыцарь, смерть и дьявол”, “Иероним в келье”, “Меланхолия”, в картине “Четыре апостола” он воплотил напряженность чувств и драматизм мироощущения человека реформационной эпохи. Он стал одним из создателей портретного жанра в Германии, оставил целую галерею живописных и графических образов своих современников — гуманистов, купцов, политических деятелей, которым дал остро индивидуальные характеристики. Писал он и автопортреты. Значение его творчества для национальной культуры Германии оказалось столь велико, что пору расцвета искусства немецкого Возрождения часто называют “эпохой Дюрера”.

Одновременно с Дюрером работал другой крупнейший художник — Матис Нитхардт (1460/1470—1528), прозванный Грюневальдом. Грюневальд — мастер экспрессивных, драматических религиозных образов, с огромной силой передающих душевное потрясение и физическое страдание, муку отчаяния и ликующую надежду. Одной из главных его работ был многостворчатый “Изенгеймский алтарь”, созданный для монастырской церкви. Центральное место в нем занимает грандиозное “Распятие”, подобное некоему видению. Грюневальд больше Дюрера связан с наследием готики, но мощью образов и грандиозностью ощущения природы он неотделим от Ренессанса. Колористическое богатство его живописи принадлежит к высшим достижениям национальной художественной культуры.

Выдающийся портретист, мастер мифологических и религиозных сцен Лукас Кранах Старший (1472—1553) особенно тесно связал свое творчество с задачами Реформации. Ренессансная острота и свежесть восприятия мира отличают его ранние работы. Эти качества все реже проявляются в его более поздних маньеристских произведениях, часто подчиненных благочестиво-дидактическим целям. Он обладал, однако, виртуозным искусством декоративных решений и тонким чувством красоты пейзажа.

Важную роль играл пейзаж и в творчестве целой плеяды художников, которых объединяют названием “Дунайская школа”. Крупнейшим из них был А. Альтдорфер (1480—1538), автор алтарных образов и картины “Битва Александра Македонского с Дарием”, ставшей вершиной его искусства. Своим поэтическим восприятием

природы, воплощенным то в лирических, то в мощных величаво-космических образах, Альтдорфер внес большой вклад в становление пейзажного жанра в Европе. Немецкая живопись и графика эпохи Дюрера были богаты и другими славными именами.

В середине и второй половине XVI в. немецкое изобразительное искусство переживает период глубокого упадка, и не только в протестантских землях, где художники с развитием Реформации лишились наиболее распространенных форм заказов — для церкви. Упадок распространился и на католические княжества и города. Лишь в конце XVI — начале XVII в. снова появляются видные немецкие художники, работающие при немецких и иных дворах в духе маньеризма, ставшего интернациональным явлением. Европейскую известность завоевал А. Эльсхеймер (1578—1610), живший в Италии. Он славился небольшими тонкими пейзажами с библейскими и античными персонажами.

По сравнению с изобразительным искусством в немецкую архитектуру ренессансные веяния приходят с запозданием, частое обращение к новым тенденциям начинается лишь с середины XVI в. Развивается преимущественно светская архитектура: строят княжеские дворцы и замки, гильдейские и частные дома горожан, ратуши, склады, цейхгаузы. Традиции позднеготических конструкций как основы зданий сочетаются с ренессансными формами и орнаментом в декоративном убранстве. Новые тенденции проникают в зарождающееся регулярное строительство. В конце столетия по четкому геометрическому плану, выдержанному в духе итальянских “идеальных городов”, в Вюртемберге начинают строительство целого города — Фрейденштадта, предназначенного для гонимых за веру протестантов, переселившихся из Австрии. На протяжении всей эпохи сохраняют высокий уровень произведения немецких мастеров декоративно-прикладного искусства — виртуозов обработки металла, дерева, кости и других материалов. В их работах возрастает маньеристическая прихотливость форм и орнаментации.

Музыка. В немецкой музыке эпохи Возрождения доминирует влияние нидерландских полифонистов, развиваются “итальянский” мадригал и французская полифоническая песня, отличается большим разнообразием инструментальная музыка — от органной до лютневой. В числе выдающихся мастеров XVI в. были один из основоположников школы полифонизма в Германии, выходец из Нидерландов Г. Изаак (1450—1517) и его ученик Л. Зенфль (1486—1542). Любимый композитор Лютера, Зенфль славился хорами. Он широко использовал в них обработку напевных мелодий, включая фольклорные. В отличие от католической традиции, текст песнопений был немецким, а не латинским. Эти сочинения исполнялись всей церковной протестантской общиной. Общий уровень му-

накальной культуры Германии был высок. Во многих городах действовали объединения мейстерзингеров, при дворах — капеллы. В Мюнхене многие годы капеллой герцога Баварского руководил Орландо Лассо, прозванный “князем музыки”. Широкое распространение получило бытовое музицирование, где любимейшим инструментом была лютня. К концу XVI в., как и в Нидерландах, возрастает роль сольного пения, инструментальная музыка обособляется от давних связей со словом и вокалом, начинается расцвет искусства органистов, в том числе их импровизаций. Итог музыкальным достижениям и традициям XVI в. подводит обладающее универсальной широтой творчество крупнейшего композитора Генриха Шютца (1585—1672). В его музыке, особенно в ораториях, величавых “Священных симфониях” на библейские темы, рождается новый язык. Он отвечает времени мощными контрастами, патетикой, героикой. Его сила, энергия, многокрасочность характерны для формирующейся музыки барокко. Творчество Шютца стало одной из важных вех на пути полифонизма XVII в. к эпохе Баха и Генделя.

ШВЕЙЦАРИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Швейцарский союз в XVI в. В Европе XVI в. Швейцария была одной из немногих стран с республиканскими порядками. Ее города и земли юридически продолжали числиться за Священной Римской империей, но после победы в Швабской войне 1499 г., когда они отстояли свою независимость от имперских органов власти, они жили по существу самостоятельной жизнью.

В XVI в. в основном завершилось формирование территории Швейцарского союза. Она расширилась за счет добровольных присоединений к конфедерации, завоеваний и скупки земель. В начале века к союзу примкнули три новых кантона. Их стало 13: 7 городских и 6 сельских. Число кантонов до конца XVIII в. не менялось. Количество "союзных земель", обладавших ограниченной автономией, возросло до 10. В их круг вошла Женева, получившая этот статус в 1584 г. На юге группа кантонов завоевала местности с итальянским населением и поставила в этих общих владениях своих управителей — фогтов. На западе город Берн захватил у герцогов Савойских обширную территорию вплоть до Женевского озера. Тот же Берн и город Фрейбург (Фрибур) скупили небольшое графство у владельцев, которые нуждались в деньгах. На востоке другое графство приобрела союзная земля Граубюнден. В результате всех произошедших перемен границы страны приблизились к современным. Закрепилась и ее языковая специфика: большинство населения Швейцарии было немецкоязычным, но в ее состав вошли целые области, где преобладала французская или итальянская речь, а в ряде горных районов жители сохранили древний рето-романский язык.

Население Швейцарии увеличилось за XVI век с 850 тысяч до 1 млн человек. Расселение в стране, где свыше половины территории занято горами и озерами, было крайне неравномерным. Большинство швейцарцев проживало в сельской местности в равнинной части страны и в горных долинах. Города были сравнительно немногочисленны, невелики и тесно связаны со своей аграрной округой. Наиболее значительными городскими центрами стали Базель и Женева (10—16 тысяч жителей), Цюрих (ок. 7 тысяч), Берн (5,5 тысяч). Жители городов составляли меньшую часть населения даже в

городских кантонах. В середине XVI в. в самом Цюрихе проживало в 12, а в Берне в 30 раз меньше народа, чем в кантонах этих городов. Значение городов в жизни страны определялось, однако, не только степенью концентрации населения, но и их многообразной совокупной ролью — хозяйственной, политической, культурной.

По своему политическому устройству Швейцария была конфедерацией, союзом фактически суверенных городских республик и самоуправляющихся сельских территорий. Единого договора между всеми членами союза не существовало, он держался за счет целой сети перекрестных договоров между отдельными кантонами и их группами. Швейцария не имела постоянных органов центральной власти, постоянного войска, общей казны, общего суда. Тагзатцунг, верховный орган самоуправления всей конфедерации, был собранием делегатов от кантонов, которые представляли также интересы "союзных земель" и подвластных фогств. Он не обладал твердо установленной компетенцией, постоянным местом сбора, строгой периодичностью созыва — все определялось конкретными общими нуждами и интересами кантонов. Делегаты обсуждали важнейшие дела войны и мира, внешних союзов, отношений между кантонами, денежных взносов или размеров вербовки войск, стремились путем переговоров достичь единогласия, но нередко один или несколько кантонов отказывались выполнять решения, которые их не устраивали. При такой политической системе роль местных органов власти была особенно велика.

В Швейцарии основную массу деревенского населения составляли лично свободные люди, и это сказалось на управлении обществом. В сельских кантонах деревни решали свои дела и выбирали старост на общинных сходах. Раз в год происходили собрания всего взрослого мужского населения кантона. После молитвы в общем кругу постановления принимались открытым голосованием. Тон задавали, однако, состоятельная деревенская верхушка и опытные войсковые командиры, причем нередко были случаи подкупа голосовавших.

Управление каждого из крупных городов Швейцарии отличалось своими особенностями, но они имели и характерные общие черты. Как правило, ежегодно проходили выборы Большого и Малого советов и городского магистрата — бургомистров, судей, других должностных лиц. Часть мест заполнялась без участия избирателей, на основе рекомендаций прошлого состава магистрата. Число членов советов и служащих различалось в разных городах, но практически повсюду важнейшими делами ведали Малые советы и бургомистры. В Цюрихе, Базеле, Шаффгаузене ведущая роль в управлении принадлежала цеховой верхушке, в Берне, Люцерне, Фрейбурге — городской знати. В Швейцарии XVI в. чем дальше, тем больше

происходило замыкание функций власти в группах одних и тех же семейств. При внешнем сохранении демократических традиций повсеместно, в городе и деревне, усиливалась власть олигархии.

Хозяйственный строй. Природные условия порождали резкие различия в хозяйственных возможностях разных областей страны. Важнейшее место в сельском хозяйстве занимали земледелие и пастбищное животноводство. Земли, удобной для обработки, в Швейцарии не хватало, и здесь бережно относились к каждому ее клочку, вплоть до террас на склонах гор. Посевы зерна на основе системы трехполья, а также виноградарство, где это позволяли почва, солнце и ветры, были характерны для равнинной части страны и горных долин. В наилучшем положении был кантон Берна, он мог сам обеспечить себя хлебом даже в обычные годы, а при хорошем урожае часть зерна отправить на экспорт. Напротив, городские кантоны Цюриха, Базеля, Люцерна, Восточная Швейцария покрывали свои потребности только в урожайные годы, в остальное же время должны были ввозить зерно. Обширные территории — “лесные” кантоны центральной Швейцарии, кантоны Шаффгаузен, Цуг, Аппенцель, союзные земли Санкт-Галлен и Граубюнден, ряд фогств вообще не могли прожить без постоянного привоза зерна. “Лесным” кантонам в случае их конфликта с соседями и блокады дорог угрожал голод. Потребность в хлебе, с одной стороны, продажа зерна — с другой, были теми хозяйственными нитями, которые связывали земли Швейцарского союза. Крупнейшими центрами торговли зерном стали Базель, куда оно поступало из германской империи, особенно из Эльзаса, и Цюрих, переправлявший потоки этого товара с выгодой для себя во внутренние земли Швейцарии. Хозяйственная необходимость породила в городах жесткую политику магистратов в делах торговли зерном: запреты спекуляции, контроль властей за соблюдением максимума цен. В то же время города использовали все возможности для постоянного нажима на сельскую округу, требуя исключительного права покупки их продуктов на своих рынках.

Феодалные формы зависимости крестьян были развиты в Швейцарии слабее, чем в соседних странах. К XVI в. многие сельские общины, добившиеся свободы от своих светских или духовных господ, целиком состояли из крестьян — собственников земли. В наибольшей мере феодалные поземельные поборы и повинности, различные выплаты за остатки личной зависимости (типа посмертного побора) продолжали существовать в завоеванных территориях, фогствах, подвластных одному или нескольким кантонам. Феодалные традиции сохранялись и в отношениях крестьян с теми монастырями, которым их предки сделали земельные дарения. Правда, нередко сохранявшиеся повинности замещались денежными рента-

ми, которые целиком или по частям скупались у монастырей горожанами. Крестьяне часто жаловались на платежи, связанные с личной несвободой, и на малую десятину.

В самой деревенской общине на протяжении XVI в. медленно накапливались изменения. Усилилось имущественное расслоение крестьян. Состоятельная верхушка общины стремилась сосредоточить в своих руках доходы от альменды — принадлежавших сельской коммуне лесов, лугов, вод. Малоземельные крестьяне, да и те, кто не имел полного надела, должны были, например, за пользование лесом для постройки или ремонта дома делать взносы в пользу общины, по сути — тому узкому кругу сельских хозяев, которые фактически оттесняли от права на власть всех остальных. Художники того времени любили изображать сцены изобильных деревенских трапез, но в действительности они были редки, крестьяне обычно не имели значительного достатка. Не случайно тысячи сельских жителей охотно вербовались в зарубежные наемные войска, надеясь, пусть даже с риском для жизни, не только прокормиться, но и скопить деньги, чтобы помочь своим семьям.

В отличие от земледельческого хозяйства равнинных областей, для горных районов было типично пастбищное животноводство. Здесь разводили преимущественно крупный рогатый скот. Весной после традиционного праздника, связанного с началом сезона, мужчины-пастухи уходили со стадами на альпийские луга, постепенно поднимаясь все выше в горы. Там они проводили несколько месяцев, оберегая скот от волков, лавин, резких перепадов погоды, осенью возвращались в долины. Заготовленное здесь сено использовалось в зимнее время. Продажа скота, шерсти, кожи, сыра на местных рынках давала крестьянам возможность покупать зерно и другие товары. Швейцария не только полностью покрывала свои потребности в мясных и молочных продуктах, но и экспортировала скот, особенно в Северную Италию, а сыр — во все соседние страны.

Предметами ввоза, от которого Швейцария зависела полностью, были соль и пряности. Соль в Европе того времени использовалась не только непосредственно в пищу, она требовалась в больших количествах для хранения продуктов. Солеварни, появившиеся в середине XVI в. в землях Берна, покрывали лишь малую часть необходимого. Другими важными импортными товарами были различные вина, высококачественные сорта сукна, оружие, включая излюбленные швейцарцами алебарды, которыми пехотинцы могли сражаться даже против конницы. Собственное производство металла в Швейцарии было невелико, наиболее значительные рудники находились во владениях Берна, Цюриха, Базеля и в Граубюндене.

Как и в других странах Западной Европы, одной из главных

отраслей городского ремесла в Швейцарии XVI в. было сукноделие. Оно удовлетворяло местный спрос, но Фрейбургу, где изготавливались серые и белые сукна, удалось добиться большего: его товары сбывались на крупнейших швейцарских ярмарках — в Женеве и Цурхае и вывозились в Эльзас, Бургундию, Савойю, даже в Венецию — для перепродажи на Востоке.

Важным центром льноткачества на экспорт стал Санкт-Галлен. В немецких и швейцарских землях вокруг Боденского озера сложился крупный регион разведения льна и конопли. Ремесленники города воспользовались обилием дешевого сырья, но большое значение имело и обращение к системе раздач, организация труда по типу рассеянной мануфактуры. Сырье проходило частичную обработку еще в сельской местности, затем ряд фаз доработки и окраски — у опытных городских ремесленников. Санкт-Галлен наращивал объемы производства до последней трети XVI в., затем, как и в сукноделии Фрейбурга, наступило время спада.

Особенностью цеховой системы в Швейцарии было отсутствие характерного для многих стран дробления цехов по десяткам профессий, поэтому и число цехов было невелико. На новые отрасли производства в швейцарских городах обычно не было цеховых заветов, и в результате здесь стали бурно развиваться книгопечатание, организованное по принципу централизованной мануфактуры, изготовление бумаги, а позже — шелка, производство бархата, изготовление часов, которому в Швейцарии было суждено большое будущее. Некоторые из этих ремесел получили мощный импульс в результате переселения в Швейцарию иностранцев, гонимых на родине за религиозные убеждения, — так было с шелкоткачеством, которое расцвело благодаря трудовым навыкам и налаженным торговым связям французских и итальянских эмигрантов. Но уже задолго до этого, в конце XV — начале XVI в., благодаря крупнейшим книгоиздателям Базеля И. Амербаху, И. Фробену, тесно сотрудничавшим с гуманистами, были заложены основы такой высокой культуры издания книг, которая поставила швейцарское книгопечатание раннего нового времени на одно из первых мест в Европе.

Новым явлением в хозяйственном развитии Швейцарии XVI в. стало появление в ней первых банков — в 1504 г. в Базеле, в 1568 г. в Женеве. Крупных капиталов, сложившихся за счет торговли или производства, тогда в стране еще не было. Самые значительные состояния швейцарских купцов не достигали по европейским меркам даже среднего уровня. Большие суммы скапливались лишь в редких случаях, главным образом у удачливых предводителей наемных войск. Самым богатым из них в XVI в. был Л. Пфиффер из Люцерна, прозванный «швейцарским королем».

Место Швейцарии в экономической жизни Европы во многом

определялось ее ролью в международной транзитной торговле. Через нее проходили важнейшие пути с севера на юг, из Германии и Нидерландов в Италию, и с запада на восток, из Франции в придунайские страны. Горный перевал Санкт-Готхардта (Сен-Готард), а также трассы через долины Граубюндена обладали крупным не только хозяйственным, но и военно-стратегическим значением. Многие швейцарцы находили себе источники доходов, участвуя в сопровождении грузов в качестве проводников и конвоиров, предоставляя транспортные услуги. Подобно военному наемничеству, эти занятия нередко превращались в профессиональную деятельность.

Иноземцам Швейцария представлялась суровым краем, рождающим смелых и стойких воинов, страной, народ которой отличается особым свободолобием и упорством в труде.

Предпосылки Реформации в Швейцарии. Накануне Реформации кризисные явления в римско-католической церкви проявились в Швейцарии не менее четко, чем в Германии. В начале XVI в. границы церковного управления не совпадали с границами государств. Швейцарские земли входили в диоцезы епископов Констанца, Базеля, Лозанны, Кура, к которым принадлежали также части территорий соседних стран, а часть южных местностей Швейцарии подчинялась в церковном отношении итальянским епископам Милана и Комо. Собственно "швейцарским" было только епископство в союзной земле Валлисе.

Как и в других странах, в Швейцарии подвергались критике злоупотребления в церковной жизни, связанные с погоней за деньгами, формализм в подходе к благочестию, невежество и безнравственность клира. Деревенский клир и монахи часто были малообразованны; многие священники, даже из числа учившихся в университетах, уходили в приходы, не сдав экзаменов и, как правило, не имея собственно теологических знаний. Широко распространенным явлением стало нарушение правила безбрачия духовенства, содержание клиром сожительниц. Епископы Констанца и Кура даже установили систему штрафов за него, с особой градацией выплат за детей, рожденных вне брака. Деньги взимались церковью и за другие проступки против нравственности. Возможность откупиться за свои грехи становилась нормой. Как и в Германии, в Швейцарии торговали индульгенциями. Важным источником доходов церкви был культ святых, мощей и реликвий, неразрывно связанный с паломничеством. Одним из главных его центров был Эйнзидельн, где особо почиталось изображение Богородицы, считавшееся чудотворным. Цюриху за соответствующую плату удалось добиться, чтобы паломничество к его семи церквям приравнивалось к паломничеству в Рим с его семью знаменитыми храмами. Наибольшее недовольство разных слоев общества вызывали монахи. Во всей Ев-

ропе, не говоря уже о Швейцарии, получило известность так называемое "бернское дело" 1508 г. В связи с богословским спором, была ли Дева Мария зачата непорочно или "во грехе", монахи-доминиканцы в Берне для подкрепления второй версии решили использовать откровения невежественного и душевнобольного послушника своего монастыря. Он уверял, что во сне и в церкви ему является Дева Мария, скорбящая о своем "зачатии во грехе". Чтобы сделать свидетельства послушника более убедительными, монахи выжгли ему раны, подобные крестным язвам Христа. Послушник, не выдержав мук, сообщил обо всем властям. Скандал был так велик, что дело не замяли. Сама инквизиция приговорила четырех доминиканцев к сожжению на костре.

Главными выразителями общественных настроений, связанных с критикой церкви и клира, с надеждами на церковное переустройство и реформу образования, выступали гуманисты. Одним из основных центров международной "республики ученых" стал Базель — город, где находились университет и ряд крупных типографий, печатавших работы гуманистов, где много лет жил Эразм Роттердамский, имевший широчайшие культурные связи.

Еще до Реформации светские власти городов стали вторгаться в церковную жизнь, добиваясь роста своего влияния при назначении священников и оплате их труда, управлении церковным имуществом, особенно землями. Напротив, в сельских местностях прочно держались традиции послушания клиру, часто близкому по интересам и бытовым условиям жизни к своей пастве.

Важную роль в истории швейцарской Реформации, как и страны в целом, сыграли ее традиции наемной военной службы за рубежом. Маленькая Швейцария была по своему значению в военном деле одной из крупных европейских сил. Швейцарцы активно участвовали с конца XV в. в Итальянских войнах как наемники французского короля, затем как союзники римского папы. В 1516 г. король Франциск I, за год до этого одержавший победу при Мариньяно над швейцарцами, но оценивший их доблесть и военное искусство, заключил с ними "вечный мир". В 1521 г. между Францией и всеми кантонами, кроме Цюриха, был подписан договор о союзе, позже не раз возобновлявшийся; он действовал до конца XVIII в. Франция получила право вербовать в землях участников соглашения несколько тысяч пехотинцев-наемников и войсковых командиров, выплачивая им по тем временам довольно большую сумму, а также пенсии властям кантонов и общин за разрешение на вербовку, пенсии за погибших — их семьям. Швейцария получала взамен, в случае нападения на нее, защиту французской конницы и артиллерии, крупную субсидию золотом, а также торговые привилегии — право свободного проезда и торговли во Франции, специальные

льготы в городе ярмарок Лионе и подвластном французам Милане, содействие во ввозе соли из Франции. Существование договора 1521 г. впоследствии дало возможность Берну без боязни вмешательства Франции отвоевать у Савойи земли Ваадта; французская дипломатия, заинтересованная в наемниках от всех членов швейцарского союза, многократно помогала гасить в XVI в. конфликты внутри страны, не давая ей распасться.

В то же время соглашение надолго закрепило систему вербовок. Противники наемничества называли ее "торговлей кровью". Для бедноты это был способ заработка, для молодежи — возможность повидать мир, но наемники привыкали к военному грабежу и отвыкали от мирного труда, в семье нередко возвращались калеки, а власти всех уровней, наживаясь на лицензиях вербовки, вовлекались в коррупцию и злоупотребления при выплате пенсий. Практику наемничества резко осудил выдающийся поборник Реформации в Швейцарии Ульрих Цвингли.

Ульрих Цвингли и его учение. Будущий швейцарский реформатор родился в 1484 г. в семье сельского старосты. Окончив латинскую школу в Берне, он учился в Венском и Базельском университетах, испытал влияние Эразма Роттердамского, был связан и с другими гуманистами. В 1506 г. он стал священником в Гларусе, сопровождал швейцарские войска в итальянских походах и был свидетелем их разгрома в 1515 г. при Мариньяно. Он начал проповедовать против наемничества как страшного греха, утверждая, что Швейцария сможет прокормиться и без иностранных пенсий.

Еще в 1516 г., до выступления Лютера, Цвингли высказывал идеи реформационного характера, и хотя знакомство с сочинениями Лютера произвело на него сильное впечатление, он пошел своим путем. Приглашенный в Цюрих в качестве священника городского собора, Цвингли начал здесь с 1519 г. методичную пропаганду собственного евангелического учения, основанную на изложении и комментировании изо дня в день текстов Священного Писания. Первую серьезную победу он одержал уже в 1521 г., когда Цюрих отказался вступить в соглашение с Францией о наемничестве.

Доктрина Цвингли имела черты сходства с лютеранством, но и немало отличалась от него. Как и Лютер, Цвингли опирался на Священное Писание и отвергал "Священное предание", резко критиковал схоластическое богословие, отстаивал принципы "оправдания верой" и "всеобщего священства". Идеалом для него была раннехристианская церковь. Он не признавал того, что нельзя было, на его взгляд, обосновать свидетельствами Священного Писания, и потому отвергал церковную иерархию, монашество, поклонение святым, паломничество, безбрачие духовенства. В критике обрядов католической церкви он шел дальше Лютера. Главное богословское

различие между ними состояло в разной трактовке причастия, более рационалистичной у Цвингли — он видел в евхаристии не таинство, а символ, обряд, свершаемый в воспоминание об искупительной жертве Христа.

Принципиальные расхождения Лютера и Цвингли были связаны с их политическими позициями. С молодых лет до конца жизни Цвингли, патриот "швейцарского отечества", был сторонником республиканизма, обличителем тирании монархов и князей. Это сказалось в его антигабсбургской пропаганде. Если Лютер четко разграничивал сферы мирскую и духовную, то Цвингли признавал роль "божественной справедливости" также и в светской жизни. Проведение политических и социальных перемен он возлагал на светскую власть. Цвингли считал, что Евангелие Христа побуждает и власть, и народ действовать по-христиански, и это их объединяет. Но те правители, которые сходят с пути истины и вступают в конфликт с требованиями евангелизма, могут быть смещены. Способ сделать это — не восстание, а единодушное согласие всего народа. Покорность тиранам Цвингли рассматривал как грех.

В 1523 г. по решению магистрата Цюриха Цвингли провел два диспута, на которых его идеи получили поддержку, и совет стал проводить в городе реформацию. Из церквей удалили иконы, монастыри были распущены, их имущество перешло к светским властям. Духовенство обязали следовать принципам, разработанным Цвингли. Была переустроена и церковная община. Ее пастыри отныне должны были избираться самими верующими. Жизнь общины и нравы ее членов строго регламентировались, нередко в соответствии с суровыми ветхозаветными предписаниями. За соблюдением этих норм следила "полиция нравов". Влияние Цвингли на городской магистрат было столь сильным, что политический строй в Цюрихе в период деятельности реформатора приобрел теократическую окраску.

Широкий отклик в Швейцарии получили социальные идеи Цвингли. Он выступал против ростовщичества и монополий, малой десятины с крестьян, признавал необходимость отмены личной зависимости, но резко осуждал покушения на собственность. Сторонников уравнительности, общности имущества он считал нарушителями заповеди "не укради". В кантоне Цюриха учение Цвингли было поддержано большинством верующих из всех слоев населения, но нашлось, однако, и немало несогласных с его взглядами. К их числу относилась новая христианская секта, члены которой называли себя "братьями" и "сестрами", а их противники — анабаптистами ("перекрещенцами"). Секта сложилась в Цюрихе в 1519 г., а впоследствии получила распространение и в других странах Европы. Ссылаясь на пример Христа, ее члены выступали против креще-

нии детей, считая, что креститься надо будучи взрослым, сознательно и ответственно. Они аргументировали Евангелием свой отказ пользоваться оружием, идеи ненасилия. Анабаптисты отказывались приносить присягу, занимать государственные должности. Отвергая существующие церковные организации, и католическую, и лютеранскую, и цвинглианскую, они утверждали, что поучение верующим, общине может дать всякий, кто почувствовал внутреннее откровение Святого духа. Характерными для анабаптистов были уравнительные идеи и вера в скорое пришествие Христа, а с ним — в установление на земле царства Божия, торжества справедливости. С этим была связана и их готовность к мученичеству, которое воспринималось как знак Божьего избранничества. Цвингли резко выступил против анабаптистов. Власти Цюриха потребовали от них, как и от католиков, подчинения государственной церкви, а затем перешли к жестоким преследованиям — топили и жгли. Подобные расправы, с обвинениями анабаптистов в антигосударственной и антицерковной позиции (несмотря на их отказ от насильственных методов борьбы), практиковались и в других европейских странах.

Развитие реформации в Швейцарии. Цвинглианство распространилось в 1523—1529 гг. в Берне, Санкт-Галлене, Гларусе, Базеле, Шаффгаузене, а в Верхней Германии его влияние сказалось в Страсбурге, Ульме, Констанце, Линдау, Меммингене. В 1529 г. ландграф Филипп Гессенский, заинтересованный в политическом объединении сторонников лютеранской и цвинглианской реформации, устроил в Марбурге встречу Лютера и Цвингли. Принципиальные расхождения по политическим вопросам (князя как главная опора Реформации у Лютера, городской республиканизм как основа Реформации у Цвингли) оказались в Марбурге лишь фоном для резких расхождений в богословских вопросах — в трактовке таинства причастия. Замысел ландграфа не удался: отныне Лютер энергично выступал против Цвингли и его сторонников, добиваясь вытеснения цвинглианства в городских общинах Верхней Германии. Это произошло уже после гибели Цвингли в 1531 г. Цюрих попытался тогда силой навязать католическим “лесным” кантонам реформационные порядки, блокируя подвоз зерна. Вспыхнула гражданская война между последователями евангелизма и католиками. В ходе конфликта Цвингли, сопровождавший войска Цюриха, был убит в сражении, выигранном католиками. В 1536 г. на основе разработанного Меланхтоном “Виттенбергского согласия” в городах Верхней Германии утвердилась лютеранская трактовка Реформации.

Жан Кальвин и его учение. С середины 1530-х годов развитие реформационных идей и их воплощение в жизнь в Швейцарии оказались неразрывно связаны с именем Жана Кальвина (1509—

1564). Его учение оказало сильнейшее влияние на реформационное движение и в других странах Европы, прежде всего во Франции.

Кальвин родился в Нуайоне (Северная Франция) в семье юриста, секретаря епископа. Получив образование на юридических факультетах университетов Буржа и Орлеана, он поселился в Париже, где испытал влияние гуманизма, особенно сочинений Эразма Роттердамского и Лефевра д'Этапля. В 1534 г. он порвал с католицизмом и вскоре в связи с гонениями на протестантов был вынужден покинуть Францию. В Базеле в 1536 г. он издал свой главный труд "Наставление в христианской вере", который позже не раз расширял (окончательный латинский вариант был опубликован в 1559 г.). В этой работе Кальвин проявил себя как выдающийся систематизатор идей и опыта Реформации, создатель еще одного реформационного учения — со своей спецификой понимания церковного устройства, своим подходом ко многим проблемам светской жизни, в том числе политики. Тогда же, в 1536 г., Кальвин оказался в Женеве. Этот город, лишь за несколько лет до приезда Кальвина сумевший освободиться от власти своего господина-епископа, с помощью союза с протестантским Берном отстоял независимость также от герцога Савойи, имевшего в городе своих сторонников. Политическая борьба тесно сплелась здесь с религиозными конфликтами. Кальвин возглавил поборников Реформации и стал энергично проповедовать свое учение.

Центральное место в теологии Кальвина занимают проблемы познания Бога как творца и суверенного правителя мира, а миссии Иисуса Христа — как искупителя. На этой основе Кальвин дает свое понимание истинно христианской жизни и средств, которые для нее необходимы. Одним из главных элементов учения Кальвина стала его концепция "двойного предопределения". Кальвин утверждал, что Бог еще до сотворения мира по своей Премудрости предназначал все, что должно совершиться, в том числе каждому человеку — его участь: одним — вечное проклятие и скорбь, другим, избранным — спасение, вечное блаженство. Изменить этот приговор или избежать его человеку невозможно. Он способен лишь осознать, что в мире непрерывно и мощно действуют силы, не зависящие от желаний отдельных лиц. Чисто человеческие представления о доброте Бога здесь не годятся, человек может только с трепетом понять, что причины Божьего осуждения для него непостижимы. Ему открыто другое — веровать в свою избранность и молиться, смиренно готовясь принять любую волю Божью. Сомневаться в собственном избранничестве он не должен, ведь подобная обеспокоенность уже сама по себе является "сатанинским искушением", симптомом недостаточной веры в Бога.

Сознавая несказанное величие и славу Господа, как и свою

малость, человек должен со всей энергией твердо и решительно действовать в этом мире, следуя заповедям и наставлениям Священного Писания. Он должен с максимальной полнотой реализовать свое "призвание" — дарования и возможности, заложенные в него Богом, которые проявляются во всей его деятельности, в том числе профессиональной. Бог сам как бы дает человеку ориентир, некий знак, свидетельствующий о его поддержке, о том, что человек верно понял свое "призвание" и на правильном пути осуществляет его — это успех или неудача его дела. Кальвин пользуется здесь понятиями "процветание" или "беда". Бог благословляет удачу, но ее надо добиваться только честным и законным путем, не забывая о долге и перед Богом, и перед ближними. "Процветание" и "беда" в равной мере являются испытаниями смирения и нравственных устоев человека. "Процветание", например, приводит к накоплению богатства (Кальвин ни в коей мере не осуждает накопительство само по себе), но этот дар Бога нельзя обрести "ценой крови и пота других людей", то есть нарушая заповедь "не укради". Уже имея богатство, его нельзя промотать, удовлетворяя свои прихоти, но следует уделять от своего изобилия нужде другого. Бедняк, в свою очередь, должен стойко и терпеливо переносить свои испытания. В целом религиозно-нравственные принципы учения Кальвина утверждают и стимулируют высокую активность личности, ее трезвый и рациональный подход к делу, волевой напор в решениях, заботу об успехе дела при аскетичности собственных желаний — и все это при не поддающейся логическим объяснениям твердой уверенности в своей избранности Богом. Учение Кальвина о спасении и благочестии, которое включало этические нормы труда и представления об умеренной аскезе в светской жизни, было нацелено на воспитание внутренней дисциплины, собранности, бойцовских качеств человека.

Догма о "двойном предопределении" в системе взглядов Кальвина была связана и с его трактовкой причастия. В понимании Лютера при евхаристии (в которой он видит таинство) с хлебом и вином реально соприсутствуют плоть и кровь Христа, в интерпретации Цвингли причастие было лишь символическим обрядом в память Тайной вечери. Кальвин утверждал духовный характер причастия, считал, что Божью благодать при его свершении получают одни лишь избранные.

Церковный культ, по учению Кальвина, требовал еще больше строгости и простоты, чем это допускалось другими течениями Реформации. Отвергалось не только поклонение святым, мощам, реликвиям, иконам. Из кальвинистских храмов удалялись алтари, распятия, свечи, богатые одеяния и украшения, прекратилась органная музыка. Ничто не должно было отвлекать от сосредоточен-

ной молитвы. В церковной службе главное внимание уделялось проповеди, пению псалмов, свершению евхаристии под двумя видами.

Важное значение для судьбы Реформации в эпоху начавшегося контрнаступления католической церкви, а в последующие века — для устойчивости кальвинистской традиции имело созданное Кальвином новое церковное устройство, принципиально отличное от системы католической иерархии. "Видимая церковь" состояла из общин, в которых действовал принцип самоуправления, напоминавший порядки республиканского типа. Руководители общины избирались и контролировались ее членами. Существовали четыре вида "служб": пасторы для проповеди, доктора (учителя) для сохранения чистоты учения, пресвитеры (старейшины) для контроля за церковной дисциплиной, диаконы для надзора за церковным имуществом, сбора пожертвований и заботы о бедных. Дела общины обсуждались ее руководством на совете старейшин — консистории, догматические вопросы — на конгрегациях, собраниях духовных наставников. Общины были автономны, но поддерживали тесную связь друг с другом для обмена опытом, а при необходимости — и для согласованных действий. При выборах руководителей общины соблюдалось формально-юридическое равенство, но на практике за ним скрывалось реальное влияние в них состоятельных людей. В соответствии с учением Кальвина большое внимание уделялось авторитету духовных пастырей и церковной дисциплине, которая не исключала самых строгих мер воздействия на ее нарушителей. Сообщество верующих следовало твердо воспитывать и вместе с тем решительно ограждать от грехов и соблазнов.

Политическое учение Кальвина. Подобно Лютеру и Цвингли, Кальвин рассматривал государство как установление Бога, подчеркивал обязанность правителей служить обществу, но резко расходился с лютеранством в отношении к нарушителям этого долга — тиранам. По Кальвину, послушание человеку не может быть поставлено выше, чем послушание Богу. Истинная вера должна утверждаться в мире вопреки любым человеческим препонам, и потому каждый, кто покорен Богу, не только может, но и обязан проявить себя как активный борец за веру. Если тираны мешают делу веры, сопротивление им — священный долг. Лютер считал, что ответственность за тиранию падает на саму светскую власть, Бог сам накажет тирана, а потому сопротивление несправедливой власти возможно только пассивное, без применения силы, лишь как внутреннее противостояние и ожидание справедливого суда божьего. Цвингли, в отличие от Лютера, признавал право общины на сопротивление тирании, не позволяющей верующим нормально выполнять свой христианский долг. Кальвин делает это еще резче, возводя борьбу против тирании в разряд религиозной обязанности. Правом инициа-

тивны на такое сопротивление обладают лишь законно избранные представительные органы. Они обязаны исчерпать все возможные ненасильственные меры, но если это не помогает, могут призвать христиан к открытому неповиновению власти вплоть до свержения тирана. Эти функции могут взять на себя магистраты и представители сословий.

Сотрудничество церковного руководства и государственных органов власти для Кальвина было нормой политической жизни. Церковь при этом должна была оставаться автономной от контроля властей. Поскольку главный смысл здесь состоял в поддержке со стороны государства, Кальвин терпимо относился к различным разновидностям политического устройства. Правда, он замечал, что, как показывает практика, монархи редко бывают добры и компетентны. Наилучшую форму правления он видел в олигархической республике, утверждая, что здесь возможно взаимное исправление всех ее структур.

Женева при Кальвине. Развитие Реформации в Швейцарии из-за политического устройства страны, а также отсутствия (и невозможности) какого-либо единого "командного" центра неизбежно свершалось в рамках отдельных городов и территорий, в разное время, на различных стадиях зрелости движения. Это придавало Реформации множество местных особенностей и оттенков.

В Женеве, где Кальвин с 1541 г. оказывал определяющее воздействие на политику магистрата, вопреки теории, разделявшей сферы действий реформированной церкви и государства, фактически сложился режим теократического типа. С годами ни одно важное решение властей города не принималось без одобрения Кальвина, вопреки его воле, хотя ряд лет он юридически даже не был гражданином Женевы. Под его попечением в Женеве установили строжайшую церковную дисциплину и жесткий надзор за поведением и образом мыслей жителей, в том числе многочисленных иммигрантов, спасавшихся от религиозных преследований. Город был разделен на кварталы, осуществлялись систематические инспекции частных жилищ старейшинами общин, были запрещены не только азартные игры или ругательства, но и чтение развлекательной литературы, музыка при процессиях, танцы на пиршествах, театральные зрелища, за исключением назидательных пьес на библейские темы.

Особенно строго следили за посещением церковных служб, поощрялись доносы соседей на нарушителей этого правила. То, что считалось преступлением против веры и нравов, подлежало тяжким наказаниям. Ослушников изгоняли из города и даже казнили. Только в начале деятельности Кальвина за 6 лет было совершено 58 казней, а 76 человек изгнали из города. Особенно большой резонанс

вызвала казнь проезжавшего через Женеву врача М. Сервета, "вольнодумные" идеи которого о Троице возмущали Кальвина. Нетерпимость Кальвина к инакомыслию снискала ему прозвище "женевского папы". Проявления оппозиции он умел пресекать беспощадно. Несмотря на жесткость установленного в Женеве режима, Кальвин неизменно пользовался поддержкой большинства горожан, и не только потому, что они изо дня в день внимали проповедям кальвинистских пасторов. Сказывалось искреннее рвение верующих к "правильному благочестию" и образу жизни. Кроме того, здесь постоянно опасались неожиданного военного нападения на город со стороны католической Савойи. Непрерывный приток иммигрантов приносил с собой живые свидетельства страданий и бедствий, претерпеваемых в разных странах за истинную веру. В этой ситуации Женева казалась кальвинистам оазисом свободы. Население города не воспринимало требования Кальвина как диктаторство.

За пределами Швейцарии большинство сторонников кальвинизма также считало Женеву оплотом праведной веры, убежищем гонимых. В городе действовали 60 книгопечатен, распространявших по всей Европе кальвинистскую литературу. В 1559 г. в Женеве была открыта Академия, которая сочетала подготовку к высшей школе с занятиями университетского типа и стала рассадником кальвинистских кадров. Влияние реформационных идей, шедших из Женевы, сказалось в развитии кальвинизма в Англии, Шотландии, Франции, Нидерландах, Венгрии, Польше, ряде земель и городов Западной и Северной Германии. В самой Швейцарии заключенное еще в 1549 г. соглашение между Кальвином и цюрихским продолжателем цвинглианской Реформации Буллингером привело к тому, что кальвинизм, впитавший ряд идей и традиций цвинглианства, постепенно стал повсеместно главным выразителем специфики швейцарской реформационной церкви.

Распространение кальвинизма в Европе имело своим результатом появление его различных разновидностей, особенности которых зависели от конкретных обстоятельств места и времени. Кальвинистская теория и практика порой достаточно сильно отходили от Кальвина. Многоликость кальвинизма при сохранении его фундаментальных принципов не была чем-то необычным: существование различных течений оказалось характерным и для других крупных направлений Реформации, в том числе лютеранства.

Контрреформация в Швейцарии. Вторая половина XVI в. стала временем открытого наступления в идейной борьбе, которое предприняли римско-католическая церковь и поддерживавшие ее силы после решений Тридентского собора. В этом идеологическом наступлении принимали участие и католики Швейцарии. Важную роль в

создании новой атмосферы в католических землях сыграли кардинал Карло Борромео, архиепископ Милана, "надзиравший" за Швейцарией, и стоявший во главе руководства Люцерна фанатичный католик Людвиг Пфиффер, который мечтал "стереть Женеву с лица земли". По предложению Борромео папа ввел в Швейцарии должность постоянного нунция, передал иезуитам руководство образованием. В Люцерне при поддержке Пфиффера была основана школа иезуитов — деньги на ее содержание и оплату учителей дали папа, испанский король Филипп II, король Франции и герцог Савойский. Иезуитские школы возникли во Фрейбурге, Золотурне и в других городах. В Милане Борромео основал Коллегиум Гельветикум — семинар по подготовке священнослужителей для Швейцарии (ежегодно здесь обучались 40—50 швейцарских юношей).

В 1568 г. семь кантонов — Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн, Фрейбург, Золотурн и Цуг — договорились между собой о союзе, названном "золотым" (так как первые буквы в письменном тексте договора были позолочены). Члены союза обязывались защищать в своих кантонах католицизм даже силой оружия. Не отказываясь от участия в общешвейцарских тагзатцунгах, они, однако, стали проводить в Люцерне и свои собственные заседания. В 1587 г. шесть из семи этих кантонов заключили сепаратный дружеский союз с Филиппом II, королем Испании, что вызвало настороженность в протестантских кантонах.

Межконфессиональные противоречия оказались в Швейцарии настолько сильными, что едва не привели к расколу конфедерации. Их смягчали наличие общих владений, подвластных территорий, которыми по давно устоявшейся очередности управляли католические и протестантские кантоны, а также политика Франции: она была заинтересована в использовании наемных сил Швейцарии из всех кантонов в борьбе с Габсбургами и стремилась не допустить полного развала конфедерации. В самой Швейцарии также нашлись силы, в том числе культурные, которые выражали идеи единства страны. Так, Эгидий Чуди (1505—1572), испытавший влияние гуманизма автор крупнейшей "Гельветической хроники", выявлял в ней общность истории швейцарцев. Он утверждал, что именно в Швейцарском союзе воскресли и реализуются добродетели гельветов доримской эпохи (одного из кельтских племен, населявших тогда земли будущей Швейцарии).

Швейцария в первой половине XVII в. Со смертью в 1594 г. Людвига Пфиффера поборники католицизма в Швейцарии лишились своего энергичного вождя. Изменилась и ранее благоприятствовавшая его деятельности обстановка во Франции: с воцарением Генриха IV и изданием в 1598 г. Нантского эдикта о религиозной веротерпимости гражданские войны в стране завершились. В том же

1598 г. скончался Филипп II, с которым католические кантоны состояли в союзе. Нарастал упадок Испании. Все это дало стимул к ослаблению напора контрреформации в стране и возобновлению в 1602 г. союза с Францией. На сей раз договор подписали все кантоны, а в его обсуждении участвовали все союзные земли. Для этого Генрих IV должен был предоставить швейцарцам 1 миллион талеров. Союз взаимопомощи двух стран был снова заключен и скреплен торжественной клятвой в Соборе Парижской Богоматери. С этого времени, хотя в Швейцарии и происходили отдельные конфликты между католиками и протестантами, в целом линия на их взаимную терпимость укрепилась. Наличие совместно управляемых земель также поневоле сближало кантоны с разными исповеданиями. События Тридцатилетней войны в свою очередь наглядно продемонстрировали швейцарцам не только угрозу гражданской войны и кровопролития в случае чрезмерного фанатизма соперничающих сторон, но и выгоду невовлеченности в военные действия, нейтралитета. Государственно-правовым принципом он, конечно, еще не стал, даже представления о самой возможности в течение долгого срока сохранять подобную позицию тогда едва намечались.

Для большинства населения страны — швейцарского крестьянства — с началом Тридцатилетней войны сложилась благоприятная экономическая конъюнктура. В соседних областях Германии в связи с войной резко вырос спрос на продовольствие, что способствовало швейцарскому экспорту. В самой Швейцарии вследствие революции цен аграрная продукция подорожала, и крестьяне поспешили воспользоваться к своей выгоде всеми этими возможностями. В свою очередь горожане, имевшие свободный капитал, устремились вкладывать деньги в покупку земли. Вскоре, однако, ситуация резко изменилась.

Из соседних стран, где война усилила процесс “порчи денег”, в Швейцарию хлынули потоки монет низкой пробы или попросту обрезанных. Рост дороговизны до предела обострил бедствия городских низов, и местные власти, чтобы избежать социального взрыва, ужесточили регулирование продажи зерна и соли. Крестьяне, напротив, были заинтересованы в свободной торговле ими. В Женеве, Берне, Цюрихе и других городах развернулось широкое строительство либо обновление мощных военных укреплений, которые должны были обезопасить жителей в случае распространения войны на Швейцарию. Стены и башни, способные выдержать даже артиллерийский обстрел, стоили дорого, и магистраты значительно повысили налоги, взимая их не только с горожан, но и с деревенского населения, что вызвало волну недовольства. В последние годы Тридцатилетней войны началось падение цен на сельские товары.

Все это привело в 1653 г. к крупнейшей в швейцарской истории крестьянской войне.

Она вспыхнула в землях Люцерна и стала перебрасываться из района в район, сопровождаясь требованиями сократить налоги, уменьшить чинш и залоговые платежи за землю, разрешить свободную продажу зерна и соли. Во главе крестьянских отрядов стояли, как правило, богатые и влиятельные крестьяне. Характерным для повстанцев было обращение к патриотической символике, связанной с темой свободы: хоровое пение в походе песен о Вильгельме Телле, массовые собрания для выработки требований с участием силачей, "трех Теллей", в старинных швейцарских костюмах, коллективные клятвы защитить и сохранить общешвейцарский свободный союз. Крестьянское движение, как обычно, действовало разрозненно и было подавлено в одних местах силой, со смертными приговорами ряду участников, в других — путем переговоров, с уступками властей. Поражение повстанцев привело к повсеместному наступлению городов на автономные права деревенских общин, стало началом фактически полного исключения крестьянства из политической жизни конфедерации. Рухнула былая идентификация свободного швейцарца с крестьянином, нашедшая столь широкое отражение в искусстве и литературе. В XVII в. крестьянин все чаще предстает в них бедным, грубым, туповатым, становится объектом насмешек.

Середина XVII в. принесла с собой важные перемены и в положении Швейцарского союза. При заключении Вестфальского мира, подводившего итоги Тридцатилетней войны, по инициативе бургомистра Базеля в обоих договорах, в Мюнстере и Оснабрюке, было зафиксировано полное освобождение конфедерации от любых обязанностей по отношению к Священной Римской империи. Император соглашался также на изъятие из подчинения империи Базеля и других кантонов, присоединившихся к Швейцарскому союзу после 1499 г. Это было международным правовым подтверждением давно достигнутого страной фактического суверенитета, хотя ясной юридической формулы его вестфальские договоры не дали. Стремясь изменить эту ситуацию, бургомистр Цюриха попытался в 1655 г. кодифицировать договоры, заключенные друг с другом различными членами конфедерации, и на этой основе создать единое общешвейцарское соглашение о союзе. Это была первая попытка такого рода, и хотя она провалилась из-за вновь обострившихся межконфессиональных противоречий, наметилась тенденция, которой принадлежало будущее.

Культура Швейцарии. Специфику культуры Швейцарии XVI — первой половины XVII в. определяли не столько ее общие особенности, сколько культурная близость отдельных частей Швейцарии с

соседними странами, где говорили на том же языке — немецком, французском, итальянском. Это положение еще больше осложнили Реформация и Контрреформация. С одной стороны, они раскалывали политическое объединение швейцарцев, не отличавшееся большой прочностью, с другой — независимо от языковых различий сближали те части страны, где утвердилась одна и та же вера. Немалое значение имели и другие особенности Швейцарии. В XVI в. здесь не только закрепились, но и усилились характерные уже для предшествующего периода культурные контрасты между городскими и сельскими кантонами. Спецификой Швейцарии было и отсутствие центров придворной культуры, подобных тем, что складывались в эту эпоху в соседних странах. Средневековые традиции также держались в Швейцарии прочнее и дольше, чем у ее соседей; в искусстве, например, стилевые перемены, за редкими исключениями, происходили с немалым запозданием.

В развитии культуры Швейцарии в XVI в. можно выделить три основных этапа. Первый, охватывающий менее трети столетия, связан с успехами книгопечатания и расцветом гуманизма. Второй этап, продолжавшийся до начала 1560-х годов, — время интенсивного воздействия на культуру реформационных процессов. Для третьего этапа, включавшего и начало XVII в., были характерны нарастающее влияние на культуру Контрреформации, а затем все больший ее упадок и провинциализация.

Зарождение ренессансных веяний на швейцарской почве было связано с воздействием Италии. Имело значение и развитие гуманистического движения в Германии — под его влиянием Базель стал превращаться в один из главных очагов гуманизма вне Италии. Долгие годы здесь жил и преподавал право в университете немецкий гуманист С. Брант. Не раз приезжал в Базель для издания своих трудов Эразм Роттердамский, а в 1521—1529 гг. он жил здесь. В этом городе протекала деятельность его друга, гуманиста-историка Беата Ренана. В Базеле сложился один из крупнейших в Европе центров книгопечатания. С работой базельских типографий были связаны многие гуманистически образованные теологи, почитатели Эразма, позже ставшие видными деятелями Реформации и разошедшиеся со взглядами своего бывшего кумира. В Базеле расцветало ренессансное искусство оформления и украшения книги, развивавшее венецианские традиции конца XV — начала XVI в.

К числу эразмианцев принадлежал и поэт, математик, знаток греческого языка и музыкальный теоретик Генрих Глареан (1488—1563). Он учился в университетах Италии и Германии, энергично выступал в поддержку И. Рейхлина в его борьбе с кельнскими инквизиторами, сотрудничал с издателем гуманистов Фробеном в его типографии, был в близких отношениях с Эразмом. В Базеле он

открыл собственную школу, подготовив для нее ряд педагогических сочинений. Его перу принадлежало сделанное в латинских стихах историко-географическое описание Швейцарии, проникнутое патриотическим духом. Переехав в Германию в связи с реформацией в Базеле, которую он не принял, Гларсан издавал римских историков и поэтов и опубликовал лучшую в то время теоретическую работу о музыке — “Двенадцатиструнный” (1547). Он на ренессансный лад толковал музыку как “мать наслаждений”, но не забывал и ее традиционного понимания как воспитательницы высокой морали.

Деятелем ренессансной культуры в Швейцарии был и Иоахим Вадан (1484—1551). Выходец из патрицианской семьи Санкт-Галлена, он изучал в Венском университете медицину, астрономию, естествознание. За свою поэзию он был увенчан лавровым венком из рук императора Максимилиана I. Вадан стал профессором гуманистической риторики и поэтики в Венском университете. Вернувшись в 1518 г. на родину, он получил должность городского врача Санкт-Галлена, позже был избран его бургомистром, руководил введением в городе цвинглианской реформации. На основе лекций по литературе, которые он читал в Вене, Вадан опубликовал труд “О поэтике и науке стихотворства”, ставший первой историей немецкоязычной литературы, где она рассматривалась в широком контексте развития литератур других народов от древности до XVI в.

Новые тенденции в развитии швейцарской культуры XVI в. были связаны не только с гуманитарными, но и с естественными науками. Самым ярким явлением стала деятельность врача, алхимика и родоначальника немецкой натурфилософии Теофраста Парацельса (1493—1541). Как ученый Парацельс сблизил медицину и химию, положив начало своими открытиями новому этапу в фармацевтике и врачевании химическими медикаментами. Парацельс обосновал гуманные цели медицины, призывал алхимиков искать не золото, а средства исцеления людей. Он стал поборником исследования природы на основе тесной связи опыта и теории. В своей философии он одухотворял природу, наделял ее антропоморфными признаками, подчеркивал неразрывную связь каждого природного явления и человека-“микрокосма” с единым мирозданием, полным внутренней динамики, взаимодействия и борьбы незримых сил. Философское учение Парацельса способствовало развитию пантеистических тенденций в космологии и науках о человеке. Ренессансный культ постижения скрытых тайн природы, “света натуры”, пронизывал всю деятельность Парацельса.

Видным швейцарским ученым был и другой врач с разносторонними научными интересами — Конрад Геснер (1516—1565). Его называли “Плинием Гельветии”. Геснер устроил в Цюрихе ботани-

ческий сад, заложил основы систематической ботаники, внес крупный вклад в зоологию своей "Историей животных".

Самым крупным художником, работавшим в Швейцарии XVI в., был немец, уроженец Аугсбурга Ганс Гольбейн Младший (1497/98—1543). Гольбейн сумел придать законченную форму новому ренессансному стилю в искусстве Северного Возрождения. Способствовала этому и поездка Гольбейна в Италию, где он мог непосредственно познакомиться с ренессансным искусством этой страны. Он путешествовал также по Франции, выезжал на работы в Англию и, проведя в Базеле в общей сложности 13 лет, в 1532 г. переселился в Лондон, где стал придворным живописцем Генриха VIII. Гольбейн был разносторонним художником: он создавал монументально-декоративные работы, расписывал фасады домов в Люцерне и Базеле, большой зал базельской ратуши, а позже — "Стальной двор" немецких купцов в Лондоне, и он же виртуозно выполнил изящные, полные иронии и юмора рисунки на полях изданий "Похвалы глупости" Эразма Роттердамского, драматическую серию гравюр "Пляски смерти". Главную славу Гольбейну принесли портреты — парадные, интимные, групповые. Среди них — портреты знати и купцов, иностранных послов и гуманистов, с которыми он дружил — Эразма, Томаса Мора и др. Гольбейн был мастером глубоких и объективных характеристик людей, он умел, не льстя оригиналу, раскрывать индивидуальное своеобразие личности.

Глава 7

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ. КОНТРРЕФОРМАЦИЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

За всю свою историю католицизм не знал столь глубокого потрясения, каким стала для него Реформация. Со Святым Римским престолом порывали одна за другой европейские страны — часть немецких и швейцарских земель, Англия, Швеция, Дания и Норвегия. К новым протестантским церквям и религиозным общностям примкнула часть населения Франции, Нидерландов, Польши, Чехии и Венгрии.

Католическая церковь начала активную борьбу с Реформацией, одновременно осуществляя церковную реформу. В этом ее поддерживала светская власть ряда государств. Система мер, направленная на пресечение и искоренение реформационных идей и движений: создание Высшего инквизиционного трибунала, введение строгой цензуры, вмешательство папства в государственные дела и привлечение монархов к борьбе с протестантизмом — известна в истории как Контрреформация. Католическая реформа предусматривала организационное обновление католической церкви и упорядочение в соответствии с духом времени отдельных сторон ее вероучения.

Новые монашеские ордена. Иезуиты. Обновление католической церкви началось несколько раньше принятия контрреформационных мер. Истоки церковной реформы следует искать в Соборном движении XIV—XV вв., в многочисленных призывах к очищению и возвращению к идеалам раннехристианской общины. Гуманистическое просветительство XV—XVI вв., расширение сети учебных заведений и книгопечатание способствовали активизации движения за реформу, по-новому обосновав ее необходимость. В этом отношении католическая реформа, как и Реформация, питались из одного источника.

Католическая реформа началась с обновления монашеской организации и появления новых орденов. Одним из первых стал орден театинцев, основанный в 1527 г. П. Караффой, архиепископом Театы, будущим папой Павлом IV. Театинцы видели свою цель в реставрации раннехристианской общины, в возврате к нормам апостольской жизни. В 1526 г. из францисканского ордена выделился

орден капуцинов. Капуцины требовали возвращения к первоначальной строгости правил св. Франциска. Подражая ему, они носили большой капюшон, который и дал название ордену. Капуцины стали одной из важнейших опор Контрреформации. В то же время в старом нищенствующем ордене кармелитов выделяется крыло реформаторов, требующих возвращения к изначальным идеалам бедности и аскезы. Обновление возглавила св. Тереза Авильская (1515—1582), основательница ордена “босых” кармелиток, к которому затем добавилась и мужская ветвь. В 1530 г. в Милане сформировался орден барбанитов, ставивший своей целью попечительство над бедными и больными. В это же время возник орден святой Урсулы, занимавшийся религиозным воспитанием и образованием девушек.

Все эти ордена, возрождавшие утерянный дух высокой нравственности и милосердия, стали образцом религиозности нового типа. Появление новых орденов в условиях больших реформационных потрясений свидетельствовало о потенциале монашеских идеалов и о неудовлетворенности существующими монашескими организациями. Общим для монашества новых орденов было возвращение к строгой аскезе, активная пастырская и благотворительная деятельность в миру, создание школ для подготовки грамотного клира и “добрых” католиков-мирян.

Не без влияния нового монашества усиливается почитание Девы Марии, Богоматери — культ непорочности, благочестия и святости и вместе с тем культ Матери, пожертвовавшей Сыном во искупление людских грехов. Культ Богоматери был особенно понятным и близким верующим, этим объяснялась его популярность. Церковь представляла Богоматерь как заступницу перед Богом, знающую нужды людей, в первую очередь женщин. Католические реформаторы, в отличие от реформаторов-протестантов, отказавшихся от почитания мощей, статуй и подвергавших погромам католические церкви, пытались, напротив, опереться на традиционные формы религиозности, противопоставить богатое убранство католических храмов строгости протестантских церквей, а аскетизму протестантов — эмоциональную сторону католической веры.

Особое место среди новых орденов занимал орден иезуитов. Возникновение его связано с именем испанского идадьо Игнатия Лойолы (1491—1556), одного из военных героев, отличившихся при осаде французами г. Памплоны в годы Итальянских войн. Тяжелое ранение, полученное в бою, не только испортило ему блестящую военную карьеру, но, как оказалось, изменило всю его дальнейшую жизнь. Бывший офицер, не мысливший себя вне военной службы, посвятил свою жизнь “служению Иисусу”. После изучения наук и теологии сначала в Испании, затем в Парижском университете

Лойола получил степень доктора теологии и право на преподавание. В 1534 г. в Париже сложилось ядро будущего ордена иезуитов: шестеро единомышленников Лойолы дали клятву служить католической церкви. Официальное учреждение "Общества Иисуса" произошло в 1540 г., когда папа Павел III своей буллой санкционировал его деятельность. Основная цель, которую ставил перед собой орден, сводилась к укреплению католической церкви и борьбе с ересью. Успехи Реформации делали эту задачу весьма актуальной. Орден выработал своеобразную организационную структуру, оформленную в его уставе. В отличие от средневековых монашеских орденов иезуиты отказались от части аскетических требований: они могли жить в миру, у них отсутствовали монастыри. Кроме того, иезуиты имели право снимать со своих членов обет нестяжания, и в отличие от нищенствующего монашества они могли владеть недвижимостью. Особым пунктом устава иезуиты обязывались исполнять любые распоряжения папы, отдавая себя в полную его власть. Это был четвертый обет, помимо смирения, целомудрия и нестяжательства, обязательных для остального монашества. Чтобы осуществить главную задачу своей деятельности, иезуиты разработали сложную организационную структуру ордена, построив его на началах максимальной централизации. Каждый член ордена должен был полностью повиноваться своему духовному господину (епа, быть "подобно трупу" в руках вышестоящего. Должность генерала являлась пожизненной. Для контроля за его деятельностью создавалась совещательная коллегия. Помимо этого существовал верховный орган — конгрегация, которая выбирала генерала. Первым генералом ордена стал Лойола, его преемником — Диего Лайнес.

Чтобы стать полноправным членом ордена, следовало преодолеть 4 ступени. Самую низшую ступень занимали послушники (новии). Не давая никаких монашеских обетов, они проходили начальное обучение в иезуитских коллегиях (учебных заведениях). Часть послушников, проявивших способности к наукам и желающих учиться дальше, переходила в разряд схоластиков. Схоластики обучались риторике, философии, литературе, физике и математике. После этих курсов их направляли преподавать в коллегии. По достижении 28-летнего возраста часть из них возобновляла занятия, на этот раз постигая богословие, с тем чтобы в 33 года стать духовными коадьютерами и, приняв присягу на верность папе, обрести статус полноправных членов ордена. Таким образом, требования к образованию будущих членов ордена были исключительно высоки, как и вообще та роль, которую иезуиты отводили просвещению. Обучение в иезуитских коллегиях было бесплатным для выходцев из всех слоев общества. Единомышленники Лойолы плодотворно использовали, с одной стороны, практику средневековых универси-

тетов, дававших схоластическое образование, с другой — новую методику преподавания, разработанную гуманистами. Их учебные программы были расширены за счет изучения древних языков (в том числе арабского и древнееврейского), а также трудов античных и средневековых философов. От изучающих теологию требовалось не только глубокое знание Библии, но обращение к греческому тексту Священного Писания. Иезуиты придавали большое значение овладению риторикой, обучая молодежь на лучших античных образцах. Иезуитские коллегии претендовали не только на воспитание монаха, члена ордена. Они давали хорошее светское образование и заслужили признание в европейском обществе. Педагогическая сторона деятельности ордена оставила заметный след в культурной истории Европы.

Религиозно-философские воззрения иезуитов нашли отражение в “Духовных упражнениях” Лойолы, а также в трудах теологов Л. де Молины, Ф. Суареса и Р. Беллармина. Их стараниями рождалась новая схоластика: укреплялся авторитет учения Фомы Аквинского, использовался его метод. Эти богословы стремились привести католическое вероучение в соответствии с опытным знанием, с достижениями науки XVI в.

Иезуиты оказались самыми искусными защитниками Святого Престола: их теологи теоретически обосновали притязания папы на абсолютную власть вплоть до низвержения тех монархов, которые нарушали свой долг смирения перед церковью и папой. Как и протестанты, они создали свою доктрину тираноубийства. Убийцы французских монархов Генриха III и Генриха IV — Клеман и Равальяк — стремились получить от папы оправдание этих действий.

Оплотами иезуитов в европейских государствах стали коллегии. Эти учебные заведения составляли неотъемлемую часть всей системы образования во Франции, Испании, Португалии, Баварии, Австрии, Чехии и Венгрии. Кроме того, иезуиты активно занимались миссионерской деятельностью. В начале XVII в. орден, правда ненадолго, обосновался в Османской империи. Иезуиты проникли в Ост-Индию и Японию, Китай, Абиссинию и Латинскую Америку (в Парагвае они создали самостоятельное государство).

Легализация ордена вызывала сопротивление со стороны старых орденов, усматривавших в иезуитах опасных конкурентов. Неприемлемыми противниками иезуитов были доминиканцы, в руках которых находилась инквизиция. Непомерные притязания ордена на власть, иногда большую, чем у папы, вызывали опасения у самого главы Святого Престола. Между тем при королевских дворах и в аристократических кругах иезуиты, выделявшиеся своей образованностью, изящными манерами, способностью выполнять самые дели-

катные дипломатические поручения, пользовались доверием и уважением.

Политика папства. Тридентский собор. Официальная позиция католической церкви в отношении собственной реформы и Реформации нашла отражение в политике папства. В 1520—1530-е годы действия пап по обновлению католической церкви, как и принятие контрреформационных мер, были малоэффективными. Более того, папы рассматривали церковный раскол как временное явление, ликвидация которого якобы зависит от расстановки политических сил. Почти всю первую половину XVI в. папы были заняты Итальянскими войнами и дипломатической борьбой вокруг событий на Апеннингах. К середине XVI в. положение изменилось. Папское государство утратило политическое влияние как в Италии, так и в Европе в целом. Большой моральный и материальный ущерб ему нанес разрыв с английской, немецкой и скандинавскими церквями. Угрозу представляли и притязания католических монархов на вмешательство в церковные дела национальных церквей. Обстоятельства вынуждали пап идти на политические союзы с монархами и терпеть их контакты с турками-османами и протестантами.

Переход к церковной реформе в деятельности папства связан с понтификатом Павла III (1534—1549). Папа покровительствовал сторонникам обновления католической церкви и положил начало идейно-теоретической подготовке антиреформационного наступления. Он выдвинул в кардиналы строгих монахов и умных реформаторов — глашатая католической реформы Контарини, гуманиста Садолето и отца неаполитанско-испанской инквизиции Караффу. Павел III договорился с императором Карлом V о созыве Вселенского собора.

В 1542 г. по инициативе кардинала Караффы начал свою деятельность Высший инквизиционный трибунал в Риме — так было положено начало контраступлению на Реформацию. Трибунал получил неограниченную власть в делах веры и юрисдикцию, которая распространялась на все католические государства. Комиссары этой “Святой службы” посылались в разные страны. Жертвами трибунала стали Джордано Бруно и Дж.Ч. Ванини, приговоренные к сожжению на костре за ересь, а также Т. Кампанелла, Г. Галилей и многие другие. В 1543 г. кардинал Караффа наложил запрет на печатание любых сочинений без разрешения инквизиторов. Первые каталоги запрещенных книг были составлены по инициативе местных властей в Лувене, Париже, Венеции, Флоренции и Милане. В 1559 г. в Риме появился “Индекс запрещенных книг”, обязательный для всей католической церкви. В него вошли сочинения протестантов и книги, не соответствующие официальному пониманию католического благочестия. В числе запрещенных оказался даже “Про-

ект исправления церкви", одним из составителей которого был сам кардинал Караффа, кроме того, труды иезуитов Ф. Суареса и Л. де Молины, а также "Примечания к Новому завету" Эразма Роттердамского, сочинения Боккаччо, Лоренцо Валлы, Макиавелли, Ульриха фон Гуттена и другие. Компетентная комиссия просматривала литературу, доступную для чтения в школах и университетах, и изымала недозволенное или вымарывала отдельные страницы в оставленных книгах. Закон о цензуре имел в виду не только книгоиздателей и книготорговцев, но также частных лиц, которые подлежали наказанию за чтение, хранение, распространение запрещенных книг и сокрытие информации об этом.

Огромную роль в консолидации католической церкви сыграл Тридентский собор 1545—1563 гг. Если инквизиция и цензура были направлены на пресечение Реформации и искоренение ее идей, равно как и светского свободомыслия, то собор имел целью не только осудить протестантскую ересь, но и принять меры по укреплению католической церкви. Обнародованная папой булла обозначила следующие задачи собора: ясное определение католической веры и реформа церкви. Главной целью была систематизация и унификация католического учения. Необходимость в этом вызывалась выступлениями протестантских реформаторов, стремящихся поколебать традиционные устои. Папа Павел III считал догматическую и организационную консолидацию церкви под верховенством папы основополагающей для проведения реформы и борьбы с протестантами.

Работа собора, начатая в 1543 г. в маленьком пограничном между Италией и Германией г. Тренто (лат. Тридент), с длительными перерывами продолжалась 18 лет, пока наконец не были приняты решения. Прежде всего было указано на незыблемость иерархии, традиций и церковных таинств. Особо подчеркивалась функция церкви как посредника в достижении спасения. Было подтверждено и закреплено все то, что хотели низвергнуть протестанты. Собор отверг основной постулат протестантских реформаторов, согласно которому только Библия — источник веры, и подтвердил, что Священное предание также является источником веры. Он подтвердил главенство папы в церкви, статус клириков, celibат, мессу, таинство исповеди, почитание святых и поклонение мощам. В центре теологических дискуссий было учение о спасении и милости Божьей, т.е. то, что разделяло католическую и реформированную церкви. Собор установил, что спасение дается людям благодаря благодеяниям Христа, но вера — это только врата, открывающие путь к спасению. Для достижения же его необходимы посредничество церкви, активная религиозность и благодеяния. Таким образом была подтверждена вся догматическая основа и организационная

структура католической церкви. Разрыв с протестантами стал окончательным.

Следует отметить, что на соборе вновь проявились противоречия, дававшие о себе знать еще в эпоху Соборного движения. Рождение национальных государств и национальных церквей оживило прособорные настроения: национальное духовенство при поддержке монархов выступало за ограничение власти папы. Тридентский собор продемонстрировал противостояние двух сил — сторонников ограничения власти папы соборами и защитников абсолютной власти главы Святого Престола. Между тем перед собором стояла задача консолидации сил перед лицом Реформации, а такой консолидирующей силой мог быть только папа. В ситуации, когда ставились под сомнение притязания папы на верховенство в христианской церкви и мире, когда папу называли прислужником дьявола, а Рим сравнивали с Вавилонской блудницей, собор еще раз подтвердил, что считает епископа Рима заместителем апостола Петра, викарием Христа на земле и признает его право неограниченной власти над церковью. Критерием верности католической церкви стала верность папству. Тридентский собор вновь продекларировал приверженность ранее сложившейся концепции папской власти и таким образом обозначил границы начавшейся реформы католической церкви.

Для осуществления католической реформы были важны следующие решения собора: о проведении раз в год епархиальных и раз в три года — провинциальных синодов; усилении епископского надзора за подопечным духовенством; о введении мер против злоупотреблений, подрывающих авторитет церкви, — торговли церковными должностями, вымогательства, сосредоточения в одних руках нескольких церковных бенефициев. Ряд постановлений относился к обрядовой стороне культа. Кроме того, собор сохранил за католической церковью исключительное право толковать Священное Писание, признав при этом истинность лишь одного латинского перевода Библии — Вульгаты Иеронима. Подтверждалась верность традиции в представлении о первородном грехе, спасении, чистилище, почитании святых и таинствах. Особо подчеркивалась необходимость соблюдения церковного порядка в таинстве отпущения грехов. Собор возвысил роль исповеди (покаяния) и признал недопустимость торговли индульгенциями. То, с чего началась Реформация, что принесло всеевропейскую известность Лютеру — отношение к индульгенциям, — подверглось новому осмыслению, акцент делался на таинстве исповеди — осознании греха и покаянии. Это должно было способствовать морально-нравственному очищению католиков.

Одним из самых значительных решений собора было постановление о создании духовных семинарий. Собор предписал, чтобы по мере возможности в каждой епархии был создан институт (семина-

рия), который проводил бы в жизнь католическую реформу. Семинарии должны были готовить священников нового типа, способных соперничать в знании теологии с протестантскими проповедниками.

Реализация решений Тридентского собора. Реставрация католицизма. Решения Тридентского собора были осуществлены не сразу и не везде. Отказалась от реализации соборных постановлений Франция, медлила Испания. Более всего нареканий вызывали постановления о праве папы назначать и смещать прелатов национальных церквей: эти решения ущемляли власть монархов в отношении "своих" церквей. Римская курия решительно взялась за реформы. Возросла роль папской канцелярии в управлении церковными делами. Коллегия кардиналов была ограничена 70 членами и стала административным органом, подчиненным папе. При папе Григории XIII (1572—1585) были учреждены постоянные нунциатуры (дипломатические представительства) при дворах светских государей. С санкции папы вводилось единообразие католической литургии. В соответствии с решениями собора исправлялись богослужебные книги и обряды, уточнялись ритуалы и церемонии (в 1588 г. была создана специальная конгрегация по церковным обрядам). В 1592 г. вышло новое исправленное издание латинского перевода Библии. Дело католической реставрации папа Григорий XIII связывал с организацией основательного церковного обучения. Он окружил заботой Григорианский университет, созданный с одобрения папы Юлия III Лойолой еще в 1552 г. Выделив этому университету крупную сумму и отдав несколько зданий в Риме, он рассчитывал готовить достойных бойцов Контрреформации. Для иностранцев, обучавшихся в этом университете, открывались национальные коллегии. Созданная в 1552 г. Германская коллегия уже в 1569 г. приняла до 100 студентов. Вслед за Германской в 1577 г. открылась Греческая коллегия для греков и армян, в 1579 г. — Английская коллегия, а затем Шотландская, Ирландская и другие.

При папе Григории XIII была осуществлена реформа календаря. Еще на Тридентском соборе встал вопрос о необходимости избавиться от несоответствия между Юлианским календарем и астрономическим годом. Изменения сводились к тому, чтобы признать следующий за 4 октября 1582 г. день не 5, а 15 октября. Эта реформа, торжественно провозглашенная Григорием XIII, была принята во всех католических странах; протестанты ее признали спустя столетие, а ряд православных церквей, включая русскую, сохранили верность Юлианскому календарю.

Стремлением усилить могущество католической церкви и авторитет духовенства была продиктована большая работа иезуитов и бенедиктинцев над публикацией средневековых исторических ис-

точников. Отвоевание утерянных в эпоху Возрождения позиций требовало тщательной подготовки материала к публикации. Из историков-иезуитов одно из видных мест в конце XVI — первой половине XVII в. принадлежит Дени Пето (1583—1652), который в соавторстве с протестантом Скалигером разработал научную хронологию. Его труд *“De doctrina temporum”*, вышедший в 1628 г., был одной из первых попыток внести систему в научный подход к решению вопроса о единой хронологии. Видное место в собрании средневековых источников занимает публикация *“Деяний (житий) святых”* (*“Acta sanctorum”*), осуществленная Жаком Болландом (1596—1665). С 1643 г. начинает выходить серия *“Деяний святых”*, продолженная после смерти Болланда его учениками. Не меньший вклад в издание источников внесли бенедиктинцы конгрегации св. Мавра (мавристы). Люк д'Ашери и Дом Мабильон усовершенствовали технику исторического исследования и участвовали в создании новых специальных исторических дисциплин — палеографии и сфрагистики.

Славу Дом Мабильону (1632—1707) принес труд по дипломатике (*“De re diplomatica”*, 1681), в котором он собрал и систематизировал данные о письме, происхождении и особенностях средневековых хартий и дипломов, сформулировал приемы установления их подлинности. В то же время Дом Мабильон был известен как автор публикаций *“Деяний святого ордена св. Бенедикта”*. Ватиканская библиотека, строительство которой было осуществлено папами Николаем V и Сикстом IV еще в XV в., систематически пополнялась многочисленными изданиями и рукописями. Высокий статус получила должность ее библиотекаря, включенного в коллегия кардиналов.

Что касается влияния Контрреформации на политическую обстановку, то в наследственных владениях Габсбургов, в верхненемецких княжествах она помогла государям, тогда как в Англии и Франции, напротив, антиправительственной католической оппозиции. Контрреформация нашла союзника в абсолютистской власти в Испании и Португалии, в княжествах Южной Германии, а также в Италии. Сотрудничая со светскими государями, поддерживая борьбу с Реформацией, папа не отказывал и в конкретной помощи борьбе против протестантов — деньгами, солдатами, священниками, пожертвованием церковного имущества. Пий V поддерживал герцога Альбу в Нидерландах, предоставил французскому королю Карлу IX для борьбы с гугенотами свои войска, участвовал в заговорах против Елизаветы I Тюдор. Сикст V отлучил от церкви единственного законного наследника французского престола Генриха Наваррского.

Главной политической и военной силой Контрреформации были Габсбурги — в XVI в. испанские, а в XVII в. германские. Филипп II, опираясь на мощь своей обширной державы и на международные союзы, вел наступление на протестантизм по всей Европе. Он стремился сокрушить самую сильную цитадель протестантизма — английскую монархию. Ориентируясь на монархов, проводники Контрреформации для восстановления католицизма в Северной Европе вели широкую устную и письменную пропаганду среди населения, возобновляли отправление традиционного богослужения и обрядов. Однако несмотря на известные успехи, в начале XVII в. деятельность проводников Контрреформации в основном была сведена на нет и католицизм сдавал свои позиции в королевствах Англии и Шотландии.

В Германии активными проводниками реставрации католицизма были герцоги Баварские. С середины XVI в. Альбрехт V (1530—1579) повел решительную борьбу с протестантизмом в своих владениях, восстановив католицизм в Баденском герцогстве. К началу XVII в. католическая церковь сумела отстоять и даже вновь обрести значительные территории в Германии, где широко распространялись реформационные учения. В 1608 г. силам католической церкви была противопоставлена Протестантская уния, на которую католики ответили образованием лиги во главе с Баварией (1609). Это объединение поддержали австрийские Габсбурги, папа и Испания. Немецкие земли становились центром противоборства двух религиозно-политических коалиций.

Политика папства обостряла не только внутривнутриполитическую обстановку в европейских государствах, но осложняла международные отношения. Не случайно при заключении Вестфальского мира 1648 г., положившего конец 30-летней войне, папе не было отведено никакой роли, несмотря на протесты Святого Престола. В годы, последовавшие за европейским урегулированием 1648 г. (остававшимся в силе до 1713 г.), папский престол перестал быть главным центром европейской политики.

Глава 8

ИСПАНИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

После окончания Реконкисты в 1492 г. весь Пиренейский полуостров, за исключением Португалии, был объединен под властью испанских королей. Испанским монархам принадлежали также Сардиния, Сицилия, Балеарские острова, Неаполитанское королевство и Наварра.

В 1516 г. после смерти Фердинанда Арагонского на испанский престол вступил Карл I. По матери он был внуком Фердинанда и Изабеллы, а по отцу приходился внуком императору Максимилиану I Габсбургу. От своего отца и деда Карл I унаследовал владения Габсбургов в Германии, Нидерланды и земли в Южной Америке. В 1519 г. он добился своего избрания на престол Священной Римской империи германской нации и стал императором Карлом V. Современники не без основания говорили, что в его владениях “никогда не заходит солнце”. Однако объединение огромных территорий под властью испанской короны отнюдь не завершило процесс экономической и политической консолидации. Арагонское и Кастильское королевства, связанные лишь династической унией, на протяжении всего XVI века оставались политически разобщенными: они сохраняли свои сословно-представительные учреждения — кортесы, свое законодательство и судебную систему. Кастильские войска не могли вступать на земли Арагона, а последний не был обязан защищать земли Кастилии в случае войны. В самом Арагонском королевстве его основные части (особенно Арагон, Каталония, Валенсия и Наварра) также сохраняли значительную политическую самостоятельность.

Раздробленность испанского государства проявлялась еще и в том, что не существовало единого политического центра, королевский двор перемещался по стране, чаще всего останавливаясь в Вальядолиде. Только в 1605 г. официальной столицей Испании стал Мадрид.

Еще более значительной была хозяйственная разобщенность страны: отдельные районы резко отличались по уровню социально-экономического развития и были мало связаны между собой. Этому в значительной степени способствовали географические условия: горный ландшафт, отсутствие судоходных рек, по которым было бы

возможно сообщение между севером и югом страны. Северные области — Галисия, Астурия, Страна Басков почти не имели связи с центром полуострова. Они вели оживленную торговлю с Англией, Францией и Нидерландами через портовые города — Бильбао, Ла-Корунья, Сан-Себастьян и Байонну. К этому району тяготели некоторые области Старой Кастилии и Леона, важнейшим экономическим центром которого был город Бургос. Юго-восток страны, особенно Каталония и Валенсия, были тесно связаны со средиземноморской торговлей — здесь происходила заметная концентрация купеческого капитала. Внутренние провинции Кастильского королевства тяготели к Толедо, который с давних времен был крупным центром ремесла и торговли.

Обострение положения в стране в начале правления Карла V. Молодой король Карл I (V) (1516—1555) до вступления на престол воспитывался в Нидерландах. Он плохо говорил по-испански, его свита и окружение состояли главным образом из фламандцев. В первые годы Карл управлял Испанией из Нидерландов. Его избрание на императорский престол Священной Римской империи, путешествие в Германию и расходы на коронацию потребовали огромных средств, что легло тяжелым бременем на кастильскую казну.

Стремясь к созданию "всемирной империи", Карл V с первых лет своего правления рассматривал Испанию прежде всего как источник финансовых и людских ресурсов для проведения имперской политики в Европе. Широкое привлечение королем фламандских приближенных в государственный аппарат, абсолютистские претензии сопровождались систематическим нарушением обычаев и вольностей испанских городов и прав кортесов, что вызывало недовольство широких слоев бюргерства и ремесленников. Политика Карла V, направленная против высшей знати, порождала глухой протест, перераставший временами в открытое недовольство. В первой четверти XVI в. деятельность оппозиционных сил сконцентрировалась вокруг вопроса о принудительных займах, к которым часто прибегал король с первых лет своего правления.

В 1518 г. для расплаты со своими кредиторами — немецкими банкирами Фуггерами — Карлу V удалось с большим трудом получить у кастильских кортесов огромную субсидию, но эти деньги были быстро истрачены. В 1519 г. король для получения нового займа был вынужден принять условия, выдвинутые кортесами, среди которых было требование, чтобы король не покидал Испанию, не назначал иностранцев на государственные должности, не отдавал им на откуп сбор налогов. Однако тотчас же после получения денег король покинул Испанию, назначив наместником фламандца кардинала Адриана Утрехтского.

Восстание городских коммун Кастилии (комунерос). Наруше-

ние королем подписанного соглашения явилось сигналом к восстанию городских коммун против королевской власти, получившему название "восстания комунерос" (1520—1522). После отъезда короля, когда депутаты кортесов, проявившие чрезмерную уступчивость, вернулись в свои города, они были встречены всеобщим негодованием. В Сеговии восстали ремесленники-сукноделы, поденщики, мойщики, чесальщики шерсти. Одним из главных требований восставших городов было запрещение ввоза в страну шерстяных тканей из Нидерландов.

На первом этапе (май—октябрь 1520 г.) для движения комунерос был характерен союз дворянства и городов. Это объясняется тем, что сепаратистские стремления знати находили поддержку у части патрициата и бюргерства, выступавших в защиту средневековых вольностей городов против абсолютистских тенденций королевской власти. Однако союз дворянства и городов оказался непрочным, так как их интересы были во многом противоположны. Между городами и грандами шла упорная борьба за земли, находившиеся в распоряжении городских общин. Несмотря на это, на первом этапе произошло объединение всех антиабсолютистских сил.

Вначале движение возглавил город Толедо, отсюда вышли главные его вожди — дворяне Хуан де Падилья и Педро Ласо де ла Вега. Была сделана попытка объединения всех восставших городов. Их представители собрались в Авилае, наряду с горожанами здесь было много дворян, а также представители духовенства и люди свободных профессий. Однако наиболее активную роль играли ремесленники и выходцы из городских низов. Так, представителем от Севильи был ткач, от Саламанки — скорняк, от Медины дель Кампо — суконщик. Летом 1520 г. в рамках Священной хунты объединились вооруженные силы восставших во главе с Хуаном де Падилья. Города отказались повиноваться королевскому наместнику и запретили его вооруженным силам вступать на их территорию.

По мере развития событий программа движения комунерос конкретизировалась, приобретая и антидворянскую направленность, но она не была открыто направлена против королевской власти как таковой. Города требовали возвращения в казну захваченных грандами коронных земель, уплаты ими церковной десятины. Они рассчитывали, что эти меры улучшат финансовое положение государства и приведут к ослаблению налогового бремени, ложившегося всей своей тяжестью на податное сословие. Однако многие из требований отразили сепаратистскую направленность движения, стремление к восстановлению средневековых городских привилегий (ограничение власти королевской администрации в городах, восстановление городских вооруженных отрядов и т.д.).

Весной и летом 1520 г. под контролем Хунты оказалась почти

вся страна. Кардинал-наместник, пребывая в постоянном страхе, писал Карлу V, что "нет в Кастилии ни одного селения, которое не присоединилось бы к бунтовщикам". Карл V приказал выполнить требования некоторых городов, чтобы внести раскол в движение.

Осенью 1520 г. от восстания отошли 15 городов, их представители, собравшись в Севилье, приняли документ об отказе от борьбы, в котором отчетливо проявился страх патрициата перед движением городских низов. Осенью того же года кардинал-наместник начал открытые военные действия против восставших.

На втором этапе (1521—1522) выдвинутая восставшими программа продолжала дорабатываться и уточняться. В новом документе "99 статей" (1521) появились требования о независимости депутатов кортесов от королевской власти, об их праве собираться каждые три года независимо от воли монарха, о запрещении продажи государственных должностей. Можно выделить ряд требований, открыто направленных против дворянства: закрыть доступ дворян к муниципальным должностям, обложить дворянство налогами, ликвидировать его "вредные" привилегии.

По мере углубления движения начала отчетливо проявляться его направленность против знати. К восставшим городам присоединялись широкие слои кастильского крестьянства, страдавшего от произвола грандов на захваченных домениальных землях. Крестьяне громили поместья, разрушали замки и дворцы знати. В апреле 1521 г. Хунта заявила о своей поддержке крестьянского движения, направленного против грандов как врагов королевства.

Эти события способствовали дальнейшему размежеванию в лагере восставших, дворяне и знать открыто перешли в лагерь врагов движения. Лишь незначительная группа дворян осталась в составе Хунты, главную роль в ней стали играть средние слои горожан. Используя вражду дворянства и городов, войска кардинала-наместника перешли в наступление и нанесли поражение войскам Хуана де Падильи в битве при Вильяларе (1522). Руководители движения были захвачены в плен и обезглавлены. Некоторое время держался Толедо, где действовала жена Хуана де Падильи — Мария Пачеко. Несмотря на голод и эпидемию, восставшие держались стойко. Мария Пачеко надеялась на помощь французского короля Франциска I, но в конце концов она была вынуждена искать спасения в бегстве.

В октябре 1522 г. Карл V вернулся в страну во главе отряда наемников, но к этому времени движение было уже подавлено.

Одновременно с восстанием кастильских комунерос разгорелась борьба в Валенсии и на острове Майорка. Причины восстания были в основном те же, что и в Кастилии, но положение здесь обострилось тем, что городские магистраты во многих городах еще больше

зависели от грандов, превративших их в орудие своей реакционной политики.

Однако по мере развития и углубления восстания городов бюргерство изменило ему. Опасаясь, что будут затронуты и его интересы, в Валенсии руководители бюргерства уговорили часть восставших капитулировать перед войсками вице-короля, подступившими к стенам города. Сопротивление сторонников продолжения борьбы было сломлено, а их предводители казнены.

Движение комунерос представляло собой весьма сложное социальное явление. В первой четверти XVI в. бюргерство в Испании еще не достигло той ступени развития, когда оно уже могло бы променять городские вольности на удовлетворение своих интересов как нарождающегося класса буржуазии. Важную роль в движении играли городские низы, политически слабые и плохо организованные. В восстаниях в Кастилии, в Валенсии и на Майорке испанское бюргерство не имело ни программы, способной объединить, хотя бы временно, народные массы, ни желания вести решительную борьбу с феодализмом в целом.

В движении комунерос проявилось стремление бюргерства сохранить и даже повысить свое влияние в политической жизни страны традиционным путем — консервацией городских вольностей. На втором этапе восстания комунерос значительного размаха достигло антифеодальное движение городского плебса и крестьянства, однако в тех условиях оно не могло иметь успеха.

Поражение восстания комунерос имело отрицательные последствия для дальнейшего развития Испании. Крестьянство Кастилии было отдано в полную власть грандам, примирившимся с королевским абсолютизмом; движение горожан было разгромлено; тяжелый удар был нанесен зарождавшейся буржуазии; подавление движения городских низов оставило города беззащитными перед возрастающим налоговым гнетом. Отныне не только деревня, но и город подвергался ограблению со стороны испанского дворянства.

Экономическое развитие Испании в XVI в. Наиболее густонаселенной частью Испании была Кастилия, где проживало $\frac{3}{4}$ населения Пиренейского полуострова. Как и в остальных областях страны, земля в Кастилии находилась в руках короны, дворянства, католической церкви и духовно-рыцарских орденов. Основная масса кастильских крестьян обладала личной свободой. Они держали в наследственном пользовании земли духовных и светских феодалов, уплачивая за них денежный ценз. В наиболее благоприятных условиях находились крестьяне-колонисты Новой Кастилии и Гранады, селившиеся на землях, отвоеванных у мавров. Они не только обладали личной свободой, но их общины располагали привилегиями и вольностями, сходными с теми, которыми пользовались кастильские

города. Эта ситуация изменилась после поражения восстания кому-нерос.

Социально-экономический строй Арагона, Каталонии и Валенсии резко отличался от строя Кастилии. Здесь и в XVI в. сохранялись наиболее жестокие формы феодальной зависимости. Феодалы наследовали имущество крестьян, вмешивались в их личную жизнь, могли подвергать их телесным наказаниям и даже предавать смертной казни.

Наиболее угнетенной и бесправной частью крестьян и городского населения Испании были мориски — потомки мавров, насильственно обращенных в христианство. Они жили главным образом в Гранаде, Андалусии и Валенсии, а также в сельских районах Арагона и Кастилии, облагались большими налогами в пользу церкви и государства, постоянно находились под надзором инквизиции. Несмотря на преследования, трудолюбивые мориски издавна выращивали такие ценные культуры, как оливы, рис, виноград, сахарный тростник, шелковичное дерево. На юге ими была создана совершенная ирригационная система, благодаря которой они получали высокие урожаи зерна, овощей и фруктов.

В течение многих веков важной отраслью сельского хозяйства Кастилии являлось перегонное овцеводство. Основная масса овечьих отар принадлежала привилегированной дворянской корпорации — Месте, пользовавшейся особым покровительством королевской власти.

Дважды в год, весной и осенью, тысячи овец перегонялись с севера на юг полуострова и обратно по широким дорогам, проложенным через возделанные поля, виноградники, оливковые рощи. Десятки тысяч овец, продвигаясь по стране, наносили огромный ущерб земледелию. Под страхом тяжелого наказания сельскому населению запрещалось огораживать свои поля от проходивших стад. Еще в XV в. Места получила право пасти свои стада на пастбищах сельских и городских общин, брать в бессрочную аренду любой участок земли, если овцы паслись на нем в течение одного сезона. Места пользовалась огромным влиянием в стране, так как наиболее крупные стада принадлежали объединенным в ней представителям высшей кастильской знати. Они добились в начале XVI в. подтверждения всех прежних привилегий этой корпорации.

В первой четверти XVI в. в связи с быстрым развитием производства в городах и ростом спроса колоний на продукты питания в Испании наметился некоторый подъем сельского хозяйства. Источники указывают на расширение посевных площадей вокруг больших городов (Бургос, Медина дель Кампо, Вальядолид, Севилья). Сильнее всего тенденция к интенсификации проявилась в винодельческом хозяйстве. Однако увеличение производства для удовлетво-

рения запросов возросшего рынка требовало значительных средств, что было под силу только зажиточной, крайне незначительной в Испании прослойке крестьян. Большинство из них было вынуждено прибегать к займам у ростовщиков и зажиточных горожан под залог своих держаний с обязательством уплачивать ежегодно проценты в течение нескольких поколений (сверхценз). Это обстоятельство вместе с ростом государственных налогов приводило к увеличению задолженности основной массы крестьян, к потере ими земли и превращению в батраков или бродяг.

Вся экономическая и политическая структура Испании, где ведущая роль принадлежала дворянству и католической церкви, препятствовала прогрессивному развитию хозяйства.

Налоговая система в Испании также стесняла развитие раннекапиталистических элементов в экономике страны. Наиболее ненавистным налогом была алькабала — 10%-ный налог с каждой торговой сделки; кроме того, существовало огромное количество постоянных и чрезвычайных налогов, размеры которых на протяжении XVI в. все время возрастали, поглощая до 50% доходов крестьянина и ремесленника. Тяжелое положение крестьян усугублялось всевозможными государственными повинностями (транспортировка грузов для королевского двора и войска, постой солдат, поставки продовольствия для армии и т.п.).

Испания была первой страной, испытавшей на себе воздействие революции цен. С 1503 по 1650 г. сюда было ввезено свыше 180 т золота и 16,8 тыс. т серебра, добытых трудом порабощенного населения колоний и награбленного конкистадорами. Прилив дешевого драгоценного металла явился главной причиной повышения цен в европейских странах. В Испании цены возросли в 3,5—4 раза.

Уже в первой четверти XVI в. наблюдалось повышение цен на предметы первой необходимости, и прежде всего на хлеб. Казалось бы, это обстоятельство должно было способствовать росту товарности сельского хозяйства. Однако установленная в 1503 г. система такс (максимальных цен на зерно) искусственно удерживала низкие цены на хлеб, в то время как остальные продукты быстро дорожали. Это привело к сокращению посевов зерновых и к резкому падению производства зерна в середине XVI в. Начиная с 30-х годов большинство районов страны ввозило хлеб из Франции и Сицилии. Привозной хлеб не подпадал под действие закона о таксах и продавался в 2—2,5 раза дороже, чем зерно, производимое испанскими крестьянами.

Завоевание колоний и невиданное расширение колониальной торговли способствовали подъему ремесленного производства в городах Испании и возникновению отдельных элементов мануфактурного производства, особенно в сукноделии. В главных его центрах —

Сеговии, Толедо, Севилье, Куэнке — возникли мануфактуры. Большое количество прядильщиков и ткачей в городах и в округе работало на скупщиков. В начале XVII в. крупные мастерские Сеговии насчитывали по несколько сот наемных рабочих.

Большой известностью с арабских времен пользовались в Европе испанские шелковые ткани, славившиеся высоким качеством, яркостью и устойчивостью красок. Главными центрами производства шелка были Севилья, Толедо, Кордова, Гранада и Валенсия. Дорогие шелковые ткани мало потреблялись на внутреннем рынке и шли в основном на экспорт, так же как и изготавливавшиеся в южных городах парча, бархат, перчатки, шляпы. В то же время грубые дешевые шерстяные, а также льняные ткани ввозились в Испанию из Нидерландов и Англии.

Важной отраслью хозяйства с зачатками мануфактуры являлась металлургия. Северные области Испании наряду со Швецией и Средней Германией занимали важное место в производстве металла в Европе. На базе добывавшейся здесь руды развивалось производство холодного и огнестрельного оружия, различных металлических изделий, в XVI в. возникло производство мушкетов и артиллерийских орудий. Помимо металлургии, были развиты судостроение и рыболовство. Главным портом в торговле с Северной Европой являлся Бильбао, который по оборудованию и обороту грузов превосходил Севилью до середины XVI в. Северные области активно участвовали в экспортной торговле шерстью, поступающей из всех областей страны в город Бургос. Вокруг оси Бургос — Бильбао развевалась оживленная экономическая деятельность, связанная с торговлей Испании с Европой, и в первую очередь с Нидерландами. Другим старым экономическим центром Испании был район Толедо. Сам город славился выделкой сукон, шелковых тканей, производством оружия и обработкой кожи.

Со второй четверти XVI столетия в связи с расширением колониальной торговли начинается возвышение Севильи. В городе и его округе возникли мануфактуры по производству сукон, керамических изделий, развилось производство шелковых тканей и переработка шелка-сырца, быстро росли кораблестроение и отрасли, связанные со снаряжением флота. Плодородные долины в окрестностях Севильи и других южных городов превратились в сплошные виноградники и оливковые рощи.

В 1503 г. была установлена монополия Севильи на торговлю с колониями и создана "Севильская торговая палата", осуществлявшая контроль за вывозом товаров из Испании в колонии и ввозом грузов из Нового Света, в основном состоявших из слитков золота и серебра. Все предназначенные к вывозу и ввозу товары тщательно регистрировались чиновниками и облагались пошлинами в пользу

казны. Вино и оливковое масло стали главными статьями испанского экспорта в Америку. Вложение денег в колониальную торговлю давало очень большие выгоды (прибыль была здесь намного выше, чем в других отраслях). Кроме севильского купечества, в колониальной торговле принимали участие купцы Бургоса, Сеговии, Толедо. Значительная часть купцов и ремесленников переселялась в Севилью из других районов Испании.

Население Севильи с 1530 по 1594 г. удвоилось. Увеличивалось количество банков и купеческих компаний. В то же время это означало фактическое лишение других областей возможности торговать с колониями, так как из-за отсутствия водных и удобных наземных путей перевоз товаров в Севилью с севера стоил очень дорого. Монополия Севильи обеспечивала казне получение огромных доходов, но она пагубно отразилась на экономическом положении других районов страны. Роль северных областей, имевших удобные выходы в Атлантический океан, сводилась лишь к охране флотилий, направлявшихся в колонии, что привело их экономику к упадку в конце XVI в.

Важнейшим центром внутренней торговли и кредитно-финансовых операций в XVI в. оставался город Медина дель Кампо. Ежегодные осенние и весенние ярмарки привлекали сюда купцов не только со всей Испании, но и из всех стран Европы. Здесь производились расчеты по крупнейшим внешнеторговым операциям, заключались соглашения о займах и поставках товаров в страны Европы и в колонии.

Таким образом, в первой половине XVI в. в Испании создавалась благоприятная обстановка для развития промышленности и торговли. Колонии требовали большого количества товаров, а огромные средства, поступающие в Испанию с 20-х годов XVI в. в результате ограбления Америки, создавали возможности для накопления капитала. Это дало толчок экономическому развитию страны. Однако как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и торговле ростки новых, прогрессивных экономических отношений встречали сильное сопротивление консервативных слоев феодального общества. Развитие главной отрасли испанской промышленности — производства шерстяных тканей — сдерживалось экспортом значительной части шерсти в Нидерланды. Тщетно испанские города требовали ограничить экспорт сырья, чтобы понизить его цену на внутреннем рынке. Производство шерсти находилось в руках испанского дворянства, которое не хотело терять своих доходов и вместо сокращения экспорта шерсти добивалось издания законов, разрешавших ввоз иностранных сукон.

Несмотря на экономический подъем первой половины XVI в., Испания оставалась в целом аграрной страной со слабо развитым

внутренним рынком, отдельные области были локально-замкнутыми в хозяйственном отношении.

Государственный строй. В период правления Карла V и Филиппа II (1555—1598) произошло усиление центральной власти, однако испанское государство представляло собой в политическом отношении пестрый конгломерат разобщенных территорий. Управление отдельными частями страны воспроизводило тот порядок, который сложился в самом Арагоно-Кастильском королевстве, составлявшем политическое ядро испанской монархии. Во главе государства стоял король, возглавлявший Кастильский совет; существовал также Арагонский совет, управлявший Арагоном, Каталонией и Валенсией. Другие советы ведали территориями за пределами полуострова: Фландрский совет, Итальянский совет, совет Индий; управление этими областями осуществляли вице-короли, назначавшиеся, как правило, из представителей высшей кастильской знати.

Усиление абсолютистских тенденций в XVI — первой половине XVII в. привело к упадку кортесов. Уже к первой четверти XVI в. их роль была сведена исключительно к вотированию новых налогов и займов королю. На их заседания все чаще стали приглашаться только представители городов. С 1538 г. дворянство и духовенство официально не были представлены в кортесах. В то же время в связи с массовым переселением дворян в города вспыхнула ожесточенная борьба между бюргерством и дворянством за участие в городском самоуправлении. В итоге дворяне добились закрепления за собой права на занятие половины всех должностей в муниципальных органах.

Все чаще в кортесах в качестве представителей городов выступали дворяне, что свидетельствовало об усилении их политического влияния. Правда, дворяне часто продавали свои муниципальные должности зажиточным горожанам, многие из которых даже не являлись жителями данных мест, или сдавали их в аренду.

Дальнейший упадок кортесов сопровождался в середине XVII в. лишением их права вотировать налоги, которое было передано городским советам, после чего кортесы перестали созываться.

В XVI — начале XVII в. крупные города, несмотря на значительные успехи в развитии промышленности, во многом сохраняли свой средневековый облик. Это были городские коммуны, где у власти стояли патрициат и дворяне. Многие городские жители, имевшие достаточно высокие доходы, за деньги приобретали “идальгию”, что освобождало их от уплаты налогов, которые всей своей тяжестью ложились на средние и низшие слои городского населения.

На протяжении всего периода во многих районах сохранялась сильная власть крупной феодальной знати. Духовные и светские

феодалы располагали судебной властью не только в сельской местности, но и в городах, где под их юрисдикцией находились целые кварталы, а иногда и города со всей округой. Многие из них получали от короля право на сбор государственных налогов, что еще больше увеличивало их политическую и административную власть.

Начало упадка Испании. Филипп II. Карл V провел жизнь в походах и почти не бывал в Испании. Войны с турками, нападавшими на испанскую державу с юга и на владения австрийских Габсбургов с юго-востока, войны с Францией из-за преобладания в Европе и особенно в Италии, войны со своими собственными подданными — протестантскими князьями в Германии — занимали все его царствование. Грандиозный план создания мировой католической империи рухнул, несмотря на многочисленные военные и внешнеполитические успехи Карла.

В 1555 г. Карл V отказался от престола, передав Испанию, Нидерланды, колонии в Америке и итальянские владения своему старшему сыну Филиппу II. Кроме законного наследника, у Карла V было двое незаконных детей: Маргарита Пармская, будущая правительница Нидерландов, и дон Хуан Австрийский, известный политический и военный деятель, победитель турок в битве при Лепанто (1571).

Будущий король Филипп II вырос без отца, так как Карл V почти 20 лет не был в Испании. Наследник рос угрюмым, замкнутым. Как и его отец, Филипп II прагматически смотрел на брак, часто повторял слова Карла V: «Королевские браки заключаются не для семейного счастья, а для продолжения династии». Первый сын Филиппа II от брака с Марией Португальской — дон Карлос — оказался физически и психически неполноценным. Испытывая смертельный страх перед отцом, он готовился тайно бежать в Нидерланды. Слухи об этом побудили Филиппа II заключить сына под стражу, где он вскоре умер.

Чисто политическим расчетом был продиктован второй брак 27-летнего Филиппа II с 43-летней английской королевой — католичкой Марией Тюдор. Филипп II надеялся объединить усилия двух католических держав в борьбе против Реформации. Через четыре года Мария Тюдор умерла, не оставив наследника. Притязания Филиппа II на руку Елизаветы I, английской королевы-протестантки, были отвергнуты.

Филипп II был женат 4 раза, но из 8 его детей выжили только двое. Лишь в браке с Анной Австрийской у него родился сын — будущий наследник престола Филипп III, не отличавшийся ни здоровьем, ни способностями к управлению государством.

Оставив старые резиденции испанских королей Толедо и Вальядолид, Филипп II устроил свою столицу в маленьком городке Мад-

риде на пустынном и бесплодном кастильском плоскогорье. Непода- леку от Мадрида возник грандиозный монастырь, являвшийся одно- временно дворцом-усыпальницей, — Эскориал.

Были приняты суровые меры против морисков, многие из кото- рых продолжали втайне исповедовать веру своих отцов. На них обрушилась инквизиция, принуждая отказаться от прежних обыча- ев и языка. В начале царствования Филипп II издал ряд законов, усиливавших их преследования. Доведенные до отчаяния мориски в 1568 г. восстали под лозунгом сохранения халифата.

С большим трудом правительству удалось в 1571 г. подавить восстание. В городах и селениях морисков поголовно истреблялось все мужское население, женщины и дети продавались в рабство. Оставшихся в живых морисков изгнали в бесплодные районы Касти- лии, обрекая на голод и бродяжничество. Кастильские власти беспощадно преследовали морисков, инквизиция сотнями сжигала “от- ступников от истинной веры”.

Жестокое угнетение крестьян и общее ухудшение экономиче- ского положения страны вызывало неоднократные крестьянские вос- стания, из которых самым сильным явилось восстание в Арагоне в 1585 г. Политика беззастенчивого ограбления Нидерландов и резко- го усиления религиозных и политических преследований привела в 60-х годах XVI в. к восстанию в Нидерландах, которое переросло в освободительную войну против Испании (см. гл. 9).

Экономический упадок Испании во второй половине XVI — XVII в. Начиная с середины XVI в. Испания вступила в полосу длительного экономического упадка, который охватил сначала сель- ское хозяйство, затем промышленность и торговлю. Говоря о причи- нах упадка сельского хозяйства и разорения крестьян, источники неизменно подчеркивают три из них: тяжесть налогов, существова- ние максимальных цен на хлеб и злоупотребления Месты. Крестья- не сгонялись со своих земель, общины лишались своих пастбищ и лугов, это приводило к упадку животноводства и сокращению посе- вов. Страна переживала острый недостаток продуктов питания, что еще больше взвинчивало цены. Главной причиной вздорожания то- варов было не увеличение количества денег в обращении, а падение стоимости золота и серебра в связи со снижением затрат на добычу драгоценных металлов в Новом Свете.

Во второй половине XVI в. в Испании продолжала усиливаться концентрация земельной собственности в руках крупнейших феода- лов. Значительная часть дворянских владений пользовалась правом майората, они передавались по наследству старшему сыну и были неотчуждаемыми, то есть не могли закладываться и продаваться за долги. Неотчуждаемыми являлись также церковные земли и владе- ния духовно-рыцарских орденов. Несмотря на значительную задол-

женность высшей аристократии в XVI—XVII вв., знать сохранила свои земельные владения и даже приумножила их путем покупки распродаваемых короной доменiallyных земель. Новые владельцы ликвидировали права общин и городов на пастбища, захватывали общинные земли и наделы тех крестьян, права которых не были соответствующим образом оформлены. В XVI в. право майората распространилось и на владения бюргерства. Существование майоратов изымало из обращения значительную часть земель, что затрудняло развитие капиталистических тенденций в сельском хозяйстве.

В стране происходил интенсивный процесс экспроприации крестьянства, приведший к сокращению сельского населения в северных и центральных районах страны. В петициях кортесов постоянно говорится о деревнях, где оставалось всего по несколько жителей, вынужденных нести непомерное бремя налогов. Так, в одной из деревень около города Торо осталось всего три жителя, которые продали колокола и священные сосуды из местной церкви, чтобы уплатить налоги. Многие крестьяне не имели орудий труда, рабочего скота, продавали хлеб на корню задолго до уборки урожая. В Кастилии наблюдалось значительное расслоение крестьянства. Во многих деревнях в районе Толедо от 60 до 85% крестьян являлись поденщиками, систематически продававшими свою рабочую силу.

Вместе с тем на фоне упадка мелкого крестьянского хозяйства возникали крупные товарные хозяйства, основанные на использовании краткосрочной аренды и наемного труда и в значительной степени ориентированные на экспорт. Эти тенденции особенно характерны для юга страны. Почти вся Эстремадура оказалась в руках двух крупнейших магнатов, лучшие земли Андалусии были поделены между несколькими сеньорами. Огромные пространства земли здесь были заняты под виноградники и оливковые рощи. В винодельческом хозяйстве особенно интенсивно применялся наемный труд, наблюдался переход от наследственной к краткосрочной аренде. В то время как по всей стране стал заметным упадок земледелия и сократились посевы зерновых, процветали отрасли, связанные с колониальной торговлей. Страна ввозила значительную часть потребляемого зерна из-за границы.

В конце XVI — начале XVII в. экономический упадок охватил все отрасли хозяйства страны. Привозимые из Нового Света драгоценные металлы в значительной части попадали в руки дворян, в связи с чем у последних пропадала заинтересованность в хозяйственной деятельности. Это определило упадок не только сельского хозяйства, но и промышленности, и в первую очередь производства тканей.

Мануфактуры стали возникать в Испании еще в первой полови-

не XVI в., но они были немногочисленными и не получили дальнейшего развития. Наиболее крупным центром мануфактурного производства являлась Сеговия. Уже в 1573 г. кортесы жаловались на упадок производства шерстяных тканей в Толедо, Сеговии, Куэнке и других городах. Подобные жалобы понятны, так как, невзирая на растущий спрос американского рынка, в связи с повышением цен на сырье и сельскохозяйственные продукты, ростом заработной платы ткани, изготовленные за границей из испанской шерсти, стоили дешевле, чем испанские.

Производство основного вида сырья — шерсти — находилось в руках дворянства, которое не хотело терять своих доходов, получаемых от высоких цен на шерсть в самой Испании и за границей. Несмотря на неоднократные просьбы городов сократить экспорт шерсти, он постоянно возрастал и увеличился с 1512 по 1610 г. почти в 4 раза. В этих условиях дорогие испанские ткани не могли выдержать конкуренции с более дешевыми иностранными, и испанская промышленность теряла рынки сбыта в Европе, в колониях и даже в собственной стране. Торговые компании Севильи начиная с середины XVI в. стали все чаще прибегать к замене дорогой испанской продукции более дешевыми товарами, вывезенными из Нидерландов, Франции, Англии. Отрицательным образом сказалось на испанской мануфактуре и то обстоятельство, что до конца 60-х годов, т.е. в период своего становления, когда она особенно нуждалась в защите от иностранной конкуренции, под властью Испании находились торгово-промышленные Нидерланды. Эти области рассматривались испанской монархией как часть испанского государства. Пошлины на ввозимую туда шерсть, хотя и повышались в 1558 г., были в два раза ниже обычных, а ввоз готовых фламандских сукон осуществлялся на более льготных условиях, чем из других стран. Все это имело пагубные последствия для испанской мануфактуры: купечество изымало свои капиталы из мануфактурного производства, так как участие в колониальной торговле иностранными товарами сулило ему большие прибыли.

К концу века на фоне прогрессирующего упадка сельского хозяйства и промышленности продолжала процветать только колониальная торговля, монополия на которую по-прежнему принадлежала Севилье. Наивысший ее подъем относится к последнему десятилетию XVI в. и к первому десятилетию XVII в. Однако, поскольку испанские купцы торговали преимущественно товарами иностранного производства, золото и серебро, поступавшие из Америки, в Испании почти не задерживались, а утекали в другие страны в уплату за товары, которыми снабжались сама Испания и ее колонии, а также расходовались на содержание войск. Испанское железо, выплавляемое на древесном угле, вытеснялось на европейском

рынке более дешевым шведским, английским и лотарингским, при изготовлении которого стал применяться каменный уголь. Металлические изделия и оружие Испании стала теперь привозить из Италии и немецких городов.

Государство тратило колоссальные суммы на военные предприятия и армию, увеличивались налоги, неудержимо возрастал государственный долг. Еще при Карле V испанская монархия сделала большие займы у иностранных банкиров Фугтеров, которым в счет погашения долга были переданы доходы с земель духовно-рыцарских орденов Сант-Яго, Калатравы и Алькантары, чьим магистром являлся король Испании. Затем к Фугтерам попали богатейшие ртутно-цинковые рудники Альмадена. В конце XVI в. более половины расходов казны составляла выплата процентов по государственному долгу. Филипп II несколько раз объявлял государственное банкротство, разоряя своих кредиторов, правительство теряло кредит и для получения в долг новых сумм должно было предоставить генуэзским, немецким и другим банкирам право сбора налогов с отдельных областей и другие источники доходов.

Выдающийся испанский экономист второй половины XVI в. Томас Меркадо писал о засилье иностранцев в экономике страны: "Нет, не могли, не могли испанцы спокойно смотреть на процветающих на их земле иностранцев; лучшие владения, богатейшие майораты, все доходы короля и дворян находятся в их руках". Испания была одной из первых стран, вступивших на путь первоначального накопления, однако специфические условия социально-экономического развития помешали ей пойти по пути капиталистического развития. Огромные средства, получаемые от ограбления колоний, не использовались для создания новых форм хозяйства, а шли на непроизводительное потребление феодального класса. В середине XVI в. 70% всех доходов казны поступало из метрополии и 30% давали колонии. К 1584 г. соотношение изменилось: доходы от метрополии составили 30%, а от колоний — 70%. Золото Америки, протекая через Испанию, стало важнейшим рычагом первоначального накопления в других странах (прежде всего в Нидерландах) и значительно ускорило там развитие раннекапиталистических форм хозяйства. В самой же Испании начавшийся в XVI в. процесс капиталистического развития приостановился. Разложение феодальных форм в промышленности и сельском хозяйстве не сопровождалось становлением раннекапиталистического уклада.

Испанский абсолютизм. Абсолютная монархия в Испании имела весьма своеобразный характер. Централизованный и подчиненный единоличной воле монарха или его всемогущих временщиков государственный аппарат обладал значительной долей самостоятельности. В своей политике испанский абсолютизм ориентировался

на интересы дворянства и церкви. Особенно отчетливо это проявилось в период экономического упадка Испании, последовавшего во второй половине XVI в. По мере спада торговой и промышленной деятельности городов внутренний обмен сокращался, ослабевало общение жителей разных провинций между собой, пустели торговые пути. Ослабление экономических связей обнажало старые феодальные особенности каждой области, воскрешался средневековый сепаратизм городов и провинций страны.

В сложившихся условиях в Испании по-прежнему сохранялись обособленные этнические группы: каталонцы, галисийцы и баски говорили на своих языках, отличных от кастильского диалекта, который составил основу литературного испанского языка. В отличие от других государств Европы абсолютная монархия в Испании не сыграла прогрессивной роли и не смогла обеспечить подлинной централизации.

Внешняя политика Филиппа II. После смерти Марии Тюдор и вступления на английский престол королевы-протестантки Елизаветы I рухнули надежды Карла V на создание всемирной католической державы путем объединения сил испанской монархии и католической Англии. Обострились отношения Испании с Англией, которая не без основания видела в Испании свою главную соперницу на море и в борьбе за захват колоний в Западном полушарии. Воспользовавшись войной за независимость в Нидерландах, Англия всячески стремилась обеспечить здесь свои интересы, не останавливаясь перед вооруженным вмешательством.

Английские корсары грабили испанские суда, возвращавшиеся из Америки с грузом драгоценных металлов, блокировали торговлю северных городов Испании.

Испанский абсолютизм поставил перед собой задачу сокрушить это "еретическое и разбойничье гнездо", а в случае успеха и завладеть Англией. Задача стала казаться вполне осуществимой после того, как к Испании была присоединена Португалия. После смерти последнего представителя царствующей династии в 1581 г. португальские кортесы провозгласили Филиппа II своим королем. Вместе с Португалией под власть Испании перешли и португальские колонии в Ост- и Вест-Индии, включая Бразилию. Подкрепленный новыми ресурсами, Филипп II стал поддерживать в Англии католические круги, интриговавшие против королевы Елизаветы и выдвигавшие вместо нее на престол католичку — шотландскую королеву Марию Стюарт. Но в 1587 г. заговор против Елизаветы был раскрыт, а Мария обезглавлена. Англия направила к Кадису эскадру под командованием адмирала Дрейка, который, ворвавшись в порт, уничтожил испанские суда (1587). Это событие послужило началом открытой борьбы между Испанией и Англией. Испания приступила

к снаряжению огромной эскадры для борьбы с Англией. "Непобедимая армада" — так называли испанскую эскадру, отплывшую от Ла-Коруньи к берегам Англии в конце июня 1588 г., но предприятие закончилось катастрофой. Гибель "Непобедимой армады" была страшным ударом, нанесенным престижу Испании и подорвавшим ее морское могущество.

Неудача не помешала Испании совершить еще одну политическую ошибку — вмешаться в гражданскую войну, кипевшую во Франции (см. гл. 12). Это вмешательство не привело ни к усилению испанского влияния во Франции, ни к каким-либо еще позитивным для Испании результатам.

Больше победных лавров принесла Испании ее борьба с турками. Турецкая опасность, нависшая над Европой, стала особенно ощутимой, когда турки захватили большую часть Венгрии и турецкий флот стал угрожать Италии. В 1564 г. турки блокировали Мальту. Лишь с большим трудом удалось удержать остров.

В 1571 г. объединенный испано-венецианский флот под командованием Дона Хуана Австрийского нанес сокрушительное поражение турецкому флоту в заливе Лепанто. Эта победа приостановила дальнейшую морскую экспансию Османской империи в Средиземном море. Дон Хуан преследовал далеко идущие цели: захватить турецкие владения в восточной части Средиземного моря, отвоевать Константинополь и восстановить Византийскую империю. Честолюбивые планы сводного брата встревожили Филиппа II. Он отказал ему в военной и финансовой поддержке. Захваченный Доном Хуаном Тунис вновь перешел к туркам.

К концу своего царствования Филипп II должен был признать, что почти все его обширные планы потерпели крушение, а морское могущество Испании сломлено. Северные провинции Нидерландов отложились от Испании. Государственная казна была пуста, страна переживала тяжелый экономический упадок. Вся жизнь Филиппа II была посвящена осуществлению главной идеи отца — созданию всемирной католической державы. Но все хитросплетения его внешней политики рушились, его армии терпели поражения; флотилии шли ко дну. В конце своей жизни он должен был признать, что "еретический дух способствует торговле и процветанию", но несмотря на это упорно повторял: "Я предпочитаю совсем не иметь подданных, чем иметь в качестве таковых еретиков".

Испания в начале XVII в. С вступлением на престол Филиппа III (1598—1621) начинается длительная агония некогда могущественного испанского государства. Нищей и обездоленной страной управлял фаворит короля герцог Лерма. Мадридский двор поражал современников пышностью и расточительностью, в то время как народные массы изнемогали под непосильным бременем налогов и

бесконечных поборов. Даже послушные во всем кортесы, к которым король обращался за новыми субсидиями, вынуждены были заявить, что платить нечем, так как страна вконец разорена, торговля убита алькабалой, промышленность в упадке, а города опустели. Сокращались доходы казны, из американских колоний приходило все меньше и меньше галеонов, нагруженных драгоценными металлами, но и этот груз нередко становился добычей английских и голландских пиратов или же попадал в руки банкиров и ростовщиков, ссужавших испанской казне деньги под огромные проценты.

Реакционный характер испанского абсолютизма выражался во многих его действиях. Один из ярких примеров — изгнание морисков из Испании. В 1609 г. был издан эдикт, согласно которому мориски подлежали выселению из страны. В течение нескольких дней под страхом смертной казни они должны были сесть на суда и отправиться в Берберию (Северная Африка), имея при себе только то, что могли унести в руках. По пути к портам многие беженцы были ограблены и убиты. В горных районах мориски оказали сопротивление, что ускорило трагическую развязку. К 1610 г. из Валенсии было выселено свыше 100 тыс. человек. Той же участи подверглись мориски Арагона, Мурсии, Андалусии и других провинций. Всего было изгнано около 300 тыс. человек. Многие стали жертвами инквизиции или погибли в момент изгнания.

Внешняя политика Испании в первой половине XVII в. Несмотря на бедность и запустение страны, испанская монархия сохранила унаследованные от прошлого претензии играть руководящую роль в европейских делах. Крушение всех завоевательных планов Филиппа II не отрезвило его преемника. Когда Филипп III вступил на престол, война в Европе еще продолжалась. Англия действовала в союзе с Голландией против Габсбургов. Голландия отстаивала с оружием в руках свою независимость от испанской монархии.

Испанские наместники в Южных Нидерландах не располагали достаточными военными силами и пытались заключить мир с Англией и Голландией, но эта попытка была сорвана из-за чрезмерных притязаний испанской стороны.

В 1603 г. умерла английская королева Елизавета I. Ее преемник Яков I Стюарт круто изменил внешнюю политику Англии. Испанской дипломатии удалось втянуть английского короля в орбиту испанской внешней политики. Но и это не помогло. В войне с Голландией Испания не могла достичь решающего успеха. Главнокомандующий испанской армией энергичный и талантливый полководец Спинола ничего не мог добиться в условиях полного истощения казны. Самым трагичным для испанского правительства было то, что голландцы перехватывали у Азорских островов испанские суда

и вели войну на испанские же средства. Испания была вынуждена заключить перемирие с Голландией сроком на 12 лет.

После вступления на престол Филиппа IV (1621—1665) Испанией по-прежнему правили фавориты; Лерму сменил энергичный граф Оливарес. Однако и он не мог ничего изменить. Правление Филиппа IV стало периодом окончательного падения международного престижа Испании. В 1635 г., когда Франция непосредственно вмешалась в ход Тридцатилетней войны (см. гл. 17), испанские войска терпели частые поражения. В 1638 г. Ришелье решил нанести удар Испании на ее же территории: французские войска захватили Руссильон и вслед за тем вторглись в северные провинции Испании. Но там они натолкнулись на сопротивление народа.

К 40-м годам XVII в. страна была совершенно истощена. Постоянное напряжение финансов, выколачивание налогов и повинностей, хозяйничанье высокомерной, праздной знати и фанатичного духовенства, упадок сельского хозяйства, промышленности и торговли — все это порождало широкое недовольство народных масс. Вскоре это недовольство прорвалось наружу.

Отложение Португалии. После вхождения Португалии в состав испанской монархии ее старинные вольности были оставлены в неприкосновенности: Филипп II стремился не раздражать своих новых подданных. Положение изменилось к худшему при его преемниках, когда Португалия стала объектом такой же беспощадной эксплуатации, как и другие владения испанской монархии. Испания не смогла удержать португальские колонии, которые перешли в руки Голландии. Кадис перетянул к себе торговлю Лиссабона, в Португалии была введена кастильская налоговая система. Глухое недовольство, нараставшее в широких кругах португальского общества, стало явным в 1637 г.

Первое восстание было быстро подавлено. Однако мысль об отложении Португалии и провозглашении ее независимости не исчезла. Кандидатом на престол был выдвинут один из потомков прежней династии. В число заговорщиков входили архиепископ Лиссабонский, представители португальской знати, зажиточные горожане. 1 декабря 1640 г., овладев дворцом в Лиссабоне, заговорщики арестовали испанскую наместницу и провозгласили королем Жюана IV Браганцского.

Народные движения в Испании в первой половине XVII в. Реакционная политика испанского абсолютизма привела к ряду мощных народных движений в Испании и ее владениях. В этих движениях борьба против сеньориального гнета в деревне и выступления городских низов часто были направлены на сохранение средневековых вольностей и привилегий. Кроме того, сепаратистские мятежи феодального дворянства и правящей верхушки городов не-

редко пользовались военной поддержкой из-за границы и переплетались с борьбой крестьянства и городского плебса. Это создавало сложную расстановку социальных сил.

В 30—40-х годах XVII в. наряду с мятежами знати в Арагоне и Андалусии вспыхнули мощные народные восстания в Каталонии и Бискайе. Восстание в Каталонии началось летом 1640 г. Непосредственным поводом к нему послужили насилия и мародерство испанских войск, предназначенных для ведения войны с Францией и расквартированных в Каталонии в нарушение ее вольностей и привилегий.

Восставшие с самого начала разделились на два лагеря. Первый составляли феодально-сепаратистские слои каталонского дворянства и патрицианско-бюргерская верхушка городов. Их программой было создание автономного государства под протекторатом Франции и сохранение традиционных вольностей и привилегий. Ради достижения своих целей эти слои заключили союз с Францией и пошли даже на признание Людовика XIII графом Барселонским. Другой лагерь включал крестьянство и городской плебс Каталонии, которые выступали с антифеодальными требованиями. Восставшие крестьяне были поддержаны городским плебсом Барселоны. Они убили вице-короля и многих представителей власти. Восстание сопровождалось погромами и грабежами домов городских богачей. Тогда дворянство и городская верхушка призвали французские войска. Мародерство и насилия французских войск вызвали еще большее озлобление каталонских крестьян. Начались стычки крестьянских отрядов с французами, которых они считали иноземными захватчиками. Напуганные ростом крестьянско-плебейского движения, дворянство и городская верхушка Каталонии в 1653 г. пошли на примирение с Филиппом IV на условиях сохранения их вольностей.

Культура Испании в XVI—XVII вв. Объединение страны, экономический подъем в первой половине XVI в., рост международных связей и внешней торговли, связанный с открытием новых земель, развившийся дух предпринимательства обусловили высокий подъем испанской культуры. Расцвет испанского Возрождения относится ко второй половине XVI — первым десятилетиям XVII в.

Важнейшими центрами образования были ведущие испанские университеты в Саламанке и Алкале де Энарес. В конце XV — первой половине XVI в. в Саламанкском университете верх одержало гуманистическое направление в преподавании и научных исследованиях. Во второй половине XVI в. в аудиториях университета изучалась гелиоцентрическая система Коперника. В конце XV — начале XVI в. здесь возникли первые ростки гуманистических идей в области философии и права. Важным событием в общественной жизни страны стали лекции выдающегося ученого-гуманиста Фран-

сиско де Витория, посвященные положению индейцев во вновь завоеванных землях Америки. Витория отвергал необходимость насильственного крещения индейцев, осуждал массовое истребление и порабощение коренного населения Нового Света. Среди ученых университета нашел поддержку выдающийся испанский гуманист, священник Бартоломе де Лас Касас. Будучи участником завоевания Мексики, а затем миссионером, он выступил в защиту коренного населения, нарисовав в своей книге "Правдивая история разорения Индий" и в других произведениях страшную картину насилия и жестокости, чинимых конкистадорами. Ученые Саламанки поддержали его проект об освобождении порабощенных индейцев и о запрещении впредь отдавать их в рабство. В диспутах, происходивших в Саламанке, в трудах ученых Лас Касаса, Ф. де Витории, Доминго Сото впервые была выдвинута идея о равенстве индейцев с испанцами, о несправедливом характере войн, которые вели испанские завоеватели в Новом Свете.

Открытие Америки, "революция цен", невиданный рост торговли потребовали разработки ряда экономических проблем. В поисках ответа на вопрос о причине роста цен экономисты Саламанки дали ряд важных для того времени экономических исследований по теории денег, торговле и обмену, разработали основные принципы политики меркантилизма. Однако в испанских условиях эти идеи не могли получить практического воплощения.

Великие географические открытия, завоевание земель в Новом Свете оказали огромное влияние на общественную мысль Испании, на ее литературу и искусство. Это влияние нашло отражение в распространении гуманистической утопии в литературе XVI в. Идею "золотого века", который прежде искали в античности, в идеальном рыцарском прошлом, теперь нередко связывали с Новым Светом; рождались различные проекты создания идеального индейско-испанского государства во вновь открытых землях. Мечту о переустройстве общества Лас Касас, Ф. де Эррера, А. Кирога связывали с верой в добродетельную природу человека, в его способность преодолевать преграды на пути достижения всеобщего блага.

К первой половине XVI в. относится деятельность выдающегося испанского гуманиста, теолога, анатома и медика Мигеля Сервета (1511—1553). Он получил блестящее гуманистическое образование. Сервет выступал против одного из основных христианских догматов о троичности Бога в одном лице, был связан с анабаптистами. За это его преследовала инквизиция, и ученый был вынужден бежать во Францию. Книга его была сожжена. В 1553 г. он анонимно издал трактат "Восстановление христианства", в котором критиковал не только католицизм, но и ряд положений кальвинизма. В том же

году Сервет был арестован при проезде через кальвинистскую Женеву, обвинен в ереси и сожжен на костре.

Поскольку распространение идей Возрождения в философской форме и развитие передовой науки были крайне затруднены католической реакцией, наиболее яркое воплощение гуманистические идеи получили в искусстве и литературе. Своеобразие испанского Возрождения состояло в том, что культура этого периода больше, чем в других странах, была связана с народным творчеством. В нем выдающиеся мастера испанского Возрождения черпали свое вдохновение.

Для первой половины XVI в. было характерно широкое распространение авантюрных рыцарских и пасторальных романов. Интерес к рыцарским романам объяснялся ностальгией обедневших дворян-идальго по прошлому. Вместе с тем это не было воспоминанием о героических подвигах времен Реконкисты, когда рыцари сражались за родину, против врагов своего народа и своего короля. Герой рыцарских романов XVI в. — авантюрист, совершающий подвиги во имя личной славы, культа своей дамы. Он сражается не с врагами родины, а со своими соперниками, волшебниками, чудовищами. Эта стилизованная литература увлекала читателя в неведомые страны, в мир любовных приключений и дерзких авантур во вкусе придворной аристократии.

Излюбленным жанром городской литературы стал плутовской роман, героем которого был бродяга, весьма неразборчивый в средствах, добывающийся материального благосостояния с помощью плутовства или женитьбы по расчету. Особенно большую известность получил анонимный роман "Жизнь Ласарильо с Тормеса" (1554), герой которого еще в детстве вынужден был покинуть родной дом, отправившись бродить по свету в поисках пропитания. Он становится поводырем у слепого, затем слугой у священника, у обедневшего идадьго, настолько бедного, что кормится он за счет подаяния, которое собирает Ласарильо. В конце романа герой добывается материального благосостояния путем женитьбы по расчету. Это произведение открывало новые традиции в жанре плутовского романа.

В конце XVI — первой половине XVII в. в Испании появились произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы. Пальма первенства в этом отношении принадлежит Мигелю Сервантесу де Сааведра (1547—1616). Выходец из обедневшей дворянской семьи, Сервантес прошел полный лишений и приключений жизненный путь. Служба секретарем папского нунция, солдатом (он участвовал в битве при Лепанто), сборщиком податей, армейским поставщиком и, наконец, пятилетнее пребывание в плену в Алжире познакомили Сервантеса со всеми слоями испанского обще-

ства, позволили глубоко изучить его быт и нравы, обогатили жизненный опыт.

Литературную деятельность он начал с сочинения пьес, среди которых только патристическая "Нумансия" получила широкое признание. В 1605 г. появилась первая часть его великого творения "Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский", а в 1615 г. — вторая часть. Задуманный как пародия на популярные в то время рыцарские романы, "Дон Кихот" стал произведением, далеко вышедшим за пределы этого замысла. Он превратился в настоящую энциклопедию тогдашней жизни. В книге выведены все слои испанского общества: дворяне, крестьяне, солдаты, купцы, студенты, бродяги.

В образе главного героя Дон Кихота гуманистические устремления автора выступают в отжившей свой век рыцарской оболочке. Обедневший дворянин Алонсо Кихана проникнут горячим стремлением копьем и мечом защищать униженных и оскорбленных. Он сражается с ветряными мельницами, нападает на стадо овец, приняв его за вражескую армию, и т.д. Его намерения благородны, но оборачиваются злом для тех, кого он защищает. Герой Сервантеса живет мечтой о "золотом веке", которую призван воплотить в жизнь идеальный странствующий рыцарь. Автор подчеркивает гуманистическое начало всех его устремлений и идеалов, однако каждый поступок Дон Кихота убеждает в том, что в современной Сервантесу Испании рыцарство — пустой, нелепый призрак. Роман рисует картины баснословных богатств и ужасающей бедности, произвола администрации, паразитизма духовенства; это горькая и смелая правда об Испании XVI в. Гуманистические идеалы Сервантеса корнями уходят в гущу народной жизни. Верным спутником Дон Кихота является его оруженосец, крестьянин Санчо Панса. Плутватый, добродушный, неграмотный Санчо, каким он предстает в начале романа, под влиянием Дон Кихота превращается в благородного человека; оттачиваются лучшие черты его натуры — стойкость, оптимизм, порядочность, бескорыстие. Эти качества особенно ярко проявляются, когда он по прихоти герцога становится в шутку губернатором острова. Санчо правит лучше герцога, проявляя самообладание и мудрость.

С давних времен в Испании существовали народные театры. Бродячие труппы ставили пьесы как религиозного содержания, так и народные комедии и фарсы. Часто представления проходили под открытым небом или во внутренних двориках домов. На народной сцене впервые появились пьесы величайшего испанского драматурга Лопе де Вега.

Лопе Фелис де Вега Карпьо (1562—1635) родился в Мадриде в скромной семье крестьянского происхождения. Пройдя жизненный

путь, полный приключений, он на склоне лет принял священнический сан. Огромный литературный талант, хорошее знание народной жизни и исторического прошлого своей страны позволили Лопе де Вега создать выдающиеся произведения во всех жанрах: поэзии, драматургии, романе, религиозной мистерии. Им было написано около двух тысяч пьес, из которых до нас дошли четыреста. Подобно Сервантесу Лопе де Вега изображает в своих произведениях, проникнутых духом гуманизма, людей самого различного социального положения — от королей и вельмож до бродяг и нищих. В драматургии Лопе де Вега гуманистическая мысль соединилась с традициями испанской народной культуры. Всю свою жизнь Лопе вел борьбу с классицистами из Мадридской академии театра, отстаивая право на существование массового народного театра как самостоятельного жанра. В ходе полемики им был написан трактат "Новое искусство создавать комедии в наше время", направленный против канонов классицизма.

Лопе де Вега создал трагедии, исторические драмы, комедии нравов. Мастерство интриги доведено у него до совершенства, его считают создателем особого жанра — комедии "плаща и шпаги". Свыше 80 пьес написаны им на сюжеты из испанской истории, среди них выделяются произведения, посвященные героической борьбе народа во время Реконкисты. Народ является подлинным героем его произведений. Одна из наиболее известных его драм — "Фуэнте Овехуна" ("Овечий источник"), в основу которой положен подлинный исторический факт — крестьянское восстание против жестокого угнетателя и насильника, командора ордена Калатравы.

Последователями Лопе де Вега были Тирсо де Молина (1571—1648) и Кальдерон де ла Барка (1600—1681). Заслугой Тирсо де Молина было дальнейшее усовершенствование драматургического мастерства и придание своим произведениям чеканной формы. Отстаивая свободу индивидуума и его право наслаждаться жизнью, Тирсо де Молина тем не менее защищал непоколебимость принципов существующего строя и католической веры. Ему принадлежит создание первого варианта "Дон Хуана" — темы, получившей в дальнейшем такую глубокую разработку в драматургии и музыке.

Педро Кальдерон де ла Барка — придворный поэт и драматург, автор пьес религиозно-морализующего содержания. От Ренессанса и гуманизма у него осталась лишь форма, но и та приняла присущий стилю барокко стилизованный, вычурный характер. Вместе с тем в своих лучших произведениях Кальдерон дает глубокую психологическую разработку характеров своих героев. Демократические симпатии и гуманистические мотивы заглушаются у него пессимизмом и настроением неотвратимости жестокого рока. Кальдероном заканчивается "золотой век" испанской литературы, сменяющийся длительным периодом упадка. Народный театр с его демократическими

традициями, реализмом и здоровым юмором был почти задушен. Пьесы светского содержания стали ставиться только на сцене придворного театра, открывшегося в 1575 г., и в аристократических салонах.

Одновременно с расцветом литературы в Испании отмечается большой подъем изобразительного искусства, связанный с именами таких выдающихся художников, как Доменико Теотокопуло (Эль Греко) (1547—1614), Диего Сильва де Веласкес (1599—1660), Хуспе де Рибейра (1591—1652), Бартоломе Мурильо (1617—1682).

Доменико Теотокопуло (Эль Греко), уроженец острова Крит, прибыл в Испанию из Италии, будучи уже известным художником, учеником Тинторетто. Но именно в Испании он создал свои лучшие произведения, и его искусство достигло подлинного расцвета. Когда его надежды получить заказ для Эскориала потерпели неудачу, он уехал в Толедо и прожил там до конца своих дней. Богатая духовная жизнь Толедо, где пересекались испанские и арабские культурные традиции, позволила ему глубже понять Испанию. В полотнах на религиозные темы ("Святое семейство", "Страсти Св. Маврикия", "Эсполио", "Вознесение Христа") отчетливо проявилась самобытная манера Эль Греко, его эстетические идеалы. Основной смысл этих полотен — противопоставление духовного совершенства и благородства низменным страстям, жестокости и злобе. Свойственная художнику тема жертвенной покорности явилась порождением глубокого кризиса и разлада в испанском обществе XVI в. В более поздних картинах и портретах ("Погребение графа Оргаса", "Портрет неизвестного") Эль Греко обращается к теме земной жизни и смерти, к непосредственной передаче человеческих чувств. Эль Греко явился одним из создателей нового направления в искусстве — маньеризма.

Произведения Веласкеса — классический образец испанского Ренессанса в живописи. Проявивший себя как пейзажист, портретист и баталист, Веласкес вошел в историю мировой живописи как мастер, в совершенстве владеющий композицией и колоритом, искусством психологического портрета.

Рибейра, творчество которого сложилось и расцвело в испанском Неаполе, испытал на себе значительное влияние итальянской живописи. Полотна его, выдержанные в прозрачных, светлых тонах, отличаются реализмом и выразительностью. В картинах Рибейры преобладали религиозные сюжеты.

Бартоломе Мурильо был последним крупным живописцем первой половины XVII в. Его картины, проникнутые лиричностью и поэтическим настроением, выполнены в нежных тонах и поражают богатством мягких переливов красок. Им написано много жанровых картин, изображающих сцены из жизни простых людей его родной Севильи; особенно удавались Мурильо образы детей.

НИДЕРЛАНДЫ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Политический строй Нидерландов при Габсбургах. После гибели бургундского герцога Карла Смелого в 1477 г. его дочь и единственная наследница Мария вышла замуж за молодого Максимилиана Габсбурга, позже ставшего германским императором. Бургундско-нидерландские земли сделались достоянием этой династии, хотя Максимилиану пришлось выдержать за них нелегкую борьбу с французскими королями. Внук Максимилиана, император Карл V Габсбург, в 1523—1543 гг. расширил свои нидерландские владения за счет присоединения к ним новых территорий, расположенных к северу от низовий Рейна. По Прагматической санкции 1549 г. весь этот комплекс из 17 провинций был выделен в особый наследственный габсбургский округ, не подлежащий разделению. Он входил в состав империи и должен был платить небольшой имперский налог, но фактически жил своей жизнью, и, например, юрисдикция имперского суда на него не распространялась.

Нидерланды занимали тогда территорию современных Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и части Северной Франции. В состав округа входили на юге земли Фландрии, Брабанта, Геннегау (Эно), Артуа, Намюра, Люксембурга, Лимбурга и другие, а на севере — Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Гельдерн, Гронинген и Оверейсел. К Нидерландам примыкало большое епископство Льежское, обладавшее как духовное княжество автономным правовым положением. Габсбургский округ просуществовал всего 30 лет: после отречения Карла V от престола он перешел в 1555 г. под власть его сына, испанского короля Филиппа II, а в 1579 г. в ходе войны за независимость от Испании распался на две части: провинции севера и юга.

При Карле V и Филиппе II политический строй Нидерландов отличался двойственностью. Габсбурги насаждали в стране абсолютистские порядки, а провинции, города, местная знать отстаивали свои прежние свободы и привилегии.

Управление Нидерландами возглавлял наместник императора, затем испанского короля — генеральный статхаудер. Преимущественно из состава высшей местной знати, узкого круга придворных — кавалеров ордена Золотого Руна — формировался Государственный

совет. Он ведал вопросами безопасности, состояния войск, назначения на высшие должности, арбитража в случае конфликтов центра и провинций. Финансовый совет занимался поступлением сборов, причитавшихся королю, состоянием денежного хозяйства, чеканкой монеты. В его состав входили поровну знать и специалисты по финансам, а также чиновники-служащие. Третий совет — Тайный — подготавливал законы, распоряжения, следил за текущими делами. Здесь работали прежде всего королевские легисты и другие образованные чиновники. Легисты заседали и в верховном суде для апелляций, который находился в городе Мехельне. Генеральному статхаудеру были подчинены органы центральной власти на местах — статхаудеры — управители провинций.

Рядом с этим крепнувшим аппаратом централизации страны существовала хорошо сохранившаяся традиция представительных учреждений и местного самоуправления: Генеральные штаты и штаты отдельных провинций. Они вотивовали дополнительные сборы с населения и устанавливали их квоты. Значительной автономией в самоуправлении обладали города с их выборными магистратами, бургомистрами, судьями-шеффенами. Городское управление было, как правило, олигархическим: все основные должности прочно держали в своих руках патрициат, купечество, цеховая верхушка. Этот же круг поставлял офицеров стрелковых гильдий, возглавлявших в случае необходимости набранное из цеховых ремесленников городское ополчение. Такая система власти оказалась чрезвычайно устойчивой и упорно сопротивлялась попыткам унифицировать пестроту местных особенностей и привилегий.

Экономическое развитие Нидерландов в XVI в. К началу XVI в. Нидерланды были одной из самых густонаселенных и хозяйственно развитых областей Европы. На небольшой территории страны проживали 2 млн человек, к концу столетия — до 3 млн. В Нидерландах насчитывалось около 300 городов и 6500 деревень.

Крупнейшим городом и портом стал Антверпен, расположенный в устье Шельды, соединенный с гаванью 8 каналами. В первые две трети века он бурно развивался как центр мирового рынка, посреднической торговли и финансового дела. Это был город необычайной хозяйственной динамики и резких контрастов богатства и нищеты. В его гавани собиралось до 2500 судов со всех концов света, в том числе с грузами колониальных товаров из Америки, Индии, Юго-Восточной Азии. Отсюда их потоки расходились по разным странам Европы.

Из 105 тысяч жителей города (1568) 15 тысяч составляли иностранцы — испанцы, португальцы, итальянцы, немцы, англичане, датчане. В городе находились их собственные жилые дома, конторы и склады крупных торговых фирм, отделения банкирских домов,

включая представительства самых богатых из всех купцов и банкиров — Фугтеров из Аугсбурга. Разноязычная речь, пестрота национальных одежд, многообразие обычаев здесь никого не удивляли. Именно иностранный капитал, концентрируя свою деятельность в Антверпене, обеспечил экономический подъем города. Иноземцам принадлежало и большинство судов, прибывавших в гавань. Местные купцы занимались главным образом обслуживанием посреднической торговли, больших денег не имели, а потому свой флот у города был очень мал. Зато в Антверпене существовали биржи, товарная и фондовая, где по образцам товаров, векселям и закладным документам заключались крупнейшие в мире торговые и финансовые сделки. В 1531 г. магистрат построил новое здание биржи с огромным двором, окруженным аркадами и рассчитанным на одновременное пребывание в нем до 5 тысяч купцов и маклеров. Над входом была помещена надпись: "Для пользы негоциантов всех наций и языков". Город переживал строительный бум, в нем одна за другой появлялись новостройки — церкви, жилые дома, здания гильдий, целые новые улицы и площади. Одновременно, однако, разрастались убогие кварталы, заселенные городской беднотой, в том числе теми, кто обслуживал работу порта.

Экономическое положение Антверпена определялось не только его ролью в торговле. Традиционное цеховое производство продолжало преобладать в XVI в. и в этом городе, и во всех иных промышленных центрах страны, но наряду с ним в Антверпене и в ряде других городов уже сложились различные формы мануфактуры. Они возникли в сукноделии для окончательной отделки больших партий привозного английского сукна (ввоз полностью готовых тканей был запрещен), а также при изготовлении льняных и шелковых тканей, стеклянных изделий, в мыловарении, производстве пива и сахара. Антверпен стал одним из ведущих в Европе центров книгопечатания, где сложилась прочная традиция использования наемного труда. В самой большой типографии — выходца из Франции Кристофа Плантена — к концу 1560-х годов действовали до 22 печатных прессов, трудились свыше 50 наемных рабочих.

Наиболее развитыми провинциями Нидерландов в промышленном производстве и торговле были на юге Фландрия и Брабант, на севере — Голландия и Зеландия. Обе южные провинции издавна славилась высококачественным экспортным сукноделием, успехами которого были обязаны искусному цеховому ремеслу. В XVI в. ситуация изменилась: пора расцвета прежних ведущих центров производства — Брюгге, Гента, Ипра — ушла в прошлое. Сукноделие там не угасло, но сильно сократилось. Брюгге при этом переориентировался с английской на испанскую шерсть, на торговлю которой он получил монополию. Здесь стала также развиваться вместо привыч-

ных цеховых отраслей новая — изготовление атласных тканей. В Генте пошло на подъем льноткачество — к середине XVI в. его выпускали до 110 тысяч кусков в год. Ипр стал поставлять бумазею.

Процесс приспособления цехов к новым условиям и запросам рынка шел трудно, сопровождался разорением части ремесленников, ростом слоя городской бедноты, усилением нищенства. Оно, в свою очередь, стало одной из причин массового бродяжничества, против которого с 1501 г. издавались строгие указы властей. Параллельно с этим в городах, где не было чрезмерной жесткости цехового контроля, и в деревнях, где его не существовало вовсе (хотя элементы системы запретов там все же возникли), стало набирать силу ткачество, организованное в виде мануфактуры. В деревнях это была мануфактура рассеянного типа, связанная с раздатчиками сырья, в городах — сочетания рассеянной мануфактуры и цеха, рассеянной и централизованной мануфактуры. Главная роль переходила к новым центрам производства. Таким стал Хондсхот, где за 60 лет с начала XVI в. изготовление сукна легких дешевых сортов увеличилось вдесятеро, приблизившись к 100 тысячам кусков в год. Новые тенденции проявились и в других городах страны. Поскольку само сукноделие в Нидерландах основывалось на привозной шерсти из Испании и Англии, волны подъема или спада производства как в старых, так и новых центрах сильно зависели не только от общей экономической ситуации, но и от отношений с этими странами.

Фландрия, главная в Нидерландах область выращивания льна и конопли, была также основным центром производства полотняных тканей. В Брабанте их изготовлением славился Мехельн (Малин). Знаменитым этот город стал благодаря мастерскому литью колоколов, дававших особенно красивый звук ("малиновый звон"). В свою очередь Брюссель, город с 75 тысячами жителей, место пребывания правительства Нидерландов при Габсбургах и средоточие цехов, производивших предметы роскоши, дал свое имя европейски известным кружевам и шпалерам. Всего на долю южных провинций приходилось почти две трети городской продукции страны. Север пока уступал в этом югу.

На севере Нидерландов даже крупнейшие города — Амстердам, Харлем, Лейден — не превышали по числу жителей 40 тысяч человек, зато городов и городков, в том числе портовых, здесь было много. В Голландии в них жила половина населения всей провинции — такого соотношения тогда не было нигде в Европе. Фактически городом, хотя и без его правового положения, была самая крупная деревня страны — Гаага — с 2 тысячами домов и двором графа Голландии. Многие города севера располагались на небольших возвышенностях, к которым прилегали обширные территории, отвоєванные у морских заливов, озер и заболоченных земель упорным

трудом по их осушению. Массы ветряных мельниц приводили здесь в движение системы надетых на цепи черпаков, которые собирали грунтовые воды и перебрасывали их в каналы. За плотинами, дамбами, шлюзами существовал особый уход, требовавший специальных технических знаний и немалых расходов. За порчу гидротехнических сооружений (что могло привести к затоплению земель, лежащих ниже уровня моря) грозили суровые наказания, вплоть до смертной казни. Осушенные земли, как и естественные луга в поймах рек, использовались для молочного животноводства. Две трети прославленного голландского сыра и масла шли на экспорт. Поставляла Голландия в другие страны и быков, но не своих, а датских — их пригоняли для откорма на местных богатых лугах, а затем направляли на рынки, чтобы переправить дальше, в том числе морским и речным путем.

Как и в южных провинциях, на севере было высоко развито изготовление шерстяных, льняных, шелковых тканей, но особенно важную роль здесь получило судостроение, в котором сложились смешанные формы цехового и мануфактурного производства. Гавани Голландии и Зеландии буквально кишели множеством мелких морских и речных судов, предназначенных для перевозки грузов, для дальнего морского рыболовства. Торговые интересы голландцев имели традиционную направленность — прежде всего на торговлю с Прибалтикой. Здесь роль голландцев, особенно амстердамских компаний, в XVI в. резко возросла. В Прибалтику везли разнообразные ремесленные изделия из металла, сукно, вино, предметы роскоши, сыр и масло, пряности, а в обратном направлении — руду, корабельный лес, пеньку, русские меха, мед, воск, наконец зерно — во все больших объемах, и не только для перепродажи, но и для возмещения собственных нужд. В его покупке были заинтересованы как города, так и сельские местности со специализацией на животноводстве или разведении технических культур; своим зерном покрыть потребности населения Нидерланды не могли.

Торговля северных провинций шла и по другим направлениям, включая Англию и Испанию. Центром транзитной торговли с ними был Амстердам. Он же стал и главным портом голландского морского рыболовного флота. Рыболовство было высоко развито, оно поставляло треску, семгу, пикшу, но больше всего — сельдь. На ее лов выходило до тысячи судов, в том числе арендованных полностью или на паевых началах участниками амстердамской «Большой рыболовной компании». Сельдь солили на борту или на берегу, коптили, сушили. Существовала шуточная поговорка, что Амстердам вырос на костях селедки. Ей посвящали стихи, ее в разных видах изображали нидерландские мастера натюрморта. Из Голландии ры-

ба шла на продажу в Англию, Францию, Германию, а также в ганзейские города Прибалтики.

Своей хозяйственной спецификой отличались в южной части страны гористые районы Арденн. Здесь господствовало аграрное производство, но местами (в Намюре, Льежском епископстве, Лимбурге) добывали также различные руды, каменный уголь, выплавляли металл, занимались металлообработкой. Древесный уголь, без которого тогда не обходилось традиционное металлургическое производство, давали богатые леса, многие из которых позже исчезли. Каменный уголь и руду использовали не только в центрах их добычи, но и транспортировали вниз по Маасу. Торговые пути густой сетью покрывали Нидерланды, и все же прочный единый внутренний рынок здесь не сложился: слишком разнонаправлены были торговые тяготения южных и северных провинций, приморских областей и земель, прилегавших к германским территориям. Затрудняли образование единого рынка и традиции средневековых привилегий: только на речном пути по Маасу от Намюра до устья реки существовало более трех десятков застав, взимавших пошлину за провоз товаров.

От наиболее развитых торгово-промышленных областей страны значительно отличались по преимуществу сельскохозяйственные территории — провинции Артуа, Геннегау, Люксембург, Гельдерн, Оверейсел. В них господствовало светское и церковное феодальное землевладение, различные формы поземельной зависимости крестьян часто сочетались с разнообразными видами личной несвободы, включая серваж. В целом, однако, аграрные порядки в Нидерландах были чрезвычайно пестры: по соседству с Оверейселем во Фрисландии, а отчасти и в Дренте прочно сохранял свои позиции слой свободного крестьянства. Свои особенности существовали во Фландрии и Брабанте. Местным монастырям принадлежала почти половина земли, в то время как дворянство беднело, сдавало свои владения в аренду, продавало; многие участки перешли в руки горожан. Крестьяне в этих провинциях, в большинстве лично свободные, были вынуждены арендовать землю за денежный чинш или натуральный оброк. Имелись здесь и фермерские хозяйства с наймом батраков. В отличие от южных провинций, в Голландии дворянам и церкви принадлежала лишь четверть земель, горожанам — треть, и они часто сдавали ее в аренду. В среде самого крестьянства, значительная часть которого была лично свободной, наблюдалось сильное расслоение: с зажиточными хозяйствами соседствовала масса мало-земельных; часть деревенского люда подрабатывала промыслами, другая уходила на сезонные работы в города, пополняя там ряды местной бедноты.

Как и в других странах Европы, в Нидерландах XVI в., несмот-

ря на успехи ремесла, мануфактурного производства и торговли, занятия сельским хозяйством оставались главным средством к существованию большинства населения. Развитие денежных отношений и последствия революции цен привели к увеличению малоземельных и безземельных слоев крестьянства, а также к пауперизации значительной массы городских жителей. К числу бедняков, не подлежавших из-за незначительности имущества обложению налогами, в различных городах Нидерландов относили от четверти до более чем половины жителей.

Общий объем годового производства в Нидерландах в середине XVI в. оценивался суммой примерно в 100 миллионов гульденов. Половину из них давало сельское хозяйство, половину — торгово-промышленная деятельность. При этом 2 миллиона гульденов, то есть 2%, ежегодно взимались императором Карлом V на военные расходы. Столько же ему доставляли вместе Испания, итальянские владения и американские колонии. Платежи императору были тяжелым бременем для страны, хотя Нидерланды также немало получали от своей принадлежности к габсбургской державе — рынки сбыта, выгодный импорт, причастность к колониальной торговле. Карл V настойчиво стремился заменить постоянным налогом те поборы, на которые он должен был заручаться согласием представительных органов. Эти планы не удались, но политика императора чем дальше, тем больше стала накалять обстановку в стране.

Реформационное движение в Нидерландах. Основные предпосылки Реформации в Нидерландах определялись, как и в других европейских странах, сочетанием социально-экономических, политических, культурных перемен с возраставшим в разных слоях общества недовольством католической церковью — ее привилегиями, богатствами, поборами, невежеством и безнравственностью духовенства. Даже наместница Карла V утверждала, что антицерковные и еретические настроения в стране порождены дурными нравами и вымогательствами нидерландского духовенства. Важную роль в распространении реформационных идей сыграла также оппозиция политике, проводившейся правительством, которое жестоко преследовало инакомыслящих, вплоть до приравнивания еретических взглядов к преступлению против государства.

Как и в Германии, реформационное движение в Нидерландах началось под воздействием выступления Мартина Лютера. С самого начала оно встретило резкое противодействие властей. В соответствии с Вормским эдиктом императора Карла V о борьбе с новой ересью уже в июле 1521 г. было проведено публичное сожжение в Генте трех тысяч «еретических» книг, на котором присутствовал сам император вместе с королем Дании. В дальнейшем сожжения запрещенных книг проходили систематически. В 1522 г. Карл V

создал императорскую инквизицию, которая должна была действовать на всей территории Нидерландов. Это вызвало недовольство городов, которые имели старое право на месте разбирать судебные дела своих жителей, не передоверяя их никому другому. Недовольны были даже те, кто отнюдь не проявлял сочувствия к самой "ереси". В июле 1523 г. по приговору инквизиции были сожжены два монаха-августинца, ставшие сторонниками Лютера. Это была первая казнь лютеран в Европе. Приверженцы Лютера тем не менее начали появляться в различных городах Нидерландов. Инквизиционные суды в первый период реформационного движения в стране характеризовали всех обвиненных в ереси как "лютеран", без каких-либо уточнений. Между тем и в Нидерландах, и в других странах среди сторонников евангелизма стали действовать поборники различных реформационных течений, включая анабаптистов и так называемых "сакраментистов", толковавших евхаристию не как таинство, а как символическое действие, напоминающее о Тайной вечере.

Собственно лютеранство не получило большого распространения в Нидерландах во второй четверти XVI в. Спецификой этого времени стала множественность видов сектантской религиозной оппозиции Риму и католицизму. При этом границы между учениями отдельных проповедников и сектантских групп часто были размыты, сами учения — эклектичны по программам, расходясь лишь комбинациями составляющих их элементов. Типичной, однако, оказалась нетерпимость к инакомыслию даже в своей среде, что приводило общины сектантов к неоднократным расколам. Вооруженное подавление в 1535 г. режима анабаптистов в Мюнстере, обстановка постоянных гонений, разочарование в надеждах на скорое установление земного царства Христа — все это сказалось на сектантском движении. Характерным для него стало нарастание непротивленческих настроений.

До 1560-х годов различные сектантские течения занимали ведущее место в реформационном движении в Нидерландах. Сторонники Реформации вербовались из всех социальных слоев. Основной средой распространения ее идей стали различные прослойки городского населения — от плебейской бедноты до правящих групп патрициата, часть духовенства, часть среднего и мелкого дворянства.

Развитие реформационного движения в Нидерландах определялось не только местными условиями. Оно было неотделимо от обще-европейских перемен, проходило на фоне успехов протестантизма в Германии и Швейцарии, в Англии, Швеции, Дании, ганзейских городах, но сопровождалось и нараставшей активизацией в европейском масштабе сопротивления католической церкви этому натиску. В Нидерландах оно сказалось в ужесточении преследований на ос-

нове “плакатов” — указов власти против еретиков. Особой жестокостью отличался плакат 1550 г., который грозил казнью мечом еретикам-мужчинам, закапыванием в землю — женщинам, предписывал конфискацию имущества еретиков и обещал половину конфискованного доносчикам. В этом указе в числе главных учителей ереси уже упоминался Ж. Кальвин, учение которого в середине века начало быстро распространяться в Нидерландах.

Политика Филиппа II в Нидерландах. После отречения в 1555 г. императора Карла V от престола Нидерланды вместе с Испанией и ее колониальными владениями, Неаполитанским королевством и Миланским герцогством достались сыну Карла, испанскому королю Филиппу II. Ко времени его правления войны Карла V с Францией, турками и немецкими протестантскими князьями совершенно истощили казну императора, что сказалось и на финансовом состоянии Нидерландов, из которых он беспощадно выжимал деньги для осуществления своих притязаний. Филипп II в 1557 г. был вынужден объявить государственное банкротство. Это принесло огромные убытки многим банкирам, снабжавшим деньгами императора, в том числе банкирам нидерландским. Первые годы своего правления Филипп II провел в Брюсселе, наводнив южные провинции испанскими войсками для ведения с этого плацдарма боевых действий против Франции. Даже после заключения в 1559 г. мира с нею в Като-Камбрези, по которому Франция признала право Испании на итальянские владения, эти войска еще в течение двух лет не выводились из Нидерландов, что было тяжелым бременем для населения, вынужденного их содержать, и нарушало давние местные привилегии. Покидая в 1559 г. Брюссель, чтобы отныне жить в Испании, Филипп II оставил наместницей Нидерландов свою сводную сестру Маргариту Пармскую, преданную, как и он сам, католической церкви. Во главе небольшой группы членов Государственного совета король утвердил Антуана Гранвеллу, вскоре ставшего кардиналом.

Для усиления борьбы с ересью Филипп II решил содействовать реформе церковного устройства в Нидерландах: намечалось резко увеличить количество епископов, придать каждому из них по два инквизитора для жесткого выполнения “плакатов” против еретиков, а руководство всей инквизицией поручить Гранвелле. Между тем кардинал был по происхождению бургундцем из Франш-Конте, иноземцем, а назначение на важный пост иноземцев противоречило законам и Нидерландов в целом, и провинции Брабант, где находилась резиденция правительства. Планы короля задевали также интересы нидерландских дворян, привыкших видеть на епископских должностях местных выходцев знатного рода, а не “чужаков” — ставленников центральной власти. Нарушались также интересы мо-

настырей, часть доходов которых должна была пойти на содержание нового епископата. В результате реализация намеченного королем порядка вызвала такое недовольство, что властям пришлось ее притормозить.

Росту недовольства в обществе способствовала и хозяйственная политика Филиппа II, видевшего в Нидерландах лишь источник поступления доходов и презиравшего эту страну с ее обилием еретиков. В 1560 г. в интересах испанского производства были резко повышены пошлины на шерсть, которая раньше на выгодных условиях и в больших количествах ввозилась из Испании. В результате импорт этого сырья в Нидерланды сократился вдвое. Позже нидерландским купцам перекрыли считавшийся нормальным при Карле V прямой доступ в колонии. Обострение отношений Филиппа II с Англией вызвало спад в торговле Нидерландов с нею. Последствиями стали многочисленные банкротства купцов и рост безработицы в отраслях, связанных с экспортной торговлей.

Все чаще раздававшиеся обвинения власти поначалу адресовались не королю Филиппу II и даже не наместнице, а фактическому руководителю брюссельского правительства — Гранвелле. Требования защиты интересов страны от “дурных управителей”, протест против ущемления ее свобод и привилегий, против усиления инквизиции, опасения дальнейшей “испанизации” нидерландских порядков — все это стало основой формирования национальной оппозиции абсолютистским стремлениям власти. Единства в поддержке действий Гранвеллы не оказалось уже в самом Государственном совете — с критикой главного проводника испанской политики в Нидерландах выступили представители верхушки местной знати, члены совета принц Вильгельм Оранский и два графа — Эгмонт и Горн.

Вильгельм Оранский. Будущий принц родился в 1533 г. в Германии, в лютеранской семье графа из рода Нассау. Этот род не был “иноземным” для нидерландского дворянства — графы владели рядом обширных имений в Нидерландах, имели титул баронов Бреды (в Брабанте). В 1544 г. двоюродный брат Вильгельма завещал ему перед кончиной свои владения на юге Франции и связанный с ними титул принца Оранского. Наследование потребовало перехода Вильгельма в католическую веру. Принц воспитывался при брюссельском дворе Карла V. Он в совершенстве владел несколькими языками, рано проявил способности к политике, был общителен и красноречив, но умел мастерски утаивать свои цели, за что позже получил от кардинала Гранвеллы прозвище Молчаливого, подхваченное всеми — и врагами, и друзьями. Он стал любимцем императора, был возведен в рыцари ордена Золотого Руна, выполнял важные военные и дипломатические поручения.

В 1559 г. французский король Генрих II сообщил ему, как доверенному лицу Филиппа II, о планах обоих королей по истреблению протестантов во всем христианском мире и необходимом для этого укреплении инквизиции. Через много лет, в 1580 г., принц опубликовал "Апологию", в которой рассказал, как его потрясли секреты королей и как он тогда же решил противодействовать их замыслу. Назначенный Филиппом II статхаудером (управителем) провинций Голландии, Зеландии, Утрехта и других территорий, он в Государственном совете не раз противостоял решениям всемогущего Гранвеллы и постепенно стал руководящей фигурой оппозиции, о чем кардинал информировал короля. Принц и графы Эгмонт и Горн потребовали отставки Гранвеллы. Не желая обострять ситуацию, Филипп II отозвал кардинала в Испанию, позже поручив ему важный пост неаполитанского вице-короля, но потребовал строгого проведения в жизнь в Нидерландах решений Тридентского собора против ереси. Вильгельм Оранский не раз предупреждал о возможности всеобщих волнений из-за религиозных преследований и призывал к созыву Генеральных штатов для обсуждения этой проблемы, но ни король, ни наместница не обращали внимания на его слова.

Начало освободительного движения. Дворянский союз и иконоборческие выступления 1566 г. В середине 1560-х годов политическая ситуация в стране начала выходить из-под контроля правительства. Рост дороговизны привел к ряду голодных бунтов городской бедноты. Распространение кальвинизма, наталкивавшееся на жестокие гонения и казни, вызвало к жизни новые формы проповеди — они нередко происходили по ночам, за городом, собирая тысячные массы слушателей, для своей безопасности вооруженных чем попало. Аналогичные проповеди устраивали лютеране. Многим участникам ночных встреч раздавали здесь материальную помощь за счет благотворительности. Широкое распространение получили "летучие листки", большей частью анонимные, с доходящей до фанатизма межконфессиональной полемикой. Накал религиозных страстей в стране достиг высшей точки в 1566 г.

К этому времени полностью провалились попытки добиться от самого Филиппа II смягчения применения "плакатов". Оппозиция была вынуждена перейти к более решительным действиям. Вильгельм Оранский отказался проводить в жизнь на подвластных ему территориях указы о преследованиях за веру. Через своего брата Людвига Нассау, сблизившегося с кальвинистами, он повел тайные переговоры о возможности набора наемных войск в Германии, если в Нидерландах разразится вооруженный конфликт. Новый шаг сделали дворяне. В их среде политический протест против нарушения законов страны сплетался с возмущением крайней религиозной не-

терпимостью и в то же время со стремлением предотвратить стихийный взрыв народного недовольства. Еще в конце 1565 г. сложился союз нескольких сотен дворян, подписавших документ об их общей позиции и взаимопомощи — “Компромисс”. Участники союза, протестанты и католики, дали клятву добиваться искоренения в Нидерландах инквизиции как причины тирании, несправедливости и разорения граждан, угрозы общественному порядку. Одновременно подтверждалась верность испанскому королю. Множество горожан, примкнув к дворянам, ставили свои подписи на печатных экземплярах “Компромисса”.

5 апреля 1566 г. триста дворян, прибывших в Брюссель, вручили Маргарите Пармской петицию с предупреждением, что и королю, и им самим грозят народные волнения, если не будет отменена инквизиция и не созовут Генеральные штаты, чтобы обсудить ситуацию в стране. Петиция не отражала взгляды всего дворянства — в Голландии, например, ее подписали лишь 56 дворян, а 75 отказались. Но наместница была напугана предупреждением, обещала сообщить о нем королю и решила до его ответа ограничить преследования по делам веры. Один из придворных презрительно назвал толпу бедно одетых подателей петиции “гёзами” (нищими). Оппозиционеры подхватили это слово. Чтобы показать, до чего доведена страна, они стали демонстративно именовать себя гёзами, носить суму, словно для подаяния. Они выбили медаль с текстом “Верны королю во всем — до нищенской суммы”, но с эмблемой своего оппозиционного союза.

Протестантские проповедники умело использовали временные послабления для своей миссионерской деятельности. Кальвинистская часть оппозиции быстро разрасталась. Она отличалась особой активностью в противостоянии “папистам”. На молитвенных собраниях протестантов всех толков постоянно звучали обличения “идолопоклонства” католической церкви, под которым имелось в виду почитание икон. Фанатизм подобных проповедей уже не раз приводил в других странах к иконоборческим погромам (хотя Лютер, Цвингли и многие другие деятели Реформации умели добиваться контролируемого мирного удаления икон из храмов). В Нидерландах иконоборческое движение превзошло по стихийной ярости и масштабам все, что до сих пор знала Европа.

Начавшись в Южной и Восточной Фландрии, оно в течение трех месяцев перебрасывалось из провинции в провинцию подобно пожару, нередко вовлекая в городские восстания окрестное сельское население. Толпы людей врываются в церкви и монастыри, крушат статуи, иконы, витражи, реликварии. Масса ценностей была разграблена и лишь часть их передана местным властям. Заодно уничтожались церковные владельческие документы и судебные дела;

священников и монахов, не успевших спрятаться, избивали. Одним из самых разрушительных стал двухдневный погром в Антверпене. Общее число церквей и монастырей, пострадавших от иконоборцев, достигло 5500. В ряде мест в стихийные выступления масс вмешивались кальвинистские консистории, которые пытались организовать в захваченных помещениях богослужение на новый лад.

Иконоборческое движение вызвало не только панику правительства, но и попытку немедленно расколоть оппозицию. Наместница обещала смягчить применение "плакатов" и даже обеспечить свободу протестантской проповеди в специально отведенных местах, если дворянство поможет восстановить спокойствие в стране. Дворяне, действительно, приняли участие в подавлении иконоборческих выступлений. Союз дворян был распущен. Вильгельм Оранский вмешался в события в Антверпене, подавлял грабежи, казнил двух виновных. Кальвинистские консистории выступили с призывами к порядку, однако от оппозиции уже отшатнулись многие ее умеренные сторонники. Иконоборчество почти не затронуло аграрных провинций; более того, в них отряды вооруженных крестьян-католиков под руководством местных властей направлялись к городам громить иконоборцев.

Режим герцога Альбы в Нидерландах. Филипп II, получивший подробные известия о событиях в Нидерландах, решил жестоко наказать бунтовщиков. Летом 1567 г. в Нидерланды была направлена карательная армия во главе с видным военачальником герцогом Альбой. Высокомерный и суровый испанский гранд, он был неколебимым католиком и верным исполнителем воли короля. Не дожидаясь его прибытия, тысячи людей отправились в эмиграцию, в том числе принц Вильгельм Оранский. Графы Эгмонт и Гори, надеясь на милость Филиппа II, остались в стране.

Пополнив свою испанскую армию наемниками, в том числе из крестьянской бедноты южных нидерландских провинций, Альба в августе 1567 г. вступил в Брюссель. Разместив в городах и замках страны свои гарнизоны, он приступил к проведению в жизнь режима террора и устрашения. Под его председательством был создан Совет по делам мятежа, прозванный "кровавым", который методично выносил от 6 до 18 смертных приговоров в месяц. Эгмонт, Гори и бургомистр Антверпена в назидание всей стране были казнены в числе нескольких тысяч других приговоренных, имущество которых конфисковали в пользу королевской казны.

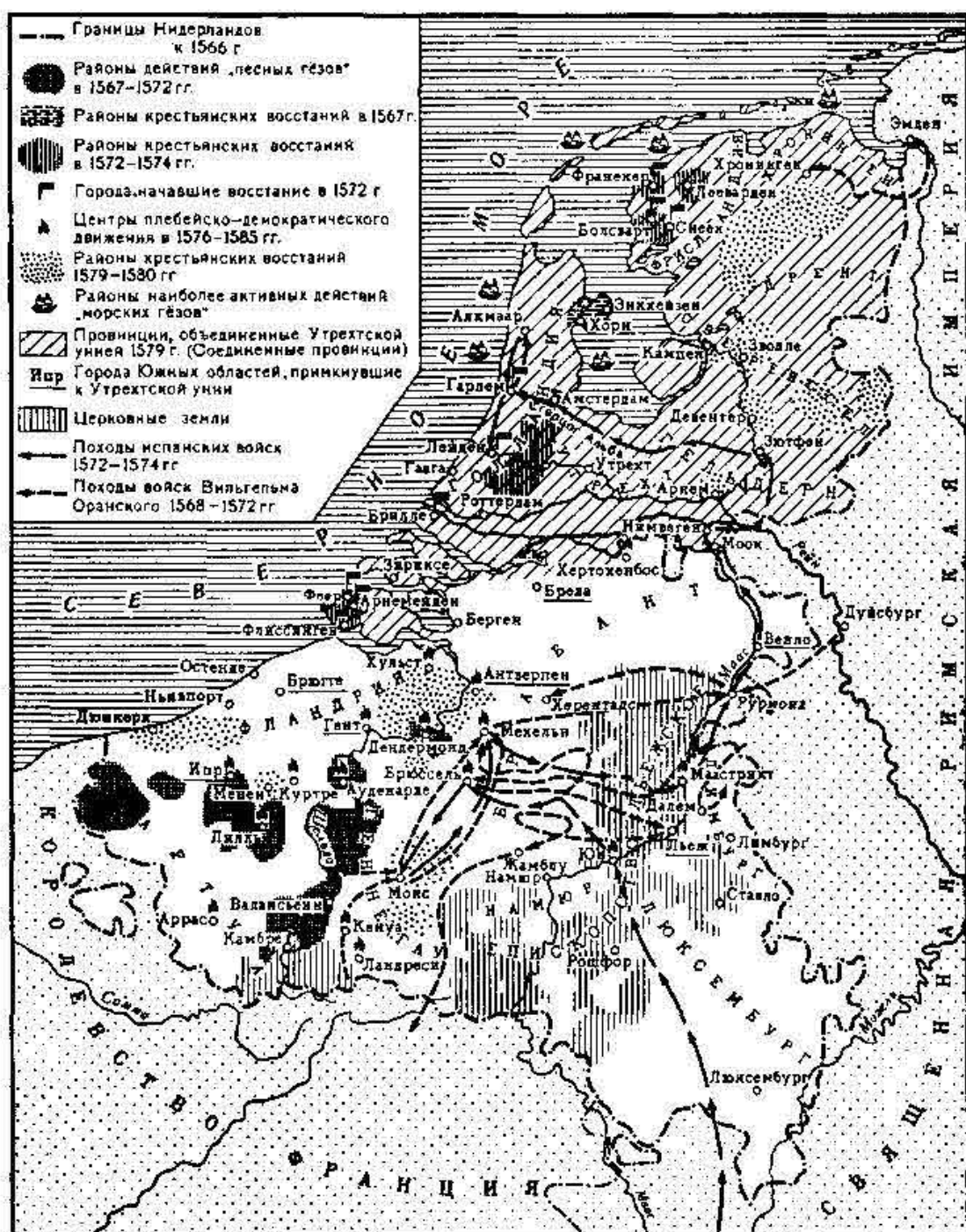
Вильгельм Оранский и его брат Людвиг Нассау возглавили силы сопротивления. Они вторглись в Нидерланды с крупными армиями наемников, один с юга, другой с севера, чтобы свергнуть режим Альбы. Старый полководец, однако, сумел разбить солдат Людвига Нассау, а войско принца вынудил отступить, после чего оно, не

получив обещанной платы, рассеялось. Такой же провал ждал и ряд других попыток принца и его сторонников вытеснить Альбу из Нидерландов вооруженным путем, с помощью наемников. Чтобы подорвать позиции Вильгельма Оранского, Совет по делам о мятеже обвинил его в стремлении под покровом религиозных мотивов захватить власть в стране. Все его владения были конфискованы, 13-летнего сына, первенца, арестовали и отправили в Испанию.

Стремясь превратить Нидерланды в послушный придаток Испании, все больше нуждаясь в деньгах не только для отправки королю, но и для оплаты своих войск, Альба решил провести финансовую реформу, позволявшую обойтись без согласия Генеральных штатов на новые налоги. В 1571 г. в стране начали вводить испанское налогообложение средневекового типа, так называемую алькабалу. Предписывались три налога — однопроцентный со всякого недвижимого имущества, пятипроцентный с продажи недвижимости и десятипроцентный с продажи любого товара. Альбу предупреждали, что особенно третий из этих налогов вызовет возмущение, так как в Нидерландах товар часто доходит до потребителя через несколько посредников. Герцог, однако, упрямо настаивал на своем. Он считал, что "лучше сохранить для Бога и для короля государство обедневшее и даже разоренное, чем иметь дело в цветущем состоянии для сатаны и его пособников — еретиков". Результаты хозяйственной политики Альбы были катастрофичны: массовые банкротства, сокращение объема торговли. Попытки протеста были беспощадно пресечены: в Брюсселе Альба пригрозил повесить на дверях их лавок нескольких лавочников, пытавшихся в знак недовольства временно прекратить торговлю.

Политика, которую проводил Альба, не только устрашала население — она вызвала у части людей растущее чувство протеста и первые попытки организовать сопротивление собственными силами, а не только опираясь на наемников и поддержку иностранных властителей, как это пытался делать Вильгельм Оранский. Наибольшую активность проявляли изгнанники. Некоторые из них тайно вернулись в южные провинции страны и вместе с примкнувшими к ним сторонниками повели партизанскую войну против испанцев и их пособников. Это были отдельные вспышки террора в ответ на террор, действия разрозненные и жестокие: убивали испанских солдат, католических священников и монахов, доносчиков на инакомыслящих, ненавистных судебных чиновников. Леса Фландрии и Геннегау укрывали партизан, которые вербовались из всех слоев общества и сами себя называли "лесными гёзами".

Второй этап освободительной борьбы. Восстание 1572 г. в северных провинциях. По иному пути освободительная борьба пошла на севере. Здесь действовали "морские гёзы", среди командиров

Национально-освободительное движение в Нидерландах

которых было немало дворян. Нападая на испанские суда и грабя их, они использовали в качестве мест своего базирования порты Англии, помогавшей тем, кто наносил удары по ее врагу — Испании. Герцог Альба принимал меры против гёзов и в то же время с презрением относился к ним, считая, что действительную военную опасность представляют только вторжения войск принца Оранского. Опытный военачальник, он, однако, не понял, что движение гёзов

отражает перелом, происшедший в настроениях масс, и вскоре оплатился за свой просчет.

Весной 1572 г., стремясь избежать открытого конфликта с Испанией, королева Елизавета повелела "морским гёзам" покинуть порты Англии. Гёзы вышли на 24 кораблях и 1 апреля 1572 г. захватили город Бриль в Зеландии. Это послужило сигналом для начала народной освободительной борьбы в северных провинциях против иноземного деспотизма. Восстал город Флиссинген, второй по значению порт Зеландии, решивший "отложиться от испанцев". За ним последовал ряд других городов. В движении участвовали массы населения независимо от исповедания. Вильгельм Оранский посылал на помощь местным городским ополчениям в качестве командиров своих сторонников-дворян. В противовес ярым кальвинистам из числа руководителей "морских гёзов", которые клялись истребить священников, монахов, папистов и тем самым свергнуть "великое идолопоклонство" — католицизм, принц многократно и настойчиво призывал не нарушать свободу вероисповедания, в том числе католического. Для него как политика были важны не только отдельные успехи на севере страны, но и общая ситуация: ведь хотя кальвинизм и добился к этой поре большего распространения, в целом 90% населения Нидерландов оставались католиками. Это не мешало части из них, сохраняя свою веру, противодействовать "испанизации" страны и церкви, и Вильгельм Оранский не хотел терять их поддержку.

Летом 1572 г. собравшиеся в Дордрехте штаты Голландии и Зеландии, отражая преобладавшие в обществе настроения, официально постановили призвать в эти провинции принца Оранского, назначив его уже не по королевскому, а по своему решению статхаудером — главой исполнительной власти и командующим войсками. Провозглашалась также свобода вероисповедания. Это были первые шаги на севере к организации самостоятельной республиканской власти. На дальнейшее развитие событий большое воздействие оказали вести о резне Варфоломеевской ночи в августе 1572 г. во Франции. Принц, питавший надежды на прямую помощь французских гугенотов, понял, что рассчитывать на нее пока не приходится.

Он прибыл в Голландию, чтобы оттуда возглавить сопротивление испанцам. Среди руководства оппозицией надолго утвердилось представление, что маленькой стране не выстоять в своей освободительной борьбе без иностранной помощи. По-своему восприняли новую ситуацию и кальвинисты, влияние которых в северных провинциях возрастало. Вопреки вето Вильгельма Оранского они провели решение о запрете католической мессы в Голландии и Зеландии. Вскоре и сам принц перешел в кальвинизм, но продолжал защищать свободу исповеданий.

Между тем Альба двинул на север против мятежников свои войска, вынужденные осаждать город за городом, чтобы добиться покорности. Семь месяцев, с декабря 1572 по июль 1573 г., длилась героическая оборона Харлема, окруженного испанцами под командованием сына Альбы. Из-за голода город был вынужден сдаться. Испанцы, обещавшие милость побежденным, немедленно казнили 2300 французских, английских и южнонидерландских солдат, участвовавших в обороне Харлема. Население после грабежа обложили громадной контрибуцией. Герцог, однако, считал, что с мятежниками обошлись слишком мягко и обещал в письме Филиппу II, что после взятия еще одного города, Алкмара, "нож будет всажен в каждое горло". Защитники Алкмара и помогавшие им извне гёзы предпочли открыть плотины и затопить всю округу, чтобы заставить испанцев уйти. Пять месяцев, до октября 1574 г., длилась осада Лейдена, но взять его испанцам не удалось.

К этой поре герцог Альба, шесть с половиной лет правивший Нидерландами, уже был отозван в Испанию Филиппом II, который понял наконец, что политика открытых репрессий провалилась и может лишить его власти над Нидерландами. В конце 1573 г. Альбу сменил новый наместник — Луис Рекезенс. Отныне испанцы повели двойную игру — зондировали почву для переговоров, смягчали некоторые установления власти, но продолжали подкреплять господство испанцев силой и контрреформационный курс в целом не изменили. Это была смена тактики, а не стратегии. При Рекезенсе испанцам удалось нанести серьезный удар по оппозиции: новое вторжение в страну германских наемников Людвиг Нассау, набранных на французские деньги, потерпело крах. В бою были убиты и Людвиг, и его младший брат. Еще раньше в борьбе с испанцами погиб третий из братьев Вильгельма Оранского. В марте 1576 г. Рекезенс умер, но его новую линию лавирования подхватил Государственный совет, ожидавший прибытия очередного наместника.

Антииспанское движение на юге. "Гентское умиротворение" 1576 г. На протяжении многих месяцев испанские войска не получали жалования из-за вечной нехватки денег у короны. Летом 1576 г. они взбунтовались, захватили крепости в ряде городов, в том числе в Антверпене и Генте, и начали оттуда грабительские вылазки, терроризируя население. Города Брабанта организовали вооруженное сопротивление наемникам. Когда ставленники короля — члены Государственного совета — попытались этому воспрепятствовать, 4 сентября 1576 г. их арестовали в Брюсселе местные ополченцы, которыми командовали сторонники принца — "оранжисты". В Генте собрались Генеральные штаты Нидерландов, к которым и перешла власть. Пока шли дебаты о прекращении конфликта с севером, 4 ноября 1576 г. испанские наемники из крепости Антвер-

иона совершили нападение на город, подвергнув его небывалому разграблению. Позже его называли "испанским бешенством". Во время разгула грабежа и резни погибли 8 тысяч горожан, пожары уничтожили около тысячи домов. Происшедшее вызвало в стране всеобщий взрыв возмущения. Весь юг был охвачен антииспанскими выступлениями.

8 ноября 1576 г. Генеральные штаты опубликовали "Гентское умиротворение" — соглашение о союзе между Голландией, Зеландией, другими северными провинциями, поднявшимися против власти испанцев еще в 1572 г., и южными землями, которые также начали освободительную борьбу, но не собирались отказываться от католицизма. В договоре содержались обязательства объединить усилия севера и юга для совместного изгнания испанских войск из всей страны. Законы, установленные правительством Альбы, и его судебные приговоры отменялись, заключенным возвращалась свобода, потерявшим имущество — владельческие права. Религиозному культу гарантировалась свобода в том виде, какой существовал в каждом городе до созыва Генеральных штатов. Это означало взаимную терпимость католиков и протестантов в духе политики Вильгельма Оранского, но также и полное сохранение католицизма в южных провинциях.

Хотя "Гентское умиротворение" заключалось помимо воли Филиппа II и противоречило его политике, в договоре было торжественно заявлено, что его участники остаются верны суверену Нидерландов — королю Филиппу II. Это была совместная попытка умеренных католиков, которые составляли большинство на Генеральных штатах, и оранжистов, стремившихся к компромиссу, проложить путь к мирному соглашению с королем.

Договор не удовлетворил ни воинствующие кальвинистские группы, которые активно действовали теперь на юге, стремясь подчинить своему влиянию магистраты, ни Филиппа II, который жестко потребовал от своего наместника и побочного брата дона Хуана Австрийского, видного военачальника, полного восстановления католицизма в стране — даже в Голландии и Зеландии. Наместник, поначалу пообещавший принять "Гентское умиротворение" как основу будущего устройства страны и даже вывести испанские войска, вскоре начал открыто готовить поход на северные провинции. Конфликт Генеральных штатов с испанской властью тем самым обострился, и под напором требований в городах повести решительную борьбу с наместником они пригласили в Брюссель Вильгельма Оранского. Восторженно встреченный здесь населением осенью 1577 г., он возглавил вооруженную борьбу с наместником, объявленным врагом страны. Войска Генеральных штатов потерпели, однако, ряд поражений, и это усилило противников союза между умеренными

католиками и протестантами. С одной стороны, наиболее фанатичные кальвинисты под влиянием военных неудач снова обратились к попыткам иконоборчества, с другой — католическое дворянство южных провинций Артуа и Геннегау обвинило Генеральные штаты, что их потворство протестантам приводит к подобным эксцессам.

Начало третьего этапа освободительной борьбы. Аррасская и Утрехтская унии 1579 г. 6 января 1579 г. ряд южных областей, недовольных компромиссом с протестантами, вопреки линии Генеральных штатов заключила сепаратный союз с новым испанским наместником в Нидерландах Александром Фарнезе. В решении пойти на такой союз главную роль сыграло местное католическое дворянство. Целью Аррасской унии (получившей название по городу, где ее подписали) было соглашение с Филиппом II, подтверждавшее его законные права как суверена в землях участников унии. Католицизм объявлялся единственным разрешенным исповеданием на этих территориях. Взамен были обещаны вывод из них испанских войск, подтверждение традиционных привилегий, субсидия и амнистия. В результате унии соотношение сил на юге Нидерландов изменилось в пользу испанцев.

В ответ 23 января 1579 г. пять северных провинций — Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия и Гельдерн — заключили в Утрехте унию, которая связывала их в единый политический союз — конфедерацию. Подтвердив значение «Гентского умиротворения», объединявшего почти все земли Нидерландов против испанцев, подчеркнув, что не отвергается власть испанского короля, члены унии заявили о своем решении сообща вести войну с испанскими войсками, поскольку те стремятся подчинить их «тираническому правлению и рабству». Предусматривались меры по общей обороне, были намечены необходимые для этого денежные средства, гарантировалась религиозная самостоятельность провинций (кальвинизм доминировал лишь в части из них). Решения о войне, мире, общих налогах должны были приниматься союзниками единогласно, остальные вопросы — решаться большинством голосов либо на основе дальнейших переговоров. К унии, ставшей важной вехой в государственном и правовом развитии Северных Нидерландов, позже присоединились еще две провинции — Гронинген и Оверейсел. Присоединился к унии и ряд крупных городов Фландрии и Брабанта — Антверпен, Брюссель, Гент, Брюгге, Ипр и Бреда.

Летом 1581 г. Генеральные штаты объединившихся северных провинций сделали следующий шаг — объявили о низложении Филиппа II как тирана, пренебрегающего интересами своих подданных. С этого времени на севере на основе Утрехтской унии утвердилось новое государство, хотя никакого специального провозглашения ее здесь не было.

Еще в 1580 г. испанский король объявил лидера освободительной борьбы в Нидерландах Вильгельма Оранского вне закона и обещал за его убийство огромные деньги. В 1582 г. на принца было совершено покушение, но он выжил после тяжелого ранения. Летом 1584 г. испанский агент, сумевший проникнуть в ближайшее окружение Вильгельма Оранского под видом гонимого за протестантскую веру, застрелил его. Его кончина стала чувствительной потерей и для молодой республики, и для тех, кто разделял его несбывшиеся надежды объединить все Нидерланды, и юг, и север, на основе веротерпимости.

Война за независимость Северных Нидерландов. В первой половине 1580-х годов испанскому наместнику Александру Фарнезе удалось полностью подчинить Фландрию и Брабант власти испанцев. Талантливый полководец и искусный дипломат, он стремился, разобщая города, покорять их один за другим. Ему сдались Брюгге, Гент, Брюссель, Мехельн и другие центры освободительной борьбы, но главной его победой стало в 1585 г. падение Антверпена. Расчетливый Фарнезе не стал проводить здесь конфискации, объявил о прощении жителей и предоставил протестантам четырехлетний срок, чтобы вернуться в лоно католицизма или покинуть страну. Результатом стала успешная рекатолизация города. Ни в Антверпене, ни в других местах она не проходила гладко: несмотря на провозглашение сдержанности, католическая церковь брала реванш в преследовании "еретиков". Началось массовое бегство с юга, прибавлявшее в северных провинциях умелых людей и немалые капиталы. Освободительная борьба на юге Нидерландов потерпела поражение, здесь прочно утвердилась власть Испании.

Успехи Фарнезе превратили южные провинции в удобный плацдарм для борьбы Испании против Англии. Это побудило королеву Елизавету оказать военную помощь северной части страны. В 1585 г. сюда прибыл с войсками фаворит королевы граф Лейстер. Он, однако, пытался вести себя в Нидерландах как абсолютный хозяин и использовать их лишь в интересах английской политики. В 1587 г. ему пришлось после ряда военных поражений возвратиться в Англию. Это был не первый опыт неудачного приглашения властями республики знатных иностранцев в качестве правителей в расчете на помощь их стран против Испании. Еще до приезда Лейстера закончились провалом две попытки призвать в Нидерланды герцога Анжуйского и обеспечить тем самым содействие со стороны Франции. Лишь убедившись в несостоятельности иностранных претендентов на власть, Генеральные штаты начали действовать как высший республиканский орган, а руководство защитой страны было доверено собственному полководцу — сыну Вильгельма Оранского

Морицу Нассаускому. В 1585—1625 гг. он был статхаудером Голландии.

Одаренный военачальник, Мориц Нассауский осуществил ряд военных реформ, в том числе ввел постоянные тренировки и перевооружил республиканскую армию. Это позволило ему перейти в наступление и отвоевать ряд земель у испанских Нидерландов в северной части Фландрии и Брабанта. Новые владения республики были поставлены под общее управление ее провинций. Поражения были нанесены Испании и на море, где после гибели “Непобедимой армады” превосходство голландского флота ощущалось чем дальше, тем сильнее. Победы позволили республике в 1609 г. заключить перемирие с Испанией на 12 лет. По договору Испания признала фактическую независимость Республики Соединенных провинций. Голландия настояла на включении в договор пункта о закрытии устья Шельды для внешней торговли. Это наносило сильнейший удар по Антверпену как сопернику Амстердама, который оставался теперь вне конкуренции.

Возобновление войны в 1621 г. не привело к существенному изменению в позициях обеих стран. По Вестфальскому миру 1648 г. Республика Соединенных провинций получила международное правовое признание своей независимости и подтвердила условие закрытия устья Шельды. В заморских областях двух нидерландских компаний — Ост-Индской и Вест-Индской — было запрещено испанское судоходство.

Освободительная война с Испанией, длившаяся 80 лет, завершилась победой только северной части Нидерландов, южная осталась во владении испанского короля. Смены монархического режима республиканским, как на севере, в испанских Нидерландах, не произошло.

Политическая борьба в Республике Соединенных провинций в первой половине XVII в. Характерной особенностью политической жизни Республики было засилие во всех структурах власти представителей купеческой верхушки и патрициата. Порядки в центре и на местах определялись олигархическими группировками. Из 1,2 млн населения страны правом избирать делегатов в провинциальные штаты обладали лишь несколько тысяч человек. Республика имела федеративное устройство, и провинции, которые посылали представителей в верховный государственный орган — Генеральные штаты, обладали широкой автономией. Делегация каждой провинции имела один голос; решения Генеральных штатов принимались по принципу единогласия. Организацией работы штатов, подготовкой решений, деловой перепиской ведал великий пенсионарий Голландии. Наряду со статхаудером Голландии и Зеландии, который был главой исполнительной власти, командующим армией и флотом, великий

пенсионарий являлся важнейшим в республике должностным лицом. В 1617 г. между занимавшим этот пост Яном Олденбарнефелтом и статхаудером Морицем Нассауским возник конфликт, который стал выражением не только политических противоречий в руководстве Республики, но и характерных религиозных противоречий этого времени.

В политической жизни страны кальвинизм как официальная церковь играл особую роль. К числу кальвинистов, как и католиков, принадлежало по $\frac{1}{3}$ населения, остальные были сектантами, лютеранами, иудеями. В 1610 г. последователи лейденского профессора теологии Арминия, выступавшие за веротерпимость и ограничение вмешательства церкви в политику, а центральной власти — в дела провинций, опубликовали изложение своих взглядов — ремонстрацию. Против них выступили кальвинисты-ортодоксы во главе с проповедником Гомаром. Они считали свободу вероисповедания и другие идеи ремонстрантов ересью, настаивали на праве церкви вмешиваться в вопросы политики, требовали усиления контроля центральной власти над провинциями, особенно там, где позиции кальвинизма не были столь сильны, как в Голландии. Спор двух течений в кальвинизме принял острый характер. Мориц Нассауский для усиления своего положения как статхаудера поддержал гомаристов. Сторонников арминиянства Олденбарнефелта и видного юриста Гуго Гроция демагогически обвинили в подготовке мятежа. Гроций, приговоренный к пожизненному заключению, сумел бежать из страны, великий пенсионарий был казнен в 1619 г. Власть статхаудера и централистские тенденции усилились, но правящая олигархия — регенты — надолго этого не допустила. Она стремилась к установлению системы противовесов во власти, балансу влияний церкви и государства и сумела этого добиться. Таким образом, была надолго обеспечена стабильность влияния регентской олигархии в северонидерландском обществе.

Экономическое развитие Республики Соединенных провинций и испанских Нидерландов в первой половине XVII в. Обретя свободу от испанского абсолютизма, Республика Соединенных провинций уже в последнее десятилетие XVI в. вступила в период экономического подъема (он сменился новым и длительным спадом лишь в 1660—1670-е гг.). Энергия хозяйственного роста нашла выход и в сфере посреднической торговли, и в промышленном производстве, рыболовстве, морском и речном судоходстве, и в развитии финансов.

Место Антверпена как центра мировой торговли и кредита занял Амстердам. Уже в начале XVII в. население города выросло до 100 тысяч жителей, а во всей провинции Голландии, увеличившись за столетие более чем в 2,5 раза, достигло 670 тысяч человек. Вклад

Амстердама во внешнюю торговлю Голландии был исключителен, он составил 46,5%. Подобно Антверпену до перекрытия путей к его гавани, Амстердам в первой половине XVII в. стал важнейшим портом международной торговли. Сюда направлялись гигантские товарные потоки с разных континентов и из разных стран. На местной бирже товары получали новые цены и перераспределялись по различным направлениям. Весь этот процесс обеспечивал Амстердаму немалый доход. Экспорт Республики шел по-прежнему преимущественно в Прибалтику, но также в Средиземноморье, Францию, Англию и другие страны.

Возник ряд торговых компаний: Ост-Индская, Вест-Индская, Прибалтийская, Левантийская, Московская и другие. Общий ежегодный товарооборот страны поднялся к 1650 г. до 75—100 миллионов гульденов.

В кредитной торговле важную роль играл созданный в 1609 г. Амстердамский банк. К середине столетия его основной капитал составил 300 миллионов золотых гульденов. Банк давал субсидии магистрату, Ост-Индской компании, крупным купцам, его вкладчиками были виднейшие финансисты европейских стран.

В Голландии появились владельцы крупных состояний. Часть капиталов они вкладывали в местное производство, но эта доля была несоизмерима с главными суммами, которые они направляли в посредническую торговлю, приносящую наибольший доход. Голландский флот становился крупнейшим морским перевозчиком в мире. Богатства голландских купцов позволяли им давать деньги займы германскому императору, Англии, Дании, имперским князьям и другой знати. Нигде в Европе погоня за прибылью не получала столь откровенно антипатриотического характера, как это нередко происходило в Нидерландах: даже в пору войны с Испанией местные купцы не стеснялись наживаться, поставляя вражеской стороне необходимые ей товары.

В промышленном производстве на волне экономического подъема укрепился раннекапиталистический уклад. Важный вклад в развитие экономики внесли десятки тысяч переселенцев, бежавших от религиозных гонений из южных провинций Нидерландов, Франции и Германии. Прежде всего их опыту было обязано своим новым ростом почти захиревшее сукноделие Лейдена. К 1619 г. налаженное здесь производство новых сортов шерстяных тканей достигло уровня в 100 тысяч кусков в год. Централизованные мануфактуры, сложившиеся в Амстердаме и ряде других городов, развернули свою деятельность в изготовлении сахара-рафинада, льна, полотна, шелка, стекла. Наряду с традиционными отраслями производства развивались шлифовка стекол для оптических инструментов, огранка брильянтов. Новые успехи были достигнуты в судостроении и рыбо-

ловстве, которыми Голландия славилась еще в XVI в. Для посреднической торговли и колониальных экспедиций страна нуждалась в мощном флоте, и он был создан. Республике принадлежало более 4300 крупных и средних кораблей. В маленькой стране насчитывалось около 200 тысяч моряков. Половина судов из тысячи, ежегодно сходявших со стапелей Амстердама, Роттердама и быстро выраставшего Заандама, шла на экспорт. Рос китобойный флот. В рыболовстве был поставлен своеобразный рекорд: улов сельди в 1640 г. превысил 40 тысяч тонн. За ней направлялись на промысел не только в Северное море, но и в Атлантику, от берегов Норвегии до отмелей Ньюфаундленда в Америке. На промысел китов, из жира которых изготавливали ворвань, необходимую для варки мыла, устремлялись к Гренландии и на север, к Шпицбергену. Гарпунная охота на китов приняла хищнический характер.

Экономические успехи молодой республики ни в одной из отраслей производства не основывались на полной свободе предпринимательства. Всюду деятельность даже новых хозяйственных структур сплеталась с традициями цехового устройства и цеховой регламентации. Важным моментом были и социальные последствия происходивших перемен, в том числе рост массовой пауперизации в городе. Цены в республике поднялись до одного из самых высоких уровней в Европе, к тому же стране с ее пополнившимся городским населением не хватало зерна, и она должна была ежегодно ввозить почти четверть его потребляемой нормы.

Перемены произошли и в сельском хозяйстве. За конец XVI — первую половину XVII в. было произведено осушение с помощью энергии ветряных мельниц большого массива земли — около 70 тысяч га. Завершилось перераспределение владельческих прав на секуляризованные церковные и монастырские земли, а также на конфискованные земли дворян, оказавшихся пособниками испанцев. По большей части владельческие права постепенно были скуплены горожанами, причем характер арендных отношений практически не изменился. В некоторых местах конфискованные или секуляризованные участки были присвоены теми, кто их обрабатывал и раньше. Фермерские хозяйства, как и в XVI в., существовали, но по-прежнему были немногочисленны. Степень имущественной поляризации в деревне оставалась высокой. Давно наметившиеся в сельском хозяйстве тенденции роста товарности, специализации районов по выращиванию отдельных культур, развития арендных отношений с началом экономического спада во второй половине XVII в. потеряли свою динамику.

Колониальная экспансия Голландии. XVII век стал временем решающего поворота Голландии к заокеанской торговле, которая не только дополнила, но и превзошла по огромным прибылям экспорт-

ную и импортную торговлю по традиционным европейским маршрутам. В поисках новых владений и доходов в первые десятилетия века развернулась мощная голландская колониальная экспансия, отличавшаяся особой стремительностью. Быстрыми темпами голландцы овладели опорными пунктами на морских путях в Индию, Океанию, Америку.

Уже в 1590—1593 гг. первые экспедиции голландцев достигли Западной Африки и Южной Америки. В короткие сроки, с учетом опыта других стран, сложилась тактика новых колонизаторов. Голландцы поначалу не стремились захватывать большие территории, для чего у них не было ни сил, ни средств, они нацеливались на наиболее важные стратегические и торговые пункты и устраивали там фактории и укрепления — форты, чтобы защищать свою торговую монополию и обеспечивать господство голландского флота на море.

Беспощадное ограбление разраставшихся со временем колоний сопровождалось жестокой конкуренцией с соперниками. В 1596 г., преодолев сопротивление португальцев, голландцы достигли острова Ява. На Малаккском полуострове и Молуккских островах, богатейших районах вывоза пряностей — перца, гвоздики, мускатного ореха, — были основаны фактории. Созданная в 1602 г. Ост-Индская компания начала наступление на господство испанцев и португальцев. В 1619 г. на Яве этой компанией был основан город Батавия (ныне Джакарта), ставший центром голландской колонизации Юго-Восточной Азии. К 1641 г. конкуренты хитростью или подкупом были почти вытеснены с Молуккского полуострова. В середине века на путях к нему голландцы уже закрепились в Западной Африке в районе Зеленого Мыса, в Сьерра-Леоне, где продержались до второй половины XIX в., основали в ключевом пункте у мыса Доброй Надежды Капскую колонию (Капстад, будущий Кейптаун), устроили фактории на западном и восточном берегах южной части Индостана, чуть позже захватили Цейлон. В середине века они на двадцать лет овладели Тайванем, но были изгнаны китайцами. Зато в Японии ее правители из рода Токугава для ослабления роли португальцев и испанцев начали покровительствовать голландцам уже с конца XVI в., а во второй четверти XVII. дали из европейцев только им монопольную привилегию на доступ в порт Нагасаки.

В Южной Америке, на ее Атлантическом побережье, голландцы захватили в начале XVII в. территорию нынешних Гайаны, Суринама и Гвианы, ряд островов Карибского моря, затем часть берегов Бразилии. Созданная в 1621 г. Вест-Индская компания намеревалась стать противовесом испанцам и португальцам на Американском континенте, но оказалась не столь успешной в своих действиях, как Ост-Индская. Обе компании по договоренности поделили

между собой весь мир по оси мыса Доброй Надежды на зоны влияния, как делили его в конце XV в. Испания и Португалия. Начав колонизацию в Северной Америке, Вест-Индская компания захватила земли в заливе Гудзона и основала в 1626 г. поселение Новый Амстердам (будущий Нью-Йорк).

Колонизация и поиски новых морских путей сопровождались рядом важных географических открытий. В 1642 г. Абель Тасман отправился из Батавии на исследование Океании, надеясь внести свой вклад в решение давней загадки — существует ли, как утверждали античные и средневековые космографы, “австральный”, то есть южный гигантский материк, покрывающий значительную часть южного полушария и тем самым “уравновешивающий” сушу в северном полушарии. Тасман не знал, что испанцы открыли острова у северных берегов Австралии, так как эти сведения засекретили, но ему было известно, что большие участки пустынных берегов обнаружены голландцами с начала XVII в. на севере и западе предполагаемого выступа южного материка. Обойдя этот “выступ” с юга, Тасман показал тем самым, что речь идет о новом колоссальном острове, позже названном материком Австралией. Он открыл Новую Зеландию и еще один большой остров, впоследствии названный в его честь Тасманией, а также группы островов Фиджи и Тонга. Новый материк до его переименования в начале XIX в. называли Новой Голландией.

Другой голландский мореплаватель, Виллем Баренц, еще в 1594—1596 гг. совершил три экспедиции, пытаясь найти морской путь к Китаю и другим странам Востока через Северный Ледовитый океан. Он побывал у Шпицбергена, обошел с севера острова Новой Земли, но его корабль в последней экспедиции был затерт льдами. Впервые западноевропейскому мореплавателю пришлось зимовать на Севере. На обратном пути Баренц погиб от цинги. Его именем названо Баренцево море.

К 1650 г. колониальные владения Голландии были по территории примерно в 60 раз больше метрополии. Голландцы приняли активное участие в работоторговле, в том числе в ввозе рабов из Африки в Бразилию. Резкий рост масштабов их работоторговли приходится, однако, уже на вторую половину XVII в.

Культура Нидерландов к началу XVI в. В развитии культуры Нидерландов раннего нового времени важную роль сыграли традиции XV в., “осени средневековья”. Двор герцогов Бургундских был тогда одним из главных в Европе центров аристократически-утонченной культуры, основанной на рыцарских идеалах. Она дала знать образцы духовных интересов и нормы достойного поведения, которые еще долго сказывались на жизненном укладе придворных. Тогда же в нидерландских городах достигло наибольшего влияния

религиозно-мистическое движение "современного благочестия". Его участники, "братья общей жизни", создавали добровольные общины мирян, которые ориентировались на раннехристианский идеал и "сердечное благочестие", а не на формальное исполнение церковных обрядов. Они уделяли большое внимание нравственному совершенствованию человека, религиозному просвещению и развитию школьного образования. Деятельность "братьев" готовила почву и для распространения идей гуманистического просветительства, и для реформационных представлений.

Наиболее крупные культурные достижения Нидерландов в XV в. были связаны с музыкой и живописью. С середины века нидерландская школа полифонии играла ведущую роль в европейском музыкальном искусстве и сохранила ее также и в первые десятилетия XVI в. Мастера этой школы работали почти в 70 городах Европы, пропагандируя ее опыт. В живописи Нидерландов при опоре лишь на наблюдения природы, без освоения античных образцов, началось преодоление готических традиций, ярко проявились ренессансные тенденции. Основоположником нидерландского Возрождения стал главный создатель грандиозного "Гентского алтаря" и автор ряда шедевров нового жанра — портретного — Ян ван Эйк (ок. 1390—1441). Его начинания развила целая плеяда крупных живописцев от Рогира ван дер Вейдена до Ганса Мемлинга. Самым своеобразным художником рубежа готики и Ренессанса стал на грани XV и XVI вв. Иероним Босх (1450—1516). Мастер с остро драматическим мироощущением, повсюду находивший сплетения красоты и дьявольщины, он сочетал глубокое постижение природы с безудержным полетом фантазии, обращением к гротеску и средневековому аллегоризму.

Культура XVI в. Гуманизм утвердился в Нидерландах лишь в конце XV в. Самым крупным гуманистом страны стал уроженец Голландии Эразм Роттердамский (1469—1536). Первоначальное образование он получил в латинской школе "братьев общей жизни" в Девентере, затем провел несколько лет в монастыре, где усердно занимался науками и открыл для себя достижения итальянского гуманизма. Эразм продолжил образование в Парижском университете, жил в Англии, Италии, Швейцарии, Германии. В 1514—1521 гг. он снова с перерывами находился в Нидерландах. Он сыграл важную роль в развитии здесь гуманизма и, в частности, в укреплении основанного в 1517 г. в Лувене "Колледжа трех языков" — центра по изучению классической латыни, древнегреческого и древнееврейского языков. С началом Реформации Эразм подвергся нападкам теологов единственного тогда в Нидерландах университета в Лувене, который стал средоточием фанатичной антилютеровской пропаганды. Чтобы сохранить независимость и необходимый

для научных занятий покой, Эразм был вынужден переселиться в Базель. Как раз на пору его пребывания в Нидерландах накануне Реформации приходится наивысший расцвет творчества Эразма и его международной славы. Именно в эти годы он опубликовал "Воспитание христианского государя" — трактат об основах политической этики просвещенного правителя, антивоенную речь "Жалоба Мира" и свой главный труд по педагогике гуманизма — книгу диалогов "Разговоры запросто" ("Домашние беседы"). В критическом изучении текстов Священного Писания составило эпоху его издание греческого текста Нового Завета с латинским переводом, исправлявшим огрехи Вульгаты — перевода, официально утвержденного католической церковью.

Для развития нидерландской литературы важнейшее значение имел тот факт, что в стране не было языкового единства: на одних территориях по традиции звучала французская речь, на других — различные диалекты нидерландского языка. Характерным для литературы XVI в. стало ее развитие по двум руслам: на латыни, где в стихах и прозе ведущая роль принадлежала гуманистам, и на общем для страны национальном языке письменности. Он сложился главным образом на основе диалекта Брабанта, одной из крупнейших провинций, и остался по сей день литературным языком в Нидерландах, где говорят по-голландски, и в Бельгии у части населения, которая пользуется фламандской речью.

Значительная доля литературы на нидерландском языке создавалась "редерейкерами" — риториками, мастерами красноречия. Так назывались члены устроенных на цеховой лад объединений любителей театра и литературы. Они появились еще в средние века для устройства массовых празднеств и постановок религиозных драм — мистерий. Общества проводили поэтические состязания и диспуты на заданные темы. Соревнования шли внутри городов, между городами, между провинциями. В XVI в. число обществ редерейкеров достигло тысячи. При герцоге Альбе, во избежание антииспанских выступлений, состязания запретили. Главное внимание редерейкеры уделяли поэзии — благочестивой, любовной и развлекательной, но в XVI в. их лучшие достижения оказались связаны с драмой. Средневековый аллегоризм и нравоучительность стали сочетаться в ней с жизненными наблюдениями в обрисовке людских страстей и бытового фона.

В литературе второй половины XVI в. важное место заняла публицистика, связанная с борьбой против испанского гнета и яростной межконфессиональной полемикой. Активным участником этой полемики стал поборник кальвинизма и верный сподвижник Вильгельма Оранского Филипп Марникс (1538—1598). Особенно широкую известность получил его антикатолический памфлет

“Улей святой римской церкви” (1569). Возможно, именно Марникс — аристократ, дипломат, воин и литератор — был создателем популярной песни, славившей Вильгельма Оранского, которая ныне является национальным гимном королевства Нидерландов.

В отличие от Марникса, жестко противопоставлявшего кальвинизм всем иным конфессиям, Дирк Коорнхерт (1522—1590) был твердым сторонником веротерпимости. Приверженец (ого, занимавший пост секретаря штатов Голландии, он отстаивал необходимость религиозной свободы, в том числе и для католиков, как обязательный принцип политической этики. За свои убеждения он подвергся преследованиям со стороны непримиримых кальвинистов, но позиции не изменил. Коорнхерт переводил на родной язык классиков античности и сочинения Эразма Роттердамского. Его гуманистические идеи, перекликающиеся со взглядами Эразма, отразились в книге 1586 г. об искусстве добронравной жизни. Эту работу часто называют “Этикой” Коорнхерта.

Крупнейшим нидерландским ученым в области гуманитарных наук второй половины XVI в. был филолог, философ, историк, политический мыслитель Юст Липсий (1547—1606). “Светоч и столп” культуры, как называли его современники, он стал первой после Эразма научной знаменитостью Нидерландов, получившей широкую европейскую славу. Много лет Липсий был профессором истории нового протестантского университета, основанного в 1575 г. в Лейдене Вильгельмом Оранским. Переехав в Лувен, он преподавал там в университете, оставшемся цитаделью католицизма. Несколько раз меняя свое официальное вероисповедание, чтобы получить возможность спокойной научной работы, Липсий стремился остаться в стороне от теологических схваток, хотя полного успеха в этом не достиг. Гуманист, великолепный знаток античной культуры, он образцово издал и прокомментировал работы Сенеки и Тацита, написал ряд собственных сочинений, в которых развивал идеи неостойцизма.

Главными философскими трудами Липсия стали связанные общей концепцией книги “О постоянстве” (1584) и “Политика” (1589). Опираясь на античных авторов, он в первой из них дает рекомендации, как сохранить добродетель и внутреннюю независимость в условиях внешних кризисов и катастроф, а во второй предлагает руководство по различным проблемам политической этики, управления государством, военного дела. Мудрость и умеренность правителей, добродетели подданных, готовность идти на компромиссы Липсий считал фундаментом устойчивого порядка гражданской жизни. Сочинения гуманиста, в которых философские проблемы решались преимущественно на светской основе и при этом не несли на себе характерного для времени отпечатка односторонней

конфессиональной пропаганды, пользовались успехом по обе стороны разделявших общество вероисповедных границ.

Стремление Липсия по возможности избегать страстей борющихся партий разделял его друг, крупнейший книгоиздатель Нидерландов второй половины XVI в. Кристоф Плантен. Его фирма в Антверпене получила привилегию короля Филиппа II на монопольное печатание в испанских владениях церковных изданий — Библии, молитвенников, требников, часословов. Плантен выпускал их десятками тысяч. Позже он переехал в протестантский Лейден и стал главным типографом Генеральных штатов. Он создал новый тип изданий — так называемые “университетские” книги, т.е. сборники научных трудов и диссертаций, защищенных в Лейденском университете. Уже к концу XVI в. другую прославленную типографскую фирму, работавшую до начала XVIII в., основал в Лейдене ученик Плантена — Людовик Эльзевир. Спецификой издательства Эльзевиров стал выпуск массовыми тиражами дешевых, но изящных изданий малого формата, с четким мелким шрифтом и красивой “серебристостью” печати. В их типографии публиковались научная и учебная литература, классики античности, серии географических описаний разных стран, в том числе Московии или, иначе, “Тартарии”.

Исключительный интерес к географии, стимулированный практическими потребностями эпохи — развитием мореплавания, ростом международной торговли, — способствовал успехам картографии. Важный вклад внес в нее Герард Меркатор (1512—1594). Как ряд других видных нидерландских ученых XVI в., он многие годы работал за пределами родины. Еще в Лувене он изготовлял уникальные карты и глобусы, используя последние открытия астрономии и географии. Переселившись в Германию, он доработал свой новый способ изображения сетки параллелей и меридианов, особенно важный для морских карт, и издал новаторские карты Европы и мира, а затем — один из первых географических атласов, составленный из карт, согласованных друг с другом.

За рубежом работал и другой видный нидерландский ученый, профессор университета в Падуе медик Андреас Везалий (1514—1564). В своем труде “О строении человеческого тела” (1543) он обновил систему анатомических знаний и исправил ошибки канонизированного античного автора — Галена. Его труд был богато иллюстрирован, что явилось отражением экспериментальных результатов деятельности ученого. Это нанесло удар по схоластическим основам средневековой медицины.

В сфере искусств развитие их различных видов и в XVI в. продолжало оставаться неравномерным. В нидерландской архитектуре XVI в. долгое время господствовали позднелотические tradi-

ции, в стиле которых возводились богато украшенные здания ратуш, увенчанные башнями строения для городских весов, пятиэтажные дома цеховых и купеческих корпораций. Бюргерские дома тоже продолжали строить на старый лад — высокие, узкие, с треугольными завершениями фасадов. В духе готики достраивали башни давно действовавших соборов. К середине века, однако, стало крепнуть использование в сочетании с готикой ренессансных новшеств в планировке, членении и пропорциях зданий, их декоре. Вслед за итальянскими и французскими архитекторами, которых приглашали строить дворцы знати и городские укрепления нового типа, развернулась деятельность местных мастеров. Самым значительным памятником нидерландского Ренессанса стала ратуша, построенная в Антверпене Корнелисом Флорисом в 1560-е годы.

Влияние итальянского Ренессанса на Нидерланды оказалось особенно сильным в живописи. В XVI в. здесь сложился один из главных центров европейского романизма — международного течения в искусстве, которое обогатило живопись античными мотивами, новыми знаниями в композиции, перспективе, анатомии, виртуозной техникой, но до такой степени равнялось на итальянские образцы, что утрачивало национальное своеобразие. Романизм, поддержанный придворно-аристократической средой, сказался и на искусстве шпалер, которыми славились Нидерланды.

По другому пути — с опорой на национальные традиции и фольклор — развивалось творчество крупнейшего нидерландского живописца XVI в. Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525—1569). Его взгляд на мир полон горечи, неверия в гуманистические идеалы всесилия человека. В своих картинах и рисунках для гравюр он часто обращался к изображению массовых сцен народной жизни с множеством мелких фигур. Это своеобразные притчи о современности и извечных людских пороках. В картине “Крестьянский танец”, укрупняя образы, Брейгель любит народное веселье, полным стихийной мощи, но не скрывает и его примитивных, грубых сторон. Картина “Слепые”, изображающая начавшееся падение с обрыва вереницы слепцов, представляет собой иносказание о тщете самонадеянных людских упований. Брейгель был мастером почти космического панорамного пейзажа: в цикле картин “Времена года” он раскрыл поэзию бескрайних просторов природы, с жизнью которой неразрывно связаны ритмы жизни людей.

Культура Голландии и Фландрии в первой половине XVII в. Республику Соединенных провинций и Испанские Нидерланды часто не вполне точно, но кратко называют по их крупнейшим провинциям Голландией и Фландрией. В XVII в. их культура начала развиваться разными путями, хотя имела и общие черты. К самым значительным достижениям голландской и фламандской культур этого столетия относятся свершения в области живописи.

Особенностями развития искусства в Голландии стали превращение художественного творчества в массовую профессию, работа художников преимущественно на рынок, а не на заказ, высокий уровень мастерства вследствие большой конкуренции и вызванная этой же причиной узкая профессиональная специализация. Появились, например, мастера только зимних, или только морских, или ночных пейзажей. Значительно расширился круг покупателей картин — ими украшали свой быт почти все слои общества, от патрициата и ремесленников до зажиточных крестьян. Мифологическая живопись была отеснена правдивым или заостренным до гротеска изображением бытовых сцен, портретами, пейзажами, натюрмортами. Характерным было ярко выраженное своеобразие живописи различных художественных центров, направлений, индивидуальностей. Рядом с целой плеядой великолепных так называемых “малых” мастеров работали крупные таланты, которые не ограничивались рамками узкой специализации. Расцвет голландской живописи продолжался до последней трети XVII в.

Фламандец по происхождению, Франс Хальс (1581/85—1666) обновил своей темпераментной живописью голландский портрет, в том числе групповой. Он словно на лету схватывал непринужденные позы, мгновенно меняющиеся выражения лиц своих моделей — офицеров, гуляк, щеголей, а в поздних работах беспощадно, с трагической глубиной обнажил в образах стариков угасание человека.

Вершиной голландского искусства стало новаторское творчество Рембрандта (1606—1669). Живописец, мастер рисунка и офорта, он создавал портреты, библейские, мифологические и исторические композиции, пейзажи и натюрморты. Созвучиями цвета, тончайше разработанной светотенью он передавал духовную жизнь людей в психологических образах, полных драматизма; изображал среду, окружающую человека, одновременно и правдиво, и поэтично. В монументальной композиции “Возвращение блудного сына” художник, сам прошедший через годы тяжелых испытаний и одиночества, утверждает величие человечности, сострадания и любви.

Ведущая роль в искусстве Фландрии принадлежала блестяще одаренному и гуманистически образованному Питеру Паулю Рубенсу (1577—1640). Глава крупнейшей в Европе художественной мастерской, он выполнял заказы на целые циклы грандиозных нарядных полотен для монархов и знати разных стран, католической церкви и ордена иезуитов, создавал и глубоко интимные образы — прежде всего своих близких. В свободной широкой манере он воплощал мифологические и исторические сцены, картины народных празднеств, величественные виды природы. Художник барокко, он любил передавать накал чувств, изображать красоту человеческого тела в динамичные моменты схваток, охот, мощных усилий. Колористическое богатство жизнерадостных работ Рубенса с их сияющи-

ми красками роднит его творчество с искусством великих живописцев венецианского Возрождения. Рубенс определил главные пути развития фламандской школы, характерные для нее великолепие и пышность. Среди его учеников и помощников были Антонис ван Дейк (1599—1641), создатель нового типа декоративного парадного портрета, работавший также в Италии и Англии; Якоб Йорданс (1593—1678), писавший монументализированные жанровые композиции, в которых могли появляться и античные мифологические персонажи; Франс Снейдерс (1579—1657), мастер охотничьих сцен и славящих земное изобилие гигантских натюрмортов с горами разнообразных даров природы.

В декоративно-прикладном искусстве Фландрии особенно ценились предназначенные для дворцов роскошные огромные шпалеры — красочные настенные ковры с бордюрами из орнаментальных и растительных мотивов; тончайшие, изысканные брюссельские кружева; мебель, инкрустированная драгоценными породами дерева и слоновой костью. В отличие от живописи, где уже в середине века наметились черты кризиса, прикладное искусство Фландрии сохраняло высокий уровень на протяжении всего XVII в.

Самым значительным писателем в XVII в. был Йост ван ден Вондел (1587—1679). Поэт, введивший в отклики на злобу дня сопоставления с античностью и аллегорические образы, переводчик Софокла, Еврипида, Вергилия и Сенеки, он больше всего известен как драматург, создатель нидерландского “театра барокко”. Обращаясь к мифологическим и историческим сюжетам, Вондел возвышенным и торжественным слогом обрисовывал драмы испытаний своих персонажей — Люцифера, Ноя, Адама, защитника Амстердама Гейсбрехта, плененной королевы-католички Марии Стюарт. Величественные хоры поясняли в стихах, комментировали, как в драматургии античности, судьбы героев.

Наибольшей известностью из голландских ученых первой половины XVII в. пользуется основоположник нового международного права Гуго Гроций (1583—1645). Блестящий знаток античного культурного наследия, он также оставил труды о древностях, истории и политико-правовом строе Нидерландов, но центральное место среди его работ занял трактат “О праве войны и мира”. Здесь Гроций развил и систематизировал новые принципы международного права, в том числе собственные более ранние идеи о “свободном море” — праве кораблей всех стран беспрепятственно плавать в открытом море по всему земному шару. Гроций был поборником решения конфликтов между народами мирными методами, путем взаимных соглашений. Он считал, что даже в случае возникновения войн необходимо соблюдение их участниками определенных правовых норм. Высокая оценка права проходит красной нитью через все его труды.

Глава 10

ИТАЛИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

К началу XVI в. Италия продолжала оставаться страной с ярко выраженным полицентризмом: наметившийся в предшествующее столетие процесс территориального укрупнения ведущих итальянских государств не привел к их политическому объединению, наоборот, разобщенность усугублялась. На Апеннинском полуострове существовали десятки независимых государств, крупнейшими из которых были Миланское герцогство, Венецианская республика, Флорентийская республика, владевшая значительной частью Тосканы, Папская область и Неаполитанское королевство.

Итальянские войны 1494—1559 гг. Политически раздробленные, но экономически развитые, богатые итальянские земли начали привлекать взоры французского дворянства еще до окончания Столетней войны. Короли Карл VII, а позже Карл VIII поддерживали вынашиваемые воинственным рыцарством планы грабительских походов на Апеннинский полуостров — ведь они могли не только обогатить дворянство, но и резко ослабить торговых соперников французского купечества в Восточном Средиземноморье. "Юридическим основанием" этих планов служило так называемое "Анжуйское наследство": Неаполитанское королевство со второй половины XIII в. принадлежало Анжуйской династии и только в 1442 г. перешло к Арагонскому дому, потратившему многие десятилетия на борьбу за овладение им.

Вторжение войск Карла VIII на территорию Италии летом 1494 г. под предлогом возвращения французской короне "Анжуйского наследства" (после смерти в 1494 г. короля Неаполя Ферранте I Арагонского его трон оказался свободным) положило начало длительным войнам, главным театром боевых действий которых был Апеннинский полуостров. Итальянские войны можно разделить на два крупных этапа: 1494—1513 гг., время походов Карла VIII и Людовика XII, и второй этап, охватывающий 1515—1559 гг., когда французские короли Франциск I и Генрих II воевали с императором Карлом V Габсбургом.

Продвижение французских войск осенью и зимой 1494/95 г. на юг к Неаполитанскому королевству, не встретившее активного сопротивления со стороны итальянских государств, повсеместно со-

проводилось грабежами и разбоем. По словам французского посла Филиппа де Коммина, "наши не считали итальянцев за людей". В феврале 1495 г. Неаполь был взят войсками Карла VIII. Местное население приветствовало французов, видя в них освободителей от испанского ига. Однако уже через несколько месяцев беззастенчиво грабительская политика Карла VIII, раздававшего итальянские земли и замки французским дворянам и разорявшего города, вызвала всеобщее возмущение.

Одной из главных причин успеха Карла VIII была традиционная политическая вражда итальянских государств, не захотевших сплотиться для отпора французам. Пагубные последствия такой "нейтральной" позиции были столь очевидны, что весной 1495 г. ведущие государства — Миланское герцогство, Венецианская республика и Папская область, — решительно отказавшись от нее, объединились с германским императором Максимилианом I и Испанией, создав "Святую лигу". Этот союз провозгласил своей главной целью изгнание французских интервентов с Апеннинского полуострова. Осенью того же года после кровопролитного сражения с войском "Святой лиги" Карл VIII был вынужден покинуть Италию, сохранив за собой ряд гарнизонов. Однако к лету 1496 г. французы были полностью вытеснены из страны.

После ухода французов на полуострове началась перегруппировка политических сил: обострение внутренних конфликтов приводило к изменению внешнеполитической ориентации отдельных итальянских государств. Так, враждовавшая с Миланом Венеция стала искать союза с Францией, к которой тяготела и Флоренция, надеясь с ее помощью противостоять территориальным притязаниям папы в Тоскане и усмирить Пизу, восставшую против флорентийского господства. В этой благоприятной для Франции обстановке ее новый король Людовик XII предпринял осенью 1499 г. поход в Италию. Успех сопутствовал французам: был взят Милан, а затем и вся Ломбардия оказалась в их руках; она была объявлена частью королевского домена. Набиравшие силу жестокость и грабежи французов вызвали ненависть к ним широких масс местного населения. Этим воспользовался Миланский герцог Лодовико Моро — с помощью швейцарских наемников ему удалось отбить у французов Милан и удерживать его в течение трех месяцев. Однако измена швейцарцев помогла Людовику XII вернуть Милан; Лодовико Моро окончил свои дни в плену.

В борьбе с Миланом Франции оказали поддержку Венеция и папа Александр VI Борджа, намеревавшийся с помощью французских войск создать государство для своего сына Чезаре — расчетливого, вероломного политика, захватившего почти всю Романью. В этой ситуации Людовик XII делает новые шаги к расширению свое-

го господства в Италии: в 1500 г. он заключает соглашение с Испанией о разделе Неаполитанского королевства. Оказавшись, как и прежде, в изоляции, оно было завоевано к весне 1502 г. частью испанскими и частью французскими войсками, хотя местное население активно сопротивлялось захватчикам. Вскоре испанцам удалось вытеснить французов из южных областей Италии и в начале 1504 г. добиться заключения трехлетнего перемирия с Францией. Итогом стал разгром Миланского герцогства и Неаполитанского королевства, а также вступление в войну Испании.

В условиях, когда на полуострове стали господствовать две крупные державы — Франция и Испания — итальянские государства, стремясь создать равновесие между ними, лавировали, переходили из одного лагеря в другой, объединялись в различные лиги. В 1504—1513 гг. все более активную роль в итальянской политике начали играть Венецианская республика и Папская область. Венеция увеличила свои владения в Ломбардии и приобрела крупные города в Апулии — Бриндизи, Трани и Отранто. Она утвердилась и в Романье после падения там власти Чезаре Борджа. Успехи Венеции вызвали резкое недовольство многих итальянских государств, чем воспользовался папа Юлий II, надевшийся включить Романью в состав владений Святого Престола.

В 1504 г. Юлий II создал антивенецианскую коалицию, которая в 1508 г. оформилась как Камбрейская лига. В коалицию вошли также Франция, Испания и Империя, имевшие свои претензии к Венеции. В мае 1509 г. в битве при Аньяделло Венеция, несмотря на героические усилия ее армии, состоявшей в основном из ополченцев, потерпела поражение от численно превосходивших сил Камбрейской лиги. В результате Венецианская республика утратила власть над многими городами Северной Италии, хотя некоторые из них, особенно Падуя, упорно сопротивлялись иноземным захватчикам, беспощадно грабившим население. Венеция была вынуждена пойти на соглашение с папой и Испанией, отказавшись от притязаний на Романью и территории в Южной Италии.

Вскоре события приняли новый оборот: папа Юлий II заключил союз с Венецией для борьбы с французскими и имперскими войсками, которые удерживали Ломбардию. В 1511 г., выдвинув лозунг “изгнание варваров”, папа объединил ряд североитальянских городов в “Святейшую лигу”, куда вошла и Испания. В жестоком сражении под Равенной, одном из самых масштабных в ходе Итальянских войн, в апреле 1512 г. войска “Святейшей лиги”, главную силу которых составляли испанцы, были разгромлены французами. Однако Людовик XII не сумел закрепить победу и после перехода на сторону лиги его союзника — германского императора Максимилиана I — вынужден был оставить Милан и крепости в Ломбардии.

Папа разрешил испано-швейцарским войскам в награду за успехи занять Флоренцию, сохранявшую нейтралитет, и взять с нее контрибуцию. Флоренция, чтобы избежать разграбления, согласилась в марте 1513 г. на сдачу и уплату контрибуции, а также на восстановление власти Медичи, на чем особенно настаивал новый папа — Лев X из рода Медичи. Венеция, видя усиление союза папы с Испанией, заключила в 1513 г. договор с Францией, которая после провала своей захватнической политики вынашивала план нового похода в Италию. Итогом первого этапа Итальянских войн стало резко возросшее после поражения Франции влияние Испании на полуострове. Итальянские государства так и не сумели создать прочный союз для отпора всем иноземным завоевателям.

Активные военные действия возобновились в 1515 г. при новом французском короле Франциске I: в сентябре этого года возглавляемые им франко-венецианские войска одержали внушительную победу в битве при Мариньяно, еще одном знаменитом сражении Итальянских войн. Франция вновь утвердилась в Милане, а Венеция восстановила свои владения в Северной Италии, утраченные в войне с Камбрейской лигой. Апеннинский полуостров оказался поделенным на четыре сферы влияния: на севере господствовали Венеция и Франция, в Средней Италии — папство, юг был под властью Испании. Положение относительного равновесия сил начало резко меняться в 1519 г., когда испанский король Карл I стал германским императором Карлом V — теперь Испания и империя выступили против Франции единым фронтом. Давнее соперничество Франции и Священной Римской империи обострилось: для Франциска I важно было владеть Миланом — важнейшим стратегическим центром Северной Италии, откуда открывался путь в центральные районы полуострова, а император поставил целью изгнать французов из Италии и установить там свою власть.

Весной 1521 г. Франциск I начинает превентивные военные действия против войск Карла V. Война продолжалась с переменным успехом до февраля 1525 г., когда в битве при Павии, последнем крупном сражении в ходе Итальянских войн, французы потерпели жестокое поражение, а сам король оказался в плену. Измотанные войной стороны прекратили дальнейшую борьбу; позиции Испании, однако, заметно усилились.

В новой ситуации Венеция выступила с инициативой объединения итальянских государств, ослабленных постоянными военными действиями на полуострове и бесчинствами иноземных захватчиков, с целью изгнания из страны испанцев. Для достижения этой цели Венеция, Папская область, Генуя, Флоренция, Милан пошли на союз с Францией, создав в 1526 г. Коньякскую лигу. Однако раздоры среди членов лиги, нерешительность ее военных операций в

Ломбардии привели к потере Милана весной 1527 г. Это позволило испано-имперскому войску Карла V двинуться на Рим. Не получая жалования, его войско превращалось в бандитские отряды, грабившие все на своем пути. 6 мая 1527 г. Рим был захвачен, четыре тысячи горожан изрублены алебардами, дома разграблены, многие церкви и античные памятники разрушены. Среди наемников, участвовавших в разграблении Рима, было немало протестантов, с религиозным фанатизмом обрушившихся на ненавистную цитадель католицизма. Папа Климент VII скрывался в замке св. Ангела. В городе начался голод. Трагическая судьба Вечного города потрясла всю Италию и побудила Францию активизировать военные действия против Карла V. К лету 1528 г. ей удалось отвоевать значительную часть Неаполитанского королевства. Успех, однако, не был закреплен — во французской армии началась эпидемия чумы. Франция была вынуждена заключить в августе 1529 г. мир в Камбре, по которому Карл V получил титул короля Италии (он был коронован папой Климентом VII в 1530 г.) и владение Неаполитанским королевством. В итоге бесспорные преимущества в стране получила империя Габсбургов. Францию решительно отстранили от «итальянского пирога».

В последующие тридцать лет вплоть до мира в Като-Камбрези, заключенного в 1559 г., Италия продолжала оставаться ареной соперничества между империей и Францией, а местные правители были лишь пассивными фигурами в их игре. Мир в Като-Камбрези закрепил господство Испании на значительной части Апеннинского полуострова. Итальянским государствам более чем полувековые войны принесли опустошение обширных территорий, огромные материальные убытки, бедствия и страдания населения.

После окончания Итальянских войн более половины территории страны оказалось под властью Испании, что стало дополнительным тормозом для объединения государств Апеннинского полуострова. Испании принадлежали Миланское герцогство, Неаполитанское королевство, включавшее острова Сицилию и Сардинию, небольшие владения в Тоскане (в основном крепости на побережье Тирренского моря). Из крупных государств самостоятельность сохранили Савойское герцогство (оно включало Савойю, Пьемонт и Ниццу), Генуэзская республика с владениями в северной части Лигурийского побережья и островом Корсика, Венецианская республика с подвластными ей территориями на восточном побережье Адриатического моря и в Ломбардии, герцогство Тосканское с центром во Флоренции, а также Папская область. Формально независимыми были и многие небольшие государства: герцогства Парма и Пьяченца, Модена, Мантуя, Феррара, Урбино, маркграфство Монферрат, республики Лукка и Сан Марино.

Экономическое развитие Италии в XVI — первой половине XVII в. Характерная для XIV—XV вв. неравномерность темпов и уровня экономического развития государств и целых регионов Апеннинского полуострова сохранялась и в раннее новое время, хотя шел активный процесс перемещения центров торгово-финансовой и промышленной деятельности из одних областей в другие. Период второй половины XVI — первой половины XVII в. отмечен в итальянской экономике расширением внутренних связей. В то же время создание единого товарного рынка, как и прежде, тормозилось политической раздробленностью, усугубленной теперь и иноземным господством, и преобладающей ориентацией торговли и промышленности на внешние рынки, соперничеством на них крупных государств. Хотя открытие новых торговых путей, связывающих Европу с Азией, Африкой и Америкой, уменьшило значение средиземноморской торговли, Италия по-прежнему играла в ней важную роль. Кроме того, через Испанию и Португалию, деловые отношения с которыми укрепились в результате Итальянских войн, она получила доступ к новым рынкам мировой торговли.

Ведущие отрасли итальянской экономики, преимущественно текстильное производство, испытывали немалые трудности в связи с возрастающей конкуренцией с французскими, немецкими и английскими центрами сукноделия. Привозные шерстяные ткани теснили флорентийские даже на местных рынках. Это объяснялось отчасти тем обстоятельством, что производство тонких высококачественных флорентийских сукон зависело от импорта сырья, заметно уменьшившегося уже в первой половине XVI в. Бумазейная промышленность Ломбардии и Пьемонта имела сильных конкурентов в лице южнонемецких городов. На экономическом развитии Италии неблагоприятно сказывался и усилившийся в период Итальянских войн отток капиталов в землевладение и кредитные операции. Правда, из торговли капиталы полностью не изымались, хотя деятельность итальянских торгово-банковских компаний с гораздо большим размахом разворачивалась в XVI в. за пределами страны. К примеру, крупнейший генуэзский банк Сан Джорджо вел широкомасштабные операции не только в Италии, но и во Франции, Испании, странах Леванта.

В период Итальянских войн экономика страны вынуждена была приспосабливаться к новым условиям: несмотря на трудности, вызванные разрухой и нарушениями традиционных торговых связей, она не исчерпала возможностей дальнейшего развития и уже во второй половине XVI в. в отдельных отраслях производства наметился рост. Этому способствовал не только мир, наступивший на итальянской земле после договора 1559 г., но и изменения в положении стран-конкурентов: во Франции начались гражданские вой-

ны, в Нидерландах — борьба за независимость от Испании. Во второй половине XVI в. стало заметно расширяться сукнодельческое производство в Пьемонте, некоторых городах Ломбардии, в частности в Бергамо. Интенсивно развивалось сукноделие в Венецианской республике: в 1521 г. здесь вырабатывалось 3500 кусков сукна в год, а в 1602 г. — около 29000 кусков. Суконное производство расширялось и в его традиционном центре — Флоренции, хотя вместо дорогих тонких шерстяных тканей стали больше производить дешевых грубошерстных.

Еще более быстрыми темпами росло шелковое производство во многих городах Италии — в Генуе, Венеции, Милане, Павии, Комо, Мантуе, Болонье, Флоренции, где оно уже имело вековую традицию. Модные шелковые ткани широко экспортировались в Англию, Францию, Германию, Польшу, Венгрию. Шелкоткачество работало преимущественно на местном сырье, что было одной из главных причин процветания этой отрасли. Основным поставщиком шелка-сырца стало Неаполитанское королевство и особенно Сицилия. К концу XVI в. в Южной Италии заметно возросло и производство шелковых нитей. Успехам шелкоткачества во многом способствовали технические изобретения, улучшения технологии и окраски. Дорогие парчовые (с металлической нитью) ткани, бархат с тканым рисунком и другие модные виды шелковых изделий имели теперь куда больший спрос на внешних рынках, чем традиционные сорта итальянских сукон. Важную роль в подъеме отрасли сыграли технические усовершенствования в прядении шелковой нити. По свидетельству Мишеля Монтеня, наблюдавшего в 1581 г. работу флорентийских шелкопрядильщиц, одна женщина с помощью гидравлического приспособления управлялась с 500 веретенами.

Успехи текстильного производства не привели, однако, к новым качественным сдвигам в этой ведущей отрасли итальянской экономики. Зародившиеся здесь еще в XIV—XV вв. раннекапиталистические отношения не получили дальнейшего структурного развития. Организаторами производства по-прежнему выступали компании, действовавшие, как правило, в рамках цехов — суконщиков, шелкоткачей и других, — которые сохраняли систему регламентации, настаивали на соблюдении традиционной технологии, ставили преграды свободному предпринимательству. Как и в предшествующую эпоху, непосредственными производителями были зависимые от цеха и компаний ремесленники узкой специализации, владевшие далеко не всегда на правах собственности мастерскими и необходимыми орудиями производства, а также наемные рабочие низкой квалификации, лишённые средств производства и получавшие от компаний крайне низкую заработную плату. К тому же переход от рассеянной и смешанной мануфактуры к ее централизованной форме не

происходил, хотя технология текстильного производства это позволяла. Раннекапиталистический уклад, сложившийся в итальянской экономике, не обрел прочных корней. Традиционность организации и форм производства, а также изменения рыночной конъюнктуры, особенно во внешней торговле, способствовали тому, что период экономического подъема в Италии оказался сравнительно недолгим. Уже в первой четверти XVII в. он сменился застоем, а позже и упадком в ведущих отраслях итальянской промышленности.

Особенно заметным спад производства был в сукноделии Милана, Венеции и Флоренции. Так, в Милане изготовление сукон за первые три десятилетия XVII в. сократилось в пять раз, а число сукнодельческих мастерских — с 70 до 15 (к 1682 г. их осталось в Милане всего 5). Венецианское производство шерстяных тканей за первую половину XVII в. уменьшилось в три раза. Во Флоренции выработка сукон в первые десятилетия XVII в. сократилась в два раза. Упадок в этот период переживало и шелковое производство: в Венеции, его главном традиционном центре, изготовление шелковых тканей за первую половину столетия уменьшилось в пять раз. В некоторых отраслях промышленности, например в производстве бумажейных тканей и металлообработке, спад наметился уже в конце XVI в.

От оживления во второй половине XVI в. до постепенного замирания и застоя к середине XVII в. — такова динамика не только промышленности, но также торговли и банковского дела Италии. В XVI в. Венеция, Генуя, Флоренция были крупнейшими центрами международной торговли и финансовых операций. Ведущие итальянские государства имели активный баланс в торговле с Испанией, Англией, Францией. Несмотря на натиск турок, Венеция сумела сохранить свои позиции в средиземноморской торговле. Ее монополию на вывоз пряностей из стран Ближнего Востока и продажу их в Европе не смогла нарушить конкурировавшая с ней Португалия.

Если Венеция прилагала огромные усилия, чтобы удержать традиционные связи с Востоком, то Генуя обращала взоры на Запад, все активнее включаясь в торговлю с Испанией и Португалией. В середине XVI в. более половины генуэзского импорта шло из Испании. Расширялась и торговля Генуи с Англией, Нидерландами, Германией. С западными странами были связаны крупные денежные операции генуэзских банкиров: объединенные в мощный банк Сан Джорджо, они завоевали ведущие позиции на международных финансовых ярмарках. "Мы являемся хозяевами денежных рынков и как таковые диктуем им законы", — утверждали сенаторы Генуэзской республики. Именно Генуя в XVI в., особенно во второй его половине, стала распределять на международной фондовой бирже золото и серебро, прибывавшие из Америки в Испанию и переправ-

лявшиеся затем в Геную. Влияние генуэзцев простиралось не только на Европу, но и на страны Леванта, Африку, Америку.

По-прежнему активной была в XVI в. и деловая роль Флоренции, которая развивала торговлю как с Западом, так и с Востоком. Ее купцы достигали берегов Южной Америки, привозили зерно из Данцига (Гданьска) и Московского государства. Принадлежавший ей приморский порт Ливорно превратился к концу XVI в. в крупный международный порт.

Однако в первой половине XVII в. положение в итальянской торговле изменилось: преобладающим стал вывоз полуфабрикатов, сырья, сельскохозяйственной продукции, а не готовых изделий, как прежде. На морских торговых путях господствовавшие раньше генуэзские и венецианские корабли вытесняются английскими и голландскими. Итальянская промышленность все более ориентируется на внутренние, локальные рынки, относительная узость которых не позволяла ей сохранять прежний высокий уровень производства. Да и среди экспортируемых товаров (их предлагали и на местных рынках) были в основном предметы роскоши и дорогие ткани, не находившие спроса у широкого покупателя.

Постепенный спад итальянской экономики к середине XVII в. был обусловлен рядом причин как внутреннего, так и внешнего характера. Это прежде всего неспособность промышленности перейти к более развитым формам раннекапиталистического предпринимательства. Сказались сохранение цеховой системы, медленное проникновение капитала в деревню с ее более дешевой рабочей силой, политическая раздробленность, мешавшая складыванию единого внутреннего рынка. Отрицательно влияли и другие факторы — слабая протекционистская политика итальянских государств, а также отток капиталов в землевладение, откупную и кредитную системы. Тяжелым ударом для итальянской промышленности и банковского дела оказался финансовый крах Испании в конце XVI в. и сокращение импорта в Италию испанской шерсти, шедшей на изготовление тонких сукон. Росту итальянской текстильной промышленности препятствовали все возраставшие в первой половине XVII в. трудности сбыта, поскольку усилилась конкуренция с более дешевыми английскими и голландскими сукнами и французскими шелковыми тканями, производство которых получало поддержку государства в этих странах, проводивших политику протекционизма.

Одна из главных внутренних причин экономического упадка Италии коренилась в особенностях организации и развития сельского хозяйства, связанных с наступлением феодальной реакции в деревне, прежде всего в Центральной и Южной Италии. На темпах промышленного развития страны сказывался и все возраставший разрыв в экономическом уровне Севера и Юга. Южные области

полуострова становились сырьевой базой для текстильной и других отраслей промышленности Центральной и Северной Италии. Этому способствовало проникновение в Неаполитанское королевство флорентийских, генуэзских, венецианских купцов, теснивших местную торговую верхушку. Так, генуэзцы, лидировавшие в экономическом подчинении Юга, кредитовали казну Неаполитанского королевства и местную знать, скупали здесь земли, получали откупа на сбор налогов.

Сельское хозяйство Италии. В аграрной сфере экономики Италии в XVI в., особенно во второй половине столетия после окончания Итальянских войн, были достигнуты значительные успехи. Увеличивались размеры пахотных земель за счет расчистки пустошей. В Тоскане, Ломбардии широко проводились мелиоративные и ирригационные работы. Повсюду вводились новые зерновые и кормовые культуры. Быстро завоевала ведущие позиции появившаяся в этот период кукуруза. Расширились посевы конопли, риса, посадки цитрусовых и сахарного тростника. Большое внимание уделялось разведению тутовых деревьев, необходимых для получения шелка-сырца. В Ломбардии на территории Венецианской республики активно внедрялись прогрессивные методы земледелия, создавались хозяйства фермерского типа. Были заметные успехи и в животноводстве: вводилось стойловое содержание скота, в Южной Италии бурно развивалось овцеводство в связи с увеличением спроса на местную шерсть (она шла на изготовление грубого сукна). Укреплялись характерные и для предшествующего столетия связи сельского хозяйства с городским рынком. Традиционным оставалось выращивание зерновых культур в Центральной Италии, в частности в Папской области, но оно не покрывало потребностей местного населения: пшеницу все шире ввозили из Неаполитанского королевства. В XVI в. контадо Болоньи стало центром разведения конопли, но в начале XVII в. ее сборы заметно уменьшились. Стабильным на протяжении почти полутора столетий оставалось выращивание кукурузы, главным центром разведения которой стала область Эмилия.

Рост сельскохозяйственного производства сменился, как и в промышленности, наметившимся уже в первые десятилетия XVII в. застоем, а позже — упадком. К середине XVII в. многие освоенные земли пришли в запустение, пашни нередко превращались в пастбища, ухудшался севооборот, росли охотничьи заповедники. Процесс стагнации особенно широко затронул Южную Италию.

Причины регресса в сельском хозяйстве, характерного для многих областей Италии, — исключением была Ломбардия — коренились в производственных отношениях, сложившихся в деревне.

Здесь по-прежнему господствовали феодальные формы землевладения и землепользования. Раннекапиталистические методы хозяйствования крайне слабо проникали в аграрную сферу экономики — хозяйство фермерского типа начало складываться лишь в молочном животноводстве Ломбардии. Широкое распространение городского землевладения, все увеличивавшийся в XVI — первой половине XVII в. рост капиталовложений горожан в земельную собственность не привели к коренным изменениям в системе поземельных отношений и внедрению новых, более прогрессивных методов землепользования. Господствовавшая в Тоскане, Эмилии и некоторых других районах итальянская — полукапиталистическая-полуфеодальная форма арендных отношений — не эволюционировала в аренду капиталистическую, наоборот, в ней возобладали феодальные черты.

Как правило, в итальянскую аренду предоставлялся хозяйственный комплекс — поддере, на котором семья арендатора занималась земледелием, виноградарством, огородничеством, животноводством, а порой и другими видами сельских работ. Земельные собственники чем дальше, тем больше отстранялись от хозяйственных забот, зафиксированных в арендном договоре, перекладывая их на плечи арендаторов. Арендаторы сами были вынуждены заниматься покупкой инвентаря, семян, скота и потому неизбежно оказывались в постоянной финансовой зависимости, чаще всего от земельного собственника, едва сводили концы с концами. Лишенные права покинуть арендованный участок до выплаты всего долга, они попадали в положение прикрепленных к земле крестьян, к тому же обремененных дополнительными феодальными платежами и обязанностями в пользу землевладельцев: подношения натурой к праздникам, баналитетные платы, некоторые виды барщины (обработка сельскохозяйственных продуктов собственника земли, мелиоративные, дорожные, строительные работы и т.д.). К середине XVII в. итальянская превратилась в наиболее тяжелую форму феодальной зависимости крестьянства.

Некоторые возможности для поступательного развития сельского хозяйства открывались при другой форме арендных отношений, распространенной в северных и центральных районах Италии, — краткосрочной издольной аренде мелких участков монокультурного типа (или пашня, или виноградник, или оливковая роща и т.д.). Однако и здесь перспективу прогресса тормозили явления феодальной реакции. Сыграло роль и то обстоятельство, что многие земли, подлежавшие ранее юрисдикции городских и сельских коммун, в XVI — первой половине XVII в. были переданы правителями итальянских государств в качестве феодалов крупным землевладельцам. Сеньоры использовали полученную судебную-административную власть для узаконения реставрируемых феодальных повинностей

крестьян, в том числе связанных с личной зависимостью. Усиление нажима на крестьянство, лишавшее его заинтересованности в повышении производительности труда, вело к массовому обнищанию сельского населения и экономическому упадку деревни. Разорение, бродяжничество — неизбежное следствие феодальной реакции — стали повсеместным явлением в Италии первой половины XVII в.

Социально-политическая структура итальянских государств. Окончание опустошительных Итальянских войн, характерное для мирных лет оживление промышленности и сельского хозяйства способствовали демографическому росту в итальянских землях: если в начале XVI в. их население насчитывало 10 млн человек, то к концу столетия оно увеличилось до 13 млн. Наметившийся в первой половине XVII в. упадок экономики сопровождался и сокращением численности народонаселения — к концу века оно не превышало 11 млн человек. Подавляющую часть населения — в среднем по Италии свыше 80% — в XVI в. по-прежнему составляли жители сельской местности. В то же время наметилась устойчивая тенденция роста городского населения: в течение столетия доля горожан в общей массе жителей страны увеличилась с 11 до 16%, а в густонаселенных северных районах она превысила 20%. Миграция жителей сельской округи — не только крестьянства, но и дворян — в города уверенно росла в эпоху раннего нового времени и стала одной из примет демографической ситуации в стране. К концу XVI в. крупнейшие города Италии — Неаполь, разраставшийся особенно стремительно и достигший 200 тысяч жителей, Венеция с населением в 150 тысяч вошли в десятку самых больших городов Европы. Численность населения Рима, Палермо, Мессины превысила 100 тысяч человек. Росли и средние по численности населения города — Мантуя, Павия, Парма, Ливорно (к концу XVI в. в них проживало от 25 до 30 тысяч человек). Пополнялась в основном масса городской бедноты, но и дворянство предпочитало, не оставляя замков и вилл, большую часть года жить в городах. Конец XVI — первые десятилетия XVII в. — время активного строительства городских палаццо знати — масштабных и величественных, в стиле позднего Ренессанса и формировавшегося барокко.

Социальная структура Италии, в отличие от большинства других европейских стран, не имела четко оформленных юридических сословий, хотя привилегированное положение феодального класса — дворянства и духовенства — закреплялось в законодательстве отдельных государств. В числе причин своеобразной сословной аморфности итальянского общества — отсутствие политической централизации и связанной с ней системы представительных учреждений, способствовавших в других странах юридическому оформлению сословной структуры. В Италии границы между социальными слоями

были размытыми. Знать включала не только представителей старинных феодальных фамилий, но и "новых нобилей"; ее численность постоянно росла, особенно в последние десятилетия XVI — первой половине XVII в. Ряды знати пополнялись выходцами из среды патрициата, верхушки попопанства, зарождавшейся буржуазии, которые покупали землю, титулы и звания. Продажу титулов и званий широко практиковали правители итальянских государств и испанские наместники в Миланском герцогстве и Неаполитанском королевстве. В Неаполе во второй половине XVI в. титулы князя, герцога, маркиза, графа, барона свободно продавались по определенной таксе. Ряды итальянской знати ширились и за счет приобретающего землю и звания испанского дворянства, осевшего в стране. Вырос и удельный вес духовенства, в первую очередь крупного и среднего, за счет расширения земельных владений: в XVII в. церкви принадлежало в разных районах от 1/3 до 2/3 всех земель страны. Что касается низшего слоя церковнослужителей, то для него, наоборот, была характерна тенденция к обнищанию. На составе господствующего класса Италии сказалась открытость и мобильность общества, когда продвижение по социальной лестнице зависело главным образом от уровня состоятельности — родословная "новых нобилей" была далеко не адекватна их высоким титулам, а ее корни уходили в самые разные прослойки общества, не исключая и крестьянство.

В монархических государствах Италии титулованная знать и высшее духовенство получали в управление земли, приобретая таким образом судебную и административную власть на местах, несли дипломатическую службу, составляли окружение правителя. Этот социальный слой чем дальше, тем больше отличала подчеркнутая роскошь во всем — в пышном убранстве интерьеров многочисленных палаццо и загородных вилл, в одежде из дорогих шелковых тканей, украшенных кружевами, золотым и серебряным шитьем, драгоценными камнями, в толпах слуг, сопровождавших выезд господ, наконец, в щедром меценатстве. Если еще в XVI в. не считалось зазорным для знатного дворянина заниматься торговлей и банковским делом и даже вкладывать деньги в промышленные компании (это было особенно типичным для флорентийских нобилей), то к концу столетия представления о знатности и благородстве заметно изменились. С усилением в экономическом статусе знати роли землевладения приобрели первостепенное значение традиционные "рыцарские обязанности" — воинское мастерство, турниры, охота и т.д., а все прочие виды деятельности, кроме государственной службы и интеллектуального труда, считались теперь "низкими", умаляющими достоинство князя, герцога, графа, барона. Этой психологией проникалась и стремившаяся слиться с титулованной знатью городская верхушка. Патрициат, а также разбогатевшие выходцы

из среды пополанства, нажившие капитал на торгово-предпринимательской и банковской деятельности, занимали ведущие должности в государственном управлении, имели значительные земельные владения и стремились к получению титулов. Но в то же время тяга к "одворяниванию" (анноблированию) не смогла поколебать традиционную для Италии связь городской верхушки с торговлей, промышленностью и финансовыми операциями, особенно в крупных экономических центрах — Флоренции, Венеции, Генуе. Юридических преград для проникновения представителей пополанства в среду феодальной знати не было, но различия в социально-экономическом статусе этих слоев господствующего класса Италии сохранялись, что находило отражение и в особенностях их менталитета. Даже анноблированная верхушка пополанства не отказывалась от участия в той или иной мере в разных формах предпринимательской деятельности, не считая ее "неблагородным" занятием. Традиции купечества даже в XVII в. в Италии были весьма прочными.

Средний слой пополанства в раннее новое время представлял собой социально пеструю и профессионально разнородную массу горожан. Это были торговцы и финансисты, владельцы мануфактур и ремесленные мастера. К пополанской среде принадлежала и основная масса интеллигенции — юристы, медики, преподаватели школ и университетов, литераторы, типографы, художники, архитекторы и др. Нередко помимо основной деятельности они занимались ростовщичеством и финансовыми спекуляциями, стремились получить откупа и выгодные должности в государственном аппарате. И для выходцев из среднего пополанства путь к социальным вершинам не был закрыт — все зависело от богатства, связей, благоволения правителя. Тенденция к обогащению преимущественно за счет получения непроизводительных доходов усилилась в среде пополанства в первой половине XVII в. в связи с начавшимся экономическим спадом. Этот пестрый социальный слой переживал процесс все углублявшейся имущественной дифференциации, размывался "сверху" и "снизу" — наиболее состоятельные могли подняться до уровня патрициата и феодальной знати (анноблирование затронуло и эту среду), а нищавшие пополняли ряды плебса.

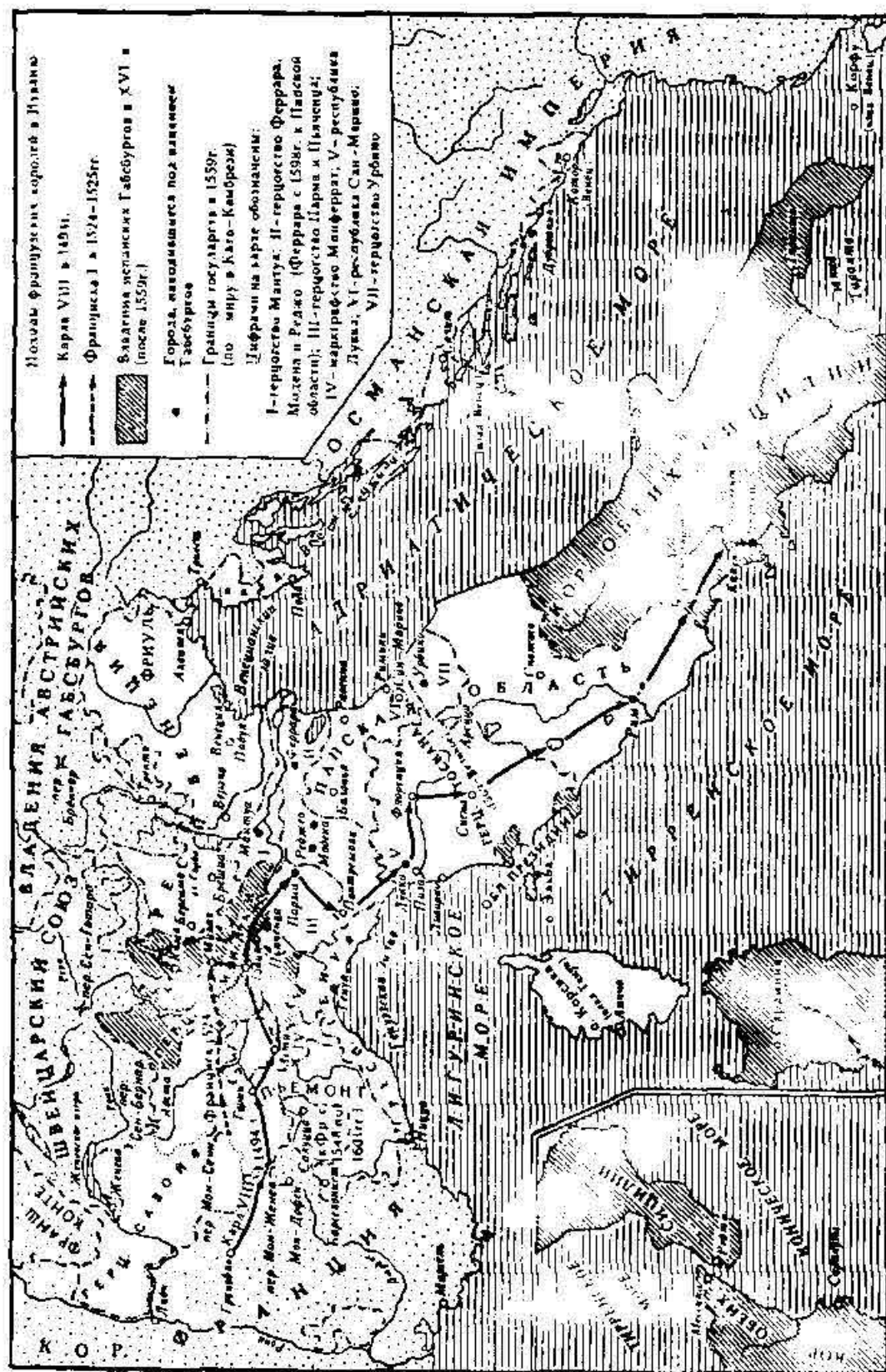
Плебс, "мелкий люд" — внецеховые ремесленники, подмастерья, наемные рабочие, деклассированные элементы — составлял основную массу населения итальянских городов. Он был лишен сколько-нибудь значительной собственности и политических прав. "Мелкий люд" испытывал двойной гнет: от работодателей, перед которыми он не был защищен отражающим его интересы трудовым законодательством, и от государства, обременявшего его все возрастающими косвенными налогами. Этот слой общества был подвер-

жен стихийным взрывам недовольства, порой давал себя вовлечь в политическую борьбу социальной верхушки.

Подавляющее большинство населения Италии в XVI — первой половине XVII в. составляло крестьянство, неоднородное по общественному положению и имущественному статусу. В отдельных районах страны сохранились прослойки, с одной стороны, лично свободных собственников земли, с другой — зависимых колонов и сервов. Самой типичной фигурой деревенского труженика был свободный арендатор — *испольщик*, *издольщик*, плативший собственнику земли от 1/5 до 1/3 части урожая, *чиншевик*, плата за землю которого была фиксированной. Все более многочисленным становился, особенно в первой половине XVII в., слой наемных рабочих — батраков и поденщиков. Характерная для раннего нового времени возрастающая пауперизация крестьянства затронула и Италию: массы нищих и бродяг стали и здесь обычным явлением. Особенно тяжелым оказалось положение крестьян в принадлежащих Испании Миланском герцогстве и Неаполитанском королевстве: помимо высокой арендной платы, многочисленных косвенных налогов, феодальных поборов, здесь процветал произвол иноземных чиновников и местной знати. Резкий контраст между богатством верхушки итальянского общества и нищетой его низов четко обозначился в конце XVI в. и продолжал углубляться в первой половине XVII в. Особенно разительным этот контраст был в Южной Италии.

Политическое развитие итальянских государств. На протяжении всего периода раннего нового времени продолжала сохраняться неоднородность политической структуры итальянских государств. Лишь немногие из них сохранили республиканский строй; в Венеции, Генуе, Лукке, Сьене правила патрицианская элита. Папская область оставалась теократическим государством во главе с папой. Подавляющая же часть государств Апеннинского полуострова были монархиями, тяготевшими к абсолютистским формам, где высшая административная и военная власть находилась в руках герцога или маркиза, опиравшихся на придворную знать и чиновничество. В Неаполитанском королевстве и Миланском герцогстве реальные правительственные функции после окончания Итальянских войн были переданы испанским чиновникам (в Неаполе — во главе с вице-королем), но верховная власть принадлежала заседавшему в Мадриде Высшему совету по делам Италии.

Среди независимых крупных государств выделялась Флорентийская республика, проделавшая к середине XVI в. эволюцию к монархической системе абсолютистского типа. Медичи, вернувшиеся во Флоренцию в 1512 г., откровенно стремились к утверждению своей неограниченной власти, так что их правление, по словам Франческо Гвиччардини, историка, принадлежавшего к патрициан-

Италия в XVI — первой половине XVII в.

ским кругам, "стало ненавистно всему народу". Особенно тяжелым становилось положение трудового люда. Недовольство широких масс, а также части патрициата, отстраненного от власти, привело к изгнанию Медичи в мае 1527 г. Республика была восстановлена, а представительство верхушки пополанства в управлении государством было расширено. Во главе республики вновь стал гонфалоньер справедливости (теперь его должность была пожизненной) — Содерини. В новых условиях активизировались средние слои пополанства — торговцы и ремесленники, стремившиеся к проведению радикальных реформ (знать начали облагать принудительными займами, а некоторых патрициев даже казнили). Медичи, получившие военную поддержку папы Климента VII, представителя их же рода, и императора Карла V, начали осаду города, которую народные массы Флоренции героически отражали в течение 11 месяцев. Нараставшее недовольство низов, свертывание деловой активности и начавшийся голод вынудили верхушку пополанства уступить требованиям знати и вернуть к власти Медичи. Руководители просуществовавшей три года (1527—1530) республики были казнены. По новой конституции 1532 г. главой государства стал герцог, племянник папы Алессандро Медичи. Главные органы республиканской власти были упразднены. Флорентийская республика стала принципатом — специфически итальянской монархией. Абсолютная власть герцога утвердилась во флорентийском государстве при Козимо I Медичи (1537—1574). Ему удалось расширить границы государства в результате присоединения Сьенской республики. Оно получило название Великого герцогства Тосканского.

Опорой власти Козимо I стало дворянство, включавшее не только знать, но и анноблированных представителей патрициата и зажиточного пополанства. Постепенно были сведены на нет традиционные республиканские магистратуры и быстро рос бюрократический аппарат, всецело подчиненный воле герцога, обретавшей силу закона. Положительные результаты установления централизованной монархии в Тоскане отразились в наметившейся во второй половине XVI в. экономической активности, чему способствовала и политика меркантилизма, покровительства промышленности (сукноделию и шелкоткачеству), которую проводил Козимо I, а также складывание более тесных хозяйственных связей в этой развитой области Центральной Италии. Пышный двор, где стремились подражать Мадриду и Парижу, быстро возрастающая армия и бюрократический аппарат требовали огромных средств. Источником пополнения казны были налоги, преимущественно косвенные — габеллы, взимаемые с продажи соли, зерна, оливкового масла и других продуктов, а также займы и порча монеты.

Для тосканских герцогов и других правителей итальянских

принципатов было характерно стремление к централизации власти, чему способствовала не только борьба с рецидивами феодальной вольницы, но и политика меркантилизма, когда увеличивались ввозные и уменьшались вывозные пошлины, поддерживался стабильный курс монеты и т.п. К концу XVI в. ясно обозначился процесс консолидации не только крупных, но и небольших государств Италии. Правда, в первой половине XVII в. в условиях начавшегося экономического спада процесс консолидации затормозился. Это во многом определялось и новыми тенденциями в государственной политике — увеличением налогов, расширением практики их откупа, введением правительственных монополий. Эти негативные явления в меньшей степени затронули Савойское герцогство, которое к началу XVII в. стало одной из наиболее развитых итальянских монархий.

Традиционные республиканские порядки прочнее всего удерживались в Венеции, где Большой совет, куда входили представители всех патрицианских семей (мужчины, достигшие 25 лет), проводил выборы высших государственных органов республики. Должность дожа имела представительский характер, а реальная власть принадлежала Сенату (около 300 членов) и Совету Сорока, выполнявшему преимущественно судебные функции.

Должность дожа оставалась пожизненной. Он возглавлял Малый совет, который в свою очередь контролировал его деятельность. Членство в Большом совете также было пожизненным. Большой совет избирал из своей среды членов Малого совета, дожа и руководителей всех государственных органов, а также исполнительную власть (подеста, капитаны) в подчиненных Венеции городах и территориях. В ходе итальянских войн Венецианская республика стремилась расширить свои владения на Апеннинском полуострове, но не всегда успешно. В целом неудачными были для нее и войны с Османской империей — она постепенно теряла свои заморские владения (Морею, крепости в Далмации, острова в Адриатическом, Ионическом и Средиземном морях). И хотя в крупнейшем морском сражении при Лепанто в 1571 г. флот Венеции и ее союзников (Испании и папы) одержал победу, Венеции пришлось отказаться от острова Кипр, который был одним из главных центров ее торговых связей с Востоком. К середине XVII в. Венеция утратила и остров Крит. Одной из причин ее неудач на море была слабая модернизация флота, состоявшего из традиционных галей, удобных для торговых перевозок, но мало приспособленных для военной оснастки. Чиновники Арсенала — государственной судовой верфи — как правило, не откликались на новаторские идеи капитанов судов и инженеров. И все же в отличие от ряда других итальянских государств Венецианская республика сохраняла свою независимость

вплоть до конца XVIII в. Устойчивость власти в Венецианской республике поражала современников: многие мыслители XVI в. видели в ней идеал политического устройства, считали ее главным оплотом "итальянской свободы".

В Генуе олигархические принципы организации республики были закреплены конституцией 1528 г.: политическую власть монополизировали занесенные в "Книгу города" богатейшие семейства знати и финансистов ("старые" нобили). Граждане, не вошедшие в этот список, к управлению республикой не допускались. В последующие годы "новые" нобили не оставляли попыток добиться расширения политических прав, организуя заговоры (Фрегозо в 1536 г., Фьески в 1547 г. и др.). Они воспользовались и восстанием широких слоев города, вспыхнувшим в 1575 г. По конституции 1576 г. представительство "новых" нобилей в высших магистратурах было заметно увеличено, но полностью оттеснить "старых" нобилей от управления республикой им не удалось. Новая конституция закрепила олигархический характер Генуэзской республики.

Социальная борьба. Иноземное господство и усиление налогового гнета, запустение многих территорий и экономические трудности, феодальная реакция и бесчинства чужеземцев — все эти явления итальянской действительности XVI — первой половины XVII в. вызывали постоянное социальное напряжение в большинстве государств Апеннинского полуострова. Бежавшие из городов разорившиеся ремесленники и торговцы, бедный люд, а порой и мелкие феодалы собирались в так называемые "разбойничьи" отряды, которые с оружием в руках оказывали сопротивление сборщикам налогов, грабили богатых испанцев и местную знать. Особый размах действия таких отрядов приобрели в Папской области и Неаполитанском королевстве во второй половине XVI в. в неурожайные, голодные годы. Нередко они присоединялись к поднимавшим голодный бунт горожанам, сражались с испанскими войсками — главной опорой власти в Южной Италии. В районах, оказывавшихся в руках "разбойников", отменялись налоги, активизировалась борьба против феодалов. Ряды таких отрядов быстро росли в 80—90-е годы XVI в., отмеченные небывалым голодом.

Стихийные формы протеста были характерны и для многих городских восстаний XVI — первой половины XVII в., непосредственными причинами которых были рост цен на продукты питания, увеличение косвенных налогов, произвол иноземных чиновников. Наиболее крупные городские восстания отличались большей организованностью, тщательной подготовкой, выработкой программных требований. Примером может служить волна народных восстаний в Генуе. В 1506 г. в период оккупации города французами здесь вспыхнуло восстание городской бедноты, доведенной до отчаяния

голодом и нищетой. Борьбу генуэзских низов с нобилем и французами поддерживали крестьяне окрестных деревень. Восставшие избрали дожем своего вожака — красильщика Паоло да Нови. Однако в 1507 г. восстание было подавлено французскими войсками во главе с королем Людовиком XII, выступившим в союзе с местной знатью.

В 1528 г. в Генуе вновь поднялись городские низы, недовольные политикой правительства “старых” нобилей. К ним примкнули зажиточные слои горожан и “новые” нобили, которые воспользовались восстанием в своих целях — принятая конституция частично открыла им доступ к власти.

Социальное напряжение не снижалось в Генуе и в последующие годы. Сильный взрыв недовольства широких масс горожан произошел в 1575 г. На этот раз борьба народа носила более организованный характер: средние слои горожан (пополары) выдвинули свою социально-экономическую программу. Для руководства восстанием пополары избрали “комитет шести”. Восстание началось 7 мая 1575 г., но вскоре было парализовано арестом вождей. Сказалась социальная неоднородность восставших и поддержка правительства частью городской верхушки, напуганной размахом движения и стремившейся к расширению своей власти. Пополары потерпели поражение.

Крупные антифеодальные крестьянские волнения происходили во Фриуле, владении Венецианской республики. Три года (с 1509 по 1511 г.) здесь шла крестьянская война, многие поместья феодалов были разгромлены. Венецианским властям с трудом удалось подавить волнения крестьян, но в 1524—1525 гг. они вспыхнули вновь под влиянием событий Крестьянской войны в Германии. Расправа с восставшими крестьянами была чрезвычайно жестокой.

В период Итальянских войн, когда грабежи иноземных войск и активное вмешательство в итальянские дела Франции и Империи особенно тяжело отражались на положении широких слоев населения, народные движения охватили многие города и сельские районы. Во Флоренции доведенный до отчаяния налогами и беспорядком народ поднял весной 1527 г. восстание, свергнувшее власть Медичи. Республиканские порядки были восстановлены, но правительство не спешило удовлетворить требования народа; нобили стали искать поддержки у папы и императора. Весной 1529 г. под давлением народных масс гонфалоньером был избран выходец из среднего слоя популанства Франческо Кардуччи. Он отстранил от власти нобилей и способствовал избранию в государственные органы мелких ремесленников и торговцев. Весной 1530 г. имперские войска осадили Флоренцию, намереваясь восстановить власть Медичи. Оборону города возглавили патриотически настроенные граждане во главе с воином и купцом Франческо Ферруччи. Сплотившись вокруг демок-

ратического правительства, флорентийцы, несмотря на голод, героически защищали город. Ферруччи разработал смелый план ликвидации осады, намереваясь атаковать неприятеля с двух сторон. Однако в результате предательства командующего флорентийским войском кондотьера Бальони отряд Ферруччи был разгромлен на подступах к Флоренции и 12 августа 1530 г. город был вынужден сдаться. Власть Медичи была восстановлена, республиканские порядки в последующие годы были сведены на нет.

В Неаполитанском королевстве народные движения были направлены против испанского господства и произвола местной знати. В Неаполе волнения достигли высокого накала в 1585 г. — возмущенные спекуляцией и вывозом хлеба за границу в условиях череды неурожайных лет и голода, горожане поднялись на борьбу. К ним примкнули крестьяне окрестных сел — нечастый случай солидарности городской и сельской бедноты. И хотя восставшим удалось захватить власть в городе, восстание, главной силой которого был плебс, потерпело поражение. Вице-король Неаполя все же был вынужден ограничить вывоз хлеба из королевства.

В первой половине XVII в. в Южной Италии не утихали народные движения, вызванные голодом, порчей монеты, введением новых габелл. Годами накапливавшееся недовольство народных масс тяжелым экономическим положением, которое усугублялось испанским игом, вылилось в крупные восстания 1647 г. в Неаполе и Палермо. Городские низы Палермо свергли власть испанского вице-короля и провозгласили республику. Восстанием была охвачена большая часть Сицилии, крестьяне стали громить поместья феодалов; как и горожане, они требовали отмены налогов и смещения "дурных правителей". Вице-король обещал пойти на уступки. Напуганная размахом восстания городская верхушка, сплотившись с феодалами, разгромила народное движение.

Летом 1647 г. в Неаполе вспыхнуло восстание, во главе которого стал рыбак Мазаньелло. Восставшие расправлялись со сборщиками налогов, уничтожали податные документы, выпустили из тюрем заключенных, взяли в осаду крепость, где укрылись вице-король и знать. Движение перекинулось на сельские районы, антифеодальная борьба крестьян приняла небывалый размах (уничтожали налоговые описи, земельные договоры, громили поместья). Организованное вице-королем убийство Мазаньелло привело к руководству восстанием зажиточную верхушку города, заботившуюся лишь о расширении своих политических прав. Однако народные массы продолжали борьбу. 22 октября в Неаполе была провозглашена республика, новое правительство объявило об отмене налогов, отстранило от власти испанских чиновников. Испания пообещала отменить все габеллы и, воспользовавшись колебаниями правящей верхушки, су-

мела перейти в наступление и восстановить свою власть. В апреле 1648 г. восстание было потоплено в крови.

Главными причинами поражения народных движений в Италии были их, как правило, стихийный характер и слабая организованность. И все же в раннее новое время заметен отход от средневековых традиций народной борьбы — формируется крестьянско-плебейская оппозиция; пусть не везде и не всегда последовательно, но городские низы и сельская беднота действуют совместно.

Реформация и контрреформация в Италии. Предреформационное движение началось в Италии в последние десятилетия XV в., оно было связано с именем Джироламо Савонаролы (см. т. I). Идеи морального очищения общества, религиозного обновления и реформы церкви в первые десятилетия XVI в. стали одной из характерных черт умонастроений самых разных слоев. В них находили отражение и чаяния простого народа, и недовольство церковной политикой (особенно деятельностью папства, постоянно вмешивавшегося в своих корыстных целях в дела итальянских государств), нараставшее в аристократических и придворных кругах, в купеческой среде и даже у части клира. Идеи анабаптистов и антитринитариев также получили распространение в Италии в первые десятилетия XVI в. Особенно крупные масштабы реформационные выступления приняли в Южной Италии, где они носили четко выраженный антипапский и антииспанский характер. Неаполь стал одним из главных центров Реформации. В 1530-е годы здесь развернулась деятельность кружка Хуана де Вальдеса. Он рассматривал с гуманистических позиций основы христианской веры и подобно другим реформаторам развивал тезис о необходимости отмены церковной иерархии. Популяризацией идей Вальдеса в народе занялся известный проповедник Бернардино Окино, разделявший также многие антикатолические взгляды Меланхтона.

Очаги реформационного движения возникли в Лукке и Флоренции, Венеции и Ферраре, ряде других городов. С одной стороны, к протестантским доктринам — лютеранству, цвинглианству, кальвинизму, позициям Меланхтона, — а также к сложившейся на итальянской почве "философской ереси" проявляли интерес образованные круги итальянского общества, включая представителей гуманистической интеллигенции. Отсюда одна из особенностей Реформации в Италии, проявлявшаяся в тесном переплетении религиозных и философских идей и заметном влиянии гуманизма на реформационные теории. С другой стороны, идеи Реформации находили многочисленных приверженцев в среде мелких ремесленников и торговцев, городской бедноты. Здесь были свои проповедники, создавались секты, а религиозные идеи получали нередко также и социальную интерпретацию. Теоретическое осмысление реформационных уче-

ний, характерное для кружков, включавших представителей аристократии, клира, купеческой верхушки, интеллигенции, было очень пестрым в идейном отношении. Характерная для Италии раздробленность сил Реформации облегчила победу католической церкви, перешедшей в активное наступление после Тридентского собора.

Контрреформация, развернувшаяся в стране во второй половине XVI в., нанесла серьезный удар не только по Реформации, но и по светской культуре Возрождения. Действовавший с 1559 г. "Индекс запрещенных книг" наложил запрет на многие выдающиеся произведения ренессансной литературы ("Декамерон" Боккаччо, сочинения Валлы, Макиавелли, Аретино и др.). Мощным орудием Контрреформации стал орден иезуитов. Введенные в 1542 г. суды инквизиции по испанскому образцу отличались изощренной жестокостью. На кострах инквизиции гибли не только проповедники народных ересей и сторонники протестантизма, но и борцы за светское свободомыслие, среди них — крупнейшие мыслители раннего нового времени Джордано Бруно и Джулио Чезаре Ванини. Многие гуманисты и реформаторы вынуждены были эмигрировать в Швейцарию и другие европейские страны.

В конце XVI — первые десятилетия XVII в. набирала силу католическая реакция, преследовалось любое проявление свободомыслия, а слежка и доносы в инквизицию стали нормой повседневной жизни. Религиозное католическое благочестие почиталось высшей добродетелью. Но и в этой крайне неблагоприятной для развития культуры и науки обстановке Италия выдвинула ярких и смелых мыслителей — Бруно, Галилея, Кампанеллу.

Культура Италии в XVI — первой половине XVII в. Как и в предшествующий период, в культуре Италии сосуществовали пласты народной, городской, аристократической, ренессансной и клерикальной культуры. Ренессанс переживал стадию наивысшего расцвета в первой четверти XVI в. (так называемое Высокое Возрождение) и постепенного угасания к концу столетия, хотя некоторые его традиции заметны и в первой половине XVII в. В 30—40-е годы XVI в. в искусстве и литературе складывается придворно-аристократическая линия маньеризма, отмеченная стремлением к формализации достижений мастеров ренессансной культуры, к изощренности, грации, виртуозности. Во второй половине XVI в., наряду с Ренессансом и маньеризмом, в условиях католической реакции активно воздействует на общество официальная церковная культура. В первой половине XVII в. придворно-аристократическая культура и клерикальная сближаются в рамках стилистически новой культуры барокко.

Для культуры Возрождения XVI век был не только важнейшим эволюционным этапом от высочайшего творческого подъема к зату-

ханию в конце столетия, но и временем развития вширь. Множатся сферы обновления самой культуры — это уже не только гуманитарные знания, литература и искусство, но и натурфилософия, естествознание, музыка, театр. Ренессанс пускает прочные корни уже в начале века в большинстве итальянских государств, хотя главными его центрами остаются Флоренция, Венеция, Милан, Рим, Неаполь, Феррара, Урбино, Мантуя. В рамках светски-рационалистических традиций Возрождения в XVI — первые десятилетия XVII в. интенсивно развивались натурфилософия и естествознание — математика, механика, астрономия, медицина, физиология, ботаника. Научным языком наряду с латынью становится итальянский. Особенно прочные позиции итальянский язык завоевывает в литературе — поэзии, прозе, драматургии. Начало его формирования восходит еще к XIV в., к творчеству Данте, Петрарки, Боккаччо, писавших на тосканском (флорентийском) диалекте, который в XVI в. обретает лидерство среди множества местных диалектов Италии, становясь общенациональным языком культуры. Важной стороной деятельности созданной во Флоренции в 1582 г. Академии делла Круска было составление первого большого словаря итальянского языка (он вышел в свет в 1612 г.). Развитие ренессансной культуры стимулировало книгопечатание; в Италии оно началось в 70—80-е годы XV в. и быстро возросло в первой половине XVI в. Размахом издательского дела особенно прославилась Венеция. Деятельность типографии Альда Мануция в первые десятилетия XVI в., издававшей сочинения античных авторов и гуманистическую литературу, приобрела европейскую известность. Еще и в XVII в. Венеция оставалась крупнейшим центром книгопечатания Италии, хотя наряду с ней размахом издательского дела прославились Флоренция, Падуя, Рим, Павия, Неаполь. Правда, в эпоху Контрреформации действовала строгая цензура, накладывавшая запреты на публикацию философской, научной, иной литературы, если в ней обнаруживались “еретические” идеи или критика церковных институтов. В последние десятилетия XVI — начале XVII в. постоянно пополнялся и “Индекс запрещенных книг”. Господство католической ортодоксии, атмосфера идейного диктата церкви в немалой мере способствовали постепенному угасанию светской ренессансной культуры. Ее позиции подтачивали и кризисные явления в ней самой — в гуманистической мысли, искусстве, литературе, — становившиеся все более заметными в последние десятилетия XVI в. На смену Возрождению в начале следующего столетия пришла культура барокко с ее тягой к созданию пышных ансамблей, где в стилистическом единстве сосуществовали архитектура, скульптура, живопись, декоративное искусство, музыка, театр.

Гуманизм. Социально-политическая мысль. Гуманистическое

учение о человеке, его земном предназначении, месте в природе и обществе в XVI в. переживает новую фазу развития, исполненную противоречивых тенденций. Гражданский гуманизм еще заметно влияет на политическую и социально-утопическую мысль, а также на историографию. В то же время ренессансный миф о человеке как центре мироздания, идея богоравности человека, всемерное возвеличение его познавательных и творческих способностей оказываются исчерпанными и ставятся под сомнение, когда в опоре на достижения наук о природе начинает складываться новая картина мира. Учение о человеке, утрачивая некоторые завоевания XV века, на поздних фазах Возрождения обогащается новыми идеями в сфере натурфилософии и естествознания.

Политическая мысль Высокого Возрождения связана с именами двух выдающихся писателей — Макиавелли и Гвиччардини. Флорентинец Никколо Макиавелли (1469—1527) в молодости служил в должности секретаря одной из канцелярий Синьории. После реставрации во Флоренции власти Медичи он был отстранен от государственной деятельности и в 1513—1520 гг. находился в изгнании. К этому периоду относится создание наиболее значительных его произведений — “Государь”, “Рассуждения о первой декаде Тита Ливия”, “История Флоренции”, снискавших ему европейскую славу. Макиавелли выдвинул идею “сильного государя”, способного решить задачу создания единого централизованного государства в Италии. Для достижения этой цели он считал допустимыми любые средства, лишь бы они служили благу отечества. Макиавелли признавал одну мораль — с позиций общегосударственных интересов; на его этике сказалось влияние гражданского гуманизма с принципами патриотизма и общественного долга.

Макиавелли заложил основы политической теории, опирающейся на рациональное осмысление действительности, на конкретный государственный опыт, лишенный всякой идеализации. Его главная заслуга — создание последовательно светского учения о государстве. Как историк он придал новый импульс секуляризации исторической мысли, начатой гуманистами XV в. В “Истории Флоренции” Макиавелли связывал гражданские свободы с активностью народа, а многие беды республики считал следствием своекорыстных политических поползновений знати. Отводя главную роль в историческом процессе народу, он подчеркивал и роль сильной личности. Творцом “нового принципата” — государства, не похожего ни на существовавшие в Европе абсолютистские государства, ни на региональные итальянские монархии, может стать, по его убеждению, лишь подлинный герой, яркая личность, наделенная умом и волей, способностью трезво оценивать реальную действительность и принимать правильное решение. Эти качества необходимо разви-

вать не только “новому государю”, но каждому человеку, полагал он, чтобы успешно противоборствовать с Фортуной.

Одной из ярких сторон мировоззрения Макиавелли был последовательный антиклерикализм. Главное зло Италии, на протяжении многих столетий лишенной государственного единства, он видел в притязаниях главы католической церкви на светскую власть. Церковь, в его представлении, заслуживает критики еще и потому, что поддерживает в народе суеверия и предрассудки. В комедии “Мандрагора” — остро сатирическом произведении в духе традиций Боккаччо — Макиавелли вывел образ монаха как носителя торжествующей глупости, лицемерия, зла.

Раздробленность Италии, ее бедствия в период Итальянских войн остро переживал и Франческо Гвиччардини (1483—1540), тоже флорентиец, политический мыслитель и историк. В “Истории Италии” — первом историографическом труде такого рода, в “Истории Флоренции”, в посланиях итальянским государям Гвиччардини, многие годы проводивший на дипломатической службе, настойчиво развивал идею о необходимости сплочения всех сил страны для отпора внешним врагам. Как и Макиавелли, он связывал многие беды Италии с децентрализаторской политикой папства, проявлял тонкую наблюдательность в анализе политической обстановки, давал разумные советы итальянским государям. В “Заметках о делах политических и гражданских” Гвиччардини развивал идеи гуманистической этики, придавал им практическую направленность, нередко заново формулируя моральные максимы поведения человека в гражданской и политической жизни с учетом своего времени. Самым ценным в человеке он признавал знания, трезвость ума, умение в любом деле извлекать для себя выгоду. Реализм, рационализм и индивидуализм — главные черты этики Гвиччардини, отличавшие его от предшествующей гуманистической традиции.

Высокое Возрождение стало новым этапом в развитии не только общественно-политической мысли, но и литературы. Творчество гуманистов, по-прежнему занимавшихся преимущественно гуманитарными дисциплинами, приобретает более совершенную художественную форму, а ренессансная литература этой и более поздней поры оказывается одним из главных проводников гуманистических идей. Яркий пример — “Придворный” Бальдассаре Кастильоне (1478—1529). Выходец из старинного феодального рода, Кастильоне многие годы провел при дворе правителей Мантуи и Урбино. В “Придворном” Кастильоне не только отразил нравы двора урбинского герцога, но, что важнее, синтезировал достижения гуманистической мысли, особенно этико-эстетических учений. У Кастильоне идеал человека воплощает придворный, преданный своему князю и в то же время сохраняющий достоинство и независимость. Придвор-

ный должен обладать прекрасной внешностью и благородной душой, тонким вкусом, гармонией в суждениях, манере, облике. Черты идеального человека, воплощенного в образе придворного, Кастильоне объединяет понятием "грация", придавая этической концепции эстетические черты. Идеал Кастильоне утопичен и это осознавал он сам, отмечая, что при дворах царят "зависть и злоумие, дурные нравы и всевозможные пороки". И все же Кастильоне верил в возможность перевоспитания человека на началах добра и справедливости, совершенствования его, опираясь на ренессансную этику.

Важным направлением в развитии ренессансного мировоззрения стала социально-утопическая мысль, получившая яркое выражение в сочинениях Антона Франческо Дони и ряда других писателей. Их отличает резко критическое отношение к существующим общественным порядкам, стремление понять причины социальных язв и военно-политических поражений Италии. Дони ставит под сомнение справедливость общественного строя, основанного на частной собственности, и выдвигает проекты идеального общества, где господствуют коллективная собственность и обязательный труд. Утописты XVI в. ратуют за разумную организацию жизни людей, воплощающую гуманистические принципы, важнейшие из которых — образование и нравственное совершенствование.

Идеи равенства людей и общности имущества нашли наиболее последовательную разработку в "Городе Солнца" Томмазо Кампанеллы (1568—1639), проведенного 33 года в тюрьмах по обвинению в заговоре и ересь. В городе Солнца, чем-то напоминающем итальянские города-республики, нет частной собственности, все имущество граждан обобществлено, труд обязателен для всех. Образование и воспитание подрастающего поколения призваны выявить способности каждого и направить его в ту сферу деятельности, где он сможет наиболее полно раскрыть их и принести пользу обществу. Жизнь населения города Солнца организована на рациональных началах, руководят ею наиболее мудрые и знающие; у всех граждан есть возможность для гармонического духовного и физического развития. Однако они не имеют семьи, лишены свободы в личной жизни и проявлениях своей индивидуальности, так как весь их жизненный уклад строго определен и унифицирован.

Литература. Высокое Возрождение — эпоха расцвета ренессансной литературы Италии, отмеченная крупнейшими именами — Саннадзаро, Кастильоне, Ариосто, Бембо. Лудовико Ариосто (1474—1533) — автор прославившей его поэмы "Неистовый Орландо", а также комедий, ставившихся при дворе герцогов д'Эсте. В занимательных приключениях героев поэмы "Неистовый Орландо" Ариосто стремился воспеть духовно свободного, благородного человека Возрождения. Воплощение гуманистического идеала — рыцарь

Орландо (Роланд), беззаветно сражающийся за справедливость. В полных драматизма любовных линиях поэмы высвечиваются благородство, высокие нравственные качества героев. Поэма Ариосто носит светский характер, в ней славится радость земной жизни, полнота чувств и наслаждений, пародируется идея загробного рая.

“Аркадия” Саннадзаро, написанная в 1502 г., утвердила в ренессансной литературе пасторальный жанр. В поэме дано идеализированное представление о гармонии человека и природы. В обширном литературном наследии Пьетро Бембо самыми прославленными оказались “Азоланские беседы” — диалоги на итальянском языке в прозе и стихах, многократно переиздававшиеся в XVI в. (первое издание — 1505 г.). В этом сочинении Бембо развивал идеи неоплатонической философии любви и красоты, подчеркивал божественное происхождение красоты и постепенную трансформацию чувственной любви в духовную. Бембо стал и одним из главных в свое время теоретиков итальянского языка — он отстаивал преимущества тосканского диалекта, призывал обращаться к языку Петрарки и Боккаччо. В стиле Петрарки написаны многие лирические стихи Бембо — он положил начало поэзии петраркизма, подражавшей великому поэту и создававшей идеализированные схемы чувств в духе философии неоплатонизма.

В литературе Позднего Возрождения крупным мастером прозы был Маттео Банделло, продолжавший традиции реалистической новеллы Боккаччо. Банделло привлекала игра человеческих страстей, к примеру трагическая история любви Ромео и Джульетты, заимствованная у него позже Шекспиром. “Новеллы” Банделло, богатые выразительными образами сеньоров и слуг, ироничными портретами клириков, были широко известны не только в Италии, но и в переводах в других странах Европы.

В поэзии второй половины XVI в. самой крупной фигурой был Торквато Тассо (1544—1595), придворный поэт Феррары, автор эпической поэмы “Освобожденный Иерусалим” (1580). В поэме отразился кризис гуманистического мировоззрения в условиях католической реакции. Борьбу добра и зла здесь олицетворяют воюющие отряды христиан и сарацин. Доминантой звучит идея христианского долга. Человек не предстает в поэме свободным и могущественным в своих земных свершениях, но всецело подчинен силе божественного промысла. Отходя от ренессансного понимания человека, Тассо в то же время остается верен традициям Возрождения, раскрывая богатство человеческих чувств, проявляющихся в любви героев поэмы, рыцарей Ринальдо и Танкреда, к сарацинским девушкам. Царящий в христианском войске дух аскетизма противопоставляется чувственной любви этих героев.

Одно из выдающихся произведений мемуарной литературы

XVI в. — “Жизнеописание” Бенvenuto Челлини, написанное в 60-е годы. Книга Челлини повествует о его бурной, исполненной драматических событий жизни, подчиненной главной цели — свободному творчеству. Ремесленник, ставший знаменитым ювелиром и скульптором, Челлини с большим эмоциональным накалом описывает свои творческие муки и победы; особенно выразителен его рассказ о создании статуи “Персей”. В “Жизнеописании” Челлини выпукло обрисована могучая личность, воплотившая черты ренессансного идеала человека.

Философия. Философская мысль Италии XVI в. характеризуется различными направлениями, как продолжавшими традиции предшествующего столетия, так и открывавшими новые пути. Ренессансный неоплатонизм оказывал мощное воздействие на философские учения вплоть до конца XVI в. и обрел широкое популяризаторское звучание в многочисленных трактатах, диалогах, поэзии. Учение о любви и красоте приземлялось, в нем подчеркивалась роль человеческих чувств, разрабатывались варианты любовных взаимоотношений. “Любовная философия” стала благодаря книгопечатанию доступной для любого читателя. В университетах же, как и прежде, царил аристотелизм, но и в этой цитадели схоластики прорастали идеи ренессансного свободомыслия.

Особенно заметным это стало в творчестве Пьетро Помпонацци (1462—1525), преподававшего философию Аристотеля в университетах Падуи и Болоньи. Идя вразрез с давней традицией, он отвергал безусловность авторитета Аристотеля и считал истину результатом рационального знания, отстаивал независимость философии от религии. В “Трактате о бессмертии души” (опубликован в 1516 г.) Помпонацци пришел к выводу о смертности человеческой души, ибо этот вывод, по его словам, “наиболее согласуется с разумом и опытом”. Философ поставил под сомнение и необходимость религиозного обоснования нравственности человека: не страх перед загробным воздаянием, а добродетель сама по себе должна служить наградой, а порок — наказанием. Сочинение Помпонацци было публично сожжено в Венеции, а самого его от суда инквизиции спасла благосклонность папы Льва X.

В пору Позднего Возрождения решительно заявила о себе ренессансная натурфилософия. Которую разрабатывали Джироламо Кардано, Бернардино Телезио, Франческо Патрици, Джордано Бруно. Главными чертами этого направления философской мысли стали пантеистические идеи и поиски нового метода познания. Утверждалось, что природа живет по своим собственным законам, вне божественного вмешательства и ее изучение должно вестись без оглядки на теологию и авторитет Аристотеля. Наиболее яркое обоснование эти идеи получили в труде Телезио “О природе вещей согласно ее

собственным началам" (1565). В натурфилософии Телезио Бог выносился за пределы физической картины мира, хотя оставался творцом природы, который однажды ее создал и предоставил ей возможность для дальнейшего саморазвития.

Патрици, автор "Новой философии Вселенной" (1591), выступил против исключительного положения аристотелизма в философии — вопреки решениям Тридентского собора, утвердившего томистское истолкование учения Аристотеля в качестве безусловного авторитета в официальной науке. Патрици развивал пантеистические идеи, мыслил Вселенную как слияние Бога и мира: "Вселенная эта есть сам Бог". Сочинения Телезио и Патрици были занесены в "Индекс запрещенных книг". Еще более решительно сторонники ортодоксии повели наступление на философию Джордано Бруно.

Молодой философ, получивший образование в доминиканском монастыре Неаполя, Бруно (1548—1600) смело выступил с критикой основных постулатов схоластики и институтов католической церкви, что навлекло на него гнев руководства ордена. В 1576 г. Бруно (фра Джордано) покинул монастырь; началась пора его долгих странствований по городам Италии и странам Европы. Он читал лекции в Сорбонне и Оксфорде, в университетах Германии. За пределами Италии были опубликованы многие его произведения — "Пир на пепле", "О причине, начале и едином", "О бесконечности, вселенной и мирах", "Изгнание торжествующего зверя". Бруно приобрел славу талантливого философа, ниспровергателя устоев традиционной схоластической системы знания. В 1591 г. он вернулся в Италию, но вскоре был арестован по доносу. Восемь лет провел Бруно в тюрьмах сначала Венеции, а затем Рима, подвергаясь бесконечным допросам и пыткам. В 1600 г. инквизиционный суд приговорил его как нераскаившегося еретика к сожжению.

Философия Джордано Бруно решительно расходилась с догмами католической теологии и схоластики с ее верой в непререкаемый авторитет Аристотеля. Он выдвинул идею о единстве и бесконечности Вселенной, о множественности миров, подобных солнечной системе, развивал гелиоцентрическую теорию Коперника, осужденную церковью. В материи философ видел активное начало, способность к бесконечному движению во времени и пространстве, порождающему все новые формы материи. Эту движущую силу природы он называл "душой мира" (ему были близки идеи неоплатонизма, оказавшие сильное влияние на всю философию Позднего Возрождения). Бога Бруно отождествлял с природой, с ее мельчайшими неделимыми частицами (атом, точка) — "монадами". Цель познания, философии Бруно видел в постижении законов природы, а не надприродного Бога. Натуралистический пантеизм Бруно подводил к атеизму.

За атеистические убеждения был сожжен в Тулузе в 1619 г. Джулио Чезаре Ванини, монах-кармелит, доктор права и теологии, священник. Подобно Бруно, Ванини читал лекции и участвовал в диспутах во многих европейских университетах. Во Франции в 1615 и 1616 гг. были опубликованы главные его произведения — “Амфитеатр вечного провидения” и “О чудесных тайнах природы, царицы и богини смертных”. В них он подвергал сомнению основные догматы христианского вероучения — сотворение мира из ничего, божественность Иисуса, бессмертие человеческой души. В духе ренессансной натурфилософии — ему были особенно близки идеи Помпонаци, Телезио, Бруно — Ванини отождествлял Бога с природой, подчеркивал единство и вечность мира. Религию он рассматривал как удобное для правителей и духовенства средство держать в страхе и повиновении народ. В 1617 г. Сорбонна осудила сочинения Ванини и вынесла решение о предании их огню. Философ-вольнодумец бежал из Парижа в Тулузу, где был арестован и осужден инквизицией.

Наука. С эпохой Возрождения связаны важные достижения научной мысли и интенсивные поиски нового метода познания, отличного от чистого умозрения, характерного для схоластики. Серьезные шаги в этом направлении были сделаны Леонардо да Винчи (1452—1519), одним из самых ярких гениев Возрождения, художником, проявлявшим глубокий интерес к анатомии и ботанике, физике и математике, гидравлике и инженерному делу. Леонардо считал необходимым в постижении законов природы обратиться к опыту, опираться на ощущения, с которых и начинается познание. Он заложил основы аналитического метода, суть которого в разложении природных явлений на простые элементы в ходе эксперимента и выявлении причинных связей между ними. Полученные таким образом наблюдения подлежат теоретическому осмыслению, полагал Леонардо, а связь теории и практики — единственно надежный путь познания законов природы. Возможности человеческого разума огромны, считал он, ему доступны заложенные в природе “разумные принципы”. Эти принципы отражают свойственные действительности численные отношения, поэтому ключ к их пониманию — в математике. “Нет науки вне математики” — утверждал Леонардо и пытался применить ее, в частности, к изучению человеческого тела. Известна дружба Леонардо с выдающимся математиком его времени Лукой Пачоли; он подготовил рисунки к его труду “О божественной пропорции”. Пачоли также рассматривал математику как метод изучения всех явлений действительности и в своих трудах стремился дать ответ на сложные вопросы инженерной и художественной практики. Он разработал, основываясь на сочинениях Эвклида и Боэция, учение о пропорции и принципы построения

правильных многоугольников и многогранников, значительно обогатив познания современников в области геометрии и тригонометрии.

Математика и механика стали доминирующими дисциплинами в итальянском естествознании XVI в., с ними были связаны достижения в гидравлике, инженерном деле, фортификации. За ними следовали медицина и астрономия. Крупнейшим медиком и математиком середины столетия был Джироламо Кардано. Особую известность приобрели его "Комментарии к Гиппократу", а его новые подходы к практической медицине вызывали протесты ортодоксов. Наряду с Тартальей, разрабатывавшим проблемы баллистики, Кардано прославился новыми идеями в алгебре — оба открыли способ решения уравнений третьей и четвертой степени. Ряд ценных разработок Кардано сделал и в области механики. Медицина обогатилась учением Джироламо Фракасторо об инфекциях (он ввел этот термин) — возбудителях оспы, чумы, малярии.

В конце XVI — первые десятилетия XVII в. главные достижения в науке были связаны с астрономией и прежде всего с открытиями Галилео Галилея (1564—1642), преподававшего математику в университетах Пизы и Падуи. Галилей наблюдал небесные светила в телескоп, который сам изобрел. Его открытия фаз Венеры, спутников Юпитера, колец Сатурна, гор на Луне и пятен на Солнце означали переворот в устоявшихся представлениях о Вселенной, основанных на аристотелевско-птолемеевской картине мира. Галилей развивал свое учение о небесных телах на базе гелиоцентризма, обогащая и продвигая дальше учение Коперника. Свои астрономические открытия он изложил в сочинениях "Звездный вестник" (1610) и "Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевской и коперниковой" (1632). За приверженность идеям Коперника, которые в 1616 г. были запрещены церковью, Галилея привлекли в 1633 г. к суду инквизиции. Чтобы избежать костра, он был вынужден признать свои положения ошибочными. Однако в его последующем творчестве есть немало свидетельств о сохранении ученым прежних взглядов. Последние годы жизни Галилей посвятил разработке законов механики и основ теории сопротивления материалов. Галилей создал новую методологию науки, подчеркивая роль эксперимента.

Театр, музыка. В XVI в. в итальянской драматургии на новой основе возрождаются жанры трагедии и комедии. Первыми трагедиями были "Розамунда" Джованни Ручеллаи и "Софонисба" Джанджорджо Триссино, созданные в 1515 г. Сюжет первой построен на рассказанной Павлом Диаконом легенде о любви лангобардского короля Альбоина к королеве Розамунде. Трагедия изобилует сценами ужаса. "Софонисба" более "спокойна" и в большей мере подражает греческим трагедиям. В отличие от первых трагедий, "Орбек-

ка" Джиральди Чинтио и "Гораций" Пьетро Аретино, представленные в 40-е годы, были более совершенны композиционно и психологически правдивее.

На развитие ренессансной комедии сильное влияние оказали римские комедиографы Плавт и Теренций. Уже одна из первых комедий — "Каландро" кардинала Биббиены, поставленная в 1513 г., имела шумный успех. Заимствования из Плавта сочетались в ней с наблюдениями над действительностью, здесь откровенно воспевалась чувственная любовь. Мотивы крестьянской жизни послужили сюжетной основой для комедии "Билора" Анджело Беолько, по прозвищу Рудзанте. Эта и другие его "крестьянские" комедии проникнуты народным юмором, порой в них слышатся и ноты социального протеста. Во второй половине XVI в. десятки комедий вышли из-под пера Джованни Мария Чекки и Джамбаттиста Делла Порты. В комедиях последнего наряду с реалистической основой заметны маньеристические тенденции. Линию сатирической комедии, начатую "Мандрагорой" Макиавелли, в этот период продолжил "Подсвечник" Джордано Бруно.

В драматургии второй половины XVI в. все чаще отдается предпочтение другим жанрам — пасторали и мелодраме, связанным с придворным театром, а также народной комедии дель арте. Из пастушеских драм особенно прославились "Аминта" Торквато Тассо (1573) и "Верный пастух" Джован Баттиста Гварини (1590). Новый вид театрального искусства — комедия дель арте — возник в середине XVI в. и быстро набирал силу, приобретя широкую популярность в первой половине XVII в. В комедии дель арте автора заменили актеры-импровизаторы, представляющие традиционные, восходящие к средневековому фарсу, типы-маски: Арлекин, Коломбина, Пульчинелла, Панталоне, Бригелла. Острословие, народный юмор, меткие характеристики представителей самых разных слоев общества — характерная черта комедии дель арте.

В начале XVII в. в Италии возникают первые оперы — положенные на музыку комедии Оттавио Ручеллаи "Эвридика" (композитор Пери) и "Ариадна" знаменитого Клаудио Монтеверди. Выдающийся успех выпал на долю его оперы "Орфей" на текст Ручеллаи, поставленной в 1607 г. Монтеверди стал центральной фигурой в музыкальной жизни Италии первых десятилетий XVII в. Его главная заслуга — в создании нового, экспрессивного стиля, в усилении драматизма в музыке. Рождение оперы было важным шагом в развитии музыкальной культуры, переворотом в средствах выразительности, подготовленным развитием ренессансной музыки в XVI в. Крупнейшим композитором второй половины XVI в. был Палестрина, капельмейстер в соборе св. Петра в Риме. Выдающийся мастер полифонии, праздничного хорового пения "а капелла", он обновил

мадригал, придал новые формы церковному пению. Обширнейшее творческое наследие Палестрины включает более ста месс, несколько сотен мотетов и мадригалов.

В светских вокальных жанрах этой эпохи сложилось два направления: одно — близкое к народной песне, и другое — связанное с полифонической традицией, с мадригалом. В создании ренессансного мадригала большую роль сыграл Пьетро Бембо. Карло Джезуальдо драматизировал мадригал, превратив его в вокальную пьесу с инструментальным сопровождением.

Итальянская музыкальная культура оказала сильное воздействие на развитие музыки всех европейских стран.

Изобразительное искусство. Архитектура. Искусство Высокого Возрождения, достигшее вершин в творчестве Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело, было отмечено новыми чертами обобщенности, гармонии, героической мощи образов. Основоположителем искусства Высокого Возрождения стал Леонардо да Винчи — подлинный новатор во многих областях знания и в том числе в теории живописи. В духе гуманистической традиции он развивал идею о том, что знание — не только великая способность человека, но и жизненная потребность, определяющая его отношение к окружающему миру. Созидательные способности человека Леонардо считал безграничными, возвышающими его над самой природой. Наивысшее проявление силы творчества он видел в деятельности художника. При этом Леонардо всегда подчеркивал теснейшую взаимосвязь живописи и науки. Теория живописи Леонардо, его учение о перспективе, о пропорциях и строении человеческого тела были основаны во многом на его собственных научных наблюдениях и опыте. В живописи он воплотил гуманистический идеал человека, духовно и физически совершенного, исполненного жизненных сил. В его величавых, психологически глубоких образах сочетаются ясная мысль и творческая фантазия. Монументальная алтарная картина “Мадонна в скалах” отмечена уравновешенностью композиции, пластической и смысловой выразительностью жестов, игрой светотени. Знаменитая фреска “Тайная вечеря” отличается духовным богатством и психологической напряженностью образов, четкой компоновкой групп персонажей и всей сцены, выявляющей драматизм ситуации. Одна из вершин творчества Леонардо — “Портрет Моны Лизы”, воплотивший возвышенный, благородный, спокойно-уравновешенный образ, наделенный красотой и душевным богатством.

Творчество Рафаэля (1483—1520) стало своеобразным итогом предшествующего развития ренессансного искусства. Для него характерно стремление к синтезу, художественной обобщенности. В картинах, фресках, графике Рафаэля, отмеченных благородной про-

стотой и гармонией, сочетанием реального и идеального, отразилось чувство красоты и радости земного бытия. Он довел до совершенства мастерство композиции, соразмерности целого и каждой его части.

В многочисленных изображениях мадонны, исполненных лиризма, тонкой одухотворенности, изящества, Рафаэль утверждает гармонию мира и человека. Психологически сложный и величественный образ Марии — заступницы человечества — нашел воплощение в одной из его поздних работ — “Сикстинской Мадонне”. В созданных Рафаэлем портретах современников индивидуальные характеристики сочетаются с представлениями об идеальном человеке Возрождения (особенно выразителен портрет Бальдассаре Кастильоне). Его прославленные фрески одной из комнат в Ватикане — Станцы делла Сеньятура (“Диспут”, “Афинская школа”, “Парнас”, “Мудрость, умеренность и сила”) демонстрируют композиционное совершенство, четкий ритм построения многофигурных сцен, гармоническую взаимосвязь росписей с архитектурой и друг с другом. В них с особой силой воплотился свойственный Рафаэлю пафос жизнеутверждения, радостного чувства свободы и духовной мощи человека.

В культуре не только Высокого, но и Позднего Возрождения исключительное место занимает Микеланджело Буонарроти (1475—1564), внесший огромный вклад в развитие живописи, скульптуры, архитектуры. Ренессансный идеал человека приобрел в его искусстве возвышенно-героические, титанические черты. Произведениям Микеланджело свойственны яркая эмоциональность образов, драматизм воплощения борьбы мощного телом и духом человека с враждебными ему силами. Неразрешимость этого противоборства создает атмосферу трагизма, характерную для многих работ Микеланджело, особенно позднего периода творчества.

В его ранних произведениях (статуя Давида, фрески потолка Сикстинской капеллы в Ватикане) воплощены сильные характеры, исполненные духовной мощи и эмоционального напряжения. Фигуры фресок достигают поразительной пластической ясности и выразительности; весь цикл служит восславлению творческой энергии человека. В более поздних работах (“Моисей”, статуи рабов, ансамбле капеллы Медичи во Флоренции) нарастают трагические ноты, внутренняя гармония человека оказывается разрушенной, его силы скованы. Трагизм приобретает мощное звучание в фреске “Страшный суд” на алтарной стене Сикстинской капеллы, где изображена грядущая мировая катастрофа. В позднем творчестве Микеланджело отразился кризис идеалов Возрождения.

В XVI в. наряду с Флоренцией и Римом ведущим художественным центром Италии становится Венеция. Венецианская школа живописи достигла яркого расцвета в творчестве выдающихся худож-

ников — Джорджоне и Тициана. Джорджоне (ок. 1477—1510) утверждал идею единства человека и природы, создал гармонизированные, поэтически-созерцательные образы (картины “Гроза”, “Три философа”, “Сельский концерт”, “Спящая Венера” и ряд других). Тициан (1476/77 или 1480—1576) обогатил многие жанры станковой живописи — портретный, пейзажный, мифологический. Он был реформатором живописного искусства, придававшим важное значение цветовой лепке формы, стал непревзойденным мастером колорита. Весь творческий путь Тициана отмечен верностью гуманистическому идеалу человека. Его ранние работы (“Денарий кесаря”, “Любовь земная и небесная”, “Юноша с перчаткой”) праздничны по колориту, воплощенные в них образы жизненно полнокровны, возвышенно-благородны. В 40-е годы ярко раскрылось дарование Тициана-портретиста (портреты Пьетро Аретино, папы Павла III с наследниками, императора Карла V и многие другие). Его портретные характеристики психологически глубоки и правдивы. В поздних работах (“Даная”, “Венера с зеркалом”), являющих вершину колористического мастерства Тициана, в полной мере отразилось свойственное художнику чувство красоты.

Традиции венецианской школы живописи получили дальнейшее развитие в творчестве выдающихся художников Позднего Возрождения — Веронезе и Тинторетто. Веронезе тяготел к монументальной живописи с темами празднеств, пышных пиршеств, торжеств, в которых раскрывался образ жизни венецианского патрициата. В монументальных полотнах Тинторетто с массовыми драматическими сценами нашел воплощение образ народа, страдающего и борющегося (цикл картин в Скуола ди Сан Рокко в Венеции).

Наряду с ренессансным искусством в Италии XVI в. существовало направление маньеризма (оно сложилось в придворно-аристократической среде в 20—40-е годы), для которого характерна изысканная утонченность образов, грациозность форм, произвольность пропорций и цвета. Наиболее видными представителями живописи маньеризма были Понтормо, Пармиджанино, Бронзино, в скульптуре — Бенвенуто Челлини.

На рубеже XVI и XVII вв. сформировалось новое художественное направление — барокко, в рамках которого наметились два течения, характерных для первой половины XVII в. Одно течение (братья Карраччи, Г. Рени) тяготело к созданию идеализированных образов и декоративности, другое, представленное Караваджо и его последователями, было склонно к героизации образов людей из народа и монументализации быта. В скульптуре барокко выдающимся было монументально-декоративное искусство Бернини, исполненное фантазии, ярких эффектов.

В ренессансной архитектуре XVI в. сложился общетальянский

стиль, своеобразие которого — в монументальности, синтезе пластических искусств, гармонии образов. В развитие этого стиля внесли свой вклад Леонардо да Винчи, Браманте, Рафаэль, Джулио Романо, Микеланджело, Палладио. В ренессансном стиле построены многие частные палаццо и виллы, храмы (как правило, центрально-купольные), общественные здания. Для ордерной системы этого стиля типичны сильно выступающие пилястры, полуколонны. В творчестве Палладио ордер стал главным архитектурным принципом, достигшим классической выразительности в многочисленных виллах, органически вписанных в окружающий ландшафт.

Барокко привнесло в архитектуру грандиозность, пышную декоративность, вычурную пластическую обработку; ордерная система стала лишь средством, подчеркивающим ритм и пластику.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1451—1506	Христофор Колумб.
1452—1519	Леонардо да Винчи.
1462—1525	Пьетро Помпонаци, итальянский философ.
1469—1536	Эразм Роттердамский.
1469—1527	Никколо Макиавелли, итальянский политический мыслитель, историк.
1471—1528	Альбрехт Дюрер, немецкий художник.
1472—1553	Лукас Кранах Старший, немецкий художник.
1473—1543	Николай Коперник.
1475—1564	Микеланджело Буонарроти.
1478—1535	Томас Мор, английский гуманист.
1483—1520	Рафаэль Санти.
1483—1546	Мартин Лютер.
1484—1531	Ульрих Цвингли, деятель Реформации в Швейцарии.
1485—1603	Династия Тюдоров в Англии.
1485—1509	Генрих VII Тюдор, король Англии.
1488—1523	Ульрих фон Гуттен, немецкий гуманист.
Ок. 1490—1525	Томас Мюнцер.
1492—1498	Открытие Америки Христофором Колумбом.
1493, 1502	Заговоры тайного крестьянского союза “Башмака” в Германии.
1493—1519	Максимилиан I, германский император.
1494—1576	Ганс Сакс, немецкий поэт.
1494	Договор в Тордесильясе о разделе сфер влияния между Испанией и Португалией.
1494—1553	Франсуа Рабле, французский гуманист.
1494—1559	Итальянские войны.
1497—1499	Экспедиция Васко да Гамы, открытие морского пути в Индию.
1497—1543	Ганс Гольбейн Младший, немецкий художник.
1498—1515	Людовик XII, король Франции.
1500	Открытие Бразилии португальцами.
1501—1576	Джироламо Кардано, итальянский математик и врач.
1509—1547	Генрих VIII Тюдор, король Англии.
1509—1564	Жан Кальвин.
1511	Захват Малакки португальцами.
1511—1553	Мигель Сервет, испанский гуманист, ученый.
1513—1523	Кристиан II, король Дании и Швеции.

1514	Крестьянская война в Венгрии под предводительством Дьердя Дожи.
1515—1547	Франциск I, король Франции.
1515	Битва при Мариньяно. Захват Франциском I Милана.
1516 (18 авг.)	Болонский конкордат.
1516—1555	Карл I, король Испании (с 1519 по 1556 г. — германский император Карл V).
1517	Выступление Лютера с "95 тезисами". Начало Реформации в Германии.
1518—1531	Деятельность Цвингли в Цюрихе.
1519—1572	Гаспар де Колиньи, лидер гугенотской партии во Франции.
1519—1521	Экспедиция Кортеса, завоевание Мексики испанцами.
1519—1522	Первое кругосветное плавание Ф. Магеллана.
1520	"Стокгольмская кровавая баня".
1520—1521	Восстание комунерос в Кастилии.
1521	Вормсский рейхстаг, осуждение Лютера.
1521	Договор между кантонами Швейцарии и Францией.
1522—1523	Рыцарское восстание в Германии.
1523	Расторжение Кальмарской унии между Швецией и Данией. Восстановление независимости Швеции.
1523—1560	Густав I Ваза, король Швеции.
1524—1585	Пьер Ронсар, французский поэт.
1524—1525	Крестьянская война в Германии.
1525	Битва при Павии, победа императора Карла V над французской армией Франциска I.
1526	Битва при Мохаче. Разгром венгерских сил османами.
1526—1527	Крестьянское восстание в Венгрии.
1527—1539	Реформация в Швеции и Финляндии.
1527—1530	Восстание во Флоренции против Медичи.
1529	Мир в Камбре между Францией и Испанией.
1530	Аугсбургский рейхстаг. "Аугсбургское исповедание веры".
1530—1596	Жан Боден, французский мыслитель и политик, теоретик права.
1531	Образование Шмалькальденского союза протестантских князей.
1531—1536	Экспедиция Писарро, завоевание Перу испанцами.
1532	Присоединение герцогства Бретани к Франции, завершение объединения страны.
1533—1592	Мишель Монтень, французский писатель, философ.
1534	"Акт о супрематии" в Англии.
1534—1535	Анабаптистское правление в Мюнстере.
1534—1536	Гражданская война в Дании — "графская распря".
1536	Реформация в Дании.
1536—1564	Деятельность Кальвина в Женеве.
1537—1539	Реформация в Норвегии и Исландии.
1539—1540	Восстание в Генте.
1540	Официальное утверждение папой Ордена иезуитов.
1541	Захват Буды османами. Раздел Венгрии между Османской империей и австрийскими Габсбургами.
1545—1563	Тридентский собор.
1546—1548	Шмалькальденская война в Германии между императором Карлом V и протестантскими князьями.

1547—1614	Эль Греко, испанский художник.
1547—1559	Генрих II, король Франции.
1547—1614	Мигель Сервантес де Сааведра.
1547—1553	Эдуард VI, король Англии.
1548—1600	Джордано Бруно.
1549	Восстание Роберта Кета в Англии.
1553—1558	Мария Тюдор "Кровавая", королева Англии.
1555	Аугсбургский религиозный мир.
1555—1598	Филипп II, король Испании.
1556—1564	Фердинанд I, германский император.
1558—1603	Елизавета Тюдор, королева Англии.
1558	Возвращение Кале Франции.
1559—1588	Фредерик II, король Дании.
1559—1560	Франциск II, король Франции.
1560	Амбуазский заговор во Франции.
1560—1574	Карл IX, король Франции.
1560—1598	Гражданские (религиозные) войны во Франции.
1561—1626	Фрэнсис Бэкон, английский философ и писатель.
1562—1635	Лопе де Вега, испанский драматург.
1563—1570	Семилетняя война между Данией и Швецией.
1564—1576	Максимилиан II, германский император.
1564—1616	Уильям Шекспир.
1564—1642	Галилео Галилей.
1566	Иконоборческое восстание в Нидерландах.
1566—1609	Борьба за независимость в Нидерландах.
1568—1639	Томмазо Кампанелла.
1571	Битва при Лепанто, победа объединенного флота Испании и Венеции над османами.
1571—1630	Иоганн Кеплер, немецкий астроном.
1572	Захват гёзами Бриля и начало восстания на севере Нидерландов.
1572 (24 авг.)	Варфоломеевская ночь в Париже.
1574—1589	Генрих III, король Франции.
1576	Образование гугенотской Конфедерации и Католической лиги во Франции.
1576	Восстание на юге Нидерландов. "Гентское умиротворение".
1576—1612	Рудольф II Габсбург, германский император.
1579	Утрехтская уния северных провинций Нидерландов.
1579	Аррасская уния южных провинций Нидерландов.
1581—1666	Ф. Хальс, голландский художник.
1581	Присоединение Португалии к Испании.
1581	Низложение Филиппа II в Нидерландах.
1583—1645	Гуго Гроций, голландский политический деятель, ученый.
1584	Убийство Вильгельма Оранского, статхаудера Соединенных провинций.
1584—1595	Парижская лига.
1585	Падение Антверпена, поражение национально-освободительной борьбы в Южных Нидерландах.
1585	Крестьянская война в Арагоне.
1585—1625	Мориц Нассауский, статхаудер Соединенных провинций.
1587	Казнь Марии Стюарт, королевы Шотландии.

1587—1632	Сигизмунд III Ваза, король Польши, с 1592 по 1599 г. — король Швеции.
1588	Восстание в Париже, бегство Генриха III.
1588	Поход и гибель "Непобедимой армады".
1588—1648	Кристиан IV, король Дании.
1589—1610	Генрих IV Бурбон, король Франции.
1589—1792	Династия Бурбонов во Франции.
1591—1606	Австро-турецкая война.
1592—1598	Восстание "кроканов" во Франции.
1594—1603	Национально-освободительное движение в Ирландии против английского господства.
1594	Вступление Генриха IV в Париж.
1595	Тявзинский мир Швеции с Россией.
1595—1598	Война между Францией и Испанией. Верденский мир.
1595—1597	Крестьянская война в Австрии.
1596—1597	"Война дубинок" — крестьянское восстание в Финляндии.
1596—1650	Рене Декарт.
1598	Наантский эдикт Генриха IV.
1598—1621	Филипп III, король Испании.
1599—1660	Диего Веласкес.
1600	Основание английской Ост-Индской компании.
1602	Основание голландской Ост-Индской компании.
1603—1625	Яков I Стюарт, король Англии.
1603—1649 и	
1660—1714	Династия Стюартов в Англии.
1604	Начало колонизации Канады французами.
1604—1606	Первое антигабсбургское движение в Венгрии и Трансильвании.
1606	Венский мир.
1606—1669	Рембрандт ван Рейн.
1607	Основание английской колонии в Виргинии.
1608	Образование Евангелической унии в Германии.
1609	Образование Католической лиги в Германии.
1609	Перемирие Испании с Соединенными провинциями.
1610—1643	Людовик XIII, король Франции.
1611—1632	Густав II Адольф, король Швеции.
1614	Генеральные штаты во Франции.
1618—1620	Восстание в Чехии против Габсбургов.
1618—1648	Тридцатилетняя война в Европе.
1619—1637	Фердинанд II Габсбург, германский император.
1620	Битва при Белой Горе, разгром чешских войск силами Габсбургов.
1620—1664	Миклош Зрини.
1621—1665	Филипп IV, король Испании.
1624—1642	Правление кардинала Ришелье во Франции.
1626—1628	Войны с гугенотами на юге Франции.
1627—1628	Осада Ларошели.
1629	"Эдикт милости".
1631	Битва при Брейтенфельде и разгром императорских войск шведами.
1632	Битва при Люцене. Победа шведской армии.

1635	Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну.
1635	Пражский мир.
1637—1637	Фердинанд III, германский император.
1638	Захват французами Руссильона.
1639	Восстание "босоногих" во Франции.
1640	Восстановление независимости Португалии.
1640—1652	Восстание в Каталонии.
1643—1715	Людовик XIV, король Франции.
1643—1645	Датско-шведская война.
1647—1648	Антииспанское восстание на Сицилии и в Неаполе.
1648—1653	Фронда во Франции.
1648	Вестфальский мир.
1659	Пиренейский мир между Испанией и Францией.
1665	Признание Испанией независимости Португалии.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Источники

- Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М., 1970.
Демонология эпохи Возрождения. М., 1996.
Европейская новелла Возрождения. М., 1974.
Европейские поэты Возрождения. М., 1974.
История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. 2. М., 1962.
Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения: антология / Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения. Быт, нравы, идеалы. М., 1996.
Поэты Возрождения. М., 1955.
История средних веков: Хрестоматия / Сост. Степанова В.Е., Шевеленко А.Я. М., 1974. Ч. 2 (XV—XVII вв.); 2-е изд. М., 1981.
Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М., 1961.
Хрестоматия по истории западноевропейского театра. Т. 1. М., 1953.
Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения. М., 1947.
Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3.
Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1929.
Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996.
Эстетика Ренессанса. Т. 1—2. М., 1981.
Утопический роман XVI—XVIII вв. М., 1971.

Литература

- Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940.
Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968.
Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.
- Всемирная история. М., 1958. Т. 4.
- Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд. М., 1985.
- Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
- Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Смоленск, 1998.
- История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени. М., 1993.
- История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. М., 1986. Т. 3.
- Классы и сословия средневекового общества / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1988.
- Косминский Е.А. Историография средних веков. V — середина XIX в. М., 1963.
- Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991.
- Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
- Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994.
- Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения в пяти частях. М., 1994. Ч. IV—V.
- Щеголев П.П. Очерки истории Западной Европы XVI—XVIII вв. Л., 1938. Ян Гус. Мартин Лютер. Торквемада. Лойола. М., 1995.

К главе 1

- Альбина Л.Л. "Политическое завещание" Ришелье: споры о подлинности // Новая и новейшая история. 1982. № 1.
- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Л., 1964.
- Горфункель А.Х. Печатная и рукописная книга в Италии XVI в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975.
- Дядечкин В.Н. Австрийские поземельные описи, грамоты и уставы как источник по аграрной истории австрийских владений Габсбургов XV — начала XVI в. // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1975.
- Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М., 1988.
- Катушкина Л.Г. Изучение и издание итальянских кадастров XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.
- Косминский Е.А. Историография средних веков. V — середина XIX в. М., 1963.
- Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Майер В.Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI в. // Средние века. М., 1956. Вып. 8.
- Майер В.Е. Источники по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в Германии XIV—XVI вв. // Античные древности и средние века. Свердловск, 1975. Сб. 12.
- Медведев Н.П. О подделке византийских документов в XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2.
- Ролова А.Д. Флорентийские хроники и дневники второй половины XVI в.

как исторические источники // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья / Под ред. В.И. Рутенбурга. Л., 1979.

Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906. Гл. 1.

Семенов В.Ф. Из истории раннего капиталистического фермерства в Англии XVII в. (Ферма Роберта Лодера по его записям от 1610—1620 гг.) // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1969. № 24.

Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античную эпоху.

Семенов В.Ф. Описи земель Вильяма Герберта, графа Пемброка, как источник по истории южноанглийского манора второй половины XVI в. // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв. М., 1960.

Симонов В.Н. Немецкие газеты XVII в. как лингвистический источник // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1986. № 2.

Таценко Т.Н. Палеография немецких документов XVII в. // Вопросы истории. 1964. № 14.

Чистозаонов А.Н. Голландский город в зеркале "Информации" 1514 г. (источник, понятия и вопросы методики) // Средние века. М., 1993. Вып. 58.

Штекли А.Э. Источниковедческие аспекты изучения "Города Солнца" // Средние века. М., 1977. Вып. 41.

К главе 2

Адо А.В. Крестьянство в европейских буржуазных революциях XVI—XVIII вв. // Новая и новейшая история. 1983. № 1.

Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993.

Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.

Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. Спб., 1902.

Барг М.А. Место XVII века в истории Европы // Вопросы истории. 1985. № 3.

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Барг М.А., Черняк Е.Б. К вопросу о переходной эпохе от феодализма к капитализму (на примере Англии) // Новая и новейшая история. 1982. № 3.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Социально-классовые отношения в эпоху перехода от феодализма к капитализму // Формации и социально-классовые структуры. М., 1985.

Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973.

Бояджиев Г.Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения: Италия, Испания, Англия. Л., 1973.

Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985.

Всеобщая история искусств. Т. 3, 4. М., 1962, 1963.

Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.

Гутнова Е.В. О движущих силах перехода от феодализма к капитализму // Вопросы истории. 1983. № 9.

Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.

- Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи средневековья и начала нового времени. М., 1990.
- Даннеман Ф. История естествознания. М.; Л., 1936. Т. 2.
- Европейская педагогика от античности до нового времени (исследования и материалы). Ч. 3. М., 1994.
- Идея Возрождения и философия нового времени. М., 1986.
- История всемирной литературы: В 9 т. М., 1985—1987. Т. 3, 4.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.
- Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. М., 1990.
- Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908.
- Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и "Утопия". М., 1991.
- Кузнецов Б.Г. Идея и образы Возрождения. М., 1979.
- Культура Возрождения и общество. М., 1986.
- Культура Возрождения и средние века. М., 1993.
- Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.
- Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.
- Культура Возрождения XVI века. М., 1997.
- Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1996.
- Ливанова Т.Н. История западноевропейской музыки до 1789 г. М., 1983. Т. 1.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982; М., 1998.
- Люблинская А.Д. Роль дворянства в истории позднего феодализма // Средние века. М., 1971. Вып. 34.
- Маркс К. Капитал. Т. 1, 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Островитянов К.В. Политическая экономия досоциалистических формаций // Островитянов К.В. Избранные произведения. М., 1972. Т. 1.
- Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; М., 1978.
- Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974—1984. Вып. 1—4.
- Пинский Л.Е. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961.
- Природа в культуре Возрождения. М., 1992.
- Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI—XVII вв. / Под ред. А.А. Кирилловой. М., 1981.
- Риццарди и его время. Л., 1986.
- Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988.
- Ренессанс. Барокко. Классицизм. Проблемы стилей в западноевропейском искусстве XV—XVII вв. М., 1966.
- Реформация и культура. (Материалы круглого стола) // Средние века. М., 1997. Вып. 60.
- Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976.
- Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции. (К вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3.
- Проблемы периодизации истории средних веков и раннего нового времени. (Круглый стол Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени) // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1993. № 2.
- Сказкин С.Д. Возрождение, гуманизм и реформация // Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
- Сказкин С.Д. Проблемы абсолютизма в Западной Европе. (Время и

условия его возникновения) // Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.

Соколов В.В. Европейская философия XV—XVII вв. М., 1984.

Соколов М.Н. Бытовые образы в западноевропейской живописи XV—XVII вв. Реальность и символика. М., 1994.

Социальная природа средневекового бюргерства. XIII—XVII вв. М., 1979.

Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984.

Становление капитализма в Европе. М., 1987.

Тананаева Л.И. Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI—XVII вв. М., 1996.

Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.

Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.

Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990.

Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.

Цейтлен Г.Г. История математики в XVI и XVII веках. М.;Л., 1938.

Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма. Проблемы методологии. М., 1985.

Чистозвонов А.Н. Историческое место XVI века в процессе генезиса капитализма в Европе // Средние века. М., 1975. Вып. 38.

Школа и педагогическая мысль средних веков, Возрождения и начала нового времени: Исследования и материалы. М., 1991.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

Эразм Роттердамский и его время. М., 1989.

К главе 3

Источники

Агрикола Георгий. О горном деле и металлургии. М., 1962.

Меркантилизм. М., 1936.

Литература

Бессмертный Ю.Л. Историческая демография позднего западноевропейского средневековья на современном этапе // Средние века. М., 1987. Вып. 50.

Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.

Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. М., 1988; Т. 3. Время мира. М., 1992.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994; Кн. 2. Люди и вещи. М., 1995.

Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней: В 4 т. М., 1877—1879. Т. 3—4.

Виргинский В.С. Очерки истории науки и техники XVI—XIX веков. М., 1984.

Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII в. М., 1980.

История техники. М., 1962.

Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1900—1903. Т. 2, 3.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.;Л., 1931. Т. 1, 2.

Литаврина Э.Э. Состояние земледелия в Испании во второй половине XVI в. // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.

Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV—XVIII вв. М., 1991.
Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

Техника в ее историческом развитии. М., 1979.

Цейтлин Е.А. Очерки истории текстильной техники. М.;Л., 1940.

Ястребицкая А.Л. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе средневековья // История Европы. Т. 3. М., 1993.

К главе 4

Источники

Егоров Д.Н. (публик. и пер.). Записки солдата Берналя Дяза. Л., 1924. Ч. 1. 2-е изд. Л., 1928; Л., 1925. Ч. 2.

Ланда Диего де. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. / Пер., ввод. статья Ю.В. Кнорозова. М., Л., 1955.

Лас Касас Бартоломе де. История Индии. Л., 1968.

Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны. М., 1963.

Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана. М., 1950.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 1961.

Рэли У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи..., совершенное в 1595 г. М., 1963.

Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология. М., 1998.

Шумовский Т.А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.;Л., 1957.

Литература

Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966.

Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.

Гуляев В.И. По следам конкистадоров. М., 1976.

Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М., 1988.

Калашников В.М. Голландская колониальная экспансия в Северной Америке в XVII в. // Новая и новейшая история. Саратов, 1983. Вып. 9.

Кероз В.Л. Развитие капиталистических отношений и предпосылки колониальной экспансии Франции XVI—XVIII вв. М., 1987.

Латинская Америка в исторической ретроспективе. XVI—XIX вв. М., 1994.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. 3-е изд. М., 1983. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.).

Малаховский К.В. Крутосветный бег "Золотой лани". М., 1980.
 Митчелл М. Эль-Кано. Первый крутосветный мореплаватель. М., 1968.
 Можейко И.В. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане в южных морях (XV—XX вв.). 2-е изд. М., 1980.
 Свет Я.М. В страну Офир. М., 1967.
 Свет Я.М. Колумб. М., 1973.
 Свет Я.М. Фернандо Магеллан. М., 1956.
 Слезкин Л.Ю. Земля Святого Креста. Открытие и завоевание Бразилии. М., 1970.
 Созина С.А. На горизонте — Эльдorado. Из истории открытия и завоевания Колумбии. М., 1972.
 Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки. М., 1991.
 Фрадкин Н.Г. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972.
 Харт Г. Морской путь в Индию. Рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени дон Виско да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры. М., 1959.
 Чистозвонов А.Н. Торгово-колониальная экспансия Нидерландов в XVI—XVII вв. и восстания на судах океанских флотов // Средние века. М., 1989. Вып. 52.
 Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

К главе 5

Источники

Бибель Г. Фацетин. М., 1970.
 Брант С. Корабль дураков. Ганс Сакс. Избранное. М., 1989.
 Гуттен Ульрих фон. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959.
 Дюрер А. Дневники, письма, трактаты. Т. 1, 2. Л.; М., 1957.
 Ермолаев В.А. Гейльброннская программа. Саратов, 1986.
 Крестьянская война 1525 года во Франконии: Сб. док. / Сост. и пер. В.А. Ермолаева. Саратов, 1968, 1969. Вып. 1, 2.
 Легенда о докторе Фаусте. М.; Л., 1958.
 Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520—1526 гг. Харьков, 1994.
 Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994.
 Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 290—545.
 Мартин Лютер — реформатор, проповедник, педагог. М., 1996.
 Майер В.Е., Иванов В.В. Pamфлеты эпохи Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992.
 Мюнцер Т. Пражское воззвание. Письма // Средние века. Вып. 52. М., 1989.
 Немецкие шванки и народные книги XVI в. М., 1990.
 "Письма темных людей". М.; Л., 1935.
 Цельтис К. Стихотворения. М., 1993.
 Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.
 Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости. М., 1953 и др. изд.
 Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969.
 Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986.

Эразм Роттердамский. Стихотворения. Иоанн Секунд. Поцелуй. М., 1983.

Литература

- Бецольд Ф. фон. История реформации в Германии. Спб., 1900. Т. 1, 2.
- Вельфлин Г. Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса. М., 1934.
- Володарский В.М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1963. Вып. 24.
- ✓ Володарский В.М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1964. Вып. 26.
- Володарский В.М. Немецкая публицистика и гравюра первых лет Реформации // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.
- Гейгер Л. История немецкого гуманизма. Спб., 1899.
- Иванов В.В. Радикальная реформация и гуманизм — человек и бог в доктрине Ганса Денка // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.
- История немецкой литературы. Т. 1. М., 1962.
- Лампрехт К. История германского народа. М., 1896. Т. 3.
- Либман М.Я. Дюрер и его эпоха. М., 1972.
- Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV—XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979.
- Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
- Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама. М., 1971.
- Материалы конференции к 500-летию У. фон Гуттена. Культура Возрождения XVI в. Ч. 1. М., 1997.
- Некрасов Ю.К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // Средние века. М., 1977. Вып. 41.
- Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция. (Историография, причины и предпосылки революции.) Вологда, 1984.
- Немилов А.Н. Грюневальд. М., 1972.
- ✓ Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979.
- Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- ✓ Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.
- Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.
- ✓ Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.
- ✓ Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
- ✓ Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.
- ✓ Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.
- Таценко Т.Н. Немецкое дворянство в XVI в. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
- Фаусель Г. Мартин Лютер, жизнь и дело. Т. 1, 2. М., 1995, 1996.

Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии (по летописям и рассказам очевидцев). М., 1937. Т. 1, 2.

Шаде В. Кранахи — семья художников. М., 1987.

Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону, 1997.

Штекли А.Э. Томас Мюнцер. М., 1961.

Штраус Д. Ульрих фон Гуттен. Спб., 1896.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.

Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961.

Эразм Роттердамский и его время. М., 1989.

К главе 6

История

Источники

Инфессура С., Бурхард И. Дневники. Документы по истории папства XV—XVI вв. М., 1939.

Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1997—1999. Т. 1—3.

Кальвин Ж. О христианской жизни. М., 1995.

Литература

Ван-Мюйден. История швейцарского народа. Т. 1, 2. Спб., 1898—1900.

Виппер Р.Ю. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.

Володарский В.М. Социальная утопия Теофраста Парацельса // История социалистических учений. М., 1985.

Володарский В.М. Образы природы в творчестве Парацельса // Природа в культуре Возрождения. М., 1992.

Либман М.Я. Швейцарские художники. Ганс Гольбейн Младший //

Либман М.Я. Дюрер и его эпоха. М., 1972.

Литература Швейцарии: Очерки. М., 1969.

Немилов А.Н. Ганс Гольбейн Младший. М.:Л., 1962.

Пахомова В.А. Графика Ганса Гольбейна Младшего. Л., 1989.

Порозовская Б.Д. Иоганн Кальвин, его жизнь и деятельность. Спб., 1891 и др. изд.

Порозовская Б.Д. Ульрих Цвингли, его жизнь и деятельность. Спб., 1892.

Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1989.

К главе 7

Источники

Инфессура С., Бурхард И. Дневники. Документы по истории папства XV—XVI вв. М., 1939.

Лойола Игнатий. Духовные упражнения. Париж, 1996.

Литература

Григулевич И.Р. Инквизиция. 3-е изд. М., 1985.

- Косминский Е.А. Эрудиты XVII—XVIII вв. // Косминский Е.А. Историко-графия средних веков. М., 1963.
- Кудрявцев О.Ф. Контрреформация // История Европы. Т. 3. М., 1993.
- Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.
- Руденко О.А. Контрреформация в Англии при Марии Тюдор // Англия в эпоху абсолютизма: Статьи и источники. М., 1984.
- Серегина А.Ю. "Истинная" реформация церкви в представлении английской католической эмиграции конца XVI в. // Средние века. М., 1997. Вып. 60.
- Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М., 1995.

К главе 8

Источники

- Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966.
- Жизнь Ласарильо с Тормеса. М., 1955.
- Завещание Изабеллы I Кастильской (1451—1504) / Публ., пер. и коммент. Н.П. Денисенко // Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново, 1992.
- Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.
- Испанский театр. М., 1969.
- Лопе де Вега. Избранные драматические произведения. Т. 1, 2. М., 1955.
- Лопе де Вега. Новеллы. М.; Л., 1960.
- Сервантес Сааведра Мигель де. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934.
- Сервантес Сааведра Мигель де. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961.
- Плутувской роман. М., 1975.
- Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 1, 2. М., 1951.

Литература

- Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 2.
- Варьяш О.И. Королевская власть и ордена в Испании XVI века // Россия и Испания: Историческая ретроспектива. М., 1987.
- Ведюшкин В.А. Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI—XVII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997.
- Денисенко Н.П. Испанская корона и крестьянство в XVI в. // Россия и Испания: Историческая ретроспектива. М., 1987.
- Денисенко Н.П. Отчуждение селений и земель королевской властью в Испании XVI в. // Средние века. М., 1976. Вып. 40.
- Балашов Н.И. Испанская классическая драма. М., 1975.
- Державин К.Н. Сервантес: жизнь и творчество. М., 1958.
- Каптерева Т.П. Искусство Испании. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1989.
- Каптерева Т.П. Эль Греко. М., 1965.
- Кудрявцев А.И. Испания в средние века. Л., 1937.
- Литаврина Э.Э. Испания в эпоху великих географических открытий // Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966.
- Литаврина Э.Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в. // Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М., 1957.

- Литаврину Э.Э. Некоторые проблемы генезиса капитализма в испанской деревне XVI в. // Проблемы испанской истории. М., 1975.
- Литаврину Э.Э. "Революция цен" и государственные финансы Испании в XVI—XVII вв. // Проблемы испанской истории. М., 1979.
- Литаврину Э.Э. Крестьянство Испании и Португалии в XVI—XVIII вв. // История крестьянства в Европе. Т. 3. М., 1986.
- Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961.
- Петров Д.К. Очерки бытового театра Лопе де Вега. СПб., 1901.
- Сервантесовские чтения. Л., 1985.
- Силунас В. История испанского театра XIII—XVI вв. М., 1995.
- Сметкова Н.П. "Дон Кихот" Сервантеса. Л., 1970.

К главе 9

Источники

- Ван Мандер Карел. Книга о художниках. М., 1940.
- Вондел. Трагедии. М., 1988.
- Гроций Гуго. О праве войны и мира. Три книги... М., 1956.
- Питер Пауль Рубенс. Письма. Документы. Суждения современников. М., 1977.
- Эразм Роттердамский. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного / Пер., вступ. статья и комм. В.Д. Балакина // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989.

Литература

- Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. М., 1949.
- Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973.
- Буткевич В.Г. Политико-правовые взгляды Гуго Гроция // Советское государство и право. 1984. № 9.
- Варшавская М.Я. Ван Дейк. Картины в Эрмитаже. М., 1963.
- Виппер Б.Р. Становление реализма в голландской живописи XVII в. М., 1957.
- Гершензон-Чегодаева Н.М. Брейгель. М., 1983.
- Гершензон-Чегодаева Н.М. Нидерландский портрет XV века. Его истоки и судьбы. М., 1972.
- Звездина Ю.Н. Эмблематика в мире старинного натюрморта. М., 1997.
- Люди эпохи завоеваний. Вильгельм Оранский. Фернандо Альба. Ростов-на-Дону, 1998.
- Мотлей Д.Л. История Нидерландской революции и основания Республики Соединенных провинций. СПб., 1865—1866. Т. 1, 2. СПб., 1871. Т. 3.
- Никулин Н.Н. Искусство Нидерландов XV—XVI вв. Л., 1987.
- Новикова О.Э. Нидерландский гуманист Юст Липсий о гражданских войнах // Культура Возрождения XVI века. М., 1997.
- Ошис В.В. История нидерландской литературы. М., 1983.
- Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.
- Фомин Г. Иероним Босх. М., 1974.
- Фромантен Э. Старые мастера. М., 1966.
- Чистозвонов А.Н. Бюргерство и буржуазия в Нидерландах (XV—XVIII

вв.). // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984.

Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1984.

Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964.

Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. М., 1987.

Чистозвонов А.Н. Становление государственного строя Республики Соединенных провинций // Средние века. М., 1987. Вып. 50.

К главе 10

Источники

Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. Т. 1, 2. М., 1993.

Бруно Джордано. Диалоги. М., 1949.

Бруно Джордано. Изгнание торжествующего зверя. СПб., 1914.

Бруно Джордано. О героическом энтузиазме. Киев, 1996.

Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1956—1971. Т. 1—5.

Галилей Галилео. Избранные труды. Т. 1, 2. М., 1964.

Гвиччардини Франческо. Сочинения. М., 1934.

Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954 (В прилож.: О наилучшем государстве. Из сонетов Кампанеллы).

Кардано Джироламо. О моей жизни. М., 1938.

Леонардо да Винчи. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1, 2.

Леонардо да Винчи. Сказки, легенды, притчи. Л., 1983.

Макиавелли Никколо. Избранные сочинения. М., 1982.

Макиавелли Никколо. История Флоренции. Л., 1973.

Микеланджело: Поэзия. Письма. Суждения современников. 2-е изд. М., 1983.

О любви и красотах женщин. Трактаты о любви эпохи Возрождения. М., 1992.

Помпонаци Пьетро. Трактаты о бессмертии души. О причинах естественных явлений или о чародействе. М., 1990.

Поэзия Микеланджело. М., 1992.

Эстетика Ренессанса. Т. 1, 2. М., 1981.

Челлини Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто Челлини, им самим рассказанная. СПб., 1987. Т. 1, 2.

Литература

Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995.

Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996.

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1904—1906. Т. 1, 2.

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.

Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. СПб., 1914. Т. 1.

- Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.
- Горфункель А.Х. Джордано Бруно. М., 1973.
- Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
- Гусарова Т.П. Город и деревня в Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.
- Дажина В.Д. Микеланджело. Рисунок в его творчестве. М., 1986.
- Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне, Ареттино, Челлини. М., 1929.
- Дживелегов А.К. Творцы итальянского Возрождения: В 2 кн. М., 1998.
- Зубов В.П. Леонардо да Винчи. 1452—1519. М., Л., 1962.
- Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997.
- История Италии. В 3 т. М., 1970. Т. 1.
- Котельникова Л.А. Из истории дворянского землевладения в Центральной Италии XVI в. // Средние века. М., 1985. Вып. 48.
- Котельникова Л.А. Ремесленники-арендаторы в городе и деревне Тосканы в XVI в. (по материалам Государственного архива Флоренции) // Средние века. М., 1986. Вып. 49.
- Котельникова Л.А. "Феодальное возрождение" или "старый" феодализм? (Некоторые проблемы аграрной эволюции Северной и Средней Италии XVI — середины XVII в.) // Средние века. М., 1989. Вып. 52.
- Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993.
- Лазарев В.Н. Старые итальянские мастера. М., 1972.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998.
- Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982.
- Рафаэль и его время. М., 1986.
- Ролова А.Д. Конец эпохи Возрождения в Италии: специфика экономики и общества в XVI в. Рига, 1987.
- Ролова А.Д. Основные черты экономического развития Италии в XVI—XVII вв. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.
- Ролова А.Д. Экономическое положение трудящихся масс Флоренции во второй половине XVI в. и в начале XVII в. Рига, 1974.
- Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974.
- Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. Л., 1980.
- Рутенбург В.И. Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.
- Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976.
- Стам С.М. Корифеи Возрождения. Саратов, 1991.
- Хлодовский Р.И. Кризис в ренессансной Италии и гуманизм Макиавелли: трагедия "Государя" // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981.
- Чикалини Л.С. Социальная утопия в Италии. XVI — начало XVII в. М., 1980.
- Штекли А.Э. Галилей. М., 1972.
- Штекли А.Э. "Город Солнца": утопия и наука. М., 1978.
- Юсим М.А. Этика Макиавелли. М., 1990.

Источники

- Английская лирика первой половины XVII в. М., 1989.
 Английская реформация / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990.
 Англия в эпоху абсолютизма. (Статьи и источники) / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1984.
 Бэкон Фрэнсис. История правления короля Генриха VII. М., 1990.
 Бэкон Фрэнсис. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1962.
 Бэкон Фрэнсис. Сочинения: В 2 т. М., 1977—1978.
 Донн Джон. Избранное. М., 1994.
 Джонсон Бенджамин. Драматические произведения: В 2 т. М.; Л., 1931, 1933.
 Марло Кристофер. Трагическая история доктора Фауста. М., 1949.
 Младшие современники Шекспира. М., 1986.
 Мор Томас. Утопия. М., 1978.
 Мор Томас. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973.
 Рэли Уолтер. Открытие Гвианы. М., 1963.
 Сидни Филип. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М., 1982.
 Шекспир Уильям. Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1957—1960.

Литература

- Аникст А.А. Творчество Шекспира. М., 1963.
 Англия XV—XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький, 1981.
 Англия XVII века: социальные группы и общество. Спб., 1994.
 Англия XVII века: социофессиональные группы и общество. Спб., 1997.
 Барз М.А. Шекспир и история. М., 1976.
 Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. М., 1992.
 Горбунов А.Н. Джон Донн и английская поэзия XVI—XVII вв. М., 1993.
 Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990.
 Дмитриева О.В. Елизавета I. М., 1998.
 Исаенко А.В. Английская королевская реформация XVI века. Орджоникидзе, 1982.
 Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии в XVI — начале XVII века. Орджоникидзе, 1980.
 История английской литературы. М., 1953—1958. Т. 2, 3.
 Комарова Т.А. Шекспир и Монтень. Л., 1984.
 Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.
 Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и "Утопия". М., 1991.
 Кузнецов К.А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915.
 Мецержикова Н.М. Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI — первой половины XVII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
 Михаленко Ю.П. Бэкон и его учение. М., 1975.

- Морозов М.М. Театр Шекспира. М., 1984.
- Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956.
- Евсеев В.А. Английский город в XVI—XVII вв.: специфика регионального развития. Нижний Новгород, 1997.
- Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англия XVII—XVIII вв. М., 1958.
- Осиновский И.Н. Томас Мор. М., 1974.
- Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978.
- Осипова Т.С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.). М., 1962.
- Потехин А.Н. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах (1550—1603 гг.). Казань, 1894.
- Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.
- Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.
- Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. М., 1937.
- Сапрыкин Ю.М. Английское завоевание Ирландии (XV—XVII вв.). М., 1982.
- Сапрыкин Ю.М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985.
- Сапрыкин Ю.М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972.
- Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.;Л., 1949.
- Соколов В. Реформация в Англии. (Генрих VIII и Эдуард VI.) М., 1881.
- Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон. М., 1974.
- Томас Мор. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.
- Треvelyан Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.
- Федоров С.Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии. (Позднее илдепендентство.) Спб., 1993.
- Хейг К. Елизавета I Английская. Ростов-на-Дону, 1997.
- Шведов Ю.Ф. Исторические хроники Шекспира. М., 1964.
- Шведов Ю.Ф. Эволюция шекспировской трагедии. М., 1975.
- Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957.
- Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.
- Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.
- Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

К главе 12

Источники

- Брантом. Галантные дамы. М., 1998.
- Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633—1649 / Под ред. А.Д. Люблинской. М.;Л., 1966.
- Декарт Рене. Избранные произведения. М., 1950.
- ДЮбинье Агриппа. Трагические поэмы. Мемуары. М., 1949; М., 1996.

- Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561—1563 / Под ред. А.Д. Люблинской. М.;Л., 1962.
- Документы по истории Франции середины XVI в. / Публ. Т.П. Вороновой, Е.Г. Гурари; под ред. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1958. Вып. 12 и 13; М., 1959. Вып. 14 и 15; М., 1961. Вып. 19.
- Дю Белле Ж., Ронсар П. де. Стихи. М., 1969.
- Ла Бозси Этьен де. Рассуждения о добровольном рабстве. 2-е изд. М., 1962.
- Маргарита Наваррская. Гептамерон. М., 1993.
- Мемуары королевы Марго. М., 1995.
- Монтень Мишель. Опыты. Разн. изд.
- Поэзия Плеяды. М., 1984.
- Рабле Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1981.
- Ронсар П. Избранная поэзия. М., 1985.
- Ронсар П. Лирика. М., 1963.
- Паскаль Блез. Мысли. М., 1995.
- Письма Анны Австрийской в Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге / Вступ. статья, коммент. В.В. Шишкина // Средние века. М., 1997. Вып. 60.
- Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997.
- Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. М., 1974.
- Эльфонд И.Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция): Учебное пособие. Саратов, 1991.

Литература

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Быховский Б.Э. Гассенди. М., 1979.
- Виппер Ю.Б. Поэзия Плеяды. М., 1976.
- Земон-Дэвис Н. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
- История Франции: В 3 т. М., 1972. Т. 1.
- История французской литературы. Т. 1. М., 1946.
- Кнехт Р. Ришелье. Ростов-на-Дону. 1995.
- Лозинский А.А. Генеральный Совет лиги (из истории Католической лиги во Франции) // Средние века. М., 1971. Вып. 33, 34.
- Лучицкий И.В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи (до Булонского мира). Спб., 1870.
- Лучицкий И.В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877. Т. 1.
- Лучицкий И.В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Ч. 1.
- Люблинская А.Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма. (Конец XV — середина XVII вв.) // Новая и новейшая история. 1979. № 4.
- Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610—1620). Л., 1959.
- Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1640 гг. Л., 1982.
- Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVII вв. Л., 1978.
- Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.;Л., 1965.
- Молдавская М.А. У истоков рабочего движения во Франции. Киев, 1989.

- Петрусевич Н. Искусство Франции XV—XVI вв. М., 1973.
- Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV — середина XVI в.). М., 1992.
- Плешкова С.Л. Абсолютная монархия и судьба цехового ремесла во Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 1.
- Плешкова С.Л. Французская реформация. Спецкурс и переводы источников. М., 1993.
- Плешкова С.Л. Екатерина Медичи, Черная королева. М., 1994.
- Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.:Л., 1948.
- Райцес В.И. Аженская коммуна в 1514 г. Малоизвестная глава из истории средневекового города. Спб., 1994.
- Трофимова О.В. Города в гугенотском движении во Франции XVI века. Ярославль, 1983.
- Уваров П.Ю. Французы XVI века: Взгляд из Латинского квартала. М., 1993.
- Червоная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века. Саратов, 1992.
- Эльфонд И.Я. Тираноборцы. Саратов, 1991.

К главе 13

Источники

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов. М.:Л., 1960.

Литература

- Анохин Г.И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971.
- Гуревич А.Я. Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII—XVII вв. // Средние века. М., 1959. Вып. XVI.
- Дементьев Г.А. Введение реформации в Дании. Спб., 1900.
- Дементьев Г.А. Введение реформации в Швеции. Спб., 1892.
- Жербин А.С., Шаскольский И.П. Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. // Вопросы истории. 1981. № 8.
- История Норвегии. М., 1980.
- История Швеции. М., 1974.
- Йордан Б. "Повелевается жителям содержать бедных". Социальная политика датской монархии в XVI в. Средние века. М., 1997. Вып. 59.
- Кан А.С. Развитие капитализма в Швеции до промышленного переворота и буржуазная революция начала XIX в. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1980. Вып. 25.
- Кан А.С. Социально-экономическая характеристика шведской деревни первой половины XVII в. // Средние века. М., 1957. Вып. IX.
- Савельева Е.А. Олаус Магнус и его "История северных народов". Л., 1983.
- Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Спб., 1893—1894. Т. 1, 2.
- Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. М., 1988.

Источники

- Гусарова Т.П. Антикрестьянское законодательство 1514 г. в Венгрии (седьмой декрет Уласло II) // Средние века. М., 1984. Вып. 47.
Гусарова Т.П. (сост.) Венгерская деревня конца XV — середины XVI в. и Крестьянская война 1514 г. Источники и материалы: Учебно-метод. пособие. М., 1990.
Из "Трипартитума" Иштвана Вербеци // Антология истории права. Средневековье. Т. 2. М., 1999.

Литература

- Грекул Ф.А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961.
Гусарова Т.П. "Я хотел обновить мир" // И живы памятью столетий. Очерки о вождях народных движений в средневековой Европе. Минск, 1987.
Гусарова Т.П. Экономическое и социальное развитие Венгрии в XVI—XVII вв. // История Европы. Т. 3. М., 1995.
Гусарова Т.П. Дворянство Венгрии в XVI—XVII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв. / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997.
Гусарова Т.П. Культура Венгрии в конце XV — начале XVII в. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1999.
Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1.
История Венгрии: В 3 т. М., 1971. Т. 1.
История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982.
Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984.
Пах Ж.П. Барщина и наемный труд в помещичьем доменальном хозяйстве Венгрии в XVI—XVII вв. // Вопросы истории. 1972. № 9.
Полтавский М.А. История Австрии: пути государственного и национального развития: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
Пристер Е. Краткая история Австрии / Пер. с нем. М., 1952.
Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая треть XVI в.). М., 1994.
Сопко Т.М. Венгерское законодательство XVI века о закрепощении крестьян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1963. № 6.
Хеди К. Место и положение Венгерской провинции в составе Османской империи // Средние века. М., 1997. Вып. 59.
Чизмадиа А., Ковач К., Асталош Л. История венгерского государства и права / Пер. с венгер. М., 1986.
Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 г. в Венгрии. М., 1994.

Источники

Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы / Сост., пер. и коммент. А.С. Тверитиновой. М., 1963.

Малов В.Н. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона. Средние века. М., 1979. Вып. 59.

Литература

Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961.

Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965.

Балашова Н.Ю. Альберико Джентиле и его трактат "Три книги о посольствах" (1585) // Культура Возрождения XVI века. М., 1997.

Грох М.К. К вопросу об экономических отношениях стран Восточной и Западной Европы в переломный период Тридцатилетней войны // Средние века. М., 1963. Вып. 24.

Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958.

Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989.

Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984.

История Болгарии. М., 1954. Т. 1.

История дипломатии. 2-е изд. / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М., 1959. Т. 1.

История Югославии. М., 1963. Т. 1.

Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV—XVI в. в Западной Европе // История Европы. Т. 3. М., 1993.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVI в. Ч. 1. М., 1998.

Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.

Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

Сказкин С.Д. Итальянские войны // Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.

Сказкин С.Д. Международные отношения в Европе в конце XV и первой половине XVI в. // Там же.

Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 83—93, 146—166.

Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976.

Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Источники по истории позднего средневековья (раннего нового времени). <i>О.В. Дмитриева</i>	3
Глава 2. Основные тенденции исторического развития Западной Европы в конце XV — первой половине XVII в. <i>Л.М. Брагина, О.В. Дмитриева</i>	10
Глава 3. Экономическое развитие стран Западной Европы в раннее новое время. <i>Л.М. Брагина</i>	33
Глава 4. Великие географические открытия и возникновение колониальной системы. <i>Э.Э. Литаврина</i>	54
Глава 5. Германия в XVI — первой половине XVII в. <i>В.М. Володарский</i>	73
Глава 6. Швейцария в XVI — первой половине XVII в. <i>В.М. Володарский</i>	124
Глава 7. Католическая церковь в раннее новое время. Контрреформация и католическая реформа. <i>С.Л. Плешкова</i>	145
Глава 8. Испания в XVI — первой половине XVII в. <i>Э.Э. Литаврина</i>	155
Глава 9. Нидерланды в XVI — первой половине XVII в. <i>В.М. Володарский</i>	180
Глава 10. Италия в XVI — первой половине XVII в. <i>Л.М. Брагина</i>	213
Глава 11. Англия в XVI — первой половине XVII в. <i>О.В. Дмитриева</i>	250
Глава 12. Франция в XVI — первой половине XVII в. <i>С.Л. Плешкова</i>	285
Глава 13. Страны Северной Европы в XVI — первой половине XVII в. <i>А.А. Сванидзе</i>	321
Глава 14. Австрия в XVI — первой половине XVII в. <i>Т.П. Гусарова</i>	345

Глава 15. Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия в XVI — первой половине XVII в. Т.П. Гусарова	350
§ 1. Венгрия и Трансильванское княжество	350
§ 2. Молдавское и Валахское княжества	371
Глава 16. Международные отношения в XVI — первой половине XVII в.	378
§ 1. Развитие международных отношений в Европе в XVI в. С.Л. Плешкова	378
§ 2. Европа и Османская империя в XVI — первой половине XVII в. Т.П. Гусарова	384
§ 3. Тридцатилетняя война. В.М. Володарский	391
Хронологическая таблица. О.В. Дмитриева	406
Библиография. О.В. Дмитриева	411